

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Научные труды Вольного экономического общества России

Том двести
сорок первый

Москва
2023

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ

**Научные труды
Вольного
экономического
общества
России**

Издается с 1765 года

**Scientific Works
of the Free Economic
Society of Russia**
Published since 1765

Вольное
экономическое
общество России
**Научные труды
ВЭО России**

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
РОССИИ

Том двести
сорок первый

Москва
№ 3/2023

The Free Economic
Society of Russia
**Scientific Works
of the VEO of Russia**

SCIENTIFIC
WORKS
OF THE FREE
ECONOMIC SOCIETY
OF RUSSIA

Volume two hundred
and forty one

Moscow
No. 3/2023

УДК 33
ББК 65

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

241 том Научных трудов Вольного экономического общества России – совместное издание Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов, Российской академии наук – специальный выпуск, посвященный пятому международному Московскому академическому экономическому форуму (МАЭФ-2023).

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Since 2003 «the Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is in the List of scientific publications reviewed by the Supreme Certification Commission of Russia of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, where the main results of doctoral and candidates' theses are published.

Volume 241 of the Proceedings of the Free Economic Society (VEO) of Russia is a joint publication of the VEO of Russia, the International Union of Economists, the Russian Academy of Sciences. Volume 241 is a special issue covering the Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2023). Articles published in Scientific works of the Free Economic Society of Russia have an Digital Object Identifier (DOI), and are indexed in international databases, such as: Russian Science Citation Index (RSCI), Electronic Scientific library (eLibrary.ru), CrossRef, CiberLeninka, Google Academy.

UDK 33
BBK 65

© Вольное экономическое общество России, 2023
© The Free economic society of Russia, 2023

ISBN 978-5-94160-230-8
ISSN 2072-2060

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ | ТОМ № 3 (241) 2023

Специальный выпуск «Научных трудов Вольного экономического общества России» –
совместное издание Вольного экономического общества России, Международного Союза
экономистов, Российской академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

- 13 **О Московском академическом
экономическом форуме (МАЭФ-2023)**

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ МАЭФ-2023

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ МАЭФ-2023

- 52 **С.Д. Бодрунов**
Мировые тренды экономического
развития: роль и место России
- 61 **А.А. Широ**
Российская экономика – возможности
структурно-технологического маневра
- 72 **Б.Н. Порфирьев**
Приоритеты устойчивого развития
и климатическая повестка в начале
2020-х годов в мире и в России
*Доклад на пленарном заседании МАЭФ,
Российская академия наук, 7 июня 2023 г.*
- 81 **А.Н. Клепач**
Экономика технологического суверенитета
и благосостояния: единство и противоречия
- 92 **Е.В. Панина**
Стратегическое планирование в Российской
Федерации – геополитические аспекты
- 104 **Ван Вэнь**
Экономическое будущее Китая
и российско-китайское сотрудничество
*Доклад на Пленарном заседании МАЭФ,
Российская академия наук, 7 июня 2023 г.*
- 110 **В.А. Крюков, Е.А. Коломак, Н.И. Суслов,
А.В. Костин**
Азиатская Россия: от проблем к росту

- 129 **М.Ю. Головин**
Российский финансовый сектор в
меняющейся мировой финансовой системе
- 139 **О.Н. Смолин**
Кадровый кризис в науке и социальной
сфере: пути преодоления
- 149 **В.В. Иванов**
Глобализация 4.0: вызовы и возможности

ПЛЕНАРНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ МАЭФ-2023

- 158 **А.В. Кузнецов**
Ускорение экономического разворота
России на глобальный юг в 2022 году
- 165 **А.Г. Володин**
Индия как геополитический
и внешнеэкономический партнер России:
проблемы и перспективы
- 175 **Н.А. Яковенко**
Развитие экспортного потенциала
агропродовольственного комплекса
России в условиях действия
дестабилизирующих факторов
- 184 **Е.В. Морозенская**
Перспективные направления торгового-
экономического сотрудничества России
со странами Африки
- 194 **Н.А. Невская**
Место Европейского союза
в деглобализационных процессах
- 204 **Н.Б. Кондратьева**
Господдержка в Европейском союзе:
ослабление наднационального контроля
и пятикратный рост
- 213 **В.Б. Белов**
Цифровая трансформация Европейского
союза: через тернии к успехам?
- 227 **С.А. Рогинко**
Деиндустриализация Европы: иллюзия
или реальность?

- 239 **А.Л. Куренков**
Тенденции цифровой трансформации предприятий коммерческого сектора экономики
- 251 **М.А. Афанасьев**
Рентабельность функционирования СППР с подсистемой принятия решений безлюдными технологиями
- 262 **В.В. Ворожихин**
Экосистема Россия: путь к конкурентоспособности и технологическому суверенитету
- 272 **Л.Ф. Петров**
Интеграция хаотических процессов и алгоритмов искусственного интеллекта в нелинейных задачах динамики систем
- 281 **М.В. Холод, Н.В. Мокренко**
Ценность и продуктивный капитал в рамках реализации концепции цифрового менеджмента
- 293 **В.В. Маслова**
Сельское хозяйство России в мировой агропродовольственной системе в контексте его инвестиционной привлекательности
- 303 **Е.В. Вашаломидзе, М.М. Крекова, А.Ю. Ведехин**
Направления снижения молодежной безработицы
- 313 **Г.Н. Степанова**
Когнитивно-ценностный подход к управлению человеческим капиталом в современном мире
- 324 **Г.П. Сорокина**
Подготовка управленческих кадров для обеспечения технологического суверенитета России
- 332 **Н.П. Гусаков, А.А. Тинькова**
Формы приграничного сотрудничества в контексте развития интеграционных процессов Евразийского экономического союза
- 342 **С.В. Кочетков, О.В. Кочеткова**
Инновационный потенциал российской экономики: есть ли пространство для возрождения?
- 354 **А.В. Бузгалин, Н.Г. Яковлева, О.В. Барашкова**
Социально-экономическое развитие: экономика, государство, человек (политэкономический подход)
- 366 **Т.П. Папиашвили**
Возвращаясь к НЭПу
- 377 **А.П. Бабаев**
Экономическая теория и вызовы XXI века: новые объекты исследования и практические рекомендации
- 389 **М.И. Воейков**
Политическая экономия в исследовании государственного патернализма: новые явления
- 396 **С.Н. Рябухин**
Новые финансовые инструменты и технологии, позволяющие осуществить асимметричный ответ на вызовы и угрозы российской экономике со стороны коллективного запада
- 401 **А.И. Ильинский, А.С. Магамедов**
Трансформация мировой гегемонии США в условиях подъема Китая
- 411 **М.А. Печенская-Полищук**
Трансформация влияния результатов деятельности предприятий на устойчивость бюджетов в условиях санкций
- 425 **Ю.А. Ковальчук, П.О. Борисов**
Публичные закупки как инструмент достижения технологического лидерства в энергоэффективности
- 437 **И.М. Степнов, Т.В. Колесникова**
Энергопереход и цифровизация экономики: современная повестка и конкуренция стран
- 450 **М.Б. Пушкарева, В.Ю. Теплышев, М.Д. Пушкарев**
Оценка перспектив климатического инвестирования с учетом эффекта декарбонизации
- 458 **Г.Р. Голов, И.В. Рожков**
Внедрение социально-психологических профилей для отдельных групп населения в условиях цифровизации
- 468 **Н.Н. Ползунова, Е.Р. Шевченко**
Инновационная диагностика в управлении современными организациями
- 479 **П.П. Яковлев**
Торгово-экономическое взаимодействие России с Латинской Америкой как частью глобального юга
- ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИЗДАНИИ**
- 493 **Редакционный совет**
- 498 **Редакционная коллегия**
- 508 **Требования к публикациям**

SCIENTIFIC THE WORKS OF VEO OF RUSSIA VOLUME № 3 (241) 2023

A special issue of «Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is co-published by the Free Economic Society of Russia, the International Union of Economists, the Russian Academy of Sciences.

CONTENTS

INTRODUCTION

- 13 **About the Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2023)**

ANALYTICAL MATERIALS OF THE MAEF-2023

MAEF PLENARY MEETING

- 52 **Sergey D. BODRUNOV**
Global trends in economic development: the role and place of Russia
- 61 **Alexander A. SHIROV**
The Russian economy – opportunities for structural and technological redistribution
- 72 **Boris N. PORFIRIEV**
Sustainable development priorities and the climate agenda in the early 2020s in the world and in Russia
Report at the MAEF plenary meeting, Russian academy of sciences, June 7, 2023
- 81 **Andrei N. KLEPACH**
The economics of technological sovereignty and welfare: unity and controversy
- 92 **Elena V. PANINA**
Strategic planning in the Russian Federation – geopolitical aspects
- 104 **Wang Wen**
China's economic future and sino-Russian cooperation
Report at the MAEF plenary meeting, Russian academy of sciences, June 7, 2023

- 110 **Valeriy A. KRYUKOV, Eugenia A. KOLOMAK, Nikita I. SUSLOV, Andrey V. KOSTIN**
Asian Russia: from problems to growth
- 129 **Mikhail YU. GOLOVNIN**
Russian financial sector in changing international financial system
- 139 **Oleg N. SMOLIN**
Personnel crisis in science and social sphere: ways to overcome
- 149 **Vladimir V. IVANOV**
Globalization 4.0: Challenges and opportunities

MAEF-2023 PLENARY CONFERENCES

- 158 **Alexey V. KUZNETSOV**
Acceleration of Russia's economic turn to the global south in 2022
- 165 **Andrey G. VOLODIN**
India as a geopolitical and foreign economic partner of Russia: problems and prospects
- 175 **Natalia A. YAKOVENKO**
Development of export potential of the Russian agrofood complex under the destabilizing factors
- 184 **Evgenia V. MOROZENSKAYA**
Promising areas of trade and economic cooperation between Russia and African countries
- 194 **Natalia A. NEVSKAYA**
The place of the European Union in deglobalization processes

- 204 **Natalia B. KONDRATIEVA**
State aid in the European Union: weakening of supranational control and fivefold growth
- 213 **Vladislav B. BELOV**
Digital transformation of the European Union: through thorns to success?
- 227 **Sergey A. ROGINKO**
Deindustrialization of Europe: illusion or reality?
- 239 **Aleksandr L. KURENKOV**
Digital transformation trends in commercial economy sector
- 251 **Mikhail A. AFANASEV**
Cost-effectiveness of the operation of DSS with the decision-making subsystem of unmanned technologies
- 262 **Vladimir V. VOROZHNIKIN**
Ecosystem Russia: the path to competitiveness and technological sovereignty
- 272 **Lev F. Petrov**
Integration of chaotic processes and artificial intelligence algorithms in nonlinear system dynamics problems
- 281 **Marina V. KHOLOD, Nikita V. MOKRENKO**
Product value and product equity within the implementation of the digital management concept
- 293 **Vlada V. MASLOVA**
Russian agriculture in the world agrifood system in the context of its investment attractiveness
- 303 **Elena V. VASHALOMIDZE, Marina M. KREKOVA, Alexander YU. VEDEKHIN**
Ways to reduce youth unemployment
- 313 **Galina N. STEPANOVA**
Cognitive and value approach to human capital management in the modern world
- 324 **Galina P. SOROKINA**
Training of managerial personnel to ensure the technological sovereignty of Russia
- 332 **Nikolay P. GUSAKOV, Arina A. TINKOVA**
Cross-border cooperation forms in terms of Eurasian Economic Union integration processes
- 342 **Sergei V. KOCHETKOV, Olesia V. KOCHETKOVA**
Cross-border cooperation forms in terms of Eurasian Economic Union integration processes
- 354 **Aleksander V. BUZGALIN, Natalia G. YAKOVLEVA, Olga V. BARASHKOVA**
Socio-economic development: economy, state, human being (political economy approach)
- 366 **Tatiana P. PAPIASHVILI**
Returning to the NEP
- 377 **Alijan Perejan BABAYEV**
Economic theory and the challenges of XXI century: new objects of analysis and practical recommendations
- 389 **Mikhail I. VOEYKOV**
Political economy in the study of state paternalism: new phenomena
- 396 **Sergei N. RYABUKHIN**
New financial instruments and technologies that allow for an asymmetric response to the challenges and threats to the Russian economy from the collective West
- 401 **Alexander I. ILYINSKY, Aleksandr S. MAGAMEDOV**
Transformation of the global US hegemony under the rise of China
- 411 **Mariya A. PECHENSKAYA-POLISHCHUK**
Transformation of the impact enterprises activities results on the budget system stability in the new reality
- 425 **Julia A. KOVALCHUK, Pavel O. BORISOV**
Public procurement as a tool for achieving technological leadership in energy efficiency
- 437 **Igor M. STEPNOV, Tatiana V. KOLESNIKOVA**
Energy transition and digitalization of the economy: modern agenda and country competition
- 450 **Maria B. PUSHKAREVA, Vyacheslav YU. TEPLYSHEV, Maxim D. PUSHKAREV**
Assessment of the climate investment prospects for taking into account the decoupling effect
- 458 **German R. GOLOV, Ilya V. ROZHKOVA**
Implementation of socio-psychological profiles for certain groups of the population in the context of digitalization
- 468 **Natalia N. POLZUNOVA, Eugenia R. SHEVCHENKO**
Innovative diagnostics in the management of modern organisations
- 479 **Petr P. YAKOVLEV**
Russia's trade and economic cooperation with Latin America as part of the global South
- EDITION INFORMATION**
- 493 **Editorial Council**
- 498 **Editorial Board**
- 508 **Requirements for publications**

Введение

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ МАЭФ-2023

Мировые тренды
экономического
развития: роль
и место России

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ

АРХИТЕКТУРА МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА (МАЭФ-2023)

МАЭФ-2023	87 РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЛОЩАДОК МАЭФ в 51 СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ		
	2 мая – 2 июня 2023 г.		
	ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ МАЭФ НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДКЕ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК		
	7 июня 2023 г.		
	ПЛЕНАРНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ МАЭФ НА ПЛОЩАДКАХ В МОСКВЕ – ВЕДУЩИЕ ВУЗЫ И НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ		
	8 июня 2023 г.		
	ОТРАСЛЕВЫЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ФОРУМЫ МАЭФ в течение 2023 г.		
АРКТИЧЕСКИЙ АКАДЕМИЧЕ- СКИЙ ФОРУМ	ЕВРАЗИЙСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ	АГРАРНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ	
УРАЛЬСКИЙ ЭКО- НОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ	ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ	МЕЖДУНАРОДНЫЙ УФИМСКИЙ ГУМАНИ- ТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ	
ИСТОРИКО-ЭКО- НОМИЧЕСКИЙ АКАДЕМИЧЕ- СКИЙ ФОРУМ	ФОРУМ «КОММУНИ- КАЦИИ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА»	МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИСТСКИЙ ФОРУМ	

Сопредседатели МАЭФ

Красников Геннадий Яковлевич, президент Российской академии наук, академик РАН, д.т.н., профессор

Бодрунов Сергей Дмитриевич, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Сопредседатели Программного Комитета МАЭФ

Аганбегян Абел Гезевич, академик РАН, д.э.н., профессор

Дынкин Александр Александрович, вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», академик РАН, д.э.н., профессор

Порфирьев Борис Николаевич, вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор

Сопредседатели Организационного Комитета МАЭФ

Иванов Владимир Викторович, член Президиума ВЭО России, заместитель президента РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н.

Ратникова Маргарита Анатольевна, вице-президент, директор ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов

Председатель Международного Комитета МАЭФ

Бузгалин Александр Владимирович, вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор

ИТОГИ V МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА (МАЭФ-2023)

7 июня и 8 июня в Большом зале РАН и на площадках ведущих вузов и научных центров страны состоялись **центральные мероприятия Пятого юбилейного международного Московского академического экономического форума**, организованного Вольным экономическим обществом России, Международным Союзом экономистов, Российской академией наук.

Тема Форума:
«Мировые тренды экономического развития: роль и место России»

Суммарно в мероприятиях МАЭФ-2023 приняли участие более **13 тысяч** специалистов из **74** регионов России и **28** стран мира, в том числе из Сирии, Китая, Индии, Канады, Кубы, Германии, Греции, США, Венгрии, Италии, ЮАР, Беларуси, Казахстана, Азербайджана и Грузии.

В преддверии центральных мероприятий МАЭФ-2023 в период 2 мая – 2 июня вели работу **87 региональных площадок МАЭФ** в **51 субъекте РФ**. На научно-практических мероприятиях в регионах выступили **820 специалистов**.

V МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2023)
«Мировые тренды экономического развития: роль и место России»

СТРАНЫ-УЧАСТНИКИ МАЭФ-2023

Эксперты и учёные из 28 стран мира

- Азербайджан
- Армения
- Бангладеш
- Белоруссия
- Бразилия
- Венгрия
- Германия
- Греция
- Грузия
- Индия
- Индонезия
- Италия
- Казахстан
- Канада
- Киргизия
- Китай
- Куба
- Малайзия
- Молдавия
- Россия
- Сирия
- США
- Узбекистан
- Франция
- Финляндия
- Швейцария
- ЮАР
- Япония

V МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2023)
«Мировые тренды экономического развития: роль и место России»

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПЛОЩАДКИ МАЭФ-2023

87 региональных площадок в 51 субъекте РФ

- Алтайский край
- Архангельская область
- Брянская область
- Владимирская область (2 пл.)
- Волгоградская область (2 пл.)
- Вологодская область (2 пл.)
- Воронежская область
- Донецкая Народная Республика
- Ивановская область
- Иркутская область
- Кабардино-Балкарская Республика (2 пл.)
- Республика Татарстан (2 пл.)
- Калужская область
- Кемеровский край (2 пл.)
- Кемеровская область – Кузбасс
- Кировская область
- Костромская область
- Курганская область
- Курская область
- Липецкая область
- Республика Мордовия
- Москва (2 пл.)
- Московская область
- Мурманская область
- Нижегородская область (2 пл.)
- Новгородская область
- Омская область (2 пл.)
- Орловская область
- Пензенская область
- Псковская область
- Республика Башкортостан
- Республика Калининград
- Республика Марий Эл
- Республика Северная Осетия-Алания (4 пл.)
- Ростовская область (4 пл.)
- Рязанская область
- Санкт-Петербург (2 пл.)
- Саратовская область (3 пл.)
- Самарский край
- Свердловская область (17 пл.)
- Тамбовская область
- Тонкая область
- Тульская область (2 пл.)
- Республика Тыва
- Тувинская область
- Республика Удмуртия
- Хабаровский край
- ХМАО-Югра
- Челябинская область (2 пл.)
- Чеченская Республика
- Ярославская область

V МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2023)
«Мировые тренды экономического развития: роль и место России»

Сопредседатели Форума: президент РАН, академик РАН **Геннадий Красников** и президент Вольного экономического общества России (ВЭО России), президент Международного Союза экономистов (МСЭ), член-корреспондент РАН **Сергей Бодрунов**.

В адрес МАЭФ-2023 поступили приветствия от **Сергея Лаврова**, министра иностранных дел Российской Федерации, **Сергея Нарышкина**, директора Службы внешней разведки Российской Федерации, председателя Российского исторического общества, **Лидии Михеевой**, секретаря Общественной палаты Российской Федерации, **Евгения Примакова**, руководителя Россотрудничества, **Андрея Кутепова**, председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике, **Максима Топилина**, председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике, **Владимира Гутенева**, председателя Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле, **Сергея Кабышева**, председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, **Анатолия Аксакова**, председателя Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, **Леонида Слуцкого**, председателя комитета Государственной Думы по международным делам, **Леонида Калашникова**, председателя Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, **Николая Харитонов**, председателя Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики, **Александра Шохина**, президента Российского союза промышленников и предпринимателей, **Бориса Титова**, уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, **Михаила Шмакова**, председателя Федерации независимых профсоюзов России, **Владимира Кузнецова**, директора Информационного центра ООН в Москве, **глав субъектов Российской Федерации, послов иностранных государств в Российской Федерации** и других.

**7 июня 2023 г.
Пленарное
заседание
МАЭФ-2023
(Большой
зал РАН)**

7 июня в Большом зале РАН состоялось пленарное заседание МАЭФ-2023. В нем приняли участие российские эксперты, ученые, представители академического сообщества, реального сектора экономики, комитетов Совета Федерации ФС РФ и Государственной Думы ФС РФ, профильных ведомств, руководители ведущих экономических вузов страны, Посольств зарубежных стран, молодые исследователи, иностранные эксперты. Прямая трансляция из Большого зала РАН велась на нескольких онлайн-платформах.

Модераторы пленарного заседания МАЭФ-2023 – президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор **Сергей Бодрунов** и сопредседатель программного комитета МАЭФ, вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН **Борис Порфирьев**.

Ведущий мероприятия – руководитель аналитической группы пресс-центра ТАСС **Андрей Журанков**.

Предваряя пленарное заседание Форума, вице-президент Российской академии наук, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН **Николай Макаров** зачитал приветствие от сопредседателя МАЭФ, президента РАН, академика РАН **Геннадия Красникова**.

«Мировая экономика сегодня переживает нелегкий период. Она вступает в новую фазу неопределенности, происходит структурная перестройка ее институтов, меняется их роль и предназначение. Россия находится в самом центре этих глобальных процессов. Отечественной экономике предстоит развиваться в сложных геополитических условиях, поэтому в кратчайшие сроки необходимо укрепить технологический, а также экономический и финансовый суверенитеты государства. Уверен, что знания и опыт участников Форума помогут выработать новые инструменты для укрепления экономического потенциала России, будут содействовать ее научному и технологическому прорыву и способствовать развитию сотрудничества с дружественными странами», – подчеркнул в своем приветствии Форуму **Геннадий Красников**.

С пленарным докладом выступил **Сергей Бодрунов**, сопредседатель МАЭФ, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН.

«Отечественная экономика неплохо справляется с текущими вызовами, показывает высокие адаптивные способности к изменениям внешней конъюнктуры и общей ситуации в мире. Несмотря на жесткое санкционное давление, по данным Росстата, спад ВВП в прошлом году составил всего 2,1%. На сегодняшний день опора экономической динамики страны – это в основном бюджетные стимулы и внутренний спрос. Но как долго они будут ее поддерживать? Важно смотреть на перспективу, не только решать насущные проблемы, но и анализировать тренды цивилизационного развития и опираться на них, задаваться глобальными вопросами и искать фундаментальные ответы на них в научной плоскости», – отметил президент ВЭО России.

Нужен технологический прорыв: о новых технологиях ядерной и атомной энергетики, нефтепереработки, нефтехимии и газохимии

Новые геополитэкономические условия требуют новой модели экономического развития страны, и ее стержнем должна стать научно-технологическая политика, убежден сопредседатель МАЭФ **Сергей Бодрунов**.

«Если мы хотим войти в ядро нового мирохозяйственного уклада, переход к которому стремительно ускорился в связи с обострением геополитической ситуации, нам нужны уникальные конкурентные технологии в медицине, экологии, энергетике, сельском хозяйстве, промышленности, безопасности и других областях. У нас есть такой опыт – в советское время был совершен технологический прорыв в космосе, авиации, атомной энергетике, химии. Есть немалые заделы, в том числе в академических институтах, их надо сохранять и опережающе развивать», – полагает президент ВЭО России.

По мнению ученого, следует наращивать промышленный потенциал страны в рамках реиндустриализации экономики на качественно новой основе.

«Механизмы развития таких технологий базируются на достижении нового качества материального производства, которое заключается в переходе к его знаниеемкому типу – то есть к производству, в котором главным ресурсом является не сырье, не машины, а знание, воплощенное во всех его компонентах: материалах, организации и структуре производственного процесса, в труде и, безусловно, в новых технологиях, позволяющих максимально рационально и экологично создавать и имплементировать в экономику передовые формы и методы производства», – пояснил Сергей Бодрунов.

«Мы должны четко понимать, что в новом мирохозяйственном укладе будут лидировать страны, которые обладают технологическим суверенитетом, то есть способностью самостоятельно выпускать высокотехнологичную продукцию, необходимую для решения стратегических задач развития. Именно технологический суверенитет является фундаментом инновационного развития», – согласился сопредседатель организационного комитета МАЭФ, член Президиума ВЭО России, заместитель президента Российской академии наук, член-корреспондент РАН **Владимир Иванов**.

По словам ученого, в первую очередь следует принять стратегию перехода к экономике полного инновационного цикла, определить критические технологии, обеспечить конструктивный диалог власти, науки, общества и бизнеса, взаимодействие научно-технологического и производственного секторов, в том числе на условиях частно-государственного партнерства.

Директор Института нефтехимического синтеза имени А.В. Топчиева РАН, член-корреспондент РАН **Антон Максимов** рассказал о технологиях, которые определяют будущее отечественной нефтепереработки, нефтехимии и газохимии, – это, в частности, водородные технологии и технологии улавливания диоксида углерода.

Среди актуальных вызовов для нефтепереработки и нефтехимии ученый назвал декарбонизацию и, как ее следствие, постепенный переход от захоронения химических и органических отходов к их повторному использованию, изменение энергетической структуры, то есть тепловая энергия, которую используют в химии, нефтепереработке, энергетике, будет замещаться на электрическую. Эти вызовы потребуют разработки соответствующих технологий.

«Каждый продукт нефтехимии должен будет создаваться таким образом, чтобы он мог быть утилизирован или использован повторно, например, в химических циклах. Таким образом, выстраивается логика технологий, которые будут создаваться в следующие два десятилетия», – пояснил ученый.

Поскольку водород становится одним из средств декарбонизации промышленности и ряда видов транспорта, для России встает вопрос о получении водорода из метана с использованием технологий улавливания, захоронения и утилизации диоксида углерода.

«Эти технологии очень важны для России. Получать водород с низким углеродным следом можно с помощью не только простого электролиза, но и электропиролиза, использования атомной энергии, сбросовой тепловой энергии. Такие технологии в России сейчас создаются», – пояснил Антон Максимов.

Вице-президент РАН, научный руководитель химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН **Степан Калмыков** отметил, что решение задач, которые стоят сегодня перед страной, напрямую связано с конкурентоспособностью отечественной ядерной энергетики и развитием технологий в этой области.

«Развитие ядерной энергетики основано на замыкании ядерного топливного цикла, что определяет минимизацию захоронения долгоживущих радиоактивных отходов и полноценное использование делящихся изотопов», – отметил ученый.

Директор департамента стратегического управления государственной корпорации «Росатом» **Игорь Ермаков** отметил, что для обеспечения энергетической безопасности страны необходимо развивать атомные технологии – как на тепловых нейтронах, так и на быстрых нейтронах.

«АЭС на базе тепловых нейтронов – основа развития ядерной энергетики. Если на первом этапе мы движемся в направлении унификации и оптимизации проектных решений, то на втором – переходим к развитию двухкомпонентной атомной энергетики: это микс АЭС на базе тепловых нейтронов и АЭС на базе быстрых нейтронов, как с натриевым, так и со свинцовым теплоносителем», – пояснил эксперт.

Создание новых реакторов и технологий требует инвестиций в научно-исследовательскую, экспериментальную базу и конструкторские разработки, подчеркнул **Игорь Ермаков**.

В России следует наращивать финансирование НИОКР, согласились эксперты МАЭФ.

По мнению члена Президиума ВЭО России, члена Президиума Международного Союза экономистов, директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, члена-корреспондента РАН **Александра Широ**ва, объем затрат на исследование и разработки напрямую связан с эффективностью экономики. Согласно расчетам ИНП РАН, каждый рубль, потраченный на НИОКР, – это 1 рубль 43 копейки дополнительного прироста ВВП страны.

Вице-президент ВЭО России, первый заместитель Председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию **Сергей Митин** обратил внимание на недофинансированность аграрной науки.

«Отношение внутренних затрат на исследования и разработки в сельском хозяйстве к валовой добавленной стоимости, созданной в отрасли, почти в полтора раза ниже аналогичного показателя по науке в целом. Это 0,64% и 0,99% соответственно. Необходимо обеспечить приоритетное развитие аграрной науки, образования, создать современную систему внедрения результатов передовых научно-исследовательских разработок в сельскохозяйственном производстве», – подчеркнул сенатор.

**Приоритеты
новой макро-
экономической
политики
и новые драй-
веры экономи-
ческого роста**

Эффективная макроэкономическая политика в новых условиях должна быть основана на постепенном усложнении экономики за счет расширения кооперации и развития межотраслевых взаимодействий на первом этапе, на втором – на переходе к росту эффективности производства, отметил директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН **Александр Широ**в.

Ориентация на повышение сложности российской экономики должна стать целью государственной политики, согласился член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, академик РАН **Валерий Крюков**.

«Для этого необходимо наращивание программ поддержки сложной промышленной экономики, формирование новых подходов к системе индикативного планирования», – отметил ученый.

«Если говорить о ближайшей перспективе – до 2035 года, следует в первую очередь адаптироваться к новым условиям. Затем – мы должны перейти к структурной перестройке экономики, и уже потом – реализовывать потенциал экономического роста, который к 2030 году должен составить не менее 4–5%», – полагает Александр Широ

Структурная перестройка потребует внедрения новых технологий в различные виды экономической деятельности, что приведет к структурным сдвигам в российской экономике — к снижению влияния на экономическую динамику среднетехнологических отраслей низкого уровня и сельского хозяйства, торговых и транспортных наценок, доли добычи полезных ископаемых, росту энергоэффективности, подчеркнул директор ИНП РАН.

Структурно-технологическая модернизация экономики не только позволит реализовать ее потенциал роста, который к 2030 году, по оценке ИНП РАН, может составить 4–5%, но и внесет значительный вклад в снижение выбросов парниковых газов в России.

«Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года в новых условиях, без сомнения, должна актуализироваться и, прежде всего, опираться на структурно-технологическую трансформацию экономики. Именно этот рычаг должен дать основное снижение выбросов парниковых газов», — подчеркнул вице-президент ВЭО России, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, академик РАН **Борис Порфирьев**.

По мнению Александра Широва, **основными драйверами роста российской экономики** в ближайшее время станут строительство; развитие среднетехнологических отраслей высокого уровня, а именно — производства транспортных средств и оборудования, авиастроения; IT-технологии.

Что касается пространственного развития, по мнению Валерия Крюкова, следует сокращать дисбаланс в азиатской части России.

«Научно-индустриальный и производственно-технический потенциал средней и южной полосы азиатской России слабо участвует в реализации крупных геополитических проектов, которые реализуются в основном в Арктике. Это касается проектов СПГ, а также проектов, связанных с освоением многих видов полезных ископаемых», — отметил ученый.

Чтобы решить эту проблему, нужна новая пространственная политика, основанная на синергетически связанных и взаимодополняющих пространственно-распределенных цепочках, причем эти мультипликаторы должны быть проектно обусловлены, связывать пространство на востоке России и служить каркасом для реализации дальнейших технологических укладов, полагает Валерий Крюков.

Социальная сфера: новые подходы

Член Правления ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ **Андрей Клепач** уделил в своем докладе большое внимание демографической ситуации, сохранению численности населения страны.

По данным ВЭБ.РФ, даже если коэффициент рождаемости вырастет с 1,4 до 1,5, а смертность — снизится, население России сократится к 2035 году до 130–138 млн человек.

Чтобы остановить убыль населения, следует проводить системную семейную политику, политику стимулирования рождаемости и развивать систему здравоохранения, полагает экономист.

Большой вклад в развитие человеческого капитала и «экономики знаний» в стране могут внести современные методы лечения и диагностики рака, отме-

тил директор Московского научно-исследовательского онкологического института имени П.А. Герцена Минздрава России, академик РАН **Андрей Каприн**.

Ученый рассказал о перспективах развитии ядерной и персонализированной медицины в стране, телемедицинских технологиях.

«Что касается телемедицинских технологий, до пандемии мы с региональными диспансерами начинали с 400 консультаций в год, сейчас это 16 000 консультаций. Необходимо создание службы телемедицинских консультаций с отдельным финансированием, потому что нагрузка на врачей сейчас, конечно, колоссальная», – отметил ученый.

По словам Андрея Каприна, следует также создавать службу персонифицированной медицины.

«Клинические рекомендации – это хорошо, но есть группа пациентов с редкими опухолями, которые требуют индивидуального подхода. В последние два года нам разрешили проводить назначение многих препаратов вне инструкции, если мы видим, что организм прошел все циклы сложного лечения и опухоль не реагирует», – пояснил Андрей Каприн.

Еще одна важная тема, которую поднял ученый, – это развитие сравнительно молодой отрасли – ядерной медицины и производство радиофармпрепаратов.

«Ядерная медицина в России до недавних пор была заброшена. Мы продавали за рубеж сырье, которое возвращалось к нам в виде лекарственных препаратов в 4–5 раз дороже, чем импортерам обходилось наше сырье. Сейчас мы начали заниматься этим, но пока у нас нет производств, а инвесторы пока не хотят вкладываться в эту историю, считая, что это очень длинный рубль», – отметил ученый.

По словам **Андрея Клепача**, для развития социальной сферы следует сократить разрыв в уровне заработных плат в регионах. Если говорить о средней зарплате врачей и учителей, в зависимости от региона ее уровень может различаться в 2,6–2,7 раза, у медицинских работников – в 3,6 раза.

Кроме того, по словам экономиста, стоит задача увеличить долю заработной платы в ВВП России. Если в 2015 году на заработную плату приходилось 48% ВВП, то сегодня это 30%, что существенно ниже, чем в развитых странах, США, Германии и Великобритании.

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по науке и высшему образованию **Олег Смолин** посвятил свое выступление проблеме кадрового кризиса в науке и социальной сфере.

«Согласно результатам исследования РСПП, 70–75% опрошенных предпринимателей отметили, что для них актуальна кадровая проблема. В России дефицит работников составляет порядка трех миллионов человек. Не хватает квалифицированных рабочих в строительстве и промышленности, инженеров, специалистов в области IT-технологий», – привел статистику депутат.

По словам Олега Смолина, чтобы решить кадровую проблему, следует увеличить финансирование сфер, создающих человеческий потенциал.

«Мы многократно вносили законопроекты, направленные на поддержку сфер, создающих человеческий потенциал, в частности на повышение статуса педагогических, медицинских и научных работников. Вложения в человека – это не бремя государства, это инвестиции в будущее», – подвел итог депутат.

**Расширение
международ-
ного сотруд-
ничества**

По мнению директора Института международных политических и экономических стратегий – Русстрат, члена Президиума ВЭО России, председателя Комитета ВЭО России по стратегическому планированию, вице-президента РСПП **Елены Паниной**, новый стратегический вектор в развитии международного сотрудничества для России – это укрепление партнерства в рамках СНГ, ЕАЭС, а также ШОС, АСЕАН, БРИКС, расширение сотрудничества со странами Латинской Америки и Карибского бассейна.

«Для переориентации торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, реализации совместных проектов необходимо строить и реконструировать транспортные коридоры – Север – Юг, Трансиб, Приморье, участки автодорог Западная Европа – Западный Китай, скоростные магистрали, железнодорожные ветки, трубопроводный транспорт», – отметила Елена Панина.

Сопредседатель Экспертно-делового совета ВЭО России и МСЭ по вопросам развития российско-китайского сотрудничества, эксперт Валдайского клуба, директор Института финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета **Ван Вэнь** также указал на большой потенциал сотрудничества между Китаем и Россией в новых геополитэкономических условиях.

Эксперт назвал пять направлений для углубления, расширения и оптимизации взаимодействия между странами. Первое – торговля. По словам профессора, Китай и Россия должны наращивать объем двусторонней торговли и менять ее структуру. Пока основу российского экспорта в Китай составляют энергоносители (75%). Второе – Китай и Россия должны стремиться к прорыву в энергетическом сотрудничестве. Благодаря модернизации существующих трубопроводов и строительству новых экспорт природного газа из России в Китай в ближайшие несколько лет может увеличиться с 15 млрд кубометров до 25 млрд кубометров в год. Третье направление – сельское хозяйство. Ежегодно Китай импортирует около 110 млн тонн зерна, из них только около 1 млн тонн ввозится из нашей страны. На Россию также приходится только 1% от общего объема импорта сои в Китай. Следует также развивать инвестиционно-финансовое сотрудничество России и Китая, отметил профессор Ван Вэнь: стимулировать расчеты в национальных валютах, увеличивать взаимные прямые инвестиции, создавать китайско-российскую финансовую экосистему. Очень важны, по словам ученого, совместные инфраструктурные проекты.

«Страны должны увеличить инвестиции в инфраструктуру в приграничных районах. Есть большой потенциал для строительства высокоскоростных железных дорог, автомагистралей. Остро стоит вопрос строительства четвертой китайско-российской железной дороги между китайским районом Синьцзян и российским приграничным районом Алтая, потому что пропускная способность двух железнодорожных узлов Хоргос и Алашанькоу в Синьцзяне практически исчерпана. Нужна магистраль, напрямую соединяющая западные районы Китая и центральные районы России», – подчеркнул ученый.

Руководитель Центра Индоокеанского региона ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН **Алексей Куприянов** также отметил важность развития сотрудничества России с южноазиатскими странами.

По мнению ученого, одними из ключевых торгово-экономических партнеров России в новой геополитэкономической реальности могут стать Китай и Индия.

«Россия может использовать Индию как своего рода хаб – передаточный центр, через который мы будем получать западные технологии и инвестиции. Это уже происходит, хотя львиная доля этого импорта, по большому счету, спрятана в торговле с третьими странами – это прежде всего Египет, Китай, Объединенные Арабские Эмираты, Иран и Турция. Через Индию Россия также может экспортировать свои товары на западные рынки. Индийская экономика не может „переварить“ те гигантские потоки нефти, которые туда идут, в итоге она их, по сути, реэкспортирует на Запад», – отметил ученый.

Для развития торгово-экономического сотрудничества с азиатскими странами необходимо учитывать стратегии развития дружественных экономик мира, выработать механизмы и системы взаимной координации, убеждена **Елена Панина**.

«Очевидно, что укрепление нашего экономического партнерства с тем же Китаем, Индией, Турцией предполагает не только учет нами стратегий развития этих стран, но и выработку механизма сопряжения наших стратегических целей. В Китае и Индии приняты единые стратегии долгосрочного развития, пятилетние планы. В России до сих пор нет целостной системы стратегического планирования развития страны. По оценкам Счетной палаты, у нас порядка 60 000 разных стратегий – сопрягать их все со стратегиями развития Китая или Индии довольно сложно», – пояснила Елена Панина.

Что касается внешнеторговых расчетов России с другими странами, по словам члена Президиума ВЭО России, члена Президиума Международного Союза экономистов, директора Института экономики РАН, члена-корреспондента РАН **Михаила Головнина**, доля китайского юаня в них будет расти.

«Перспективное направление – использование цифровых валют центральных банков, но до его практического воплощения пока далеко», – пояснил ученый.

Говоря о российском рынке ценных бумаг, Михаил Головнин отметил, что сейчас стоит задача формировать его на основе национального капитала, при этом сохраняя его открытость для капитала из дружественных стран.

«Это, с одной стороны, выход ценных бумаг российских эмитентов на фондовые площадки дружественных стран, а с другой стороны, возможность, соответственно, вложения российских инвесторов в активы из дружественных стран», – отметил ученый.

Подводя итог пленарного заседания, Сергей Бодрунов поблагодарил всех экспертов МАЭФ.

«Сегодня мы постарались заглянуть в будущее – анализировали глобальные тренды и перспективы мирового развития, предложили пути решения актуальных задач социально-экономического развития нашей страны, чтобы вместе найти дорогу к лучшему будущему», – заключил сопредседатель МАЭФ.

8 июня 2023 г.
Основные пленарные конференции МАЭФ и заключительная пленарная сессия

8 июня на площадках ведущих вузов и научных центров страны вели работу **девять основных пленарных конференций МАЭФ-2023**:

1. Институт Европы РАН (*«Пересборка мирового экономического пространства: фактор Европы»*).
2. Институт научной информации по общественным наукам РАН (*«Политико-экономический разворот России на глобальный Юг»*).
3. Финансовый университет при Правительстве РФ (*«Стратегия России при переходе к новому мирохозяйственному укладу»*).
4. РЭУ имени Г.В. Плеханова (*«Стратегии технологического суверенитета в условиях цифровой трансформации экономики»*).

5. МГУ имени М.В. Ломоносова (*VII Международный политэкономический конгресс «Россия в меняющемся мире: политико-экономические основания разработки новой научно-образовательной программы»*).
6. Московский авиационный институт (*«Российская экономика в многополярном мире: молодежная территория смыслов»*).
7. Московский политехнический университет (*«Развитие человеческого капитала в России: вызовы и перспективы»*).
8. Российский университет дружбы народов (*«Политическая экономия санкций»*).
9. Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова (*«От глобализма к многополярности: роль сельского хозяйства России в новых геополитических условиях»*).

Во второй половине дня в Конгресс-холле ВЭО России состоялась заключительная пленарная сессия МАЭФ.

Модератор заключительной пленарной сессии – сопредседатель МАЭФ, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН **Сергей Бодрунов**.

В своем вступительном слове президент ВЭО России отметил масштаб Форума, а также высокий уровень организации, проведения и профессионального состава участников региональных мероприятий МАЭФ-2023.

«МАЭФ этого года очень насыщенный. В его архитектуре ежегодные отраслевые и тематические форумы, 112 региональных и межрегиональных научно-практических мероприятий, которые состоялись на 87 региональных площадках Форума, центральные мероприятия МАЭФ – пленарное заседание в Большом зале Российской академии наук, а также девять основных пленарных конференций на площадках ведущих вузов и научных центров страны. Общероссийский масштаб МАЭФ позволяет обеспечить максимально широкую дискуссию, аккумулировать мнения специалистов из разных регионов страны по самым актуальным проблемам социально-экономического развития России. На региональных площадках Форума выступили более 820 докладчиков», – рассказал **Сергей Бодрунов**.

В рамках заключительной пленарной сессии выступили руководители основных пленарных конференций МАЭФ-2023.

Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России **Алексей Громыко** подвел итоги работы пленарной конференции в Институте Европы РАН и назвал основные тенденции развития мировой экономики. В частности, это усиливающийся инфляционный тренд в мировой валютно-финансовой системе, сокращение трансграничных финансовых потоков, рост глобального долга, затухание инвестиционного взаимодействия России со странами – членами Евросоюза, Финляндией, Данией, Британией, Швецией, укрепление торгово-экономического сотрудничества России с Китаем, странами ЕАЭС, Индией и Турцией.

Директор Института научной информации по общественным наукам РАН, член-корреспондент РАН, член Правления ВЭО России **Алексей Кузнецов** отметил, что на пленарной конференции в ИНИОН РАН выступили 15 докладчиков из ведущих регионоведческих институтов РАН.

Проректор по научной деятельности РЭУ имени Г.В. Плеханова **Виталий Минашкин** перечислил основные темы, которые были рассмотрены на пленарной конференции в университете. Среди них – тренды цифровой трансформации экономики

и здравоохранения, роль цифровых платформ в решении задач социально-экономического развития страны, основы построения отечественного IT-ландшафта.

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **Александр Бузгалин** рассказал, что за два дня VII Международного политэкономического конгресса в МГУ имени М.В. Ломоносова выступили 196 докладчиков из России, Азербайджана, Башкирии, Белоруссии, Бразилии, Германии, Греции, Грузии, Казахстана, Канады, Киргизии, США, Китая, Франции и Японии.

«Ключевой вопрос, который мы обсуждали, — какая наука может не только объяснить, но и сделать жесткие практические выводы из анализа тех трансформаций, которые происходят сегодня», — отметил ученый.

Декан факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ **Павел Селезнев** отметил, что на пленарной конференции в университете выступили 28 ученых из РАН, Российского совета по международным делам, Высшей школы экономики, МГИМО МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова, Всероссийской академии внешней торговли.

«В Финансовом университете проводятся разработки по формированию индекса антихрупкости национальных экономик. И действительно, те санкции, которые были введены, и, самое главное, те антикризисные меры, которые были предприняты Правительством России, показали высокую степень устойчивости нашей экономики. Мы видим здесь значительный потенциал как для научных исследований, так и для конкретных прикладных решений, которые могут впоследствии найти отражение в соответствующих нормативных документах», — отметил Павел Селезнев.

Член ревизионной комиссии ВЭО России, заведующая кафедрой «Управление персоналом» факультета экономики и управления Московского Политеха **Марина Крекова** среди ключевых тем дискуссий на пленарной конференции в Политехе назвала формирование и устойчивое развитие человеческого капитала в условиях трансформации экономики. На конференции в Политехе выступили 78 спикеров из России, Испании, Узбекистана, Афганистана, Израиля, Армении, Болгарии, Молдовы, Беларуси, Западной Африки и Южной Азии.

Член Президиума ВЭО России, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени Никонова, академик РАН **Александр Петриков** назвал МАЭФ барометром текущей экономической ситуации в стране.

«Нам было интересно посмотреть, что показывает этот барометр в сельском хозяйстве. На четвертом МАЭФ мы говорили, что из-за санкций образовалось хрупкое равновесие между рисками и возможностями для сельского хозяйства. На пятом Форуме было интересно выяснить, куда склоняется этот баланс. И я бы сказал, что санкции в аграрной сфере — это все-таки возможности, хотя риски сохраняются», — отметил ученый.

Заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Института инженерной экономики и гуманитарных наук МАИ, член Президиума ВЭО России **Роман Голов** рассказал об итогах молодежной конференции МАЭФ в МАИ.

«Молодежная конференция, которую мы проводим в рамках МАЭФ, завоевала высокий авторитет в международной молодежной науке, свидетельством чего явля-

ется участие в ней более 150 молодых исследователей из зарубежных стран: Армении, Белоруссии, Казахстана, Китая и Сирии», — отметил Роман Голов.

Итоговые аналитические материалы пленарных конференций МАЭФ-2023 будут опубликованы в изданиях МАЭФ и размещены в свободном доступе на сайте организаторов Форума.

С приветственным словом к участникам Форума обратился **Руслан Гагкуев**, исполнительный директор фонда «История Отечества», исполняющий обязанности председателя Правления Российского исторического общества, с которым ВЭО России связывают давние партнерские отношения.

В рамках заключительной пленарной сессии также выступили академик РАН **Абел Аганбегян** и вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по бюджету и финансовым рынкам **Сергей Рябухин**.

Сенатор отметил сильную региональную составляющую пятого МАЭФ, большой интерес к Форуму среди российских ученых и практиков, а также сделал сообщение об инновационных финансовых инструментах и методике создания индекса ценовой устойчивости относительно заданных якорей — золота, валюты и иных активов.

«Разработка позволяет построить такую синтетическую валюту, которая может использоваться в качестве расчетно-клирингового инструмента при проведении многосторонних бартерных и компенсационных сделок. Таким образом, мы можем как построить денежную систему расчетов, так и создать финансовую систему, где деньги имеют внутреннюю меру стоимости. Это позволит, на наш взгляд, противодействовать дальнейшему развитию хаоса в мировой финансовой системе и создать наднациональные платежные средства стран БРИКС и АЭС, ШОС, а также построить инновационный резервный контур с возможностью генерации длинных и дешевых финансовых средств, что будет способствовать укреплению финансового суверенитета Российской Федерации», — отметил Сергей Рябухин.

Ход и итоги МАЭФ освещали генеральный информационный партнер — ТАСС, официальный информационный партнер — «Российская газета», Общественное телевидение России (ОТР), портал РАН, газета «Поиск», ведущие телеканалы и другие федеральные и региональные СМИ (*полный список СМИ, освещавших работу Форума, ссылки на материалы опубликованы на официальном сайте МАЭФ*).

Итоговые аналитические материалы МАЭФ-2023 публикуются в текущем выпуске журнала «Научные труды Вольного экономического общества России», посвященном МАЭФ-2023 (совместное издание ВЭО России, Российской академии наук и Международного Союза экономистов), — Том № 3 (241), 2023, а также в последующих томах журнала в 2023 году (Том № 4 (242), Том № 5 (243)). Аналитические материалы МАЭФ будут размещены в открытом доступе на информационных ресурсах МАЭФ, ВЭО России, МСЭ, РАН.

Обзор итогов V Московского академического экономического форума подготовлен пресс-службой ВЭО России, пресс-службой МСЭ.

Приветствия участникам и организаторам V Московского академического экономического форума (МАЭФ-2023)

Лавров Сергей Викторович

Министр иностранных дел Российской Федерации

Сердечно приветствую участников и организаторов V Московского академического экономического форума.

За короткий срок Форум превратился в авторитетную площадку, объединяющую видных российских и зарубежных ученых, представителей органов власти, деловых и общественных кругов. Ваша работа, ориентированная на поиск оптимальных ответов на многочисленные вызовы в сфере экономики, заслуживает уважения.

Тематика конференции звучит весьма актуально. Фокус мировой экономики смещается из Евро-Атлантики в Евразию. В целом продолжается укрепление новых центров в АТР, на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке. В этих условиях особенно востребованы усилия, направленные на адаптацию отечественной экономики к геополитическим реалиям, поиск перспективных торгово-инвестиционных партнеров.

Убежден, что обсуждения пройдут на высоком профессиональном уровне, а их результаты будут способствовать обеспечению поступательного социально-экономического развития нашей страны.

Желаю вам успешной работы и всего наилучшего.

Нарышкин Сергей Евгеньевич

*Директор Службы внешней разведки Российской Федерации, председатель
Российского исторического общества*

Уважаемые коллеги!

Приветствую организаторов и участников V юбилейного международного Московского академического экономического форума. Отраднo, что в последние годы эта экспертная площадка существенно укрепила свои позиции, объединив ведущих экономистов и ответственных предпринимателей, представителей органов государственной власти и общественных организаций.

Заявленная тема Форума – «Мировые тренды экономического развития: роль и место России» – чрезвычайно актуальна и значима. Глубокая трансформация всей системы международных отношений, переход к более справедливому многополярному мироустройству, сопровождающийся, к сожалению, ожесточенным сопротивлением бенефициаров прежней, неокOLONиальной модели, имеет собственные экономические предпосылки, заслуживающие предметного и всестороннего анализа.

История учит, что развитие экономической теории может быть достигнуто лишь в неразрывной связи с реальной практикой, поэтому рассчитываю, что проведение Форума позволит выработать востребованные прикладные рекомендации в интересах нашего государства и общества.

Желаю вам плодотворной работы, новых идей и всего самого доброго!

Михеева Лидия Юрьевна

Секретарь Общественной палаты Российской Федерации

От имени Общественной палаты Российской Федерации и от себя лично искренне приветствую участников и гостей V юбилейного международного Московского академического экономического форума.

Форум стал традиционной многосторонней интеллектуальной площадкой для обмена опытом и профессиональным мнением со стороны представителей органов власти, деловых кругов, некоммерческих организаций и ведущих экономических вузов страны. Практики разнопланового сотрудничества служат инструментами открытия и реализации актуальных технологий, разработки конкретных решений, способных отвечать национальным целям развития нашего общества в среде общемировых экономических тенденций.

Уверена, что подобный подход ко взаимному сотрудничеству позволит соединить усилия и инициативы всех заинтересованных в равноправном участии России на международной арене, выработать перспективные направления и практические предложения по обеспечению технологического лидерства нашей страны. Подготовленные рекомендации непременно будут полезны для дальнейших профильных исследований и востребованы органами государственного управления.

Выражаю благодарность всем причастным, вовлеченным и вдохновленным! Дорогие коллеги, желаю вам интересных дискуссий, плодотворной работы и, конечно же, научного вдохновения!

Примаков Евгений Александрович

Руководитель Россотрудничества

Приветствую участников и организаторов международного Московского академического экономического форума!

В свете современных глобальных вызовов устойчивость национальной экономики приобретает ключевое значение. Необходимо объединить усилия в разработке новых подходов к решению экономических задач, чтобы обеспечить стабильный и долгосрочный рост благосостояния нашей страны. И я рад, что на площадке Форума ведущие ученые и эксперты из разных стран могут обсудить актуальные вопросы социально-экономического развития России.

Со своей стороны, Агентство всегда готово предоставить площадки Русских домов по всему миру для международного сотрудничества и презентации российского научно-технического потенциала.

Уверен, что Форум поможет найти эффективные решения в ответ на вызовы мировой экономики. Желаю всем плодотворных дискуссий!

Кутепов Андрей Викторович

Председатель Комитета Совета Федерации по экономической политике

От имени Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и от себя лично приветствую участников, организаторов и гостей V международного Московского академического экономического форума МАЭФ-2023: «Мировые тренды экономического развития: роль и место России».

Сегодня МАЭФ – постоянно действующая научно-экспертная диалоговая платформа, в рамках которой при поддержке Российской академии наук, Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов успешно работают ежегодные отраслевые и тематические форумы с участием ведущих ученых и экспертов России и других стран, молодых исследователей, представителей федеральных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, представителей образовательного сообщества нашей страны, деловых кругов, а также международных и российских общественных организаций.

Убежден, что и в этом году мероприятие станет значимым и ожидаемым событием, достойной площадкой для плодотворной дискуссии.

Желаю участникам юбилейного V международного Московского академического экономического форума МАЭФ-2023 успехов в работе, доброго здоровья и благополучия!

ТОПИЛИН Максим Анатольевич

Председатель Комитета Государственной Думы по экономической политике

От имени Комитета Государственной Думы по экономической политике и от себя лично приветствую участников и организаторов V Московского академического экономического форума «Мировые тренды экономического развития: роль и место России».

Ключевые дискуссии Форума затрагивают важнейшие темы развития экономических процессов в стране в условиях новых вызовов, связанных с усилившейся турбулентностью на международной арене и незаконным санкционным давлением со стороны недружественных стран.

Главными темами обсуждения станут российско-китайское экономическое сотрудничество, вопросы финансового суверенитета страны, развитие атомной энергетики, обеспечение технологической независимости, расширение торгово-экономических связей с дружественными странами, прежде всего Южной и Юго-Восточной Азией, роль аграрного сектора в решении вопросов продовольственной безопасности.

Форум – эффективная коммуникационная площадка науки, государства и бизнеса.

Результатом Московского академического экономического форума должен стать перечень конкретных инициатив и проектов, которые укрепят экономику страны и обеспечат ее научно-технологическое развитие, откроют возможности для совместных проектов на межрегиональном и межгосударственном уровне.

Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Гутенев Владимир Владимирович

Председатель Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле

Рад приветствовать организаторов, участников и гостей V Московского академического экономического форума!

Значение форума, имеющего многолетнюю традицию, сложно переоценить, особенно сейчас, когда стратегический курс России нацелен на достижение технологического суверенитета и залог успешного развития нашей страны – экономика, в которой знания и инновации играют доминирующую роль.

В рамках мероприятия выстраивается эффективный открытый диалог между молодыми исследователями и учеными, представителями органов власти, деловых кругов и общественных организаций. Уверен, что содержательная программа мероприятия будет способствовать решению актуальных проблем, формированию взаимовыгодных межрегиональных и международных связей.

Желаю организаторам, участникам и гостям V Московского академического экономического форума успешной работы, реализации намеченных целей и развития плодотворного сотрудничества!

Кабышев Сергей Владимирович

Председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Горячо и сердечно приветствую участников, организаторов и гостей с началом работы юбилейного V международного Московского академического экономического форума «Мировые тенденции экономического развития: роль и место России»!

В экономике и социальной сфере происходят серьезные изменения, обусловленные процессами смены технологического уклада под влиянием достижений научно-технического прогресса и развития России по пути социально ориентированного государства.

Развитие новых технологий, биологических, генетических, информационных, цифровых, открывает существенные возможности для экономики и общества, но в то же время влечет и серьезные риски. В силу инновационного, прорывного характера новых технологий перед учеными, политиками, государственными и общественными деятелями встают непростые задачи по обеспечению баланса интересов государства, общества, граждан, науки и бизнеса, касающихся сохранения безопасности, здоровья, жизни, экологии, общественной нравственности и идентичности.

В связи с этим в экономике нового типа обязательными критериями в оценке технологии и технологического продукта наряду с критериями новизны и практической применимости должны стать критерии эффективности (экономической, социальной, экологической и др.), безопасности (биологической, экологической, продовольственной, экономической, национальной), этичности и легитимности. Чрезвычайно важным направлением видится проведение комплексной экспертной оценки технологий и создание каталога технологий, подлежащих такой экспертизе.

Вопросы обеспечения структурных изменений экономики, устойчивого развития и определения ведущего места России в мировом пространстве сопряжены с определением новой роли образования, соответствующей современным техноло-

гическим принципам и стандартам, в том числе принципиально новой системы непрерывного образования, предполагающей расширение возможностей самореализации и раскрытия таланта каждого человека при выстраивании индивидуальных траекторий образования.

Важнейшим индикатором движения российской экономики по пути научно-технологического обновления становится именно непрерывное образование. Формирование новой системы непрерывного образования требует создание единого электронного пространства для российского образования, что, в свою очередь, позволяет обеспечить трансляцию высокого уровня образования от ведущих университетов к региональным образовательным организациям.

Уважаемые коллеги! Эти и многие другие актуальные вопросы вынесены на дискуссионные площадки вашего Форума.

Уверен, что работа Форума будет плодотворной и внесет весомую лепту в дальнейшее социально-экономическое развитие нашей страны.

Желаю вам крепкого здоровья, счастья, добра, неиссякаемой созидательной энергии и больших творческих успехов на благо России!

Аксаков Анатолий Геннадьевич

Председатель Комитета Государственной Думы по финансовому рынку

Уважаемые коллеги!

От имени Комитета Государственной Думы по финансовому рынку и от себя лично приветствую организаторов и участников Пятого международного Московского академического экономического форума (МАЭФ-2023), который за годы работы стал значимым явлением в науке и социально-экономической жизни страны.

Тема Форума этого года – «Мировые тренды экономического развития: роль и место России» – предельно актуальна.

Непростая геополитическая ситуация, фрагментация мировой финансовой системы, смена вектора ее движения от однополярности к многополярности – все эти процессы ставят новые вызовы перед Россией: требуют перестройки отечественной финансовой системы, повышения эффективности и устойчивости ее работы, создания новых механизмов цифровых расчетов, обеспечивающих финансовый суверенитет страны, новых законодательных и нормативных решений.

Рассчитываю, что итоговые аналитические материалы Пятого Московского академического экономического форума внесут существенный вклад в создание подходов к формированию долгосрочной стратегии суверенного социально-экономического развития России и ее финансовой системы, будут способствовать переходу отечественной экономики к новому качеству, помогут укрепить системный диалог между экспертным, научным, деловым и образовательным сообществом и органами государственной власти.

От души желаю участникам и организаторам Форума продуктивной дискуссии, новых научных достижений, благополучия и всего самого доброго!

Слущкий Леонид Эдуардович

Председатель комитета Государственной Думы по международным делам

Уважаемые друзья!

Искренне приветствую вас на этом важном мероприятии!

Отрадно, что его участники – ученые и эксперты, молодые исследователи, специалисты и практики, представители деловых кругов и, конечно же, органов государственного управления – будут обсуждать своевременную, очень важную, исключительно актуальную для нас тему.

Сегодня место и роль России в мировом сообществе кроются не только в пространстве, ее недрах, в геополитическом и геоэкономическом потенциале, но и в грамотном и эффективном использовании и реализации всего этого, концентрации усилий, снятии преград, так или иначе негативно влияющих на наше продвижение вперед, формирование долгосрочных и взаимовыгодных отношений с теми государствами, с которыми нам сегодня по пути, которые стремятся к равноправному, взаимовыгодному партнерству с нами, что позволит улучшению положения России на мировой арене. По итогам показателей прошлого года очевидно, что Россия постепенно, но неуклонно и убедительно возвращается на прежние благотворные рельсы социально-экономического развития. Мы уже вернулись в десятку крупнейших экономик мира. Думаю, что по итогам нынешнего года – мы должны там надежно закрепиться.

Это приоритетная для нас задача, и я уверен, что экономическому сообществу страны под силу отвечать на указанный вызов, и в ходе обсуждений на Форуме прозвучат и получат должное развитие и применение компетентные экспертные видения и ваши конкретные предложения, направленные на решение поставленных задач, и намеченные цели будут достигнуты.

Позвольте пожелать вам плодотворной работы, интересного, содержательного общения, удачи, сил и здоровья, энергии в осуществлении всех задуманных идей.

Калашников Леонид Иванович

Председатель Комитета Государственной Думы по делам Содружества

Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками

Уважаемые коллеги!

От имени Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками и от себя лично приветствую участников и организаторов V Московского академического экономического форума – 2023.

Уверен, что данный Форум станет важной площадкой для обсуждения приоритетов общественно-экономического развития в условиях глобальных изменений, а также разработки аналитических материалов по вопросам обеспечения устойчивого социально-экономического развития России.

Тема V Московского академического экономического форума «Мировые тренды экономического развития: роль и место России» является особенно актуальной в нынешних условиях, когда необходимо выработать новые формы взаимодействия, направленные на снижение социальных, экологических и технологических рисков. В связи с этим роль научно-экспертной и аналитической работы в решении

важнейших проблем современности по экономической повестке России и мира кратно возрастает.

Исключительно важно, что в данном мероприятии примут участие ведущие ученые и эксперты из России и других стран, представители федеральных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, администраций субъектов Российской Федерации, представители деловых кругов, международных и российских общественных организаций евразийского пространства, что позволит обсудить вопросы современного развития и направления дальнейшей деятельности.

Желаю всем участникам активной плодотворной работы, успехов и всего самого доброго!

Харитонов Николай Михайлович

Председатель Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики

Уважаемые участники Форума!

От имени Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики и от себя лично тепло и сердечно приветствую организаторов, участников и гостей V юбилейного международного Московского академического экономического форума (МАЭФ-2023)!

За годы проведения Форум стал востребованной авторитетной площадкой мирового масштаба. Сегодня в изменившихся экономических условиях представленная тема мероприятия актуальна и своевременна.

Отрадно, что, несмотря на глобальные вызовы, российская экономика демонстрирует устойчивость, уверенно набирает обороты импортозамещение, активно развиваются отечественные технологии ведется серьезная научная и экспертная деятельность.

Ежегодная насыщенная деловая программа по праву привлекают особое внимание и высокое представительство международного сообщества, органов государственной власти, экспертов, научного сообщества, средств массовой информации, деловых партнеров, заинтересованных в эффективных международных кооперационных связях.

Убежден, что дискуссии, которые состоятся в рамках Форума, пройдут в конструктивном и содержательном ключе, дадут новый качественный импульс к активизации работы по опережающему социально-экономическому развитию России, найдут практическое воплощение на законодательном уровне.

Искренне от всей души желаю вам успешной работы и всего самого доброго!

Шохин Александр Николаевич

Президент Российского союза промышленников и предпринимателей

Уважаемые коллеги!

От имени Российского союза промышленников и предпринимателей и от себя лично приветствую организаторов и участников Пятого международного Московского академического экономического форума.

С первого года работы Московский академический экономический форум зарекомендовал себя как авторитетная площадка, которая объединяет российских

и зарубежных экспертов и ученых, представителей делового и образовательного сообщества, органов государственной власти.

Тема Форума – «Мировые тренды экономического развития: роль и место России» – представляется крайне актуальной в текущей геополитэкономической реальности.

В связи с внешними ограничениями и фактическим закрытием западных рынков России предстоит решать как краткосрочные задачи – расширять внешнеторговые контакты с дружественными странами, перестраивать инвестиционные, торговые цепочки, логистические маршруты, так и долгосрочные – увеличивать производственные мощности, создавать новые высокотехнологичные предприятия, ускорять процесс импортозамещения по ключевым направлениям, обеспечивающим технологический суверенитет страны, готовить кадры для новой экономики.

Убежден, Московский академический экономический форум внесет большой вклад в эту работу, а рекомендации и предложения его экспертов будут способствовать повышению устойчивости российской экономики к внешним шокам, увеличению ее темпов роста, развитию социально-экономического и научно-технологического потенциала регионов страны.

Желаю участникам и организаторам Форума продуктивной работы, здоровья, благополучия и всего самого лучшего.

Титов Борис Юрьевич

Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей

Уважаемые участники, организаторы и гости Форума!

Поздравляю вас с открытием уже пятого по счету Московского академического экономического форума!

В этом году Форум посвящен особенно актуальной теме: роли и месту России в мировой экономике. Фокус развития последнего времени смещается с глобального на макрорегиональный уровень. Наметились тенденции к фрагментации экономических связей, глобальных цепочек стоимости, механизмов сотрудничества, валютно-финансовой системы.

Экономическому развитию и глобальному управлению мешает санкционная политика, которая в одностороннем порядке пытается отрезать Россию и ряд других государств от мирового рынка. Давление на российскую экономику пробудило новые силы и не оставляет иного пути, чем переход к проактивной политике.

Настало время не просто искать пути обхода санкций, а реагировать упреждающе, не дожидаясь очередного удара, обеспечив задел для ускоренного роста путем стимулирования роста сильной, эффективной и современной рыночной экономики России на основе развития конкуренции, частного предпринимательства, отечественного производства, малого и среднего бизнеса, внедрения новых технологий.

Надеюсь, что дискуссии, проведенные в рамках Форума, позволят сформулировать рецепты дальнейшей структурной адаптации, перехода к несырьевой модели и формирования новых источников роста, которые позитивно отразятся на экономическом развитии как российских граждан, так и мира в целом.

Желаю вам плодотворной работы и успехов.

Шмаков Михаил Викторович

Председатель Федерации независимых профсоюзов России

Уважаемые участники и гости V Московского академического экономического форума!

Московский академический экономический форум – одна из важнейших платформ научно-экономической экспертизы общественно-экономического развития нашей страны.

Ежегодные отраслевые и тематические форумы, пленарные сессии РАН, пленарные конференции на площадках ведущих вузов и научных центров страны и множество других научных мероприятий по всей России позволяют привлечь к участию в Форуме как опытных ученых и экспертов, так и молодых исследователей, представителей деловых кругов, образовательного сообщества России и международных и российских общественных организаций.

Столь обширное научное, профессиональное и общественное представительство чрезвычайно важно для всестороннего изучения текущей ситуации, максимально объективного понимания и взвешенного подхода к ее изменению: многосторонний диалог и объединение усилий позволит решить любые проблемы, несмотря на их сложность.

Мы живем в эпоху глобальных изменений, ускорения технологической, геополитической, экологической и социальной трансформации, которые накладывают свой отпечаток на все сферы жизни человека, требуют непрерывной дискуссии с целью определения ключевых траекторий и приоритетов общественно-экономического развития.

Уверен, что сессии Московского академического экономического форума, посвященного определению роли и места России в мировых трендах экономического развития, как и прежде, станут надежной основой для поиска механизмов снижения ключевых рисков в условиях новой геоэкономической реальности и обеспечения устойчивого социально-экономического развития России в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

Желаю всем участникам Московского академического экономического форума продуктивной работы, плодотворных дискуссий и новых достижений во благо нашей Родины!

Кузнецов Владимир Валерьевич

Директор Информационного центра ООН в Москве

Уважаемый Геннадий Яковлевич!

Уважаемый Сергей Дмитриевич!

Уважаемые коллеги, друзья!

Тепло приветствую организаторов, участников и гостей V Московского академического экономического форума (МАЭФ) от имени команды учреждений Организации Объединенных Наций и Информцентра ООН!

Мы в Организации Объединенных Наций знаем и ценим МАЭФ как авторитетную международную научную и интеллектуальную площадку, ключевой задачей которой является заинтересованное обсуждение наиболее выпуклых трендов в развитии экономической теории и практики на современном этапе.

Отрадно отметить, что Форум прочно зарекомендовал себя как средоточие ведущих ученых, экспертов и аналитиков, молодых исследователей, представителей российских властных структур, образовательного сообщества, бизнеса, а также неправительственного сектора.

Одним из организаторов Форума является Вольное экономическое общество России (ВЭО России) – наш давний друг и партнер. Как известно, образование, просвещение, стремление к научному прогрессу, развитие экономики ради общественного блага и привлечение в интересах решения этой задачи интеллектуальной элиты страны являются основными целями ВЭО на протяжении более чем двух с половиной веков.

В Вольном экономическом обществе разрабатываются и осуществляются проекты и программы, призванные содействовать улучшению экономической ситуации в ряде «проблемных» стран и регионов. Многосторонняя деятельность ВЭО всячески способствует развитию малого и среднего бизнеса в России и за ее пределами. Значим вклад общества в организацию крупных международных мероприятий, призванных обобщить мировой и российский опыт социально-экономического развития в условиях глобализации.

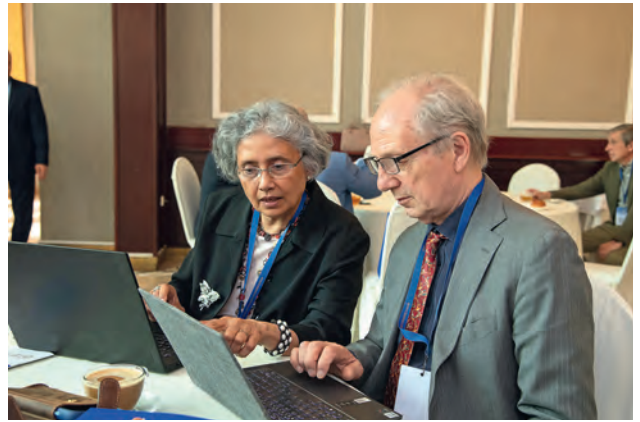
Усилия ВЭО по повышению значимости вопросов развития, содействию конструктивному диалогу в интересах борьбы с бедностью и дискриминацией, продвижению цели устойчивого прогресса и процветания сейчас важны как никогда. Не секрет, что по всему миру растет уровень бедности и социального неравенства, миллионы людей голодают, половина мирового богатства сосредоточена в руках одного процента населения.

В условиях, когда мы явно не укладываемся в сроки достижения ни одного из целевых показателей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года («Повестки-2030»), именно укрепление партнерских отношений как между международными организациями и институтами, так и между ООН и другими участниками должно помочь реализовать Цели устойчивого развития.

Как показывает предыдущий опыт осуществления ЦУР, колоссальным потенциалом – и, главное, желанием активно участвовать в построении лучшего будущего – обладают академические структуры. И в этом ключе на весомый интеллектуальный багаж МАЭФ мы можем рассчитывать вполне.

Искренне желаю V Международному академическому экономическому форуму успешной работы.

Большой зал Российской академии наук

Конгресс-холл Вольного экономического общества России

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
V МОСКОВСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ФОРУМА
(МАЭФ-2023)**

**Пленарное заседание
*Российская
академия наук,
7 июня 2023 года***

**В разделе
представлены статьи
и тексты докладов
спикеров Пленарного
заседания МАЭФ-2023**

МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ¹

GLOBAL TRENDS IN ECONOMIC DEVELOPMENT: THE ROLE AND PLACE OF RUSSIA²

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-52-60

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич

Сопредседатель МАЭФ, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Sergey D. BODRUNOV

MAEF Co-Chair, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the S.Y. Vitte Institute of New Industrial Development, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics Sciences, Professor

Аннотация

Современная Россия находится на переломном этапе развития. На внутренние структурные проблемы, обусловленные вызреванием необходимости социальных, экономических, технологических и культурных трансформаций, наложилось мощное внешнее санкционное давление. Это обусловило тренд ускорения перехода к новым формам и инструментам управления социально-экономическим развитием. В статье выполнен анализ имеющихся проблем в этой сфере и предложены подходы к их решению с использованием потенциала отечественной академической экономической науки.

Abstract

Modern Russia is at a critical stage of development. A powerful external sanctions pressure has been imposed on internal structural problems caused by the maturation of the need for social, economic, technological and cultural transformations. This led to the trend of accelerating the transition to new forms and tools for managing socio-economic development. The article analyzes the existing problems in this area

¹ Статья подготовлена по материалам основного пленарного доклада автора на V Московском академическом экономическом форуме «Мировые тренды экономического развития: роль и место России», 7 июня 2023 г., Большой зал РАН.

² The article is based on the materials of the author's Main plenary report at the V Moscow Academic Economic Forum "World trends in economic development: the role and place of Russia", June 7, 2023, the Great Hall of the Russian Academy of Sciences.

and suggests approaches to solving them using the potential of Russian academic economic science.

Ключевые слова Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), ноономика, промышленная политика, технологический суверенитет, стратегическое планирование, стратегирование, экономическое развитие, новый мирохозяйственный уклад, трансформация общества, экономическое образование, Российская академия наук (РАН).

Keywords New Industrial society of the second generation (NIO.2), noonomy, industrial policy, technological sovereignty, strategic planning, strategizing, economic development, new world economic structure, transformation of society, economic education, Russian Academy of Sciences (RAS).

Цель и высшая ценность развития общества – человек. Долгосрочная перспектива развития общества – это движение к Новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2) и ноономике, в основе которого лежит объективно обусловленный постепенный переход цивилизационного развития к новому способу удовлетворения потребностей человека, в материальной основе которого лежит умное, автономизированное и интеллектуализированное индустриальное производство, к общественному пространству, в котором происходит развитие человека творческого, культурного, неэкономического; образно говоря, к миру «ноо», а не «зоо» [1, 2].

При этом следует понимать, что противоречия современной цивилизации глубоки. Нынешний, уходящий – в сегодняшней практике – это мир агрессии, санкций, острой борьбы в любых, порой недопустимых разновидностях. Объективно – он «правит бал» в центрах политических и экономических интересов. Мир вступил в период острой фазы перехода к новому мироустройству.

Эти новые условия требуют уточнения стратегических ориентиров для России и формирования на их основе новой модели ее экономического развития.

Для нашей страны в связи с этим актуализируется задача развития технологически и экономически независимой национальной системы, обеспечивающей при этом и текущие социальные гарантии, и следование объективным перспективным мировым цивилизационным трендам.

В то же время независимость не означает автаркии. Необходимо, насколько и где это возможно, развивать международное технологическое сотрудничество и партнерство, индустриальную кооперацию, наращивая, однако, собственный промышленный потенциал в рамках реиндустриализации экономики на качественно новой основе, замещая технологический ущерб от ухода бывших партнеров и опережая конкурентов за счет развития наиболее передовых областей индустрии.

Однако независимость технологий и импортонезависимость экономики при этом не может достигаться лишь за счет решения важной, но все же ситуативной задачи простого импортозамещения.

Решение главной проблемы – достижение технологического суверенитета – может и должно быть обеспечено лишь за счет выхода на такой уровень развития, когда «внешний мир» окажется в зависимости от тех или иных наших отечественных

технологий и развитых экономических институтов. Необходимо ставить ориентиры опережающего развития, они – достижимы: у России есть опыт подобных прорывов в советское время – в космосе, авиации, в атомной энергетике, химии, физических дисциплинах и технологиях и т.д. Есть также существенные заделы, которые надо сохранять и опережающе развивать.

Отсюда – необходимость решительного поворота к усилению роли науки.

О возможности технологического и, соответственно, экономического рывка говорит и опыт Китая, совершившего гигантский скачок в технологическом развитии за последние 30 лет, поставивший под вопрос технологическое лидерство западных компаний в телекоммуникациях, в создании многофункциональных транспортно-логистических систем, во многих других технологических контрапунктах и зонах экономического развития.

Такая задача решается при рациональной и целенаправленной работе, с учетом наших интеллектуальных и природных ресурсов. Обеспечение технологического прорыва, т.о., – наша стратегическая экономическая задача номер один, а переход к достаточному для этого уровню технологий и индустриального комплекса должен стать принципом, стержнем нашей новой модели экономического развития.

При этом механизмы развития таких технологий и институтов должны базироваться на достижении нового качества материального производства.

Это качество производства заключается, во-первых, в переходе к его новому типу – знаниеемкому, т.е. производству, в котором главным ресурсом, определяющим его потенциал, является не сырье, не машины, при всей их важности, а знания, воплощенные во всех его компонентах – материалах, организации и структуре производственного процесса, труде и, безусловно, в новых технологиях, позволяющих максимально рационально, экологично, с сохранением национального природного богатства и среды обитания эффективно создавать и имплементировать в экономику наиболее передовые формы и методы производства.

Во-вторых, знаниеемкое производство должно базироваться на конвергенции наук, на НБИКС-конвергенции, достижимой лишь на базе перехода к доминированию в экономике технологий VI и перспективного VII технологических укладов, включая «природоподобные» и «зеленые» решения, которыми у нас в стране эффективно занимаются, например член-корреспондент РАН М.В. Ковальчук [3] и академик РАН Б.Н. Порфирьев [4], в рамках вхождения России в Интегральный мирохозяйственный уклад, концепция которого представлена академиком РАН С.Ю. Глазьевым [5].

В-третьих, знания для умного производства «добываются», в первую очередь, в таких сферах, как наука и образование. Причем – в их единстве. Отсюда – объективная необходимость приоритетного развития этих сфер в рамках интеграции науки, производства и образования.

Таковы параметры задачи номер два – задачи комплексного развития знаниеемкого производства.

Задача номер три – формирование системы социально-экономических отношений, стимулирующих и обеспечивающих приоритетное развитие высокотехнологического производства, ориентированного на прогресс человеческих качеств в рамках устойчивой, суверенной национальной системы.

База для решения этой задачи у нас в стране постепенно наращивается. Приняты соответствующие поправки в Конституцию РФ, определяющие новые социальные

приоритеты, очевиден наметившийся позитивный тренд в вопросе повышения роли и ответственности государственных и общественных институтов, отвечающих за решение социальных проблем, и т.д.

Многие черты таких отношений, направленные на реформирование социального облика нашего государства, концептуально проработаны, но нуждаются в детализации и доработке. Предстоит в рамках новых условий учесть возросшую важность развития социализации экономики и общества, исследовать и предложить новые механизмы достижения этой цели, причем – и на уровне национальной системы, и на уровне бизнес-структур [6]. Без этого не будут созданы основы для развития отношений солидарности, а это, в свою очередь, – база для обеспечения стабильности экономики, целостности общества, эффективности государственного управления. В единстве с этим могут и должны развиваться процессы реформирования отношений собственности, обеспечивающие партнерство, диалог частного и государственного подпространств экономики, развития диффузных тенденций в этой сфере.

Таковы принципиальные задачи будущего, конкретизирующие направления реализации основных подсистем новой модели экономики: а) ускоряющегося технологического прогресса, б) социализации, в) солидаризма и, наконец, г) отношений собственности, интегрирующих частный и общественный интересы в рамках процесса диффузии института собственности.

При этом едва ли не самые сложные проблемы, однако, возникают тогда, когда мы переходим к анализу средств достижения стратегической цели, путей решения вытекающих из нее задач.

Главными из них сегодня являются активная промышленная политика и стратегическое планирование. Прежде чем обрисовать основные контуры данных средств развития, подчеркнем: в среде экономистов-теоретиков, равно как и в среде лиц, принимающих и практикующих решения в области экономической политики, до сих пор нет осязаемого консенсуса в отношении не только того, как именно должны развиваться в современной России промышленная политика и институт планирования, но даже – по вопросу их необходимости. Однако все более ясно, что в пространстве доктрины рыночного фундаментализма решить задачи обеспечения технологического и экономического суверенитета и ускоренного развития невозможно.

Безусловно, не стоит в одночасье отказываться от рыночных инструментов. Экономика России и в будущем должна оставаться по преимуществу рыночной, но – с активной ролью государства в области определения технологических, структурных и социальных приоритетов развития. Главным средством реализации этих приоритетов может и должна быть институализация стратегического планирования и промышленной политики.

Эти вопросы требуют перевода в практическую плоскость, особенно в стратегировании промышленной политики. Надо решительнее становиться на этот путь, даже несмотря на сопутствующие адаптационные издержки, поскольку эффект для развития экономики в случае успешного решения задачи перехода к активной промышленной политике, как показала практика (и на примере нашем, и Китая, и «азиатских тигров»), многократно превышает все такие издержки. Без этого мы не выйдем на траекторию устойчивого развития, достижения целей национального развития и перехода к новому устройству общества.

Рассмотрим тезисно конкретные механизмы проведения активной промышленной политики.

В первую очередь для вхождения в ядро нового мирохозяйственного уклада, переход к которому стремительно ускорился в связи с обострением геополитэкономической ситуации, нам нужны уникальные, конкурентные на каждом из этих горизонтов технологии в медицине, экологии, энергетике, сельском хозяйстве, промышленности, безопасности и других областях.

В стране начато активное формирование для этого необходимого организационно-правового инструментария. В апреле 2023 года Правительство Российской Федерации определило 13 приоритетных направлений по обеспечению технологического суверенитета³, направленных на восстановление не только утраченных отдельных компетенций, но и целых отраслей, в кратчайшие сроки обеспечивая решение амбициозной в текущих реалиях задачи — достижение технологического суверенитета.

Очень важным инструментом в этом деле также может стать разработанная с участием РАН и принятая правительством страны новая Концепция технологического развития России до 2030 года⁴, в которой предусматриваются принципиально обеспечивающие ее исполнение блоки решений. К примеру, запуск индустриальных мегапроектов, которые явят себя стеновым хребтом нового индустриального комплекса России. Вокруг них предполагается сформировать сотни НИОКР- и ОКР-проектов с ежегодным триллионным и более финансированием и вовлечением с применением уже имеющегося инструментария поддержки семейств средних и малых промышленных структур. Фактически речь идет о реализации идеи целенаправленного техногенеза, что в свое время предлагал академик А.Е. Ферсман [7], и формирования техноценозов, причем — в сферах нового уклада.

Данное решение — реальный пример создания институциональной (и одновременно использующей глубокофундированные научные идеи) основы технологического рывка. Конечно, с определенной — при практической реализации — донстройкой многих нюансов с учетом текущих реалий. В ряду таких важных новых мер, актуализированных нынешними обстоятельствами, — защита от недобросовестной международной конкуренции наиболее значимых производств, повышение доступности передовых технологий для среднего бизнеса, решение проблемы устойчивого обеспечения международных финансовых расчетов в рамках промышленной кооперации и пр.

Важнейшим инструментом должно стать планирование.

Развитие системного стратегического планирования в современных условиях представляется более сложной задачей. Понимая под «планированием» не просто квазипрогноз, а систему конкретных задач развития и средств их достижения, необходимо признать, что целостной системы такого планирования в России пока нет. Безусловно, у нас развивается деятельность по прогнозированию, что, конечно, хорошо, и нужно отдать должное в первую очередь Институту народно-

3 Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации...» URL: <http://static.government.ru/media/files/8JsiO5kSltJA1g5IHhGd5qiQVACelECn.pdf>.

4 Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-п «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»). URL: <http://static.government.ru/media/files/KU6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OlBbP18F.pdf>.

хозяйственного прогнозирования РАН, его директору А.А. Широву, – процесс налажен и продвигается. В этом ряду в стране есть и совокупность национальных проектов, программ развития отраслей, регионов и т.п. Создана довольно эффективная система мониторинга реализации этих проектов и программ.

Но сегодня этого – недостаточно.

Необходим общегосударственный, системный подход, включающий:

а) разработку и принятие предусмотренной законом Стратегии национального развития России в качестве основополагающего документа, определяющего долгосрочные цели ее развития;

б) систему современных мер различного уровня, вплоть до создания органа координации и контроля типа «Госплана 2.0» (на цифровой технологической базе) или придания таких функций действующим органам государственного управления либо правительству. К примеру, создание т.н. «планово-рыночных структур» путем реинжиниринга нынешних институтов и платформизации отраслей, используя специальные алгоритмы планирования на основе анализа больших данных любой такой структуры – ценообразования, износа оборудования, логистически-пространственной локации, графика оказания услуг, выпуска продукции, отгрузки и т.п. Строго говоря, упомянутая Концепция технологического развития есть тоже элемент такой Стратегии.

Технологические возможности нового поколения позволяют реализовать пригодный инструментарий планирования для повышения эффективности экономики. При этом отставание во внедрении института планирования чревато общим отставанием в развитии экономики. Мы должны осознавать – нарастающая тенденция применения плановых методов есть отклик экономики на растущую, с одной стороны, хаотизацию, фрагментацию и глокализацию рынков, с другой – на растущие возможности интеллектуальных систем, позволяющих противостоять связанной с этим неопределенности. И обе тенденции, по сути, объективны, поскольку являются производными ускорения развития НТП и перехода к новому технологическому укладу. Поэтому речь уже идет не о том, нужен нам институт планирования или нет, а о том, как придать ему наиболее разумную реализацию.

Тем не менее до сих пор, несмотря на требование закона о стратегическом планировании, базовый стратегический документ пока не создан. При этом следует отметить: учеными – экономистами, социологами, обществоведами – проведена на данный момент большая работа, результаты которой могут и должны быть использованы при подготовке такого документа. Проведен фундаментальный, многоаспектный и разносторонний анализ экономической ситуации в стране институтами РАН, членами секции экономики академии наук А.Г. Аганбегяном, А.Д. Некипеловым, С.Ю. Глазьевым, В.А. Крюковым, В.В. Окрепиловым, М.Ю. Головинным, определены важнейшие факторы в глобальной мировой экономике, с которыми сталкивается экономика российская, институтами РАН и экономистами-международниками, возглавляемыми академиком А.А. Дынкиным, учеными-социологами во главе с академиком М.К. Горшковым глубоко исследованы различные аспекты проблемы социального развития, рядом ученых предложены новые синтетические концепции трансформации общества, реформирования экономических и социальных институтов.

Наработан и мощный инструментарий для разработки стратегических решений, в частности, в ЦЭМИ РАН под руководством академика В.Л. Макарова и члена-

корреспондента РАН А.Р. Бахтизина разработана методология суперкомпьютерного моделирования экономических и социальных процессов [8], иностранным членом РАН В.Л. Квинтом – признанная в мире теория стратегирования [9, 10]. Эти и другие материалы, наработки, инструменты апробированы и могут быть использованы в процессе создания и Стратегии в целом, и отдельных документов стратегического планирования.

Особенно остро встает вопрос о государственной системе планирования сейчас, в условиях возросшей неопределенности в экономике, которая не позволяет промышленным инвесторам активно вкладываться в сложно окупаемые индустриальные проекты. Опрос руководителей крупных и средних предприятий промышленности, проведенный по репрезентативной выборке Государственным университетом управления по заказу Минобрнауки России, показал, что в поддержку создания такой системы высказалось почти 80% опрошенных. При этом среди них были представители и разных отраслей, и разных секторов – от относительно небольших компаний из состава «Деловой России» и «Опоры России» до промышленных гигантов.

Представители реального сектора экономики говорят о различных современных вариантах реализации института государственного планирования – к примеру, создание мощной государственной оффсетно-контрактной системы с 10–15-летним горизонтом государственного заказа на продукцию, системы сквозного планирования связанных технологических цепочек в рамках регионального и пространственного развития страны и т.д.

Предложения есть, и многие из них заслуживают серьезного отношения. Безусловно, в рыночной экономике и невозможно, и не нужно пытаться вернуться к некоему подобию директивного планирования, существовавшего в СССР. Но – возможно и целесообразно на основе теории стратегирования в рамках общегосударственной Стратегии обеспечить взаимоувязку в единой средне- и долгосрочной государственной программе развития целей, уточняющих их задач, средств и ресурсов, необходимых для их решения. И в последнем случае – речь должна идти не только о деньгах, но – о всей совокупности ресурсов: о кадрах, об институциональных условиях («правилах игры») и т.п.

Такой план должен быть увязан и с мерами по проведению активной промышленной политики, и с социальной и культурной политикой страны, и с политикой в сфере охраны здоровья, демографии, пространственного, территориального и регионального развития и т.д. Здесь также следует особо отметить, что необходимы принципиальные преобразования не только в экономике, но и в системе образования, в том числе экономического. Экономический и геополитический ландшафт, парадигма мирового экономического развития в целом изменились, но в силу инерции даже некоторые крупные вузы продолжают готовить кадры по-старому – опираясь на привычные догмы рыночного фундаментализма, в методологическом и теоретическом пространстве монетаризма, предлагая все те же идеи традиционной модели западного «мейнстрима», потенциал применения которой исчерпан, и преподавая все ту же микро- и макроэкономику, не уделяя должного внимания новым взглядам, предлагаемым гетеродоксальной экономической наукой.

До тех пор, пока не будет сформирована мощная когорта новых экономистов, вооруженных этими системными знаниями и новыми взглядами на пути преобразования России, страна не сможет обеспечить в перспективе реализацию новой экономической и научно-технологической политики.

Эти вопросы поднимаются сегодня на самом высоком уровне. Так, в феврале этого года президент России акцентировал необходимость реформы высшего образования в стране, подчеркнув, что особое внимание также следует уделить экономическому образованию⁵.

Одна из важнейших сегодняшних задач – предложить векторы трансформации страны. Об этом неоднократно говорил президент России [11], и это – не просто констатация.

Определение роли и места России в новом мироустройстве – задача экзистенциальной важности. Ее решение, однако, во многом зависит от точности выявления истинных трендов развития цивилизации – не только в ближайшие годы, но – в перспективе десятилетий и более. Идет мощная трансформация глобального общества. Эти вопросы надо исследовать – детально и глубоко. В мировой общественной науке этому сейчас придается колоссальное значение. Академическому сообществу России есть что ответить на этот вызов – возможно, главный для всех нас, россиян. Но эта задача – системная, синтетическая, комплексная, она не может быть решена без определенной координации работ структур РАН в этой сфере и привлечения ученых, не входящих в академию, которые могут работать под ее методическим руководством [12]. В этих целях представляется необходимым создать в структуре РАН научный совет по проблемам современной трансформации общества, наделив его полномочиями координации и консолидации исследований в этой сфере ученых различных отделений и институтов РАН, независимых экспертов, аналитиков. Ведь только выверенная, научно обоснованная стратегия развития, базирующаяся на фундаментальной основе осознания трендов мирового развития, понимаемая и поддерживаемая обществом, позволит России занять достойное место в новом мире.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. *Ноономика*. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
2. Бодрунов С.Д. *От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции* / С. Д. Бодрунов // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 109–118.
3. Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. *Природоподобные технологии: новые возможности и новые вызовы* // *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89. № 5. С. 455–465.
4. Порфирьев Б.Н. *О «зеленом» векторе стратегии социально экономического развития России* // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Т. 227. № 1. С. 128–136.
5. Глазьев С.Ю. *Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов* // *Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте*. 2022. Т. 1, № 1. С. 43–64.
6. *Научные труды ВЭО России*. 2022. № 6 (238). 368 с.
7. Ферсман А.Е. *Избранные труды*. Собр. соч.: В 7 т. М.: АН СССР, 1955. Т. 3. 799 с.
8. Макаров В.Л., Окрепилов В.В., Бахтизин А.Р. *Научные решения сложных экономических и социальных задач с помощью суперкомпьютеров*. М.: URSS, 2023. 416 с.
9. Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. *Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика: монография*. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. 351 с.

⁵ *Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023* URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>.

10. Kvint V.L., Bodrunov S.D. *Strategizing Societal Transformation Knowledge, Technologies, and Noonomy: monograph*. Oakville, MO: Apple Academic Press, 2023. 206 p.
11. Путин заявил, что страна может быть либо суверенной, либо колонией // Информационное агентство ТАСС. – 09.06.2022. – URL: <https://tass.ru/politika/14870439>
12. «Главная задача – вписать РАН в государственную систему принятия решений» – президент РАН Геннадий Красников провел заседание Президиума РАН // Российская академия наук. – 11.10.2022. – URL: <https://new.ras.ru/activities/news/glavnaya-zadacha-vpisat-ran-v-gosudarstvennyu-sistemu-prinyatiya-resheniy-gennadiy-krasnikov-provel/>

References

1. Bodrunov S.D. *Noonomika*. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2018. 432 s.
2. Bodrunov S.D. *Ot ZOO k NOO: chelovek, obshhestvo i proizvodstvo v uslovijah novoj tehnologicheskoy revoljucii* / S. D. Bodrunov // *Voprosy filosofii*. 2018. № 7. S. 109–118.
3. Koval'chuk M.V., Narajkin O.S., Jacishina E.B. *Prirodopodobnye tehnologii: novye vozmozhnosti i novye vyzovy* // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2019. T. 89. № 5. S. 455–465.
4. Porfir'ev B.N. *O "zelenom" vektore strategii social'no jekonomicheskogo razvitija Rossii* // *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. 2021. T. 227. № 1. S. 128–136.
5. Glaz'ev S.Ju. *Noonomika kak sterzhen' formirovanija novogo tehnologicheskogo i mirohozjajstvennogo ukladov* // *Noonomika i nooobshhestvo. Al'manah trudov INIR im. S.Ju. Vitte*. 2022. T. 1, № 1. S. 43–64.
6. *Nauchnye trudy VJeO Rossii*. 2022. № 6 (238). 368 s.
7. Fersman A.E. *Izbrannye trudy. Sobr. soch.: V 7 t.* M.: AN SSSR, 1955. T. 3. 799 s.
8. Makarov V.L., Okrepilov V.V., Bahtizin A.R. *Nauchnye reshenija slozhnyh jekonomicheskikh i social'nyh zadach s pomoshh'ju superkomp'juterov*. M.: URSS, 2023. 416 s.
9. Kvint V.L., Bodrunov S.D. *Strategirovanie transformacii obshhestva: znanie, tehnologii, noonomika: monografija*. SPb.: INIR im. S.Ju. Vitte, 2021. 351 s.
10. Kvint V.L., Bodrunov S.D. *Strategizing Societal Transformation Knowledge, Technologies, and Noonomy: monograph*. Oakville, MO: Apple Academic Press, 2023. 206 p.
11. Putin zajavil, chto strana mozhet byt' libo suverennoj, libo koloniej // *Informacionnoe agentstvo TASS*. – 09.06.2022. – URL: <https://tass.ru/politika/14870439>
12. «Glavnaja zadacha – vpisat' RAN v gosudarstvennuju sistemu prinjatija reshenij» – prezident RAN Gennadij Krasnikov provel zasedanie Prezidiuma RAN // *Rossijskaja akademija nauk*. – 11.10.2022. – URL: <https://new.ras.ru/activities/news/glavnaya-zadacha-vpisat-ran-v-gosudarstvennyu-sistemu-prinyatiya-resheniy-gennadiy-krasnikov-provel/>

Контактная информация / Contact information

Вольное экономическое общество России
125375, Москва, ул. Тверская, 22А
Free Economic Society of Russia
22A Tverskaya st., 125375 Moscow, Russia
Бодрунов Сергей Дмитриевич / Sergey D. Bodrunov
president@veorus.ru

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА — ВОЗМОЖНОСТИ СТРУКТУРНО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО МАНЕВРА

THE RUSSIAN ECONOMY — OPPORTUNITIES FOR STRUCTURAL AND TECHNOLOGICAL REDISTRIBUTION

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-61-71

ШИРОВ Александр Александрович

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Alexander A. SHIROV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Аннотация

В 2022 г. российская экономика испытала серьезный шок, связанный с радикальным изменением параметров взаимоотношений с внешним миром. К традиционным ограничениям развития, характерным для экономики нашей страны в последнее десятилетие, добавились барьеры, связанные с выходом на внешний рынок, доступом к наиболее эффективным зарубежным технологиям, обеспечением финансовых операций. В этих условиях требуется формирование эшелонированной политики адаптации, а затем и структурно-технологической перестройки российской экономики. Выбор направлений экономической политики осложняется как масштабом задач, стоящих перед российской экономикой, так и процессами изменения мировой модели торгово-экономических отношений. Принципиально важным элементом для успешности развития страны в среднесрочной перспективе становится повышение качества научно-технологической политики. Эффективная политика структурно-технологической модернизации российской экономики может обеспечить расширение потенциала роста в среднесрочной перспективе до 4–5%, что создаст возможности для более рационального маневра имеющимися ресурсами, существенно повысит качественную компоненту экономического роста.

Abstract

In 2022, the Russian economy experienced a serious shock associated with a radical change in the parameters of relations with the world. Barriers related to access to the foreign market, access to the most effective foreign technologies, and provision of financial transactions have been added to the traditional development constraints characteristic of the economy of our country in recent decades. In these conditions, it is necessary to form an effective policy of adaptation, and then structural and technological restructuring of the Russian economy. The choice of economic policy directions is complicated both by the scale of the tasks facing the Russian economy and by the processes of changing the global model of trade and economic relations. A fundamentally important element for the success of the country's development in the medium term is improving the quality of scientific and technological policy. An effective policy of structural and technological modernization of the Russian economy can ensure the expansion of the growth potential in the medium term to 4–5%, which will create opportunities for more rational maneuvering of available resources, significantly increase the qualitative component of economic growth.

Ключевые слова

Стратегия развития, экономический рост, затраты на НИОКР, инвестиции, регионализация мировой экономики.

Keywords

Development strategy, economic growth, R&D costs, investments, regionalization of the world economy.

Российская экономика находится на такой стадии развития, которая характеризуется постепенной адаптацией экономических агентов к резкому изменению геоэкономических условий, произошедшему в 2022 г. К середине 2023 г. в обществе сложилось позитивное отношение к тому, что происходит в экономике. Связано это с тем, что результаты, которые демонстрировала экономика, оказались существенно лучше, чем предсказывало большинство аналитиков. С осени 2022 г. фиксировались все более явные признаки восстановления экономической активности. Продление тенденций, которые сложились в первом и втором кварталах 2023 года, обеспечивало рост ВВП на уровне, превышающем 2%, и это достаточно серьезная динамика с учетом масштаба давления, которому была подвергнута российская экономика. Это означает, что экономический спад 2022 г. удастся отыграть всего за один год.

Однако следует учитывать, что набор ограничений экономического развития сохраняется, и поэтому к достижениям экономического характера пока следует относиться с определенной осторожностью. Требуется, чтобы экономика не просто адаптировалась к новым условиям, но и перестроилась бы таким образом, чтобы новая модель экономического роста стала устойчивой. На пути создания такой модели стоят ограничения как фундаментального, так и конъюнктурного характера [1]. К ограничениям, возникшим в процессе событий 2022 г., следует отнести постепенное снижение эффективности бюджетного импульса, барьеры на пути увеличения экспортных поставок, снижение прибыли компаний. Следует признать, что они будут оказывать серьезное негативное влияние на российскую экономику в среднесрочной перспективе и потребуют энергичного маневра имеющимися ресурсами

со стороны как государства, так и бизнеса [2]. По нашим оценкам, для того чтобы поддержать конкурентоспособность России в мировой экономике, необходимо обеспечить темпы роста больше трех процентов. При этом необходимо учитывать, что экономический рост – это прежде всего увеличение доходов, а значит, и ресурсов для преодоления ограничений, которые стоят перед экономикой и обществом.

Если же говорить о фундаментальных ограничениях роста, то они практически не изменились в результате событий 2022 г., однако несколько сместились акценты. В условиях внешних ограничений совершенно ясно, что необходимое повышение качества основного капитала и обеспечение экономики трудовыми ресурсами [3] может быть достигнуто только в условиях ускорения научно-технологического развития, ориентированного на приоритетное развитие отечественного инновационного комплекса.

Но прежде всего нужно сказать о том, что происходит в мировой экономике. И здесь, как это ни покажется парадоксальным, мы констатируем, что уровень неопределенности в отношении сценариев развития мировой экономики снижается. Еще 2–3 года назад большинство прогнозов развития мировой экономики исходило из того, что есть два возможных сценария – это регионализация и продолжение глобализации в новых возможных формах [4, 5]. Сейчас вероятность движения по сценарию регионализации существенно возросла, по сути, у него не существует какой-либо внятной альтернативы [6]. Это означает, что крупнейшие развивающиеся экономики, заинтересованные в повышении уровня экономической и политической независимости от развитых стран, будут создавать собственные контуры экономического влияния. К чему это ведет? Во-первых, к тому, что доля развивающихся экономик в структуре мирового ВВП будет продолжать увеличиваться, но темпы роста в этих странах будут постепенно замедляться. Это будет вызвано как с постепенным насыщением потребностей общества, так и нарастанием ограничений развития, среди которых наиболее существенным будет отставание от развитых стран по уровню используемых технологий [7]. В результате реализации сценария регионализации будут замедляться и темпы роста мировой торговли, а также и темпы роста мирового ВВП. Что касается контура развитых стран, то там наиболее вероятной является формирование тенденции к увеличению доли США в структуре мирового ВВП. Этот рост будет обеспечиваться, скорее всего, за счет снижения значимости для мировой экономики Европейского союза и Японии, то есть тех развитых стран, которые будут иметь относительно низкие темпы экономического роста в условиях снижения конкурентоспособности производства и ограничений демографического характера.

Реализация сценария регионализации мировой экономики создает для России как выгоды, так и возможные угрозы. Создаются условия для контроля над формирующимися цепочками создания добавленной стоимости в контуре развивающихся стран, но делать это придется в условиях, когда вся мировая экономика будет развиваться медленнее, чем в предыдущие десятилетия. При этом предстоит решить большое количество проблем независимого функционирования контура развивающихся стран. Прежде всего в части выстраивания полномасштабной финансовой системы [8].

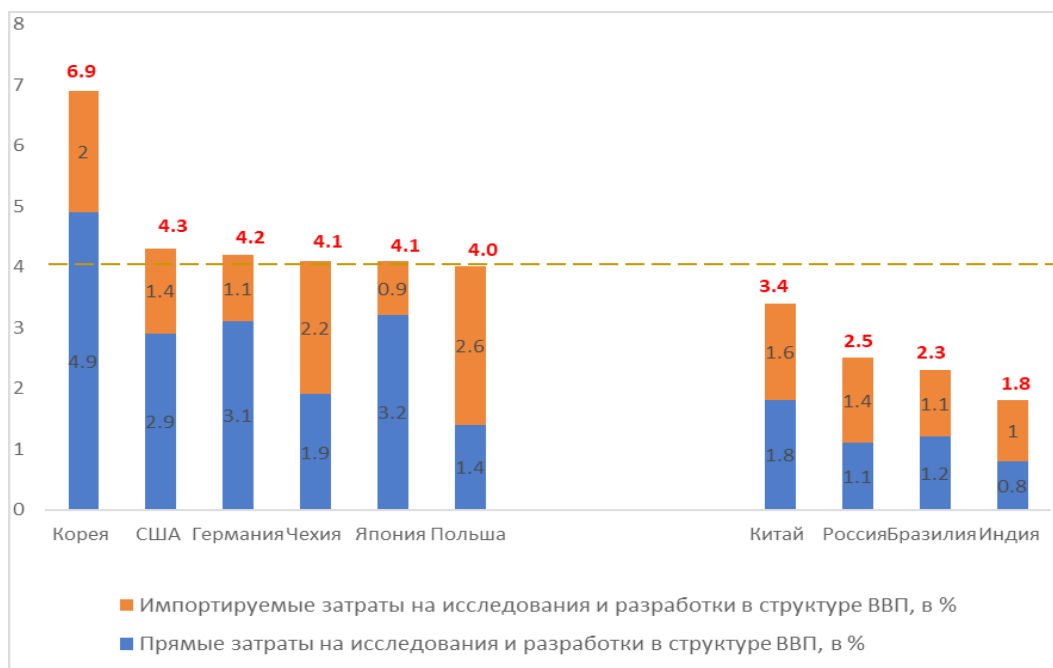
Ключевая проблема модели регионализации мировой экономики – это то, что ее реализация невозможна без опережающего роста затрат на исследования и разработки в крупных развивающихся экономиках, таких как Китай, Россия, Бразилия,

Индия. Если этого не произойдет, то они не смогут обеспечить эффективную глобальную конкуренцию развитым странам.

Сейчас совокупные затраты на исследования и разработки (внутренние и импортируемые) в развитых странах составляют в среднем 4% от ВВП, а в развивающихся около 2% (рис. 1). Подтягивание развивающихся стран по затратам на НИОКР к развитым будет означать, что совокупные мировые затраты на исследования и разработки по отношению к текущему уровню вырастут примерно на 200 млрд долларов в год. Это около 20%. И это значит, что возникают условия для ускорения темпов научно-технологического развития. Хотя нужно понимать, что часть этих новых затрат будет направлена на реализацию тех же задач, которые будут решаться в развитых странах, а значит, на фоне такого дублирования удельная эффективность вложений в НИОКР продолжит снижаться. При этом направления наибольших усилий в рамках инновационной деятельности также концентрируются вокруг нескольких ключевых направлений. Это цифровизация, биотехнологии и промышленный инжиниринг [9, 10].

Рис. 1. Прямые и косвенные затраты на НИОКР в развитых и развивающихся странах в среднем 2013–2022 гг.

Источник: Всемирный банк, ОЭСР

Складывающиеся тренды научно-технологического развития представляют для России определенный вызов. Наша страна имеет совокупные затраты на НИОКР (внутренние и импортируемые) порядка 2,5% ВВП. В то же время развитые страны, как это было показано выше, имеют около 4%. Только приближение к этим уровням может гарантировать формирование технологического суверенитета нашей страны. Таким образом дополнительные 1,5% ВВП Россия должна добрать за счет увеличения внутренних затрат на исследования и разработки, а также за счет использования результатов затрат на исследования и разработки дружественных стран. Это существенный вызов для всей научно-технологической политики в нашей стране,

в том числе и в части выстраивания эффективного международного сотрудничества в научно-технологической сфере.

Когда наука рассматривается с экономической точки зрения, то прежде всего речь идет о влиянии технологий на эффективность экономики и затратах на НИОКР и значительно меньше внимания уделяется тому, что сами по себе эти затраты являются инструментом поддержания уровня экономической активности в стране. Это влияние можно рассматривать через параметры производственных мультипликаторов прямых затрат на исследования и разработки. В современной российской экономике на каждый рубль, потраченный на исследования и разработки, формируется 1 рубль 43 копейки дополнительного прироста ВВП. Это довольно приличный мультипликатор в сравнении с другими видами деятельности. Но это еще не все. Рост вложений в НИОКР влияет на параметры эффективности экономики. Это еще добавляет порядка 10–12 копеек к оценке дополнительного прироста ВВП на каждый рубль затрат, и это, наверное, наименьшая из возможных оценок такого влияния. Таким образом, можно утверждать, что вложения в науку обладают большим спектром прямых и косвенных эффектов на экономику, которыми нужно учиться управлять. Помимо технологического суверенитета, которому в условиях санкционного давления уделяется особое внимание, нужно учитывать и то, что в современной экономике возможность извлечения технологической ренты становится одним из фундаментальных требований по конкурентоспособности для любой крупной страны, претендующей на самостоятельную роль в мировой экономике.

Затраты на исследования и разработки только тогда оказывают влияние на эффективность экономики, когда они связаны с инвестициями. Общим местом уже стало говорить о том, что России необходимо повышать норму накопления основного капитала — долю инвестиций в ВВП. Однако большое значение имеет наполнение инвестиционного роста — как повышать норму накопления, до каких уровней и какие задачи при этом должны решаться. Здесь необходимо обратить внимание на несколько важных моментов.

Первое — рост нормы накопления сам по себе не всегда приводит к позитивным результатам. Если обратиться к опыту СССР, то в последнее десятилетие его существования она составляла 34%, что отнюдь не помогло избежать ухудшения экономических показателей и краха советской экономики в конце 80-х годов. Таким образом количественный рост инвестиций является недостаточным условием для повышения качества экономического роста

Второй момент: важно, как структурно формируется норма накопления. Например, в 2022 г. сформировалась тенденция по снижению доли машин и оборудования в технологической структуре инвестиций (она сократилась с 39,5% в 2021 г. до 35,5% в 2022 г.), что было связано как с общим снижением инвестиционной активности, так и с ограничениями на поставки в нашу страну ряда видов машиностроительной продукции. Аналогичная картина наблюдалась после первого масштабного пакета санкций в 2014–2015 гг., когда доля машин и оборудования сократилась примерно на 7 процентных пунктов. Государство, пытаясь компенсировать снижение инвестиций, способно прежде всего увеличивать объем строительных работ, так как как обеспечить быстрый рост производства инвестиционного оборудования с учетом зависимости от импорта практически невозможно. Однако позитивное влияние инфраструктурного строительства на потенциал экономического роста достигается тогда, когда оно сопровождается вводом в строй и модернизацией производствен-

ного аппарата. В условиях роста загрузки конкурентоспособных производственных мощностей ограничения, связанные с недостаточным спросом на инвестиционное оборудование, могут негативно влиять на экономический рост. Поэтому обеспечение спроса на машины и оборудование – это одна из ключевых задач экономической политики в среднесрочной перспективе. Здесь есть целый комплекс проблем, от необходимости поддерживать инвестиционный импорт до действий по расширению выпуска инвестиционного оборудования внутри страны.

И, наконец, ясно, что рост нормы накопления может войти в противоречие с задачами по поддержанию уровня и качества жизни населения. Соответствующие модельные расчеты в ИНП РАН показывают, что, например, при среднегодовых темпах роста ВВП порядка 3,2% и норме накопления 25% темп роста потребления домашних хозяйств может составить примерно 2%. А вот при темпах роста ВВП около 4% нормы и норме накопления основного капитала в 30% при текущих параметрах формирования конечного спроса будет фиксироваться уже около нулевой рост потребления домашних хозяйств. Баланс между инвестициями и потреблением, а значит уровнем и качеством жизни населения, формирует определенные ограничения на пути активного форсирования инвестиционной деятельности, предъявляет требования к сбалансированности экономической политики. Поэтому необходимо избрать такой путь насыщения инвестиционных потребностей нашей экономики, который бы не приводил к избыточному давлению на доходы и уровень жизни населения. По нашим оценкам, норма накопления в 25–27% позволяет успешно решать задачи модернизации российской экономики при условии роста доли машин и оборудования в структуре инвестиций до уровня 45%. При этом среднегодовые темпы экономического роста в перспективе до 2023 г. могут составлять до 3,5%.

Как уже отмечалось, дополнительным препятствием на пути реализации проектов по модернизации российской экономики становится дефицит инвестиционных товаров на внутреннем российском рынке. По нашим расчетам в условиях 2023 г. он составляет до 2 трлн руб., или до 5% от валового накопления основного капитала [11]. И это при том, что там, где это возможно, произошло расширение производства и импортозамещение, активно заработал параллельный импорт, расширились поставки из дружественных стран, но все же этот недостаток импортных инвестиционных товаров существует. Это становится все более очевидным по мере восстановления российской экономики и роста загрузки производственных мощностей. Казалось бы, приведенная выше сумма дефицита инвестиционного оборудования не кажется фантастической на фоне 170 триллионов российского ВВП, но с учетом влияния этих товаров на параметры эффективности производства этот дефицит может стать препятствием на пути обеспечения устойчивости роста в средне- и долгосрочной перспективе. Аналогичным образом ограничения на поставки импортной продукции отрицательно влияют на производства, использующие импортные компоненты, и потребительский спрос. Для того чтобы решить эту проблему, уже недостаточно мер оперативного реагирования – требуется новая промышленная и научно-технологическая политика. Таким образом, проблема ограниченных возможностей российских предприятий по выпуску современных машин и оборудования превращается в фактор долгосрочного развития, воздействовать на который требуется соответствующими решениями, обеспечивающими запуск долгосрочного цикла технологических решений на этапе разработки и внедрения технологий, а также производства продукции.

Формируя новую модель экономического развития важно ответить на вопрос о перспективных структурных характеристиках развития российской экономики, ее сложности. Долгое время высокую популярность имели идеи постиндустриального развития экономики [12]. Немного упрощая, можно сказать, что их ключевая идея состояла в том, что по мере роста эффективности производства должно происходить сокращение доли реального сектора и повышение роста непроемких услуг, в том числе связанных с развитием человеческого потенциала. Проблема состоит в том, что, как показала практика многих развитых стран, облегчение структуры экономики за счет снижения реального производства имеет определенные ограничения, которые связаны с трансформацией системы распределения производства, доходов, рабочих мест. Прежде всего постиндустриальная модель экономики сталкивается с проблемой формирования достаточного количества рабочих мест с приемлемым уровнем оплаты труда. Высокопроизводительные рабочие места в креативном секторе ограничены, а в остальной сфере услуг не требуют высокой квалификации, а значит, и достаточно хорошо оплачиваются. В развитых странах этот дисбаланс может отчасти компенсироваться за счет вторичного перераспределения доходов через налоговую систему.

Как показывают наши расчеты, в России устойчивый рост в среднесрочной перспективе предполагает определенное расширение доли реального сектора при формировании ВВП. В сложившихся условиях наиболее эффективным направлением модернизации экономики могло бы стать постепенное усложнение экономики за счет расширения уровня кооперации и повышение доходов всех экономических агентов (бизнеса, населения, государства) на этой основе. Обеспечение стабильного роста на базе усложнения системы межотраслевых взаимодействий могло бы создать предпосылки для следующей стадии – увеличения ВВП на базе роста доли добавленной стоимости в структуре выпуска, за счет увеличения эффективности производства. В связи с этим может быть сформулирован принцип эшелонирования усилий для обеспечения устойчивости экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе: сначала усложнение экономики, обеспечение ее доходной базы, а затем переход к качественному росту за счет наращивания эффективности производства. Такое эшелонирование может быть эффективным прежде всего потому, что оно предполагает задействование как количественной (связанной с расширением производства) так и качественной (обеспечивающейся ростом эффективности производства) компонент экономического роста [13].

Та ситуация, в которой находится наша экономика, множественность целей и задач развития не позволяют проводить в России какую-то единую магистральную экономическую политику в долгосрочной перспективе, поэтому в контексте стратегического планирования или формирования стратегии развития экономики речь прежде всего идет о выборе направлений эшелонирования экономической политики. В связи с этим перспектива до 2035 г. распадается как минимум на три отрезка: первый – это адаптация к тем условиям, которые сложились. Затем стадия структурной перестройки экономики, и, наконец, на этой основе, этап реализации накопленного потенциала роста. При этом к 2020 г. может ставиться задача повышения потенциала роста экономики с текущих 2–3% до 4–5%. Важно, что этап структурной перестройки экономики позволяет с учетом роста нормы накопления и использования потенциала внутреннего спроса достигать темпов роста порядка 3–3,5%. На это нужно ориентироваться с точки зрения решений в области экономической политики.

Структурно-технологическая перестройка российской экономики должна быть соответствующим образом поддержана со стороны институциональных изменений. По-видимому, речь должна идти о модернизации контура управления научно-технологической деятельностью и выстраивания соответствующих механизмов финансирования по внедрению результатов исследований и разработок [14].

Структурная перестройка будет требовать внедрения новых технологий в самых разных видах экономической деятельности, и это будет приводить к существенным структурным сдвигам в российской экономике. Прежде всего они будут заключаться в увеличении значимости одних секторов и снижении значимости других секторов для формирования экономической динамики. Как уже отмечалось, основные направления затрат на исследования и разработки в мировой экономике – это цифровизация, биотехнологии и промышленный инжиниринг. Кроме того, важное влияние на структуру производства продолжит играть реализация климатической повестки [15, 16]. Совокупность этих технологических сдвигов будет определять изменение значимости отдельных секторов для формирования параметров развития российской экономики.

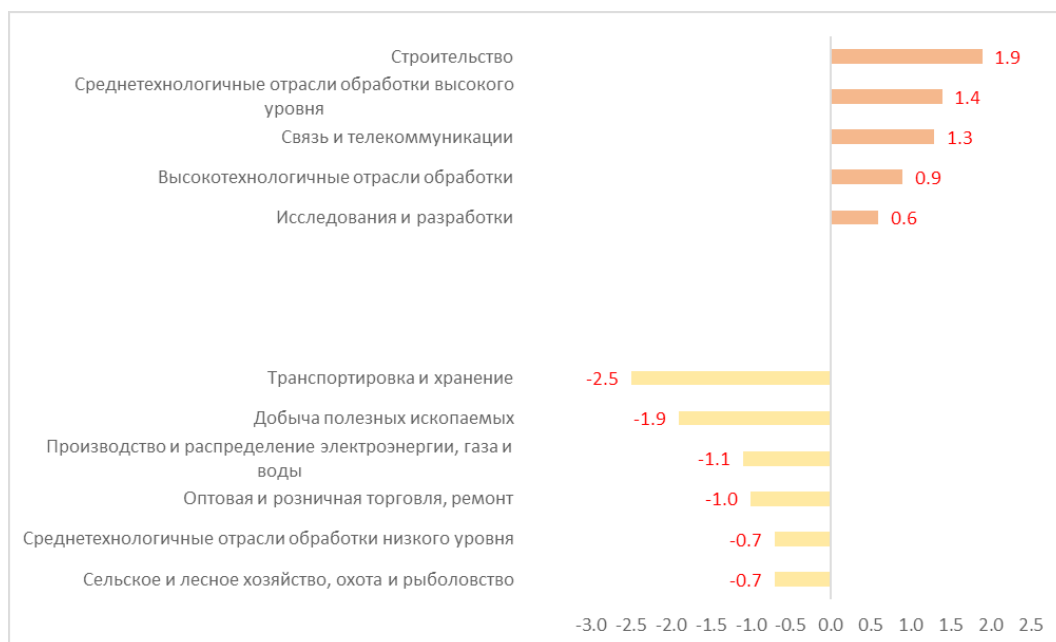
Главные направление влияния технологических сдвигов на структурные характеристики нашей экономики – это снижение торговых и транспортных наценок, постепенный рост энергоэффективности и снижение значимости сектора добычи полезных ископаемых, постепенное снижение влияния на экономическую динамику среднетехнологических отраслей низкого уровня и сельского хозяйства.

Одновременно с этим в перспективе до 2035 г. следует ожидать увеличения вклада в экономическую динамику строительства, что будет связано с реализацией крупных инфраструктурных проектов. Строительные работы, финансируемые государством, также будут компенсировать относительно низкий уровень инвестиционной активности бизнеса на начальной стадии реализации структурной перестройки экономики. Реализация концепции технологического суверенитета будет способствовать росту значимости среднетехнологических отраслей высокого уровня, к которым относятся химическое производство, производство машин и оборудования, производство электрооборудования, производство автомобилей и т.д. Рост значимости сектора связи и телекоммуникации станет результатом увеличения затрат на IT-технологии при реализации технологий цифровизации. Этот рост будет балансироваться снижением издержек на транспортировку и хранение, связанное со снижением необходимого объема запасов у производителей, потребителей и в торговле. Все эти изменения будут невозможны без роста затрат на исследования и разработки.

Описанные выше структурные сдвиги не носят радикального характера, но, с одной стороны, соответствуют возможной эволюции уровня используемых в ключевых секторах российской экономики технологий, а с другой стороны, объемам инвестиционных ресурсов, направляемых на цели модернизации российской экономики.

Что касается высокотехнологичных видов деятельности, к которым относятся фармацевтика, авиакосмический комплекс и производство компьютерного оборудования, то рост их вклада в формирование экономической динамики будет относительно скромным. При этом следует учитывать, что опережающий рост в этом сегменте будет означать расширение компетенций нашей страны в наиболее наукоемких секторах промышленности, имеющих перспективы выхода на внешние рынки.

Рис. 2.
Изменение доли вида деятельности в формировании ВВП (2023–2035 гг.), п.п.

Источник:
расчеты ИНП
РАН

Таким образом, российская экономика находится перед необходимостью адекватного ответа на вызовы, сформировавшиеся под воздействием радикального изменения параметров взаимодействия с внешним миром. Меняющаяся модель развития мировой экономики также диктует определенные изменения в наборе факторов, определяющих экономическую динамику. У российской экономики существует возможность расширения потенциала экономического роста на базе структурных сдвигов, связанных с изменением технологического уровня производства и реформатированием системы внешнеэкономических связей. Целью структурно-технологического маневра должно стать такое повышение качества экономического роста, которое обеспечит устойчивость экономического развития нашей страны в ближайшие 15–20 лет.

Библиографический список

1. Гусев М.С. Стратегия экономического развития России – 2035: пути преодоления долгосрочной стагнации / М. С. Гусев // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 2 (197). – С. 18–29. – DOI: 10.47711/0868-6351-197-18-29.
2. Некипелов А.Д. Об экономической стратегии и экономической политике России в современных условиях / А.Д. Некипелов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230, № 4. – С. 76–89. – DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-76-89.
3. Гимпельсон В.Е. Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2023. – № 1. – С. 59–85. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85.
4. Enderwick P., Buckley P. J. Rising regionalization: will the post-COVID-19 world see a retreat from globalization? // Transnational Corporations Journal. – 2020. – Т. 27. – № 2.
5. Фитуни Л.Л. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства / Л.Л. Фитуни, И.О. Абрамова // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 11. – С. 5–13. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-5-13.

6. Atkinson R.D., Foote C. *To Understand Chinese Innovation Success, Look no Further than Government R&D Subsidies*. Washington, Information Technology and Innovation Foundation, 23.10.2019.
7. Головин М.Ю. *Позиции и перспективы валют стран с формирующимися рынками // Мировая экономика и международные отношения*. – 2023. – Т. 67, № 1. – С. 16–24. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-16-24.
8. *Роль цифровизации в целевом сценарии развития экономики России / Д.П. Белоусов, К.В. Михайленко, Е.М. Сабельникова, О.Г. Солнцев // Проблемы прогнозирования*. – 2021. – № 4 (187). – С. 53–65. – DOI: 10.47711/0868-6351-187-53-65.
9. *О долгосрочном научно-технологическом развитии России: монография / Под ред. Белоусова Д.П. и Фролова И.Э.* – М.: Динамик принт, 2022. – 168 с. – (серия: Научный доклад ИНП РАН). DOI: 10.47711/sr3-2022.
10. И.Э. Фролов, В.Н. Борисов, Н.А. Ганичев. *Проблемы перехода к инновационному развитию российской экономики в условиях форсированного импортозамещения // Проблемы прогнозирования*. 2023. № 4 (199). С. 67–81. DOI: 10.47711/0868-6351-199-67-81.
11. Bell, Daniel. *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting / Daniel Bell*. – New York: Basic books, Cop. 1973. – XIII, 507 с.
12. Узяков М.Н. *Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз / М.Н. Узяков // Проблемы прогнозирования*. – 2011. – № 2 (125). – С. 3–18.
13. Полтерович В.М. *Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада / В.М. Полтерович // Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2022. – № 3 (55). – С. 238–244. – DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-17.
14. *Where is the EU headed given its current climate policy? A stakeholder-driven model inter-comparison / A. Nikas, K. Koasidis, H. Doukas [et al.] // Science of the Total Environment*. – 2021. – Vol. 793. – P. 148–549. – DOI: 10.1016/j.scitotenv.2021.148549.
15. Саенко В.В. *Перспективы российского энергетического экспорта в условиях реализации мер международной климатической политики / В.В. Саенко, А.Ю. Колпаков // Проблемы прогнозирования*. – 2021. – № 6 (189). – С. 113–124. – DOI: 10.47711/0868-6351-189-113-124.

References

1. Gusev M.S. *Strategiya ekonomicheskogo razvitiya Rossii – 2035: puti preodoleniya dolgosrochnoj stagnacii / M. S. Gusev // Problemy prognozirovaniya*. – 2023. – № 2(197). – S. 18–29. – DOI: 10.47711/0868-6351-197-18-29.
2. Nekipelov A.D. *Ob ekonomicheskoy strategii i ekonomicheskoy politike Rossii v sovremennykh usloviyah / A.D. Nekipelov // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. – 2021. – Т. 230, № 4. – S. 76–89. – DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-76-89.
3. Gimpel'son V.E. *Evoluciya struktury rabochih mest v Rossii: polyarizaciya, uluchshenie, zastoj? / V.E. Gimpel'son, R.I. Kapelyushnikov // Voprosy ekonomiki*. – 2023. – № 1. – S. 59–85. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85.
4. Enderwick P., Buckley P.J. *Rising regionalization: will the post-COVID-19 world see a retreat from globalization? // Transnational Corporations Journal*. – 2020. – Т. 27. – № 2.
5. Fituni L.L. *Razvivayushchiesya strany v novom uravnenii postkrizisnogo miroustrojstva / L.L. Fituni, I.O. Abramova // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2022. – Т. 66, № 11. – S. 5–13. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-5-13.
6. Atkinson R.D., Foote C. *To Understand Chinese Innovation Success, Look no Further than Government R&D Subsidies*. Washington, Information Technology and Innovation Foundation, 23.10.2019.

7. Golovnin M.YU. *Pozicii i perspektivy valyut stran s formiruyushchimisya rynkami // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* – 2023. – T. 67, № 1. – S. 16–24. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-16-24.
8. *Rol' cifrovizacii v celevom scenarij razvitiya ekonomiki Rossii / D.R. Belousov, K.V. Mihajlenko, E.M. Sabel'nikova, O.G. Solncev // Problemy prognozirovaniya.* – 2021. – № 4 (187). – S. 53–65. – DOI: 10.47711/0868-6351-187-53-65.
9. *O dolgosrochnom nauchno-tehnologicheskom razvitii Rossii: monografiya / Pod red. Belousova D.R. i Frolova I.E.* – M. Dinamik print, 2022. – 168 s. – (seriya: Nauchnyj doklad INP RAN). DOI: 10.47711/sr3-2022.
10. I.E. Frolov, V.N. Borisov, N.A. Ganichev. *Problemy perekhoda k innovacionnoemkomu razvitiyu rossijskoj ekonomiki v usloviyah forsirovannogo importozameshcheniya // Problemy prognozirovaniya.* 2023. No 4 (199). S. 67–81. DOI: 10.47711/0868-6351-199-67-81.
11. Bell, Daniel. *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting / Daniel Bell.* – New York: Basic books, Cop. 1973. – XIII, 507 s.
12. Uzyakov M.N. *Effektivnost' ispol'zovaniya pervichnyh resursov kak indikator tekhnologicheskogo razvitiya: retrospektivnyj analiz i prognoz / M.N. Uzyakov // Problemy prognozirovaniya.* – 2011. – № 2 (125). – S. 3–18.
13. Polterovich V.M. *Eshche raz o tom, kuda idti: k strategii razvitiya v usloviyah izolyacii ot Zapada / V.M. Polterovich // ZHurnal Novej ekonomicheskoj asociacii.* – 2022. – № 3 (55). – S. 238–244. – DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-17.
14. *Where is the EU headed given its current climate policy? A stakeholder-driven model inter-comparison / A. Nikas, K. Koasidis, H. Doukas [et al.] // Science of the Total Environment.* – 2021. – Vol. 793. – P. 148–549. – DOI: 10.1016/j.scitotenv.2021.148549.
15. Saenko V.V. *Perspektivy rossijskogo energeticheskogo eksporta v usloviyah realizacii mer mezhdunarodnoj klimaticheskoj politiki / V.V. Saenko, A.YU. Kolpakov // Problemy prognozirovaniya.* – 2021. – № 6 (189). – S. 113–124. – DOI: 10.47711/0868-6351-189-113-124.

Контактная информация / Contact Information

Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47
Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences
47, Nakhimovsky prospect, 117418, Moscow, Russia
Широв Александр Александрович / Alexander A. Shirov
schir@ecfor.ru

ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В НАЧАЛЕ 2020-Х ГОДОВ В МИРЕ И В РОССИИ

*ДОКЛАД НА ПЛЕНАРНОМ
ЗАСЕДАНИИ МАЭФ, РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК, 7 ИЮНЯ 2023 Г.*

SUSTAINABLE DEVELOPMENT PRIORITIES AND THE CLIMATE AGENDA IN THE EARLY 2020S IN THE WORLD AND IN RUSSIA

*REPORT AT THE MAEF PLENARY
MEETING, RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES, JUNE 7, 2023*

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-72-80

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич

Сопредседатель программного комитета МАЭФ, вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор

Boris N. PORFIRIEV

Co-Chairman of the IAEF Program Committee, Vice-President of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Head of the Economics Section of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Уважаемые коллеги! Мир сейчас находится на экваторе реализации ООН Повестки-2030 по устойчивому развитию. Закономерно, что именно в этом году в сентябре на специальном саммите ООН будут подводиться промежуточные итоги реализации этой масштабной программы, ядро которой составляют 17 целей и 169 задач устойчивого развития (рис. 1). Опыт подтверждает, что эти цели и задачи остаются исключительно актуальными и, что очень важно, неразрывно связанными друг с другом.

Рис. 1.
Прогресс в реализации целей устойчивого развития в мире

Прогресс в их достижении очень неравномерен по странам и континентам, но в целом ситуация выглядит достаточно тревожно. В глобальном масштабе удовлетворительный (плановый) прогресс не достигнут ни по одной из этих 17 целей; частичный прогресс – по 11 из них, что составляет 65%; и по шести целям (т.е. более чем трети их числа) зафиксирован регресс (движение вспять). Принципиально такая картина характерна и для основных регионов мира, включая Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) – крупнейший и наиболее динамичный в мировой экономике. Практически по всем целям устойчивого развития достигнутый к 2022 г. прогресс не соответствовал темпам, необходимый для достижения этих целей в 2030 г. Особенно отстает решение таких важнейших задач, как обеспечение чистой водой, динамичный и инклюзивный экономический рост, который является источником доходов, необходимых для достижения всех 17 целей, сохранение морской биоты и жизни в целом в морских глубинах. По климатической цели Повестки-2030 наблюдается серьезный регресс. Даже в промышленно развитых странах ОЭСР по каждой пятой цели устойчивого развития за период 2015–2022 гг. наблюдалось серьезное отставание или попятное движение (рис. 2).

В секторальном (отраслевом) разрезе за постпандемийные 2021–2022 гг. выбросы парниковых газов увеличились в мире в целом на 7% после падения примерно на 5,4% в 2020 г. Глобальные эмиссии только от энергетических источников в 2022 г. достигли рекордных 37 Гт, что подрывает цели на 2030 г. В том же АТР, по сравнению с 2010 г., вместо снижения на 45%, которое должно быть достигнуто к этому рубежу, по прогнозу МЭА, будет наблюдаться рост на 16%.

Как известно, вода – основа жизни человека, в том числе его экономической активности. В мире больше четверти населения, порядка двух миллиардов, не имеют

Рис. 2. Динамика результативности реализации целей устойчивого развития в АТР (2015–2022 vs 2030)

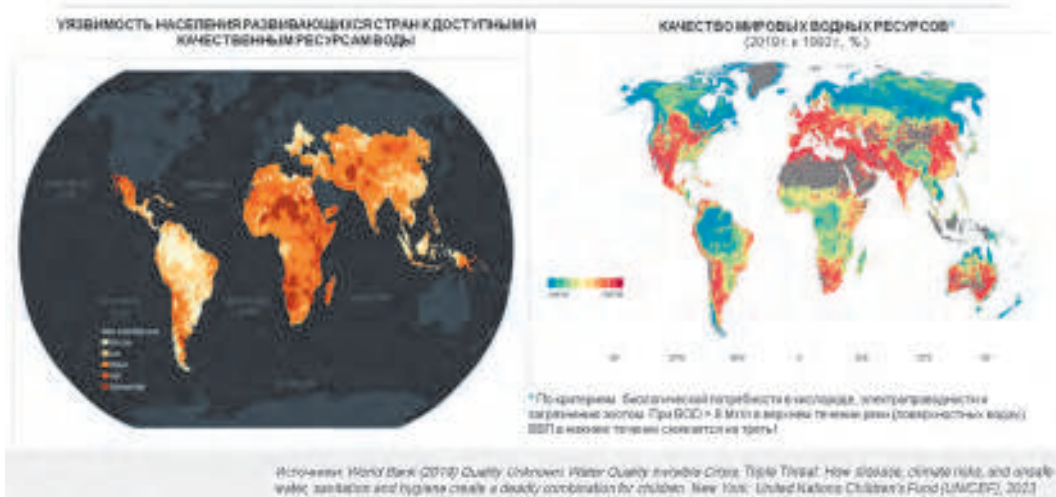
Источник: UN ESCAP (2023) Asia and the Pacific SDGs Progress Report: Championing Sustainability despite Adversities 2023

доступа к безопасной питьевой воде, а почти половина людей (46%) – к безопасным санитарным услугам, из-за чего умирает ежедневно более 1 тыс. детей до 5 лет. Это тем более тревожно, что речь идет о поистине критическом ресурсе, намного более значимом для устойчивого развития, чем нефть, газ, атом, о которых говорят все и везде. Но именно доступность и качество водных ресурсов определяет здоровье и благополучие людей, а также экономики (рис. 3).

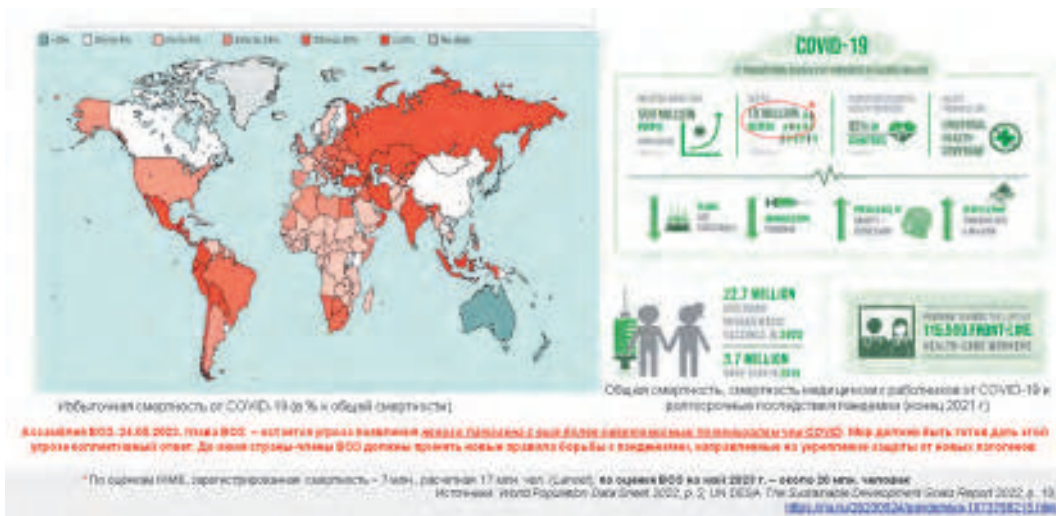
Каковы причины и последствия торможения реализации целей устойчивого развития в последние годы? Прежде всего, это, конечно, мощное негативное влияние пандемии коронавируса, на последствия которой наложились нынешние геэкономический и геополитический кризисы. От пандемии COVID-19 в мире реально

Рис. 3. Экологический вызов устойчивому развитию: водный стресс

скончались более 20 млн человек – величина, втрое превышающая данные официальной статистики (7 млн) на конец 2022 г. и по порядку близкая к потерям нашей страны в Великой Отечественной войне (рис. 4). В целом по миру эта пандемия стала причиной каждой девятой смерти, составив 12% от общего показателя глобальной смертности, причем в ряде стран этот вклад был существенно выше, в том числе и в России. Что касается экономического ущерба от пандемии COVID-19, согласно опубликованному в мае 2023 г. Национальной академией наук США докладу, совокупные потери за три года достигли 13 трлн долл., или примерно 6% ВВП в среднегодовом выражении ВВП. Наши собственные оценки по России дают примерно ту же величину нагрузки на отечественную экономику. И это без учета последствий от так называемого затяжного COVID-19 (при котором последствия заболевания устойчиво проявляются в течение трех и более месяцев).

Рис. 4. Эпидемиологические вызовы устойчивому развитию

Еще одна причина торможения реализации целей устойчивого развития – неэффективная реализация самих этих целей устойчивого развития, которая обуслов-

лена как проблемами (пере)распределения и использования финансовых и других ресурсов, так и – что стоит подчеркнуть особо – некорректными приоритетами целей устойчивого развития. По сути дела, все эти 7 лет, с 2015 г., а на самом деле гораздо дольше, в международном политическом и бизнес-сообществах под влиянием ряда заинтересованных финансово-технологических групп и при активной поддержке контролируемых ими СМИ настойчиво педалируется одна из 17 целей устойчивого развития, а именно цель № 13 – климатическая цель.

Это отчетливо прослеживается на (меж)государственном уровне, прежде всего в группе G7, – яркое свидетельство тому ежегодные доклады Всемирного экономического форума по глобальным рискам за последние 10 лет, в которых климатическая проблема, редуцированная сначала до проблемы снижения выбросов парниковых газов, а потом и до нетто-нулевого их уровня (углеродной нейтральности) к 2050 г. (в противоречии с Парижским соглашением, предусматривающим равную значимость задач снижения эмиссий этих газов и адаптации населения и экономики к изменениям климата), сохраняет лидерство среди всех приоритетов устойчивого развития, причем в средне- (5 лет) и долгосрочной (10 и более лет) перспективе, несмотря ни на пандемию, ни на геоэкономический и геополитический кризисы последних двух лет. Та же картина наблюдается и на глобальном корпоративном уровне. По данным опроса Fortune 500 крупнейших компаний мира в 2021 г., однозначно доминирует климатический фактор, «забывая» другие экологические риски (включая вышеупомянутую проблему водного стресса) и социально-экономические вызовы.

Такая искаженная и далекая от реальной ситуации картина приоритетов целей устойчивого развития приводит к фетишизации одной из них и последующему перекосу в распределении ресурсов, последствиями чего становятся дефицит финансирования и низкая эффективность решений проблем, целый ряд которых (преодоление нищеты, голода, улучшение здоровья и др.) имеют без преувеличения экзистенциальное значение. Не менее опасны последствия такого перекоса и для решения всего комплекса стратегических задач, которые формируют систему целей устойчивого развития (значимость неразрывности которых отмечалась выше) и реализация которых опирается на природный и человеческий капиталы.

Тренды последних 30 лет развития демонстрируют, что в то время как в расчете на душу населения величина произведенного капитала практически удвоилась, немного увеличился человеческий капитал, величина и качество природного капитала (включая биоразнообразие, ценность экосистемных услуг и др.) драматически снизились (рис. 5, правая диаграмма). Что касается человеческого капитала, о недооценке его важности шла речь выше в связи с COVID-19, но на самом деле проблема гораздо шире, о чем свидетельствует содержание цели устойчивого развития № 3 – проблема качества здоровья человека. Ее решение тоже отодвигается – если не в сторону, то вдаль (или, как сейчас принято говорить, «вправо»).

Существенно сдвигаются и сроки энергоперехода, который сторонниками парадигмы климатической экономики справедливо воспринимается как магистральный путь снижения выбросов парниковых газов, но нередко трактуется узко, в терминах сверхускоренного развития и доминирования ВИЭ уже в середине века. Здесь, кстати, в качестве интермеццо, уместно вернуться к предыдущему докладу академика С.Н. Калмыкова, его слайду по поводу последствий аварий в Чернобыле и Фукусиме для динамики развития АЭС (первая не привела к ее снижению

Рис. 5. Экологический вызов устойчивому развитию: глобальные масштабы и динамика

в средне- и долгосрочном плане, а вторая, хотя существенно менее катастрофическая, привела). Ответ очень прост – во времена Чернобыля не было такой климатической повестки, которая есть сейчас, которая просто задавила практически принятие всех стратегических решений в этой области, мы видели соответствующее падение в этом отношении.

Что касается энергоперехода, не только сдвигаются его сроки, т.е. увеличивается риск растяжки во времени, но и его цена. По прогнозам известной консалтинговой компании McKinsey, в целом мировой экономике достижение углеродной нейтральности к 2050 г. обойдется в 9% мирового ВВП со значительным разбросом этих значений по странам. Самая большая нагрузка ложится на экспортеров углеводородов, включая Россию и страны Персидского залива (порядка 20% ВВП). Однако и для ведущих экономик мира, включая США, Китай, страны ЕС, Японию, цена энергоперехода будет ощутимой – порядка 5–6% ВВП, хотя она и «впишется» в пороговую величину 11% ВВП, за пределами которой, как доказывают экономическая теория и практика, начинается торможение экономического роста вплоть до кризисных значений со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для первой же группы стран, включая Россию, сверхамбициозные темпы энергоперехода, сфокусированного на достижении углеродной нейтральности менее чем за 30 лет как главной цели, оказываются просто неприемлемыми, угрожая в долгосрочной перспективе развалом национальной экономики.

Означает ли все это вышеупомянутое снижение актуальности климатической повестки в системе ценностей и приоритетов устойчивого развития? Конечно же нет.

Во-первых, не только не смягчается, но усугубляется проблема глобальная климатических изменений и их последствий, что доказывают бедствия начала 2020-х, включая прошлый и нынешний годы, в Европе, в Азии, да и в нашей стране. Примеры без труда может привести каждый.

Во-вторых, сохраняется экономическая и геополитическая конкуренция по поводу темпов и самой повестки «зеленого» развития, «зеленой» экономики между ее интересантами, прежде всего бенефициарами этой политики в реальном секторе (энергетике, промышленности, сфере услуг). Достаточно упомянуть, что

в 2022 г. «зеленая» экономика по величине была пятым промышленным сектором мировой экономики. Максимальный показатель ее вклада в ВВП был в Великобритании (по разным оценкам, от 6 до 8% ВВП). В этой и других странах ЕС, а также в целом в странах ОЭСР продолжается тенденция по декарбонизации экономики, стремлению ощутимо снизить выбросы парниковых газов. В развивающихся странах – та же тенденция, хотя и менее амбициозная, что хорошо видно на примере Китая и его 14-го пятилетнего плана (2021–2025). Возможно, еще ярче «зеленые» тенденции реализуются в финансовом секторе, где появляются все новые и масштабные институциональные новации, включая стандарты отчетности и раскрытия информации; а также «зеленые» облигации и т.д.

В-третьих, нужно особенно подчеркнуть фактор научно-технической гонки и конкуренции в технологической сфере, связанный с климатической повесткой, важнейшей ареной которой (гонки) является «зеленая» экономика. Пример из области патентной статистики: в конце 1990-х – начале 2000-х годов лидером по «зеленым» патентам, по данным Всемирной патентной организации, были страны Евросоюза, которые заметно опережали другие страны. Примерно к 2010 г. ситуация изменилась: страны ЕС переместились на третье место, уступив лидерство США и Японии, но тем не менее сохранив серьезные позиции. Так, по водородным технологиям с 2011 по 2020 год странам Европы, включая государства – члены ЕС и Великобританию, принадлежала треть всех международных комплексных патентов, тогда как США – 20%. Таким образом, «зеленая» экономика, включая вопросы декарбонизации, остается ареной технологической и научно-технологической борьбы, которая на самом деле обостряется. То, что именно на эту сферу делает ставку Европа, как раз и объясняет ее роль застрельщика мировой климатической повестки и ее сегодняшнее лидерство в области климатической политики, в которой она хотела бы реализовать свои преимущества.

Что все это означает для России? Не вызывает сомнений, тем в более в условиях нынешнего геополитического противостояния и затяжной санкционной войны против нашей страны, что в системе международных экономических отношений и в мировой политике климатическая повестка будет использоваться Западом как рычаг давления на российскую экономику. Часть этих планов известна, в частности стремление Евросоюза использовать в этих целях трансграничное углеродное регулирование (ТУР, или СВАМ в английской аббревиатуре), по сути, налоговое бремя, начиная с 2026 г. Сейчас данная тема временно отошла на задний план, но не отложена «в долгий ящик», как полагают некоторые эксперты. Другой, уже актуальный пример – серьезное осложнение, а во многом замораживание, научно-технического сотрудничества, в том числе РАН с зарубежными партнерами.

Вместе с тем климатическая повестка остается одной из редких сфер мировой политики, в которой сохраняются возможности межгосударственного диалога и научной дипломатии, о чем, в частности, свидетельствует опыт Конференции сторон РКИК ООН (COP-27) в конце 2022 г. в Шарм-эш-Шейхе (Египет). Кроме того, как уже упоминалось выше, решение климатических проблем, как в части снижения эмиссий парниковых газов и поглощения углерода, так и адаптации населения и экономики к изменениям климата и его последствиям, предъясвляет повышенный спрос на научно-технологические инновации. Тем самым подстегивая вложения (а) в фундаментальную науку, прежде всего климатическую, а также в другие науки о Земле и жизни и (б) в высокотехнологичные разработки, в первую очередь для

развития системы мониторинга климатически активных веществ (в рамках реализуемого одноименного важнейшего инновационного проекта государственного значения, первый этап которого завершается в 2024 г.); кроме того – природных, технических и управленческих решений по снижению уязвимости и ожидаемого ущерба от опасных климатических процессов и бедствий.

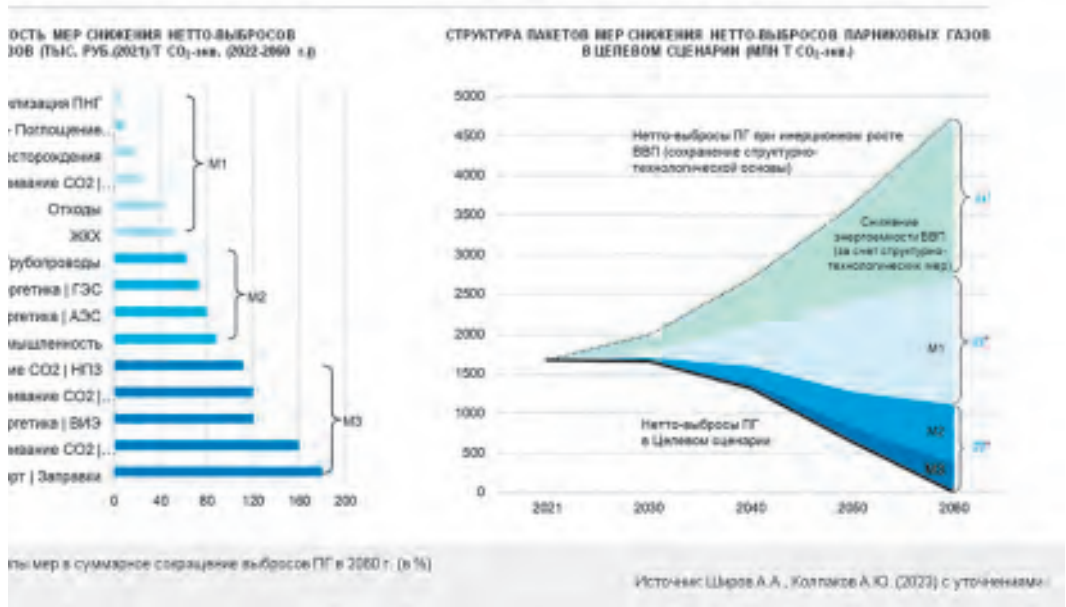
Этот импульс можно и нужно использовать в целях реализации собственной эффективной политики с опорой на национальные интересы. Прежде всего, *ставя в центр решения проблемы устойчивого развития интегральную цель повышения качества жизни, а также обеспечения технологического суверенитета.*

При этом подчеркнем нецелесообразность изменения, переписывания установленных ООН и принятых нашей страной целей устойчивого развития, как предлагают некоторые, в том числе российские, коллеги (в частности, на недавней дискуссии, организованной ВЭБ.РФ, по проблемам устойчивого развития). Эти цели достаточно грамотно и четко сформулированы в основополагающих документах ООН, прежде всего в Повестке-2030 (а также в части, касающейся климата, – в Парижском соглашении). Другое дело их интерпретация отдельными заинтересованными сторонами, которая искажает – вплоть до противоположного смысла – исходные установки и дефиниции, и безуспешные попытки этих «игроков» разорвать органическую взаимосвязь и паритет целей устойчивого развития, оторвав от других и искусственно возведя на вершину одну из них, нарушив тем самым важнейший принцип системности указанных целей. Между тем синергия их реализации, по оценке заместителя Генерального секретаря ООН Лю Джи Миня, может обеспечить эффект в виде получения дополнительных социально-экономических благ до 26 трлн долл. до 2030 г.

Одна из составляющих такого комплексного подхода – национальная стратегия долгосрочного социально-экономического развития с низким уровнем развития парниковых газов, которую Россия должна была разработать в соответствии с требованием Парижского соглашения и которую приняла в 2021 г. Однако сейчас этот важный документ требует актуализации и развития с учетом новых знаний и качественного изменения внешне- и внутриполитической обстановки, включая экономическую сферу. По модельным расчетам моих коллег в ИНП РАН, основой стратегии должен стать комплексный подход, увязывающий задачи устойчивого развития экономики, включая темпы роста ВВП и структурно-технологической модернизации, с задачами экологизации и разумной декарбонизации экономики, опирающимися на критерии (а) наличия технологий, прежде всего отечественных, и (б) их капиталоемкости (удельных затрат).

При этом ключевая роль принадлежит мерам структурно-технологической модернизации, прежде всего в сфере эффективности производства и потребления энергии, а также сравнительно недорогим и имеющимся в России технологиям снижения фугитивных выбросов парниковых газов, утилизации попутного нефтяного газа, обращения с отходами. Согласно упомянутым расчетам, до 2/3 сокращений нетто-выбросов парниковых газов за период до 2060 г. может быть обеспечено именно за счет перечисленных мер (рис. 6). Их реализация может позволить превратить текущее отставание России в технологическом развитии в преимущество, учитывая большой спектр выбора из существующих, но пока не задействованных технологических решений. Такой стратегический подход принципиально отличается от часто предлагаемых концепций и решений, которые делают упор на конкретные специализированные инженерные меры.

Рис. 6. Россия: целевой сценарий устойчивого долгосрочного социально-экономического развития с низким уровнем эмиссий парниковых газов

Кроме того, важная роль в обновленной стратегии должна принадлежать так называемым природным решениям, включая эффективное управление использованием лесов и почв, реализуя комплексные проекты, в полной мере использующие потенциал их экосистемных услуг, не сводя дело к учету и торговле углеродными единицами, тем самым решая одновременно проблемы и климатические, и экологические, и устойчивого экономического роста.

ЭКОНОМИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И БЛАГОСОСТОЯНИЯ: ЕДИНСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЯ

THE ECONOMICS OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND WELFARE: UNITY AND CONTROVERSY

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-81-91

КЛЕПАЧ Андрей Николаевич

Член Правления ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ, заслуженный экономист РФ, к.э.н.

Andrei N. KLEPACH

Member of the Board of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Chief Economist of the State Development Corporation VEB.RF, Honored Economist of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

Преодоление стагнации российской экономики требует не только существенного увеличения инвестиций в науку, технологии и основной капитал, но и опережающие инвестиции в человеческое богатство, особенно в сферы здравоохранения, образования и семьи. Это позволит соединить экономический рост с повышением благосостояния, при условии прекращения экспорта капитала и значительных структурных изменений в оплате труда и его сравнительной эффективности.

Abstract

Overcoming the stagnation of the Russian economy requires a significant increase in investment not only in science, technology and fixed assets, but also advanced investments in human wealth, especially in healthcare, education and families. This will combine economic growth with increased welfare, provided that capital exports cease and there are significant structural changes in wages and their comparative efficiency.

Ключевые слова Заработная плата и прибыль, конкурентоспособный уровень зарплаты, развитие здравоохранения и науки, долгосрочный экономический рост и рост благосостояния.

Keywords *Wages and profits, competitive wages, development of health care and science, long-term economic growth and welfare growth.*

Jel: E320, E58, O11.

Научно-технический прогресс необходим для долгосрочного роста благосостояния населения, но богатство может опираться и совсем на другие факторы, например, на использование природной ренты, импорт технологий и трудовых ресурсов. Само благосостояние носит многомерный характер. Есть выбор между повышением доходов труда и бизнеса, наращиванием потребления и обеспечением доступности качественных медицинских услуг для большинства населения. Для российской экономики последних пятнадцати лет характерна стагнация как экономического роста, реальных доходов населения, так и расходов на НИОКР, здравоохранение и образование. Как выйти из этой стагнационной полосы, чем можно временно пожертвовать, а где пойти вперед?

Научно-технологическое развитие российской экономики за последние 15 лет характеризовалось стагнацией собственных расходов на НИОКР (при некотором увеличении их в реальном выражении), при существенном наращивании импорта технологий. По нашей оценке, НИОКР, воплощенные в импортируемых технологиях, в 2,5–3 раза выше, чем собственные разработки. Экономия на собственных разработках высвобождала ресурсы не столько для опережающего развития накопления и других направлений человеческого капитала, сколько для его экспорта за рубеж. Теперь импорт научно-технологических разработок из недружественных европейских стран замещаем импортом из дружественных стран, в первую очередь Китая, Индии и других азиатских стран, но при этом общая величина расходов пока не меняется.

Научно-технологический комплекс значительно шире, чем собственно сфера исследований и разработок. Доля наукоемкого и высокотехнологичного секторов, по оценке Росстата, составляет 23% ВВП, и она хотя и медленно, но повышается. Правда, сопоставимое значение для развитых стран – это более 30%. Рост за последние годы в основном шел за счет опережающего развития сферы программного обеспечения и цифровых технологий, и в меньшей степени – фармацевтики и тонкой химии. Доля добавленной стоимости, создаваемой сектором науки, опустилась с 1,7% ВВП в 2016–2017 годах до 1,4%. Конечно, наука обладает высоким мультипликативным эффектом и ее вклад в производство выше ее собственной доли в ВВП, однако стагнация расходов на НИОКР и относительное сокращение ее доли в производстве добавленной стоимости – признак серьезной многолетней структурной болезни нашей экономики.

Сфера, связанная с развитием человеческого потенциала (здравоохранение, образование, социальное обеспечение), выросла за десятилетие на 0,6 п.п., что уступало росту финансовой сферы, также относящейся к наукоемким видам деятельности. Пик был достигнут в 2020 году благодаря снижению ВВП и дополни-

тельным расходам на борьбу с ковидом. Если ориентироваться на консервативные параметры финансирования здравоохранения и образования, заложенные в бюджет до 2025 года, то доля сектора производства человеческого потенциала должна относительно понизиться.

В целом можно подытожить, что наукоемкий и высокотехнологичный сектор российской экономики уступает развитым странам по своим размерам, а его структура характеризуется относительно пониженным уровнем развития научного сектора и сектора производства человеческого богатства.

Таблица 1. Доля научно-технологического комплекса в общем объеме ВДС, %

	2011	2018	2019	2020	2021
Наукоемкие, высоко- и среднетехнологичные сектора	19,6	21,3	22,2	24,5	23,0
Высокотехнологичные виды деятельности	1,0	1,2	1,3	1,5	1,6
Среднетехнологичные виды деятельности	2,9	3,0	3,3	3,4	3,6
Наукоемкие виды деятельности	15,8	17,1	17,7	19,7	17,8
в т.ч.					
финансовая деятельность	4,6	5,3	5,4	6,2	5,6
деятельность в сфере телекоммуникаций	1,6	1,0	1,0	1,0	0,9
разработка компьютерного программного обеспечения, информационные технологии	0,6	1,2	1,3	1,6	1,6
деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	1,1	1,1	1,2	1,4	1,3
научные исследования и разработки	1,4	1,5	1,4	1,5	1,4
образование	3,1	3,2	3,3	3,5	3,2
здравоохранение	2,5	2,9	3,0	3,5	3,0

Источник: Росстат

В федеральном бюджете на 2023–2025 годы предусмотрено снижение государственного финансирования НИОКР в номинальном выражении, и трудно в этих условиях ожидать увеличения частного финансирования. Правительство недавно приняло Концепцию технологического развития, нацеленную на ускорение технологического развития страны. В то же время если соотнести целевые значения увеличения расходов на НИОКР с нашим консервативным прогнозом ВВП, то к 2030 году расходы на НИОКР с 1% процента вырастут только до 1,3–1,4% ВВП. Развитые страны уже сейчас тратят более 2% ВВП. Для опережающего развития России и победы в гибридной войне, развязанной Западом, необходима качественно новая система управления сектором науки, технологий и высокотехнологичных производств и как минимум двукратное увеличение расходов и государства и бизнеса.

Технологии и новые знания важны, но есть вещи еще более важные, чем они. Даже если мы создадим передовые технологии, повысим норму накопления, но у нас, как об этом многократно говорилось на предыдущих заседаниях МАЭФ, сохранится негативная динамика по численности населения, устойчивого роста экономики не будет. Ковид в 2020-м и особенно в 2021 году привел к большим демографическим потерям, которые еще долго будут сказываться. Сейчас у нас, с учетом последних данных переписи, 146 с лишним миллионов человек. Перепись, слава Богу, нашла почти 2 миллиона нового населения, в основном, правда, в столичных агломерациях. Но если исходить из показателей динамики рождаемости, даже если она повысится с нынешнего минимального уровня в 1,4, несмотря на снижение смертности, население России к 2050 году, в зависимости от динамики миграции, может сократиться до 133–138 млн человек. Практически ни одна страна в мире с сокращающимся населением долго держать высокие темпы роста не могла.

Есть ли возможность преодолеть этот негативный тренд, как повысить рождаемость и понизить смертность? Даже сейчас у нас кроме Северного Кавказа высокий коэффициент рождаемости пока, слава Богу, есть на Дальнем Востоке. Видимо, это вопрос не доходов, потому что доходы там ниже, чем в России в целом, а вопрос строя жизни и ценностей, которыми руководствуются семьи, ценность материнства, ценность и ответственность отцовства. В то же время материальные стимулы могут способствовать существенному повышению рождаемости. Согласно результатам проведенного Росстатом в 2022 г. выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, 49% мужчин и женщин отметили, что меры государственной поддержки, введенные с 1 января 2007 г. (включая материнский капитал), помогли принять решение о рождении второго ребенка. В отношении третьего ребенка положительный эффект от мер отметили 51% женщин и 49% мужчин.

При этом около 21% опрошенных мужчин и четверти женщин с одним или двумя детьми отметили, что рождение еще одного ребенка окажет негативный эффект на благосостояние семьи. Фактор риска снижения среднедушевых доходов семьи и ухудшения условий жизни оказывается значимым при принятии решения о деторождении.

Сейчас материнский капитал на первого ребенка почти вдвое выше, чем на второго. Целесообразно за второго и третьего ребенка платить больше, чем за первого, и продлить выплаты материнского капитала на всех последующих детей, как это сделано, например, в Сахалинской области. В регионах с более высокой стоимостью продуктов питания, вообще обучения и условий жизни, как в Сибири и на Дальнем Востоке (на Дальнем Востоке это даже сделали), материнский капитал должен быть выше, как и размеры пособий на детей до достижения ими совершеннолетия.

В долгосрочной перспективе (после 2030 года) целесообразно рассмотреть возможность введения универсального ежемесячного пособия на детей до 16 лет включительно, независимо от величины доходов семьи: до достижения ребенком трех лет – в размере двух прожиточных минимумов, одного прожиточного минимума при старших возрастах. Целью данной меры является обеспечение гарантированного устойчивого уровня жизни для многодетной семьи. Опыт ряда стран, в частности Франции, подтверждает значимость этой меры для повышения качества жизни многодетных семей и коэффициента рождаемости. В целом системную современную семейную политику еще предстоит сформировать и обеспечить ее достаточным уровнем финансирования

Наряду с решением финансовых вопросов необходимы последовательные системные меры по укреплению репродуктивного здоровья матерей и отцов. Надо извлечь уроки из резкого скачка материнской смертности в 2020–2021 годах и выработать меры противодействия. Хронической нравственной болезнью российского общества является высокий уровень аборт. Доля аборт в общей сумме числа рождений и числа аборт составила в 2021 г. 23%, и в отдельных регионах она достигает 40%. Системная нравственная и организационно-консультативная помощь женщинам при попадании в тяжелую жизненную ситуацию должна помочь преодолеть эту общественную болезнь и повысить рождаемость. В целом при формировании, по сути, новой модели семейного поведения (демографического перехода иного типа, чем в современных европейских странах) коэффициент рождаемости может повыситься до 1,5–1,6 к 2030 году и до 1,83–1,86 к 2050 году.

Наряду с увеличением рождаемости еще более весомым фактором роста народонаселения России выступает снижение смертности до уровня развитых стран (не более 10,0 на 1000 чел.) при поддержании миграционного притока на уровне 200–300 тыс. человек в год. Миграция, если она не сопровождается органическим встраиванием (ассимиляцией) мигрантов в российское общество, может по опыту Западной Европы породить серьезные социальные проблемы и конфликты. Однако отгородиться от мира новым железным занавесом вряд ли удастся. Мир в условиях современных геополитических конфликтов и климатических изменений живет под ударами мощных волн миграции, и они докатятся и до наших границ. Обеспечить серьезный рост населения, особенно в сибирских и дальневосточных регионах без миграции, вряд ли возможно. И Царская Россия, и СССР умели притягивать и интегрировать переселенцев, в т.ч. из европейских стран. Россия также может и должна стать добрым притягательным домом как для своих сограждан, так и для тех, кто хочет и может стать россиянами, а также соотечественников, которые ее покинули ранее. В результате этих демографических изменений население страны, по оценке института ВЭБ, может вырасти до 150–155 миллионов человек к 2050 году (без учета населения новых субъектов страны).

В новых субъектах России население оценивается около 6 млн человек, и после окончания СВО можно ожидать серьезного восстановительного роста рождаемости, хотя на Украине раньше коэффициент рождаемости был еще ниже, чем в России. Демографическая ситуация в странах-соседях — тема особого исследования, но она важна для оценки перспектив миграционных потоков в Россию и в целом роста демографического потенциала ЕАЭС-СНГ и Большого Евразийского партнерства.

Развилка между инвестициями в сферу науки и технологий или развитием социального капитала довольно асимметрична. Для повышения Россией расходов на НИОКР до конкурентного уровня с развитыми странами их надо увеличить на 1,5–2 п.п. ВВП. Для достижения стандартов развитых стран по уровню человеческого капитала инвестиции надо увеличит в разы масштабнее: расходы на образование необходимо повысить на 2–2,5% ВВП, здравоохранение — на 3–4% ВВП, семейную политику — на 0,6–1% ВВП. При этом для решения инфраструктурных вопросов, обновления промышленной базы и достижения высоких стандартов жилищного и коммунального обеспечения накопление основного капитала должно повыситься на 4–5% ВВП. Скачок расходов на развитие на 11–15 п.п. ВВП потребует или пропорционального относительного снижения уровня потребления, или прекращения оттока капитала, который сейчас поднялся почти до 10% ВВП.

Существенное сокращение финансирования секторов здравоохранения и образования привело к снижению позиции России в индексе человеческого развития и уменьшению вклада человеческого капитала в рост ВВП в последние 10 лет. Перелом этой тенденции может как повысить темпы роста ВВП, так и поднять Россию в рейтинге качества человеческого развития до первой десятки стран в 2035–2040 годах.

Таблица 2. Сравнительный уровень качества жизни и человеческого капитала

Показатель в среднем за 5 лет	Страны	2006–2010	2011–2015	2016–2020	
Расходы, % ВВП	Швеция		7,1	7,3	
	Франция		6,0	5,9	
	Образование	Германия		5,3	5,3
	Россия	5,1	4,5	4,5	
	Германия	10,6	11,0	11,7	
Вклады в рост ВВП, п.п.	Франция	10,7	11,4	11,5	
	Швеция	8,3	10,8	11,0	
	Образование	Россия	5,7	5,1	5,7
	Здравоохранение	Россия	0,7	0,5	0,2
			1	0,2	0,3
		2010	2017	2020\место	
Индекс человеческого развития (ИЧР)	Швеция	0,762	0,800	0,795\8	
	Франция	0,757	0,765	0,763\18	
	Германия	0,761	0,795	0,751\25	
	Россия	0,601	0,729	0,681\41	

Источник: ОЭСР, оценки Института ВЭБ

Как осуществить такой структурный сдвиг и найти баланс между его разными направлениями, пока неясно. Механизмы венчурного и фондового финансирования, платной медицины и платного образования с такими масштабными изменениями не справятся. Кроме того, возникает острая проблема с доступностью, а точнее с недоступностью, для значительной части населения качественных услуг образования и здравоохранения. Даже при значительном повышении уровня банковского и квази-банковского финансирования со стороны институтов развития накопления капитала и НИОКР спрос на государственное, то есть общественное финансирование долгосрочных разработок, инфраструктурных проектов, базовых стандартов образования и здравоохранения резко возрастает. Даже при повышении нынешнего крайне низкого уровня государственного долга вдвое-втрое профинансировать этот структурный маневр можно только при повышении налогов. При этом

Таблица 3. Прогноз увеличения инвестиций в развитие человеческого капитала и повышения его роли в экономическом развитии*

Показатель в среднем за 5 лет	Сценарий	2016–2020	2021–2025	2026–2030	2031–2035
Расходы, % ВВП					
Образование	Базовый	4,5	4,3	4,8	5,0
	Оптимистичный		4,4	5,2	6,3
Здравоохранение	Базовый	5,7	6,2	5,9	6,0
	Оптимистичный		6,4	7,2	8,9
Вклады в рост ВВП, п.п					
Образование	Базовый	0,2	0,0	0,1	0,2
	Оптимистичный		0,1	0,4	0,6
Здравоохранение	Базовый	0,3	0,1	0,0	0,1
	Оптимистичный		0,2	0,6	0,7

Источник: ОЭСР, оценки Института ВЭБ

*Базовый, или консервативный, прогноз отражает принятые в бюджете и основных стратегических документах параметры развития; оптимистичный прогноз предполагает проведение системных преобразований и перелом сложившихся тенденций.

Рис. 1. Динамика доли заработной платы в ВВП, % (без социальных выплат)

Источник: ОЭСР, Росстат, Институт ВЭБ

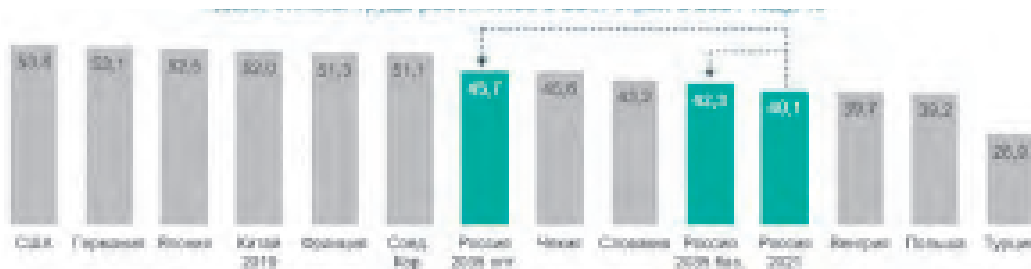

часть повышения будет компенсировать ожидаемое существенное, почти вдвое, относительное снижение нефтегазовых бюджетных доходов.

Кто заплатит за эти преобразования, какая часть общества? Все последние годы мы развиваемся по траектории, связанной с уменьшением доли заработной платы в ВВП и увеличением доли прибыли. Если в 2015 году в России около 48% ВВП приходилось на заработную плату, то сейчас 39%, то есть мы вышли примерно на уровень Польши, но, правда, еще лучше, чем в Турции. Тем не менее это существенно ниже, чем в развитых странах – США, Германии, Великобритании.

Возникает вопрос: на чем будет дальше строиться наш экономический рост – относительное снижение заработной платы и повышение прибыли или, напротив, ее увеличение и снижение нормы прибыли, что будет тормозить и накопление капитала? Конечно, норма накопления может определенное время повышаться и при

Рис. 2. Доля оплаты труда работников в ВВП стран в 2021 году, %

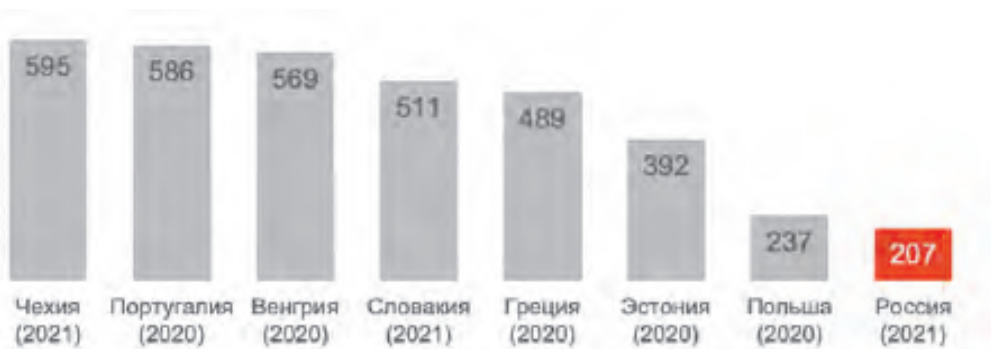

Источник:
ОЭСР, Росстат, Институт ВЭБ

снижении нормы прибыли за счет уменьшения оттока капитала или снижения налогов. Технологический рывок требует как увеличения инвестиций в новое оборудование, так и проведения новых разработок, а это ведет к увеличению заработной платы исследователей и инженеров и способствует достижению ею конкурентоспособного уровня, чтобы избежать «бегства мозгов».

Каков конкурентоспособный уровень заработной платы и какая проблема острее – низких инвестиций или низкой заработной платы? Мы значительно отстаем даже от стран Восточной Европы, кроме Польши и тем более развитых стран, по уровню фонда вооруженности. Это следствие дефицита капитала и низкой нормы накопления. Повышение нормы накопления (основного капитала) многократно ставилось в качестве приоритетной задачи экономической политики, в том числе и в указах президента, но она у нас последние 10 лет стагнирует вокруг 21–22%.

Рис. 3. Фондовооруженность работников, тыс. \$ по ППС 2021

Источник:
ОЭСР, оценки Института ВЭБ

Рис. 4. Уровень зарплаты, \$ по ППС 2021 в месяц

Источник:
ОЭСР, оценки Института ВЭБ

С точки зрения заработной платы: с одной стороны, мы не так уж плохо выглядим на фоне Словении, Греции, но по сравнению с Польшей наша заработная плата при расчете по паритету покупательной способности на треть ниже. Возникает вопрос:

в этих условиях мы должны сохранить существующую тенденцию к сокращению относительно заработной платы и ее доли в ВВП и получение конкурентных преимуществ за счет низкой заработной платы или все-таки идти по линии опережающего роста заработной платы и через это создавать стимулы и для робототехники, и для повышения фондовооруженности труда?

Заработные платы в России формируются не просто рынком, но государственным регулированием оплаты труда в бюджетной сфере, где с 2012 года установлены целевые ориентиры для отдельных категорий работников здравоохранения, образования, науки. В долгосрочном плане повышается роль сопоставления зарплаты целевиков не столько со средней в регионе, сколько с ее уровнем в развитых странах, в том числе в странах Восточной Европы, и сравнительным уровнем производительности труда. После начала СВО возник новый важный бэнчмарк – жалование мобилизованных и контрактников, который в условиях дефицита рабочей силы разгоняет рост заработной платы в реальном секторе.

Наибольшее межстрановое отставание мы видим в сфере образования. В России и в дошкольном образовании, и в общем образовании зарплата почти в два раза ниже, чем в Чехии и в Эстонии, и в три раза ниже, чем во Франции и США. В сфере здравоохранения у нас огромный разрыв по среднему, тем более по младшему медицинскому персоналу – практически в два с лишним раза. По зарплате врачей мы отстаем от Польши на 20%, от развитых стран примерно вдвое. Таким образом, у нас есть потребность в существенном повышении сравнительной заработной платы и в ее опережающем росте в секторах образования, здравоохранения.

В науке картина вроде бы не такая плохая. Мы отстаем от развитых стран не так уж сильно и выглядим существенно лучше, чем Китай. Однако эти цифры не отражают всей степени неравенства в том же научно-технологическом секторе. В среднем в научном секторе зарплата относительно сопоставимая, то есть отстает от Франции на 40–50%, но выше, чем в Китае. Зато если мы берем инженерно-технические кадры, то у нас средняя зарплата по паритету покупательской способности в секторе и науки, и технологического развития уже будет ниже, чем в Китае. Это способствует тому, чтобы наши разработчики переселялись в Китай иногда целыми коллективами, тем

Таблица 4. Заработная плата за 2020 год* (\$ по ППС, потребление) Здравоохранение Образование

Зарплата	Врачи-специалисты	Средний медперсонал	Зарплата	Дошкольные педагоги	Педагоги общего образования
Германия	15707	499	США	4683	4995
Франция	8546	3618	Франция	3672	4021
Турция	8380	3090	Чехия	2340	2936
Чехия	6193	3548	Эстония	2037	2635
Польша	3921	3725	Венгрия	2120	2290
Россия	3438	1762	Россия	1339	1637

* При отсутствии данных за 2020 год указывались данные за другие ближайшие годы.

Таблица 5. Заработная плата в науке за 2020 год* (\$ по ППС, потребление)

Оплата на 1 работника**	Занятые в НИОКР
Германия	6842
Франция	5166
Россия	2993
Турция	2861
Польша	2387
Китай	1877

** Оценивается как отношение направления использования средств «Оплата труда» (включает обязательные отчисления) к численности занятых в секторе.

*** Данные по отдельным категориям работников социальной сферы и науки, вошедшим в «майские указы» 2012 года.

Источник: ОЭСР, Институт ВЭБ

более когда им дают жилье и возможность реализовать многие наработки, которые тормозятся на Родине. Поэтому на самом деле нам нужен серьезный рывок все-таки в опережающем росте заработной платы именно в секторах, от которых зависит наше будущее – здоровье людей, образование и технологическое развитие.

При этом необходимо понизить межрегиональную дифференциацию в бюджетном секторе, которая различается в оплате педагогов между регионами в 2–3 раза, медицинских работников – в 2,6–2,7 раза, научных работников – в 3,6 раза. Уменьшение этого неравенства – важная предпосылка обеспечения базового стандарта образования и медицинских услуг для всех граждан страны во всех регионах и обеспечения тем самым социальной целостности страны и справедливости.

При значительном отставании от наших конкурентов в секторах развития человеческого богатства в ряде рентных секторов складывается противоположная картина. В России зарплата в финансовом секторе примерно в 2,5, а в добывающих отраслях в 1,8 раза выше, чем в среднем по экономике. Если взять США, то там финансовый сектор превышает средний уровень всего в 1,6–1,7 раза. С другой стороны, за последние годы аграрный сектор улучшил свое положение по сравнению со средней зарплатой в экономике. Если раньше аграрники получал около 50% от средней в экономике, то сейчас около 70%.

За последние два года эти дисбалансы в оплате труда из-за СВО возросли, так как в базовых и оборонных секторах зарплата резко ускорила рост, а возможности бюджета, в т.ч. в социальной сфере, стали более ограниченными. В ближайшие годы в условиях острого дефицита рабочей силы в реальном секторе экономики и особенно в секторах высоких и средних технологий инвестиции в оборудование неизбежно получают приоритет. Это приведет к повышению эффективности производства и к относительному увеличению доли прибыли в ВВП. Более широкое использование труда, в том числе за счет миграции и удаленных форм работы, может замедлить рост заработной платы, но вести к повышению эффективности бизнеса. Тем не менее в среднесрочном и особенно в долгосрочном плане нам придется решать

задачу опережающего финансирования науки и развития социального капитала, а значит, и опережающими темпами повышать зарплату в секторах, направленных на развитие и повышение качества человеческого капитала. Потребность в росте квалификации и профессиональных навыков в средне- и долгосрочной перспективе приведет к постепенному повышению доли заработной платы в доходах и ВВП. Развитие институтов на рынке труда (рост минимальной заработной платы, пособия по безработице, социальных выплат) будет также вести к увеличению доли оплаты труда в ВВП.

Сбалансировать рост накопления, технологий и развития человеческого капитала поможет мобилизация на внутренние инвестиции ренты, которая сейчас активно экспортируется зарубеж, а также перераспределение доходов от финансового в реальный сектор экономики. Избыток сбережений над инвестициями, который у нас есть, обычно составляет около 5% ВВП, в последние годы до 10% ВВП. И хотя дальше рента и в данном случае возможности для экспорта капитала будут снижаться, у нас все равно есть огромная возможность для того, чтобы эти средства инвестировать в наше развитие и в основной капитал, в дороги, оборудование и в человеческий капитал. Это финансовый и структурный маневр при эффективном точечном последовательном системном использовании ресурсов должен и может дать значительный подъем российской экономики и качества жизни.

До 2012 года у нас реальные доходы населения были выше, чем в Польше. Сейчас они составляют примерно 90%. Если сохранять нынешние тенденции, то они могут скатиться и до 70 с лишним процентов. Однако при проведении этого структурного маневра, о чем говорил и Александр Александрович Широв, и я больше акцентирую внимание на развитии человеческого капитала, мы при темпах роста 3–3,5% в год можем обогнать до 2035 года Польшу, а к 2040 году выйти на уровень развитых европейских стран Франции и Германии. Ресурсы для этого есть, это вопрос именно структурных и институциональных изменений нашей экономической политики и в нашем обществе.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

Reference

1. Federal State Statistics Service (Rosstat) [Electronic resource]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

Контактная информация / Contact information

Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»
Москва, 125009, ул. Воздвиженка, д. 10.
VEB.RF, 10, Vozdvizhenka Street, Moscow, 125009, Russia.
info@veb.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

STRATEGIC PLANNING IN THE RUSSIAN FEDERATION — GEOPOLITICAL ASPECTS

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-92-103

ПАНИНА Елена Владимировна

Директор Института международных политических и экономических стратегий — Русстрат, член Президиума ВЭО России, председатель Комитета ВЭО России по стратегическому планированию, вице-президент РСПП, председатель Московской конфедерации промышленников и предпринимателей (работодателей), действительный член РАЕН, д.э.н., профессор

Elena V. PANINA

Director of the Institute of International Political and Economic Strategies — Russtrat, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Chairman of the Strategic Planning Committee of the VEO of Russia, Vice-President of the RSPP, Chairman of the Moscow Confederation of Industrialists and Entrepreneurs (Employers), full member of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

Новые геополитические реалии диктуют новые требования к управлению экономикой РФ, система стратегического планирования которой должна в полной мере учитывать геополитические аспекты сегодняшнего дня и особенно долгосрочной перспективы. В статье раскрыты четыре геополитических аспекта. Сформулированы предложения, в т.ч. об усилении роли единого центра принятия решений и создании для этого необходимой управленческой и методологической вертикально интегрированной инфраструктуры, необходимости обеспечения перехода к взаимодействию стратегических планов России с планами новых геополитических партнеров в сторону реализации совместных геоэкономических проектов и др.

Abstract

New geopolitical realities dictate new requirements for the management of the Russian economy, whose strategic planning system should fully take into account the geopolitical aspects of today and especially the long-term perspective. The article reveals four geopolitical aspects. Proposals have been formulated, including on strengthening the role of a single decision-making center and creating the necessary managerial and methodological vertically integrated infrastructure for this, the need

to ensure the transition to the interaction of Russia's strategic plans with the plans of new geopolitical partners towards the implementation of joint geo-economic projects, etc.

Ключевые слова Стратегическое планирование, геополитические аспекты, геоэкономические проекты, инфраструктура, геополитические партнеры, геоэкономическая стратегия.

Keywords Strategic planning, geopolitical aspects, infrastructure, geo-economic projects, geopolitical partners, geo-economic strategy.

Введение

Комплекс угроз, который начал вырисовываться перед Россией еще до СВО, после ее начала встал в полный рост. Политика безоговорочного доверия к международным финансовым институтам, контролируемым Западом, ставка на так называемое международное разделение труда и получение всего необходимого в обмен на сырьевые ресурсы оказалась полностью несостоятельной.

Россия дорого заплатила за подобные иллюзии. Сейчас важно – как в короткие сроки коренным образом поменять ситуацию, не только не проиграть войну, но и сохранить нашу страну в качестве суверенной державы и политико-экономического центра в идущем на смену действующему новому геополитическом порядке.

Именно это является геополитической целью России.

Для достижения этой цели необходимо решение следующих долгосрочных задач:

- во-первых, не проиграть коллективному Западу в военном противостоянии;
- во-вторых, вывести Россию на уровень одного из геополитических центров силы;
- в-третьих, обеспечить формирование блока стран, способных эффективно противостоять коллективному Западу.

Всего этого невозможно достичь без кратного роста в ряде отраслей промышленности, в первую очередь станкостроении, машиностроении, электронике и микроэлектронике. То, чего добился СССР ценой десятилетий самопожертвенного труда советских граждан, России предстоит проделать в ближайшие максимум 5 лет, а в военно-технической сфере – 1–2 года.

Результаты исследования

Очевидно, что система стратегического планирования в РФ [1]–[2] должна в полной мере учитывать геополитические аспекты сегодняшнего дня и особенно долгосрочной перспективы (рис. 1).

1. Первый геополитический аспект – коренные процессы трансформации мирового порядка, перераспределения влияния в пользу не входящих в коллективный Запад стран.

«Эпоха однополярного миропорядка закончилась, сегодня наступила эпоха революционных, тектонических изменений в геополитике, глобальной экономике и во всей системе международных отношений в целом» (В. Путин 17.06.2022 на пленарной сессии в рамках ПМЭФ-2022).

«События 2022 года только ускорили процессы мирового переустройства, способствовали фрагментации мировой экономики на геополитические блоки с четко

различимыми технологическими стандартами, трансграничными платежными системами, резервными валютами» (доклад МВФ от 26.07.2022).

Рис. 1. Геополитические аспекты в стратегическом планировании Российской Федерации

Геополитические аспекты в стратегическом планировании Российской Федерации:

- 1) коренные процессы трансформации мирового порядка, перераспределения влияния в пользу не входящих в коллективный Запад стран;
- 2) необходимость учёта в долгосрочном периоде значительного изменения в страновой структуре внешнеэкономического сотрудничества России, форсированного углубления экономических отношений с нашими дружественными торгово-экономическими партнерами и обеспечение достижения долгосрочной геополитической цели;
- 3) необходимость учёта стратегий развития дружественных экономик мира, наших стратегических партнеров, их систем стратегического планирования, и необходимость выработки механизма (или системы) взаимной координации стратегического планирования наших стран;
- 4) необходимость учёта перехода ведущих экономик мира к наднациональному (геоэкономическому) стратегическому планированию.

Если посмотреть динамику **доли ведущих экономик в мировом ВВП** в номинальном выражении с 1970 по 2021 год (рис. 2) [3]–[4], то увидим серьезные изменения:

- доля США снизилась с 31,4 до 23,9%;
- также снизились доли Германии, Японии и Франции;
- в пятерку лидеров ворвались Китай и Индия, причем Китай занял второе место после США.

Рис. 2. Топ стран по доле в мировом ВВП в номинальном выражении с 1970 по 2021 год

Согласно прогнозу СЕВР (Лондонский Центр экономических и бизнес-исследований), в 2028 г. Китай обгонит США по размеру номинального ВВП (по ППС Китай обогнал США еще в 2014 году) [5].

А на третью позицию в мире к 2030 году выйдет Индия, обойдя Германию.

Высокую экономическую динамику сохраняют Индонезия и Вьетнам. Начинают претендовать на роль мировых игроков и набирают обороты комплекс-

ного развития страны Исламского мира, Ближнего Востока, Латинской Америки, Африки, Центральной Азии.

Мир также движется к многополярному валютному режиму, торговля между странами в национальных валютах растет, а американский доллар неуклонно теряет статус основной резервной валюты.

Доля мировой торговли в долларах США (рис. 3) снизилась с 75% в 2000 году до 43% в текущем году.

Рис. 3. Динамика роли доллара США в мире

Доля доллара США в международных валютных резервах все еще велика, но также заметно сократилась: с 72% в 2000 году до 54% в текущем году.

По доле в мировом объеме промышленного производства за 2022 год (рис. 4) Китай (около 25%) опережает США в 2,5 раза. Россия – на четвертом месте, но в разы меньше Китая и США [6].

Рис. 4. Доля стран в промышленном производстве за 2022 год

2. Второй геополитический аспект – необходимость учета в системе стратегического планирования значительного изменения в страновой структуре внешнеэкономического сотрудничества России вследствие сдвигов в мировой экономике и санкционной войны необходимости форсированного роста товарообмена с дружественными торгово-экономическими партнерами – странами коллективного не Запада.

Стратегический вектор России в международном экономическом взаимодействии задан новой Концепцией внешней политики РФ. Это укрепление партнерства, прежде всего, в рамках Союзного государства, СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС, взаимодействие со странами Исламского мира, Африки, Ближнего Востока (Иран, Сирия, Саудовская Аравия, Турция, Египет), Латинской Америки, Карибского бассейна [7].

Динамику **страновой структуры внешнеэкономического сотрудничества** России с 2015 по 2022 год можно видеть на рис. 5 [8].

В структуре основных стран по доле товарооборота с Россией Китай лидирует с большим отрывом (22,3%). При этом только за прошлый год товарооборот с Китаем вырос на 29,3 процента (до 190 млрд долл.) В 2 раза увеличила свою долю Турция, причем только за прошлый год – на 84% (до 70 млрд долл.). Конечно, здесь на показатели влияет параллельный импорт, но и не только: инвестиционные проекты, развитие производственной кооперации, обмен технологиями.

Рис. 5. Динамика страновой структуры внешнеэкономического сотрудничества России

Насколько готова транспортная инфраструктура РФ к такой переориентации товаропотоков?

На рис. 6 видно территориальное сосредоточение действующей железнодорожной инфраструктуры транспорта левее Урала и территории планируемого до 2030 года строительства новых веток уже в основном за Уралом [9].

Та же картина с автомобильными дорогами (рис. 7) [10].

Предстоит построить и реконструировать транспортные коридоры «Север – Юг», «Транссиб», «Приморье», участки автодорог «Западная Европа – Западный Китай», скоростные магистрали, железнодорожные ветки, водный транспорт.

На рис. 8 видны действующие и строящиеся трубопроводы [11]. Новые проекты также ориентированы на Юг и Восток. Происходят масштабные изменения логистики.

Рис. 6. Сеть железных дорог России

Источник: Франко-российский аналитический центр «Обсерво»

Рис. 7. Автомобильные дороги России

Источник: НИПИ ТРТИ

Но нам предстоит не только создавать новую транспортную инфраструктуру, но и обеспечить ее функционирование. А это трудовые ресурсы. Это вся социальная инфраструктура. Это предприятия, приближенные к транспортным магистралям. То есть – предстоит решить весь комплекс взаимосвязанных задач, при том что каждая из них координируется различными ведомствами.

3. Третий геополитический аспект в стратегическом планировании России – необходимость учета нами стратегий развития дружественных

экономик мира, наших стратегических партнеров, их систем стратегического планирования и необходимость выработки механизма (или системы) взаимной координации.

Рис. 8. Трубопроводный транспорт России

Источник:
ТНП-Менеджмент

Известно, что экономическое развитие крупнейшей экономик не только ведущих стран Запада, но и Китая и Индии основано на системах стратегического планирования в этих странах [12].

Поэтому очевидно, что укрепление нашего экономического партнерства предполагает не только учет нами стратегий развития этих стран, но и выработку механизма взаимной координации национальных систем стратегического планирования.

Без этого будет невозможно добиться максимального экономического эффекта в реализации совместных проектов.

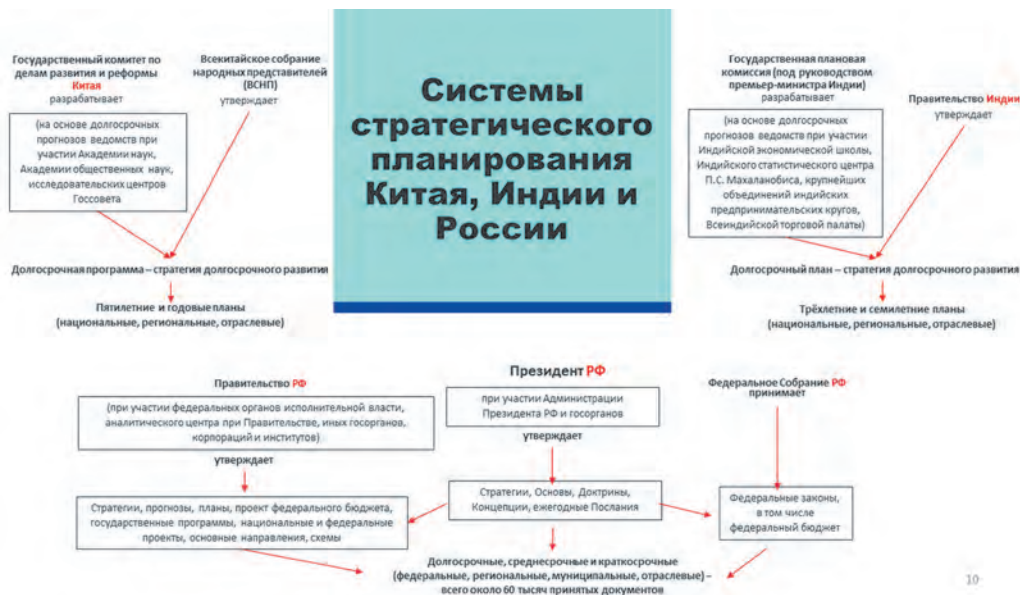
Например, России и Китаю необходимо развернутое и детальное взаимное планирование двустороннего сотрудничества в таких ключевых областях, как военно-техническая сфера, атомная энергетика, космос. Подобный потенциал в указанных областях есть и для взаимного стратегического планирования с Индией, Турцией, Арабскими странами. Кроме того, у нас есть общие приоритеты и в сфере науки и системе высшего образования, развитии мирового рынка информационных технологий.

Однако есть существенные отличия (рис. 9). Там – единая стратегия долгосрочного развития, единые для всей страны планы. У нас – нет целостной системы стратегического планирования, есть прогнозы: долгосрочный, среднесрочный и масса отраслевых и региональных стратегий (60 тыс. документов).

И здесь вновь возникает вопрос создания надведомственного координирующего органа по стратегическому планированию в РФ, о чем говорим уже давно, без которого невозможно создать в стране действенную систему. Теперь – и для

учета стратегий развития наших партнеров, а также для осуществления взаимной координации стратегического планирования наших стран.

Рис. 9.
Системы стратегического планирования Китая, Индии и России

Именно отсутствие национального координирующего органа по осуществлению стратегического планирования не позволяет обеспечить сбалансированность документов, согласованность в отношениях между участниками стратегического планирования, в том числе при урегулировании диспропорций и разногласий в процессе целеполагания и программирования социально-экономического развития, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования.

Подобные координирующие органы с высоким статусом в системе органов исполнительной власти есть во всех развитых экономиках (США, Германия, Франция, Япония, Южная Корея). Есть они и в Китае с Индией.

Индия является единственной в мире страной, где концепция планирования социально-экономического развития начала формироваться еще в колониальный период, когда, с одной стороны, учитывалось состояние колониальной экономики, пострадавшей от раздела Британской Индии на Индию и Пакистан, а с другой, были определены цели развития, отвечающие интересам модернизации страны. В настоящее время страна активно использует современные механизмы стратегического анализа и планирования.

С 2018 года в индийском планировании сочетается долгосрочное (на 15 лет), среднесрочное (на 7 лет) и краткосрочное (на 3 года) планирование. Основную роль играют трехлетки (ранее – пятилетки). В них подробно раскрываются программы развития различных отраслей и секторов экономики, источники инвестиций и сферы их вложения, возникающие проблемы и пути их решения.

4. Четвертый геополитический аспект в стратегическом планировании России – необходимость учета перехода ведущих экономик мира к наднациональному (геоэкономическому) стратегическому планированию.

Опыт развития ряда стран (Китай, ЕС, Япония, Южная Корея) требует введения в нормативные документы и практику стратегического планирования в РФ

нового направления – геоэкономического, нацеленного на внешнюю экспансию национальных капиталов, товаров и услуг и на этой основе на усиление глобальных и региональных политических позиций страны.

Ведущую роль в мире на этом направлении играет Китай. В 2013 году начат глобальный геоэкономический проект «Один пояс, один путь», состоящий из двух проектов: «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» (рис. 10) [13].

Рис. 10. Геоэкономические стратегические проекты зарубежных стран

Проект «Одного пояса и одного пути» включен в число стратегических задач, поставленных перед правительством Китая, и введен в пятилетние планы развития страны.

В России таким геоэкономическим стратегическим проектом может стать **Программа развития Арктической зоны** (рис. 11) [14 – 16].

Рис. 11. Геоэкономические стратегические проекты России

Источники: ИПРЭ РАН и «Российская газета»

Это направление развития прямо предусмотрено Концепцией внешней политики РФ, в том числе развитие Северного морского пути в качестве конкурентоспособной национальной транспортной артерии с возможностью его международного использования для осуществления перевозок между Европой и Азией.

Имеются и другие перспективные экономические направления в сфере геополитических интересов России. В частности, **международный транспортный коридор «Север – Юг»**.

Могут быть и другие проекты. По каждому из геоэкономических стратегических устремлений России следует отобрать прорывные проекты и приступить к практической их проработке на двусторонней, а также (где это возможно) многосторонней основе с созданием хозяйствующих структур (консорциумов, корпораций). И это тоже вопрос сопряжения национальных систем стратегического планирования.

Заключение

Итак, новые геополитические реалии диктуют новые требования к управлению экономикой Российской Федерации.

1. Масштаб задач, решение которых является экзистенциально значимым для страны, требует усиления роли единого центра принятия решений и создания для этого необходимой управленческой и методологической вертикально интегрированной инфраструктуры.

2. В системе государственного стратегического планирования в масштабе страны необходимо перейти к цепочке: планирование на долгосрочную перспективу (свыше 5 лет), комплексное планирование на среднесрочную перспективу (5 лет), сочетающее директивные и индикативные методы, текущие планы (на 1 год).

3. Лимит экстенсивного бюджетирования исчерпан. Нужна концентрация ресурсов на диктуемых новыми геополитическими вызовами направлениях. Для этого бюджет должен перейти в категорию хотя и важных, но одного из инструментов реализации государственных стратегических планов.

4. Необходимо обеспечить переход к взаимодействию стратегических планов России с планами новых геополитических партнеров, причем в сторону не столько замещения выпавшего западного импорта восточным или южным, сколько в сторону реализации совместных, в том числе геоэкономических проектов.

Россия находится в полосе тяжелых испытаний. Только сочетание политической воли, усилий народа и высокопрофессионального управления помогут нам выстоять и победить в этой схватке.

Библиографический список

1. *Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».*
2. *Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации».*
3. *Статистика стран мира: сайт – URL: <https://svspb.net/sverige/statistika-stran-mira.php> (дата обращения: 29.05.2023). – Текст. Таблица. Изображение: электронные.*
4. *Макроэкономические исследования: сайт – URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/world.html> (дата обращения: 29.05.2023). – Текст. Таблица. Изображение: электронные.*
5. *Центр экономических и бизнес-исследований: сайт – URL: <https://cebr.com/> (дата обращения: 26.05.2023). – Текст. Изображение: электронные.*

6. Экономика. Развитие промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики в различных странах мира: сайт – URL: <https://visasam.ru/emigration/economyhttps://visasam.ru/emigration/economy/promyshlennost-stran-mira.html> (дата обращения: 24.05.2023). – Текст. Таблица. Изображение: электронные.
7. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».
8. Федеральная таможенная служба: сайт – URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 25.05.2023). – Текст. Таблица. Изображение: электронные.
9. Франко-российский аналитический центр Обсерво: сайт – URL: <https://www.obsfr.ru/> (дата обращения: 26.05.2023). – Изображение: электронное.
10. Научно-исследовательский и проектный институт территориального развития и транспортной инфраструктуры: сайт – URL: <https://nipitrti.ru/> (дата обращения: 29.05.2023). – Изображение: электронное.
11. ТНП-Менеджмент: сайт – URL: <http://tnp-m.ru/> (дата обращения: 29.05.2023). – Изображение: электронное.
12. Панина Е.В. Усиление роли стратегического планирования в условиях введенных против России экономических санкций // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Том № 3 (235) 2022. – С. 134–139. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-134-139.
13. СИНЬХУА Новости: сайт – URL: <https://russian.news.cn/> (дата обращения: 29.05.2023). – Изображение: электронное.
14. Постановление Правительства РФ от 30 марта 2021 г. № 484 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации“».
15. Презентация «Финансово-экономические условия развития территории в условиях Арктического региона»: сайт – URL: <http://roslyakova24.ru/Prezentazii/2022/dpo.arctic/3.pdf> (дата обращения: 30.05.2023). – Изображение: электронное.
16. Российская газета – Федеральный выпуск: № 151 (8799): сайт – URL: <https://rg.ru/2022/07/13/grupno-vezet.html> (дата обращения: 30.05.2023). – Текст. Изображение: электронные.

References

1. Federal Law of 28.06.2014 № 172-FZ «On Strategic Planning in the Russian Federation».
2. Decree of the President of the Russian Federation № 633 dated 08.11.2021 «On Approval of the Fundamentals of State Policy in the field of strategic Planning in the Russian Federation».
3. Statistics of the countries of the world: website – URL: <https://svspb.net/sverige/statistika-stran-mira.php> (accessed: 05/29/2023). – Text. Table. Image: electronic.
4. Macroeconomic research: website – URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/world.html> (accessed: 05/29/2023). – Text. Table. Image: electronic.
5. Center for Economic and Business Research: website – URL: <https://cebr.com> (accessed: 05/26/2023). – Text. Image: electronic.
6. Economy. Development of industry, agriculture and other sectors of the economy in various countries of the world: website – URL: <https://visasam.ru/emigration/economyhttps://visasam.ru/emigration/economy/promyshlennost-stran-mira.html> (accessed: 05/24/2023). – Text. Table. Image: electronic.
7. Decree of the President of the Russian Federation № 229 dated 31.03.2023 «On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation».
8. Federal Customs Service: website – URL: <https://customs.gov.ru/> (accessed: 05/25/2023). – Text. Table. Image: electronic.

9. *French-Russian Analytical Center Observo: website* – URL: <https://www.obsfr.ru/> (accessed: 05/26/2023). – Image: electronic.
10. *Research and Design Institute of Territorial Development and Transport Infrastructure: website* – URL: <https://nipitrti.ru/> (accessed: 05/29/2023). – Image: electronic.
11. *TNP-Management: website* – URL: <http://tnp-m.ru/> (accessed: 05/29/2023). – Image: electronic.
12. *Panina E.V. (2022). Strengthening the role of strategic planning in the conditions of economic sanctions imposed against Russia // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. – 2022. – Volume No. 3 (235) 2022. – pp. 134–139. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-134-139.*
13. *XINHUA News: website* – URL: <https://russian.news.cn/> (accessed: 05/29/2023). – Image: electronic.
14. *Resolution of the Government of the Russian Federation No. 484 dated March 30, 2021 «On Approval of the State Program of the Russian Federation «Socio-economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation».*
15. *Presentation «Financial and economic conditions for the development of the territory in the Arctic region»: website* – URL: <http://roslyakova24.ru/Presentazii/2022/dpo.arctic/3.pdf> (accessed: 05/30/2023). – Image: electronic.
16. *Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue: No.151(8799): website* – URL: <https://rg.ru/2022/07/13/krupno-vezet.html> (accessed: 05/29/2023). – Text. Image: electronic.

Контактная информация / Contact information

Панина Елена Владимировна / Elena V. PANINA

Институт международных политических и экономических стратегий – Русстрат
119071, г. Москва, ул. Стасовой, 4.

Institute of international political and economic strategies – Russtrat
4, Stasova street, 119071, Moscow, Russia.

mail@russtrat.ru

Московская конфедерация промышленников и предпринимателей (работодателей)
123557, г. Москва, ул. Малая Грузинская, 39.

Moscow Confederation of Industrialists and Entrepreneurs (Employers)
39, Malaya Gruzinskaya Street, Moscow, Russia.

info@mkppr.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ КИТАЯ И РОССИЙСКО- КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

*ДОКЛАД НА ПЛЕНАРНОМ
ЗАСЕДАНИИ МАЭФ, РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК, 7 ИЮНЯ 2023 Г.*

CHINA'S ECONOMIC FUTURE AND SINO-RUSSIAN COOPERATION

*REPORT AT THE MAEF PLENARY
MEETING, RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES, JUNE 7, 2023*

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-104-109

ВАН Вэнь

Сопредседатель Экспертно-делового совета ВЭО России и МСЭ по вопросам развития российско-китайского сотрудничества, эксперт Валдайского клуба, директор института финансовых исследований Чуньян Китайского народного университета, д.э.н., профессор

Wang Wen

Co-Chairperson of the Expert Business Council of the VEO of Russia and IUE on the development of Russian-Chinese cooperation, expert of the Valdai Club, Director of the Chongyang Institute for Financial Studies of the Renmin University of China, Doctor of Economics, Professor.

В течение многих лет международное сообщество не приветствовало развитие китайско-российского сотрудничества. В последние годы Соединенные Штаты начали торговую войну против Китая, пытаются заблокировать доступ Китая к современным технологиям и стремятся отделить свою экономику от китайской. Украинский кризис 2022 года привел к тому, что против России было введено более 10 тысяч санкций. Эти новые факторы добавили неопределенности китайско-российскому сотрудничеству.

Однако факты показывают, что двусторонняя торговля между Китаем и Россией в последние годы стремительно росла, разрушая навязанные представления о китайско-российском сотрудничестве.

В 2015 году общий объем торговли между Китаем и Россией составлял 68 млрд долларов США. Затем он увеличился до 107 млрд в 2018 году, примерно до 147 млрд долларов в 2021 году и почти до 195 млрд долларов в 2022 году. За последние семь лет средние темпы роста превысили 20%.

За первые четыре месяца 2023 года объем торговли между Китаем и Россией достиг уровня в 73 млрд долларов США, увеличившись в годовом исчислении на 41%. При сохранении такой тенденции поставленная лидерами Китая и России цель в 200 млрд долларов торгового оборота между странами в 2024 году будет выполнена досрочно, и торговый оборот даже может достигнуть уровня в 250 млрд долларов США.

Огромный потенциал всестороннего сотрудничества между Китаем и Россией получает возможность для взрывного роста под воздействием внутренних и внешних факторов.

В прошлом году я дважды побывал в России. Я посетил 21 город и лично почувствовал экономическую устойчивость страны. Я опубликовал более 30 статей, выражающих мои взгляды на новый этап взаимоотношений с Россией, который находит свое отражение в СМИ Китая и России.

Как известно, западный мир ввел против России более десяти пакетов санкций, в общей сложности более десяти тысяч санкций, в попытке победить Россию. Однако они недооценили политическую, социальную и экономическую стабильность страны и ее способность противостоять давлению. Запад недооценил коллективную сплоченность и стратегическую волю народа России. Экономика России не только не рухнула, но и демонстрирует уровень инфляции даже ниже, чем в других европейских странах.

Рубль оказался самой сильной валютой мира в 2022 году. В мировом рейтинге совокупного ВВП в 2022 году Россия поднялась с 12-го на 8-е место. Все это в полной мере доказывает устойчивость России.

Проводя политику жесткого блокирования России, некоторые страны также делают попытки мягкого блокирования Китая. Мы видим ограничение инвестиций китайских компаний за рубежом, злоупотребление правилами экспортного контроля, давление на китайские высокотехнологичные компании и т.п. Такие попытки заблокировать поступательное движение Китая не смогли ограничить технологическое развитие страны. Например, Китай является мировым лидером в области технологий 5G, запуск нового авиалайнера C919 разрушил монополию европейских и американских аэробусов, а китайские производители микрочипов смогли запустить революционный 14-й техпроцесс.

Внешнее давление Запада на Китай и Россию вынуждает эти две страны ускоренно двигаться к углублению и расширению всестороннего сотрудничества.

Китайско-российскому сотрудничеству способствуют не только внешние обстоятельства, но и внутренние факторы на трех уровнях.

Во-первых, на стратегическом уровне у руководителей Китая и России высокая степень взаимного доверия. Наибольшее количество двусторонних встреч на самом высшем уровне Китай провел именно с Россией. За последние десять лет лидеры двух стран встречались более 40 раз. Совместное заявление, подписанное двумя

сторонами в марте этого года, еще раз продемонстрировало приверженность руководителей Китая и России практическому сотрудничеству.

Во-вторых, на экономическом уровне экономики Китая и России очень дополняют друг друга. От энергетики и сельского хозяйства до высококвалифицированных специалистов и инфраструктуры – у Китая и России есть свои сильные стороны. Углубление всеобъемлющего экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Россией на самом деле представляет собой задачу поиска взаимного дополнения, в рамках которого страны учатся друг у друга сильным сторонам и компенсируют слабые стороны друг друга.

В-третьих, на общественном уровне у Китая и России есть социальная основа для углубления всестороннего сотрудничества даже в бытовом плане. До недавнего времени знания китайцев о России ограничивались современной русской литературой и искусством, например, им был известен Горький и «Подмосковные вечера». В последние годы в Китае стремительно стали популярны квас, русское мороженое и русские магазины на китайских платформах электронной торговли, где от покупателей нет отбоя.

Президент Путин – самый известный иностранный лидер с наибольшим количеством поклонников в Китае. В России также отмечается рост симпатий к китайцам.

Видно, что свое влияние оказывают и внешние факторы, такие как давление со стороны европейских и американских стран, и внутренние факторы политического, экономического и социального характера в обеих странах. У китайско-российского сотрудничества нет и не будет никакого верхнего предела развития. Распространенная в западных СМИ «теория достижения пика в российско-китайской торговле» обречена на банкротство.

Конечно, неограниченная торговля между Китаем и Россией не означает, что эту торговлю нельзя оптимизировать.

Далее я хотел бы высказать некоторые предложения по оптимизации пяти аспектов торговли: структура торговли, сотрудничество в области энергетики, сотрудничество в области сельского хозяйства, инвестиционное финансирование и инфраструктурные проекты.

Один из таких аспектов – это структурная оптимизация китайско-российской двусторонней торговли. Помимо того, что Китай и Россия должны неуклонно наращивать общий объем торговли, им также следует стремиться к структурной оптимизации и искать потенциальные возможности для такой оптимизации. Китай является крупнейшим торговым партнером России вот уже 13 лет подряд. Основу экспорта из России в Китай составляют энергоносители, в 2022 году на них будет приходиться 75% всего экспорта. Очевидно, что избыточная доля энергоресурсов не делает структуру торговли между двумя странами разнообразной.

С января по апрель 2023 года экспорт из Китая в Россию составит 33,6 млрд долларов США, что соответствует росту на 67% в годовом исчислении. Согласно последним данным, в апреле Китай экспортировал в Россию товары на сумму 9,6 млрд долларов США и импортировал из России на сумму 9,6 млрд долларов США. Экспорт в Россию китайских автомобилей, смартфонов, бытовой техники, строительной техники и т.п. значительно увеличился, а двусторонняя торговля стала более сбалансированной и диверсифицированной. В 2022 году китайский экспорт высокотехнологичной продукции в Россию вырос на 51%, а автомобилей и запчастей – на 45%.

Что примечательно, в первом квартале 2023 года Россия стала крупнейшим зарубежным рынком для экспорта китайских автомобилей.

Однако совокупная доля китайско-российской торговли по-прежнему относительно невелика. В 2022 году объем торговли между Китаем и Россией составил лишь 3% от общего объема внешней торговли Китая, что меньше, чем общий объем торговли между Китаем и Малайзией, Китаем и Вьетнамом, и лишь около четверти объема торговли между Китаем и Соединенными Штатами. Россия является лишь десятым по величине торговым партнером Китая.

Тем не менее я уверен в перспективах китайско-российской торговли. При сохранении нынешних темпов роста Россия обгонит Южную Корею в 2030 году и войдет в тройку крупнейших торговых партнеров Китая. В связи с этим Китай и Россия должны воспользоваться этой возможностью и превратить краткосрочную инициативу для решения сиюминутных задач в долгосрочную программу глубокого взаимовыгодного сотрудничества.

Во-вторых, Китай и Россия должны стремиться к прорыву в энергетическом сотрудничестве. Китай и Россия должны неуклонно развивать сотрудничество в сфере традиционной энергетики и в то же время стремиться к прорывам в методах сотрудничества и расширять перспективы сотрудничества в области зеленой энергетики.

Китай – страна с самым большим энергопотреблением в мире, а Россия – страна с самыми богатыми природными ресурсами и запасами энергоносителей в мире. Китай должен стать крупнейшим покупателем энергоресурсов России. В феврале 2023 года Россия обошла Саудовскую Аравию и стала крупнейшим импортером нефти в Китай, и есть надежда, что такая тенденция сохранится.

Что касается сотрудничества в области природного газа, у Китая и России есть возможности для развития и в этом вопросе. В 2022 году объемы импорта СПГ в Китай из России по-прежнему будут ниже, чем из Австралии, Катара и Малайзии, составляя лишь 10% от всего импорта СПГ; импорт природного газа по трубопроводам также будет ниже, чем импорт из Туркменистана, и составит всего 25%.

С модернизацией существующих трубопроводов и строительством новых линий импорт природного газа в Китай по трубопроводам из России в ближайшие несколько лет должен увеличиваться с существующих 15 млрд кубометров примерно на 25 млрд кубометров в год.

При сохранении неуклонного развития сотрудничества в области традиционной энергетики Китай и Россия также должны искать и анализировать новые модели сотрудничества; например, в области природного газа обеим странам следует изучить возможности для расширения сотрудничества по схеме «Китай – Россия + третья сторона». В будущем Китай и Россия могут продолжить обмен и сотрудничество в таких технологиях, как энергосбережение, энергоэффективность, улавливание и регенерация углерода.

В-третьих, Китаю и России следует стремиться к развитию сотрудничества в области сельского хозяйства. Для оптимизации деловой среды Китаю и России следует наладить каналы инвестиционного сотрудничества в смежных областях.

С 2010 по 2020 год объем торговли сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Россией увеличился с 617 млн долларов США до 5,55 млрд долларов США при среднегодовом темпе роста более 10%. В 2022 году объем торговли сельхозпродукцией между двумя странами возрастет на 43%, а экспорт

сельхозпродукции из России в Китай увеличится до 7 млрд долларов США. Но это явно не предел китайско-российского сотрудничества в области сельского хозяйства.

Ежегодно Китай импортирует около 110 млн тонн зерна, из них только около 1 млн тонн ввозится из России, что составляет менее 1%. На Россию приходится только 1% от общего объема импорта сои в Китай. Численность населения в Китае в 10 раз больше, чем в России, при этом площадь пахотных земель России даже превышает аналогичную площадь в Китае. Высокая степень взаимодополняющих преимуществ в развитии сельского хозяйства между двумя странами еще не нашла своего полного отражения.

Сотрудничество между Китаем и Россией в области сельского хозяйства является не только аспектом общего торгово-экономического сотрудничества, но и фактором продовольственной безопасности, что может помочь обеим сторонам снизить зависимость от западных поставок продуктов питания. Китай и Россия должны изучить и сформулировать стратегию сельскохозяйственного сотрудничества, устранить разногласия в подходах, совместно создать благоприятную деловую среду для сотрудничества в области сельского хозяйства, а также разрешить ряд вопросов и проблем, таких как высокий инвестиционный риск для китайских сельскохозяйственных предприятий в России, трудности перемещения рабочей силы в Россию, различия в стандартах импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции и политические барьеры.

В-четвертых, Китай и Россия должны способствовать согласованию правил в отношении финансов и инвестиций. Обе страны должны создавать независимые финансовые организации, продолжать стимулировать расчеты в своих собственных валютах и прагматично увеличивать взаимные прямые инвестиции.

Коэффициент расчетов в местной валюте в торговле между двумя странами быстро вырос, превысив 45% в 2022 году, но взаимные инвестиции между государствами невелики. Ежегодные нефинансовые прямые инвестиции Китая в Россию не превышают 1 млрд долларов США, что составляет менее 1% иностранных инвестиций Китая. Прямые инвестиции России в Китай составляют всего более 10 млн долларов США, что составляет менее 0,1% иностранных инвестиций Китая.

Китайско-российское финансовое и инвестиционное сотрудничество должно идти в ногу с темпами двустороннего политического, экономического и торгового сотрудничества. Создание китайско-российской финансовой экосистемы и содействие созданию независимых китайско-российских финансовых организаций может помочь двум странам избавиться от рисков и ограничений, связанных с европейскими и американскими финансовыми санкциями.

В-пятых, Китай и Россия должны дополнять друг друга в инфраструктурном строительстве. Обе страны должны увеличить инвестиции в инфраструктуру, особенно для улучшения коммуникаций в прилегающих районах.

В 2022 году будет открыт первый китайско-российский автомобильный мост через пограничную реку Хэйлунцзян, который соединит города Хэйхэ и Благовещенск. Только что было завершено строительство железнодорожного моста Тунцзян, первого трансграничного железнодорожного моста между двумя странами; ожидается, что он будет введен в эксплуатацию в 2023 году.

Я оценил ситуацию в 21 городе России и увидел, что российская инфраструктура развивается относительно медленно. Есть большой потенциал для строительства высокоскоростных железных дорог, скоростных автомагистралей и сетей. Китай

«помешан» на инфраструктурных проектах, страна может активно участвовать в развитии российского рынка, адаптировать ряд своих инфраструктурных проектов, способствовать быстрому развитию России и помочь в реализации всесторонней интеграции транспортных систем двух стран.

Одним из важных вопросов железнодорожной отрасли является необходимость строительства четвертой китайско-российской железной дороги между китайским районом Синьцзян и российским приграничным районом Алтая с учетом того, что пропускная способность двух железнодорожных узлов Хоргос и Алашанькоу в Синьцзяне практически исчерпана. Нужна магистраль, напрямую соединяющая западные районы Китая и центральные районы России без пересечения границ третьих стран.

Кроме того, есть еще много возможностей для сотрудничества между Китаем и Россией в области высоких технологий, квалифицированных специалистов, образования, цифровой экономики, местного сотрудничества и культурных обменов. Не буду здесь касаться этих аспектов из-за нехватки времени.

Суммируя сказанное, еще раз отмечу, что китайско-российское сотрудничество – это длинная и широкая дорога, которая будет становиться все шире и длиннее.

Китаю и России следует воспользоваться возможностями, которые несет с собой новая ситуация, активно направлять и стимулировать взрывной рост сотрудничества, делать его полномасштабным. В то же время нам следует проанализировать и исправить недостатки прошлого в китайско-российском сотрудничестве, связанные с активными контактами на высшем уровне на фоне слабой активности на низовом уровне, а также сильной политической составляющей при слабой экономической. Кроме того, следует устранить формализм в сотрудничестве, а также неисполнение ранее заключенных договоренностей.

В будущем китайско-российское сотрудничество должно уделять особое внимание таким аспектам, как прагматичность, своевременность и доведение проектов до фактической реализации. Кроме того, при выполнении конкретных проектов оно также должно работать на опережение ситуации. В то же время такое сотрудничество должно активно формировать общественное мнение, укреплять всестороннее общение и взаимное доверие между двумя сторонами. Китайские компании и общество постепенно открывают для себя потенциал развития России, а обширный рынок Китая открывает свои объятия для России.

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ОТ ПРОБЛЕМ К РОСТУ¹

ASIAN RUSSIA: FROM PROBLEMS TO GROWTH

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-110-128

КРЮКОВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Директор ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук» (ИЭОПП СО РАН), академик РАН, член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор

VALERIY A. KRYUKOV

Director of the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS (IEIE SB RAS), Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Doctor of Economic Sciences, Professor

КОЛОМАК ЕВГЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА

Заведующая отделом ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук» (ИЭОПП СО РАН), д.э.н., профессор

EUGENIA A. KOLOMAK

Head of Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IEIE SB RAS), Doctor of Economic Sciences, Professor

СУСЛОВ НИКИТА ИВАНОВИЧ

Заведующий отделом ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук» (ИЭОПП СО РАН), д.э.н., профессор

1 Статья является основой доклада на МАЭФ-2023, подготовленного по итогам выполнения крупного научного проекта «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий», выполненного при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования России. Соглашение № 075-15-2020-804 от 2 октября 2020 г. (грант № 13.1902.21.0016).

NIKITA I. SUSLOV

Head of Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IEIE SB RAS), Doctor of Economic Sciences, Professor

КОСТИН АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Старший научный сотрудник ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук» (ИЭОПП СО РАН), к.э.н., доцент

ANDREY V. KOSTIN

Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IEIE SB RAS), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Аннотация

В статье показаны основные проблемы пространственного развития территории России, лежащей к Востоку от Уральских гор. Акцент сделан на рассмотрении общих черт и особенностей, прежде всего, социально-экономического развития в последние 20–30 лет, а также на формировании подходов к решению имеющихся проблем. К числу значимых авторы относят усиление фрагментации экономического пространства рассматриваемой территории, что находит отражение в ослаблении внутрирегиональных экономических связей.

Предлагаемый авторами подход к решению проблем – воссоздание на новой качественной основе межрегиональных цепочек создания стоимости (социальной ценности). Важнейшая его особенность состоит в поэтапном осуществлении мер и шагов – от возрождения (в рамках кооперационных связей) взаимодействия участников межрегиональных цепочек до формирования структур кластерного типа в рамках отдельных горизонтальных составляющих данных цепочек. Но ни одна из рассматриваемых мер не может быть эффективно реализована без активной регулирующей роли государства из-за пространственных особенностей территории.

Abstract

The article demonstrates the main problems of spatial development of the territory of Russia lying to the east of the Ural Mountains. The authors highlight the common features and peculiarities, especially socio-economic development in the last 20–30 years, as well as the approaches to solving the existing problems. Among the significant ones the authors refer to the increasing fragmentation of the economic space of the territory in question, which is reflected in the weakening of intra-regional economic ties.

The approach to solving the problems proposed by the authors is to recreate inter-regional value chains (social value) on a new qualitative basis. Its most important feature lies in the step-by-step implementation of measures and increments - from the revival (in the framework of cooperative relations) of interaction between the participants of inter-regional chains to the formation of cluster-type structures within the framework of individual horizontal components of these chains. But none of the considered measures can be effectively implemented without an active regulatory role of the state due to the spatial features of the territory.

Ключевые слова Азиатская Россия, пространственное развитие, диспропорции, цепочки создания добавленной стоимости (социальной ценности), стимулирование и запуск интеграционных процессов, импульсные проекты, базы знаний, сценарии развития.

Key words Asian Russia, spatial development, disparities, value chains (social value), fostering and initiation of integration processes, impulse projects, knowledge bases, development scenarios.

Введение. Пространственное развитие – единство общего и особенного

Рассмотрение Азиатской России как единой обширной территории, как пространства, имеющего близкие географические, природные, экономические и социокультурные черты и особенности, имеет давнюю традицию в отечественной науке [1]. Изучение проблем влияния пространственного развития – влияния условий и особенностей ведения хозяйственной деятельности человека на той или иной территории (отличающейся своими физико-географическими, социально-экономическими и многими другими условиями жизни и деятельности человека) на состояние экономики и социальной сферы – чрезвычайно широкая и многообразная область научной и практической деятельности. Даже краткий обзор научных течений и школ в мире и в России является во многом предметом отдельного обстоятельного изучения и тем более представления.

Не претендуя на универсальность нашего понимания проблем и тенденций изучения и разработки мер реализации пространственного развития, отметим его отличительные черты, которые чрезвычайно важны при последующем анализе Азиатской России.

К числу общих современных особенностей размещения и развития тех или иных видов социально-экономической деятельности следует отнести [2–8]:

- относительное уменьшение роли и значения собственно природных факторов и условий (таких, например, как наличие тех или иных полезных ископаемых и природных ресурсов);
- возрастание роли и значения «человеческого фактора», который при определенных условиях, приобретая черты «человеческого капитала», позволяет «нивелировать» действие неблагоприятных географических и природных условий и факторов. Это происходит вследствие формирования и развития новых уникальных знаний, навыков и умений;
- эволюционный характер изменений в структуре, размещении и взаимодействии различных секторов экономики и сфер деятельности (изменения происходят на протяжении определенных, зачастую длящихся несколько десятилетий изменений);
- рост роли государства – причем она все более смещается от форм прямого участия и администрирования (которые тем не менее важны на начальном этапе преобразований) в сферу регулирования и создания условий протекания экономических и социальных процессов в желаемом направлении. Прямое же участие в ряде случаев имеет место при реализации пионерных инфраструктурных проектов в «новых» районах.

К числу особенных черт пространственного развития относятся [9–12]:

- достигнутый ранее в том или ином регионе (или стране) уровень социально-экономического развития (имеющиеся стартовые условия);
- социо-технический характер реализованных ранее инфраструктурных и производственно-экономических решений [13];
- имеющийся кадровый потенциал различных сфер и направлений социально-экономического развития.

Так, важнейшими особенностями пространственного развития Азиатской России, несомненно, являются:

- слабая инфраструктурная освоенность значительной части территории;
- очаговый характер центров экономической активности, расположенных на существенном расстоянии друг от друга;
- низкая кадровая обеспеченность многих сфер и направлений социально-экономического развития.

Данные особенности экономики и социальной сферы Азиатской России задают не только подходы к выработке стартовых мер и шагов, направленных на формирование общего подхода к решению проблем пространственного развития, но также и особенности их эшелонирования во времени. В частности, вряд ли имеет смысл на начальном этапе говорить о решающей роли кластерной политики. Это связано с тем, что экономическая среда имеет чрезвычайно «разреженный» характер и о синергии взаимодействия значительного числа экономических агентов в том или ином локальном центре экономической активности можно (и нужно) будет говорить по прошествии определенного времени и после реализации целой системы целенаправленных мер и шагов по ее формированию.

Характеристика проблемной ситуации, сложившейся в пространственном развитии Азиатской части России

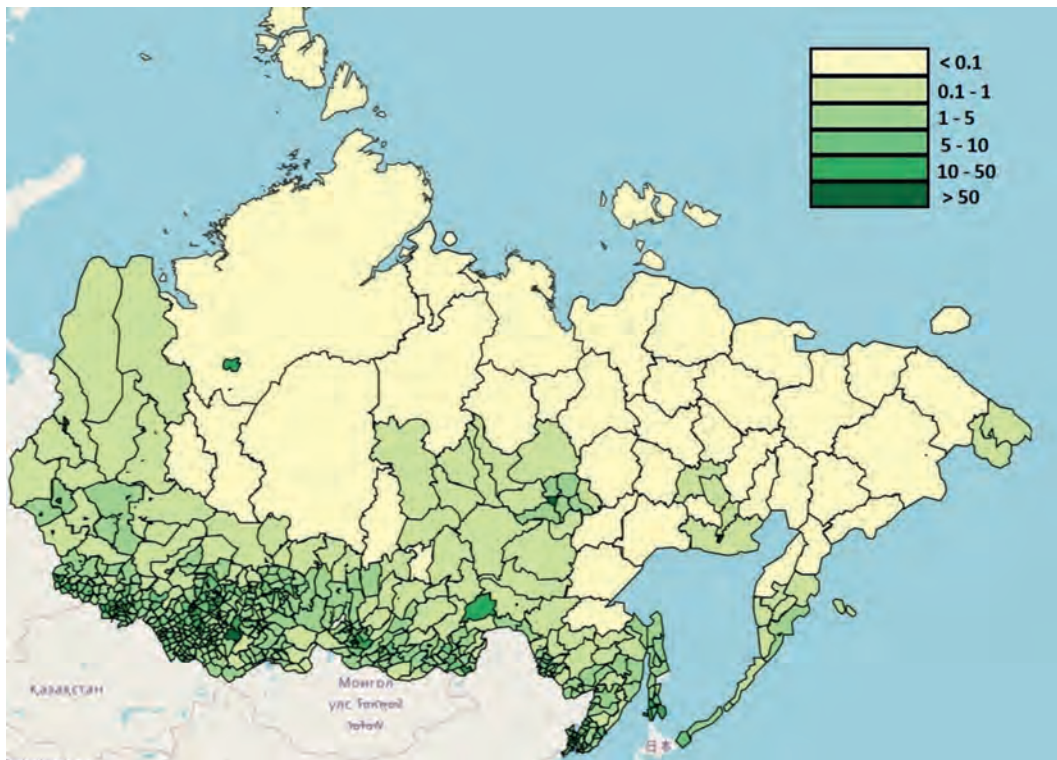
Пространственное распределение факторов роста и экономической активности востока России характеризуется существенными диспропорциями, которые имеют природные, исторические и социально-экономические корни [14]. Для характеристики уровня экономической активности воспользуемся показателем плотности населения. На рис. 1 показано распределение жителей в муниципальных районах Азиатской части России. Сравнительно высокая плотность жителей, которая соответствует среднероссийским значениям, наблюдается на территории юга Востока России, на азиатском севере лишь в двух крупных городах – Якутске и Норильске – имеет место относительно высокая плотность населения.

На юге макрорегиона сконцентрированы также ресурсы и выгоды городской и агломерационной экономики. На рис. 2 показано распределение городских населенных пунктов разного масштаба. Существенная их доля и почти все большие города азиатской части страны находятся на юге; крупными городами, расположенными на севере, являются только Якутск, Норильск, Сургут и Нижневартовск.

Для большей части территорий Азиатской России характерна очаговая система расселения, что выдвигает на первый план значение транспортной и коммуникационной инфраструктуры для перспектив развития территорий востока [15].

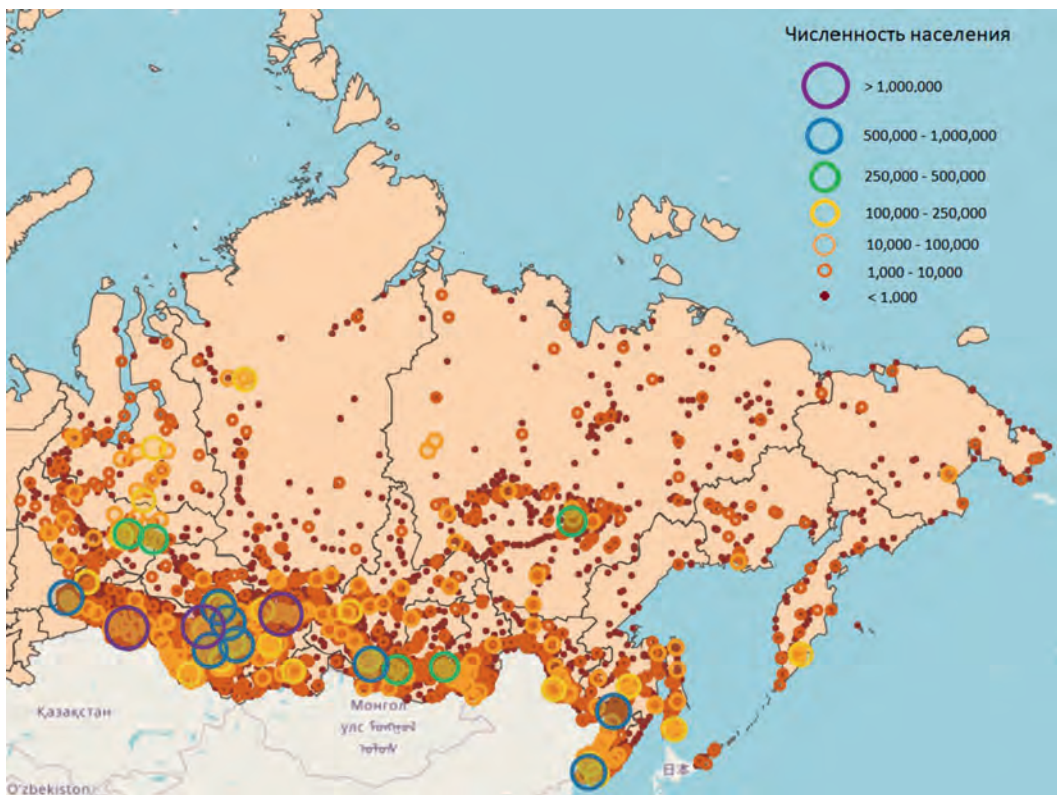
Таким образом, человеческие, инфраструктурные, агломерационные ресурсы и факторы развития Азиатской России сконцентрированы в основном на юге (рис. 3).

Рис. 1.
Плотность насе-
ления
в муниципаль-
ных образова-
ниях Азиатской
России
в 2021 г.,
чел./км²

Источник:
Данные
Росстата

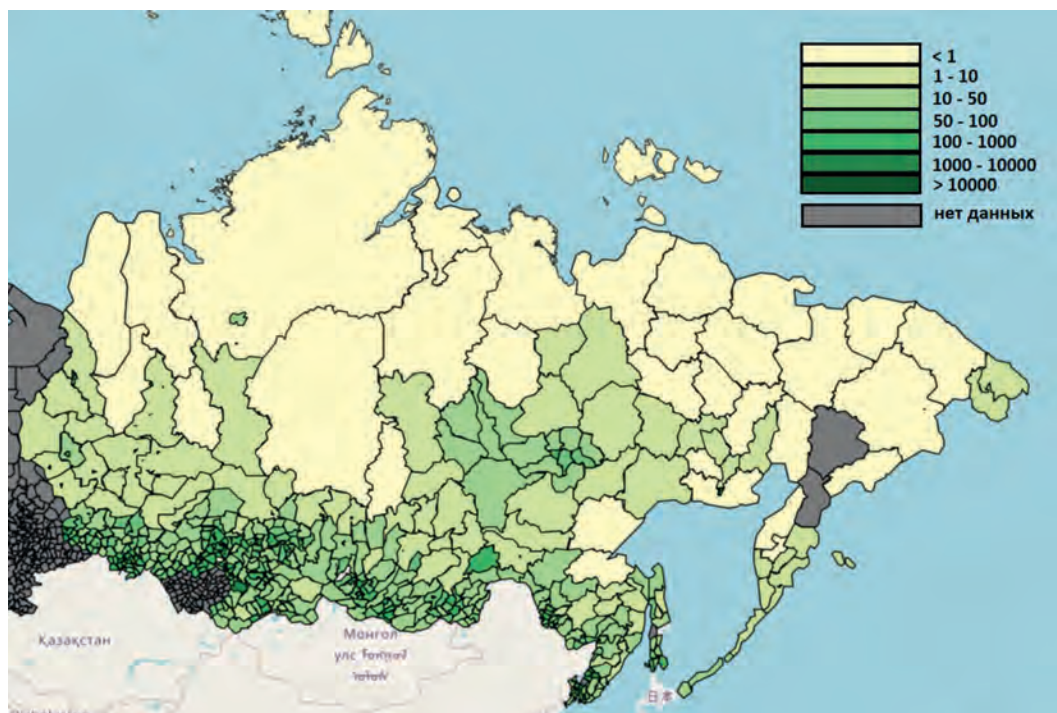
Рис. 2.
Распределение
населенных
пунктов
Азиатской
России
и их размер,
2021 г.

Источник:
Данные
Росстата

Рис. 3.
Плотность автомобильных дорог в муниципальных образованиях Азиатской России в 2021 г., км/тыс. км²

Источник:
База данных муниципальных образований

При этом масштабные ресурсные проекты, реализуемые крупными корпорациями и получающие поддержку со стороны государства, находятся главным образом на севере и в Арктике. В результате создан пространственный разрыв между промышленно развитым диверсифицированным югом и ресурсными территориями севера, где реализуются масштабные проекты [16]. Южная и северная зоны разделены необжитыми территориями, где нет железных дорог, отсутствует устойчивая автомобильной связь, речной транспорт имеет короткий срок сезонной эксплуатации.

Наряду с диспропорциями в широтном измерении в развитии Азиатской части России наметились также различия и в меридиональном направлении. В табл. 1 представлены показатели доли Востока страны в целом, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, а также отдельно Тюменской области в обобщающих индикаторах экономической активности: численности населения, занятости, накопленных основных фондах и в валовом региональном продукте. Вклад макрорегиона во все эти характеристики за период 2000–2020 гг. снижается, но Сибирский федеральный округ сокращает свою долю быстрее, чем Дальневосточный. В Тюменской области, включающей Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, снижение веса почти по всем показателям деловой активности не наблюдается — за исключением валовой добавленной стоимости, что характеризует снижение производительности труда. Дальний Восток является регионом особого внимания со стороны центральной власти, на его поддержку и развитие направлены государственные программы федерального уровня. Динамика его развития свидетельствует об относительно лучших показателях территории по сравнению с азиатской территорией в целом, что говорит об эффективности мер поддержки, предпринятых федеральным правительством.

Таблица 1. Вес Азиатской России и ее территорий в показателях экономической активности в 2000–2020 гг., % к уровню Российской Федерации

Показатель	Азиатская Россия			Дальневосточный федеральный округ			Сибирский федеральный округ			Тюменская область, включая ХМАО и ЯНАО		
	2000	2020	$\Delta_{2020-2000}$	2000	2020	$\Delta_{2020-2000}$	2000	2020	$\Delta_{2020-2000}$	2000	2020	$\Delta_{2020-2000}$
Население	20,8	19,8	-1	6,2	5,6	-0,6	12,4	11,6	-0,8	2,2	2,6	0,4
Рабочая сила	21,1	19,4	-1,7	6,4	5,6	-0,8	12,4	11,2	-1,2	2,3	2,6	0,3
Основные фонды	27,5	22,9	-4,6	6,6	6,0	-0,6	13,2	7,3	-5,9	7,7	9,6	1,9
Валовая добавленная стоимость	27,2	23,8	-3,4	6,3	6,4	0,1	11	9,6	-1,4	9,9	7,8	-2,2

Источник: Данные Росстата

Очевидно, что в азиатской части страны присутствуют диспропорции и разрывы – как в широтном, так и в меридиональном измерении. В меридиональном направлении можно выделить Сибирский и Дальневосточный регионы, широтное зонирование требует рассмотрения Дальнего Севера, Ближнего Севера и Юга. Данные территории имеют специфичные факторы и условия роста, наделены особенными драйверами, источниками и барьерами развития. Исследование перспектив роста Азиатской России будет зависеть от сценариев развития как страны в целом, так и макрорегиона.

Сценарии развития России и ее азиатской части

Решение накопившихся проблем увязывается с переходом экономики на траекторию экономического роста. В ИЭОПП СО РАН в рамках комплекса работ по анализу возможностей дальнейшего развития экономики Азиатской России был обоснован прогноз до 2035 г., увязанный с прогнозом по стране в целом. При этом в качестве методологической основы использовался развитый в организации авторский модельный аппарат, включающий 66-секторальную динамическую модель экономики России с годовым шагом, а также оптимизационная модель взаимодействия Европейской и Азиатской России. Прогноз развития экономики России и ее восточных регионов (Азиатской России) для периода 2021–2035 гг. обосновывался и реализовывался в разрезе трех сценарных вариантов – инерционном, умеренно-оптимистическом (вероятном) и оптимистическом. При этом динамика инвестиций в основной капитал была спроектирована с использованием динамических эконометрических конструкций, оцененных для ретроспективного периода. Сценарные условия

специфицировались для макроэкономической политики, пространственной стратегии развития и внешних условий.

Во всех трех вариантах развития внешнеэкономические и политические условия формально остаются примерно такими же, как и сложившиеся к настоящему времени, однако адаптация к ним в экономике России принимается более успешной в умеренно-оптимистическом и особенно в оптимистическом сценариях. При этом мы также ожидаем, что в рамках инерционного варианта возможно дальнейшее замедление роста объемов мировой торговли из-за ухудшения экономических отношений между Китаем и США и приостановка исполнения Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между ЕС и Китаем.

Инерционный сценарий развития экономики России и Азиатской России не предполагает каких-либо серьезных изменений экономической модели функционирования экономической системы или политики экономических властей. Предполагается, что доля инвестиций в ВВП будет незначительно расти и достигнет уровня 23,5% к концу прогнозного периода (табл. 2), при том что норма накопления человеческого капитала не будет расти и останется на отметке в 8%. Это говорит о том, что сектор новой экономики также будет стагнировать. Не покажут роста и государственные инвестиции в основной капитал, оставаясь примерно на уровне 17–19% от их общего объема (уровень 2019–2021 гг.). За этим обстоятельством стоит тот факт, что государство продолжает занимать достаточно пассивную роль и не берет на себя инициативу проведения институциональных реформ и реструктуризации экономики. Таким образом, реиндустриализация в России и ее регионах, основанная на импортозамещающих проектах, идет недостаточно интенсивно.

Центральный банк продолжает оставаться в рамках декларируемой политики инфляционного таргетирования и высоких уровней ключевой ставки, что не дает дополнительных стимулов для увеличения темпов роста частных инвестиций. Отсутствие активного стимулирования инвестиций через налоговую политику также не способствует оживлению инвестиционного процесса.

Пространственная политика в отношении восточных районов страны остается достаточно консервативной, нацеленной на изъятие природной ренты, финансовых ресурсов бюджетов регионов Азиатской России. Значимые проекты развития здесь не иницируются, а локализуются на западных направлениях, ограничиваясь на востоке Поволжьем и Уральским регионом. Зональное неравенство доходов населения продолжает расти, обуславливая отток населения из Азиатской России и повышая геополитические риски.

Реализация инерционного сценария не потребует увеличения численности занятых в экономике, она может оставаться на современном уровне – около 71 млн чел. В Тюменской области рост ВРП будет определяться динамикой сектора добывающих отраслей, что будет обуславливать его отставание от общероссийского выпуска. Данная тенденция особенно сильно проявится во второй половине рассматриваемого перспективного периода. Одновременно в данном регионе получают развитие отрасли обработки, а также агрокомплекс.

В СФО в течение всего прогнозного периода динамика ВРП будет оставаться умеренной, чему будут способствовать масштабные проекты добычи ресурсов и транспортной инфраструктуры, в значительной степени вызванные усилением санкционной политики группы западных государств. В целом можно ожидать, что в рамках инерционного сценария темпы роста ВПП в СФО будут несколько ниже,

Таблица 2. Среднегодовые прогнозные темпы прироста важнейших макропоказателей РФ и Азиатской России в 2021–2035 гг., %

Показатель	Сценарий		
	инерционный	умеренно-оптимистический	оптимистический
Россия			
Среднегодовой темп прироста ВВП	2,1	3,1	4,7
Среднегодовой темп прироста 1 подразделения	1,9	3,2	5,2
Среднегодовой темп прироста 2 подразделения	2,1	2,9	3,9
Норма накопления инвестиций в основной капитал в ВРП в конце прогнозного периода	23,5	25,2	29,3
Норма накопления инвестиций в человеческий капитал в ВРП в конце прогнозного периода	7,5	9,1	10,7
Норма возмещения выбытия основного капитала в конце прогнозного периода	1,2	2	3
Среднегодовой темп прироста инвестиций в основной капитал	3,4	5	7,6
Среднегодовой темп прироста инвестиций в человеческий капитал	1,2	3,5	6,1
Азиатская Россия			
Среднегодовой темп прироста ВРП	2,0	3,3	5,0
Среднегодовой темп прироста инвестиций в основной капитал	3,0	7,0	10,0
Норма накопления инвестиций в человеческий капитал в ВРП в конце прогнозного периода	24,0	28,0	33,0

Примечание: Результат расчетов по ДММ-КАМИН с блоком человеческого капитала и ОМВЕАР.

чем ВВП России. Добывающий сектор будет замедлять свою динамику ввиду продолжающегося ухудшения условий добычи природных ресурсов и производства сырьевых продуктов, что будет отчасти компенсироваться ускорением динамики отраслей переработки.

Более выигрышные позиции займет ДВО: увеличится экспорт товаров, будет расти сектор производств обработки, ускорится динамика строительства, усилится транспортная инфраструктура. Хотя динамика ВРП округа будет несколько

опережать темпы роста ВВП РФ, в рамках данного (инерционного) варианта развития не ожидается, что потенциал роста рассматриваемого региона будет использован в сколько-либо значительной мере. Дальневосточный ФО получает возможность как наращивать объемы экспорта сырья и материалов, так и развивать компоненту обрабатывающих производств. Значительными темпами растет объем строительных работ, развиваются возможности для увеличения транспортных потоков. Однако в инерционном (базовом) сценарии потенциал регионального роста в округе так и не будет реализован в какой-либо значительной мере. Несмотря на это, темпы роста его ВРП будут несколько опережать динамику ВВП в среднем по России.

Два «хороших» сценария – умеренно-оптимистический и оптимистический – основаны на обоснованных авторами дополнительных источниках развития, которые могут быть вовлечены при более активном участии государства. С позиции укрепления технологического суверенитета Российской Федерации требуется конструирование и выстраивание цепочек создания социальной ценности – как вертикальных, опосредующих технологические процессы, так и горизонтальных, связанных со взаимодействием внутри делового, экспертного, научного и управленческого сообщества, взаимными консультациями, обменом знаниями [17–18]. Важным следствием выстраивания таких цепочек создания является вовлечение дополнительного потенциала экономического роста, связанного с синергетическими эффектами взаимодействия, что позволяет значимо увеличить темпы экономического роста. Цепочки имеют выраженный региональный и межрегиональный характер и потому становятся содержанием новой пространственной политики.

Выстраиваемые цепочки должны во все большей степени замыкаться внутри российской экономики, что будет способствовать развитию внутреннего рынка и импортозамещению, развитию отечественных высокотехнологических производств и «освоению страны», что сформулировано М.С. Орешкиным, помощником Президента РФ, как один из базовых принципов «новой модели» экономического развития. Такие цепочки должны стать предметом пристального внимания и управленческих, и политических структур. Поскольку экспорт высокотехнологической продукции в новых геополитических реалиях может оставаться затруднительным, то одновременно с инновационным бизнесом потребуются развитие внутренних потребителей, также использующих отечественные инновационные технологии. Это, в свою очередь, означает усиление стратегического управления экономикой страны и регионов.

Согласно предложению академика В.М. Полтеровича [19], актуально создание генерального агентства развития для осуществления руководства системой индикативного планирования. Также необходимо серьезное реформирование национальной инновационной системы, включая сферы науки и высшего образования, институты развития с возрождением отраслевых научно-исследовательских институтов. Фактически речь идет о создании системы стратегического индикативного планирования и управления, где крупные мегапроекты, направленные на достижение целей развития, управляются в рамках специально создаваемых консорциумов, включающих ключевые компании, взаимодействующие друг с другом и способствующие развитию малого и среднего бизнеса, что соответствует национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» [20].

Инновационное развитие потребует роста инвестиций не только в создание новых производственных и сервисных структур, но и в сферу развития высоко-

качественного человеческого капитала, включая образование, медицину, туризм, культуру. Важнейшим приоритетом современной экономики является ускоренное развитие системы НИОКР во взаимосвязи с сектором воспроизводства «человеческого капитала», который представляет собой все профессиональные компетенции людей, занятых в созидательной деятельности, их приобретенные знания и умения, а также их предпринимательскую инициативу. По этой причине именно инвестиции в указанные секторы играют решающую роль в технологическом развитии общества.

Человеческий капитал должен рассматриваться как общественное благо, обладающее мощными внешними эффектами (экстерналиями) выраженного позитивного характера, во многом определяющими долгосрочное развитие экономики и общества. Это обуславливает тот факт, что такие секторы, как наука, образование, медицина, культура, называемые иногда «новой экономикой», очень часто получают серьезную государственную поддержку и даже входят в сферу государственной собственности и таким образом исключаются из рыночных отношений. В таких условиях рыночные сигналы – цены, стоимость ликвидных средств банковской системы и др. – не могут оказывать заметного воздействия на инвестиционный процесс в данных сферах. Он должен организовываться и осуществляться государством, движимым пониманием значения для общества и долгосрочного развития качества создаваемого человеческого капитала. Использование именно бюджетных средств здесь означает применение средств фискальной политики, в то время как монетарное смягчение не представляется здесь важным фактором.

Прямые аналогии с проектами в области новой экономики имеют и крупные инвестиционные инфраструктурные проекты. Их «продукт» также характеризуется как общественное благо с сильными позитивными экстерналиями, позволяющими вовлекать в освоение и развитие целые территории, богатые природными ресурсами, и усиливать экспортный потенциал страны. Представляется, что осуществление таких проектов желательно при прямой поддержке государства с использованием разнообразного спектра средств такой поддержки – ГЧС, специальных инвестиционных соглашений, инвестиционных программ развития территорий и пр. Для территории Азиатской России в ИЭОПП СО РАН разработана «Концепция территориальной инвестиционной политики, призванной обеспечить устойчивый экономический рост и повышение благосостояния населения территорий Азиатской России», основанная на политике использования крупного инвестиционного импульса, включающего эшелонированную реализацию ряда комплементарных мегапроектов. Новую пространственную политику целесообразно проводить в том числе через формирование и реализацию крупных комплементарных инвестиционных проектов, управляемых как консорциумы партнеров – компаний и организаций. Для развития экономики Азиатской России нами разработана и предложена политика крупного инвестиционного импульса (соответственно, комплементарные проекты получают название «импульсных проектов»).

Умеренно-оптимистический сценарий развития предполагает серьезное продвижение в реализации сформулированных преобразований, однако не предполагает полного использования потенциала роста, то есть одновременно является средним и демонстрирует умеренный эффект. В данном сценарии на фоне активизации политики государства темпы роста государственных инвестиций увеличиваются, а доля их в общем объеме вложений в основной капитал достигает 1/4 уже в начале рассматриваемого периода. Растет и норма накопления основного

капитала – с 1/5 в начале периода до 1/4 в его конце. Норма же накопления человеческого капитала к 2035 г. может достигнуть значения в 9%, что заметно больше, чем в 2020 г. Предполагается некоторое монетарное смягчение и снижение ставок процента по кредитам. Планируется также, что Банк России несколько смещает цель своей политики в пользу ускорения экономического роста и увеличения занятости.

Политика стимулирования частных инвестиций позволяет повысить норму обновления основного капитала за период почти в три раза – до 2% в год. Все эти меры resultируются в повышении темпов роста как ВВП РФ, так и суммарного ВВП Азиатской России.

В рамках новой пространственной политики, наряду с упомянутыми выше мерами, направленными на построение цепочек создания социальной ценности и ориентацию на развитие внутреннего рынка, с большой вероятностью будет происходить увеличение доли налогов, которые остаются в распоряжении регионов, в том числе в Азиатской России.

Основные межотраслевые различия в темпах роста производства в качественном плане сохраняются такими же, как и в инерционном варианте. Список отраслей-лидеров при этом является «традиционным»: машиностроение, химическая промышленность, строительство и производство прочей неметаллической минеральной продукции – в отраслях, тесно связанных с развитием инвестиционного комплекса. Выше средних ожидаются темпы роста выпуска и в черной, и в цветной металлургии. В аутсайдерах по-прежнему нефтедобыча и теплоэнергетика, ниже средних темпы роста в большинстве добывающих отраслей, в энергетике.

Возможность перехода на повышенные темпы экономического роста в Азиатской России по сравнению со среднероссийскими обусловлена не только увеличением нормы накопления в используемом ВВП в рамках государственной политики в пространственном распределении централизованных инвестиций, но также и целенаправленным формированием сегмента инновационно-ориентированных компаний в локальных центрах экономической активности, занимающих определенное место в межрегиональных цепочках создания добавленной стоимости (социальной ценности).

Среди восточных регионов лидером роста остается Дальний Восток, аутсайдером – Тюменская область. Реализация умеренно-оптимистического варианта потребует увеличения численности занятых в экономике до 73 млн чел. либо кардинального изменения научно-технологического уровня природно-ресурсного сектора экономики.

В рассматриваемом сценарии развития России происходит изменение пропорций распределения инвестиций в пользу нестоличных территорий, в том числе в пользу регионов Азиатской России, что обуславливает выравнивание темпов роста федеральных округов. Сама инвестиционная активность в целом по стране оказывается значительно выше, чем в инерционном варианте. Такие федеральные округа, как СЗФО, ПФО, ЮФО, ДФО, СФО, получают дополнительный импульс к росту.

В Тюменской области в данном варианте развития ожидается положительная, хотя и не слишком выраженная динамика роста. При этом его главными двигателями будут выступать секторы строительства обрабатывающих производств. Ожидается также, что по данному варианту динамика ВРП СФО будет несколько быстрее выпуска по стране в целом, что будет достигаться за счет ускорения роста в строительстве и промышленном производстве (как в добыче ресурсов, так и в их переработке). ДФО также несколько ускорит свое развитие, используя возможности отраслей переработки и наращивания экспорта. Рост строительства здесь увязывается в том

числе с развитием инфраструктуры, обеспечивающей увеличение транспортных потоков. Темпы роста ВРП региона ожидаются примерно на уровне среднероссийских. Однако при этом в рамках самого прогнозного периода будет постепенно происходить ускорение роста в большинстве секторов экономики округа, что закладывает основы для ускорения в более долгосрочной перспективе.

В рамках оптимистического сценария имеет место существенное ускорение экономического роста даже по сравнению с умеренно-оптимистическим вариантом развития, которое можно охарактеризовать как предельно возможное в сложившихся условиях, и для чего потребуются прорывная экономическая политика. Необходимо использовать все ресурсы роста – от финансовых резервов и активов организаций и населения до расширения внутреннего рынка, усиления взаимодействия в обществе и экономике с получением синергетических эффектов, одновременно проводя межсекторальную и пространственную реструктуризацию экономики с обеспечением большей связности территории и разворотом на Восток. Потребуются более решительные институциональные реформы, предполагающие создание индикативного стратегического планирования и управления инвестиционными мегапроектами.

Усилия всех ветвей экономических властей России должны быть консолидированы вокруг общей цели – ускоренное наращивание ВВП для решения социально-экономических задач и обеспечения технологического, финансового и стратегического суверенитета. Соответственно правительство в лице министерств экономического развития и финансов должно обеспечить инициирование и поддержку проектов, нацеленных на реструктуризацию и экономический рост, а монетарные власти в лице Банка России – их финансирование на основе диверсифицированных источников и инструментов с упором на развитие кредитной системы. Важнейшим индикатором консолидации позиции экономических властей является появление капитальных долгосрочных инвестиций, предоставляемых на достаточно мягких условиях, обеспечивающих экономическое развитие.

Инвестиционная активность государства возрастает по сравнению с предыдущими сценариями, и его доля в инвестициях в основной капитал увеличится к концу прогнозного периода до уровня в 30%. Важнейшая задача – ускорение замены основного капитала с выходом нормы его обновления на значения нормативного уровня коэффициента амортизационных отчислений. Эти средства должны зачисляться на специальные счета, с которых осуществляется закупка нового инновационного оборудования, оплачивается реконструкция и новое строительство. Таким образом, норма обновления основного капитала к 2035 г. должна увеличиться более чем в четыре раза – примерно до 3% в год. Ожидается, что субсидирование и налоговое стимулирование инвестиций позволят ускорить рост инвестиций частного сектора и увеличить нормы накопления основного и человеческого капитала к концу периода до 29% и 11% соответственно.

В оптимистическом сценарии в России в целом потребность в трудовых ресурсах возрастает до 75 млн чел., при этом потребуются действенные меры по закреплению в регионах Азиатской России населения и по привлечению сюда дополнительной рабочей силы. В этом варианте именно те регионы, которые обладают крупными агломерациями, оказываются наиболее конкурентоспособными, растут быстрее и тянут за собой другие территории. Это делает их основными реципиентами инвестиций из бюджетов и внебюджетных источников приоритетного характера. Также в данном варианте развития экономики продолжают лидировать центры добычи природных ресурсов, которые остаются конкурентоспособными на мировых рынках.

Таким образом, действует предположение о том, что и в долгосрочной перспективе сохраняется специализация страны на производстве природных ресурсов на мировых рынках. Динамика инвестиций в данном сценарии значительно более высокая по сравнению с предыдущим (умеренно-оптимистическим) вариантом, причем лидируют здесь именно территории Азиатской России.

Так, в той же Тюменской области среднегодовой темп прироста инвестиций в основной капитал ожидается на уровне 8%, в СФО — на уровне 10%, а в ДФО — 11%, что выглядит весьма значительным на фоне среднероссийских темпов в 7,5% в год и 7%, характерных для регионов Европейской России. В Тюменской области, обладающей как благоприятным экономико-географическим положением, так и достаточно мощным промышленным потенциалом, толчок в развитии получает сектор обрабатывающих отраслей. В долгосрочном периоде в области динамика производства будет оставаться умеренной. В СФО в данном сценарии рост ожидается в выпуске обрабатывающих производств, в секторах транспортировки и хранения, а также строительства. Темпы роста ВРП здесь будут несколько выше, чем в среднем по стране. То же можно сказать и о перспективах ДВО.

Ускорение развития Азиатской России: политика крупного инвестиционного импульса

Мы не считаем, что для оживления инвестиционной активности в мере, достаточной для ускорения экономического роста в Азиатской России, а также страны в целом, будет достаточным только изменение политики Банка России в направлении смягчения денежно-кредитной политики и снижения ставок процента, хотя данное условие мы видим как необходимое. Требуется еще инициация и поддержка со стороны государства ряда крупных инвестиционных проектов стратегического значения. Указанные проекты должны быть скоординированы, эшелонированы во времени и комплементарны. Значимой является также их ориентация не только на экспорт ресурсов, но и на развитие внутреннего рынка — как за счет поставок новой продукции, так и за счет увеличения спроса на ресурсы и продукцию отечественного производства. Такой подход мы называем «политикой крупного инвестиционного импульса», а сами проекты, ее реализующие, — «импульсные проекты». Теоретически он основан на синтезе двух концепций, развитых за рубежом для стимулирования развития стран третьего мира. Это, во-первых, концепция «порочного круга нищеты», а во-вторых, концепция «самоподдерживающегося роста» [21–27].

Представление, лежащее в основе политики крупного инвестиционного импульса, состоит в том, что для ускорения развития экономики в нее следует вложить крупный объем хорошо распределенных инвестиций. Этот объем должен быть достаточным для увеличения масштабов рынка, на этой основе — для роста отдачи от масштаба производства, а следовательно, производительности труда. Это, в свою очередь, должно результатиться в ускорении развития данной экономики (рис. 4). Но есть еще одно важное условие: необходимо обеспечить взаимодополняемость секторов и проектов, получающих инвестиции. Таким образом, речь должна идти не о точечных толчках инвестиционных вливаний, а о формировании целостного механизма взаимодействия задействованных секторов для получения эффективного межсекторального перелива ресурсов, продуктов, технологий, знаний и компетенций. Только таким образом возможно сгенерировать сильный толчок к ускорению развития.

Рис. 4. Инвестиционный импульс: эшелонированные импульсные проекты

По указанным причинам наш подход не предполагает реализации изолированных друг от друга отдельных взятых проектов. Мы настаиваем, что для решения стоящих задач и достижения поставленных целей, основанных на ускорении развития, необходима комплексная пространственная политика, обеспечивающая взаимодополняемость между задействованными секторами и проектами. Это должно отражаться во всем комплексе стратегических документов, обеспечивающих долгосрочное планирование развития страны. Для нас также несомненно, что соответствующая инвестиционная политика, непосредственно направленная на регулирование крупного бизнеса, зачастую с государственным участием, не может быть эффективной без активного участия частного сектора. Мы обосновываем нашими расчетами, что влияние крупного инвестиционного импульса будет сильнее сказываться в тех секторах экономики, где привлекаемые инвестиции в большей степени стимулируют подъем производства и развитие систем инфраструктуры. К соответствующим секторам относится транспорт (особенно в части таких масштабных объектов, как железнодорожные сети и морские порты), а также металлургия, производство стройматериалов и, что особенно важно, сферы воспроизводства человеческого капитала и новой экономики, включая образование, науку, медицину, системы рекреации.

В результате расчетов и с учетом того обстоятельства, что инициированные строительные проекты могут обслуживать несколько пилотных проектов одновременно, мы получаем, что прирост ВВП России в результате указанных мероприятий на территориях Азиатской России составляет около 57 трлн руб. (в ценах 2019 г.) Это эквивалентно ускорению развития экономики России за период 2023–2035 г. на 0,45–0,5 п.п., экономики Азиатской России – на 1,35–1,5 п.п. Очевидно, что это – верхняя граница оценки изменения среднегодового темпа прироста.

Оценка влияния инвестиционных проектов, реализуемых в Азиатской России, проводилась также с использованием динамической межотраслевой модели, включенной в разработанную в рамках работ по гранту систему КОМПАС-ДАР.

Результаты расчетов по этой модели позволили оценить суммарный динамический эффект от реализации всех рассматриваемых проектов за период 2023–2035 гг. в сумме 43,3 трлн руб. (также в ценах 2019 г.). Среднегодовой темп прироста ВВП в прогнозном периоде возрастает на 0,3 п.п. Данное значение можно принять за нижнюю границу оценки изменения среднегодового темпа прироста экономики России. Для Азиатской России она при этом составит 0,9–1,0 п.п.

Очевидно, что результат экономического роста, вызываемый рассматриваемыми проектами, является весьма ограниченным с позиций ускорения устойчивого макроэкономического развития, хотя для отдельных регионов на территориях нового освоения он будет существенным. Поэтому инвестиционный импульс, инициированный предложенными пилотными проектами, следует рассматривать как стартовый для развития экономического потенциала на территориях Азиатской России. Немаловажное значение имеет и мультиплицированное пилотными проектами повышение качества жизни проживающего здесь населения (рост жилищного строительства, развитие транспортной инфраструктуры, социальной сферы и др.), что в конечном итоге также будет способствовать росту рабочих мест и закреплению населения на этих территориях.

Дальнейший рост эффекта «большого инвестиционного импульса» следует ожидать от развития технологических связей в промышленном производстве, сельском хозяйстве, других отраслях экономики, основанных на инновационным прорыве в производстве продукции, стимулирующего внутренний спрос и создание новых высокотехнологичных рабочих мест. Речь идет о производственных связях в виде поставок продукции и оказания услуг в рамках кооперативной интеграции производителей и в виде потребительских инвестиционных товаров, товаров для экспорта, но не только. На каждом этапе возникают социальные выгоды в виде обмена знаниями, роста взаимного доверия, формирующие нематериальные активы компаний, а также налоговых поступлений в бюджетную систему, правильное использование которых также увеличивает благосостояние сообществ. К сожалению, таких цепочек в России пока чрезвычайно мало, а имеющиеся коротки и не дотягивают до передовых стандартов, включая лишь процессы освоения сырьевых ресурсов и получения полупродуктов.

Переработка – это только один фрагмент общей сети создания социальной ценности, формируемой углублением степени переработки ресурса. В России при ее колоссальном потенциале добыча не сопровождается адекватной глубиной переработки. В результате, экспортируя сырье или первые переделы цепочек переработки, Россия вынуждена в массовом порядке закупать как готовые продукты, так и полупродукты, чтобы покрывать внутренний спрос. Для приближения предложения товаров к внутренней структуре спроса необходимо действенное участие со стороны государства. Отсюда вытекает важнейшая особенность реализации того подхода, который мы здесь обсуждаем: это не только формирование цепочек с акцентом на поддержку крупных компаний, но и в значительной степени действенные шаги по формированию эффективных горизонтальных взаимодействий инновационных и высокотехнологичных компаний на всех этапах импульсных проектов, направленных на рост добавленной стоимости (социальной ценности). Это, в свою очередь, невозможно вне формирования и активного применения широкого спектра различных инструментов фискальной, научно-технологической, структурной и транспортной политики.

Библиографический список

1. *Азиатская Россия. Издание переселенческого управления и главного управления землеустройства и земледелия. I-III тома + Атлас.* – СПб: Товарищество «А.Ф. Маркс». – 1914. – 576 с. +638 с. + CLV (155) с. + 71 карта.
2. *The Oxford Handbook of Economic Geography / Ed. by G.L. Clark, M.P. Feldmann, M.S. Gertler.* – Oxford University Press, 2003. – 740 p.
3. *Zhu Sh., He C. What can evolutionary economic geography learn from global value chain and global production network research on developing and emerging/economies? // Area Development and Policy.* – 2022. – 7 (2). – P. 162–176. – DOI: 10.1080/23792949.2022.2061542.
4. *Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // Progress In Human Geography.* – 2004. – 28 (1). – P. 31–56.
5. *Boschma R. Relatedness as driver of regional diversification: A research agenda // Regional Studies.* – 2017. – 51 (3). – P. 351–364. – DOI: 10.1080/00343404.2016.1254767.
6. *Boschma R. Global value chains from an evolutionary economic geography perspective: A research agenda // Area Development and Policy.* – 2022. – 7 (2). – P. 123–146. – DOI: 10.1080/23792949.2022.2040371.
7. *Arias-Loyola M. A review of Handbook on the Geographies of Power / By Mat Coleman and John Agnew // Economic Geography.* – 2019. – 95 (3). – P. 310–311. – DOI: 10.1080/00130095.2019.1586433.
8. *Крюков В.А. О необходимости эволюционного подхода к формированию условий освоения и использованию природно-ресурсного потенциала России // Научные труды Вольного экономического общества России.* – 2022. – Т. 238. – С. 102–132. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-102-132.
9. *Крюков В.А. Директивой его не создашь // Мировая энергетика.* – 2008. – № 4. – С. 18–21.
10. *Крюков В.А. О необходимости учета специфических особенностей активов при формировании нормативно-правовой базы регулирования нефтегазового сектора // Нефть, Газ и Право.* – 2000. – № 1. – С. 2–10.
11. *Крюков В.А., Крюков Я.В. Рамки и формы участия организаций научно-промышленного пояса Востока России в реализации проектов в Арктической зоне Российской Федерации // Научные труды Вольного экономического общества России.* – 2022. – Т. 235, № 3. – С. 109–122. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-109-121.
12. *Крюков В.А., Коломак Е.А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России.* – 2021. – Т. 227. – С. 92–114. – DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114.
13. *Appelbaum Steven Socio-technical systems theory: an intervention strategy for organizational development // Management Decision.* – 1997. – 35 (6). – P. 452–463.
14. *Экономика Сибири в разрезе широтных зон / Отв. ред. Гранберг А.Г.* – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985. – 252 с.
15. *Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., Гончаров Р.В. Без мобильности нет креативности: антропология транспорта Сибири и Дальнего Востока // Пространственная экономика.* – 2019. – 4 (15). – С. 149–183.
16. *Крюков В.А., Шмат В.В. Азиатская Россия – условия и препятствия поступательной диверсификации экономики макрорегиона // Пространственная экономика.* – 2022. – 1 (18). – С. 34–72.
17. *Новый импульс Азиатской России. Новосибирск / Отв. ред. Крюков В.А., Сулов Н.И.* – Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2022. – 572 с.
18. *Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Экономика Сибири: трудный путь к синергии природного и человеческого потенциала, связности пространства и интересов федерального центра и регионов: рабочие материалы в рамках крупного научного проекта «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном*

- потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий». – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2022. – 123 с. (Препринт / Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук).
19. Полтерович В.М. Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – №3 (55). – С. 238–244. – DOI: 10/31737/2221-2264-2222-55-3-17.
 20. Указ о национальных целях развития России до 2030 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 30.06.2023).
 21. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. – М.: Норма, 2008. – 639 с.
 22. Hirschman A.O. *The Strategy of Economic Development*. – New Haven: Yale University Press, 1958. – 217 p.
 23. Leibenstein H. *Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development*. – New York, 1957. – P. 132–134.
 24. Nurkse R. *Equilibrium and Growth in the World Economy*. Cambridge: Harvard University Press, 1961. – 380 p.
 25. Rosenstein-Rodan P.N. *Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe* // *The Economic Journal*. – 1943. – Vol. 53, No. 210/211. – P. 202–211.
 26. Rosenstein-Rodan P.N. *Notes on the Theory of the 'Big Push' / Economic Development for Latin America*. – *International Economic Association*, 1961. – P. 57–81.
 27. Singer H.W. *International Development. Growth and Change*. – New York: McGraw-Hill, 1964. – P. 295.

References

1. *Aziatskaja Rossija. Izdanie pereselencheskogo upravlenija i glavnogo upravlenija zemleustrojstva i zemledelija. I-III toma + Atlas*. – SPb: Tovarishhestvo «A.F. Marks». – 1914. – 576 s. +638 s. + CLV (155) c. + 71 karta.
2. *The Oxford Handbook of Economic Geography / Ed. by G.L. Clark, M.P. Feldmann, M.S. Gertler*. – Oxford University Press, 2003. – 740 p.
3. Zhu Sh., He C. What can evolutionary economic geography learn from global value chain and global production network research on developing and emerging/economies? // *Area Development and Policy*. – 2022. – 7 (2). – P. 162–176. – DOI: 10.1080/23792949.2022.2061542.
4. Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // *Progress In Human Geography*. – 2004. – 28 (1). – P. 31–56.
5. Boschma R. Relatedness as driver of regional diversification: A research agenda // *Regional Studies*. – 2017. – 51 (3). – P. 351–364. – DOI: 10.1080/00343404.2016.1254767.
6. Boschma R. Global value chains from an evolutionary economic geography perspective: A research agenda // *Area Development and Policy*. – 2022. – 7 (2). – P. 123–146. – DOI: 10.1080/23792949.2022.2040371.
7. Arias-Loyola M. A review of *Handbook on the Geographies of Power / By Mat Coleman and John Agnew* // *Economic Geography*. – 2019. – 95 (3). – P. 310–311. – DOI: 10.1080/00130095.2019.1586433.
8. Kryukov V.A. O neobhodimosti jevoljucionnogo podhoda k formirovaniju uslovij osvoenija i ispol'zovanija prirodno-resursnogo potenciala Rossii // *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. – 2022. – T. 238. – S. 102–132. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-102-132.
9. Kryukov V.A. *Direktivoj ego ne sozdash'* // *Mirovaja jenergetika*. – 2008. – № 4. – S. 18–21.
10. Kryukov V.A. O neobhodimosti ucheta specificheskikh osobennostej aktivov pri formirovanii normativno-pravovoj bazy regulirovanija neftegazovogo sektora // *Neft', Gaz i Pravo*. – 2000. – № 1. – С. 2–10.
11. Kryukov V.A., Kryukov Ja.V. *Ramki i formy uchastija organizacij nauchno-promyshlennogo pojasa Vostoka Rossii v realizacii proektov v Arkticheskoj zone Rossijskoj Federacii* // *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. – 2022. – T. 235, № 3. – S. 109–122. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-109-121.
12. Kryukov V.A., Kolomak E.A. *Prostranstvennoe razvitie Rossii: osnovnye problemy i podhody k ih preodoleniju* // *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. – 2021. – T. 227. – S. 92–114. – DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114.

13. Appelbaum Steven *Socio-technical systems theory: an intervention strategy for organizational development // Management Decision.* – 1997. – 35 (6). – P. 452–463.
14. *Jekonomika Sibiri v razreze shirotnyh zon / Otv. red. Granberg A.G.* – Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1985. – 252 s.
15. Piljasov A.N., Zamjatina N.Ju., Goncharov R.V. *Bez mobil'nosti net kreativnosti: antropologija transporta Sibiri i Dal'nego Vostoka // Prostranstvennaja jekonomika.* – 2019. – 4 (15). – S. 149–183.
16. Kryukov V.A., Shmat V.V. *Aziatskaja Rossija – uslovija i prepjatstvija postupatel'noj diversifikacii jekonomiki makroregiona // Prostranstvennaja jekonomika.* – 2022. – 1 (18). – S. 34–72.
17. *Novyj impul's Aziatskoj Rossii. Novosibirsk / Otv. red. Krjukov V.A., Suslov N.I.* – Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie RAN, 2022. – 572 s.
18. Kryukov V.A., Seliverstov V.E. *Jekonomika Sibiri: trudnyj put' k sinergii prirodnogo i chelovecheskogo potenciala, svjaznosti prostranstva i interesov federal'nogo centra i regionov: rabochie materialy v ramkah krupnogo nauchnogo proekta «Social'no-jekonomicheskoe razvitie Aziatskoj Rossii na osnove sinergii transportnoj dostupnosti, sistemnyh znaniy o prirodno-resursnom potencie, rasshirjajushhegosja prostranstva mezhregional'nyh vzaimodejstvij».* – Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2022. – 123 s. (Preprint / Institut jekonomiki i organizacii promyshlennogo proizvodstva Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk).
19. Polterovich V.M. *Eshhe raz o tom, kuda idti: k strategii razvitija v uslovijah izoljacii ot Zapada // Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii.* – 2022. – №3 (55). – S. 238–244. – DOI: 10/31737/2221-2264-2222-55-3-17.
20. *Ukaz o nacional'nyh celjah razvitija Rossii do 2030 goda.* – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (data obrashhenija 30.06.2023).
21. Nureev R.M. *Jekonomika razvitija: modeli stanovlenija rynochnoj jekonomiki.* – M.: Norma, 2008. – 639 s.
22. Hirschman A.O. *The Strategy of Economic Development.* – New Haven: Yale University Press, 1958. – 217 p.
23. Leibenstein H. *Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development.* – New York, 1957. – P. 132–134.
24. Nurkse R. *Equilibrium and Growth in the World Economy.* Cambridge: Harvard University Press, 1961. – 380 p.
25. Rosenstein-Rodan P.N. *Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe // The Economic Journal.* – 1943. – Vol. 53, No. 210/211. – P. 202–211.
26. Rosenstein-Rodan P.N. *Notes on the Theory of the 'Big Push' / Economic Development for Latin America.* – International Economic Association, 1961. – P. 57–81.
27. Singer H.W. *International Development. Growth and Change.* – New York: McGraw-Hill, 1964. – P. 295.

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН» (ИЭОПП СО РАН) 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IEIE SB RAS) 17, Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia.

Крюков Валерий Анатольевич / Kryukov Valeriy Anatolievich
kryukov@ieie.nsc.ru

Коломак Евгения Анатольевна / Kolomak Eugenia Anatolievna
ekolomak@academ.org

Суслов Никита Иванович / Suslov Nikita Ivanovich
nsus@ieie.nsc.ru

Костин Андрей Владимирович / Kostin Andrey Vladimirovich
andrey.v.kostin@gmail.com

РОССИЙСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР В МЕНЯЮЩЕЙСЯ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

RUSSIAN FINANCIAL SECTOR IN CHANGING INTERNATIONAL FINANCIAL SYSTEM

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-129-138

ГОЛОВНИН Михаил Юрьевич

Директор Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, д.э.н.

Mikhail YU. GOLOVNIN

Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Doctor of Economics

Аннотация

В статье проанализированы основные направления воздействия санкций, введенных в отношении России после февраля 2022 г., на различные направления взаимодействия российского финансового сектора с внешним миром. Отмечается относительно высокий уровень финансовой открытости России в 2022 г., в первую очередь за счет масштабного оттока капитала из страны, который шел в наибольшей степени по каналу прочих инвестиций. Показано усиление роли российского рубля и китайского юаня во внешнеторговых расчетах России. В части российских инвестиций за рубеж основную роль играло открытие счетов в дружественных странах, а также происходит переориентация российских финансовых институтов на работу с этими странами, включая попытки организовать там свое присутствие и предложить российским инвесторам финансовые инструменты этих стран. Инвестиции в Россию в наибольшей степени пострадали от санкций. Это открывает новые возможности в части построения внутреннего финансового рынка, основанного на национальном капитале. В кратко- и среднесрочной перспективе мы прогнозируем значительное снижение степени финансовой открытости российской экономики и дальнейшую переориентацию российских инвестиций и финансовых связей на дружественные страны, прежде всего азиатские. По всей видимости, произойдет дальнейшее усиление позиций китайского юаня как валюты внешнеторговых расчетов не только с Китаем, но и с третьими странами. Необходима целенаправленная

политика по регулированию международных потоков капитала с целью повышения их эффективности для развития национальной экономики.

Abstract

The article analyzes the main directions of the impact of the sanctions imposed on Russia after February 2022 on various areas of interaction between the Russian financial sector and the rest of the world. There was a relatively high level of financial openness in Russia in 2022, primarily due to the large-scale capital outflow, mainly through the channel of other investments, assets. The strengthening of the role of the Russian ruble and the Chinese yuan in Russia's foreign trade settlements can be pointed out. As for Russian investments abroad is concerned, the main role was played by the opening of banking accounts in "friendly" countries, and there is also a reorientation of Russian financial institutions to work with these countries, including attempts to organize their presence there and offer Russian investors financial instruments from these countries. Foreign investments in Russia has been the hardest hit by the sanctions. This opens up new opportunities in terms of building an internal financial market based on national capital. In the short and medium term, we predict a significant decrease in the degree of financial openness of the Russian economy and a further reorientation of Russian investments and financial links to "friendly" countries, primarily Asian ones. Apparently, there will be a further strengthening of the positions of the Chinese yuan as the currency of foreign trade settlements not only with China, but also with third countries. A purposeful policy is needed to regulate international capital flows in order to increase their effectiveness for the development of the national economy.

Ключевые слова Финансовая система России, санкции, международные потоки капитала, внешнеторговые расчеты, портфельные инвестиции.

Keywords Russian financial system, sanctions, international capital flows, external trade settlements, portfolio investments.

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на проблемах открытости российского финансового сектора в условиях беспрецедентного санкционного режима, который применяется в отношении российской экономики с февраля 2022 г. США, ЕС и их союзниками, а также в условиях изменений, происходящих в мировой финансовой системе, раскрывавшихся нами в предшествующих публикациях [см. 1, 2].

Санкции, введенные в отношении российской экономики в 2022 г., затронули практически все каналы взаимодействия российского финансового сектора с внешним миром:

- замораживание внешних активов государственного и частного (отдельные банки, компании и физические лица) секторов;
 - запрет на новые инвестиции в российскую экономику (со стороны США – в экономику в целом, со стороны ЕС – в отдельные сектора);
 - отключение крупнейших российских банков от SWIFT;
 - санкции в отношении Национального расчетного депозитария (НРД), фактически отрезавшие от российских игроков внешний рынок ценных бумаг, в том числе размещенных российскими эмитентами за рубежом;
-

- запрет США и ЕС на ввоз в Россию наличных долларов и евро;
- добровольный уход иностранных компаний из России, который не относится к формальным санкциям, но является их продолжением [3, с. 10–12].

В ответ на эти санкции правительство и Центральный банк Российской Федерации ввели ответные меры, фактически представляющие собой ограничения на отток капитала из России:

- ограничения для российских компаний и граждан на зачисление валюты на свои счета и вклады за рубежом и на предоставление нерезидентам займов в валюте;
- юридическим лицам – нерезидентам из недружественных стран было запрещено покупать валюту на внутреннем рынке;
- нерезиденты были фактически лишены возможности совершать сделки с ценными бумагами на российском рынке, а их доходы от российских ценных бумаг, которыми они ранее владели, стали поступать на специальные счета типа «С», средства на которых имеют крайне ограниченные возможности для использования;
- принят закон о делистинге депозитарных расписок российских компаний с иностранных площадок и конвертации их в российские ценные бумаги¹ [3, с. 79].

В результате действия введенных в отношении России санкций и принятых ответных контрмер каналы взаимодействия российского финансового сектора с внешним миром оказались в значительной степени перекрыты. Количественно измерить произошедшие изменения позволяет показатель финансовой открытости экономики², фактически отражающий совокупные трансграничные потоки капитала, связанные с национальной экономикой. В России значения этого показателя существенно колебались на протяжении XXI века (см. рис. 1). Если до 2007 г. наблюдался рост финансовой открытости экономики, то последующие кризисы (мировой экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. и российский экономический кризис 2014–2016 гг.) приводили к снижению данного показателя. Кроме того, начиная с 2014 г. на него оказывали влияние санкции, действовавшие в отношении российской экономики. Поэтому после 2014 г. длительное время не наблюдалось восстановления международных потоков капитала, в отличие от предшествующих кризисов. Однако в 2021 г. мы видим существенное увеличение степени финансовой открытости на фоне роста аналогичного показателя в 2020–2021 гг. в ведущих центрах международного движения капитала. Объяснением может служить общее улучшение условий в мировой финансовой системе, в том числе в результате увеличения объемов глобальной ликвидности, и нахождение способов обойти ряд санкций, введенных после 2014 г., которые на тот момент не носили тотального характера. Несколько неожиданным на первый взгляд выглядит сохранение высокого уровня финансовой открытости российской экономики в 2022 г.

Чтобы понять, что за этим стоит, необходимо рассмотреть структуру трансграничных потоков капитала, связанных с Россией (рис. 2). Мы наблюдаем в 2022 г.

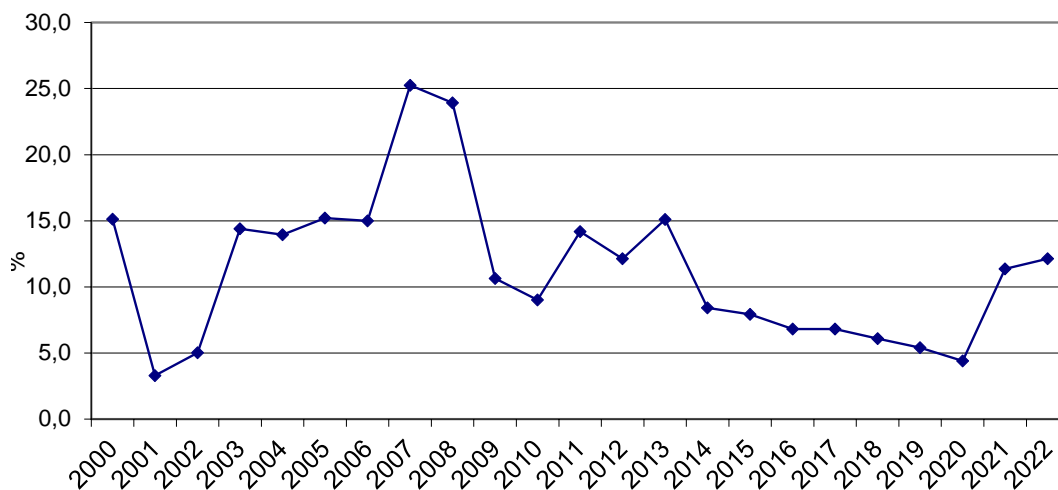
1 Федеральный закон от 16.04.2022 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об акционерных обществах“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2 Этот показатель рассчитывается как сумма потоков активов и пассивов (без учета знака) прямых, портфельных и прочих инвестиций по данным платежного баланса страны.

значительный отток капитала, превышавший по своим масштабам отток капитала в 2014 г. (при введении первых санкций и значительном падении цен на нефть). Следует отметить, что в 2022 г. наблюдалось рекордное положительное значение сальдо текущего счета платежного баланса (236,1 млрд долл.). При этом возможности для его компенсации путем покупки иностранной валюты в международные резервы были ограничены санкциями. Таким образом, объективно должен был наблюдаться значительный отток капитала из страны. Безусловно, на этот отток повлиял беспрецедентный внешний шок, в первую очередь вызванный санкциями. В результате по всем пассивным статьям финансового счета платежного баланса наблюдался отток средств из страны³, а небольшой приток имел место в результате сокращения российских активов за рубежом. Наибольший отток средств из страны (около 147 млрд долл.) в 2022 г. произошел по линии увеличения активов прочих инвестиций.

Проанализируем более подробно основные направления взаимодействия российского финансового сектора с внешним миром в период после февраля 2022 г.

Рис. 1.
Совокупные трансграничные потоки капитала, связанные с Россией (в % ВВП)

Источник:
рассчитано на основе данных платежного баланса (http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/)

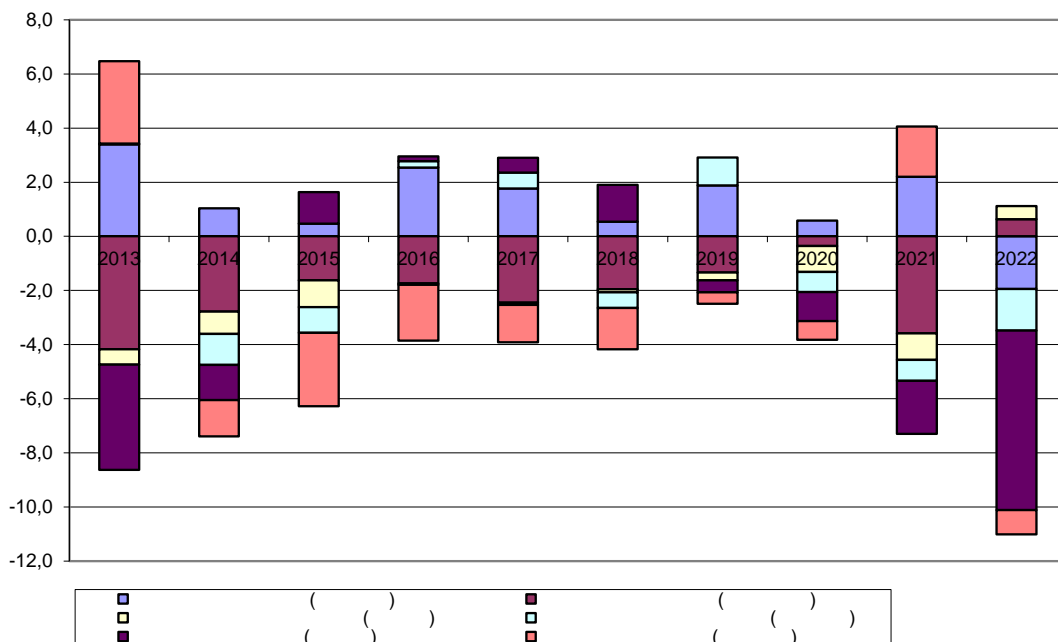
1. Осуществление расчетов. Эта функция не связана напрямую с осуществлением финансовых сделок, она направлена на обслуживание внешнеторговых операций. Затруднения, связанные с осуществлением расчетов, касались, с одной стороны, участия в этих операциях подсанкционных банков (которые оказались отключены от системы SWIFT), а с другой – проведения операций в так называемых «токсичных» ведущих международных валютах (прежде всего, в долларах США и евро).

За 2022 год произошли существенные изменения в структуре расчетов за российский экспорт и импорт в разрезе отдельных валют. Так, совокупная доля доллара США и евро в расчетах за российский экспорт снизилась с 87% на начало 2022 г. до 48% на конец года. За это время доля российского рубля в расчетах по экспорту выросла с 12 до 34%, а китайского юаня – с 0,5 до 16%. В расчетах по импорту ситуация была схожей: совокупная доля доллара и евро снизилась

3 Отток средств из страны по пассивным статьям портфельных и прочих инвестиций является обычной реакцией на кризисные ситуации в российской экономике, однако в 2022 г. впервые произошел чистый отток средств по линии прямых инвестиций.

Рис. 2. Структура трансграничных потоков капитала в России в 2013–2022 гг. (в % к ВВП)

Источник: рассчитано на основе данных платежного баланса (http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/)

за 2022 г. с 65 до 48%, доля китайского юаня выросла с 4 до 23%, тогда как доля российского рубля несколько сократилась – с 29 до 27% [4, с. 4–5].

Россия и Китай во взаимных экономических связях достаточно давно начали переход на расчеты в национальных валютах. Этот процесс продолжился в 2022 г. Так, в сентябре «Газпром» и китайская CNPC подписали соглашение о переходе в расчетах за поставки газа по трубопроводу «Сила Сибири» в российских рублях и китайских юанях в пропорции 50 на 50⁴. По озвученным премьер-министром России М. Мишустиним в конце мая 2023 г. данным, около 70% взаимного товарооборота России и Китая обслуживалось национальными валютами двух стран⁵. Окончательный переход во взаимных экономических связях двух стран на национальные валюты видится вполне достижимым, однако проблемы возникают в отношении расчетов с другими дружественными странами.

Показательно, что в расчетах за российский экспорт доля валют других дружественных стран, помимо Китая, на конец 2022 г. оставалась весьма низкой и составляла около 2% (в расчетах за импорт – несколько выше, около 4%) [4, с. 4–5]. Проблемы с расчетами в национальных валютах с дружественными странами за исключением Китая заключались, во-первых, в том, что их валюты относительно слабо представлены на мировом валютном рынке, а во-вторых, ряд этих стран применяет валютные ограничения, что, в частности, сказалось на проблемах с внешнеторговыми расчетами в индийских рупиях⁶. Отсюда возникает проблема при расширении географии внешнеэкономических связей России: в каких валютах вести

⁴ Россия и Китай переходят на национальные валюты в расчетах за энергоресурсы. РИА Новости. 2022. 18 ноября. URL: <https://ria.ru/20221118/oborot-1832486339.html?ysclid=lkfjqu1xmy626120136>.

⁵ Мишустин: большинство расчетов между Россией и КНР проводятся в нацвалютах // РИА Новости. 2023. 24 мая. URL: <https://ria.ru/20230524/mishustin-1873765338.html?ysclid=lkfvfr432a88840837>.

⁶ «Индийская аномалия»: как теперь устроены внешнеторговые расчеты России. РБК. 2023. 5 мая. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/05/2023/64538a839a79472881bc6ea1?ysclid=lkfnq1oxwo476500125>.

расчеты с партнерами из дружественных стран. Один из вариантов – конвертация через ведущие мировые валюты с соответствующими санкционными рисками для российских экономических агентов, другой – расчеты в китайских юанях. Однако юань также остается недостаточно широко используемой в мировой валютной системе валютой, несмотря на значительный прогресс, достигнутый за последние два десятилетия⁷, а также в Китае продолжают действовать валютные ограничения, хотя они постепенно смягчаются.

2. Российские инвестиции за рубежом. Как мы видели на основании статистики платежного баланса, отток капитала из России в 2022 г. существенно вырос, несмотря на санкции.

Выше отмечалось, что наибольшую роль в оттоке капитала из России в 2022 г. играли прочие инвестиции, в том числе открытие счетов за рубежом. В основном счета открывались в так называемых дружественных странах: Армении, Казахстане, Грузии, ОАЭ, Турции и др. При этом наблюдались признаки как классического «бегства капитала», так и использования этих юрисдикций для упрощения расчетов во внешнеэкономической деятельности.

Вместе с тем российские банки были вынуждены продавать свои дочерние организации за рубежом как в силу действия первичных санкций, так и опасений применения вторичных санкций: дочерние структуры российских банков на Украине были национализированы, Сбербанк продал свои европейские активы, Сбербанк и Альфа-банк ушли с рынка Казахстана. Одновременно российские банки стали искать возможности выхода на рынки других дружественных стран. Однако в силу продолжения санкционной политики подобные проекты не всегда оказывались успешными. Так, МТС-банк получил лицензию центрального банка ОАЭ 1 января 2023 г., однако уже 24 февраля российский банк попал под санкции США и Великобритании, а в конце марта 2023 г. лицензия у МТС-банка в ОАЭ была отозвана⁸.

Портфельные инвестиции российских экономических агентов за рубежом в значительной степени оказались заморожены из-за санкций. При этом спрос на диверсификацию портфелей инвесторов сохраняется. В этих условиях российские инфраструктурные организации ищут возможности удовлетворить этот спрос. Следует отметить, что с 1 января 2023 г. Центральный банк РФ полностью запретил неквалифицированным инвесторам покупать ценные бумаги эмитентов из недружественных стран. Санкт-Петербургская биржа (СПБ) организует доступ к вложениям в акции китайских компаний, котирующихся на Гонконгской бирже. После очередного расширения списка доступных для инвесторов акций в начале февраля 2023 г. их число достигло 115⁹. Однако Центральный банк отмечает, что часть этих ценных бумаг зарегистрирована в инфраструктурных организациях недружественных стран и вложения в них также сопряжены с санкционными рисками. Кроме того, необходимо иметь в виду значительно большую асимметрию информации для

⁷ Доля китайского юаня в обороте мирового валютного рынка выросла с 0,9% в 2010 г. до 7% в 2022 г. (общая сумма долей всех валют составляет 200%) [5, p. 12].

⁸ Тюняева (Бочкарева) М. *Власти ОАЭ решили закрыть МТС-банк спустя три месяца после выдачи лицензии* // Ведомости. 2023. 31 марта (<https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/03/31/969034-vlasti-oea-reshili-zakrit-mts-bank>).

⁹ *Китайские акции занимают портфели* // Радио «Ъ FM». 2023. 6 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5811209?ysclid=lkft5915g7242936916>.

инвесторов в китайские акции по сравнению с инвестициями в акции американских и европейских компаний.

Еще одним проектом Санкт-Петербургской биржи, который был направлен на открытие доступа к ценным бумагам не только китайских, но и западных компаний, стал проект новой торговой площадки ITS, созданной на базе Международного финансового центра «Астана» в Казахстане. СПБ предоставила ITS свои технологии и бизнес-модель, при этом ей непосредственно принадлежало в этом проекте 10% минус одна акция. Предполагалось, что на этой площадке смогут работать российские брокеры, которые не находятся под санкциями, однако позднее было сделано заявление, что новая площадка не будет работать с брокерами и ценными бумагами из России¹⁰.

Для диверсификации вложений российские финансовые посредники пытаются выходить и на рынки других дружественных стран, прежде всего азиатских. Так, например, российская инвестиционная компания «Альфа-Капитал» получила статус иностранного портфельного инвестора в Индии, а СПБ запустила ETF на индийские акции¹¹.

Исходя из изменения внешнеэкономических приоритетов России, стала меняться и структура инвестиций за рубеж. Так, по данным иранской статистики, по итогам 2022 финансового года Россия стала крупнейшим инвестором в экономику страны, вложив в нее 2,8 млрд долл. В основном это были инвестиции в нефтегазовый сектор¹². Активное инвестиционное взаимодействие происходило в 2022 г. между Россией и Беларусью. Российские инвестиции в экономику соседней страны составили около 4 млрд долл., тогда как белорусские инвестиции в экономику России – около 5,5 млрд долл.¹³ В целом по странам СНГ накопленный объем взаимных инвестиций за первое полугодие 2022 г. вырос на 300 млн долл. и достиг 44,6 млрд долл. Однако при этом было закрыто 30 проектов, главным образом речь идет о российских инвестициях на Украине и в других странах СНГ [6, с. 4].

3. Инвестиции в финансовую систему России. В условиях санкций именно эта составляющая открытости российского финансового сектора пострадала сильнее всего. Ранее сделанные нерезидентами инвестиции в российские ценные бумаги оказались фактически заморожены как ответ на западные санкции в отношении НРД. В то же время с сентября 2022 г. были сделаны послабления для инвесторов из дружественных стран для работы на российском рынке ценных бумаг.

Уход нерезидентов, среди которых до 2022 г. преобладали инвесторы из недружественных стран, с российского рынка ценных бумаг привел к резкому сокращению объемов торгов, особенно на рынке акций. Таким образом, стали очевидны недостатки развития национального рынка с опорой прежде всего на инвесторов-нерезидентов.

10 Новая площадка в Астане не стала работать с брокерами и акциями из России // РБК. 2023. 7 июня. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/648043839a79474bd4f8aa94?ysclid=lkfyfosd3v852323738>.

11 Индия открывает биржи для россиян // Радио «Ъ FM». 2023. 21 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5840664?ysclid=lkq0herupx798955296>.

12 Лаксытал И., Козлов А. Россия стала страной номер один по инвестициям в Иран // Ведомости. 2023.

24 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/24/967929-rossiya-stala-stranoi-nomer-odin-po-investitsiyam-v-iran?ysclid=lkfreardxg118054617>.

13 <https://www.finam.ru/publications/item/bolee-poloviny-investitsiy-v-ekonomiku-belorussii-prikhoditsya-na-rf---statkom-20230213-2001/?ysclid=lkfyysi25f240010884>.

Тем не менее в перспективе правительство и Центральный банк РФ планируют привлечение нерезидентов из дружественных стран на национальный финансовый рынок страны. В Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года говорится о том, что «нерезиденты останутся важной группой инвесторов как на рынке публичного (государственного и негосударственного) долга, так и на рынке акций». Кроме того, предполагается налоговое стимулирование для привлечения работы нерезидентов через российских финансовых посредников [7].

Другим каналом привлечения средств нерезидентов было размещение ценных бумаг российских компаний за рубежом в виде американских или глобальных депозитарных расписок. При этом зачастую сами компании регистрировались в зарубежных юрисдикциях. После февраля 2022 г. торги ценными бумагами российских компаний за рубежом фактически прекратились, а в начале 2023 г. американские биржи стали запускать процедуру их принудительного делистинга. Одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации является перерегистрация компании и перенос торговой активности в Россию либо в другую, дружественную юрисдикцию. Однако приостановка торгов и делистинг происходят в отношении акций российских компаний и в дружественных юрисдикциях, например в Казахстане¹⁴. Вместе с тем есть примеры того, как отдельные зарегистрированные за рубежом российские компании, глобальные депозитарные расписки которых торговались ранее на Лондонской фондовой бирже, переносят свою торговую активность на международную фондовую биржу Астаны¹⁵.

В перспективе развитие взаимодействия российского финансового сектора с остальным миром может характеризоваться следующими тенденциями:

1. Как показывает опыт, санкции действуют достаточно длительное время, соответственно, необходимо будет приспосабливаться к санкционному режиму. Значительную роль для определения круга возможных контрагентов будет играть угроза применения вторичных санкций. В этих условиях вслед за временным «всплеском» финансовой открытости российской экономики в 2021–2022 гг. явно последует ее провал в краткосрочной, а возможно, и в среднесрочной (как свидетельствует опыт 2014–2020 гг. при существенно более мягких санкциях) перспективе.

2. В части осуществления внешнеторговых расчетов весьма вероятно дальнейшее увеличение доли в расчетах российского рубля и китайского юаня. С одной стороны, Китай усиливает свои позиции основного внешнеторгового партнера России, а с другой – среди валют дружественных стран именно китайский юань обладает наибольшим потенциалом использования в расчетах по сделкам с третьими странами.

Отдельного внимания заслуживают возможности использования цифровых валют в расчетах. Использование цифрового рубля и его инфраструктуры действительно может снизить риски санкционного воздействия, но для этого необходимо появление цифрового рубля в первую очередь в российской экономике, а также формирование совместимых платформ с другими цифровыми валютами (среди дружественных стран наиболее перспективны здесь опять же позиции Китая) либо

14 Биржа Казахстана объявила о делистинге российских акций на фоне санкций // РБК. 2023. 27 февраля. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/63fc5cb09a79475837620630?ysclid=lkfy9ynks7965561671>.

15 Ибраева А. Как российские эмитенты идут на биржу Астаны // Курсив. 2023. №13. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-04-13/kak-rossijskie-emitenty-idut-na-birzhu-astany/?ysclid=lkfyfg3hczp941376731>.

интегрированных платформ, что требует более высокого уровня взаимодействия и менее вероятно, по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе.

В случае существенного ужесточения применения санкций дополнительные перспективы могут быть связаны с применением частных цифровых валют (криптовалют и стейблкоинов) в обслуживании внешнеторговых расчетов, однако пока законодательная база для этого в России не подготовлена, а позиция регулятора достаточно осторожная из-за опасения попадания этих валют во внутренний денежный оборот и угрозы монетарному суверенитету.

3. Российские инвестиции за рубежом будут постепенно увеличиваться, хотя и с существенно меньшими темпами, чем в 2022 г., в том числе в силу ухудшения ситуации с текущим счетом платежного баланса. Географически будет продолжаться сдвиг инвестиций в сторону дружественных стран. Однако необходимо регулирование этих инвестиций мерами валютных ограничений с целью сдерживания неконтролируемого оттока капитала.

4. В целом Центральный банк РФ проводит в настоящее время правильную, на наш взгляд, хотя и запоздалую политику, направленную на привлечение отечественного инвестора на национальный фондовый рынок. Необходимо формирование отечественного финансового рынка, основанного на национальном капитале с привлечением инвесторов из дружественных стран, но без установления их контроля над рынком.

5. Будет происходить, хотя и в крайне ограниченных размерах (по крайней мере, в краткосрочной перспективе), выход российских эмитентов на фондовые площадки дружественных стран, прежде всего азиатских. Важную роль здесь, как и в остальных направлениях открытия российского финансового сектора внешнему миру, будут играть опасения вторичных санкций.

6. Несмотря на частичный уход российских инвестиций из стран ЕАЭС (в первую очередь, связанных как раз с финансовым сектором), появились новые направления для развития неформальной финансовой интеграции – перенос отдельных фирм из России и открытие счетов в странах – членах ЕАЭС. Эта основа может быть использована для дальнейшего развития финансового взаимодействия со странами ЕАЭС, которое, по крайней мере в краткосрочной перспективе, будет в большей степени носить неформальный характер (за исключением взаимодействия с Беларусью, которая, как подсанкционная страна, в меньшей степени может опасаться вторичных санкций).

Библиографический список

1. Головнин М.Ю. *Мировая финансовая система: глобальные тренды и качественные изменения* // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2022. Т. 235. № 3. С. 95–104.
2. Головнин М.Ю. *Финансовые риски для развития мировой экономики в краткосрочной перспективе* // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2023. Т. 239. № 1. С. 365–378.
3. *Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию*. Отв. Ред. М.Ю. Головнин, Е.Б. Ленчук. М.: Институт экономики РАН, 2023. 132 с.
4. *Обзор рисков финансовых рынков*. Февраль 2023. М.: Банк России, 2023. 12 с. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43828/ORFR_2023-02.pdf.
5. *Triennial Central Bank Survey. OTC foreign exchange turnover in April 2022. Bank for International Settlements*, 2022. URL: https://www.bis.org/statistics/rpfx22_fx.pdf.

6. Кузнецов А., Винокуров Е. (ред.), Малахов А., Забоев А. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2022. Доклады и рабочие документы 22/5. Москва: Евразийский банк развития, 2022.
7. Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4355-р.

References

1. Golovnin M.Yu. *International Financial System: Global Trends and Qualitative Changes* // *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2022. Vol. 235. No. 3. Pp. 95–104. (in Russian)
2. Golovnin M.Yu. *Financial Risks for the Global Economy in the Short Term* // *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2023. Vol. 239. No. 1. Pp. 365–378. (in Russian)
3. *The Russian economy in the face of new challenges: from adaptation to development*. Ed. by M.Yu. Golovnin, E.B. Lenchuk. – M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023. – 132 p. (in Russian)
4. *Review of financial markets' risks. February 2023*. Moscow: Bank of Russia, 2023. 12 p. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43828/ORFR_2023-02.pdf. (in Russian)
5. *Triennial Central Bank Survey. OTC foreign exchange turnover in April 2022*. Bank for International Settlements, 2022. URL: https://www.bis.org/statistics/rpfx22_fx.pdf.
6. Kuznetsov A., Vinokurov E. (eds), Malakhov A., Zabojev A. (2022) *EDB Monitoring of Mutual Investments – 2022. Report 22/5*. Moscow: Eurasian Development Bank.
7. *Strategy for Financial Market Development in Russian Federation till 2030*. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation dated 29.12.2022 No. 4355-p. (in Russian).

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук»

117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Institute of Economics of the Russian academy of Sciences, 32, Nakhimovskiy pr., Moscow, 117218, Russia.

Головнин Михаил Юрьевич / Mikhail Yu. Golovnin

mgecon@mail.ru

КАДРОВЫЙ КРИЗИС В НАУКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ¹

PERSONNEL CRISIS IN SCIENCE AND SOCIAL SPHERE: WAYS TO OVERCOME

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-139-148

СМОЛИН Олег Николаевич

Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию, член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, академик Российской академии образования, д.филос.н., профессор

Oleg N. SMOLIN

First Deputy Chairman of the RF State Duma Committee on Science and Higher Education, Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Philosophy, Professor

Аннотация

Статья посвящена одной из наиболее острых проблем современной отечественной экономической и социальной политики – ситуации с кадрами, призванными обеспечить разработку высоких технологий и воспроизводство человеческого потенциала. Согласно современной экономической теории, именно передовые технологии и человеческий потенциал определяют возможности экономического роста той или иной страны.

Автор анализирует общую ситуацию с кадрами в России, особо акцентируя внимание на кадрах высококвалифицированных инженерно-технических работников и высококвалифицированных рабочих. Однако главное внимание в статье уделяется кадрам в сферах образования, медицины и науки. При этом исследуются причины кадрового дефицита и возможные пути его преодоления, включая попытки законодательного решения данного вопроса.

По мнению автора, при продолжении современной государственной политики экономии на развитии человеческого потенциала кадровый кризис в образовании, медицине и науке преодолеть невозможно.

1 В основу статьи положен доклад автора на V Московском академическом экономическом форуме (МАЭФ-2023), 7 июня 2023 г.

Abstract

The article is devoted to one of the most acute problems of modern domestic economic and social policy – the situation with personnel designed to ensure the development of high technologies and the reproduction of human potential. According to modern economic theory, it is advanced technologies and human potential that determine the possibilities for the economic growth of a country.

The author analyzes the general situation with personnel in Russia, especially focusing on the personnel of highly qualified engineering and technical workers and highly qualified workers. However, the main attention in the article is paid to personnel in the fields of education, medicine and science. At the same time, the reasons for the shortage of personnel and possible ways to overcome it, including attempts to legislate on this issue, are being investigated.

According to the author, with the continuation of the modern state policy of saving on the development of human potential, the personnel crisis in education, medicine and science cannot be overcome.

Ключевые слова

Кадровый кризис, уровень безработицы, единый государственный экзамен, среднее профессиональное образование, инженерные кадры, высококвалифицированные рабочие кадры, трудовая нагрузка, средняя заработная плата в бюджетной сфере, количество научных сотрудников, «утечка умов».

Keywords

Personnel crisis, unemployment rate, unified state exam, secondary vocational education, engineering personnel, highly qualified workers, workload, average salary in the public sector, number of researchers, «brain drain».

Прежде чем перейти к главной теме, начну с нескольких вводных.

1. Согласно официальному опросу Российского союза промышленников и предпринимателей, озвученному на съезде РСПП 16 марта 2023 года, 70–75% всех опрошенных заявили, что кадровая проблема для них является главной. Тем самым подтверждается известный тезис 1930-х годов: кадры решают все!

2. Согласно официальным данным Правительства РФ и отечественной статистики, в настоящее время Россия имеет рекордно низкий уровень безработицы – 3,2% [8]. При этом безработица, как правило, технологического характера: она сочетается с острым дефицитом кадров во многих отраслях хозяйства [6].

3. По данным выступления министра труда и социальной защиты РФ А.О. Котякова на расширенном заседании коллегии ведомства 19 мая 2023 г., до 2030 г. дефицит специалистов в России будет составлять около 2,5 млн [7]. По другим данным, нехватка рабочей силы в стране составляет около трех миллионов. Попытки решить проблему за счет использования труда заключенных малоэффективны, поскольку потенциал рабочей силы из числа этой категории граждан оценивается экспертами в 150–185 тысяч человек [11].

4. Наиболее острый кадровый дефицит испытывают отрасли строительства и промышленности. Причем последняя ощущает очевидную нехватку как квалифицированных инженерно-технических кадров, так и квалифицированных рабочих. Коротко остановлюсь на последнем.

Казалось бы, парадокс: в последние годы более 60% всех девятиклассников идут не в старшую школу, но в систему среднего профессионального образования; при этом предприятия, особенно оборонно-промышленного комплекса, вынуждены возвращать на места квалифицированных рабочих глубоких пенсионеров.

Однако этот парадокс разрешается просто: девятиклассники направляются в систему СПО не для того, чтобы получать рабочие специальности, но для того, чтобы избежать Единого государственного экзамена и иметь возможность получить высшее образование. Соответственно, лишь 16% из них выбирают рабочие специальности, а остальные – программы специалистов среднего звена.

При этом грубо нарушается статья 43 Конституции Российской Федерации, согласно которой среднее профессиональное образование в стране общедоступно и бесплатно: по официальной статистике, в настоящее время платят за СПО уже 43% всех студентов!

Власти оправдывают существующую ситуацию ссылками на Федеральный закон «Об образовании в РФ», согласно которому: «В случае, если численность поступающих превышает количество мест, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, образовательная организация в соответствии с порядком приема, установленным в соответствии с частью 8 статьи 55 настоящего Федерального закона, учитывает результаты освоения поступающими образовательной программы основного общего или среднего общего образования, указанные в представленных поступающими документах об образовании и (или) документах об образовании и о квалификации, результаты вступительных испытаний (при наличии), результаты индивидуальных достижений, сведения о которых поступающий вправе представить при приеме, а также наличие договора о целевом обучении с организациями, указанными в части 1 статьи 71.1 настоящего Федерального закона» (ч. 4 ст. 68 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Перевозу на русский: при нехватке бюджетных мест в учреждениях СПО проводится конкурс документов об образовании и иных документально оформленных достижений абитуриента

Однако, во-первых, столь массовая практика никак не может рассматриваться в качестве законного исключения из общего конституционного правила; а во-вторых, одновременно грубо нарушается положение самого закона об образовании, согласно которому полное среднее (общее) образование в России не только общедоступно и бесплатно, но еще и обязательно (ч. 5 ст. 66 Федерального закона № 273-ФЗ). Напомню: в системе СПО родители студентов платят за изучение не только специальных, но и общеобразовательных предметов (ч. 3 ст. 68 Федерального закона № 273-ФЗ).

В итоге удивляться дефициту рабочих кадров не приходится. Пользуясь случаем, напомню, что на протяжении более 20 лет нами отстаивается идея добровольности Единого государственного экзамена. Причем не только в виде политического требования, но и в форме нескольких законопроектов, включая проекты федеральных законов «О народном образовании» (2012 г.) и «Об образовании для всех» (2017 г.).

При реализации этой идеи выпускники школ из регионов, непременно желающие поступать в столичные вузы, сохранили бы такую возможность при помощи системы

ЕГЭ. Однако все, кто намерен поступать в вузы в своем регионе либо в колледжи, имели бы право вместо ЕГЭ сдавать классический (т.н. государственной выпускной) экзамен. В настоящее время эта идея фактически реализована, но по известной формуле «миндалины — через желудок»: не желающее сдавать ЕГЭ большинство девятиклассников направляется, как уже отмечалось, в систему среднего профессионального образования.

5. Дефицит инженерно-технических кадров в промышленности имеет, по преимуществу, не количественный, но качественный характер и относится к числу комплексных проблем. Отмечу лишь одну составляющую этого комплекса — принудительное использование в России так называемой Болонской системы высшего образования. Подчеркну: именно принудительное.

Напомню: с 1996 года, когда вступил в силу Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», позволивший такую систему использовать на добровольной основе, до 2011 г., когда добровольность сменилась «принудилкой», 90% всех выпускников российских вузов выходили специалистами. В настоящее время (2020 г.) специалисты составляют 13% выпускников вузов. Другими словами, при свободной конкуренции, пропагандируемой отечественными «системными либералами», специалист у бакалавра выигрывал. И понятно почему.

Мною неоднократно цитировался многолетний ректор, а затем президент Омского государственного технического университета В.В. Шалай, который утверждал (близко к тексту) следующее: специалиста мы готовили как будущего конструктора, а бакалавра готовим как будущего пользователя чужими конструкторскими разработками.

Помимо сокращения в бакалаврских программах объема преподавания фундаментальных дисциплин, по сравнению со специалитетом, другая версия заключалась в том, что эти дисциплины почти в прежнем объеме пытались «втиснуть» в четырехлетнюю программу. Учитывая резкое снижение уровня естественно-математической подготовки школьников и сложность освоения фундаментальных курсов, эта практика приводила к тому, что студент, не успев понять одну тему, не успевал понять и следующую. Итог обеих версий принудительной бакалавризации технического образования оказался примерно одинаковым.

Общение со специалистами кадровых служб (HR) оборонных предприятий убеждает в том, что с уходом старшего поколения конструкторов кадровая проблема в этой области может оказаться крайне острой.

Напомню также, что на больших парламентских слушаниях 27 июня 2022 г. подавляющее большинство выступающих высказались за расширение подготовки студентов по программам специалитета при сокращении подготовки по программам бакалавриата. Однако существенных изменений в этом отношении не произошло. Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования», которым введен эксперимент по новой структуре высшего образования в шести российских вузах, может рассматриваться двояко:

- либо как проявление осторожности в реформировании структуры высшего образования с учетом высокой инерционности образовательной сферы;
- либо как проявление борьбы внутри политической элиты между сторонниками и противниками принудительной бакалавризации всей страны².

2 Выражение автора в многочисленных дискуссиях с министром высшего образования А.А. Фурсенко в момент введения соответствующего закона.

В пользу последней версии говорит тот факт, что в течение 2–3 лет оценить результаты эксперимента (по крайней мере, на базовой ступни высшего образования) практически невозможно, а факт отсрочки назревших изменений в системе высшего образования налицо.

Однако пора перейти к основной заявленной теме моего выступления.

Как известно, среди факторов, определяющих экономические успехи страны, современная экономическая наука обычно называет два:

- высокие технологии и связанную с ними подготовку инженерных и высококвалифицированных рабочих кадров;
- развитие человеческого потенциала и, соответственно, подготовку кадров, его формирующих.

Как ни парадоксально, кадровый кризис в образовании и медицине связан с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Указ был призван поднять заработную плату в бюджетной сфере, установив ее соотношение к уровню средней заработной платы по регионам. Автору приходилось неоднократно слышать от представителей администрации президента, что под этим подразумевалась заработная плата педагогов и медицинских работников, работающих на одну ставку. Однако, во-первых, в последующие годы рост заработной платы в образовании и медицине не успевал за реальным (в отличие от официально статистического) ростом цен; а во-вторых, регионам не были выделены средства, необходимые для реализации указа. В итоге нагрузка педагогических и медицинских работников все менее и менее соответствовала количеству и качеству их труда.

По нашим оценкам, наиболее высокую заработную плату с учетом нагрузки учитель получал в 2012 году, а по мнению опрошенных автором медицинских работников первичного звена, наиболее высокую заработную плату они получали в 2008–2009 годах. Увеличивающийся разрыв между затратами труда и его оплатой привел, помимо всего прочего, к внутренней «утечке умов».

Так, по данным главы Центра экономики непрерывного развития РАНХиГС Татьяны Клячко, в 2021 году в России не хватало 250 тысяч школьных учителей [5].

Ситуация в медицине аналогична. По данным российского Минздрава, в российских больницах не хватает 25 тысяч врачей (4,5% от общего числа работающих) и 50 тысяч сотрудников среднего медицинского персонала (4,2%). Региональная статистика дает значительно худшую картину.

По данным Центрального НИИ организации и информатизации (ЦНИИОИЗ) Минздрава, численность медицинских работников в учреждениях государственного сектора в 2022 году уменьшилась в 79 российских регионах и имеет тенденцию к дальнейшему снижению [10].

Например, в Омской области за 2022 год медучреждения покинули 557 врачей и 874 работника среднего звена. Среди наиболее распространенных причин называются выход на пенсию, переход в частные клиники и переезд в другие регионы. Процент замещения ушедших новыми специалистами в Омской области составляет около 50 [3].

По данным профильного министерства региона, в Омской области требуются 700 врачей (7,8% от общего числа работающих), более 570 медсестер (3,8%) и 240 фельдшеров (6%) [1].

Согласно данным онлайн-сервиса HeadHunter, медики являются самыми дефицитными специалистами в области (на одну вакансию – всего 1,6 резюме) [2].

Удивляться нечему, ибо даже согласно официальной омской статистике, в первом квартале при средней заработной плате в регионе в 49 577 рублей средний медицинский (фармацевтический) персонал получал 37 070 руб. (т.е. на 12,5 тысяч меньше, чем должен был); врачи – 73 619 руб. (т.е. на 26 тысяч меньше, чем положено по Указу Президента РФ № 597) [12]. Разговаривая с медиками, легко убедиться, что такой зарплаты большинство из них не видели.

Дефицит педагогов и медиков покрывается за счет колоссальной перегрузки работников.

По официальным данным, средняя нагрузка российского учителя превысила 1,7 ставки. В Омской области в 2022 г. она составляла 1,8 ставки, в т.ч. в городе Омске на 1 сентября 2022 г. – 2,01 ставки.

2 июня 2023 г. Правительство России приняло постановление № 908, согласно которому рабочая неделя водителя такси не должна превышать 40 часов. Не буду оценивать профессионализм такого решения, которое в случае его исполнения оставит большинство таксистов, работающих с агрегаторами, практически без доходов.

Скажу о другом: согласно расчетам, выполненным в советский период, для определения реальной рабочей недели, например, учителя-гуманитария количество уроков, которые он ведет, необходимо умножить примерно на 2,5. Другими словами, рабочая неделя учителя при 36-часовой нагрузке с учетом полноценной подготовки к урокам, воспитательной работы, а также разного рода бюрократических процедур, по затратам времени на которые российский учитель, между прочим, является «мировым рекордсменом», должна превышать 80 часов!

Аналогичная ситуация в медицине. По данным Общероссийского народного фронта, в 2018 г. работали на полторы и более ставки 40% врачей, а на две и более ставки – 10% врачей [9]. С тех пор ситуация только ухудшилась.

Поэтому оценка дефицита медицинских кадров (впрочем, как и педагогических) зависит от того, из какой нормативной нагрузки мы исходим. Например, если бы все учителя работали только на одну ставку, при общем количестве учителей 1 млн 85 тыс. и их реальной средней нагрузке в 1,7 ставки дефицит составил бы примерно 700 тысяч. А если бы, как это было принято в советское время, учитель вел 22–24 урока в неделю – около 400 тысяч. Аналогичные поправки необходимо ввести в данные о дефиците медицинских кадров.

Согласно последнему опросу SuperJob, медики и педагоги входят в первую тройку профессиональных групп, которым приходится работать больше других (первое место занимают маркетологи). Так, трудиться за пределами рабочего времени приходится 62% врачей, причем средний объем переработки рабочего времени у них составляет 42% от нормы. Соответственно, работают сверх нормы 60% педагогов при средней длительности переработки 38% [4]. Эти данные должны внести серьезные коррективы в оптимистические представления о дефиците кадров федерального Минздрава и Минпросвещения.

Однако, работая с колоссальной перегрузкой, большинство педагогов и медиков не получают зарплату, положенную им по Указу Президента РФ № 597. Так, по данным проекта НИУ ВШЭ «Мониторинг экономики образования» [13], в 2020/2021 г. зарплата более 80% учителей составила менее 40 тысяч при средней по стране более 54 тысяч рублей.

Более 40% учителей приходится ограничивать себя в любых тратах, кроме расходов на еду. По методикам, принятым в развитых странах, это прямая бедность:

- около 20% не хватает денег на покупку одежды;
- от 34 до 40% хватает на еду и одежду, но покупка техники вызывает трудности;
- менее 2% могут позволить себе крупные траты, например дорогостоящий отпуск.

Сопоставляя официальную статистику с данными Общероссийского народного фронта за 2018 год [9], опросившего почти 4700 медработников, в т.ч. врачей – 3977, среднего медицинского персонала – 717, получаем следующую картину оплаты труда в медицине.

Средняя зарплата по стране в 2017 году, по данным Росстата, – 39 167 руб.

Средняя зарплата по стране в 2018 году, по данным Росстата, – 43 724 руб.

Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597, к 2018 году зарплата врачей должна была составлять не менее двух средних по стране.

По данным Росстата, средняя зарплата врачей за 2017 год – 56 445 руб., или 144% к средней по стране.

По данным ОНФ, в 2018 году:

- получали зарплату меньше предусмотренной Указом Президента РФ – 86% врачей-специалистов;
- меньше 25 тыс. руб. – 58% врачей;
- более 100 тыс. руб. – 2% врачей.

Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597, к 2018 году зарплата среднего медицинского персонала должна была составлять не менее средней зарплаты по стране.

По данным Росстата, средняя зарплата среднего медицинского персонала за 2017 год – 30 246 руб., или 77% к средней по стране.

По данным ОНФ, в 2018 году:

- получали зарплату меньше 25 тыс. руб. – 64% работников среднего медицинского персонала;
- имели зарплату, сопоставимую со средней по стране, – около 25% таких работников.

Встречаясь с медиками в районной больнице в моей Омской области, позволил себе замечание:

– Похоже, в отношении среднего медперсонала Указ Президента РФ № 597 исполняется несколько лучше, чем в отношении врачей.

На это последовала реплика молодого главного врача:

– Сестры просто более скромные и реже говорят правду, чем доктора!

В период пандемии в связи с дополнительными выплатами ситуация со средней заработной платой в медицине улучшилась. Однако затем вернулась «на круги своя».

Не менее сложная ситуация в науке.

По официальным данным, количество работников науки в РСФСР в конце советского периода составляло около 1,5 млн человек, а в 2018 г. – 887,7 тыс. человек, занятых исследованиями и разработками. По данным же Российской академии наук, количество научных сотрудников за послесоветский период сократилось в 2,7 раза. При этом, по данным РАН, с 2005 по 2018 год во всех странах ОЭСР количество ученых выросло (например, в Южной Корее – почти на 120%). И лишь в России оно сократилось на 16%!

«Утечка умов» из сфер общественного воспроизводства, переживающих кадровый кризис, происходит различными путями:

- из образования работники уходят в другие области хозяйства – с более высокой зарплатой и более низкими затратами труда;
- из медицины государственной – главным образом, в медицину частную. Тем более что вторая заметно теснит первую: доля платных т.н. медицинских услуг все время увеличивается вследствие недостатка бюджетного финансирования;
- из области науки – как в другие области хозяйства, так и за рубеж.

Очевидно: преодоление кадрового кризиса в медицине, образовании и (в меньшей степени) науке невозможно без реализации Указов Президента РФ от 7 мая 2012 года в части оплаты труда отечественной интеллигенции, причем при условии работы на одну ставку.

Напомню в этой связи некоторые предложения в части оплаты труда из проекта федерального закона «Об образовании для всех», подготовленного автором этих строк. Законопроектом предлагалось, в частности, установить педагогическим работникам заработную плату не ниже средней по региону и по Российской Федерации при работе на одну ставку. Соответственно, в высших учебных заведениях норматив удваивался. Очевидно: в этом случае кадровый кризис в образовании прекратился бы немедленно³.

Тем не менее законопроект был отклонен большинством депутатов Госдумы VII созыва. Приведу результаты голосования от 17 февраля 2017 г.:

КПРФ: за – 100%.

3 Некоторые предложения из проекта федерального закона «Об образовании для всех» в части заработной платы педагогических работников (ст. 28):

«2. Минимальные ставки заработной платы и должностные оклады педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений не могут быть ниже половины среднего размера оплаты труда в целом по Российской Федерации.

3. Размер средней ставки заработной платы и должностного оклада педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений должен:

1) для воспитателей дошкольных образовательных учреждений, учителей и других педагогических работников, не указанных в пунктах 2 и 3 настоящей части, превышать средний размер оплаты труда в соответствующем субъекте Российской Федерации и быть не меньше, чем средний размер оплаты труда в целом по Российской Федерации;

2) для мастеров производственного обучения и педагогических работников из числа преподавательского состава государственных и муниципальных профессиональных образовательных учреждений не менее чем в полтора раза превышать средний размер оплаты труда в соответствующем субъекте Российской Федерации и быть не меньше полуторного среднего размера оплаты труда в целом по Российской Федерации.

3) для педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава государственных и муниципальных образовательных учреждений, реализующих основные и (или) дополнительные образовательные программы высшего и послевузовского образования, не менее чем в два раза превышать средний размер оплаты труда в соответствующем субъекте Российской Федерации и быть не меньше двукратного среднего размера оплаты труда в целом по Российской Федерации.

4. Педагогическим работникам организаций, реализующих образовательные программы, имеющим ученые степени, выплачиваются ежемесячные надбавки в размере:

– за ученую степень доктора наук – 15 000 рублей;

– за ученую степень кандидата наук – 8 000 рублей».

ЛДПР: за – 92,3%; не голосовало – 7,7%.

«Справедливая Россия»: за – 87%; не голосовало – 13%.

«Единая Россия»: против – 0,3%; не голосовало – 99,7%.

В заключение позволю себе три цитаты.

Одна принадлежит Аристотелю: «Учителя, которым дети обязаны воспитанием, почтеннее, чем родители: одни дарят нам только жизнь, а другие – добрую жизнь». Вторая – Вольтеру: **«Люди, которые заняты возвращением здоровья другим людям, выказывая удивительное единение мастерства и человечности, стоят превыше всех великих на этой земле».**

Третий афоризм сформулирован Фредериком Жолио-Кюри: «Наука необходима народу. Страна, которая ее не развивает, неизбежно превращается в колонию».

Библиографический список

1. В Омской области не хватает врачей. [Электронный ресурс]. URL: <https://bk55.ru/news/article/220230/>.
2. В Омской области уровень дефицита кадров достиг максимума с начала 2023 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorod55.ru/news/2023-06-08/v-omskoj-oblasti-uroven-defitsita-kadrov-dostig-maksimuma-s-nachala-2023-goda-2950498>.
3. В «частники», на пенсию и в другие регионы. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorod55.ru/news/2023-05-12/v-chastniki-na-pensiyu-i-v-drugie-regiony-iz-omskih-bolnits-uvolilos-557-vrachej-2926171>.
4. Исследовательский центр портала Superjob.ru. Чаще всего жалуются на большие переработки маркетологи, учителя и врачи. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114147/chashe-vsego-zhaluyutsya-na-bolshie-pererabotki-marketologi/>.
5. Костенко Я. В российских школах не хватает учителей: как восполнить дефицит. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/07/14/13733882.shtml>.
6. Котяков А.О., министра труда и социальной защиты РФ на «правительственном часе» в Государственной Думе. 14 июня 2023 г.
7. Минтруд насчитал 2,5 млн необходимых экономике новых специалистов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/646783059a7947275700694f>.
8. Мордасов М. Уровень безработицы в России достиг исторического минимума. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230704/bezrabortitsa-1882190158.html>.
9. Независимый опрос Общероссийского народного фронта при помощи мобильного приложения «Справочник врача», апрель 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://onf.ru/2018/04/27/narodnyy-front-sozdast-ekspertnyyu-ploshchadku-po-sovshenstvovaniyu-sistemy-oplaty/>.
10. Пичугина Е. В России катастрофически уменьшилось количество медиков. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/social/2023/04/03/v-rossii-katastroficheski-umenshilos-kolichestvo-medikov.html>.
11. Сафонов А.Л., Песков С.О. Формирование источников резервной рабочей силы из числа осужденных лиц // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 2. – С. 38–48.
12. Статистики рассказали, сколько получают омские врачи и учителя. [Электронный ресурс]. URL: https://newsomsk.ru/news/135170-statistiki_rasskazali_skolko_poluchayut_omskie_vra/.
13. Школьные учителя в изменяющихся условиях: адаптивность и готовность к инновациям: информационный бюллетень / С.И. Заур-Бек, К.М. Анчиков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 44 с. – (Мониторинг экономики образования; № 15 (32)).

References

1. V Omskoj oblasti ne hvataet vrachej. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://bk55.ru/news/article/220230/>.

2. *V Omskoj oblasti uroven' deficita kadrov dostig maksimuma s nachala 2023 goda.* [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://gorod55.ru/news/2023-06-08/v-omskoy-oblasti-uroven-defitsita-kadrov-dostig-maksimuma-s-nachala-2023-goda-2950498>.
3. *V «chastniki», na pensiju i v drugie regiony.* [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://gorod55.ru/news/2023-05-12/v-chastniki-na-pensiyu-i-v-drugie-regiony-iz-omskih-bolnits-uvolilos-557-vrachej-2926171>.
4. *Issledovatel'skij centr portala Superjob.ru.Chashhe vsego zhalujutsja na bol'shie pererabotki marketologi, uchitelja i vrachi.* [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114147/chasche-vsego-zhaluyutsya-na-bolshie-pererabotki-marketologi/>.
5. *Kostenko Ja. V rossijskikh shkolah ne hvataet uchitelej: kak vospolnit' deficit.* [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/07/14/13733882.shtml>.
6. *Kotjakov A.O., ministra truda i social'noj zashhity RF na «pravitel'svennom chase» v Gosudarstvennoj Dume. 14 ijunya 2023 g.*
7. *Mintrud naschital 2,5 mln neobhodimyh jekonomike novyh specialistov.* [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/646783059a7947275700694f>.
8. *Mordasov M. Uroven' bezraborticy v Rossii dostig istoricheskogo minimuma.* [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20230704/bezrabortitsa-1882190158.html>
9. *Nezavisimyj opros Obshherossijskogo narodnogo fronta pri pomoshhi mobil'nogo prilozhenija «Spravochnik vracha», aprel' 2018 goda.* [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://onf.ru/2018/04/27/narodnyy-front-sozdast-ekspertnuyu-ploshchadku-po-sovershenstvovaniyu-sistemy-oplaty/>.
10. *Pichugina E. V Rossii katastroficheski umen'shilos' kolichestvo medikov.* [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.mk.ru/social/2023/04/03/v-rossii-katastroficheski-umenshilos-kolichestvo-medikov.html>.
11. *Safonov A.L, Peskov S.O. Formirovanie istochnikov rezervnoj rabochej sily iz chisla osuzhdennyh lic // Social'no-trudovye issledovanija. – 2023. – № 2. – S. 38–48.*
12. *Statistiki rasskazali, skol'ko poluchajut omskie vrachi i uchitelja.* [Jelektronnyj resurs]. URL: https://newsomsk.ru/news/135170-statistiki_rasskazali_skolko_poluchayut_omskie_vra/.
13. *Shkol'nye uchitelja v izmenjajushhihsja uslovijah: adaptivnost' i gotovnost' k innovacijam: informacionnyj bjulleten' / S.I. Zair-Bek, K.M. Anchikov; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». – M.: NIU VShJe, 2022. – 44 s. – (Monitoring jekonomiki obrazovanija; № 15 (32)).*

Контактная информация / Contact information

Комитет Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию
RF State Duma Committee on Science and Higher Education
Смолин Олег Николаевич / Oleg N. Smolin
smolin@duma.gov.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ 4.0: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

GLOBALIZATION 4.0: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-149-155

ИВАНОВ Владимир Викторович

Сопредседатель организационного комитета МАЭФ, член Президиума ВЭО России, заместитель президента Российской академии наук, руководитель Информационно-аналитического центра «Наука» Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.э.н.

Vladimir V. IVANOV

Co-Chairman of the Organizing Committee of the MAEF, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Information and Analytical Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

ORCID: 0000-0002-9823-8767

Аннотация

Технологическое развитие рассматривается как новый вектор глобализации – Глобализация 4.0. Показано, что в настоящее время происходит переход к новому мировому укладу. Этот уклад сформируется в результате гуманитарно-технологической революции. Рассматриваются вопросы трансформации среды обитания человека.

Abstract

Technological development is considered as a new vector of globalization – Globalization 4.0. It is shown that at present there is a transition to a new world order. This way of life will be formed as a result of the humanitarian and technological revolution. The issues of transformation of the human habitat are considered.

Ключевые слова

Глобализация, мировой уклад, технологии, среда обитания.

Keywords

Globalization, world order, technology, habitat.

Стратегия развития государства определяется прежде всего глобальными тенденциями развития, текущим уровнем и тенденцией развития собственно государства, исторической динамикой, философией развития. В данной работе рассматриваются глобальные тенденция развития.

Сейчас очень много говорится о завершении процесса глобализации. Но насколько это справедливо?

Прежде всего, заметим, что собственно понятие «глобализация» не имеет общепризнанного определения. Поэтому *определим глобализацию как процесс формирования единой системы функционирования в масштабах планеты локальных природных, социальных, экономических и технологических систем.*

В ретроспективе можно выделить три вектора глобализации. Первый – освоение территорий, формирование единого жизненного пространства. Великие географические открытия XV–XVII вв. можно рассматривать как один из важнейших этапов этого процесса.

Другой вектор глобализации направлен на создание единой системы взглядов, единой морали. Наиболее ярко это проявилось в период крестовых походов XI–XV веков, организованных Римской церковью с целью обращения в христианство мусульман, язычников, еретиков. На глобальном уровне этот процесс закончился вместе с эпохой крестовых походов. Однако отдельные его проявления мы наблюдаем и до настоящего времени.

В этом же направлении проходили глобальные процессы в XX веке. Здесь прежде всего следует отметить борьбу коммунистической идеологии с монархической и капиталистической. Как писал в своей поэме «Двенадцать» А. Блок,

*«Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи благослови!»*

В идеологическом плане этот процесс закончился в 1991 г. с распадом социалистической системы. Однако сейчас наблюдается ренессанс этого направления, когда на глобальном уровне происходит трансформация общечеловеческих ценностей и предпринимаются попытки построить на этом единую глобальную идеологию.

Третий вектор глобализации определим как экономико-политический. Суть его заключается в создании единого финансового и экономического пространства, управляемого из единого центра. Казалось бы, после распада социалистической системы задача решена – создано единое пространство, однополярный Мир. Однако уже в конце первого десятилетия текущего века стало очевидным, что такая миросистема неустойчива, она подвержена глобальным экономическим кризисам, в ней происходят локальные социальные, политические, военные конфликты, которые при неблагоприятных обстоятельствах могут спровоцировать глобальную катастрофу.

Таким образом, экономико-политическая глобализация также достигла своего предела. В настоящее время Мир находится в состоянии формирования нового мирового уклада. Но закончился ли процесс глобализации?

Если вернуться к истории, то можно увидеть, что все развитие человека непрерывно шло с развитием технологий. Причем технологии влияли и на формирование общественно-экономических отношений. Так, например, изобретение пороха привело к закату рыцарства: всадник, закованный в латы, вооруженный копьем и мечом, не мог противостоять легко одетому мушкетеру. Создание паровой машины стимулировало развитие промышленности, а вместе с этим и капитализма. И это наблюдается на всех этапах развития.

Ранее было показано [1], что научно-технологический прогресс подчиняется четырем законам.

1. *Коммерческая ценность результатов фундаментальных научных исследований постоянно повышается.* Казалось бы, парадокс, потому что среди ученых бытует мнение, что фундаментальная наука не коммерциализуема. И этот тезис зачастую приходится слышать при обсуждении вопросов государственной научно-технической политики. На самом деле этот подход не соответствует действительности.

У фундаментальной науки есть три практических выхода (рис. 1): образование, прикладные исследования и культура. И если учесть, что все образование построено на фундаментальных законах, то, следовательно, глобальный бюджет образования есть ни что иное как коммерческое отражение фундаментальной науки.

Коммерческую оценку прикладных исследований, и разработок, являющихся продолжением фундаментальных исследований, вообще провести невозможно, поскольку невозможно оценить, например, стоимость конструкций, в основе которых лежат законы механики Ньютона.

Рис. 1.
Практический выход фундаментальной науки

2. *Коммерческая ценность технологий постоянно снижается.* Это вытекает из естественного процесса технологического обновления, в результате которого происходит смена технологий и технологических укладов. Кроме того, массовое производство продукции снижает ей себестоимость.

3. *Технологии не могут противоречить законам природы.* Это вытекает из того, что в основе всех технологий лежат результаты фундаментальных научных исследований, т.е. закономерности развития Природы, Человека и Общества.

4. *Распространение знаний и технологий не имеет границ.* Это вытекает из фундаментальности законов природы, которые действуют на всем глобальном пространстве.

Итак, можно говорить, что интенсивное научно-технологическое развитие задает новый вектор глобализационного развития – Глобализация 4.0.

Начало XXI века характеризуется глобальными трансформационными процессами. Что послужило их истоком? Прежде всего, необходимо признать, что существующие модели социально-экономического развития исчерпали свои возможности.

Другим важным фактором является научно-технологический прогресс, интенсивно расширяющаяся номенклатура высокотехнологичной продукции и ее слабо контролируемое распределение. Также усложняется доступ к природным ресурсам и происходит переоценка базовых ценностей. Различия в технологическом, а следовательно, и в социально-экономическом развитии создают социальное, экономическое, информационное неравенство как между странами, так и внутри отдельных стран.

Все перечисленное в совокупности стимулирует глобальные трансформации, экономические и политические кризисы, явления, военные конфликты.

В плане рассмотрения дальнейшего развития глобальных процессов выделим два подхода: теорию Четвертой промышленной революции К. Шваба [2] и теорию Постиндустриального общества Д. Белла [3].

К. Шваб, рассматривая глобальные процессы с точки зрения развития информационных технологий, приходит к выводу о том, что *«Мир больше не будет прежним, капитализм примет иную форму, у нас появятся совершенно новые виды собственности помимо частной и государственной. Крупнейшие транснациональные компании возьмут на себя больше социальной ответственности, они будут активнее участвовать в общественной жизни и нести ответственность ради общего блага... Если демократия и глобализация будут расширяться, то национальному государству места не останется»*. Таким образом, речь идет о неокapитализме, отмирании государств и переходе глобального управления к транснациональным корпорациям.

В основу теории Д. Белла положен приоритет развития человека. При этом Д. Белл отмечает, что *«в постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки. Именно характер и форма государственной поддержки науки, ее политизация занимают центральное место среди политических проблем постиндустриального общества»*, то есть наука рассматривается как важный фактор политического развития. Следует также отметить, что постиндустриальное общество — это такая организация экономики, при которой человек в максимальной степени освобождается от физического труда и рутинных операций, а основная деятельность носит интеллектуальный характер.

Можно предположить, что перспективный мировой уклад будет формироваться в ходе конкуренции теории постиндустриализма и неокapитализма на основе технологического базиса (рис. 2).

Научно-технологическое развитие позволило решить многие проблемы обеспечения жизнедеятельности. Однако наряду с положительными тенденциями наблюдаются и негативные процессы, механизмы парирования последствий которых пока не отработаны. Прежде всего это касается крупных техногенных катастроф, которые приводят к человеческим жертвам и негативно влияют на окружающую среду [4]. Можно показать, что основной причиной таких катастроф является культурно-технологический разрыв. Именно недостаток культуры — проектирования, управления, эксплуатации — приводит к разрушительным последствиям. Особую роль играет политическая культура. Так, например, именно недостаток политической культуры привел к ядерным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки [5].

Интенсивное развитие технологий приводит к трансформации среды обитания человека, которую нужно рассматривать как совокупность природной среды, техно-

Рис. 2.
Перспективный
мировой
уклад

логической, информационной и культурной. Это требует уделить особое внимание экологии технологии [6, 7], основные положения которой формулируются следующим образом:

- применение технологий, не соответствующих уровню культурного развития, приводит к катастрофам;
- любая, даже самая прогрессивная социально направленная технология имеет пределы своего применения, при переходе через которые она может нанести ущерб с постоянным положительным эффектом.

Собственно, новые технологии были призваны обеспечить жизнедеятельность человека и повысить интенсивность и производительность его труда. При этом гуманитарный аспект отходил на второй план. В настоящее время технологический уровень позволяет удовлетворять любые материальные проблемы. Теперь на первое место выходит проблема удовлетворения гуманитарных потребностей, а именно собственно развитие человека, повышение качества его жизни. В этом контексте качество жизни следует понимать в широком смысле, т.е. включать в это понятие факторы, обеспечивающие жизнедеятельность человека: здравоохранение, продовольствие, транспорт, энергетику, среду обитания, безопасность и т.д. Для решения этой задачи необходимо использование новейших технологий, основанных на результатах фундаментальных научных исследований. Можно предположить, что новый мировой уклад сформируется в результате гуманитарно-технологической революции [8, 9], сутью которой является преимущественная ориентация новых технологий на развитие человека.

В новом укладе свой суверенитет и свое лидерство могут обеспечить только страны, которые обладают технологическим суверенитетом, то есть способностью

Рис. 3. Новая среда обитания Человека

самостоятельно выпускать высокотехнологическую продукцию, необходимую для решения стратегических задач развития. Одним из вариантов решения этой проблемы может быть переход экономики в режим полного инновационного цикла [7]. В качестве примера такой организационной схемы можно привести экономику СССР в послевоенные годы, когда после победы в Великой Отечественной войне удалось за 15 лет восстановить народное хозяйство и войти в число наиболее развитых технологических стран.

Сейчас необходима концентрация усилий научного сообщества на выработке новой теории социально-экономического развития, которая бы учитывала глобальные тенденции, вызовы и угрозы.

Библиографический список

1. Иванов В.В. Глобализация 4.0: предпосылки и перспективы // Вопросы философии, 2022, № 8.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Издательство «Э», 2017.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. – М.: Academia, 1999.
4. От «Титаника» до «Фукусимы»: алгоритмы техногенных катастроф/ Д.В. Мун, В.В. Попета, А.В. Попета, П.Е. Смоляков. Изд. 2-е. – М.: Библио-Глобус, 2016.
5. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать – М.: Атомиздат, 1964.
6. Иванов В.В. Технологическое пространство и экология технологий // Вестник РАН, 2011, том 81, № 5.
7. Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI (2-изд) – М.: Наука, 2015.

8. *Иванов В.В. Глобальная гуманитарно-технологическая революция: предпосылки и перспективы// Инновации, 2017, №6.*
9. *Контурсы цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего/ под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко. – М.: Ленанд, 2018.*

References

1. *Ivanov V.V. Globalizaciya 4.0: predposylki i perspektivy // Voprosy filosofii, 2022, № 8.*
2. *Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya. – М.: Izdatel'stvo «E», 2017.*
3. *Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. Per. s angl. – М.: Academia, 1999.*
4. *Ot «Titanika» do «Fukusimy»: algoritmy tekhnogennykh katastrof/ D.V. Mun, V.V. Popeta, A.V. Popeta, P.E. Smolyakov. Izd. 2-e. – М.: Biblio-Globus, 2016.*
5. *Grovs L. Teper' ob etom možhno rasskazat' – М.: Atomizdat, 1964.*
6. *Ivanov V.V. Tekhnologicheskoe prostranstvo i ekologiya tekhnologij // Vestnik RAN, 2011, tom 81, № 5.*
7. *Ivanov V.V. Innovacionnaya paradigma XXI (2-izd) – М.: Nauka, 2015.*
8. *Ivanov V.V. Global'naya gumanitarno-tekhnologicheskaya revolyuciya: predposylki i perspektivy// Innovacii, 2017, №6.*
9. *Kontury cifrovoj real'nosti: Gumanitarno-tekhnologicheskaya revolyuciya i vybor budushchego/ pod red. V.V. Ivanova, G.G. Malineckogo, S.N. Sirenko. – М.: Lenand, 2018.*

Контактная информация / Contact information

Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский проспект, 14
Russian Academy of Science, 14, Leninskiy Prospekt, Moscow, 119991, Russia.
Иванов Владимир Викторович / Vladimir V. Ivanov
nauka@presidium.ras.ru

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
V МОСКОВСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ФОРУМА МАЭФ-2023**

**Пленарные
конференции
8 июня 2023 г.**

*В разделе представлены
материалы спикеров пленарных
конференций МАЭФ-2023*

УСКОРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВОРОТА РОССИИ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ В 2022 ГОДУ

ACCELERATION OF RUSSIA'S ECONOMIC TURN TO THE GLOBAL SOUTH IN 2022

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-158-164

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович

Директор и главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), член-корреспондент РАН, д.э.н.

Alexey V. KUZNETSOV

Director and chief researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Аннотация

Статья представляет концептуальные основы проведенной в ИНИОН РАН в рамках V Московского академического экономического форума (МАЭФ-2023) пленарной конференции «Политико-экономический разворот России на глобальный Юг». Приведена информация об изменении в перечне важнейших партнеров России в товарной торговле за 2022 год. Дано объяснение причин этих географических сдвигов. Выделены основные задачи по совершенствованию российской политики интенсификации контактов со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Abstract

The article presents the conceptual foundations of the plenary conference “Russia’s Political and Economic Turn to the Global South” held at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION) within the framework of the V Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2023). Information is provided on changes in the list of Russia’s most important partners in commodity trade for 2022. An explanation of these geographical shifts is given. The main tasks for improving the Russian policy of intensifying contacts with the countries of Asia, Africa and Latin America are highlighted.

Ключевые слова

Внешняя торговля, разворот России на глобальный Юг, полицентрический мир, связи России с Азией, Африкой и Латинской Америкой.

Keywords

Foreign trade, Russia’s turn to the global South, polycentric world, Russia’s ties with Asia, Africa and Latin America.

В Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) 8 июня 2023 г. в рамках V Московского академического экономического форума (МАЭФ-2023) под председательством члена-корреспондента РАН А.В. Кузнецова состоялась пленарная конференция «Политико-экономический разворот России на глобальный Юг». За шесть часов интенсивной научной дискуссии полтора десятка известных ученых (в числе которых российские доктора наук Д.А. Дегтерев, А.С. Булатов, П.П. Яковлев, А.Г. Володин, Д.В. Мосяков, В.А. Аватков и другие, а также бразильский профессор А. Жебит) провели всестороннее обсуждение темы, ставшей очень актуальной в свете изменившейся в мире геополитической обстановки в 2022–2023 гг.

Рассуждения политиков и экспертов о том, что мир отказывается от однополярного мира, где США пытались навязывать всем странам мироустройство, отвечающее главным образом интересам одной страны-гегемона (реже – также ее сателлитам в НАТО и военно-политическим союзникам в Тихоокеанском регионе), стали отражать реально осязаемые процессы движения к полицентрическому миру. При этом речь идет не о концерте западных держав и допущенных к ним единичных стран других регионов, а о появлении значимых центров силы в самых разных частях света с растущей долей представителей так называемого глобального Юга. Разумеется, новые центры силы будут разного иерархического уровня. К тому же не все крупнейшие развивающиеся страны из-за своих проблем в социально-экономическом развитии, внешне- и внутривнутриполитических конфликтов смогут претендовать на существенные роли в складывающемся миропорядке. Также нельзя сбрасывать со счетов страны «большой семерки», а теряющие свой вес США, вне сомнений, все же останутся одной из главенствующих держав в мире [1].

Вместе с тем следует отметить, что до сих пор у ученых не сложилось единой позиции, как лучше называть ранее носившее уничижительное наименование Третьего мира незападное большинство человечества, которое может из своих рядов выделить около десятка значимых центров политической и экономической силы. Примечательно, что даже в России, где уже многие годы говорят о необходимости существенного изменения географических приоритетов во внешнеэкономических связях, обычно рассуждали о повороте на Восток. Это в конечном счете выразилось в интенсификации отношений с Китаем, причем проблемам и перспективам переориентации нашей страны на КНР уделено и основное внимание в научной литературе (в качестве примеров приведем пару работ авторитетных отечественных экономистов-китаистов [2, 3]). Чуть реже в России рассматривали другие страны Азии, но подлинный разворот на глобальный Юг у нашей страны пока не получается. Так, несмотря на активную работу ученых по обоснованию необходимости интенсификации сотрудничества с такими перспективными регионами, как Латинская Америка [4] или Африка [5], на уровне государства и крупнейших компаний все пока ограничивается единичными значимыми успешными проектами и фрагментарным развитием институциональной основы тесного торгово-инвестиционного сотрудничества.

Специфика 2022 г. в сфере внешней торговли

Показательна ситуация в российской внешней торговле товарами. Медленное сокращение удельного веса ЕС (в основном за счет возвышения Китая) началось после воссоединения Крыма с Российской Федерацией в 2014 г., когда из-за неприятия странами коллективного Запада свободного волеизъявления крымчан и севавтопольцев на референдуме против России были введены многочисленные незаконные «санкции». Однако до начала СВО на Украине страны ЕС, Великобритания, а также США, Республика Корея и Япония доминировали в товарообороте России. Так, по данным ФТС России, по итогам 2021 г. на эту 31 страну приходилось ровно 50%. С учетом более мелких государств, ныне включаемых в число недружественных по отношению к России, показатель превосходил 54% внешнего товарооборота нашей страны. Лишь с началом СВО на Украине ситуация стала ускоренно меняться.

Как известно, детальные данные о географии российской внешней торговли в 2022 г. не обнародованы ФТС России (в том числе для противодействия новым «санкциям» коллективного Запада, а также использования непроверенных текущих цифр в информационной войне против России). Вместе с тем мы можем по большинству стран-партнеров получить данные из «зеркальной статистики».

К сожалению, в некоторых случаях разрывы всегда были очень большие — например, по Нидерландам в 2021 г. российская статистика фиксировала 46,4 млрд долл. взаимного товарооборота, а по сведениям ЕС показатель был равен 29,7 млрд долл. Это было связано с оформлением части сделок на фирмы, лишь зарегистрированные в Нидерландах, а также с использованием этой и некоторых других европейских стран в качестве посредников для торговли России со странами глобального Юга. Например, почти все какао-бобы завозились в Россию из Западной Африки через Европу. Тем не менее в большинстве случаев речь идет о расхождении российской и «зеркальной» статистики не более чем в 1,5 раза, а менее чем в 1,2 раза. Однако по этой причине в приводимой нами таблице абсолютная динамика показателей товарооборота дана столь приближенно. Кроме того, по ряду стран нет надежной «зеркальной статистики». В случае с Индией (а также Бангладешем, входящими в 50 важнейших российских партнеров) речь идет о других границах отчетного года. В случае с членами ЕАЭС (особенно это важно для оценки роли Белоруссии и Казахстана) данные по России также были закрыты. По нескольким странам Ближнего Востока и Северной Африки (например, ОАЭ, а также входящим в 50 крупнейших российских торговых партнеров Ирану и Алжиру) в принципе нет оперативной надежной статистической информации. Тем не менее по всем этим государствам в российских СМИ приводились округленные официальные показатели, которые озвучивали компетентные лица (от спикера Госдумы, заместителя председателя Правительства и федерального министра до вице-президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации и торгпреда в соответствующей стране).

Обобщенно картину можно представить следующим образом (см. табл.). Прежде всего, резко сократили торговые связи с Россией США, Великобритания и Финляндия (а также, разумеется, Украина, несмотря на все события, занимавшая в 2021 г. 16-е место).

Таблица. Изменение географии внешней торговли России

Страна	Товарооборот в 2022 г.			Изменение к 2021 г.		
	млрд долл.	%	место	объема	доли, п.п.	места
Китай	190,2	22,4	1	Рост в 1,3 р.	+4,5	0
Турция	68,2	8,0	2	Рост в 2 р.	+3,8	+4
Германия	45,7	5,4	3	Спад в 1,3 р.	-1,9	-1
Белоруссия	43,4	5,1	4	Рост в 1,1 р.	+0,2	0
Италия	37,3	4,4	5	Рост в 1,2 р.	-0,4	+2
Индия	35,0	4,1	6	Рост в 2,5 р.	+2,4	+8
Казахстан	26,0	3,1	7	Низкая динамика	-0,2	+3
Нидерланды	25,5	3,0	8	Спад более 15%	-2,9	-5
Польша	21,5	2,5	9	Спад более 10%	-0,4	+2
Респ. Корея	21,1	2,5	10	Спад в 1,3 р.	-1,3	-2
Франция	19,7	2,3	11	Низкая динамика	-0,5	+1
Япония	19,6	2,3	12	Спад менее 10%	-0,2	+1
Бельгия	17,3	2,0	13	Рост в 1,5 р.	+0,6	+4
США	16,6	2,0	14	Спад более 2 р.	-2,4	-9
Чехия	12,8	1,5	15	Рост более 10%	+0,5	+3
Венгрия	11,0	1,3	16	Рост в 1,8 р.	+0,5	+9
Греция	10,0	1,2	17	Рост около 2 р.	+0,6	+18
Бразилия	9,9	1,2	18	Рост в 1,3 р.	+0,2	+1
Испания	9,4	1,1	19	Низкая динамика	+0,2	+1
Словакия	9,2	1,1	20	Рост в 1,3 р.	+0,2	+2
ОАЭ	9,0	1,1	21	Рост в 1,7 р.	+0,4	+7
Узбекистан	8,7	1,0	22	Рост в 1,3 р.	+0,1	+1
Финляндия	8,7	1,0	23	Спад в 1,6 р.	-0,7	-8
Великобритания	8,1	1,0	24	Спад более 3 р.	-2,4	-15
Болгария	6,8	0,8	25	Рост в 2,1 р.	+0,4	+16
Весь мир	850,5	100,0	-	Рост на 8%	0	-

Источники: данные ФТС России, сведения «зеркальной статистики» (в основном обобщенные ИТС), сообщения в СМИ представителей российского федерального правительства, руководителей ТПП, торгпредств

Многие другие страны Запада также снизили интенсивность торговли с Россией, но в разной мере. Парадоксальным образом в силу собственных «санкций» некоторые европейские страны даже поднимались вверх не только в иерархии торговых партнеров России, но и в плане удельного веса в российском товарообороте. Это связано с тем, что Россия на ряде сырьевых рынков является «большой страной», т.е. сокращение предложения товара с ее стороны ведет к существенному повышению мировых цен — иначе говоря, от «санкций» физические объемы экспорта падают, а доходы России увеличиваются. Конечно, дополнительную роль играет географическая переориентация российских потоков. Хотя следует понимать ограниченность этого эффекта во времени и по отраслям (так, российская металлургия страдает намного сильнее нефтегазового комплекса) [6].

В то же время нельзя забывать и о стремлении деловых элит ряда небольших государств, как и в годы советско-американского противостояния эпохи «холодной войны», получить свою выгоду от конфликта России и США. При этом среди государств — членов ЕС речь идет не только о Венгрии, но также о Болгарии и Греции. Наибольшим курьезом является вхождение в 2022 г. Польши в десятку важнейших торговых партнеров России, однако это вызвано выпадением из числа лидеров США и Великобритании.

На этом фоне разворот России во внешней торговле на глобальный Юг обеспечили главным образом три страны — Китай, Турция и Индия, причем две последние по динамике ощутимо обогнали крупнейшего восточного соседа Российской Федерации. Прежде всего именно эти страны не допустили международной изоляции России в экономической сфере, а не Белоруссия и Казахстан, чья роль в обходе «санкций» коллективного Запада все-таки преувеличивается (к тому же в ходе СВО на Украине США и другие члены НАТО решили вновь ужесточить позицию по Белоруссии). Как видно из таблицы, в качестве российских торговых партнеров ощутимо укрепляются позиции Бразилии и ОАЭ, а также Узбекистана, а за пределами представленных в таблице стран можно отметить прежде всего Иран, Сербию, Египет, Азербайджан, Индонезию, Израиль, Малайзию, Монголию. Вместе с тем следует признать, что в 2022 г. немало стран Юго-Восточной Азии, Тропической Африки и Латинской Америки вынуждены были снизить товарооборот с Россией (прежде всего за счет собственных поставок в нашу страну). Среди многих причин особо выделим проблемы с логистикой и угрозу применения «вторичных санкций» США. Наконец, надо признать, что за год с небольшим с момента начала СВО на Украине Россия по целому ряду объективных и субъективных причин не смогла встать на мобилизационный путь развития в том смысле, чтобы быстро возрождать промышленный потенциал и предлагать партнерам за рубежом трансформировавшуюся структуру российского экспорта.

Дальнейшие задачи разворота на глобальный Юг

Говоря о перспективах усиления обозначенных географических тенденций (а ведь еще надо учесть, что в данные 2022 г. включен почти двухмесячный период до начала СВО на Украине), на наш взгляд, следует обратиться к более фундаментальным вопросам развития России. Нельзя не согласиться с одним из самых известных отечественных специалистов в области мировой экономики профессором А.С. Булатовым, что «глобализация российской экономики в последние три десятилетия принесла стране немало выигрышей и проигрышей, баланс которых складывался по-разному» [7]. Усилившаяся у России экспортная сырьевая специализация отчасти защитила ее от «санкций» коллективного Запада, а успехи

последних лет в сельском хозяйстве вновь превратили Россию в ключевого поставщика зерновых странам, если и не голодающим, то остро ощущающим на себе глобальную продовольственную проблему, что придает нашей стране дополнительный политический вес в мире. Однако в долгосрочной перспективе шансы России успешно конкурировать за рынки глобального Юга сокращаются из-за неразвитости некоторых современных отраслей сферы услуг, деградации на протяжении трех десятилетий машиностроительного комплекса и в целом низких расходов на НИОКР, которые подрывают в будущем инновационное развитие страны.

Российские проблемы в мировом хозяйстве особенно наглядно проявляются не во внешней торговле, а в сфере экспорта прямых инвестиций [8]. Фактически уже к середине 2010-х годов Россия исчерпала возможности укрепления своих глобальных позиций в сфере транснационального бизнеса, опираясь только на отечественных сырьевых гигантов. Российские компании в странах глобального Юга вынуждены конкурировать не только с западными ТНК, но и инвесторами из Китая, представителями крупного бизнеса самих развивающихся стран – индийскими, турецкими, арабскими, латиноамериканскими и даже африканскими ТНК. наших партнеров в Азии, Африке и Латинской Америке интересует не только минеральное топливо, пшеница, удобрения и вооружения, но и современная сельскохозяйственная техника и промышленное оборудование, лекарства и другие сложные химикаты, не говоря о решениях в области ИКТ. К сожалению, в России пока не создано надежной институциональной основы для поддержки «второго» эшелона российских компаний, осваивающих новые рынки в странах глобального Юга. Более того, некоторые крупные гиганты, подконтрольные государству, в силу чрезмерно комфортных условий на родине (часто близких к искусственно созданному монополизму) и, по-видимому, неквалифицированного менеджмента также оказываются неспособны осваивать рынки других стран (как бесспорный, на наш взгляд, пример приведем Сбербанк, вынужденный уйти со значительными потерями даже из Турции и Казахстана).

Требуется и государственная поддержка разворота российского бизнеса на глобальный Юг. Прошедший в конце июля 2023 г. в Санкт-Петербурге саммит Россия – Африка (и сопряженный с ним экономический и гуманитарный форум) заставил вновь экспертов-международников громко заявить об имеющихся проблемах – нехватке квалифицированных кадров для ведения дел с развивающимися странами, отсутствии нужного количества торгпредств и межправительственных комиссий по развитию двустороннего торгово-экономического сотрудничества, слабом развитии инструментов страхования российских экспортеров и инвесторов и т.д. Следует уделять большее внимание и российской «мягкой силе» за рубежом, расширяя подготовку в российских вузах и их заграничных филиалах будущей интеллектуальной и политической элиты соответствующих государств глобального Юга. У России есть очень небольшой промежуток по времени, чтобы успешно развернуть свои торгово-экономические связи на глобальный Юг. При этом надо понимать, что в долгосрочной перспективе будет и возрождение хозяйственных контактов России с большинством партнеров на Западе, однако растущие экономики Азии, Африки и Латинской Америки должны восприниматься как самостоятельный перспективный вектор внешнеэкономических контактов России, а не сиюминутная возможность смягчить удар от «санкций» вчерашних «друзей» в ЕС. Только так Россия сможет в итоге занять достойное место в полицентрическом мироустройстве будущего, формирование которого ускорилось во многом как раз благодаря российскому противодействию коллективному Западу.

Библиографический список

1. Кузнецов А.В. Разнообразие возможных центров силы нового мироустройства // *Политическая наука*. – 2022. – № 4. – С. 107–120. – DOI: 10.31249/poln/2022.04.05.
2. Салицкий А.И., Семенова Н.К. Подъем Китая и российско-китайское сближение // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2019. – Том 12, № 1. – С. 117–132. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132.
3. Островский А.В. Проблемы и перспективы развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества // *Регион: экономика и социология*. – 2022. – № 2. – С. 206–227. – DOI: 10.15372/REG20220209.
4. Яковлев П.П. Взаимодействие России с латиноамериканскими странами в условиях геополитического перелома // *Актуальные проблемы Европы*. – 2022. – № 3. – С. 227–253. – DOI: 10.31249/ape/2022.03.10.
5. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Вопросы современной африканистики и проблемы развития. – Москва: Институт Африки РАН, 2022. – 480 с.
6. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию / Отв. ред. М.Ю. Головнин, Е.Б. Ленчук. – Москва: Институт экономики РАН, 2023. – 132 с.
7. Булатов А.С. Участие России в экономической глобализации: новый перелом тенденций // *Международная торговля и торговая политика*. – 2023. – № 1. – С. 112–135. – DOI: 0.21686/2410-7395-2023-1-112-135.
8. Кузнецов А.В. Прямые инвестиции из России за рубеж: изменения с 2018 года // *Общественные науки и современность*. – 2021. – № 1. – С. 5–15. – DOI: 10.31857/S086904990013992-3.

References

1. Kuznetsov A.V. (2022). *Raznoobrazie vozmozhnykh centrov sily novogo miroustrojstva*. *Political Science*. No. 4, pp. 107–120. DOI: 10.31249/poln/2022.04.05 (in Russian).
2. Salitskii A.I., Semenova N.K. (2019). *Pod'em Kitaja i rossijsko-kitajskoe sblizhenie* // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12, No. 1, pp. 117–132. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132 (in Russian).
3. Ostrovskiy A.V. (2022). *Problemy i perspektivy razvitija rossijsko-kitajskogo torgovo-jekonomicheskogo sotrudnichestva*. *Region: Economics and Sociology*. No. 2, pp. 206–227. DOI: 10.15372/REG20220209 (in Russian).
4. Yakovlev P.P. (2022). *Vzaimodejstvie Rossii s latinoamerikanskimi stranami v uslovijah geopoliticheskogo pereloma*. *Current Problems of Europe*. No. 3, pp. 227–253. DOI: 10.31249/ape/2022.03.10 (in Russian).
5. Abramova I.O., Fituni L.L. (2022). *Voprosy sovremennoj afrikanistiki i problemy razvitija*. Moscow: Institute for African Studies, RAS, 480 pp. (in Russian).
6. Golovnin M.Yu., Lenchuk E.B. (eds.) (2023). *Jekonomika Rossii v uslovijah novyh vyzovov: ot adaptacii k razvitiju*. Moscow: Institute of Economics, RAS, 132 pp. (in Russian).
7. Bulatov A.S. (2023). *Uchastie Rossii v jekonomicheskoy globalizacii: novyj perelom tendencij*. *International Trade and Trade Policy*. No. 1, pp. 112–135. DOI: 0.21686/2410-7395-2023-1-112-135 (in Russian).
8. Kuznetsov A.V. (2021). *Direct investment from Russia abroad: changes since 2018*. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 91, No. 6, pp. 700–707. DOI: 10.1134/S1019331621060162 (translation from Russian).

Контактная информация / Contact information

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21.

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 51/21,
Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russia.

Кузнецов Алексей Владимирович / Alexey V. Kuznetsov
Kuznetsov_alexei@mail.ru

ИНДИЯ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАРТНЕР РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

INDIA AS A GEOPOLITICAL AND FOREIGN ECONOMIC PARTNER OF RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-165-174

ВОЛОДИН Андрей Геннадиевич

Главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, д.и.н.

Andrey G. VOLODIN

Chief Researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences

Аннотация

В предлагаемой статье рассматриваются история и современность отношений России (СССР) и Индии. В «исторической» части работы показан уровень отношений «стратегического союзничества» двух стран, ставший реальностью после Договора о мире, сотрудничестве и взаимопомощи 1971 г., открывшего принципиально новые возможности взаимодействия двух стран в области геополитики и в сфере внешнеэкономических связей. Выявлены причины стагнации отношений Индии и «новой» России в 1990-е годы. Заключительная часть статьи содержит обзор состояния нынешних российско-индийских отношений; автор предлагает свой взгляд на совершенствование связей двух стран, на их перемещение на новый, более высокий уровень равновесия.

Abstract

The article examines the history and the current status of relations between Russia (USSR) and India. The “historical” part of narration demonstrates the level of relationship of “strategic alliance” between the two countries, which became a reality after signing the Treaty on Peace, Cooperation and Mutual Assistance of 1971, which opened up fundamentally new opportunities for interaction between the two countries in the field of geopolitics and in the area of foreign economic relations. The reasons for the stagnation of relations between India and the “new” Russia in the 1990s are revealed subsequently. The concluding part of the article contains an overview of the current state of Russian-Indian relations; the author offers his outlook on the improvement of

relations between the two countries, on “pushing” bilateral ties to a new, higher level of systemic equilibrium.

Ключевые слова Индия, Россия, Советский Союз, Китай, США, «стратегическая автономия», полицентрический мировой порядок, интеграция Евразии, «глобальный Юг», российско-индийские внешнеэкономические связи.

Keywords India, Russia, Soviet Union, China, USA, “strategic autonomy”, polycentric world order, Eurasian integration, “global South”, Russia-India economic relations.

Говорят, истина лежит между двумя противоположными мнениями. Неверно! Между ними лежит проблема

Иоганн Вольфганг Гете

Дьявол в деталях

Авторство пока не установлено

Время от времени некоторые политологи-международники в Индии критикуют внешнюю политику своей страны за непоследовательность. Если обобщить услышанные и прочитанные неблагоприятные оценки в адрес дипломатии «крупнейшей демократии мира», то в сознании невольно возникает некая «картина», общее настроение которой определяют четыре основных «мазка».

■ Индия односторонне «увлеклась» отношениями с США, и «стратегический диалог» с Америкой, начатый в 2004 г., постепенно трансформируется в некое подобие вассальной зависимости. Иначе говоря, коридор возможностей для курса «стратегической автономии» официального Дели критически сужается.

■ Значительное влияние на формирование и осуществление внешней политики Индии сохраняют элитные группы, тесно связанные с Вашингтоном. Речь идет: о части внешнеполитического истеблишмента и военных «верхов», через систему родственных связей осуществляющих тесное взаимодействие с влиятельной индийской общиной в Америке; о «большой» (англоязычной) прессе, фактически состоящей на содержании англо-саксонских медиа-групп (так, например, газета Economic Times является частью британского информационного консорциума The Times); о т.н. «транснационалах» (как эту конгломеративную общность называл С.П. Хантингтон [1]), т.е. о группах и лицах, живущих, как говорили в былые времена, на «два дома»: это сфера банковского дела и информационных технологий, а также другие кластеры индийской экономики, теснее связанные с внешним миром, чем с национальным хозяйством; наконец, о верхних подразделениях среднего класса, привыкших имитировать потребительские привычки, правила и стандарты своих западных аналогов – «законодателей» и рассматривающих евро-атлантические ценности как политические и этические ориентиры и примеры для повседневного подражания.

■ Бытует мнение, что Индия «панически опасается» Китая – своего «великого северного соседа», а потому готова следовать западным предписаниям внешнеполитического характера, даже самого «сумасбродного» свойства. Сей довод опирается

на политэкономическую реальность: по различным оценкам, ВВП Индии в номинальном исчислении уступает китайскому более чем в пять раз, а по паритету покупательной способности – более чем в 2,5 раза [2] при равном количестве населения. При этом экономисты отмечают: по показателям подушевого ВВП две наиболее населенных страны мира стояли вровень в 1990 г. [2]. Одновременно следует принимать во внимание тот факт, что Китай и Индия коллективно обеспечат более половины прироста мирового ВВП в 2023 г.: Индия – на 15,4%, тогда как Поднебесная – на 34,9% [3]. ■ Индия с времен Дж. Неру ориентируется на британскую парадигму «морской державы», что делает ее внешнеполитическое поведение зависимым от США и Англии и заведомо ослабляет геополитические позиции «крупнейшей демократии мира» [4].

Геополитическое взаимодействие: «время собирать камни»

Следует признать, что критики верно подметили «узкие места» современной индийской внешней политики, определенным образом подтачивающие базовые принципы «стратегической автономии» (являющейся альфой и омегой государственного курса Индии со времени правления Индиры Ганди) и напрямую влияющие на тонус российско-индийских отношений. Однако правильно говорят: «Дьявол в деталях», и эта максима в полной мере относится к нашим отношениям с наиболее населенной страной мира.

Известно, что Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1971 г. сделал Индию «почти великой державой» и перевел советско-индийские отношения на уровень стратегического союзничества. Параллельно ускоренными темпами возрастал объем двусторонних внешнеэкономических связей, которые вовлекали в свой круговорот все новые сферы сотрудничества, включая неклассическую/атомную энергетику. Новые импульсы развития сообщались военно-техническому сотрудничеству (ВТС), активно использовалась система клиринга, в т.ч. в реализации концепции внешнеторговых «треугольников» (например, Москва – Багдад – Дели).

Однако двусторонние отношения начали испытывать нисходящие тенденции со второй половины 1980-х годов. С одной стороны, официально подтверждалась неизменная приверженность Москвы «вечной» советско-индийской дружбе. С другой стороны, концепция «нового политического мышления» (зафиксированная в «Делийской декларации» 1986 г.) имела правильный, но в значительной степени умозрительный характер, не была конкретизирована в зависимости от наличных политических условий Индии и других развивающихся стран. В результате и наши ведомства, занимавшиеся политической, экономической и культурной дипломатией, и наши индийские партнеры оказались лишены четких внешнеполитических ориентиров и, что еще прискорбнее, программы действий на среднесрочную перспективу. Дополнительные осложнения для отечественной внешней политики создал распад Советского Союза. Среди партнеров и друзей нашей страны, и не только в Индии, начало укрепляться мнение о том, что «Россия уходит с Востока».

Сложившейся в результате распада СССР ситуацией искусно воспользовались наши геополитические соперники, и только с начала нынешнего века российско-индийские отношения начинают постепенно обретать положительную инерцию развития. Отметим между прочим, что в Индии всегда существовали силы, относившиеся с недоверием к Советскому Союзу и России. После распада СССР, ощущая безразличие властей «новой» России к развитию традиционных союзнических

отношений с Индией, эти силы начали активно предлагать общественности «крупнейшей демократии мира» свою прозападную программу действий. Порой приходилось сталкиваться с довольно необычным обоснованием подобной «повестки».

Как известно, еще в 1986 г., во время визита в Индию, руководитель СССР М.С. Горбачев поставил в известность премьер-министра Р. Ганди о желании Советского Союза восстановить отношения с Китаем, что было с пониманием воспринято индийской стороной. Однако уже в начале 1990-х годов, не встречая четко выраженного противодействия с российской стороны, сторонники сближения с США, используя «большую прессу» Индии, начали настойчивую кампанию по дискредитации отечественной дипломатии, предлагая общественности версию о том, что Россия активно развивает отношения с Поднебесной за счет Индии и ее национальных интересов. Подобная «аргументация» становилась своеобразным оправданием начавшегося внешнеполитического «дрейфа» официального Дели в сторону Вашингтона, чему деятельно способствовала тогдашняя администрация Клинтона. Понятно, что в условиях «униполю», с одной стороны, и энергичного экономического роста «непознаваемого» Китая с неизбежной геополитической проекцией такого тренда, с другой, доводы в пользу сближения с США встречали одобрение у части среднего класса, а также в молодежной среде, некоторые сегменты которой рассматривали себя в качестве будущих «транснационалов».

Нетрудно догадаться, что восстановление российско-индийских отношений выявило потребность в обновлении идейного арсенала отечественной дипломатии, включая ее культурное направление. Поэтому не стоит удивляться, что и сегодня раз за разом сталкиваемся с проблемами, которые сами себе создали еще в 1990-е годы. Так, например, позволительно спросить: в чем был экономический смысл требований об уплате советских долгов, да еще в долларовой форме? Не лучше ли было бы — и с экономической, и с политической точек зрения — возместить задолженность поставками товаров традиционного индийского экспорта, необходимых в то трудное время нашему обществу? Тем более что столь незначительная сумма не спасла (да и не могла спасти) неплатежеспособную «либеральную» экономику от дефолта 1998 г.

Некоторые отечественные эксперты критически оценивают многовекторный характер индийской внешней политики, что в принципе правомерно. Однако при этом политологи упускают из вида исторические причины тех или иных внешнеполитических акций официального Дели, долгое время сталкивавшегося с невниманием российской дипломатии в 1990-е годы к «фактору Индии» в региональной и мировой политике. В частности, стоит вспомнить сдержанное отношение — на официальном уровне — к идее «стратегического треугольника» Москва — Дели — Пекин. В то время руководство Индии полагало, что Москва, оказавшаяся в новой, «негостеприимной» международной ситуации после распада СССР, преследует сугубо «эгоистическую» цель ограничить влияние «единственной сверхдержавы», тогда как собственно отношениям с Индией придается второстепенное значение. В то же время индийские специалисты-международники с интересом и симпатией отнеслись к идее «стратегического треугольника», отмечая, впрочем, что столь перспективная и сложная идея нуждается в дополнительной интеллектуальной проработке.

В начале XXI века мировой исторический процесс претерпел заметное ускорение, и ученые и журналисты заговорили о «веке Азии» и о «новой многополярности» [5].

Развилка мирового развития (иногда именуемая «точкой бифуркации») неумолимо приближалась. Формально этой «точкой бифуркации» стали известные события 24 февраля 2022 г. Уже стало общим местом утверждение о том, что именно Индия и Китай оказались основными выгодоприобретателями нового мирового «перелома». Тем не менее политические процессы имеют известную политическую инерцию, которая является продуктом предыдущих исторических эпох, в данном случае – времени «униполюса». Поэтому неудивительно, что Индия только сейчас начинает ощущать и осмысливать свой новоприобретенный геополитический статус. Немалое значение для поведения «крупнейшей демократии мира» имеет и перестройка внешнеэкономических «маршрутов» мировой экономики после 24 февраля 2022 года. Серьезные задачи стоят в новых условиях и перед внешней политикой России. Так, «вертикальный» рост объемов двусторонней российско-индийской торговли заставляет Москву задуматься не только о ее сбалансированном характере (в пользу Индии), но и о ее диверсификации и о доведении торговых обменов до уровня, сопоставимого с объемами внешнеэкономических связей Индии с такими партнерами, как Китай и Соединенные Штаты.

Как вернуться к модели устойчивого развития отношений с Индией, характерной для советского периода? Геополитические предпосылки для подобного сдвига определенно существуют. Так, по данным журнала *The Economist*, население Индии искренне заинтересовано в формировании нового, полицентрического мира. Согласно данным социологических опросов в различных странах, 48% респондентов-индийцев в апреле 2023 г. поддерживали идею полицентрического мира [6], тогда как в Турции сторонников многополярности оказалось чуть больше – 51% [6]. Правда, ценность такого рода обследований невелика, тем более что многие индийцы рассматривают социологические опросы на политические темы вмешательством в их личную жизнь. Возможно, социологи представили выборку только по крупным и крупнейшим городам Индии, охватившую преимущественно космополитически настроенный средний класс. В городах среднего размера и в индийской «глубинке» поддержка идеи Индии как «государства-цивилизации» и одной из несущих опор нового миропорядка выражена более акцентированно.

Причины стойких «полицентрических» устремлений многообразны. Они включают в себя: отрицание колониализма и неоколониализма как политического курса западных держав; желание Индии расширить свое влияние на «глобальном Юге», идущее от Движения неприсоединения; попытки ввести в действие механизмы развития с целью снижения социально-имущественных диспропорций в индийском обществе (так, дедолларизация международных расчетов имеет целью расширить экспортные возможности Индии) и т.п. В Дели не забывают и о геополитическом эгоизме Запада: стремление Вашингтона подтолкнуть Индию к выбору поведенческой стратегии «морской державы», в которой «крупнейшей демократии мира» уготована роль «младшего партнера», вызывает настороженность индийских специалистов-международников, полагающих, что от подобных предложений необходимо всячески уклоняться и сделать стратегический выбор в пользу Евразии.

Помимо этого, все возрастающее влияние на формирование внешней политики Индии оказывает перегруппировка сил внутри национальных политических элит, главной чертой которой стало выдвигание на руководящие позиции представителей низких и низших каст, которые подавляюще преобладают в населении страны. Можно сказать, что премьер-министр Н. Моди – их полномочный представитель.

Отношение новых элит к «коллективному Западу» специфическое; «золотой миллиард» рассматривается ими как «семейный портрет» индийских высших каст, с которыми низшие касты ведут долгую и упорную борьбу по принципу «кто кого».

Конфликт на постсоветском пространстве рассматривается в Индии как периферийный, не затрагивающий напрямую геополитические интересы страны. «Европа должна избавиться от представления о том, – иронически заметил министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар, – что проблемы Европы – это мировые проблемы, но мировые проблемы – это не проблемы Европы» [6]. Из общего взгляда на международную систему вытекает стратегия «активного неприсоединения», которой также следует Бразилия, Саудовская Аравия и другие страны «глобального Юга и Востока» [7]. В Индии, несмотря на предубеждения в отношении «великого северного соседа», видят очевидное ослабление позиций «коллективного Запада» и пытаются использовать открывшиеся возможности – и для себя, и для «глобального Юга»: в настоящее время официальный Дели активно добивается представительства «коллективной Африки» в «группе двадцати».

Возникает вопрос: почему внешняя политика не столь активна и «артикулирована», как, например, дипломатическая деятельность Бразилии? Данный вопрос может иметь три ответа. Во-первых, потому, что Бразилия как территория – это почти половина Южной Америки. На этом континенте авторитет и влияние Бразилии неоспоримы. Индия же подобной свободой действий в Евразии не располагает. «Фактор» Китая по-прежнему играет сдерживающую роль, пусть и сугубо психологического происхождения. Поднебесная не только располагает более масштабным ВВП, но и имеет другие важные преимущества. В Китае более высокая диверсификация народного хозяйства, более развитый военно-промышленный комплекс, в целом лучше организована система производительных сил, более качественная армия (оснащенная отечественными вооружениями и военной техникой), наконец, дальше продвинулась концепция «умных городов». Вышеперечисленные и некоторые другие обстоятельства порождают в Индии некий «комплекс геополитической недостаточности», одним из проявлений которого стал «стратегический диалог» с Америкой при понимании своекорыстия США при развитии отношений с Индией. Соединенные Штаты, как показало «докламское противостояние» в Гималаях лета 2017 г., готовы оказывать Индии преимущественно моральную поддержку. Тем более что линия Америки на борьбу с Китаем «по доверенности» давняя; она тянется от политики администрации Д. Эйзенхауэра, т.е. с конца 1950-х – начала 1960-х годов.

Двусторонние внешнеэкономические связи: что делать?

В советский период двусторонними внешнеэкономическими связями управляли государства посредством Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству между СССР и Индией. В развитии этих связей были заинтересованы обе стороны. Однако т.н. «либеральные реформы» в России, по сути дела, разрушили двусторонние связи уже в 1990-е годы. Нынешнее возвращение России на Восток (и «глобальный Юг» в целом) потребует творческого осмысления советского опыта регулирования и корректировки внешнеэкономических связей.

В связи с вышесказанным позволительно замечание общего характера. Попытка властей постсоветской России в 1990-е годы некритически заимствовать опыт работы Министерства внешней торговли и промышленности Японии оказалась контрпродуктивной по двум причинам. Во-первых, внешнеэкономическая политика

была фактически «растворена» в других видах деятельности, что, по сути дела, лишило государство основного инструментария, используемого экономической дипломатией. (Иными словами, Министерство внешней торговли СССР работало в тесном контакте с другими официальными ведомствами аналогичного профиля – Государственным комитетом по экономическим связям, Государственным комитетом по науке и технике и т.д.) Во-вторых, рекомендательно-совещательный характер воздействия постсоветского российского государства на внешнеэкономические связи и процессы никак не соответствовал японскому «идеал-типу», для которого характерно стратегическое управление внешнеэкономическими связями, выступающими в качестве важнейшего инструмента государственного политического курса/стратегии и конкретной реализации геополитических интересов Страны восходящего солнца в мировом пространстве.

По представлению автора, активизации и диверсификации российско-индийских внешнеэкономических связей должны предшествовать следующие инициативные действия в нашей стране.

■ Целесообразна инвентаризация номенклатуры товаров и услуг, поставлявшихся нашей страной Индии в советский период. Не исключено, что нас ожидает ситуация под наименованием «новое есть основательно забытое старое».

■ Необходима оценка влияния проекта «Международный транспортный коридор Север – Юг» на диверсификацию российско-индийских торгово-экономических связей. В частности, особого внимания заслуживает включение в кругооборот двусторонних внешнеэкономических связей Ирана и государств Центральной Азии, а также Афганистана. На этом своеобразном «поле» окажутся востребованными внешнеэкономические «многоугольники», успешно использовавшиеся советскими ведомствами, курировавшими процессы экономической дипломатии.

■ Полезен учет новых тенденций во внешнеэкономической деятельности Индии, в частности решения официального Дели осуществлять торговые операции с другими странами в национальных валютах. Индия уже приняла политическое решение торговать в национальных валютах с 18 государствами, включая страны Южной и Западной Азии. Внешнеэкономические связи в национальных валютах, полагают в Индии, позволят расширить возможности экспорта и одновременно стать формой поддержки мелкого и среднего предпринимательства.

■ Поучителен опыт внешнеэкономических связей России с другими развивающимися странами. Говоря конкретно, накопление значительного объема индийских рупий у российской стороны, как представляется, не имеет «драматического» значения для внешнеторговой деятельности нашей страны. Во-первых, возникает возможность инвестировать часть накопленных денежных средств в различные отрасли экономики Индии, о чем рассуждают эксперты и специалисты в Дели. Во-вторых, индийские рупии могут быть утилизированы при приобретении важной продукции для массового потребления в России. Речь идет о таких группах товаров и услуг, как: 1) овощи и фрукты тропического происхождения (для регионов Сибири и Дальнего Востока); 2) бытовая электроника (с последующим использованием не только на потребительском рынке, но и в ряде сегментов отечественной экономики; подобный опыт был накоплен в Советском Союзе); 3) массовый туризм в Индию, пока еще недостаточно развитый, но имеющий значительный потенциал расширения (туризм обычно рассматривается как «невидимый экспорт», и это его качество активно используется в отношениях России с Объединенными Арабскими Эмиратами в каче-

стве балансирующего фактора внешнеторгового баланса); 4) широкий спектр лекарственных препаратов, вытесненных с российского рынка западными фармацевтическими компаниями в 1990-х – начале 2000-х годов (включая средства традиционной индийской медицины); 5) продукция легкой промышленности, пользующаяся устойчивым спросом на зарубежных рынках (в т.ч. производимая под эгидой всемирно известных торговых марок); 6) научная литература по общественным наукам (для нужд ИНИОН РАН, ВГБИЛ, ГПИБ и других ведущих профильных библиотек России).

■ Востребованы значение и действенность значения фактора «свободной геометрии» во внешнеэкономических связях России и Индии. Например, в советский период с наилучшей стороны зарекомендовал себя внешнеэкономический «треугольник» Москва – Багдад – Дели, практически исключивший использование для взаимных расчетов американского доллара и других конвертируемых в то время валют. В настоящее время формируется внешнеэкономический треугольник Москва – Дели – Дакка. Можно думать и о перспективных геометрических фигурах экономической дипломатии, в частности, Москва – Дели – Исламабад и Россия – Индия – Западная Азия. Значение «свободной геометрии» международных экономических отношений в том, что взаимозависимость создает надежную основу и для политических отношений, даже между «историческими соперниками» (например, Индия и Пакистан).

■ Неизбежна активизация инвестиционной деятельности России в Индии. Недавно стало известно, что Россия является крупнейшим инвестором в экономику Ирана (около 40% всех прямых иностранных инвестиций). При осуществлении инвестиционного процесса стратегическая роль государства – это абсолютный императив. При этом отношения между бизнес-сообществом и государством в Индии и Китае могли бы стать для России своеобразным политическим ориентиром. Известно, например, о глухом недовольстве части крупных индийских предпринимателей деятельностью правительства во главе с Н. Моди, которое обвиняют в «авторитаризме». Однако «авторитаризм» индийского правительства напрямую вытекает из договоренности государства и делового мира, суть которой в том, что национальное государство защищает бизнес от иностранного «произвола», тогда как предпринимательское сословие, включая крупный капитал, берет на себя обязательство в своей деятельности руководствоваться не только мотивами личной выгоды, но и стратегическими интересами общества и государства.

Возникшая в 2022 г. несбалансированность российско-индийских внешнеэкономических связей породила множество кривотолков о «невыгодности» для России торговых связей с Индией. Как представляется, подобные «мысли» возникли потому, что значительная часть отечественных «предпринимателей в первом поколении» не обладает надлежащими знаниями и кругозором для развития внешнеэкономических отношений, где требуется долгосрочное видение перспектив сотрудничества, предполагающего как минимум знание рынка, который с начала 1990-х годов практически не изучался, – со стороны его потенциальной емкости, проблем и перспектив развития, наличия различных групп предпринимательского класса, заинтересованных в кооперационных связях с нашей страной. Потенциальные субъекты кооперационных связей с российской стороны плохо представляют себе наличие и специфику региональных рынков Индии, не всегда совпадающих с границами штатов; такое знание необходимо, особенно для отечественного мелкого и среднего бизнеса, который, как и его индийские «аналоги», оперирует на ограниченных по территории пространствах, но одновременно

является главным источником роста двусторонней торговли и услуг. Программа индийского правительства *Make in India*, при условии ясного представления о ее характере и объеме, может стать дополнительным стимулом развития двусторонних внешнеэкономических связей [8]. Получение необходимых знаний о потенциале двусторонних отношений с «крупнейшей демократией мира», как представляется, напрямую связано с состоянием индоведческой науки в России.

Риском предположить, что все благие пожелания об активизации двусторонних связей России и Индии (а также в отношении «глобального Юга» в целом) останутся прекраснотдушными мечтаниями, если в срочном порядке не будет восстановлена устойчивая среда расширенного воспроизводства специалистов высшей квалификации для работы со странами Востока и Африки, включая труд в, так сказать, «полевых» условиях, т.е. за рубежом. Не секрет, что в последние два-три десятилетия качество классического востоковедного образования в стране значительно ухудшилось, что является следствием не только некачественного человеческого «материала», изучающего Восток и Африку в ведущих российских университетах. К сожалению, произошла утрата профессионализма теми, кто готовит кадры востоковедов и африканистов, особенно по сравнению с советским периодом [9]. Возникает извечный вопрос: что делать? Автору данной статьи представляются неотложными три действия экстренного характера.

Во-первых, качественное ухудшение востоковедного образования в стране (включая африканистику) требует безотлагательной инвентаризации учебных программ и планов научной подготовки будущих востоковедов и африканистов (с непременным условием надлежащего кадрового обеспечения) в ведущих вузах страны классического профиля (МГУ, СПбГУ и проч.). Характерно, что некоторые вузы страны (Дипломатическая академия МИД России, например) уже встали на путь ужесточения требований к работам, представляемым к защите на соискание ученых степеней.

Во-вторых, следует пресекать «гонения» на коллег, специализирующихся по проблематике современного социально-политического развития стран Востока и Африки. В условиях начавшейся переоценки исследовательской эффективности западной политологии активизировалась деятельность, имеющая целью упразднение современного цикла подготовки кадров, т.е. неклассического востоковедения и африканистики (включая современную проблематику афро-азиатских обществ), без которого внешняя и внешнеэкономическая политика страны лишается естественной «философской» основы.

В-третьих, необходимо восстановление контроля государства над качеством востоковедного образования. Подобный контроль может быть восстановлен в процессе формирования наблюдательных советов в ведущих востоковедных вузах, имеющих право внесения коррективов в различные аспекты образовательного процесса.

Представляется, что вышеперечисленные и некоторые другие меры помогут восстановить процесс расширенного воспроизводства востоковедных кадров высшей квалификации в нашей стране.

Библиографический список

1. *Huntington S.P. Who Are We? America's Great Debate. New Delhi: Penguin Books, 2004. – 428 p.*
2. *Comparing China and India by Economy//Statistics Times, 16 May 2021//statisticstimes.com/economy/china-vs-india-economy.php; дата обращения: 08.07.2023.*

3. Ihara K. *China and India to drive half of 2023's global economic growth: IMF//Nikkei Asia, May 3, 2023//asia.nikkei.com/Economy/China-and-India-to-drive-half-of-2023-s-global-economic-growth-IMF*; дата обращения: 08.07.2023.
4. Daulet Singh Z. *Powershift. India- China Relations in a Multipolar World. New Delhi: Macmillan, 2020. – 335 p.*
5. Hiro D. *After Empire. The Birth of a Multipolar World. N.Y.: Nation Books, 2010. – 348 p.*
6. *How to survive a superpower split//The Economist, 11.04.2023//economist.com/international/2023/04/11/how-to-survive-a-superpower-split*; дата обращения: 03.07.2023.
7. Heine J. *The Global South is forging a new foreign policy in the face of war in Ukraine, China-US tensions: Active nonalignment//The Conversation, June 16, 2023//theconversation.com/the-global-south-is-forging-a-new-foreign-policy-in-the-face-of-war-in-ukraine-china-us-tensions-active-nonalignment-207078*; дата обращения: 04.07.2023.
8. Садовникова Я.О. Дialeктика экономических реформ Н. Моду // Азия и Африка сегодня, 2023, № 6, с. 12–20.
9. Володин А.Г. Советская индология: положение в системе общественных наук // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 6, с. 117–138.

References

1. Huntington S.P. *Who Are We? America's Great Debate. New Delhi: Penguin Books, 2004. – 428 p.*
2. *Comparing China and India by Economy//Statistics Times, 16 May 2021//statisticstimes.com/economy/china-vs-india-economy.php*; время обращения: 08.07.2023.
3. Ihara K. *China and India to drive half of 2023's global economic growth: IMF//Nikkei Asia, May 3, 2023//asia.nikkei.com/Economy/China-and-India-to-drive-half-of-2023-s-global-economic-growth-IMF*; время обращения: 08.07.2023.
4. Daulet Singh Z. *Powershift. India- China Relations in a Multipolar World. New Delhi: Macmillan, 2020. – 335 p.*
5. Hiro D. *After Empire. The Birth of a Multipolar World. N.Y.: Nation Books, 2010. – 348 p.*
6. *How to survive a superpower split//The Economist, 11.04.2023//economist.com/international/2023/04/11/how-to-survive-a-superpower-split*; время обращения: 03.07.2023.
7. Heine J. *The Global South is forging a new foreign policy in the face of war in Ukraine, China-US tensions: Active nonalignment//The Conversation, June 16, 2023//theconversation.com/the-global-south-is-forging-a-new-foreign-policy-in-the-face-of-war-in-ukraine-china-us-tensions-active-nonalignment-207078*; время обращения: 04.07.2023.
8. Sadovnikova Ja.O. *Dialektika jekonomicheskikh reform N. Modi // Azija i Afrika segodnja, 2023, № 6, s. 12–20.*
9. Volodin A.G. *Sovetskaja indologija: polozhenie v sisteme obshhestvennyh nauk // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 2021. T. 14, № 6, s. 117–138.*

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»,
117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21.

Institute of Scientific Information for the Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 51/21,
Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russia.

Володин Андрей Геннадиевич / Andrey G. Volodin
andreivolodine@gmail.com

РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ

DEVELOPMENT OF EXPORT POTENTIAL OF THE RUSSIAN AGROFOOD COMPLEX UNDER THE DESTABILIZING FACTORS

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-175-183

ЯКОВЕНКО Наталья Анатольевна

Главный научный сотрудник Института аграрных проблем – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», д.э.н., доцент

Natalia A. YAKOVENKO

Chief Researcher of Institute of Agrarian Problems – separate structural subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center “Saratov Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Doctor of Economics, Associate Professor

Аннотация

В статье дана оценка текущего состояния и перспектив развития внешнеэкономической деятельности агропродовольственного комплекса России. Проанализирована динамика и структура экспорта агропродовольственного комплекса. Выявлены дисбалансы в экспорте сырьевой продукции и продукции глубокой переработки. Сделан вывод, что перспективными направлениями адаптации российского агропродовольственного комплекса к внешним ограничениям являются диверсификация экспорта агропродовольственного комплекса, рост доли экспорта продукции глубокой переработки.

Abstract The current state and prospects for the development of foreign economic activity of the Russian agrofood complex are assessed in the article. The dynamics and structure of exports of the agrofood complex are analyzed. Imbalances in the export of raw materials and products of advanced refining were revealed. It is concluded that the perspective lines of development of Russian agrifood complex under the external restrictions are export diversification of the agrofood complex, increase export share of products of advanced refining.

Ключевые слова Агропродовольственный комплекс, экспорт, дестабилизирующие факторы, конкурентоспособность, диверсификация, структура, переделы.

Keywords Agrofood complex, export, destabilizing factors, competitiveness, diversification, structure, limits.

Введение

Новая концепция продовольственной безопасности, декларируемая ФАО, расширяет ее понимание с учетом сложности факторов, воздействующих на продовольственные системы. Комплексный подход к развитию продовольственных систем, учитывающий экономические, социальные и экологические аспекты их функционирования, заключается в повышении экологической устойчивости и эффективности систем, оптимизации -производства и распределения продуктов питания. Ускорение научно-технологического развития, расширение его влияния на сферу производства и потребления, изменение климата и деградация природных ресурсов и окружающей среды, усиление конкуренции на фоне процессов глобализации и проникновения национальных экономик оказывают огромное влияние на динамические изменения продовольственных систем. Появление новых вызовов и рисков усилило давление на мировой продовольственный рынок, что привело к необходимости углубления протекционизма для стабилизации социально-экономического положения национальных продовольственных систем. Глобальные политические и экономические изменения, вызванные пандемией COVID-19 и санкционным противостоянием России и ряда западных стран, также требуют нового подхода к аграрной политике страны, формированию модели развития российского агропродовольственного комплекса. Системная государственная поддержка, направленная на импортозамещение, позволила за короткий срок увеличить объемы производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, нарастить экспорт и повысить конкурентоспособность российских производителей на мировых продовольственных рынках. В условиях действия беспрецедентных антироссийских санкций экспорт продовольственных товаров не запрещен и, несмотря на имеющиеся ограничения в свободе принятия решений по осуществлению внешнеторговых операций, позволяет вносить весомый вклад в обеспечение глобальной продовольственной безопасности. Финансовые ресурсы, полученные от экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия, в последние годы стали важным источником инвестиций в модернизацию агропродовольственного комплекса страны. По мнению ряда ученых и специалистов, дальнейшее развитие агропродовольственного комплекса России связано с реализацией его потенциала на мировом продовольственном рынке, формированием устойчивых конкурентных преимуществ на основе рас-

ширения протекционизма, активизацией участия национальных производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия в международной кооперации и интеграции, преодолением негативных факторов внешнеэкономической деятельности [1, 2, 3, 4, 5]. Влияние дестабилизирующих факторов на развитие агропродовольственного комплекса России определяет необходимость оптимизации экспорта и внутреннего потребления, соотношения приоритетов глобальной и национальной продовольственной безопасности.

Цель исследования состоит в оценке динамики и структуры российского экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия, выявлении тенденций и обосновании перспектив развития внешнеторговой деятельности в условиях санкционных ограничений на мировом продовольственном рынке.

Материалы и методы исследования

На основе метода монографических исследований выявлены тенденции и особенности развития внешнеэкономической деятельности агропродовольственного комплекса России. Для исследования динамики объемов и структуры российского экспорта агропродовольственной продукции применялись методы системного и сравнительного анализа.

Изменение конкурентоспособности сельскохозяйственных и продовольственных товаров на мировом продовольственном рынке осуществилось с помощью индекса выявленного сравнительного преимущества (RCA – revealed comparative advantage index).

В качестве инструментов оценки диверсификации экспорта продукции агропродовольственного комплекса использовались следующие показатели: линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов, квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов, интегральный коэффициент структурных сдвигов (К. Гатева), интегральный коэффициент структурных различий (А. Салаи).

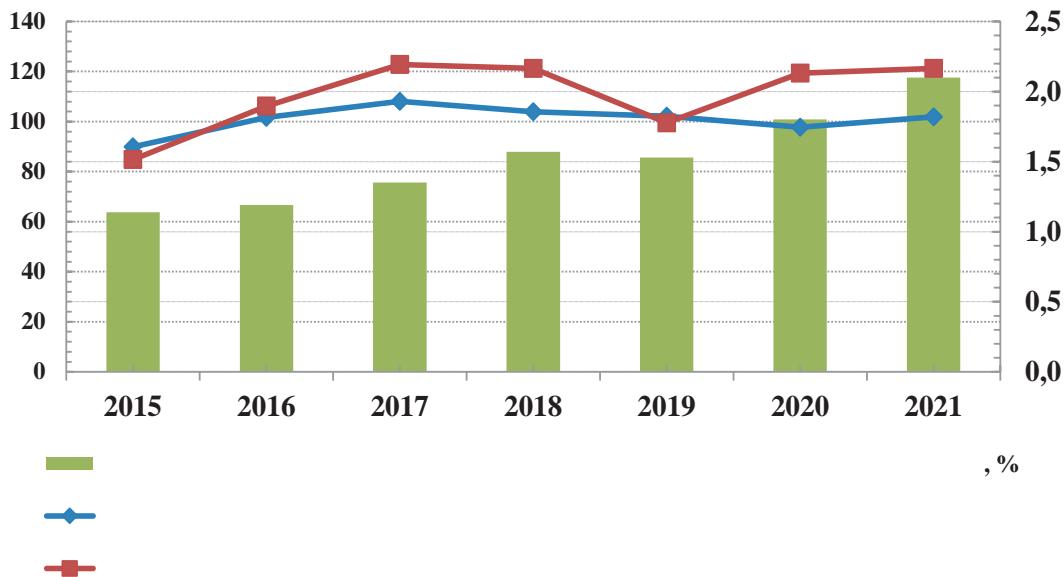
Информационной базой являлись данные International Trade Centre, World Trade Statistical Review, статистические данные Росстата.

Результаты исследования

Либерализация мировой торговли, активизация процессов агропромышленной интеграции, усиление протекционизма на внутреннем продовольственном рынке стимулировали внешнеэкономическую деятельность агропродовольственного комплекса России. Российский агропродовольственный комплекс в последние годы расширил свое участие в глобальной торговле сельскохозяйственными продуктами и продовольствием (рис. 1). С 2015 года темпы прироста российского экспорта агропродовольственной продукции в среднем составляли 15,6% и превышали темпы прироста мирового продовольственного экспорта (в среднем 5,8%). В 2021 году Россия вошла в топ-20 мировых экспортеров продовольствия. Доля России в мировом продовольственном экспорте в 2010 году составляла 0,64%, в 2015 году – 1,14%, в 2021 году – 2,1%.

В 2022 году российский экспорт сельскохозяйственного сырья и продовольствия по сравнению с 2021 годом увеличился на 12% в стоимостном выражении и составил 41,6 млрд долларов США. Например, экспорт маргарина вырос на 35,7%, рапсового масла – на 22,7%, соевого масла – на 19,8%, мяса птицы – на 16,1%. Доля

Рис. 1. Динамика мирового продовольственного экспорта и продовольственного экспорта России (в % к предыдущему году)

сельскохозяйственной продукции и продовольствия в общей структуре российского экспорта выросла до 7%.

В условиях нестабильной внешней конъюнктуры отечественные производители сохранили лидирующие позиции в экспорте зерновых и масличных культур, являясь традиционным их поставщиком на мировой продовольственный рынок. В 2021 году доля России в мировой торговле пшеницей составляла 13,1%, ячменем — 9,3%, гречихой — 5,4%. Вырос уровень относительной конкурентоспособности российских производителей на отдельных сегментах мирового рынка мяса и мясопродуктов, таких как свинина и мясо птицы. Возможность успешной конкуренции ввиду более высокого уровня внутренних цен имеется на мировом рынке рыбы и ракообразных, мукомольно-крупяной промышленности. В последние годы Россия укрепила конкурентные позиции на глобальном продовольственном рынке, являясь одним из основных экспортеров на его отдельных сегментах. В связи с этим сокращение российского экспорта агропродовольственной продукции может негативно отразиться на глобальной продовольственной безопасности.

Высокая динамика роста экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия характеризовалась относительно низкой диверсификацией экспорта (см. таблицу).

Период до 2008 года характеризуется высокой диверсификацией и существенными колебаниями в структуре экспорта российского агропродовольственного комплекса. Девальвация рубля в 1998 году, нестабильность российского продовольственного рынка стимулировали выход российских производителей на внешние рынки даже в условиях низкой конкурентоспособности. На структуру агропродовольственного экспорта в этот период оказывало влияние государственное регулирование сельского хозяйства, которое носило ситуационный характер. С 2007 года увеличение государственной поддержки аграрного сектора и доходов населения позволило товаропроизводителям переориентироваться на внутренний рынок

Таблица. Изменение показателей дифференциации экспорта агропродовольственной продукции России в 2001–2018 гг. [6]

Показатели	2001– 2002	2013– 2014	2014– 2015	2015– 2016	2016– 2017	2017– 2018
Линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов	2,270	0,682	0,439	0,328	0,418	0,528
Квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов (Л. Казинца)	5,963	1,758	0,757	0,583	0,846	1,295
Интегральный коэффициент структурных сдвигов (К. Гатева)	0,475	0,290	0,061	0,049	0,070	0,099
Интегральный коэффициент структурных различий (А. Салаи)	0,289	0,206	0,116	0,085	0,095	0,092

страны. Стратегия внешнеэкономической деятельности российских производителей агропродовольственной продукции в этот период предполагала сокращение номенклатуры экспортируемой продукции, концентрацию на сегментах мирового продовольственного рынка, где производители имели устойчивые конкурентные позиции. Санкционные ограничения, действующие с 2014 года, привели к нарушению производственных и логистических цепочек, росту административных барьеров входа на отдельные сегменты продовольственного рынка. В сложившихся условиях дальнейшее наращивание объемов экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия обостряет риски функционирования агропродовольственного комплекса: усиление влияния мировых цен на цены внутреннего продовольственного рынка, волатильность цен и спроса на мировых рынках специализации российских экспортеров, отсутствие стимулов расширения ассортимента экспортируемой продукции, особенно с высокой добавленной стоимостью, концентрация на естественных конкурентных преимуществах и сдерживание развития перерабатывающих и высокотехнологичных отраслей.

Современный период характеризуется ростом конкуренции как на мировом, так и на российском продовольственном рынках. В условиях санкционного давления усиливается конкурентная борьба за ограниченные ресурсы (инвестиции, инновации и др.) между импортозамещающими и экспортоориентированными отраслями и продуктовыми цепочками агропродовольственного комплекса, между отраслями одной продуктовой цепочки, между агропродовольственным комплексом и другими секторами экономики. Высокий уровень и активная государственная поддержка экспортоориентированной модели развития, благоприятная конъюнктура мирового продовольственного рынка и природно-климатические условия позволили создать определенный запас прочности производителям агропродовольственного комплекса страны. Необходимость адаптации к новым условиям определяют поиск российскими экспортерами эффективных стратегий. Реализация стратегии связанной диверсификации экспорта агропродовольственной продукции основана на использовании имеющихся ресурсов, техники и технологий,

не требует значительных инвестиций и кардинальной структурной модернизации агропродовольственного комплекса. Расширение номенклатуры экспортируемой продукции на определенном сегменте мирового продовольственного рынка позволяет использовать имеющиеся конкурентные преимущества. Возможности связанной диверсификации российского экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия были проанализированы на группах товаров, занимающих основную долю в его структуре. Исследование позволило выявить разнонаправленные тренды, которые наблюдаются в группах продуктов, являющихся традиционными для российского экспорта. С одной стороны, сохраняется высокой или усиливается специализация внутри групп. Например, доля пшеницы и меслина в экспорте зерновых культур выросла с 53,01% в 2001 году до 80,78% в 2019 году. С другой стороны, расширилась номенклатура экспортируемой продукции. Российские товаропроизводители зерновых культур начали экспортировать овес, рожь, зерновое сорго. В экспорте масличных культур значительно выросли доли сои, льна, рапса и других масличных культур. В группах мукомольно-крупяной промышленности и мясной продукции номенклатура экспортируемой продукции выросла с шести продуктов до восьми. Пока ни один из трендов не сформировался в устойчивую тенденцию. Санкционные ограничения стимулируют поиск новых рынков, усиливают конкуренцию на продовольственном рынке, что дает возможность российским производителям выходить на новые сегменты продовольственного рынка при реструктуризации географии внешней торговли.

Одной из основных проблем дальнейшего развития экспорта агропродовольственного комплекса России является несбалансированность продуктовых цепочек, что является сдерживающим фактором экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Реализация приоритетного проекта РФ «Экспорт продукции АПК», целью которого является рост экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью, позволила снизить сырьевую ориентацию агропродовольственного экспорта России. С 2014 по 2020 год темпы прироста экспорта сырьевых товаров, которые входят в группу товаров нижнего передела, составляли 47,3%, товаров верхнего передела – 27,3%. Вывоз товаров среднего передела за анализируемый период увеличился в два раза. Однако сельскохозяйственное сырье продолжает занимать существенную долю в экспорте агропродовольственного комплекса России. В 2020 году на долю товаров нижнего передела приходилось 72,9% от общего экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Доля продукции среднего и верхнего переделов составляла 9,8% и 17,3% соответственно.

Ориентация российских экспортеров на сырьевые сегменты мирового продовольственного рынка связана с благоприятной экономической конъюнктурой. Высокий уровень неопределенности и рисков на глобальном продовольственном рынке, ориентация развитых стран на стабилизацию национальных рынков привели к резкому росту мировых цен на сырьевые товары, что стимулировало российских экспортеров. Период с 2021 по 2014 год характеризуется приростом экспорта товаров нижнего передела как в стоимостном, так и в натуральном выражении [7].

Из 30 товарных категорий среднего передела 18 товаров показали рост как в стоимостном, так и в физическом объеме. Произошло укрепление конкурентных позиций производителей муки, рыбного филе, сахара, дрожжей и других продуктов. Нарушение логистических цепочек в результате пандемии COVID-19 и санкций

позволило России увеличить экспорт товаров среднего передела в страны Ближнего зарубежья.

Рост экспорта в натуральных и стоимостных показателях товаров верхнего передела наблюдался по 13 товарным позициям, которые составляют 68,4% от экспорта товаров верхнего передела (рис. 2). Мировые цены на продукты глубокой переработки в исследуемом периоде росли медленнее, чем на сырьевые товары. Поэтому экспорт товаров верхнего передела в натуральных показателях превышал их рост в стоимостных показателях.

Рис. 2. Структурная адаптация экспортного профиля продукции агропродовольственного комплекса верхних переделов (2021 г., в процентах к уровню 2014 г.)

Анализ изменения темпов прироста экспорта в стоимостных и натуральных показателях позволил выявить зону конъюнктурного бонуса, где при незначительном росте объемов экспорта производители получают дополнительную прибыль в основном в результате роста цен на глобальном продовольственном рынке. Товары, попавшие в зону опережающего роста, характеризуются увеличением объема экспорта даже при незначительном росте цены.

Выявление ключевых трендов, формирующих условия развития мирового и российского продовольственных рынков, и их последующая экстраполяция позволили спрогнозировать изменение динамики и структуры экспорта агропродовольственного комплекса России на краткосрочный период. Расчеты показали дальнейшее увеличение экспорта агропродовольственной продукции нижних переделов до 74% в общей структуре российского экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Доля экспорта продуктов средних переделов вырастет до 14%, а доля продукции верхних переделов снизится до 12%. Перспективными направлениями адаптации российского агропродовольственного комплекса к внешним ограничениям являются диверсификация экспорта агропродовольственного комплекса, рост доли экспорта продукции глубокой переработки.

Обсуждение и выводы

Санкционные ограничения заставили выйти российских экспортеров сельскохозяйственной продукции и продовольствия из «зоны комфорта», активизировать

поиск перспективных стратегий развития внешнеэкономической деятельности агропродовольственного комплекса. В условиях кризисных явлений в мировой экономике и экономике России сохраняется положительная динамика в основных отраслях агропродовольственного комплекса – сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Дальнейшее нарастание дестабилизирующих факторов на внутреннем продовольственном рынке России, таких как падение доходов населения, продовольственная инфляция, снижение емкости отдельных сегментов продовольственного рынка, может отрицательно отразиться на функционировании агропродовольственного комплекса. Поэтому развитие экспортного потенциала агропродовольственного комплекса, формирование эффективной системы поддержки российских экспортеров является перспективным направлением устойчивости продовольственной системы России.

Перспективными направлениями совершенствования внешнеторговой деятельности агропродовольственного комплекса России являются диверсификация экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия и рост экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью.

Диверсификация российского экспорта агропродовольственной продукции оценивается как средняя. Однако, учитывая сельскохозяйственный потенциал России, прежде всего естественные ресурсы, можно отметить, что национальные производители могут поставлять на внешние рынки более богатый ассортимент сельскохозяйственной продукции и продовольствия. В ближайшее время возможно расширение номенклатуры продукции на сегментах продовольственного рынка, где страна имеет устойчивые конкурентные преимущества, – рынки зерновых и масличных культур. Благоприятная ситуация складывается на отдельных сегментах мирового рынка мяса и мясopодуKтов, продукции мукомольно-крупяной промышленности.

Предпосылки для диверсификации российского экспорта формируют сдвиги в структуре общественного производства, связанные с внедрением инноваций. Развитие высокотехнологичных производств, изменение потребительских предпочтений потребителей, формирование инновационных сегментов продовольственного рынка открывает новые возможности для расширения внешнеэкономической деятельности национального агропродовольственного комплекса. Стратегическим направлением развития российского экспорта должны стать изменения в его структуре, направленные на сокращение вывоза сырьевых ресурсов и увеличение доли товаров глубокой переработки. Усиление действия дестабилизирующих факторов требует расширения государственного регулирования развития агропродовольственного комплекса, концентрации внимания и ресурсов на приоритетных направлениях обеспечения продовольственной безопасности и устойчивости функционирования комплекса.

Библиографический список

1. Krylatyh E.N., Belova T.N. *Russian grain exports in the context of regional economic policy (2018) Economy of Region*, 14 (3), pp. 778–790. doi:10.17059/2018-3-7.
2. Алтухов А.И. *Важный фактор активного расширения экспорта российского зерна // Экономика сельского хозяйства России. 2013. № 9. С. 24–35.*
3. Митин С.Г., Серегин С.Н., Сысоев Г.В. *Экспорт продукции АПК: проблемы и основные ориентиры развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 219. С. 26–46.*

4. Романюк М.А., Чекмарева Н.В., Сухарникова М.А. Перспективы развития экспорта продукции АПК в условиях кризиса // *Образование и право*. № 11. 2020. С. 443–448. doi:10.24411/2076-1503-2020-11172.
5. *Регулирование экспорта сельскохозяйственных товаров в России и за рубежом: монография* / О.И. Пантелеева, Л.С. Ревенко, Н.В. Акканина, М.А. Романюк. Под редакцией О.И. Пантелеевой, Л.С. Ревенко. – Москва: Изд-во Экономика, 2017. – 229 с.
6. Яковенко Н.А., Иваненко И.С., Воронов А.С. Диверсификация агропродовольственного комплекса России // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2019. № 5. С. 69–73.
7. Яковенко Н.А., Иваненко И.С., Воронов А.С. Тенденции развития российского экспорта агропродовольственной продукции в условиях санкционных ограничений // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2022. № 6. С. 598–602.

References

1. Krylatyh E.N., Belova T.N. Russian grain exports in the context of regional economic policy (2018) *Economy of Region*, 14 (3), pp. 778–790. doi:10.17059/2018-3-7.
2. Altuhov A.I. Vazhnyj faktor aktivnogo rasshireniya eksporta rossijskogo zerna // *Ekonomika sel'skogo hozyajstva Rossii*. 2013. № 9. S. 24–35.
3. Mitin S.G., Seregin S.N., Sysoev G.V. Eksport produkcii APK: problemy i osnovnye orientiry razvitiya // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2019. T.219. S. 26–46.
4. Romanyuk M.A., CHEkmareva N.V., Suharnikova M.A. Perspektivy razvitiya eksporta produkcii APK v usloviyah krizisa // *Obrazovanie i pravo*. № 11. 2020. S. 443–448. doi:10.24411/2076-1503-2020-11172.
5. *Regulirovanie eksporta sel'skohozyajstvennyh tovarov v Rossii i za rubezhom: monografiya* / O.I. Panteleeva, L.S. Revenko, N.V. Akkanina, M.A. Romanyuk. Pod redakciej O.I. Panteleevoy, L.S. Revenko. – Moskva: Izd-vo Ekonomika, 2017. – 229 s.
6. Yakovenko N.A., Ivanenko I.S., Voronov A.S. Diversifikaciya agroproduovol'stvennogo kompleksa Rossii // *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal*. 2019. № 5. S. 69–73.
7. Yakovenko N.A., Ivanenko I.S., Voronov A.S. Tendencii razvitiya rossijskogo eksporta agroproduovol'stvennoj produkcii v usloviyah sankcionnyh ogranichenij // *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal*. 2022. № 6. S. 598–602.

Контактная информация / Contact information

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»
410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94.

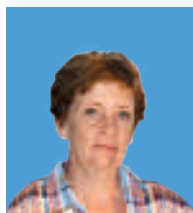
Institute of Agrarian Problems – separate structural subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center “Saratov Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, 94, Moskovskaya Str., Saratov, 410012, Russia.

Яковенко Наталья Анатольевна / Natalya A. Yakovenko
yana0206@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ АФРИКИ

PROMISING AREAS OF TRADE AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND AFRICAN COUNTRIES

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-184-193

МОРОЗЕНСКАЯ Евгения Викторовна

Заведующая Центром изучения проблем переходной экономики Института Африки РАН, к.э.н., эксперт РАН

Evgenia V. MOROZENSKAYA

Head of the Centre for Transitional Economy Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, PhD (Economics), Expert of the Russian Academy of Sciences

Аннотация

Статья посвящена различным аспектам экономического взаимодействия России и стран Африки в торговой, производственной, инвестиционной, финансовой, технологической и образовательной сферах. Наряду с опытом реализации совместных инвестиционных проектов в энергетике, транспортном машиностроении, геолого-разведке и др. рассмотрены перспективные для дальнейшей практической кооперации направления, включая освоение новых технологий и расширение возможностей подготовки в российских вузах квалифицированных кадров для Африки, в т.ч. для отраслей энергетики и транспорта.

Abstract

The article is devoted to various aspects of economic cooperation between Russia and African countries in trade, production, investment, financial, technological and educational spheres. Along with the experience of implementing joint investment projects in energy, transport engineering, geological exploration, etc., promising areas for further practical cooperation were considered, including the development of new technologies, applied research and expanding opportunities for training qualified personnel for Africa in Russian universities, including for the energy and transport.

Ключевые слова Африка, Россия, экономическое развитие, потенциал сотрудничества, торговля, энергетика, геологоразведка, добывающая промышленность, профессиональное образование.

Keywords Africa, Russia, economic development, potential for cooperation, trade, energy, geological exploration, mining industry, vocational education.

На фоне роста влияния переломных глобальных процессов (технологической революции, пандемии COVID-19, геополитических сдвигов, климатических катаклизмов) с 2010-х гг. разворачивается новый этап хозяйственного развития Африки. Она стала одним из самых быстро развивающихся макрорегионов (прирост общеафриканского ВВП в 2019 г. составил 3,4% (в 2020 г. 3,9%), а среднегодовой прирост реального ВВП восточноафриканского региона за 2010–2018 гг. – почти 6% [1]). При этом большинство стран континента остаются недостаточно устойчивыми в политическом и хозяйственном отношении, что находит отражение, в частности, в наблюдаемой тенденции к снижению объемов международной торговли континента (на 10,5%, или \$105 млн, за период 2010–2020 гг. [2]).

Располагая значительными запасами востребованного на мировых рынках минерального сырья и продуктов тропического земледелия, страны Африки остаются частью экономической периферии мира, а их промышленную и внешнеторговую политику продолжают определять не столько конкурентные, сколько сохраняющиеся почти в неизменном виде сравнительные преимущества, что в значительной степени препятствует проведению реальных хозяйственных преобразований. Современная фаза процесса интернационализации рынков товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и знаний оценивается представителями африканской интеллектуальной и политической элиты либо как очередной этап закрепления существующих (как правило, неравноправных) позиций стран континента в мировой экономике в качестве источника доступного, нередко уникального, сырья и дешевой рабочей силы, либо как процесс, к которому необходимо приспособиться и использовать в своих национальных и региональных интересах.

Изменить свое положение в мировой экономике африканские государства пытаются при помощи, с одной стороны, все более заметного стремления к внутриконтинентальному регионализму, а с другой стороны – расширения направлений и модернизации форм внешнеэкономического сотрудничества. В связи с этим они начинают тяготеть к новым центрам роста, способным обеспечить улучшение их позиций в мировой экономике. Все более заметную роль в этом процессе играют планы и программы российско-африканского сотрудничества, увеличение количества и расширение возможностей практической реализации которых становятся все более актуальными.

Для этого имеются и институциональная база в виде Межправительственных комиссий по экономическому и научно-техническому сотрудничеству РФ с отдельными странами Африки (МПК), и многолетний опыт работы на континенте российских энергетических, добывающих и промышленных компаний, и взаимная торговля, и совместная деятельность в образовательной, научной, гуманитарной и культурной сферах.

Основными торговыми и экономическими партнерами России в Африке являются Египет, ЮАР, Ангола, Мозамбик, Намибия, Зимбабве (с 2014 г.) и Эфиопия [3] (ее товарооборот с РФ в 2021 г. составил \$225,2 млн, в 5,4 раза превысив показатели 2015 года [4]). Круг африканских партнеров наверняка будет расширен после недавних визитов министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в страны континента, а также по итогам Второго саммита и Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка «За мир, безопасность и сотрудничество» (Санкт-Петербург, 27–28 июля 2023 г.).

Появляющиеся в Африке новые возможности для инфраструктурного, энергетического и технологического развития стимулируют совершенствование действующих и появление новых направлений экономического взаимодействия с Россией. В связи с этим возрастает необходимость в определенном обновлении политико-экономических целей сотрудничества и поиске средств для их достижения у обеих сторон. Это касается практически всех сфер – торговой, производственной, инвестиционной, финансовой, технологической, научно-образовательной.

Наибольший задел для развития российско-африканских отношений сохраняется **в добывающих отраслях**. Например, РФ испытывает дефицит в необходимых для развития высокотехнологичных производств ресурсах – таких как платина (в Африке сейчас сконцентрировано до 83% мировых запасов платины и различных платиноидов), кобальт (47% мировых запасов), марганец, палладий, уран, хром, а также магний, колтан, ниобий, ванадий, литий. Их освоение с использованием российских технологических разработок может стать перспективным направлением сотрудничества.

Среди российских предприятий, успешно действующих в добывающей промышленности стран Субсахарской Африки, – алмазодобывающая компания «Алроса» (на крупнейшем месторождении Анголы «Катока» ее доля достигла 41%); «Русал», разрабатывающий бокситы в Гвинее (месторождения Фригия и Диан-Диан); ИПГ «Ви-Холдинг», реализующий в Зимбабве проект крупнейшего месторождения металлов платиновой группы «Дарвендейл»; компания «Нордголд», ведущая добычу золота в Буркина-Фасо и Гвинее.

Активны в Африке ведущие нефтегазовые компании: «Роснефть» – в Египте и Мозамбике (где выиграла тендер на разведку запасов газа на континентальном шельфе); «ЛУКОЙЛ» – в Сьерра-Леоне, Кот-д’Ивуаре, Нигерии, Гане, Республике Конго, Камеруне и Египте; «Транснефть» – в Марокко и Алжире; «Стройтрансгаз» – в Алжире и Судане и ряд других. Кроме того, возникают и новые ситуации в энергетической отрасли, в решении которых в перспективе могли бы принять участие российские добывающие предприятия (например, «Газпром» – в связи с грядущим окончанием в период 2050–2060 гг. срока финансирования газовых проектов в Нигерии крупными западными компаниями и международными финансовыми институтами). По прогнозам на ближайшее десятилетие, ожидается увеличение прироста добычи нефти в африканских странах, обладающих огромными запасами углеводородов. Однако в настоящее время производство нефти в этих странах снижается, а крупных нефтеперерабатывающих заводов в Африке мало (действуют только в Нигерии, Алжире, ЮАР и Марокко), и они периодически испытывают проблемы с поставками нефти.

Между тем африканский рынок сбыта энергоносителей огромен, а РФ, в свою очередь, заинтересована в расширении поставок, включая *нефтепродукты (прежде*

всего, дизельного топлива, продажи которого в европейские страны резко сократились из-за санкций). Одновременно в 2022–2023 гг. возрос экспорт российских нефтепродуктов в страны Северной Африки (в Марокко – в 10 раз, в Тунис – в 17 раз) [5]. В настоящее время российские компании ведут переговоры с Суданом, Конго, Ливией об участии в новых добывающих проектах. Как заявил главный исполнительный директор кенийской нефтяной корпорации Natl Oil Corp Лепаран Гидеон Моринтат, выступая на Энергетической панели ПМЭФ-2023 (г. Санкт-Петербург, июнь 2023 г.), «компетенции российских энергетических компаний, прежде всего таких как «Роснефть», в сфере геологоразведки, добычи и построения соответствующей инфраструктуры, безусловно, могут помочь Национальной нефтяной компании Кении более эффективно монетизировать и разрабатывать недавно открытые месторождения в стране¹ и эффективно использовать наш мандат по созданию энергетической стоимостной цепочки. Вне всякого сомнения, Россия может активно присутствовать на кенийском рынке, и, что еще более важно, это может предполагать и создание совместных предприятий» [6].

Расширение взаимовыгодных связей стран Африки и России как производителей и экспортеров минерального сырья может касаться как согласования их позиций на мировых рынках, так и более активного участия российского капитала в геологоразведке, добыче и переработке полезных ископаемых на территории африканских стран в интересах экономического развития обеих сторон. Добывающие отрасли в предстоящие годы могут составить основу долгосрочного роста международной конкурентоспособности стран Африки. Однако это возможно только в том случае, если за счет доходов от расширения экспорта сырья им удастся расширить перерабатывающие и создать средне- и высокотехнологичные обрабатывающие производства (например, электро- и телекоммуникационного оборудования, медицинских и измерительных приборов, химической и автосборочной промышленности и др.).

Обрабатывающая промышленность Африки также предоставляет достаточно широкие возможности для сотрудничества с РФ: например, «Русал» владеет 85% акций нигерийского предприятия по производству алюминия «Алскон», АО ВО «Тяжпромэкспорт» готовится принять участие в восстановлении металлургического комбината в г. Аджакута (Нигерия), построенного в 1970–1990-е гг. и ставшего крупнейшим объектом советской внешнеэкономической деятельности СССР в Западной Африке. В *Egypte* совместными усилиями правительств двух стран, государственных институтов развития и бизнес-сообществ на площадке «Восточный Порт-Саид» экономической зоны Суэцкого канала создается *Российская промышленная зона (РПЗ)*². Это первый для Египта опыт государственного инвестирования и создания

1 Первые месторождения нефти были обнаружены в Кении в 2012 г. в долине Локичар. Извлекаемые запасы месторождения достигают 560 млн барр. нефти. Полноценная добыча нефти осложняется отсутствием нефтепровода до портов отгрузки.

2 Рамочные соглашения заключены с 25 компаниями-резидентами, среди которых производители биохимии и удобрений, строительных материалов и металлоконструкций, композитных материалов, сельскохозяйственной техники, электротехнического и нефтегазового оборудования, портовой оснастки и др. Производственный комплекс площадью 525 га будет разворачиваться поэтапно. Резиденты смогут воспользоваться современной инженерной и коммунальной инфраструктурой, для компаний будут действовать льготы и преференции, связанные с налогообложением, таможенными пошлинами на экспорт и импорт, затратами на персонал и оплатой прохождения Суэцкого канала. Предусмотрена возможность 100%-ной репатриации полученной выручки, при этом не будет требований, касающихся наличия египетского партнера.

механизма поддержки заинтересованных компаний для их выхода на иностранные рынки. Подобная зона выгодно отличается от ориентированных исключительно на экспорт производственных кластеров типа особых экономических зон и технопарков, так как предоставляет дополнительные конкурентные преимущества иностранным компаниям для их выхода на местные рынки.

В сфере высоких технологий успешное сотрудничество с Африкой демонстрирует, прежде всего, российская госкорпорация «Росатом» – помимо активного участия в строительстве АЭС эд-Дабаа в Египте, прорабатываются проекты по созданию центров ядерной науки и технологий в Замбии, Нигерии, Эфиопии, есть соответствующие перспективы в Гане и Танзании, ведутся переговоры о строительстве АЭС в ЮАР.

Ядерные технологии, безусловно, могут помочь в решении проблем с энергоснабжением стран Африки, где почти половина населения не имеет полноценного доступа к электроэнергии. У «Росатома» уже полностью сформирована нормативная база сотрудничества (включая контрактные документы) с 1/3 стран Африки, а примерно с половиной всех стран континента обсуждаются конкретные проекты. С начала 2000-х гг. соглашения о сотрудничестве в использовании ядерных технологий были подписаны Россией с Алжиром, Анголой, Ганой, Кенией, Марокко, Намибией, Угандой. Например, подписанное в 2009 г. соглашение с Нигерией предполагает проектирование АЭС и создание ядерного центра с многоцелевым исследовательским реактором, с Эфиопией (в 2016 г.) – использование ядерных технологий в медицине, сельском хозяйстве и промышленности, с Замбией (в 2017 г.) – строительство Центра ядерной науки и технологий [7].

Более развитые африканские экономики (Египет, Нигерия, ЮАР и ряд других) стремятся активно встраиваться в ускоряющиеся глобальные процессы массовой цифровизации, внедрения инноваций, усовершенствования методов управления производством, наукой и профессиональным образованием и т.д. Для обеспечения полноценного функционирования действующих и будущих высокотехнологичных объектов, возводимых и эксплуатируемых при участии России, необходимо продолжать поддержку африканских стран в проведении модернизации их экономик на основе российских современных технологий и участия в подготовке кадров.

Привлечение российских малых и средних предпринимателей к деятельности на африканском континенте, в т.ч. в обрабатывающих отраслях и сфере услуг, невозможно без предоставления им, во-первых, знаний о востребованных направлениях для взаимовыгодного сотрудничества и об особенностях ведения бизнеса в принимающих государствах, а во-вторых – возможностей финансирования их проектов. При посредничестве РСПП (Российского союза промышленников и предпринимателей) компании, в том числе государственно-частные партнерства, могут пройти путь от открытия представительства или, например, выставочно-торгового центра, а затем и торговых объектов по продаже товаров из России до организации совместных производств (например, по сборке, обслуживанию требуемой техники и оборудования с одновременным привлечением и профессиональной подготовкой кадров).

С учетом местного спроса и возможностей расширения экспорта востребованным наверняка будет создание фабрик, цехов (например, по деревообработке – на базе российского оборудования и африканского сырья). Смягчению

продовольственной проблемы, сохраняющей большую остроту на континенте, может способствовать создание «под ключ» птицеводческих, животноводческих и других сельскохозяйственных производств. Важным направлением сотрудничества может стать строительство очень востребованного в быстро урбанизирующейся Африке жилья, а также оздоровительных центров и гостиниц, необходимых для активно развивающейся во многих странах континента туристической отрасли.

Вместе с тем **инвестиционный климат** практически во всех африканских государствах редко является привлекательным для предпринимателей (последнее наблюдается чаще всего в странах со значительными запасами минерального сырья и других природных ресурсов), тогда как негативное влияние нередко оказывает социальная и политическая нестабильность. Однако Африка, обладающая колоссальным потенциалом будущего развития, привлекает все больше инвесторов. Немаловажную роль в этом играет расширение возможностей финансирования их проектов. В последнее время наблюдается рост интереса крупнейших российских банков к финансовой поддержке деятельности отечественных предпринимателей в Африке – на фоне определенного смягчения инвестиционного климата в ряде государств континента (прежде всего за счет введения ими налоговых льгот для иностранных инвесторов). Среди таких банков – имеющие дочерние структуры в Африке «Газпромбанк» (в ЮАР), «ВТБ» (в Анголе), «Ренессанс Капитал» (в Кении, Нигерии, ЮАР и Египте), а также «Внешэкономбанк» (в ЮАР). Особую роль в этом процессе призваны играть Российский экспортный центр (РЭЦ), ставший в 2018 г. акционером Афрэксимбанка³, и Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСПАР).

По мере расширения административных возможностей и форм инвестиционного сотрудничества России и стран Африки проявляются и связанные с этим риски – как для непосредственных участников торгово-экономических отношений, так и для их посредников – кредитных организаций. Здесь можно выделить две ключевые проблемы: во-первых, неурегулированность правовых и административных норм и уже отмеченную суровость инвестиционного климата, во-вторых – недостаточную развитость африканского рынка (об этом свидетельствует, в частности, малый объем межафриканской торговли, составляющей 20% совокупного товарооборота стран континента).

Эти же обстоятельства ограничивают объем и российско-африканской торговли: хотя он и удвоился за пять доковидных лет, но в 2019 г. достигал лишь \$20 млрд. В значительной степени это связано с недостаточностью внутриконтинентальной инфраструктуры, прежде всего транспортной, а также межгосударственной и межрегиональной несогласованностью в сфере таможенно-тарифной политики и программ продвижения экспорта. Пути решения этих проблем, как признают сами африканские государства, связаны с необходимостью усиления роли региональной и общеконтинентальной экономической интеграции. Кардинальное увеличение объема и расширение номенклатуры межафриканской торговли ожидается в ходе реализации подписанного в 2019 г. всеми странами – членами Африканского союза (АС) Соглашения о создании Африканской континентальной зоны свободной тор-

³ Африканский экспортно-импортный банк (African Export-Import Bank, Afreximbank), участвующий в обосновании и проработке инвестиционных проектов в различных регионах Африки, был создан в 1993 г. при участии 50 государств-членов со штаб-квартирой в Каире (Египет) и отделениями в Абиджане (Кот-д'Ивуар), Абудже (Нигерия), Хараре (Зимбабве), Кампале (Уганда) и Яунде (Камерун).

говли, АКЗСТ (African Continental Free Trade Area, AfCFTA). Создание рынка, объединяющего все страны – члены АС с населением около 1,4 млрд человек и совокупным ВВП более \$3,4 млрд [8], будет способствовать росту внутреннего потребления в Африке и в перспективе – проведению индустриализации, а следовательно, появлению новых возможностей для внешнеэкономического сотрудничества.

Предполагается заключение соглашения **о взаимодействии АКЗСТ с ЕАЭС** (Евразийским экономическим союзом) – значение такого шага возрастает в текущей экономической ситуации, во многом предопределяемой санкционными реалиями [9]. На состоявшемся 26 мая 2022 г. в г. Бишкеке (Киргизия) Евразийском экономическом форуме среди первоочередных мер для достижения ежегодного прироста совокупного ВВП ЕАЭС в размере 4,5–5,5% (в 2021 г. он составил 4,7%) были намечены, в частности, расширение возможностей внутреннего рынка стран – членов ЕАЭС и создание благоприятных условий для инвестиций, в т.ч. иностранных, в реальный сектор их экономики [10, с. 2].

В этом отношении у ЕАЭС есть неплохой задел в Африке: в 2018 г. товарооборот Союза со странами континента достиг рекордного показателя – \$21,7 млрд. Несмотря на некоторое снижение в 2020 г. (до \$15,5 млрд), в 2021 г. он увеличился на 21,9% (до \$18,9 млрд), в т.ч. экспорт стран ЕАЭС вырос на 24,0% (до \$15,4 млрд), импорт – на 13,7% (до \$3,5 млрд) [11]. При этом доля Африканского союза в совокупном объеме внешней торговли ЕАЭС остается незначительной (около 2%), а основная часть экспорта стран ЕАЭС в Африку (свыше 80%) приходится лишь на пять стран – Египет, Алжир, Марокко, ЮАР и Сенегал. Это является отражением не только узости ассортимента взаимного товарооборота Африки и ЕАЭС, но и относительной неразвитости таких направлений, как прямое инвестирование в экономики стран – участниц АС, включение имеющихся там производств в цепочки создания стоимости на предприятиях, действующих в ЕАЭС.

В этих условиях потребуется принятие мер по увеличению и диверсификации товарного экспорта России (и шире – ЕАЭС) в страны Африки. Для этого необходима организация соответствующих каналов международного финансирования, в т.ч. создание условий для деятельности российских банков в Африке и защита их от валютных и кредитных рисков (вследствие значительной волатильности местных валют, а также возрастания объемов задолженности местных предпринимателей по кредитам). Гарантией может стать получение банками информации о структуре возможных затрат в принимающей стране, а также использование инфраструктуры африканских банков и их опыта взаимоотношений с местными компаниями.

Актуальной в текущей ситуации становится и разработка альтернативных доллару США и евро моделей проведения международных расчетов, в т.ч. с Африкой. Госкорпорация ВЭБ.РФ предлагает, например, создать Единый клиринговый центр для дружественных России государств с целью конвертирования национальных валют в рамках торговых расчетов без привязки к доллару США. В этом случае Центробанки стран-участниц смогли бы определять курсы своих валют к центральной «клиринговой валюте». Способствовать этому может и рассматриваемое в настоящее время расширение панафриканской платежной системы, что позволит странам континента активнее использовать для торговых расчетов собственные валюты. К концу 2023 г. до 20 африканских государств намерены присоединиться к Панафриканской платежно-расчетной системе (Pan-African Payment and

Settlement System, PAPSS). С ее помощью уже проводятся коммерческие операции между девятью зарегистрированными в ней странами, а национальные Центробанки разрабатывают механизм обменного курса для взаимного конвертирования 42 африканских валют. Кроме того, в целях упрощения международных расчетов и движения инвестиционного капитала в Каире (Египет) 26.04.2023 г. было подписано соответствующее соглашение между PAPSS и Ассоциацией африканских фондовых бирж (African Stock Exchanges Association, ASEA) [12].

В условиях недостаточного финансирования ограничены возможности применения в Африке сложных технологий, в значительной степени зависящих от иностранных инвестиций и грантов международных институтов развития. Поэтому наиболее доступными для африканских государств **источниками инноваций** остаются следующие: импорт готовых иностранных разработок, передача технологий путем внедрения новых методов производства или видов товаров непосредственно в принимающей стране, приглашение иностранных специалистов, обучение местного персонала за рубежом. Так, в 2021 г. в российских вузах обучались почти 15 тыс. студентов из стран Африки южнее Сахары (наибольшее количество стипендий за счет государственного бюджета РФ – 70 ежегодно – получает Зимбабве). Предполагается увеличить количество стипендий, особенно для подготовки специалистов в сфере транспорта и энергетики, инженеров и техников для атомной отрасли. *«Росатом», например, в течение нескольких лет предоставляет стипендии для молодых специалистов из африканских стран, позволяющие пройти обучение в области проектирования, строительства и эксплуатации АЭС, реакторов для медицинских и научно-исследовательских целей.* Кроме того, рассматриваются вопросы приглашения российских ученых в Эфиопию для преподавания в местных университетах. Россия готова продолжать сотрудничество с государствами континента в проведении модернизации их экономик на основе современных технологий и участия в подготовке соответствующих квалифицированных кадров.

Расширение возможностей для выхода российских компаний на африканские рынки связано с тем, что континент превращается в бурно растущий центр экономического развития на ближайшие десятилетия и все больше привлекает отечественных производителей. Новая динамика российско-африканских торгово-экономических отношений зависит в первую очередь от развития партнерства в тех областях и по тем направлениям, где Россия обладает конкурентным потенциалом, производственными мощностями, высокими компетенциями и опытом. При этом перспективы долгосрочного стратегического сотрудничества связаны с реализацией совместных межгосударственных проектов, включающих добычу сырья, строительство АЭС, объектов промышленной инфраструктуры, транспортных систем (в т.ч. железнодорожных и трубопроводных), развитие ВИЭ, модернизацию аграрного производства и др. Важнейшим условием такого партнерства являются государственные гарантии финансирования российского экспорта, которые постепенно становятся действующим механизмом поддержки поставок необходимого Африке оборудования (технологического, сельскохозяйственного, транспортного и проч.), покрывая недостаток инвестиционного капитала.

Библиографический список

1. AFDB. *African Economic Outlook 2020 “Developing Africa’s Workforce”*. 30-Jan-2020. – African Development Bank Group – 2020 <https://www.afdb.org/en/documents/african-economic-outlook-2020>; AFDB. *East Africa Economic Outlook 2019*. – African Development Bank 2019 https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2019AEO/REO_2019_-_East_Africa_.pdf ISBN 978-9938-882-97-1 (print) ISBN 978-9938-882-97-1 (electronic) (last accessed 10.07.2023).
2. UNCTAD. UNCTADSTAT. *Trade Value and Volume / Table report: Merchandise Total trade and share, annual* <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (last accessed 10.07.2023).
3. Морозенская Е.В., Калиниченко Л.Н. *Эфиопия: социально-экономическое развитие и возможности сотрудничества с Россией в науке и производстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. М., 2022. Т. 15, № 4. С. 181–200. DOI: 10/31249/kgf/2022.04.10 ISSN: 2542-0240 (PRINT), ISSN: 2587-9324 (ONLINE).
4. *Торговля между Россией и Эфиопией. 2021 // Внешняя торговля России. 12 февраля 2022* <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-efiopiye-v-2021-g/> (last accessed 10.07.2023).
5. Подобедова Л. *Россия и Африка: новый этап большой энергетики // Энергетическая политика: общественно-деловой научный журнал*. 19.04.2023. № 4. С. 34–41. DOI 10.46920/2409-5516_2023_4182_34 ISSN: 2409-5516 (energypolicy.ru) (last accessed 10.07.2023).
6. *Кения приглашает «Роснефть» к участию в нефтегазовых проектах в стране // Энергетическая политика: общественно-деловой научный журнал*. 17.06.2023 ISSN: 2409-5516 (energypolicy.ru) (last accessed 10.07.2023).
7. *Научно-технологический потенциал современной Африки. Коллективная монография*. М.: ИАФР РАН 2022. – 278 с. Гл. 18–20. ISBN 978-5-91298-277-4.
8. Luke D., Judith Ameso J., Girma M. *AfCFTA involves country and regional economic community actions // GBN: Ghana Business News*. May 12, 2021. <https://www.ghanabusinessnews.com/2021/05/11/afcfta-involves-country-and-regional-economic-community-actions> (last accessed July 15, 2023).
9. Морозенская Е.В. *Перспективы сотрудничества ЕАЭС и АфКЗСТ // Сотрудничество участников Евразийского экономического союза со странами Африки*. – М.: Институт Африки РАН, 2022. – 236 с. С. 16–23. ISBN 978-5-91298-284-2.
10. *Деятельность Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // М.: Коммерсантъ*, 27 мая 2022 г., № 92. <https://www.kommersant.ru/doc/5369371> (last accessed 31.05.2022).
11. Сергей Глазьев: *Приглашаю Африканский континент к сотрудничеству с ЕАЭС в создании новой финансово-экономической архитектуры*. 17.06.2022 <https://eec.eaeunion.org/news/sergey-glazev-priglasayu-afrikanskiy-kontinent-k-sotrudnichestvu-s-eaes-v-sozdanii-novoy-finansovo-/> (last accessed 10.07.2023).
12. *PAPSS and ASEA forge strategic partnership to revolutionize cross-border payment of Stock Exchanges in Africa*. Cairo, 26 April 2023 <https://www.afreximbank.com/papss-and-asea-forge-strategic-partnership-to-revolutionize-cross-border-payment-of-stock-exchanges...> (last accessed 06.07.2023).

References

1. AFDB. *African Economic Outlook 2020 “Developing Africa’s Workforce”*. 30-Jan-2020. – African Development Bank Group – 2020 <https://www.afdb.org/en/documents/african-economic-outlook-2020>; AFDB. *East Africa Economic Outlook 2019*. – African Development Bank 2019 https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2019AEO/REO_2019_-_East_Africa_.pdf ISBN 978-9938-882-97-1 (print) ISBN 978-9938-882-97-1 (electronic) (last accessed 10.07.2023).

2. UNCTAD. UNCTADSTAT. Trade Value and Volume / Table report: Merchandise Total trade and share, annual <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (last accessed 10.07.2023).
3. Morozenskaya E.V., Kalinichenko L.N. Ethiopia: Socio–Economic Development and Potential for Cooperation with Russia in Scientific and Production Spheres. // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 181–200. DOI: 10/31249/kgf/2022.04.10 ISSN: 2542-0240 (PRINT), ISSN: 2587-9324 (ONLINE).
4. Russian trade with Ethiopia in 2021. Feb 16, 2022 // *Russian foreign trade reports and reviews*. – 2022. – URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-efiopiey-v-2021-g/> (last accessed 10.07.2023).
5. Podobedova L. Russia and Africa: a new stage of big energy // *Energy Policy: Public Business Science Magazine*. 19.04.2023 №4, pp. 34–41. DOI 10.46920/2409-5516_2023_4182_34 ISSN: 2409-5516 (energypolicy.ru).
6. Kenia priglashaet Rosneft k uchastiyu v neftegazovyh proektah v strane // *Energy Policy: Public Business Science Magazine*. 17.06.2023 ISSN: 2409-5516 (energypolicy.ru).
7. *Scientific and Technological Potential of Modern Africa*. Collective monograph. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2022. Ch. 18–20. ISBN 978-5-91298-277-4.
8. Luke D., Judith Ameso J., Girma M. AfCFTA involves country and regional economic community actions // *GBN: Ghana Business News*. May 12, 2021. <https://www.ghanabusinessnews.com/2021/05/11/afcfta-involves-country-and-regional-economic-community-actions> (last accessed July 15, 2023).
9. Morozenskaya E.V. Prospects for Cooperation between the EAEU and AfCFTA // *Cooperation between the member countries of the Eurasian Economic Union and African countries*. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2022, pp. 16–23. ISBN 978-5-91298-284-2.
10. Activity of the Eurasian Economic Union (EAEU) // *Kommersant*, May 27, 2022, No. 92. <https://www.kommersant.ru/doc/5369371> (last accessed 31.05.2022).
11. Sergey Glazev: priglashayu afrikanskiy kontinent k sotrudnichestvu s EAES v sozdanii novoy finansovo-ekonomicheskoy arhitektury, 17.06.2022 <https://eec.eaeunion.org/news/sergey-glazev-priglashayu-afrikanskiy-kontinent-k-sotrudnichestvu-s-eaes-v-sozdanii-novoy-finansovo-/> (last accessed 10.07.2023).
12. PAPSS and ASEA forge strategic partnership to revolutionize cross-border payment of Stock Exchanges in Africa. Cairo, 26 April 2023 <https://www.afreximbank.com/papss-and-asea-forge-strategic-partnership-to-revolutionize-cross-border-payment-of-stock-exchanges...> (last accessed 06.07.2023).

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ «Институт Африки Российской Академии наук»
123001 г. Москва, ул. Спиридоновка д. 30/1.
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
30/1, Spiridonovka Str., Moscow, 123001, Russia.
Морозенская Евгения Викторовна / Evgenia V. Morozenskaya
evmorozen@mail.ru

МЕСТО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ДЕГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

THE PLACE OF THE EUROPEAN UNION IN DEGLOBALIZATION PROCESSES

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-194-203

НЕВСКАЯ Наталья Александровна

Ведущий научный сотрудник отдела экономических исследований Института Европы РАН, к.э.н., доцент

Natalia Aleksandrovna NEVSKAYA

leading researcher of the department of economic research of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Ph. D. (Economy)

Аннотация

В статье рассматривается динамика глобализационных процессов, анализируется роль Европейского союза в деглобализации как цели достижения экономического преимущества стран Европейского союза в новом технологическом укладе. Для анализа используются данные Швейцарского экономического института. В результате анализа индекса глобализации за последние 50 лет выявлено большое влияние стран Европейского союза как на мировую экономическую глобализацию, так и на политическую составляющую глобализации. Для Европейского союза деглобализация может быть элементом долгосрочной стратегии с целью перехода европейских компаний на новый технологический уклад и достижения экономического лидерства в долгосрочном периоде. Рассмотрен механизм реализации деглобализационных процессов в частном секторе европейской экономики.

Abstract

The paper discusses the dynamics of globalization processes, analyzes the role of the achieving the economic advantage of the European Union countries in deglobalization as the goal of achieving the economic advantage of the countries of the European Union in the new technological order. The analysis uses data from the KOF Swiss Economic Institute. As a result of the analysis of the globalization index over the past 50 years, the great influence of the countries of the European Union both on world economic globalization and on the political component of globalization has been revealed. Deglobalization can be an element of a long-term strategy, the goals will be the transition of European companies to a new technological order and economic leadership in the long term for the European Union. The deglobalization mechanism in the private sector of the European economy is considered.

Ключевые слова Глобализация, международная торговля, миграция, глобальные цепочки добавленной стоимости, прямые иностранные инвестиции, экономические стратегии.

Keywords Globalisation, deglobalization, international trade, migration, global value chains, foreign direct investment, economic strategy.

Введение

К началу 20-х годов XXI века нарастание противоречий капиталистического развития неолиберальной модели мировой экономики привело к снижению экономических показателей взаимного проникновения в мировой торговле и международном сотрудничестве. С середины XX века вплоть до настоящего времени глобализационные процессы развивались усиленными темпами. С 2019 года в научной литературе стал чаще появляться термин «деглобализация». Вспыхнувшая пандемия COVID-19 замедлила и приостановила экономическое, политическое и культурное взаимодействие стран, что отразилось в резком падении показателей международных производственных, торговых, инвестиционных отношений. Последующее обострение политико-экономических противоречий привело к нарастанию проблемы торговых ограничений, санкций и отразилось на всех участниках конфликта. Экономика Европейского союза – одна из крупнейших экономик мира, вовлечена в процесс деглобализации как основной участник.

Целью статьи является рассмотрение работы деглобализационных механизмов в экономике Европейского союза и выявление стратегических целей управляющего воздействия через механизм деглобализации.

Понятие глобализации и деглобализации

Деглобализационные процессы не свойственны развитым и развивающимся экономикам в неолиберальной экономической модели в долгосрочном периоде. В системе международных экономических отношений можно было и раньше наблюдать борьбу элит, крупных экономических групп и их интересов, проводимых в акциях антиглобалистов или через иные культурные и религиозные институты [1]. Столь значительного разрыва внешнеэкономических связей не наблюдалось вплоть до 2020 года.

Термин «глобализация» включает в себя экономические, политические, культурные, экологические и прочие стороны международного взаимодействия. Международный валютный фонд, определяя глобализацию, выводит в ее основу экономический аспект. Глобализация – это интеграция национальных экономик во всем мире за счет перемещения товаров, услуг и капитала через границы. Это исторический процесс, являющийся результатом человеческих инноваций и технического прогресса. МВФ указывает, что к термину «глобализация» относится к перемещению людей (трудовых ресурсов) и знаний (технологий) через международные границы. Существуют также более широкие культурные, политические и экологические аспекты глобализации» [6].

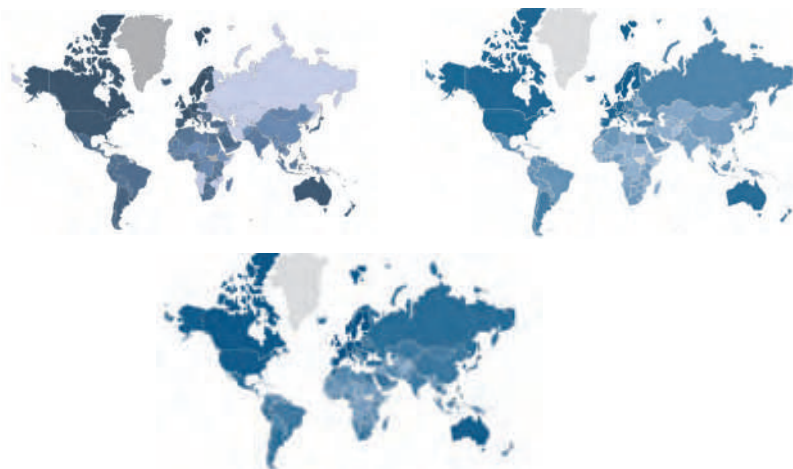
В противовес глобализации выступает деглобализация, которая имеет ряд толкований через выявление отдельных признаков. Общеизвестными деглобализационными процессами принято считать период после Великой депрессии в 30-е годы XX века и период после мирового экономического кризиса 2007–2009 гг., называемого в западной литературе Большим торговым коллапсом (Great trade collapse) [2]. Пост

применения термина «деглобализация» как характеристики мировой экономики начался в 2015 году, так как основные индикаторы (прирост торговли и ПИИ) в этот период стали чаще демонстрировать падение [3, 5, 7]. «Деглобализация – это процесс уменьшения взаимозависимости и интеграции между определенными единицами по всему миру, как правило, национальными государствами». Ситуация в экономике, когда снижаются показатели внешней торговли и инвестиций. Глобализация и деглобализация являются противоположностями, но не являются зеркальными отражениями, так как динамика показателей имеет разную степень изменения тенденций, а при описании разных групп стран – развитых и развивающихся – эта разность в тенденциях только увеличивается [4].

Анализ глобализационных процессов на основе индекса глобализации КОФ

Для анализа процесса глобализации рассмотрим динамику показателя Индекса глобализации Швейцарского экономического института (КОФ) на примере крупнейших экономик и некоторых стран Европейского союза за последние 50 лет [8]. Данные представлены за период от 1970 до 2020 года. На рисунке отражены цветовые значения индекса по странам за 1970, 1995 и 2020 годы. Чем темнее цвет страны на карте, тем выше показатель глобализации. Методика расчета показателя осуществляется на основе анализа временных рядов методом компонент. Основными компонентами индекса является экономическая, политическая и культурная глобализация. Веса отдельных переменных могут меняться с течением времени, веса субиндексов остаются фиксированным во временном горизонте. Сами субиндексы агрегируются в индексы более высокого порядка с использованием равных весов. Экономическая глобализация состоит из глобализации торговли и глобализации финансов, каждая из которых имеет вес по 50 процентов. Социальная глобализация состоит из личных контактов, информационных потоков и культурной близости, где каждый имеет вес 33 процента. Экономическая, социальная и политическая глобализация объединены в Индекс глобализации с равными весами. Общий индекс глобализации КОФ рассчитывается как среднее значение индекса глобализации де-факто и де-юре. Де-факто – это фактические значения показателя, а де-юре – это изменения в нормативно-правовом поле, например, значения показателя международной торговли товарами – де-факто, изменения в торговой политике стран – де-юре.

Рис. 1. Индекс глобализации Швейцарского экономического института КОФ в 1970, 1995 и 2020 гг.

На рис. 1 показано увеличение коэффициента глобализации за последние 50 лет, что означает усиление экономических, политических и культурных взаимосвязей. Наиболее высокие показатели глобализации наблюдаются в развитых странах. Самый большой показатель глобализации принадлежит Бельгии за счет политического фактора, но в целом высокие показатели глобализации можно наблюдать у всех экономически развитых стран. Данные по крупнейшим странам приведены в табл. 1.

Таблица 1. Значения коэффициента глобализации в 1970, 1995, 2020 гг. в крупнейших экономиках мира и некоторых странах Европейского союза [8]

Наименование страны	1970	1995	2020
США	56	75	81
Бельгия	73	84	90
Франция	60	77	87
Испания	50	73	85
Германия	62	77	88
Италия	58	72	82
Китай	21	44	64
Россия	нет данных	57	71

Источник: Составлено автором на основе KOF Globalisation Index.

Url: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>

Из таблицы видно, что страны Европейского союза являются лидерами в глобализационных процессах, но показатели прироста коэффициента глобализации в этих странах замедляются (прирост около 10–12 пунктов), а в развивающихся увеличиваются (прирост около 14–20 пунктов). Большой прирост показателя глобализации за последние 50 лет демонстрируют Соединенные Штаты Америки, что связано с географической удаленностью этой страны от стран Европы и взрывным ростом развития транспорта, логистики, а также технологий связи и коммуникаций в рассматриваемом периоде.

Для анализа экономического участия стран Европейского союза в глобализационных процессах за 50-летний период рассмотрим динамику индекса экономической глобализации Швейцарского экономического института KOF, дающего треть прироста общему коэффициенту глобализации. На рис. 2 представлены две компоненты этого индекса: индекс де-факто и индекс де-юре с 1970 по 2020 г.

Для расчета этого индекса используются следующие показатели с соответственными удельными весами:

1. Экономическая глобализация, де-факто
 - 1.1. Торговая глобализация, де-факто (50)

Рис. 2. Индекс экономической глобализации Швейцарского экономического института KOF за период 1970–2020 гг. [8]

- Торговля товарами
- Торговля услугами
- Разнообразие торговых партнеров
- 1.2. Финансовая глобализация, де-факто (50)
- Прямые иностранные инвестиции и портфельные инвестиции
- Международный долг
- Международные резервы
- Выплаты международных доходов
- 2. Экономическая глобализация, де-юре
- 2.1. Глобализация торговли, де-юре (50)
- Правила торговли
- Торговые налоги
- Тарифы
- Торговые соглашения
- 2.2. Финансовая глобализация, де-юре (50)
- Инвестиционные ограничения
- Открытость счета операций с капиталом
- Международные инвестиционные соглашения.

На графике изображена возрастающая динамика показателей экономической глобализации: индекса де-факто и индекса де-юре. Точка пересечения этих графиков приходится на ноябрь 1993 г. В этот период вступили в силу Маастрихтские соглашения, и прирост показателя либерализации внешнеторговой и финансовой политики стал опережать прирост фактических данных по внешней торговле и финансам в значении индекса мировой экономической глобализации. Это свидетельствует о большом влиянии экономических процессов в Европейском союзе на мировую глобализацию или деглобализацию.

Цели деглобализации Европейского союза

Структура мировой экономики и место Европейского союза в международном разделении труда, а также историческая роль Европейского союза позволяют диктовать развивающимся странам как стандарты производства, так и стандарты потребления. Европейский союз является одной из крупнейших экономик наряду с США и Китаем,

в том числе крупнейшим потребителем сырья и готовой продукции из развивающихся стран. Поэтому его роль велика не только в глобализационных, но и в деглобализационных процессах.

Как было отмечено ранее, в условиях долгосрочного экономического роста деглобализационные процессы не являются естественными для экономического развития в рамках неолиберальной модели, которая не предполагает внешнего вмешательства в рыночные процессы. Деглобализация – это экономический процесс разрыва торговых и инвестиционных связей, при котором факторы экономической выгоды не рассматриваются в качестве основных. Последние годы можно наблюдать активное вмешательство в международные экономические связи со стороны органов власти Европейского союза через механизмы внешнеэкономической политики в отношениях с крупнейшими торговыми партнерами. Нередко такое вмешательство вызывает большие экономические потери европейских хозяйствующих субъектов. Можно выделить две большие долгосрочные цели, которых, на наш взгляд, придерживается Европейский союз, реализуя внешнеэкономическую политику деглобализации:

- формирование системы защиты производителей в условиях зарождающегося нового технологического уклада (Новая промышленная политика, Цифровая эра);
- разрыв текущих связей и создание новой комбинации глобальных цепочек стоимости с высокодоходными элементами внутри Европейского союза (разрыв товарных и инвестиционных потоков по линии Европа – Китай в пользу США – Европа).

Методы достижения лидерства Европейского союза в новых условиях

Противоречие внешнеэкономической политики Европейского союза собственным экономическим интересам говорит о том, что он готов поступиться выгодами текущего периода для того, чтобы получить существенно больше выгоды в будущем периоде. Долгосрочные интересы Европейского союза реализуются через основные Стратегии и европейские приоритеты экономического развития.

Шесть приоритетов Европейской комиссии 2019–2024 гг. отражены в следующих документах:

- Европейская зеленая сделка (A European Green Deal);
- Европа цифровой эпохи (A Europe fit for the digital age);
- Экономика для людей (An economy that works for people);
- Сильная Европа (A stronger Europe in the world);
- Продвижение европейского образа жизни (Promoting our European way of life);
- Новый толчок к европейской демократии (A new push for European democracy).

Европейские экономические стратегии очень тесно связаны со структурой управления Европейской комиссией, где каждое структурное подразделение (управление или генеральный директорат) разрабатывают Стратегию реализации цели из европейских приоритетов в соответствии с собственными полномочиями. Важно отметить, что реализация цели осуществляется строго в рамках полномочий данного структурного подразделения Европейской комиссии и распространяется на государственный сектор экономики.

Учитывая место Европейского союза в международном разделении труда и нормативные документы экономической политики, можно отметить два основных направления, в которых Европейский союз может достигнуть конкурентоспособности в долгосрочном периоде:

■ цифровизация — это направление, которое затронет формирование цифровых платформ, работу с конфиденциальностью данных, а также создание промышленного программного обеспечения, позволяющего получать больший контроль над мировыми производственными цепочками;

■ климатическая нейтральность — экономический механизм изъятия технологической ренты в пользу развитых стран.

Европа — лидер в установлении стандартов в новых областях экономических отношений и новых рынках, в частности, это относится к конфиденциальности данных и изменению климата. США и Китай разрабатывают технологию, а Европейский союз — глобальные стандарты применения технологий, таким образом, осуществляется взаимодействие лидирующих экономик в мировом масштабе. Европа формирует нормы, касающиеся климата или защиты данных. Обосновано лидерство Европы в вопросах стандартизации важностью и величиной европейского потребительского рынка для основных производителей промышленных товаров (США и Китая). Многие развивающиеся страны, особенно азиатские, ориентируются на европейские стандарты качества и принимают за основу европейское лидерство в вопросах потребления.

Разработанные Стратегии и шесть приоритетов Европейской комиссии охватывают полномочия и границы органов государственной власти. Но деглобализационные процессы реализуются и в частном секторе экономики, основной целью деятельности которого является максимизация прибыли.

Деглобализация в частном секторе европейской экономики

Противоречивый механизм делобализации в частном секторе экономики реализуется через принятие решений собственниками и владельцами бизнеса. На первый взгляд частный сектор представлен большим количеством хозяйствующих субъектов со сталкивающимися интересами на конкурентном рынке. Но если рассматривать структуру собственности крупнейших публичных предприятий Европейского союза, ранжированных по критерию рыночной капитализации, то можно увидеть, что в большинстве предприятий владельцами являются институциональные инвесторы, которые встречаются в списке собственников почти во всех публичных компаниях. К основным институциональным инвесторам относятся следующие (см. таблицу 2).

Формируя единую экономическую политику, институциональные инвесторы влияют на принятие решений хозяйствующими субъектами в частном секторе европейской экономики. Реализация воли собственника со стороны международного финансового капитала осуществляется через представительство в совете директоров, где принимаются стратегии развития предприятий. Имея возможность выбирать генерального директора компании, институциональные инвесторы могут провести решение, которое противоречит экономической логике в краткосрочном периоде, чтобы обеспечить стратегическое преимущество в дальнейшем.

С другой стороны, крупнейшие институциональные инвесторы участвуют в работе органов власти. В частности, Авангард (Vanguard) задействована в разработке интеллектуальной платформы, куда привлекаются компании Европейского союза с ориентиром на использование в основном производственном процессе новых технологий следующего технологического уклада. При этом ставка сделана не на страновой подход в выборе компаний, а на построение региональной сети взаимодействий.

Основные цели инициативы Авангард:

Таблица 2. Крупнейшие мировые фонды в 2022 г.

№	Наименование фонда	Рынок	Сумма активов в долл. США на конец 2022 года
1	BlackRock	U.S.	\$10,010,143
2	Vanguard Group	U.S.	\$8,466,372
3	Fidelity Investments	U.S.	\$4,233,825
4	State Street Global	U.S.	\$4,138,172
5	J.P. Morgan Chase	U.S.	\$3,113,000
6	Allianz Group	Germany	\$2,954,432
7	Capital Group	U.S.	\$2,715,178
8	Goldman Sachs Group	U.S.	\$2,470,000
9	BNY Mellon	U.S.	\$2,434,330
10	Amundi	France	\$2,332,454
11	UBS	Switzerland	\$2,124,000
12	Legal & General Group	U.K.	\$1,917,486
13	Prudential Financial	U.S.	\$1,742,326
14	T. Rowe Price Group	U.S.	\$1,687,800
15	Invesco	U.S.	\$1,610,915
16	Northern Trust	U.S.	\$1,607,100
17	Franklin Templeton	U.S.	\$1,578,124
18	Morgan Stanley Inv. Mgmt.	U.S.	\$1,492,849
19	BNP Paribas	France	\$1,439,280
20	Wellington Mgmt.	U.S.	\$1,425,481

Источник: The world's largest money managers Ranked by total AuM, in U.S. millions. – url: <https://www.thinkingaheadinstitute.org/news/article/top-500-asset-managers-reach-new-us131-trillion-record/>

- создать новые промышленные цепочки стоимости;
- ускорить развитие рынка;
- разработать отраслевые межрегиональные демонстрационные проекты;
- достичь глобальной конкурентоспособности.

Эти проекты касаются целей устойчивого развития, энергетики, нанотехнологий и биоэкономики. На такой платформе инвестор имеет возможность не только поспособствовать созданию компаний для будущих рынков, но и в режиме реального

времени собирать данные о таких компаниях, их возможностях роста, на основе которых искусственный интеллект платформы дает возможность рассчитать последующие инвестиционные решения данного инвестора.

Осуществляя контроль над частной компанией через совет директоров и участвуя в проектах государственных органов, институциональные инвесторы как представители международного финансового капитала реализуют свою волю стратегического развития компании, даже если это противоречит краткосрочным целям получения прибыли.

Выводы

Начавшиеся с системным капиталистическим кризисом тенденции к деглобализации мировой экономики связаны с краткосрочным процессом замедления экономического развития и общим снижением показателей экономического роста. На основе данных индекса глобализации на временном интервале в 50 лет, с 1970 по 2020 г., можно сделать вывод, что долгосрочные темпы глобализации высокие, но в развитых странах прирост показателей замедляется, а в развивающихся пока остается высоким. Развитые страны имеют более высокие показатели глобализации, чем развивающиеся. Наибольшие значения индекса имеет Бельгия за счет политических индикаторов в сводном индексе глобализации. Высокие показатели имеют большинство крупнейших экономик Европы. Роль Европейского союза в мировом процессе глобализации-деглобализации является ведущей. Динамика индекса экономической глобализации отражена на графике Маастрихтские соглашения в точке пересечения влияния фактических и нормативных данных на показатель мировой экономической глобализации. Таким образом, принятие решений об изменении внешнеэкономической политики Европейского союза по отношению к крупнейшим торговым партнерам сильно скажется на деглобализации.

Противоречие экономическим интересам Европейского союза в реализации внешнеэкономической политики, направленной на разрыв торгово-экономических связей с крупнейшими контрагентами, влечет потери в краткосрочном периоде, но может обеспечить превосходство в долгосрочном периоде.

Деглобализация в краткосрочном периоде является основой и предпосылкой усиления глобализации в долгосрочном периоде, в результате которой Европейский союз получит следующие выгоды:

- произойдет углубление специализации производства в странах Европейского союза и расширение кооперации на новом технологическом уровне;
- усилится контроль европейских производителей средств производства над глобальной цепочкой производственных процессов;
- лидерство на новых будущих рынках, в частности Medtech;
- получение технологической ренты через механизм климатической нейтральности.

Библиографический список / References

1. Gomes, R. (2019) *Pope: isolationism and populism lead to war*. Vatican News. www.vaticannews.va. 9 August 2019. <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2019-08/pope-francis-interview-europe-amazonia-synod-politics-environment.html>.
2. O'Rourke, Kevin Hjortshøj (2018) *Two Great Trade Collapses: The Interwar Period and Great Recession Compared*. *IMF Economic Review*. 66 (3): 418–439. doi:10.1057/s41308-017-0046-0. S2CID 158495885.

3. *Van Bergeijk, Peter A.G. (2018) On the brink of Deglobalisation ... again. Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 11 (2): 59–72. doi:10.1093/cjres/rsx023.*
4. *BIS Papers No 100 Globalisation and deglobalization. Monetary and Economic Department December 2018 – <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap100.pdf>.*
5. *Lamy, P. Köhler-Suzuki, N. (June 9, 2022) Deglobalization Is Not Inevitable. Foreign Affairs. – url: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2022-06-09/deglobalization-not-inevitable>.*
6. *Globalization: A Brief Overview. 08/02. May 2008 – url: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2008/053008.html>.*
7. *Guttal, Sh. (2007). Globalisation. Development in Practice. 17(4/5): 523–531. doi:10.1080/09614520701469492.*
8. *KOF Globalisation Index – url: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>.*

Контактная информация / Contact information

Институт Европы РАН. 125009, Москва, Моховая ул., 11-3.

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, 125009, Russia.

Невская Наталья Александровна / Natalia A. Nevskaya

nnevskaya@gmail.com

ГОСПОДДЕРЖКА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ОСЛАБЛЕНИЕ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И ПЯТИКРАТНЫЙ РОСТ

STATE AID IN THE EUROPEAN UNION: WEAKENING OF SUPRANATIONAL CONTROL AND FIVEFOLD GROWTH

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-204-212

КОНДРАТЬЕВА Наталия Борисовна

Ученый секретарь Института Европы Российской академии наук, к.э.н., доцент

Natalia B. KONDRATIEVA

Scientific Secretary of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Economic sciences, Associate professor

Аннотация

Дано представление о принципах наднационального регулирования государственной поддержки экономики в Европейском союзе. Предмет исследования – рост масштабов господдержки, ставший результатом намеренного ослабления наднационального контроля. Исследование показало высокую лояльность официального Евросоюза к государственной поддержке в течение всего рассмотренного периода, начиная с середины 2000-х гг. и до настоящего времени. Следствием такой лояльности становится неуклонное увеличение объемов помощи предпринимательству из национальных бюджетов. Автор приходит к следующему выводу: под влиянием внешних и внутренних нередко субъективных обстоятельств модель экономического развития ЕС дрейфует от рыночной в сторону государственно регулируемой с постоянным значительным увеличением объема полномочий наднационального уровня управления.

Abstract

The article gives an idea about the principles of supranational regulation of state support of the economy in the European Union. The subject of the study is the growth in the scale of state aid, which was the result of a deliberate weakening of supranational control. The study showed the high loyalty of the official European Union to state support of the economy during the entire period under review, from the mid-2000s to

the present. The consequence of such loyalty is a steady increase of the assistance to entrepreneurship from national budgets. the author comes to the following conclusion: under the influence of external and internal often subjective circumstances the EU economic model is drifting from a market model towards a state-regulated model with a constant significant increase in the scope of powers of the supranational level of government.

Ключевые слова Государственная поддержка предпринимательства, рост господдержки, наднациональный контроль, государственное регулирование экономики, Европейский союз.

Keywords State aid for entrepreneurship, growth of state aid, supranational control, regulatory economics, European Union.

Постановка проблемы и цель исследования

Наднациональный контроль государственных субсидий, оказываемых предпринимательству, является важной частью конкурентной политики Европейского союза (ЕС). Договор о функционировании ЕС (статья 107 (3) (b)) запрещает государствам-членам выплаты субсидий, которые искажают или угрожают искажением условий конкуренции на пространстве Единого внутреннего рынка. При этом, однако, наднациональный уровень власти допускает множество исключений из этого правила. Государственное субсидирование предпринимателей официальный ЕС считает «совместимым» с рыночной экономикой, если субсидии способствуют достижению общих целей Союза, таких как обеспечение устойчивости экономического роста, повышение уровня занятости, стимулирование научно-технического прогресса, подтягивание развития отстающих регионов, противодействие внешним и внутренним кризисам. Отсюда следует предположение о том, что государства-члены могут оправдать практически любой случай оказания государственной субсидии, а ЕС скорее заинтересован поощрять господдержку, нежели ее ограничивать.

Решение дилеммы господдержки – важный показатель приверженности либеральной либо регуляторной модели экономического развития. В период обострения глобальной конкуренции к теме сохраняется неизменно высокий интерес [1–5].

Цель статьи – подтвердить гипотезу о лояльности Европейской комиссии (ЕК, исполнительный орган власти ЕС) к планам господдержки европейской экономики, а также обозначить причины и следствия этих намеренных покровительственных действий. В задачу исследования входит поиск доступных наблюдению фактов. Среди них – подтверждающие данные официальной статистики: положительная динамика и значительные совокупные размеры господдержки европейской экономике, а также преобладающее количество положительных решений ЕК в случаях, предусматривающих разрешительный порядок оказания господдержки. Статистика призвана дополнить обзор соответствующих норм ЕС. На этой основе будет выстроен обобщающий вывод о дрейфе ЕС от рыночной экономики к регуляторной экономике под влиянием внешних и внутренних кризисов.

Результаты исследования

В рамках контрольных полномочий ЕК оценивает соотношение между негативным воздействием государств на условия конкуренции и преимуществами, которые господдержка несет европейскому хозяйству в целом, и на этом основании оправдывает либо запрещает вмешательство государственных органов в отдельные сферы. К таким сферам относятся охрана общественного порядка, оказание услуг общесоциального значения, развитие малого предпринимательства, снижающее уровень монополизации экономики, НИОКР, реструктуризация предпринимательства, сглаживание региональных и социальных диспропорций, а также внешних негативных воздействий на экономику. Комиссия несет ответственность за ситуацию с господдержкой на пространстве внутреннего рынка ЕС и берет на себя значительную долю аналитической работы.

Первая комплексная реформа наднационального контроля и разрешительного порядка оказания господдержки в ЕС была предпринята в начале 2000-х гг. [3]. Реформа была приурочена к самому масштабному в истории расширению состава Союза – вступлению стран Центральной и Восточной Европы, уровень социально-экономического развития которых был значительно ниже, чем у стран, составлявших ядро ЕС. Другим не менее существенным обстоятельством, определившим особое внимание наднациональных органов ЕС к инструментам государственного регулирования, стала потребность в движущих силах Стратегии повышения глобальной конкурентоспособности ЕС (известной как Лиссабонская стратегия ЕС, 2000 г.).

С тех пор национальные планы и отчеты о субсидировании экономики направляются в Комиссию в электронном виде. В свою очередь, ЕК обобщает собранную статистику и публикует ее в открытом доступе. Она также вырабатывает правила выплат субсидий (рамки статьи позволяют привести их ограниченный перечень).

Важно то, что многие виды господдержки были освобождены от процедуры предварительного уведомления Еврокомиссии со стороны государств (сохранилась только процедура информирования). Комиссия их больше не пресекает, а напротив, способствует им и активизирует их. К ним отнесена помощь, малозначимая по размеру, субсидии малому бизнесу, создание рабочих мест, повышение уровня квалификации кадров, охрана окружающей среды, спасение и реструктуризация компаний, помощь отстающим регионам (во всех случаях размеры допустимой помощи, не требующей предварительного согласования, определены в соответствующих нормативно-правовых актах ЕС). Понятно, что отмена предварительного уведомления облегчила процедуру оказания господдержки. Стоит также отметить, что в поле зрения статистики ЕК перестали попадать данные о госпомощи железным дорогам (с 2008 г.), аэропортам (с 2014 г.), службам, представляющим общеэкономический интерес, и, что еще важнее, схемы, утвержденные в соответствии с так называемыми Временными рамками государственной помощи (о них ниже).

В 2014 году была предпринята вторая модернизация правил государственной помощи.

Третий пересмотр (в тех же целях упрощения, активизации и ориентации на приоритеты наднациональных стратегий) привел к выходу в 2021–2023 гг. целого ряда Руководств для национальных органов власти. Среди них – Руководящие принципы ЕС, регулирующие государственную помощь в области климата, охраны окружающей среды и энергетики, Руководящие принципы для государственного поощрения

рисковых проектов, Порядок информирования ЕК о важных проектах сотрудничества между странами ЕС, представляющих общеевропейский интерес, Руководящие принципы ЕС по контролю государственной помощи отстающим регионам, Рамочные условия госпомощи в области НИОКР, Руководящие принципы государственной помощи разворачиванию широкополосных сетей на 2023 год, Правила, позволяющие обойти разрешительный порядок оказания господдержки сельскому и рыболовному хозяйству [6–13]. Главное новшество – внедрение критерия парето-оптимальности при отнесении вида господдержки к разряду совместимой с принципами функционирования Единого внутреннего рынка ЕС и представлениями о честной конкуренции. А именно, господдержка, оказываемая одним государством-членом, не должна навредить другим государствам-членам; к примеру, к числу вредоносных действий относится использование государственных средств для стимулирования перемещения рабочих мест из одного государства – члена ЕС в другое.

В июле 2021 г. отдельно было объявлено о послаблениях наднационального контроля господдержки [14] с целью упростить и упорядочить деятельность государств перед лицом сложностей нового финансового регулирования ЕС на период до 2027 г. Сложности действительно есть: финансовая помощь со стороны Союза теперь представляет собой хитросплетение многолетних бюджетных рамок ЕС и финансового инструмента, именуемого NextGenerationEU, Европейского фонда стратегических инвестиций и Фонда восстановления и жизнестойкости, грантов, гарантий и кредитов. Более всего поощряются намерения государственных бюджетов оказать срочную поддержку переходу предприятий на зеленые, ресурсосберегающие и цифровые технологии, а также программы повышения инклюзивности и мобильности.

Особое место занимают так называемые Временные меры ЕС в сфере господдержки. Первая схема временных мер, направленных на активизацию господдержки, была разработана в связи с финансовым кризисом 2010 года. Она проработала успешно вплоть до конца 2011 г., после чего размеры помощи были снижены до недекларируемого минимума (не требующего отчетности, другими словами, помощь небольших размеров может продолжаться осуществляться без ведома ЕС). Временными рамками была оправдана господдержка банков и нефинансовых фирм (в размере до 500 тыс. евро на каждое предприятие, а также в виде субсидируемых гарантий по кредитам на ограниченный период и субсидируемой процентной ставки, с целью облегчить фирмам доступ к финансированию, наконец, в виде страхования краткосрочных экспортных кредитов); помощь была признана совместимой с требованиями Договора о функционировании ЕС и оправдана такими формулировками, как серьезный спад в реальном секторе экономики, вынужденное сокращение банками доли заемных средств, проблемы кредитоспособных организаций при получении доступа к финансированию [15].

В том же нормативном акте ЕС были внедрены правила стимулирования зеленой экономики. В частности, отмечалось, что экологические цели должны стать приоритетными, несмотря на финансово-экономический кризис; производство более экологически чистой, в том числе ресурсо- и энергоэффективной продукции, соответствует Стратегии «Европа-2020» (пришедшей на смену упомянутой Лиссабонской стратегии) и отвечает интересам Союза; финансово-экономический кризис не должен помешать компаниям получать доступ к субсидируемым кредитам для производства более экологически чистой продукции.

Вспышка COVID-19 создала для ЕК новый (после финансового кризиса) повод к принятию Временных разрешительных рамок государственной помощи. Их действие продлилось с марта 2020 г. по июнь 2022 года (в течение этого периода нормы еще семь раз совершенствовались); поддержку платежеспособности и дополнительного привлечения частных инвестиций в зеленую и цифровую экономику, которые успели инициировать в этот период, растянули до конца 2023 г. [16].

В марте 2022 года ЕС использовал начало Специальной военной операции России на Украине (СВО) как повод для введения очередных Временных рамок, вновь предоставив государствам-членам свободу по всему набору инструментов господдержки. Временные рамки были продлены в июле 2022 г. и октябре 2022 г. и обусловлены наличием якобы «потрясения», которое испытывают национальные экономики [17–19].

Наконец, в марте 2023 года ЕК утвердила так называемые Временные рамки на переходный период. Эти рамочные условия призваны вернуть внимание государств к поддержке «Зеленого курса» [20].

Сводки государственной помощи, составляемые Еврокомиссией на основе отчетов о соответствующих расходах государств-членов, публикуются раз в год и именуются «Табло господдержки». Сегодня это двадцатилетнее досье дает богатый материал для научного анализа. Издание 2022 года включало рубрику «Расходы на государственную помощь в связи с кризисом COVID-19». Табло, вышедшее в 2023 г., уделяло внимание статистике перехода от восстановительных мер к приоритетам в области экологически чистой энергетики, развертывания широкополосных сетей и др. Расходы на государственную помощь, декларируемые в Табло господдержки, представляют собой не номинальную сумму, которую направили государственные органы из бюджетов в адрес получателей, а объем экономической выгоды, который передан предприятиям. Это хорошо иллюстрируют меры, связанные с COVID-19, когда государственная помощь нередко предоставлялась в виде самых разных элементов помощи – машинами, медикаментами, часами отработанного времени, льготами, гарантиями и пр.

Согласно последнему Табло (опубликовано в апреле 2023 г. и содержит данные, относящиеся к десятилетнему периоду 2011–2021 гг.), государства ЕС ассигнуют экономике огромную сумму из национальных бюджетов, оправдывая ее самыми разными доводами. В частности, в 2021 г. на господдержку потрачено 334,5 млрд евро, в пять раз больше, чем десятью годами ранее, что эквивалентно 2,3% совокупного годового ВВП государств-членов (рис. 1). Общие расходы на мероприятия по борьбе с COVID-19 составили 190,7 млрд евро, около 57% от общих объемов господдержки и 1,3% ВВП (вместе с тем наблюдается значительный разброс расходов между государствами-членами) [21]. Беспрецедентно высокий объем средств мобилизован на меры борьбы с COVID-19. Коронакризис, с одной стороны, стал триггером мобилизации средств, с другой стороны, оттягивал на себя эти средства и сокращал возможности по поддержке других приоритетов. Из некризисных сфер охрана окружающей среды и экономия энергии стали основным направлением оказания госпомощи; на них государства-члены израсходовали в 2021 году 68,51 млрд евро (хотя объем помощи в реальном выражении снизился на 10% по сравнению с 2020 г.). На НИОКР было потрачено 18,8 млрд евро (по сравнению с 2020 г. рост составил 53%). Наконец, еще одна сфера – региональное развитие – поглотила 14,21 млрд евро госрасходов.

Прямые гранты являются в ЕС наиболее практикуемым инструментом помощи, составляя 58% от общего объема расходов (по данным на 2021 г.); налоговые меры составляют 14% от общего объема расходов, гарантии – 8%, кредиты на льготных условиях и интервенции в акционерный капитал – 3%.

Последний из имеющихся в открытом доступе годовых итоговых статистических отчетов еще не затрагивает ни Временные кризисные рамки для поддержки экономики в контексте российской СВО, ни нынешние Временные переходные рамки. Эти данные будут доступны в следующем году. Однако даже без них бросается в глаза экстраординарное увеличение объемов господдержки экономики ЕС, которое не должно оставаться без внимания как со стороны главных конкурентов ЕС, так и со стороны науки.

Рис. 1. Рост государственной поддержки экономики ЕС в 2011–2021 гг., млрд евро, % от ВВП

Источник: [21]

Статистика решений ЕК по уведомлениям о планах господдержки столь же однозначно свидетельствует о лояльности наднационального уровня власти: из более чем тысячи решений, принятых в рамках разрешительного порядка за последние полтора года, с января 2022 г. до конца июня 2023 г., только семь отрицательных (соответственно, пять в 2022 г. и два в 2023 г.¹).

¹ Competition policy. State aid. Cases. URL: <https://competition-cases.ec.europa.eu/search?caseInstrument=SA&pageSize=100&sortField=caseLastDecisionDate&sortOrder=DESC>.

Выводы

Исследование подтвердило гипотезу о высокой лояльности официального Евросоюза к государственной поддержке экономики в течение всего рассмотренного периода, начиная с середины 2000-х гг. и до настоящего времени. Такая лояльность выливается в неуклонное увеличение объемов субсидирования европейской экономики со стороны национальных бюджетов. На последнее десятилетие приходится взрывной рост масштабов государственной поддержки.

Смысловое содержание норм ЕС в сфере контроля господдержки сводится к оправданию, рекомендации методов и побуждению государств поддерживать экономику. С начала глобального финансово-экономического кризиса в 2009 г. отмечена периодическая и нарастающая нормотворческая активность ЕК, заключающаяся в поиске обоснований, оправдывающих формы господдержки.

Масштабная вспышка COVID-19 по всему ЕС в марте 2020 г. создала идеальные условия для активизации господдержки. Вместе с тем ЕК накопила множество других поводов, для того чтобы использовать финансовые ресурсы государств-членов для устранения сбоев и повышения общей конкурентоспособности экономики ЕС. К таким поводам относится необходимость продвижения его глобальных стратегий. Последним из таких поводов стала российская СВО.

Стоит отметить, что Временные рамки, введенные как в марте 2020 г., так и в марте 2022 г., не имели статистического обоснования, которое свидетельствовало бы об имеющихся предпосылках к серьезным сбоям в экономике. ЕК просто предвосхитила в обоих случаях необходимость расширения поддержки предпринимателей, причем, как представляется, весьма решительно и сразу же, как только появился сам повод. Стоит сказать, что в 2023 г. официальный ЕС выпустил ряд аналитических изданий, предметом которых были проблемы в производственно-сбытовых цепочках, перебои в поставках энергии и сырья и рост цен на энергоносители. Де-факто, эта аналитика фиксировала последствия политики самого же ЕС (санкционной политики, направленной на повышение стратегической автономии и сокращение зависимости главным образом от ресурсов России, снижение экономического потенциала РФ вплоть до нанесения ей вреда), которая породила множество внутренних проблем. Таким образом, Временные рамки 2022 г. были обоснованы искусственно созданными субъективными обстоятельствами, поэтому вряд ли могут считаться оправданными. Представленные официальным ЕС обоснования необходимости поддержания своей устойчивости в период проведения Россией СВО не совместимы с логикой устойчивого развития, продвигаемой ООН.

Итак, практика господдержки предпринимательства ЕС не подтверждает наличие сколько-нибудь значимых наднациональных ограничений для вмешательства государства в рынок; официальный ЕС все дальше отходит от либеральных принципов и ведет государства-члены к регулируемой модели. Лояльность к господдержке обеспечивает экономическим акторам ЕС несправедливое конкурентное преимущество перед другими игроками на мировом рынке, что является существенным искажающим фактором в глобальной конкуренции.

Библиографический список / References

1. Клименко А.В., Минченко О.С. Государственное регулирование экономики: теория и практика // Вопросы государственного управления. 2016. № 3. С. 7–30.

2. *Klimenko A.V., Minchenko O.S. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki: teoriya i praktika [State Regulation of the Economy: Theory and Best Practices]. Public Administration Issues, 2016, n. 3. S. 7–30 (in Russian).*
3. *Кондратьева Н.Б. Господдержка экономики ЕС до и после пандемии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 6. С. 52–60. DOI: 10.15211/vestnikieran620225260.*
4. *Kondratieva N.B. State aid to the EU economy before and after the pandemic // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN. 2022. 30(6): 52–60. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran620225260.*
5. *Кондратьева, Н.Б. Конкуренция в ЕС: экономика, политика, право. М.: ИЕ РАН. 2009. 74 с.*
6. *Kondratieva N.B. Competition in the EU: economics, politics, law. Moscow: IE RAS. 2009. (in Russian).*
7. *Adina Claiici and Elisa Pau. Economics in State Aid. Copenhagen Economics, 2018, September. 14 p. URL: <https://copenhageneconomics.com/wp-content/uploads/2021/12/economics-in-state-aid.pdf>.*
8. *Heimler Alberto and Frédéric Jenny. The Limitations of European Union Control of State Aid. Oxford Review of Economic Policy, vol. 28, no. 2, 2012, pp. 347–67. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/43741300>. Accessed 29 June 2023.*
9. *Communication from the Commission – Guidelines on State aid for climate, environmental protection and energy 2022 C/2022/481 OJ C 80, 18.2.2022, p. 1–89.*
10. *Communication from the Commission – Guidelines on State aid to promote risk finance investments C/2021/8712 OJ C 508, 16.12.2021, p. 1–36.*
11. *Communication from the Commission Criteria for the analysis of the compatibility with the internal market of State aid to promote the execution of important projects of common European interest 2021/C 528/02 C/2021/8481 OJ C 528, 30.12.2021, p. 10–18.*
12. *Communication from the Commission Guidelines on regional State aid 2021/C 153/01 C/2021/2594 OJ C 153, 29.4.2021, p. 1–46.*
13. *Communication from the Commission Framework for State aid for research and development and innovation (2022/C 414/01) OJ C 414/1, 28.10.2022.*
14. *Communication from the Commission Guidelines on State aid for broadband networks 2023/C 36/01 C/2022/9343 OJ C 36, 31.1.2023, p. 1–42.*
15. *Commission Regulation (EU) 2022/2472 of 14 December 2022 declaring certain categories of aid in the agricultural and forestry sectors and in rural areas compatible with the internal market in application of Articles 107 and 108 of the Treaty on the Functioning of the European Union, C/2022/9131 OJ L 327, 21.12.2022.*
16. *Commission Regulation (EU) 2022/2473 of 14 December 2022 declaring certain categories of aid to undertakings active in the production, processing and marketing of fishery and aquaculture products compatible with the internal market in application of Articles 107 and 108 of the Treaty on the Functioning of the European Union C/2022/9139 OJ L 327, 21.12.2022, p. 82–139.*
17. *Commission Regulation (EU) 2021/1237 of 23 July 2021 amending Regulation (EU) No 651/2014 declaring certain categories of aid compatible with the internal market in application of Articles 107 and 108 of the Treaty, OJ L 270, 29.7.2021, p. 39–75.*
18. *Communication of the Commission. Temporary Union framework for State aid measures to support access to finance in the current financial and economic crisis Text with EEA relevance. OJ C 6, 11.1.2011, p. 5–15.*
19. *Communication from the Commission - Temporary framework for State aid measures to support the economy in the current COVID-19 outbreak (OJ C 91I, 20.3.2020, p. 1), as amended by Commission Communications C(2020) 2215 (OJ C 112I, 4.4.2020, p. 1), C(2020) 3156 (OJ C 164, 13.5.2020, p. 3), C(2020) 4509 (OJ C 218, 2.7.2020, p. 3), C(2020) 7127 (OJ C 340I, 13.10.2020, p. 1), C(2021) 564 (OJ C 34, 1.2.2021, p. 6), and C(2021) 8442 (OJ C 473, 24.11.2021, p. 1).*
20. *Communication from the Commission Temporary Crisis Framework for State Aid measures to support the economy following the aggression against Ukraine by Russia (OJ C 131I, 24.3.2022, p. 1–17).*

21. *Communication from the Commission Amendment to the Temporary Crisis Framework for State Aid measures to support the economy following the aggression against Ukraine by Russia 2022/C 280/01, C/2022/5342 (OJ C 280, 21.7.2022, p. 1–13).*
22. *Communication from the Commission Temporary Crisis Framework for State Aid measures to support the economy following the aggression against Ukraine by Russia 2022/C 426/01, C/2022/7945 (OJ C 426, 9.11.2022, p. 1–34).*
23. *Communication from the Commission Temporary Crisis and Transition Framework for State Aid measures to support the economy following the aggression against Ukraine by Russia 2023/C 101/03, C/2023/1711. OJ C 101, 17.3.2023, p. 3–46.*
24. *State aid Scoreboard 2022. Brussels: European Commission DG Competition. 2023. 226 p. URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/system/files/2023-06/state_aid_scoreboard_note_2022.pdf (дата обращения: 05.07.2023).*

Контактная информация / Contact information

Институт Европы РАН. 125009, Москва, Моховая ул., 11-3.

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, 125009, Russia.

Кондратьева Наталья Борисовна / Natalia B. Kondratieva

nkondratieva@inbox.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К УСПЕХАМ?

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE EUROPEAN UNION: THROUGH THORNS TO SUCCESS?

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-213-226

БЕЛОВ ВЛАДИСЛАВ БОРИСОВИЧ

Заместитель директора по научной работе Института Европы РАН, в.н.с.,
руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских
исследований ИЕ РАН, к.э.н.

VLADISLAV B. BELOV

Candidate of sciences (Economy), Leading Researcher, Deputy Director of the
Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS), Head of the
Department of Country Researches and of the Center for German Studies, IE RAS

Аннотация

Цифровая трансформация была включена в экономическую повестку Европейской комиссии (ЕК) в период ее руководства Ж.-К. Юнкером в 2014–2019 гг. Во многом она стала ответом на вызовы Четвертой промышленной революции, о начале которой в начале второго десятилетия XXI века заявили представители научного и предпринимательского сообщества Германии. Последующий состав ЕК продолжил ее реализацию, последовательно наполняя процессы дигитализации новым содержанием. Глава ЕК У. фон дер Ляйнен в 2020 г. заявила о начале цифрового десятилетия в развитии Европейского союза. В статье рассматриваются особенности цифрового перехода народнохозяйственного пространства ЕС, анализируются его составные части и дается оценка перспектив достижения поставленных целей.

Abstract

Digital transformation has been included in the economic agenda of the European Commission (EC) during its leadership of J.-C. Juncker in 2014-2019. In many ways, it was a response to the challenges of the Fourth Industrial Revolution. Its start at the beginning of the second decade of the 21st century was announced by a representative of the scientific and business community of Germany. The next Commission continued the implementation of digitalization, consistently filling its processes with new content. The head of the EC, U. von der Leyen, announced in 2020 the beginning of a digital decade in the development of the European Union. The article examines the features of the digital transition of the European economic space, analyzes its components and evaluates the prospects for achieving its goals.

Ключевые слова Европейский союз, Европейская комиссия, дигитализация, цифровой переход, Индустрия 4.0 и 5.0, искусственный интеллект.

Keywords European Union, European Commission, digitalization, digital transition, Industry 4.0 and 5.0, artificial intelligence.

Цифровая эстафета – от Ж.-К. Юнкера к У. фон дер Ляйен

Примерно с середины второго десятилетия двадцать первого века одним из приоритетов развития хозяйственно-политического пространства (штандорта) Евросоюза Брюссель определил комплексную цифровизацию всех социально-экономических сфер входящих в ЕС государств.

Европейская комиссия (ЕК) под руководством Ж.-К. Юнкера (2014–2019 гг.) разработала один из первых основополагающих документов в этой сфере – Стратегию создания единого цифрового рынка. Начавший свое действие в 2015 г., он предусматривал разработку и последующее внедрение 30 законодательных инициатив в сфере дигитализации. В итоге было реализовано 28 из них. Во многом это стало реакцией на принятую в 2013–2014 гг. ведущими государствами ЕС стратегию «Индустрия 4.0», ставшую ответом на провозглашенную Германией в апреле 2011 г. Четвертую промышленную революцию. В рамках этого подхода были приняты многочисленные национальные программы, направленные на поддержку комплексной цифровизации как промышленности, так и других секторов экономики [1, 2, 3, 4].

Евросоюзникам удалось создать основы общего информационного пространства, гармонизировать правила его функционирования, включая свободу передачи неличных данных в условиях отсутствия геоблокировок и роуминга. Государства ЕС начали взаимодействовать в сферах искусственного интеллекта (ИИ), блокчейн-технологий, кибербезопасности и государственных услуг [5].

С точки зрения политического истеблишмента стран коллективного Запада, в т.ч. входящих в ЕС, одной из важнейших либеральных ценностей является неприкосновенность, в т.ч. конфиденциальность личной информации. Поэтому в рамках вышеуказанной стратегии ЕК в 2016 г. подготовила Регламент 2016/679 «О защите персональных данных и о свободном перемещении таких данных» (*General Data Protection Regulation, GDPR*). После внесения ряда поправок и его одобрения Европейским парламентом и Европейским советом он начал действовать 25 мая 2018 г. Основные положения *GDPR* во многом определили особенности реализации будущих цифровых документов ЕС [6].

Новый состав ЕК под руководством У. фон дер Ляйен принял цифровую эстафету от Ж.-К. Юнкера и его коллег. Уже в декабре 2019 г. в рамках стратегического документа «Европейский зеленый курс» (*European Green Deal, EGD*) еврокомиссары уточнили ряд положений в отношении процессов дигитализации. Принципиально новым стал подход к одновременному осуществлению энергетической и цифровой трансформации как важнейшей предпосылки перехода государств ЕС к климатически нейтральной экономике. Дигитализации в этом процессе отведена роль ведущей инновационной силы. Она призвана ускорить внедрение во всех

сферах и на всех уровнях различных цифровых технологий, в т.ч. прорывных, а также существенно повысить эффективность их использования. При этом *EGD*, представляя собой рамочный документ, не содержал необходимые уточнения и детализацию составных частей цифрового перехода. Поэтому ЕК в 2020–2021 гг. презентовала ряд дополнительных разработок, определивших реперные точки дальнейшей реализации дигитальных перемен. С весны 2020 г. существенное влияние на их содержание оказала пандемия *COVID-19*, в первую очередь в отношении дистанционной работы и обучения, цифровизации государственных и образовательных услуг, онлайн-торговли и телемедицины.

В феврале 2020 г. ЕК презентовала доклад «Формирование цифрового будущего Европы», а также опубликовала три сопровождающих его документа, два из которых посвящены ИИ: «Белая книга. Искусственный интеллект – европейский подход к совершенству и доверию» и «Доклад о безопасности и ответственности использования искусственного интеллекта, интернета вещей и робототехники». Третий документ посвящен стратегии ЕС в области данных (ЕСД). Еврокомиссия сочла необходимым дать пояснения относительно перспектив использования дигитализации для достижения целей климатической нейтральности. К маю того же года она предложила создать кластер цифровых, промышленных и космических технологий, среди прочего отвечающий за развертывание информационных платформ и приложений. К концу лета Брюссель подтвердил основные цели ЕСД, включая облегчение доступа пользователей к базам данных и повышение уровня защищенности цифровых инфраструктур [7].

В марте 2020 г. ЕК представила вниманию общественности долгожданную промышленную стратегию, состоящую из трех взаимосвязанных документов: «Новая промышленная стратегия для Европы», «Стратегия развития малого и среднего бизнеса для устойчивой и цифровой Европы», «Выявление и устранение барьеров на пути единого рынка». Особое место в них отведено поддержке процессов углубления и расширения цифровизации единого внутреннего рынка, в т.ч. за счет усиления защиты интеллектуальной собственности и оказания цифровых услуг, цифровой трансформации среднего и высшего образования, подготовки высококвалифицированных кадров в области информационно-коммуникационных технологий [8]. Отдельные положения были конкретизированы в мае 2021 г. 17 февраля 2022 г. Брюссель опубликовал доклад «Индустрия 5.0: преобразующая концепция для Европы. Управление системными преобразованиями на пути к устойчивости индустрии», в котором предложил перейти от модели неолиберального капитализма, ориентированного на прибыль, к сбалансированной модели капитала, в центре которого человек и потребности его комплексного развития [9]. Но такой подход не получил поддержки в государствах – членах ЕС, которые продолжили реализовывать стратегию «Индустрия 4.0».

16 сентября 2020 г. во время традиционного ежегодного послания У. фон дер Ляйен в Европейском парламенте анонсировала стратегию «Цифрового десятилетия Европы», которая должна обеспечить лидерство ЕС в области дигитальных технологий, иначе «ему придется следовать по пути других, которые будут устанавливать эти стандарты для нас» [10]. Было заявлено о необходимости создания собственного европейского облачного сервиса *Gaia-X*, ускоренного развития технологий ИИ, масштабного развертывания цифровой инфраструктуры и, в конечном итоге, обеспечения «цифрового суверенитета Европы в малом и большом масштабе».

На эти цели было выделено 20% средств созданного для преодоления последствий коронакризиса Фонда восстановления и устойчивости. Уже через неделю чиновники ЕК опубликовали доклад «Формирование цифровой трансформации Европы» [11], в котором были уточнены основные постулаты послания. Лейтмотивом документа стала необходимость широкого распространения цифровых технологий на все народнохозяйственные сферы и отрасли экономики.

В декабре 2020 г. Брюссель принял Стратегию кибербезопасности ЕС, в которой поставил задачу обеспечить стратегическую автономию в информационной среде при сохранении максимально допустимой открытости экономического пространства. К одному из важнейших условий отнесена независимость принимаемых решений, включая защиту населения от киберугроз и развитие ИИ с учетом соблюдения прав граждан [12]. Одна из важнейших целей документа – реформировать правила безопасности сетевых и информационных систем для повышения устойчивости критически важных объектов: энергосистем, железных дорог, центров обработки данных и т.д.¹

Важным шагом в совершенствовании регулирования цифровой сферы стало принятие в апреле 2021 г. Регламента ЕС, содержащего предложения по формированию нормативно-правовой базы для ИИ, сформулированные с учетом положений ранее принятых документов, в т.ч. февраля 2020 г. [13, 14]. Фактически он стал первым в мире прообразом проекта Закона об искусственном интеллекте (*AI Act*), который в последние годы активно обсуждался экспертным сообществом с точки зрения превращения его в возможный «глобальный мировой стандарт». В мае 2023 г. профильные комитеты Европарламента – по внутреннему рынку и по гражданским свободам согласовали содержание будущего Закона, призванного определить различные нормы использования и развития сервисов, приложений и систем, построенных на алгоритмах ИИ/нейросетей. В середине июня евродепутаты после внесения ряда поправок утвердили общую переговорную позицию Парламента. К основным требованиям отнесены безопасность, прозрачность, недискриминационность и отслеживаемость. Среди ключевых положений – запрет применения указанных систем для биометрической идентификации граждан в режиме реального времени в общественных местах; для распознавания человеческих эмоций и использования в прогностических системах правоохранительных органов. Определенные ограничения распространяются на платформы генеративного ИИ (*ChatGPT* и т.д.). До конца года парламентарии продолжат вести переговоры с ЕК и Советом ЕС. В случае достижения согласия Закон с большой долей вероятности будет принят.

Цифровое десятилетие Евросоюза

К 2022 г. Еврокомиссии в целом удалось сформулировать комплексное видение процессов дигитализации хозяйственно-политического пространства ЕС на среднесрочную перспективу. Важным этапом стала презентация Брюсселем в марте 2021 г. стратегического документа «Цифровой компас 2030: европейский путь в цифровое десятилетие» [15]. Эксперты ЕК конкретизировали среднесрочные цели дигитализации и определили пять основных стратегических целей начавшегося десятилетия цифровой трансформации Евросоюза.

¹ В начале 2023 г. в соответствии со Стратегией в силу вступила вторая по счету Директива о кибербезопасности (*EU rules on the security of Network and Information Systems – NIS-2*).

Первая цель – обучение граждан цифровым навыкам/подготовка высококвалифицированных специалистов в области цифровых технологий. В ее рамках предусмотрено: повысить численность взрослого населения, владеющего базовыми цифровыми навыками и компетенциями, до уровня в 80%; увеличить количество высококвалифицированных специалистов в области информационных и коммуникационных технологий с 7,8 млн в 2019 г. до 20 млн в 2030 г.; сбалансировать соотношение мужчин и женщин, т.е. обеспечить гендерный паритет.

Вторая цель – создание безопасной и мощной цифровой инфраструктуры. Она достигается путем обеспечения: ее устойчивости; доступа всех европейских домохозяйств (и контекстно – также экономических субъектов) во всех населенных пунктах к гигабитным сетям, работающим в режиме 5G; удвоения доли ЕС на мировом рынке полупроводников (до 20%); создания первого в истории Европы компьютера, использующего квантовые технологии, и начала действия десяти тысяч отвечающих требованиям климатической нейтральности высоконадежных периферийных узлов с высокой степенью защищенности.

Третья цель – дигитализация экономических субъектов, которая реализуется через: внедрение к 2030 г. цифровых технологий в 75% хозяйствующих субъектов; интеграцию в бизнес-процессы облачных вычислений, больших данных и искусственного интеллекта; увеличение этих показателей в три раза по сравнению с 2020 г.; уделение особого внимания цифровизации малых и средних компаний, в т.ч. обеспечение «базовой цифровой интенсивности» 90% из них; содействие их инновациям и инвестициям, а также расширение доступа к необходимым финансовым ресурсам; увеличение в два раза количества компаний с капитализацией в один и более миллиардов евро (т.н. «единорогов»).

Четвертая цель – комплексная цифровизация государственных услуг, включая: массовую поддержку цифровизации деятельности всех ведомств и организаций государства, в первую очередь оказываемых ими услуг населению; в этом контексте обеспечение удаленного доступа 100% граждан Евросоюза к основным госуслугам и своим электронным медицинским картам; использование 80% из их числа технологий электронного удостоверения личности.

В качестве неформальной пятой цели ЕК определила развитие международного взаимодействия в цифровой сфере, в т.ч. в области сближения норм и стандартов и сотрудничества национальных регуляторов (как внутри Евросоюза, так и за его пределами) [16].

15 сентября 2021 г. Брюссель опубликовал политическую программу «Путь в Цифровое десятилетие», состоящую из шести разделов и 26 статей. В тот же день председатель ЕК в очередном ежегодном послании представила уточненный план действий по цифровизации до 2030 г. Для реализации обозначенных целеполаганий и цифровых амбиций Брюссель определил важным использовать «солидарный подход» входящих в ЕС государств. К его приоритетам были отнесены: сотрудничество стран в сфере реализации совместных цифровых проектов, включая европейские консорциумы цифровой инфраструктуры; создание для этого органа координации; внедрение системы управления цифровыми процессами, в т.ч. повышение качества ежегодного мониторинга реализуемых мер; углубление идейной и правовой основы процессов дигитальной трансформации; разработка государствами ЕС стратегических национальных дорожных карт с конкретными показателями и мероприятиями [17].

Европейская бюрократическая машина не слишком быстро готовила необходимые документы для наполнения политической программы конкретным содержанием. Так, например, только в конце июня 2023 г. Брюссель утвердил рекомендации для государств-членов по подготовке вышеупомянутых дорожных карт [18].

Измерение уровня цифровизации государств Евросоюза

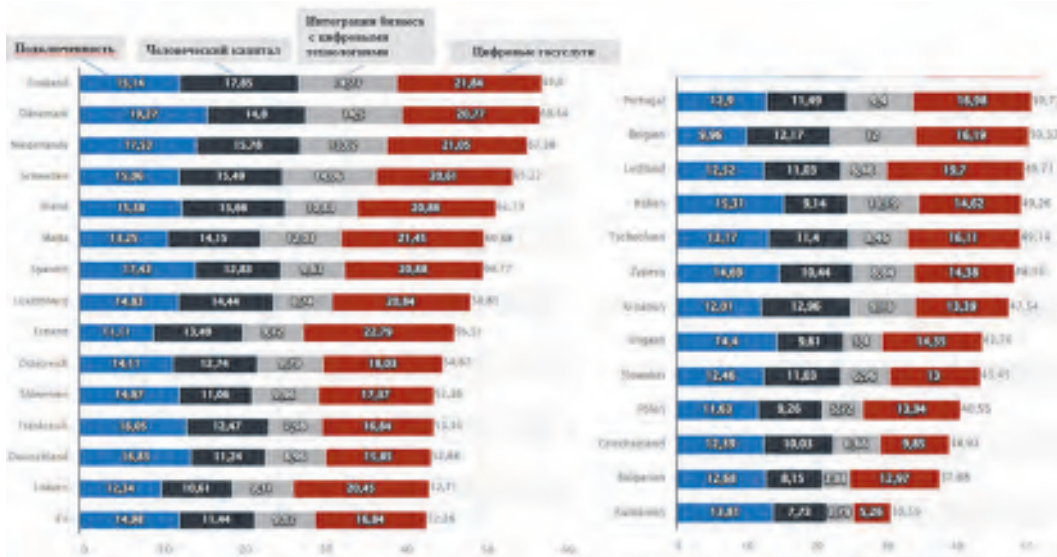
Брюссель с 2014 г. использует собственный показатель цифровизации стран, входящих в Евросоюз, – индекс цифровой экономики и общества (*Digital Economy and Society Index, DESI*). Он признан экспертами как один из ведущих международных индексов, характеризующих уровень дигитализации национальных экономик². Его величина рассчитывается как среднее арифметическое пяти субиндексов, каждый из которых имеет свой вес (к):

- подключенность (уровень развития инфраструктуры широкополосного доступа, k=0,25);
- человеческий капитал (доля населения, обладающая навыками пользования интернет-сервисами, k=0,25);
- использование интернета населением (активность граждан в отношении различных интернет-сервисов, k=0,15);
- интеграция бизнеса с цифровыми технологиями (уровень дигитализации предпринимательского сектора, включая использование электронной торговли, k=0,20);
- цифровые государственные услуги (их объем, предоставляемый в электронной форме, k=0,15).

Они относятся к показателям первого уровня, которые, в свою очередь, делятся на 13 подгрупп второго уровня и 34 подгруппы третьего уровня. На начало лета

Рис. 1. Основные индексы цифровой экономики и общества Евросоюза (DESI) в 2022 г.

Источник: [22]

2023 г. актуальными были индексы цифровой экономики и общества Евросоюза по состоянию на середину 2022 г. (см. рис. 1).

..... ² Более подробно о содержании DESI, а также других индексов цифровизации см., например: [19, 20, 21].

Одной из особенностей *DESI* является расчет среднего индекса для Евросоюза в целом – государства, расположенные выше этого показателя, можно считать в более благоприятной зоне, ниже – менее³. По отдельным показателям/ субиндексам рейтинг по странам существенно отличается. Так, Германия, занимая в 2022 г. общее 13-е место, по «подключенности» была на третьем месте. Эстония при общем 9-м месте, по «цифровым госуслугам» – на первом, а по «подключенности» – на предпоследнем.

К показателям мониторинга дигитализации относятся ряд других индексов, в т.ч. определяемых международными организациями и институтами. Весьма авторитетными считаются оценки расположенного в Швейцарии Международного института развития менеджмента (*International Institute for Management Development, IMD*). Его мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности 63 государств мира (*World Digital Competitiveness Ranking*) включает большинство европейских стран

Таблица . Индекс цифровизации стран Международного института развития менеджмента (IMD)

Рейтинг 2022 (1)		Страна (2)				Рейтинг 2021 (3)		Изменение рейтинга к прошлому году (4)			
(1)	(2)	(3)	(4)	(1)	(2)	(3)	(4)	(1)	(2)	(3)	(4)
1	Дания	4	+3	22	Франция	24	+2	43	Хорватия	55	-12
2	США	1	-1	23	Бельгия	26	+3	44	Индия	46	+2
3	Швеция	3	-	24	Ирландия	19	-5	45	Кипр	43	-2
4	Сингапур	5	+1	25	Литва	30	+5	46	Польша	41	-5
5	Швейцария	6	+1	26	Катар	29	+3	47	Словацкая Республика	47	-
6	Нидерланды	7	+1	27	Новая Зеландия	23	-4	48	Болгария	52	+4
7	Финляндия	11	+4	28	Испания	31	+3	49	Румыния	50	+1
8	Республика Корея	12	+4	29	Япония	28	-1	50	Греция	44	-6
9	Гонконг (Китай)	2	-7	30	Люксембург	22	-8	51	Индонезия	53	+2
10	Канада	13	+3	31	Малайзия	27	-4	52	Бразилия	51	-1
11	Тайвань (Китай)	8	-3	32	Бахрейн	0	0	53	Ирландия	49	-4
12	Норвегия	9	-3	33	Чешская Республика	33	-	54	Турция	48	-6
13	ОАЭ	10	-3	34	Латвия	37	+3	55	Мексика	56	+1
14	Австралия	20	+6	35	Саудовская Аравия	36	+1	56	Филлипины	58	+2
15	Израиль	17	+2	36	Казахстан	32	-	57	Перу	57	-
16	Великобритания	14	-2	37	Словения	35	-2	58	Южная Африка	60	+2

Источник: [23]

3 DESI, например, показывает, что большинство стран Евросоюза, которые находятся ниже среднего по ЕС уровня цифровизации, значительного прогресса за период 2016–2020 гг. не добились [15].

и формируется на основе 54 критериев. Примерно две трети из них традиционно опираются на статистические данные, одна треть – на результаты опросов. Места распределяются в трех основных категориях:

- знания (качество обучения, образования, науки);
- технологии (характеристика регуляторной среды и информационно-коммуникационных/интернет-технологий, наличие финансового капитала в ИТ-отрасли);
- будущая готовность (в отношении использования цифровой трансформации).

В 2023 г. *IMD* опубликовал очередные результаты исследования уровня цифровизации ведущих государств мира (таблица). Примечательно, что в его первую пятерку входят цифровые лидеры Евросоюза (согласно индексу *DESI*) – Дания и Швеция. Нидерланды и Финляндия занимают 6-е и 7-е место. Германия находится на 19-м месте (в конце первой трети), а Болгария, Румыния, Греция – на 48, 49, 50-м местах (приблизительно в середине последней трети). Другими словами, позиционирование лидеров и аутсайдеров стран ЕС в указанных рейтингах примерно одинаковое. Показательны «цифровой» рынок Хорватии в 2022 г. – страна поднялась с 55-го на 43-е место, а также провалы Люксембурга (минус 8 мест) и Греции (–6).

Также существуют национальные показатели измерения дигитализации. Например, в ФРГ по поручению кабмина Институт немецкой экономики в Кельне с 2020 г. ежегодно рассчитывает индекс цифровизации народного хозяйства Германии. В его основе – два субиндекса. Один из них измеряет на уровне экономического субъекта пять внутренних факторов, другой – пять внешних. В свою очередь, они оцениваются еще по 37 параметрам (рис. 2).

Рис. 2. Индекс дигитализации экономики Германии в 2021–2022 гг. (2020 = 100)

Источник: [24]

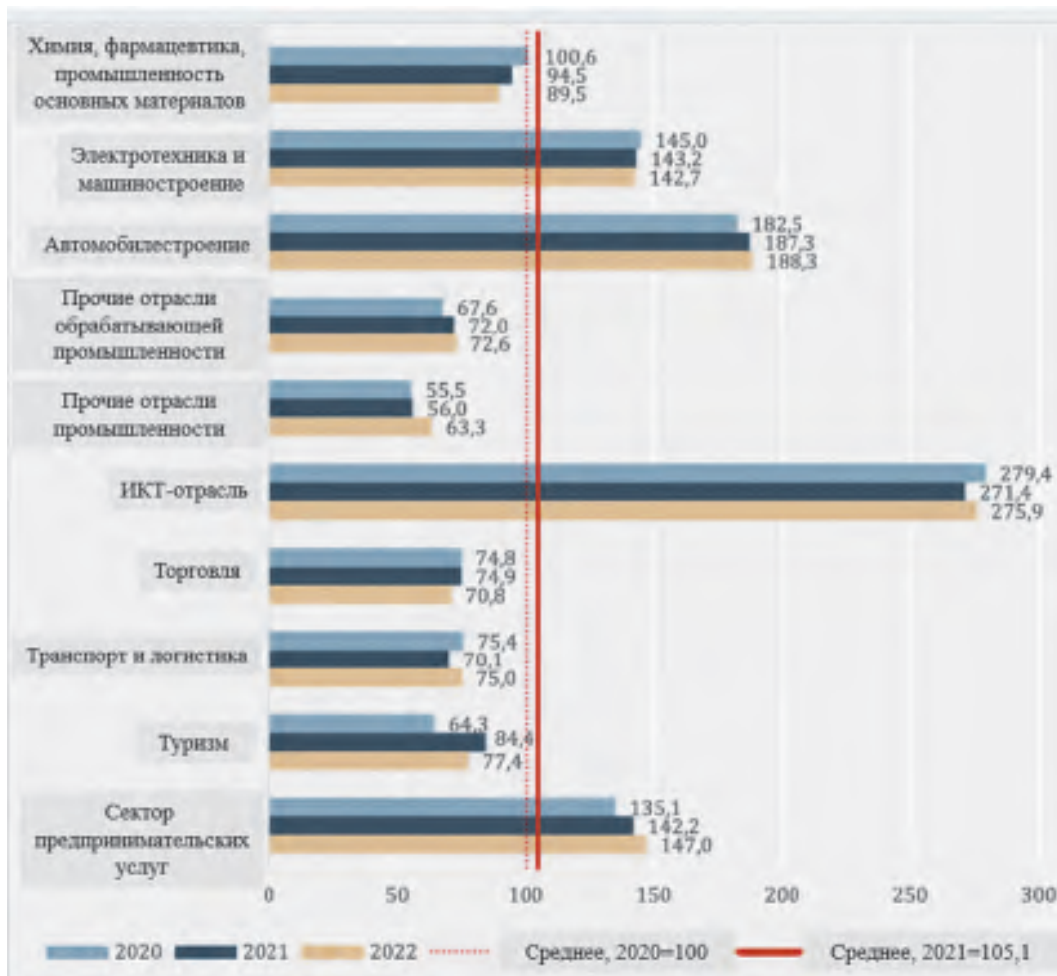

Национальный цифровой индекс немецкого народного хозяйства в 2022 г. увеличился к предыдущему году всего на одну единицу – с 107,9 до 108,9. Основной прогресс, по всей видимости, связанный с влиянием на дигитализацию пандемии, произошел в 2021 г. Успехи 2022 г. обеспечили позитивные внутренние изменения – в цифровизации процессов и развитии цифровой сети (с 121,2 до 129,5), а также внешние – в технической инфраструктуре (с 116,4 до 122,9) и обществе (с 113,6 до 122,5). Явные минусы проявились в снижении таких показателей, как продукция, человеческий капитал и инновационный ландшафт. Народнохозяйственными лиде-

рами с точки зрения величины индекса в 2020–2022 гг. (показатели выше средней величины) являлись отрасли информационно-коммуникационных технологий, автомобилестроения, электротехники и машиностроения, а также сектора предпринимательских услуг. Но в 2022 г. только последний показал явный прогресс по сравнению с предыдущим периодом. Небольшое улучшение индекса было характерно и для производства автомобилей (рис. 3)

Рис. 3. Индекс дигитализации основных отраслей экономики Германии в 2020–2022 гг. (2020=100)

Источник:
[25]

Немецкое государство с 2013 г. поддерживает деятельность некоммерческой организации «Инициатива Г21» (*Initiative D21*) – одного из крупнейших сетевых объединений страны, специально созданного еще в 1999 г. представителями бизнеса, науки, власти и гражданского общества для мониторинга основных изменений и тенденций в сфере дигитализации немецкого общества и социально-политических процессов в Германии. Цифровые индексы определяются на основе опросов и затрагивают такие темы, как доступ к цифровым услугам, отношение граждан к цифровой трансформации, уровень их цифровых компетенций и модели поведения. С 2022 г. отдельно измеряются устойчивость/последовательность цифрового перехода немецкого общества, его роль в общественном согласии и демократии, в создании дополнительной стоимости, а также в достижении эко-

логических целей. Последние результаты исследования «Инициативы Г21» были опубликованы в начале 2023 г. [26].

Ближайшие задачи по дигитализации Евросоюза

С 1 июля 2023 г. председателем в Совете ЕС стала Испания⁴. Одним из приоритетов руководства до 31 декабря 2023 г. она обозначила наполнение конкретным содержанием европейской цифровой повестки в вопросах ИИ, кибербезопасности, инфраструктуры базы данных. Особенность этого периода в том, что в 2024 г. предстоят выборы в Европарламент и назначение нового состава ЕК, что предполагает замедление, даже возможную остановку реализации крупных проектов. Поэтому в рамках испанского председательствa Брюссель постарается добиться максимально возможного прогресса в цифровой трансформации Европейского союза.

Швеция подала хороший пример испанским политикам — с января по июнь 2023 г. был предпринят ряд важных «цифровых» шагов. Например, в конце июня Совету ЕС удалось достигнуть с Европейским парламентом предварительное соглашение по новому Закону о данных, посвященному правилам справедливого доступа к информации и ее использованию. В этот период определенный прогресс наметился и в согласовании ранее заявленных изменений в Регламент об электронной идентификации и услугах доверия для электронных транзакций (eIDAS). Было достигнуто понимание в отношении уникального трансграничного личного идентификационного номера.

Эксперты отмечают, что Испания — один из лидеров цифровой трансформации ЕС. В индексе *DESI* она занимает 7-е место. Очевидны ее успехи в дигитализации госуслуг и госрегулировании ИИ — правительство уже приступило к созданию национального органа по реализации будущего Закона об искусственном интеллекте. Именно дальнейшему продвижению этого документа Мадрид предполагает уделить приоритетное внимание и достигнуть согласия всех вовлеченных сторон к декабрю 2023 г. Наиболее сложным представляется вопрос регулирования основополагающих моделей, основанных на приложениях генеративного ИИ. Он будет обсуждаться на встрече министров цифровых технологий стран *G7* в третьем квартале. Не исключено, что его придется передать саморегулируемым организациям.

К началу 2024 г. предстоит найти решение для обновления Регламента *eIDAS*. Речь идет о «цифровых кошельках», позволяющих гражданам ЕС идентифицировать себя во всех странах Евросоюза и хранить учетные данные на своих смартфонах. Необходимо определить функции кошельков, алгоритм их сертификации и механизмы взаимодействия с цифровым евро.

Мадрид также считает важным и возможным во время председательствa решить вопросы о налоге на «передачу данных», о новом механизме регулирования телекоммуникационного сектора ЕС, включая стандартизацию частот, а также о принятии Закона о гигабитной инфраструктуре и завершении работы над Законом о киберустойчивости. Одновременно он достаточно пессимистичен в отношении

4 Председательство в Совете ЕС осуществляют т.н. «тройки государств», которые в течение 18 месяцев реализуют согласованные друг с другом программы. Государство, которое первым становится председателем, считается негласным лидером. В рамках очередного периода с июля по декабрь 2023 г. им будет Испания, которая после полугодия передаст руководство Советом Бельгии, а та через полгода — Венгрии. Предыдущее трио состояло из Франции, Чехии и Швеции.

регулирования электронной конфиденциальности, призванной дополнить *GDPR* в сферах отслеживания данных, персонализированной рекламы и использования шпионского программного обеспечения. Какого-либо прорыва, как и в период шведского руководства, эксперты не ожидают.

Заключение

За последнее десятилетие Брюссель достиг существенного прогресса в сфере цифровизации хозяйственно-политического пространства Европейского союза и входящих в него государств. Одним из важнейших катализаторов ускорения перехода к цифровой экономике стала заявленная Германией в апреле 2011 г. Четвертая промышленная революция и связанные с ней положения стратегии «Индустрия 4.0». Они оказали значительное влияние на все экономические и общественные сферы ЕС и его стран, дав толчок развитию рамочных условий для цифрового перехода не только к климатически нейтральной экономике, но практически всех сфер современного общества.

К окончанию периода деятельности комиссии под руководством У. фон дер Ляйен (2019–2024 гг.) основное внимание стало уделяться искусственному интеллекту, технологиям хранения и работы с данными, а также кибербезопасности. При этом принимаемые решения оказались под влиянием ценностного подхода (в центре внимания – индивид, климатическая нейтральность, резилентность, циркулярность), который стал искажать первоначальную суть цифрового перехода (например, в промышленности) и тормозить процессы дигитализации на уровне экономических субъектов.

Библиографический список

1. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Switzerland: World Economic Forum, 2016. – 172 p.
2. Белов В.Б. *Цифровая трансформация европейской промышленности // Европа между трех океанов : монография / Под общ. ред. Ал.А. Громыко и В.П. Федорова. – М. : ИЕ РАН : Нестор-История, 2019. – С. 363–378.*
3. Götz M., Jankowska B. *Adoption of Industry 4 Technologies and Company Competitiveness: Case Studies from a Post-Transition Economy. Foresight and STI Governance, 2020, vol. 14, no 4, pp. 61–78. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.61.78.*
4. Толкачев С.А., Морковкин Д.Е. *Тренды цифровизации обрабатывающих отраслей промышленности Германии и России. Пленарные конференции МАЭФ-2019. Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Том 218. С. 260–272.*
5. Ревенко Н.С. *Европейский союз на пути к единому цифровому рынку // Мир новой экономики. 2016. № 2. – С. 6–15.*
6. Соколова М. *Первые успехи нового европейского общего регламента по защите персональных данных // Современная Европа. 2020, № 2. С. 56–66. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220205666>.*
7. Кондратьева Н.Б. *Цифровизация единого рынка ЕС // Европа между трех океанов : монография / Под ред. Ал. А. Громыко, В.П. Федорова. М.: «Нестор-История», 2019. С. 379–395.*
8. Белов В.Б. *Новая промышленная стратегия Евросоюза. Аналитическая записка Института Европы РАН № 13, 2020 (№ 196). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics122020>.*
9. Циренщиков В.С. *Индустрия 5.0 // Европейский союз: факты и комментарии. № 101. Декабрь 2021 – февраль 2022 [Электронное издание]. С. 24–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts12022429>.*

10. *State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary*. 16.09.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1655 (дата обращения 08.07.2023).
11. *Shaping the digital transformation in Europe. Final Report*. European Commission, DG CONNECT. September, 2020. 49 p. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/shaping-digital-transformation-europe> (дата обращения: 31.07.2022).
12. Зиновьева Е., Булва В. Цифровой суверенитет Европейского союза. *Современная Европа*, 2021, № 2, с. 40–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049>.
13. Потемкина О.Ю. Лучше, чем люди? Политика ЕС в области искусственного интеллекта. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2019, № 5. – С. 16–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520191621>.
14. Марченко А.Ю. *Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М.: МГИМО (У) МИД РФ. 2022. 208 с.
15. *Digitaler Kompass 2030: der europäische Weg in die digitale Dekade*. Mitteilung der Kommission an das Europäische Parlament, den Rat, den Europäischen Wirtschafts- und Sozialausschuss und den Ausschuss der Regionen. Brüssel, den 9.03.2021. COM (2021) 118 final. 24 S. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/DOC/?uri=CELEX:52021DC0118&from=en> (дата обращения 08.07.2023).
16. *Europe's Digital Decade: digital targets for 2030*. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en (дата обращения: 08.07.2023).
17. Кондратьева Н.Б. Курс на цифровую трансформацию: дан старт «Цифровому десятилетию» ЕС // *Аналитические записки Института Европы РАН» (Выпуск III) № 27, 2021 (№ 257)*. С. 51–56. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics32720215156>.
18. *Guidance to the Member States on the preparation of the national Digital Decade strategic roadmaps*. Communication from the Commission. Brussels, 28.6.2023 C(2023) 4025 final. – 18 p.
19. Алиев Т.М., Исмаилова О.Д., Попова В.Н. Подходы к оценке уровня цифровизации и выбор политики глобальной электронной коммерции. *Пространственная экономика*, 2020, т. 1, с. 136–164. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.136-164>.
20. Кох Л.В., Кох Ю.В. Анализ существующих подходов к измерению цифровой экономики // *Вестник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета*. Экономика, 2019, т. 1, стр. 78–89. DOI: <https://doi.org/10.18721/IE.12407>.
21. Ткаченко И.Н., Стариков Е. Н. Цифровая экономика: основные тренды и задачи развития // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 244–255. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-244-255>.
22. *Digitalisierungsgrad der EU-Länder gemäß dem Index für die digitale Wirtschaft und Gesellschaft (DESI*) im Jahr 2022*. Statista. 28.11.2022. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1243006/umfrage/digitalisierungsgrad-der-eu-laender-nach-dem-desi-index/> (дата обращения: 08.07.2023).
23. *Digitalisierung: Stillstand statt Fortschritt*. IWD. 10.01.2023. URL: <https://www.iwd.de/artikel/digitalisierung-stillstand-statt-fortschritt-570861/>.
24. *Digital ranking 2022*. IMD. 2023. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 08.07.2023).
25. *Digitalisierung der Wirtschaft in Deutschland*. Digitalisierungsindex 2022. BMWK. Januar 2023. URL: https://www.de.digital/DIGITAL/Redaktion/DE/Digitalisierungsindex/Publikationen/publikation-digitalisierungsindex-2022-langfassung.pdf?__blob=publicationFile&v=3.
26. *D21- Digital-Index 2022/23. Jährliches Lagebild zur Digitalen Gesellschaft*. Initiative D21. Katar. 2023. URL: https://initiated21.de/uploads/03_Studien-Publikationen/D21-Digital-Index/2022-23/d21digitalindex_2022-2023.pdf (дата обращения: 08.07.2023).

References

1. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Switzerland: World Economic Forum, 2016. – 172 p.
2. Belov V.B. *Cifrovaya transformaciya evropejskoj promyshlennosti // Evropa mezhdru trekh okeanov : monografiya / Pod obshch. red. Al.A. Gromyko i V.P. Fedorova. – M. : IE RAN : Nestor-Istoriya, 2019. – S. 363–378.*
3. Götz M., Jankowska B. *Adoption of Industry 4 Technologies and Company Competitiveness: Case Studies from a Post-Transition Economy. Foresight and STI Governance, 2020, vol. 14, No 4, pp. 61–78. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.61.78.*
4. Tolkachev S.A., Morkovkin D.E. *Trendy cifrovizacii obrabatyvayushchih otraslej promyshlennosti Germanii i Rossii. Plenarnye konferencii MAEF-2019. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2019/. Tom 218. S. 260–272.*
5. Revenko N.S. *Evropejskij soyuz na puti k edinomu cifrovomu rynku // Mir novoj ekonomiki. 2016. № 2. – S. 6–15.*
6. Sokolova M. *Pervye uspekhi novogo evropejskogo obshchego reglamenta po zashchite personal'nyh dannyh // Sovremennaya Evropa. 2020, № 2. S. 56–66 DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220205666>.*
7. Kondrat'eva N.B. *Cifrovizaciya edinogo rynka ES // Evropa mezhdru tryoh okeanov : monografiya / Pod red. Al.A. Gromyko, V.P. Fyodorova. M.: «Nestor-Istoriya», 2019. S. 379–395.*
8. Belov V.B. *Novaya promyshlennaya strategiya Evrosoyuza. Analiticheskaya zapiska Instituta Evropy RAN № 13, 2020 (№ 196). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics122020>.*
9. Cirenschikov V.S. *Industriya 5.0 // Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii. № 101. Dekabr' 2021 – fevral' 2022 [Elektronnoe izdanie]. S. 24–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts120222429>.*
10. *State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary. 16.09.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1655 (accessed 08.07.2023).*
11. *Shaping the digital transformation in Europe. Final Report. European Commission, DG CONNECT. September, 2020. 49 p. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/shaping-digital-transformation-europe> (accessed 31.07.2022).*
12. Zinov'eva E., Bulva V. *Cifrovoy suverenitet Evropejskogo soyuza. Sovremennaya Evropa, 2021, № 2, s. 40–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049>.*
13. Potyomkina O.YU. *Luchshe, chem lyudi? Politika ES v oblasti iskusstvennogo intellekta. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN, 2019, № 5. – S. 16–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520191621>.*
14. Marchenko A.YU. *Pravovoj analiz novejshego zakonodatel'stva ES o primenenii tekhnologii iskusstvennogo intellekta. Dissertaciya na soiskanie uchynon' stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. M.: MGIMO (U) MID RF. 2022. 208 s.*
15. *Digitaler Kompass 2030: der europäische Weg in die digitale Dekade. Mitteilung der Kommission an das Europäische Parlament, den Rat, den Europäischen Wirtschafts- und Sozialausschuss und den Ausschuss der Regionen. Brüssel, den 09.03.2021. COM (2021) 118 final. 24 S. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/DOC/?uri=CELEX:52021DC0118&from=en> (accessed 08.07.2023).*
16. *Europe's Digital Decade: digital targets for 2030. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en (accessed 08.07.2023).*
17. Kondrat'eva N.B. *Kurs na cifrovuyu transformaciyu: dan start «Cifrovomu desyatiletiju» ES // Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN» (Vypusk III) № 27, 2021 (№ 257). C. 51–56. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics32720215156>.*
18. *Guidance to the Member States on the preparation of the national Digital Decade strategic roadmaps. Communication from the Commission. Brussels, 28.6.2023 C(2023) 4025 final. – 18 p.*

19. Aliev T.M., Ismagilova O.D., Popova V.N. *Podhody k ocenke urovnya cifrovizacii i vybor politiki global'noj elektronnoj kommercii. Prostranstvennaya ekonomika*, 2020, t. 1, s. 136–164. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.136-164>.
20. Koh L.V., Koh YU.V.V. *Analiz sushchestvuyushchih podhodov k izmereniyu cifrovoj ekonomiki. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomika*, 2019, t. 1, str. 78–89. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.12407>.
21. Tkachenko I. N., Starikov E. N. *Cifrovaya ekonomika: osnovnye trendy i zadachi razvitiya // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 2020. T. 20, vyp. 3. S. 244–255. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-244-255>.
22. *Digitalisierungsgrad der EU-Länder gemäß dem Index für die digitale Wirtschaft und Gesellschaft (DESI*) im Jahr 2022. Statista*. 28.11.2022. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1243006/umfrage/digitalisierungsgrad-der-eu-laender-nach-dem-desi-index/> (accessed 08.07.2023).
23. *Digitalisierung: Stillstand statt Fortschritt. IWD*. 10.01.2023. URL: <https://www.iwd.de/artikel/digitalisierung-stillstand-statt-fortschritt-570861/>.
24. *Digital ranking 2022. IMD*. 2023. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (accessed 08.07.2023).
25. *Digitalisierung der Wirtschaft in Deutschland. Digitalisierungsindex 2022. BMWK. Januar 2023*. URL: https://www.de.digital/DIGITAL/Redaktion/DE/Digitalisierungsindex/Publikationen/publikation-digitalisierungsindex-2022-langfassung.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (accessed 08.07.2023).
26. *D21- Digital-Index 2022/23. Jährliches Lagebild zur Digitalen Gesellschaft. Initiative D21. Katar*. 2023. URL: https://initiatived21.de/uploads/03_Studien-Publikationen/D21-Digital-Index/2022-23/d21digitalindex_2022-2023.pdf (accessed 08.07.2023).

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт Европы Российской академии наук», 125009, Москва, ул. Моховая.
11-3 Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia.

Белов Владислав Борисович / Vladislav B. Belov
belov@instituteofeurope.ru

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

DEINDUSTRIALIZATION OF EUROPE: ILLUSION OR REALITY?

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-227-238

РОГИНКО Сергей Анатольевич

Руководитель Центра экологии и развития Института Европы Российской академии наук, профессор Финансового Университета при Правительстве РФ, к.э.н.

Sergey A. ROGINKO

Head, Environment & Development Center, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Professor, Financial University under Government of the Russian Federation, Ph. D., Economics

Аннотация

Цель статьи – анализ актуальных тенденций развития промышленности Европы, определяемых в последнее время как деиндустриализация. Проводится разбор понятия индустриализации и его связи с общим трендом перехода к постиндустриальному обществу. Исследуются общая динамика изменения роли промышленности в экономике ЕС за последние 30 лет и причины релокации европейской промышленности за пределы Европы в период глобальной политической турбулентности начиная с 2020 г. Дается оценка влияния принятого в США Закона о сокращении инфляции (IRA) на европейскую промышленность, включая стимулы перевода предприятий в США.

Abstract

Goal of the article is to analyze the current trends in the development of industry in Europe, defined recently as deindustrialization. Analysis of the concept of industrialization and its connection with the general trend of transition to a post-industrial society is carried out. General dynamics of changes in the role of industry in the EU economy over the past 30 years and the reasons for the relocation of European industry outside Europe during the period of global political turbulence starting in 2020 are investigated. The impact of the Inflation Reduction Act (IRA) adopted in the United States on European industry, including incentives for transferring enterprises to the United States, is assessed.

Ключевые слова

Деиндустриализация, постиндустриальное общество, модель Кларка – Фишера, структурный гомеостазис, конкурентоспособность продукции, энергоемкие отрасли, выбросы парниковых газов, энергетический кризис, релокация.

Keywords

Deindustrialization, postindustrial society, Clark–Fisher model, structural homeostasis, product competitiveness, energy-intensive industries, greenhouse gas emissions, energy crisis, relocation.

Словосочетание «деиндустриализация Европы» стало в последние месяцы сверхпопулярным и подается в СМИ в качестве парадоксальной новости. И в самом деле, для Европы, ставшей в свое время родиной современной промышленности, тема может восприниматься как нерелевантная. И тем не менее она не только в топе новостей масс-медиа — деиндустриализацию Европы обсуждают престижные аналитические центры, промышленные союзы, парламенты и правительства. Постараемся определить, насколько эта проблема нова и какие последствия для Европы можно от нее ожидать.

Теория и история

Как известно, новое — это хорошо забытое старое, и в случае с деиндустриализацией подтвердить это нетрудно: достаточно вспомнить идеи 70–80-летней давности. В частности, отцом идеи деиндустриализации считается известный технократ Жан Фурастье, который первым сформулировал концепцию постиндустриального общества; последнее ему представлялось как «цивилизация услуг». Это видение базировалось на т.н. модели Кларка — Фишера, выделяющей в экономике три сектора деятельности: добыча сырья (первичный), производственный (вторичный), и сфера услуг (третичный).

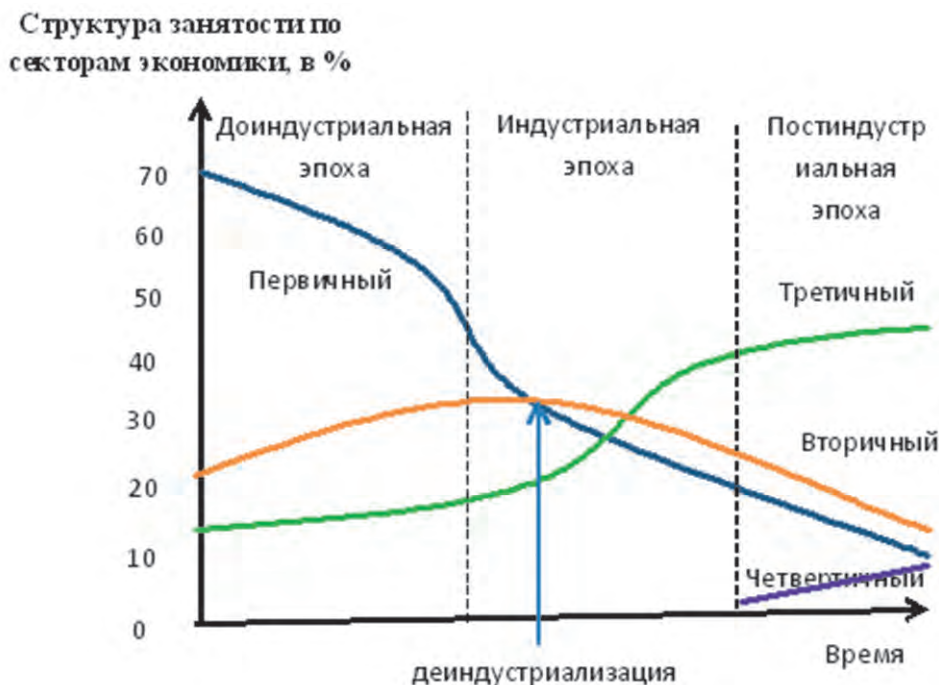
В своей работе «Условия экономического прогресса» [1] Колин Кларк указывает на три стадии развития, различающиеся по темпам роста производительности труда: аграрную (медленный рост), промышленную (максимальные темпы) и стадию преимущественного роста сферы услуг (замедление темпов). Что касается секторальной структуры занятости, то Жан Фурастье в своей известной книге «Большая надежда XX века» [2] предполагает следующее распределение рабочей силы между тремя секторами в различные этапы развития:

- Традиционная цивилизация (доиндустриальное общество): первичный сектор — 70%, вторичный сектор — 20%, третичный сектор — 10%.
- Индустриальное общество: первичный сектор — 40%, вторичный сектор — 40%, третичный сектор — 20%.
- Постиндустриальное общество: первичный сектор — 10%, вторичный сектор — 20%, третичный сектор — 70%.

При этом Ж. Фурастье выдвигает специальную гипотезу о времени наступления деиндустриализации в развитии той или иной страны (рис. 1). По его мнению, этой точкой является точка пересечения кривых падения первичного сектора и подъема вторичного сектора; с этой точки равновесия предполагалось начало падения вторичного сектора и возвышение в недалекой перспективе третичного сектора в качестве лидера экономики.

Идеи Кларка и Фурастье подготовили концепцию «нулевого роста», выдвинутую в 70-е гг. Римским клубом и во многом определившую общий подход к роли промышленности, принятый мировыми лидерами конца XX века. В частности, и Рональд Рейган, и Маргарет Тэтчер исходили из того, что промышленное

Рис. 1. Структура занятости в разные этапы развития общества и точка наступления деиндустриализации по Ж. Фурастье

производство товаров – не совсем подходящее дело для развитых стран, которым уготована трансформация в постиндустриальные общества, в то время как собственно производства должны быть перемещены в страны с низкими издержками на рабочую силу и экологии или полностью автоматизированы. Собственно, эта схема полностью вписывается в появившуюся позже концепцию глобализации, которая окончательно хоронит в вопросе разделения труда национальные границы и создает по-настоящему глобальный рынок, обслуживаемый глобальной логистикой, обеспечивающей надежность и устойчивость производственных цепочек. И гарантирует прозрачность границ для товарных потоков с помощью процедур ГАТТ–ВТО.

Это – в теории. На практике же дело обстояло следующим образом: в ЕС доля промышленности в валовой добавленной стоимости снизилась с 20% в 1995г. до 16,5% в 2021 г. [3]. Во многом это объяснялось релокацией европейских предприятий, вызванной, прежде всего, соображениями экономии на рабочей силе и на чисто природоохранных мероприятиях. Однако следует заметить, что к середине «нулевых» этот тренд был во многом исчерпан, что показывает относительная стабилизация доли промышленности в ВВП Евросоюза в целом и его ведущих промышленных стран (рис. 2).

Как нетрудно определить по рис. 2, эта доля в период 2012–2022 гг. колебалась в пределах 1% ВВП и в 2014–2016 и 2021–2022 гг. показывала некоторый рост. Данные по ведущим индустриальным странам ЕС за 2005–2022 гг. подтверждают картину относительной устойчивости доли промышленности в ВВП (см. таблицу).

Как видно из таблицы, даже за длительный период (17 лет) доля промышленности в ВВП ведущих индустриальных стран Евросоюза изменилась незначительно: в частности, в Германии она упала с 25,1 до 23,5%, во Франции – с 16,4 до 14%,

Рис. 2. Доля промышленности в ВВП Евросоюза в период 2012–2022 гг.

Источник:
Tradeconomics.com

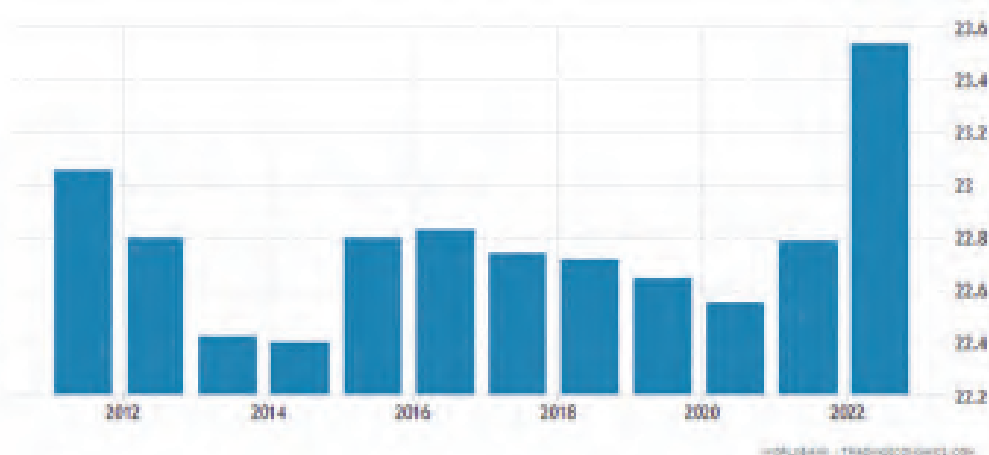

Таблица. Доля промышленности в ВВП ведущих индустриальных стран Евросоюза (Германии, Франции, Италии, Нидерландов, Австрии, Ирландии, Бельгии) в период 2005–2022 гг.

	Германия	Франция	Италия	Нидерланды	Австрия	Ирландия	Бельгия
2005	25.1	16.4	19.9	18.1	23.4	24.5	20.4
2006	25.9	15.8	20.2	18.	23.8	23.6	19.5
2007	26.2	15.3	20.5	18.1	24.0	23.0	19.5
2008	25.7	14.6	20.2	18.3	23.3	22.4	18.5
2009	23.3	14.0	18.3	16.6	22.1	25.8	17.4
2010	25.4	13.8	18.8	16.7	22.2	24.1	17.9
2011	25.7	14.0	18.8	17.2	22.2	25.5	17.6
2012	25.8	14.1	18.7	17.5	22.4	24.8	17.0
2013	25.2	14.1	18.7	17.1	22.2	23.9	16.9
2014	25.4	14.1	18.7	16.2	22.1	24.0	16.7
2015	25.3	14.3	18.9	16.0	22.0	38.9	16.8
2016	25.7	14.1	19.4	15.2	22.3	36.8	16.5
2017	25.7	13.9	19.6	15.2	22.1	36.1	16.5
2018	25.3	13.8	19.9	15.2	21.9	37.5	15.9
2019	25.0	13.9	19.7	14.7	21.6	35.2	16.3
2020	23.9	13.2	19.4	14.7	21.7	37.4	16.4
2021	24.0	13.1	20.3	14.9	21.6	38.0	16.6
2022	23.5	14.0	20.5	16.4	21.4	41.1	17.7

Источник: UNECE <https://w3.unece.org/PXWeb/en/Table?IndicatorCode=11>

а в Италии — даже выросла с 19,9 до 20,5%. Пример Италии не единичен: в Ирландии доля промышленности в ВВП выросла больше чем в 1,5 раза: с 24,5 до 41,1% [4].

Такая относительная стабильность доли промышленности в ВВП ЕС заставляла предположить, что в целом экономика региона вышла на состояние структурного гомеостаза, в целом близкого к той модели постиндустриального общества, которая была описана еще Кларком и Фурастье. Чтобы определить соответствие точнее, воспользуемся критерием Фурастье, а именно распределением рабочей силы между тремя секторами. По данным Евростата, на I квартал 2023 г. общее количество занятых в ЕС составляло 195,1 млн чел. [5]. Из них на занятых в промышленности приходилось 24,69% (данные на декабрь 2021 г.) [6]. Что же касается занятых в аграрном секторе, то их доля на тот же период составляла 4,49% [7].

Тем самым если применять критерии Фурастье строго и буквально, то можно сделать вывод, что по доле занятых в аграрном секторе Евросоюз давно вышел на соответствие параметрам постиндустриального общества, а по доле занятых в промышленности — несколько до них не дотягивает. Но не стоит забывать, что всякая закономерность, зафиксированная как глобальный тренд, не может по определению учесть специфику ее действия в каждом конкретном регионе. В случае Евросоюза до самого последнего времени точка равновесия между секторами была достигнута еще 15 лет назад и с тех пор особо не менялась. Это подтверждается статистикой: доля занятых в промышленности падала в 90-е гг. (особенно резко) и «нулевые» — с 33,75% на конец декабря 1991 г. до 26,15% на конец декабря 2010 г [6] — и с тех пор оставалась относительно стабильной.

Эпоха турбулентности

Наступившая в 2020 г. эпоха турбулентности поставила европейскую промышленность перед небывалыми вызовами, связанными с действием ряда факторов, в т.ч.:

- пандемия COVID-19, вызвавшая деформацию спроса и серьезные нарушения в цепочках поставок;
- энергетические кризисы 2020 и 2021 гг., вызванные климатической повесткой ЕС, приведшей к гипертрофированной доле ВИЭ в электрогенерации, и сопровождаемые массовыми блэкаутами и ростом цен на топливо и электроэнергию;
- продолжающаяся линия Еврокомиссии на ужесточение климатических целей, навязывание промышленности обременительных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов;
- рост цен на разрешения на выбросы парниковых газов (EUA) в Европейской системе торговли выбросами (EU ETS), которой охвачены предприятия энергоемких отраслей промышленности стран ЕС;
- политически ангажированное решение ЕС по отказу от импорта российских энергоносителей, приведшее к дефициту топлива и электроэнергии и небывалому всплеску цен на них;
- принятие в США в августе 2022 г. первого закона климатического характера — т.н. Закона о снижении инфляции (Inflation Reduction Act — IRA [8]), создающего серьезные стимулы для перевода ряда предприятий европейской промышленности в США.

Сочетание таких факторов породило многочисленные проблемы для европейской промышленности, вынужденной функционировать в необычной по токсичности среде. Объем настоящей статьи не позволяет раскрыть в деталях все злоключения

европейского индустриального сектора за последние три года; напомним только некоторые детали картины.

Влияние повышения цен на энергоносители на конкурентоспособность продукции промышленные предприятия стран ЕС начали ощущать еще осенью 2021 г. Раньше других с проблемой предсказуемо столкнулись европейские операторы электродуговых печей, у которых стоимость электроэнергии составляет основную часть издержек. В октябре 2021 г. появились первые известия об остановке предприятий. В частности, крупнейшая сталелитейная компания Европы ArcelorMittal начала приостанавливать производство на некоторых заводах из-за высокой стоимости энергоносителей [9]. Аналогичные шаги предприняла испанская сталелитейная компания Sidenor, уведомившая об остановке производства из-за «заоблачных цен на электричество». Менеджмент Sidenor констатировал потерю конкурентоспособности продукции и сделал вывод о нецелесообразности поддерживать текущий уровень производства [10].

С ноября 2021 г. был остановлен завод Lech-Stahlwerke (г. Майтинген, Германия) – единственное в Баварии предприятие черной металлургии, также использующее электродуговые печи для производства стальных заготовок из лома. Причина та же: потеря конкурентоспособности [11].

События 2021 года стали только началом: последовавший в 2022 г. новый всплеск цен вызвал уже массовую остановку предприятий в Германии, Польше, Испании, Словакии, Чехии, Франции, Италии. Все производители указывали, что повышение цен на энергию и топливо выводит их продукцию за рамки конкурентоспособности на мировом рынке.

Всплеск издержек оказался не по силам даже технологическим лидерам отрасли: например, сверхсовременному по уровню энергоэффективности предприятию Osorpo компании Ferriere Nord, прошедшему в сентябре 2019 г. полную реновацию: там была установлена электродуговая печь мощностью 2,2 млн тонн в год с рекордно низким удельным уровнем энергопотребления и высокими показателями эффективности цикла плавки. И тем не менее компания Ferriere Nord в конце августа 2022 г. приняла решение об остановке завода из-за высоких затрат на электроэнергию [12].

Еще серьезней ситуация в цветной металлургии, и прежде всего в производстве такого ключевого металла зеленой экономики как алюминий. Для выпуска 1 тонны которого требуется в 40 раз больше электроэнергии, чем для выпуска 1 тонны стали. В структуре затрат алюминиевых компаний электроэнергия стоит на первом месте, традиционно «занимая» 40%. Реактивный рост цен на энергию привел к массовой остановке предприятий: из общих производственных мощностей Европы, оцениваемых на уровне 2,7 млн т, были выведены на временной или постоянной основе порядка 1,4 млн т. Общие потери производства за 2022 г. составили 540 тыс. т, и этот год стал самым неудачным для отрасли за весь XXI век [13].

Некоторое снижение цен на электроэнергию не стало серьезным стимулом возобновления производства для алюминиевых компаний, тем более что запуск остановленных цехов – дело, требующее времени и средств. Пока на этот шаг решился только один производитель – французская компания Aluminium Dunkerque, собравшаяся восстановить скромные мощности в 60 тыс. т/г и запросившая на эти цели государственную поддержку. Вместе с тем до сих пор в зоне риска находятся

предприятия общей мощностью 600 тыс. т, которые могут быть остановлены в случае нового витка цен [13].

Не лучше обстоит дело в основной химии и нефтехимии, производстве удобрений, стекла, строительных материалов и других энергоемких отраслях. Например, традиционно в производстве удобрений от 60 до 80% производственных затрат приходится на природный газ; однако с сентября 2021 г., когда Европа столкнулась с исключительно высокими ценами на газ, эта доля в затратах выросла до 90% и более [14]. В итоге уже к августу 2022 г. были остановлены 70% производственных мощностей отрасли в Европе; в августе 2022 г. к ним добавились такие лидеры, как Yara International ASA и CF Industries.

Отраслевые объединения промышленников Европы обоснованно бьют тревогу: в типичном для ситуации заявлении Якоба Хансена, генерального директора Fertilizers Europe, говорится: «Нынешний кризис требует быстрых и решительных действий со стороны ЕС и национальных политиков как для рынка энергетики, так и для рынка удобрений» [15].

Европейский ответ и американский вызов

Ряд примеров подобного типа можно долго перечислять, но гораздо важнее, на наш взгляд, выяснить общие масштабы проблемы, ее влияние на европейскую экономику в целом. Разумеется, учитывая сравнительно небольшую долю промышленности в структуре европейской экономики, не стоит ожидать впечатляющих цифр. По данным Eurostat на май 2023 г., промышленное производство в 20 странах, входящих в зону евро, в марте 2023 г. сократилось на 4,1% по отношению к марту 2022 г. Выпуск инвестиционных товаров – таких как оборудование и здания, используемые для производства продукции и предоставления услуг, – снизился на 15,4% за тот же месяц [16].

Реакцию руководства Евросоюза на возникшую в 2021 г. кризисную ситуацию в энергоемких отраслях промышленности можно описать как умеренно-тревожную; но в 2022 г. она перешла на уровень, близкий к панике. Причиной такой перемены стало принятие в США в августе 2022 г. первого закона климатического характера – т.н. Закона о снижении инфляции (Inflation Reduction Act – IRA [8]), создающего серьезные стимулы для перевода ряда предприятий европейской промышленности в США.

Название Закона о снижении инфляции обманчиво, поскольку по своему контенту он является типичным документом климатической политики; основные меры, включенные в него, являются довольно традиционными для документов подобного рода, в т.ч.:

- расширение производства возобновляемых источников энергии;
- налоговые льготы для стимулирования продаж электромобилей и субсидии на их покупку (для электромобилей отечественного производства);
- развитие низкоуглеродных технологий, в т.ч. в сельском хозяйстве и транспорте;
- налоговые кредиты на производство чистого водорода.

Заложенный в IRA бюджет – 370 млрд долл. – может казаться впечатляющим на первый взгляд; однако следует учесть, что эти 370 млрд долл. выделены в расчете на десятилетие. В пересчете на год средний объем выделяемых средств оказывается на уровне 37 млрд долл., что вряд ли может считаться для Америки или Европы неординарно масштабной суммой.

Тем не менее руководство Евросоюза и ведущих стран ЕС восприняло этот закон очень болезненно. Одним из первых на эту протекционистскую меру США отреагировал президент Франции Эммануэль Макрон, предложивший принять на уровне ЕС закон «Покупай европейское» (Buy european act) [17]. В качестве альтернативы Макрон предпринял попытку добиться от американской стороны пересмотра некоторых положений IRA, сделав этот вопрос главной темой повестки дня своего государственного визита в Вашингтон в ноябре 2022 г. [18].

Взяв в союзники Германию, Франция формулирует свои претензии к США весьма жестко: в частности, на совместной пресс-конференции с вице-канцлером, министром экономики Германии Робертом Хабекком министр финансов Франции Бруно Ле Мэр заявил, что закон Джо Байдена о климате показывает, что США приняли промышленную политику, которая схожа с китайской моделью крупных субсидий для стимулирования внутреннего производства. Министры Франции и Германии согласились с необходимостью укрепления европейской промышленности, если власти по обе стороны Атлантики не смогут достичь компромисса. По словам Хабекка, ЕС должен действовать более быстро и решительно [19].

Аналогичные шаги предпринял и Евросоюз, направивший целевую группу в Вашингтон, чтобы изложить свои опасения по поводу Закона о снижении инфляции. Встреча прошла 5 декабря 2022 г. в рамках Совета по торговле и технологиям США – ЕС, но ни к каким серьезным результатам не привела; риторика Евросоюза о том, что американский закон подрывает европейскую экономику и раскалывает «единый Запад», успеха не возымела. Не вышла у Евросоюза и попытка шантажировать США угрозой новой «торговой войны».

Собственно, многие европейские политики понимают, что серьезное противодействие Америке невозможно в нынешней геополитической ситуации, несмотря на явно протекционистский характер нового закона, противоречащий нормам ВТО. Даже председатель комитета по торговле Европарламента Бернд Ланге, призвавший подать жалобу на США в ВТО, открыто признал символический характер подобного шага. По его словам, «несколько небольших изменений в вопросе реализации IRA все еще могут быть согласованы в ходе переговоров. Но не думаю, что что-то существенно изменится, поскольку закон уже принят» [20].

Когда к осени 2022 г. перспектива вступления закона IRA в силу стала очевидной, бегство европейской промышленности приняло масштабный характер. Примеров более чем достаточно, приведем лишь несколько. В частности, Volkswagen приостановил строительство нового аккумуляторного завода в Нижней Саксонии и в марте 2023 г. обнародовал планы по строительству завода стоимостью 2 миллиарда долларов в Южной Каролине, где он хочет возродить бренд Scout, популярный в Америке в 60-х и 70-х годах [21].

Лидер немецкой химической промышленности – концерн BASF закрыл последние свои два завода на территории Германии. Планы BASF по строительству в Германии ультрасовременного производственного комплекса, который, по утверждению компании, должен стать золотым стандартом устойчивого производства, не будут реализованы. Этот комплекс стоимостью в 10 миллиардов долларов будет возведен за пределами ЕС.

Мотивы такого решения лежат на поверхности: убытки от операций в Германии, составившие в 2022 г. 130 миллионов евро. Как заявил акционерам в апреле исполнительный директор BASF Мартин Брудермюллер, «мы все больше

беспокоимся о нашем внутреннем рынке. Прибыльность больше не находится на том уровне, на котором она должна быть» [22].

Аналогичные решения принимают многие европейские компании: Evonik Industries, Linde AG, Siemens AG и другие. Все они не прекращают свою деятельность, а просто переводят свои производственные мощности за пределы ЕС. Как отметила генеральный директор Германского промышленного союза (BDI) Таня Геннер, «каждая четвертая немецкая компания рассматривает возможность переноса производства в другие страны из-за энергетического кризиса. Высокие цены на энергоносители и слабеющая экономика наносят серьезный удар по Германии, и местным компаниям приходится тяжелее по сравнению с теми, что находятся в других странах. Немецкая бизнес-модель испытывает огромный стресс» [23].

Наблюдая эффект действия закона IRA, некоторые европейские комментаторы превозносят этот закон до небес, суля ему небывалую эффективность. В частности, известный французский аналитик Жан-Марк Сильвестр дает такую оценку: «Этот план просто невероятен по своим амбициям и последствиям для американского общества. Закончив период раздувания финансов и превращения Америки в чемпиона мира по финансовой экономике, страна уходит от финансовой экономики и возвращается к индустриальной экономике» [24].

Что это значит? Фактически заявлен новый поворот в структурной динамике: отход от базового тренда деиндустриализации и перехода к постиндустриальной модели. Этот поворот вряд ли обусловлен объективными экономическими законами: скорее тут просматривается геополитика, которая в последнее время начинает доминировать над чисто экономическими мотивами. Приходящая на место глобализации регионализация поставила США в чрезвычайно некомфортное положение страны, потерявшей ряд базовых производств и соответствующих компетенций. Что в условиях глобальной экономики не создавало дискомфорта; превосходство в финансовой и информационной сферах казалось достаточным условием для доминирования. Новая ситуация глобального раскола на *West against the rest* (Запад против всех) потребовала от США если не автаркии, то как минимум большей самодостаточности в производственной сфере.

Выявившаяся зависимость от азиатских стран, и прежде всего от своего политического оппонента — Китая, была сочтена неприемлемой; курс на реиндустриализацию США был принят еще в президентство Дональда Трампа, провозгласившего лозунг «*Make America great again*». Противодействие Демократической партии, ставившей палки в колеса любым начинаниям Д. Трампа, привело к тому, что последний не достиг успеха. Устранив конкурента, демократы ухватились за популярный лозунг: цель создания новых рабочих мест стала самым распространенным фрагментом всех документов администрации Д. Байдена, относящихся к экономике. Другой вопрос — кто будет работать на этих местах, если речь идет о промышленности; в Америке уже не первый год ощущается нехватка квалифицированной рабочей силы, без которой восстановить производство — задача нерешаемая; впрочем, и тут существует надежда решить свои проблемы за счет Европы, подталкивая не только перенос предприятий, но и переезд компетентных кадров.

Так или иначе закон IRA стал первой попыткой США решить проблемы развития промышленности за чужой счет. Полгода действия закона — слишком короткий период для оценки его работы, не говоря уже о подведении каких-либо итогов.

И тем не менее есть ряд моментов, которые можно прокомментировать уже сейчас. А именно:

■ Не оправдались прогнозы о том, что принятие IRA вызовет повальное бегство промышленных предприятий из Европы.

■ Выяснилось, что стимулы IRA по релокации «работают» только для весьма узкого сегмента производств, так или иначе связанных с зеленой экономикой. В частности, речь идет о производстве электромобилей, аккумуляторов, оборудования для ветровых и солнечных станций, для производства, транспортирования и хранения зеленого водорода и т.д.

■ Релокация предприятий остальных отраслей европейской промышленности связана с факторами внутреннего характера, не имеющими отношения к внешним мерам, и прежде всего к стоимости топлива и электроэнергии и административному давлению, включая меры климатической политики.

Вопрос о том, как Евросоюз намерен решать возникшую проблему, остается открытым. Конечно, на уровне лозунгов и заявлений все в порядке: в частности, в базовом документе «Зеленого курса» The European Green Deal (EC COM(2019) 640 final) упоминается необходимость сохранения оставшихся энергоемких производств. Читаем: «Энергоемкие отрасли, такие как сталь, химикаты и цемент, необходимы для европейской экономики» [25].

С выполнением поставленных задач и защитой европейских предприятий дело обстоит несколько хуже. Неудачей кончились все попытки лидеров объединенной Европы добиться от США какого-либо смягчения условий применения закона IRA: не помогли переговоры с Дж. Байденом не только президента Франции Э. Макрона, но и канцлера Германии О. Шольца. Что вполне объяснимо не только общим подходом Штатов к европейским партнерам, но и поведением последних в международной климатической повестке, и прежде всего введением механизма трансграничного углеродного налога (СВАМ); с точки зрения использования климатической темы для деформации правил внешней торговли закон IRA вполне можно рассматривать как ассиметричный ответ Америки на упомянутый шаг Евросоюза. Европейский пример использования климатической демагогии для получения односторонних неправомерных преимуществ в торговле вернулся Брюсселю бумерангом.

Не возымела успех идея Э. Макрона о принятии закона Buy European; ничего не слышно и о жалобе на США в ВТО, которую собирались подавать некоторые руководители ЕС. Вместо этого Евросоюз в марте 2023 г. принимает очередной документ по развитию зеленой промышленности – т.н. «Зеленый план для промышленности» (A Green Deal Industrial Plan for the Net-Zero Age) [26], который ни разу не упоминает об энергоемких отраслях, но целиком посвящен зеленой повестке. Основная цель – добиться локализации 40% зеленых технологий к 2030 г.: речь идет об оборудовании для солнечных и ветровых электростанций, аккумуляторах, тепловых насосах, электролизерах, топливных элементах и биогазе. А также об «улавливании углерода»: к 2030 г. собираются создать подземные хранилища для CO² на объемы 50 млн т. Причем к выполнению этой задачи решено привлечь нефтяные и газовые компании.

А как же насчет поддержки энергоемких секторов? Похоже, здесь начал действовать принцип «спасайся кто может». И компании адекватно восприняли сигнал, уходя из европейской убыточной зоны и перемещая производство за ее пределы. Причем не столько в США (поддерживающих только зеленые сектора), сколько в Китай. В частности, именно в Китае планирует BASF строить упомянутый

выше современный производственный комплекс стоимостью в 10 миллиардов долларов. И BASF не одинок в своих намерениях, что ставит под вопрос судьбы традиционных отраслей промышленности Европы.

Библиографический список / References

1. Clark C. *The Conditions of Economic Progress*. – London: Macmillan, 1940.
2. Fourastié J. *Le Grand Espoir du XXe siècle: Progrès technique, progrès économique, progrès social*. – Paris: Presses Universitaires de France, 1949.
3. Born D. Vogt P. *De-industrialization in Europe?* | Roland Berger, December 2022. <https://www.rolandberger.com>.
4. *Share of industry in GDP*. UNECE. <https://w3.unece.org/PXWeb/en/Table?IndicatorCode=11>.
5. *EU labour market – quarterly statistics*. Eurostat. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_labour_market_-_quarterly_statistics#:~:text=In%20the%20first%20quarter%20of%202023%2C%20195.1%20million%20persons%20in,as%20shown%20in%20Figure%201.
6. *European Union Employment in Industry*. Ycharts -2021 https://ycharts.com/indicators/europe_employment_in_industry.
7. *Employment in agriculture in the European union*. Theglobaleconomy.com https://www.theglobaleconomy.com/rankings/employment_in_agriculture/European-union/.
8. H.R.5376 (2022). – *Inflation Reduction Act of 2022*. 117th Congress (2021-2022) | G <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text>.
9. Pfeijfer S. ArcelorMittal ‘pauses’ output at some European plants as energy costs bite. *Financial Times*, October 14, 2021. <https://www.ft.com/content/65081acd-8382-42eb-a246-8a20871ed889>.
10. *Sidenor is compelled to stop its activity due to exorbitant electricity prices*. Press release. <https://www.sidenor.com/en/exorbitant-electricity-price-sidenor-to-shut-down/>.
11. Wiedemann K. *First production stops due to energy price crisis*. *Energate-messenger*, March 10, 2022. <https://www.energate-messenger.com/news/220729/first-production-stops-due-to-energy-price-crisis>.
12. *Pittini’s Ferriere Nord suspends work at Osoppo plant in Italy on high energy costs: source*. *Eurometal.net*, Aug 31 2022. <https://eurometal.net/pittinis-ferriere-nord-suspends-work-at-osoppo-plant-in-italy-on-high-energy-costs-source/>.
13. Manthley E. *Aluminium smelter shutdowns threaten Europe’s green transition*. *Think.ing.com* 14 March 2023. <https://think.ing.com/articles/aluminium-smelter-shutdowns-threaten-europes-green-transition/>.
14. *Industry Competitiveness. Why Europe needs a strong domestic fertilizer industry*. *Fertilizers Europe overview 2021/2022*. <https://www.fertilizerseurope.com/AnnualOverview/images/industry.pdf>.
15. Gebre S., Elkin E. *Europe’s Deepening Fertilizer Crunch Threatens Food Crisis*. *Bloomberg*, August 26, 2022 <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-26/europe-s-fertilizer-crisis-deepens-with-70-of-capacity-hit>.
16. *Euro zone industry output falls sharply, with Ireland plunge*. *Reuters*, May 15, 2023. <https://www.reuters.com/markets/europe/euro-zone-industry-output-falls-sharply-with-ireland-plunge-2023-05-15/>.
17. Geerolf F. *L’industrie européenne, sempiternelle grande victime de la naïveté des dirigeants de l’UE*. *Atlantico*, 22 novembre 2022. <https://atlantico.fr/article/decryptage/l-industrie-europeenne-sempiternelle-grande-victime-de-la-naivete-des-dirigeants-de-l-ue-inflation-reduction-act-etats-unis-joe-biden-dirigeants-union-europeenne-naivete-subsidations-industrie-usines-vertes-francois-geerolf>.
18. Bohineust A. *Les États-Unis, nouvel eldorado des industriels*. *Le Figaro*, 11/12/2022. <https://www.lefigaro.fr/societes/les-etats-unis-nouvel-eldorado-des-industriels-20221211>.

19. Horobin W., Delfs A. *Bloomberg*, 22.11. 2022. *France Accuses US of Pursuing China-Style Industrial Policy*. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-11-22/france-accuses-us-of-pursuing-china-style-industrial-policy>.
20. Kerl C. *Joe Biden enttaeuscht europaer jetzt droht der handelskrieg*. *Berliner morgenpost*, 03.12.2022. <https://www.morgenpost.de/politik/article237063357/joe-biden-enttaeuscht-europa-handelskrieg.html>.
21. Shepardson D., Burger L. *Volkswagen's Scout to build \$2 bln plant in South Carolina*. *Reuters*, March 3, 2023. <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/volkswagens-scout-says-build-2-bln-manufacturing-plant-south-carolina-2023-03-03/>.
22. Karnitschnig M. *Rust-belt-on-the-rhine*. *Politico*, July 13, 2023 <https://www.politico.eu/article/rust-belt-on-the-rhine-the-deindustrialization-of-germany/>.
23. *Companies in Germany began to consider the transfer of business to other countries*. November 27, 2022 <https://thestoriest.com/world/191033.html>.
24. Sylvestre J-M. *La priorité des Américains n'est pas la guerre en Ukraine, la priorité c'est de mettre l'économie en capacité de résister aux Chinois* *Atlantico* 26 janvier 2023 <https://atlantico.fr/article/decryptage/la-priorite-des-americaains-n-est-pas-la-guerre-en-ukraine-la-priorite-c-est-de-mettre-l-economie-en-capacite-de-resister-aux-chinois-jean-marc-sylvestre>.
25. *Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European economic and social Committee and the Committee of the regions The European Green Deal. COM/2019/640 final* <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN>. *Communication from the Commission to the European Parliament, the European council, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. A Green Deal Industrial Plan for the Net-Zero Age COM (2023) 62 final*. https://commission.europa.eu/system/files/2023-02/COM_2023_62_2_EN_ACT_A%20Green%20Deal%20Industrial%20Plan%20for%20the%20Net-Zero%20Age.pdf.

Контактная информация / **Contact information**

Институт Европы РАН, 125009, г. Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3.

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 11-3, Mokhovaya str., 125009, Moscow, Russia.

Рогинко Сергей Анатольевич / Sergey A. Roginko

roginko@bk.ru

ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ КОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

DIGITAL TRANSFORMATION TRENDS IN COMMERCIAL ECONOMY SECTOR

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-239-250

КУРЕНКОВ Александр Львович

Доцент кафедры цифровой экономики Института развития информационного общества РЭУ им. Г.В. Плеханова, к.т.н.

Aleksandr L. KURENKOV

Docent of the Department of Digital Economy of the Institute of the Information Society of Plekhanov Russian University of Economics, candidate of technical sciences

Аннотация

В статье рассмотрены и проанализированы ряд современных тенденций цифровой трансформации предприятий коммерческого сектора экономики как инструмента стратегического управления. С учетом этих тенденций сформулированы предпосылки развития инструментария планирования, проведения и оценки эффективности цифровой трансформации компаний. Теоретическую базу составили труды отечественных и зарубежных ученых в области планирования и реализации цифровой трансформации, профильные стандарты, а также практический опыт реализации проектов в этой области. Методологическая база исследования включает методы системного анализа и синтеза. Текущая промышленная революция характеризуется и обусловлена не только накопленным потенциалом новых информационных технологий, который по закону диалектики перехода количества в качество можно использовать при производстве конечных продуктов и услуг предприятия, но и изменением потребительской внешней среды. Развитие и доступность современных технологий привели к изменению поведения людей, в том числе потребительского поведения, скорости обмена информацией, ее анализа. Существенно расширились возможности продвижения продуктов на массовую аудиторию. Стратегическое планирование переместилось в сторону разработки продуктовой линейки, планирования ее развития с учетом возможностей современных информационных технологий как внутри компании, так и вне ее. Сложность процессов проектирования, реализации и оценки эффективности цифровой трансформации, ориентация на сложного, не однородного массового потребителя предполагает использова-

ние современного стека методик управления и автоматизации самих процессов управления на современном уровне с использованием механизмов продуктового подхода: оправданным становится упоминание цифровой и бизнес-стратегии как единого целого, использование гибких методологий управления, использование при мониторинге и оценке эффективности цифровой трансформации инструментария на базе продуктовой финансовой модели.

Abstract

This article analyze a number of current trends in the digital transformation of enterprises in economy commercial sector as a tool for strategic management. Taking into account these trends, the prerequisites for digital transformation planning, conducting and effectiveness evaluating tools development are formulated. Domestic and foreign scientists researches, standards, as well as practical experience form the theoretical base of this article. The methodological base includes methods of system analysis and synthesis. The current industrial revolution is characterized not only by the accumulated potential of new information technologies, which, according to the law of the dialectic of the transition from quantity to quality, can be used in enterprise products production, but also by changes in consumer environment. The development and availability of modern technologies has led to changes in consumer behavior. Opportunities to promote products to a mass audience have significantly expanded. Strategic planning has moved towards the development of a product line, planning its development, taking into account the capabilities of modern information technologies, both inside the company and outside it. The complexity of the processes of designing, implementing and evaluating the effectiveness of digital transformation, focusing on a complex, non-homogeneous mass consumer involves the use of a modern stack of management techniques and automation of the management processes themselves at the modern level using the mechanisms of the product approach: it becomes justified to mention the digital and business strategy as a monolith, use of flexible management methodologies, use of tools for monitoring and evaluating the effectiveness of digital transformation based on a product financial model.

Ключевые слова

Цифровая трансформация, тенденции цифровой трансформации, изменение поведенческой внешней среды, бизнес-среда, ориентация продуктовой линейки на массового потребителя, продуктовый подход, развитие инструментария планирования, проведения и оценки эффективности цифровой трансформации.

Keywords

Digital transformation, digital transformation trends, changes in behavioral external environment, business environment, product line to mass consumer, product approach, tools for planning, conducting and evaluating the effectiveness of digital transformation.

За относительно не долгую историю (несколько десятилетий) роль ИТ в управлении предприятием выросла от вторичной поддерживающей функции к одной из основных, без которой современные компании теряют конкурентоспособность, а зачастую и возможность самой работы в современном бизнес-окружении.

Целью настоящей статьи является обзор и анализ некоторых современных тенденций цифровой трансформации предприятий коммерческого сектора, выявление предпосылок развития инструментария ее планирования, проведения и оценки эффективности.

Теоретическую базу составили труды отечественных и зарубежных ученых в области планирования и реализации цифровой трансформации, профильные стандарты, а также практический опыт реализации проектов в этой области.

Методологическая база исследования включает методы системного анализа и синтеза.

Изначально автоматизация пришла в бизнес как средство ускорения и минимизации ошибок в существовавших ранее процессах. ИТ внедрялось без сильных изменений самого порядка работы, лишь структурируя и упорядочивая ее, помогая быстрее вносить, регистрировать данные (в том числе устраняя их двойной ввод) и рассчитывая результирующие отчетные показатели [1]. Неслучайно одними из первых автоматизированных участков стали области, связанные с бухгалтерией и складским хозяйством (там существовали жесткие регламенты ручного учета и отчетности). В этом смысле автоматизация, как первый этап внедрения ИТ в деятельность предприятий, похожа на процессы механизации производств XIX–XX веков, когда ручной труд заменялся машинным. На новом витке развития технологий уже не ручной, а часть интеллектуального труда (учетная и расчетная функция) заменялась на машинную – автоматизировалась. Применение ИТ на этом этапе открыло дополнительный важный эффект – простота накопления данных, доступность их более простого и быстрого анализа (построение различных, поначалу относительно простых отчетов, которые позволили легко отслеживать бизнес-деятельность с различных сторон).

С течением времени, по мере расширения автоматизации, применения ее в различных областях деятельности предприятий, по мере накопления данных и аналитики появилась возможность не просто поддерживать и ускорять существующие процессы, но и оптимизировать их, меняя их первоначальный порядок (проводить реинжиниринг). Анализ данных, в свою очередь, выделился в отдельную большую задачу. Стало возможным опираться на него при принятии все большего числа управленческих решений, причем касающихся не только отдельных функций, но и управления предприятием в целом, стратегического планирования, отслеживания эффективности развития. В результате автоматизация перешла в то, что в настоящее время принято называть цифровизацией [2]. Современные задачи в этой области направлены на повышение эффективности бизнес-процессов, их адаптивности к изменяющимся внешним условиям, сбор данных и построение систем всесторонней аналитики, влияющей, в свою очередь, на постановку задач на дальнейшее изменение бизнес-процессов в сторону их оптимизации и эффективности. Для этих целей применяют современные системы сбора, построения хранилищ данных, витрин, аналитики, в том числе с использованием технологий больших данных и искусственного интеллекта, и визуализации в виде настраиваемых отчетов, дашбордов.

Уровень развития ИТ-технологий принято разделять на три технологические платформы. Текущая, третья платформа характеризуется вовлечением миллиардов пользователей, оперирующих современными технологиями, сервисами и приложениями в области искусственного интеллекта, анализа больших данных (струк-

турированных и не структурированных), соцмедиа, мобильными приложениями, средствами онлайн-обмена данными, облачными сервисами, технологиями дополненной реальности, IoT (web 4.0), робототехникой и т.п. Третья технологическая платформа становится одной из предпосылок перехода к новой промышленной революции. По мнению ряда авторов, третья платформа является точкой отсчета начала применения цифровой трансформации. До этого технологии лишь готовили ее [3, 4].

Таким образом, роль информационных технологий на предприятиях корпоративного сектора экономики с развитием технологий и накоплением данных перешла от поддержки бизнеса (автоматизации) к его существенной или, в ряде случаев, основной части (к цифровизации и цифровой трансформации).

С другой стороны, перечень и возможности современных технологий, объем их применения, скорость развития сформировали условия перехода окружающей бизнес-среды по закону диалектики от количества в новое качество, что также оказывает воздействие на современные предприятия, которые вынуждены адаптировать свои продукты и внутренние бизнес-процессы под изменения внешней среды. Современные информационные технологии не только являются важной поддерживающей силой стратегического планирования и управления, но и все чаще становятся одним из основных компонентов бизнеса и продуктовой линейки предприятия, без которого современные компании теряют конкурентоспособность. Согласно исследованиям Д. Джонса, К. Келли, Л.Ф. Никулина, И.В. Денисова, причина потери конкурентоспособности предприятия состоит в том, что организации не могут оперативно адаптировать существующую модель работы к изменениям внешней бизнес-среды [5, 6, 7, 8]. По мнению компании SAP [9], «В 2020-е становится окончательно понятно, что для роста и успеха на рынке компаниям нужно принять меры для повышения устойчивости, конкурентоспособности и гибкости»

Наступление предыдущих технологических революций было обусловлено накоплением потенциала новых производственных технологий. Окружающая потребительская бизнес-среда предприятий при этом менялась не существенно. Конечно, пользовательские предпочтения были изменены более конкурентной продукцией, но в целом скорость обмена информацией, возможность ее аналитики сохранялись прежними, поведенческие паттерны в целом не менялись, модели оказания услуг оставались в целом прежними. В отличие от предыдущих смен технологического уклада текущая промышленная революция характеризуется и обусловлена не только накопленным потенциалом новых информационных технологий, который можно использовать при производстве конечных продуктов и услуг предприятия, но и изменением потребительской внешней среды, когда те же информационные технологии существенно изменили возможности аналитики, обмена информацией, что, в свою очередь, существенно поменяло поведенческие паттерны потребителей и скорость их изменений.

Пользователи получили доступ к инструментам и сервисам на базе передовых технологий передачи, обработки и анализа данных. Развитие средств связи, мобильных устройств и приложений, умных датчиков и систем, социальных сетей, облачных технологий, виртуальной реальности, технологий Big Data привело к изменению поведения людей, в том числе потребительского поведения, скорости обмена информацией, ее анализа. Существенно расширились возможности продвижения продуктов на массовую аудиторию. Появились новые

модели оказания услуг. Количество пользователей (потенциальных потребителей продуктовой линейки предприятия), вовлеченных в глобальные системы информационного обмена, исчисляется миллиардами (третья технологическая платформа). Это привело к тому, что все большее число продуктов и сервисов должно ориентироваться на массовую аудиторию, что кроме очевидных плюсов имеет и целый ряд особенностей, связанных с тем, что эта аудитория сильно не однородна по своим предпочтениям, культурным особенностям, привычкам, восприятию. В результате перед продуктологами компаний стоит очень сложная многофакторная задача, состоящая в том, как спроектировать продукцию предприятия таким образом, чтобы она была востребована и положительно воспринималась этим неоднородным потребительским сообществом, как ее продвигать, чтобы не вызвать негативные реакции, скорость распространения которых по массовой аудитории в современном мире занимает периоды времени, измеряемые в часах или даже минутах, а один негативный отзыв стоит десятка положительных. В центре внимания оказались повседневные потребности человека вне зависимости от местонахождения с необходимостью предоставления кастомизированных дистанционных сервисов [10].

В этих новых условиях, с одной стороны, роль ИТ перешла от процессов внутри предприятия к важной и зачастую решающей роли в составе самих продуктов компании и в способах и методах их продвижения и потребления. Постепенный переход к этому (продуктовому) подходу прослеживается в том числе в трудах целого ряда авторов, например Бхарадваджу А. [11], Прохорова А., Коника Л. [3], Маклакова О. [12]. Существенно изменилась и сама продуктовая линейка, стала более цифровой. Руководители 64% предприятий считают, что их компаниям необходимо выстроить цифровой бизнес, чтобы не исчезнуть [9].

С другой стороны, появилась возможность создавать новые, полностью цифровые продукты, смежные и дополняющие традиционный бизнес. Примерами таких проектов могут быть сервисы-агрегаторы, системы анализа упоминаний в соцмедиа, системы прогностики, основанные на упоминаниях в социальных сетях.

Еще одним из подходов к ведению бизнеса стали так называемые цифровые платформы. Марко Лансити [13] в своей статье обосновывает, что развитие ИТ-инноваций в совокупности с сетевым эффектом приводит к концентрации платформенного цифрового бизнеса, что в ряде случаев приводит к феномену появления супергигантов, которые захватывают все большую долю рынка. Привлекая большое количество пользователей, эти предприятия становятся посредниками между своей аудиторией пользователей и массой поставщиков продуктов и услуг.

Стоит отметить еще один важный тренд – рост аналитики данных, технологий IoT, искусственного интеллекта. В этой сфере наблюдается разделение пользователей данных и их производителей (источников). В мире активно развивается рынок купли-продажи массивов данных и/или аналитики и сервисов на их основе. Причем данные, создаваемые в одних отраслях, эффективно применяются для извлечения прибыли в других. По сведениям European Data Portal [14], данные становятся одним из ключевых элементов создания ценности: 46% компаний отмечают их влияние на результативность предприятий, но при этом не все компании, которые генерируют данные, готовы размещать их в публичном пространстве (58%). В то же время растет доступность открытых данных, потенциал которых по-разному реализуется в отраслях. По данным OECD [15], именно различия в типах и объемах дан-

ных, которые генерируются и используются предприятиями, во многом обуславливают расхождения в траекториях цифровой трансформации на отраслевом уровне.

В результате в качестве ответа, основной задачей цифровой трансформации бизнеса является зачастую кардинальная перестройка всего предприятия, направленная на построение или обновление линейки продуктов и услуг предприятия с учетом современных технологий, массового цифрового потребителя.

В цифровой трансформации ИТ больше не поддерживающая функция, следующая за бизнес-стратегией предприятия, а ее составная и часто главенствующая часть. Стратегическое планирование переместилось в сторону разработки продуктовой линейки, планирования ее развития с учетом возможностей современных информационных технологий как внутри компании, так и вне ее.

Сложность процессов проектирования, реализации и оценки эффективности цифровой трансформации, ориентация на сложного, не однородного массового потребителя предполагает использования современного стека методик управления и автоматизации самих процессов управления на современном уровне.

Важным трендом является ускорение вывода на рынок новых продуктов. По мнению экономистов Банка Англии [16], при распространении автоматизации не было таких современных сверхскоростных траекторий в форме буквы «J», когда технология рождается — и за несколько лет становится ключевым конкурентным преимуществом компании (а затем отрасли и национальной экономики). Компания, не успевшая за несколько лет адаптировать и интегрировать в ежедневную деятельность новую технологию, погибает. Скорости вывода продуктов на рынок сильно выросли. Время разработки зачастую больше, чем время принятия стратегических решений по продукту.

Дополнительным фактором является достигнутое в результате развития современной экономики глубокое разделение труда, которое ведет к тому, что в ряде случаев продуктовая линейка предприятия обладает большой себестоимостью и, соответственно, может иметь коммерческий успех, если она ориентирована на массового потребителя (характерный пример: банковская отрасль, ретейл с их массовым переходом традиционных сервисов в онлайн). С другой стороны высокотехнологичные сложные продукты остро зависимы от выстроенной системы логистики, партнеров-поставщиков, систем маркетинга и сбыта и от предсказуемости их работы и, соответственно, чувствительны к современным условиям, связанным с санкционным давлением, изменением законодательства, перестройкой логистических процедур, производственных цепочек, миграцией квалифицированных кадров.

Таким образом, можно сформулировать некоторые тенденции развития бизнес-среды предприятий коммерческого сектора экономики:

- все большее проникновение современных ИТ-технологий в потребительскую среду (ускорение обмена данными, доступность больших данных и инструментов их обработки и анализа);
- усложнение продуктов, рост доли ИТ в составе продуктов предприятия;
- ускорение вывода на рынок новых продуктов;
- новые модели потребления услуг, например подписка, все большая ориентация новых продуктов на массового потребителя;
- массовый потребитель разнороден;
- перестройка логистических процедур, производственных цепочек;

- санкционное давление;
- изменение законодательства;
- миграционная подвижность квалифицированных кадров.

Изменение бизнес-среды предприятий коммерческого сектора экономики, все большая ориентация их продуктовой линейки на массового потребителя, ускорение времени выхода на рынок новых продуктов диктуют изменения в подходах к планированию, мониторингу и оценке эффективности цифровой трансформации.

С учетом того факта, что по результатам предыдущих процессов автоматизации и цифровизации внутренних процессов предприятия, как правило, была достигнута их значительная оптимизация [17], это поле для маневра (увеличение прибыли за счет оптимизации расходов, повышение конкурентоспособности за счет оптимизации бизнес-процессов) сильно уменьшилось, и этот факт является дополнительным фактором, усиливающим зависимость предприятий от механизмов компенсации изменений бизнес среды. По мнению Р. Исаева [17], на горизонте пяти лет будет оптимизировано до 80% бизнес-процессов средних и крупных предприятий.

Ряд авторов признает, что в настоящее время единых и результативных подходов, методик проведения цифровой трансформации и определения ее эффективности, а также понимания временных горизонтов ее эффективности не выработано [10, 18, 19, 20, 21]. Согласно исследованию Е. Кочеткова, А. Забавиной, М. Гафарова [22], «в большинстве случаев авторы сходятся во мнении, что эффект цифровой трансформации едва поддается измерению в реальных показателях». В настоящее время в основном предлагается измерять эффективность цифровой трансформации как расчет отдельных показателей, зачастую определяющих общее состояние предприятия. Состав показателей и интервалы их расчета зачастую соответствуют общеэкономическим, традиционным подходам без учета влияния современных цифровых технологий, скорости их изменения и влияния на окружающую бизнес-среду [22, 23, 24]. Поскольку природа добавленной стоимости изменилась [17], старые методы оценки эффективности, работающие для оценки отдельных проектов или автоматизации и цифровизации предприятия в целом, также не применимы. Вместе с тем, кроме традиционных инвестиционных, финансовых, производственных критериев, критериев, отражающих организационные и компетенционные изменения, появились предложения по учету продуктовых метрик [23, 24], сбалансированных метрик по учету эффективности финансов, клиентов, процессов, персонала, технологий [23]. Мониторинг цифровой трансформации предполагается вести или эпизодически, или регулярно, но с большими временными интервалами.

Изменения бизнес-среды, обусловленные как развитием информационных технологий, так и факторами экономическо-политического переустройства, носят перманентный и затяжной характер. При этом, как уже было отмечено, согласно исследованиям Д. Джонса, К. Келли, Л.Ф. Никулина, И.В. Денисова, а также компании SAP, причина потери конкурентоспособности предприятия состоит в том, что организации не могут оперативно адаптировать существующую модель работы к изменениям внешней бизнес-среды [5, 6, 7, 8, 9]. Соответственно, цифровая трансформация, как поддерживающий инструмент стратегического планирования и управления, носит, по мнению Кочеткова Е.П., Забавиной А.А. и Гафарова М.Г. [22], вынужденный характер и обусловлена внешними факторами (реакция на изменение внешней бизнес-среды). Архаичные бизнес-модели не выдерживают масштабных изменений бизнес-среды. В то же время те предприятия, которые инвестировали в цифровую

трансформацию, оказались наиболее подготовленными к кризису [22]. Вместе с тем реализация цифровой трансформации в отсутствие эффективных подходов к ее планированию и управлению не оптимальна.

Вместе с тем перечисленные выше тренды развития цифровизации и цифровой трансформации, а также тенденции развития бизнес-среды предприятий коммерческого сектора экономики формируют предпосылки для планирования, управления и оценки результатов цифровой трансформации с использованием механизмов продуктового подхода, а именно:

- предпосылки для использования гибких методологий управления;
- предпосылки для мониторинга и оценки эффективности цифровой трансформации на базе продуктовой финансовой модели.

В силу высокой скорости развития современных цифровых технологий, резкого сокращения цикла разработки оправданным становится упоминание цифровой и бизнес-стратегии как единого целого.

Цифровая трансформация ориентирована на создание новых или глубокую модернизацию текущих продуктов предприятия с целью создания современной полностью или частично цифровой продуктовой линейки, направленной на массового разнородного потребителя. В этом случае планирование цифровой трансформации, управление ее реализацией и оценку эффективности целесообразно проводить с использованием гибких методик, ориентированных на восприятия продуктов массовым потребителем.

Таким образом, роль информационных технологий на предприятиях корпоративного сектора экономики с развитием технологий и накоплением данных перешла от поддержки бизнеса (автоматизации) к его существенной или в ряде случаев основной части (к цифровизации и цифровой трансформации).

В отличие от предыдущих смен технологического уклада текущая промышленная революция характеризуется и обусловлена не только накопленным потенциалом новых информационных технологий, который по закону диалектики перехода количества в качество можно использовать при производстве конечных продуктов и услуг предприятия, но и изменением потребительской внешней среды. Развитие средств связи, мобильных устройств и приложений, умных датчиков и систем, социальных сетей, облачных технологий, виртуальной реальности, технологий Big Data привело к изменению поведения людей, в том числе потребительского поведения, скорости обмена информацией, ее анализа. Существенно расширились возможности продвижения продуктов на массовую аудиторию.

В этих новых условиях, с одной стороны, роль ИТ перешла от процессов внутри предприятия к важной и зачастую решающей роли в составе самих продуктов компании и в способах и методах их продвижения и потребления. С другой стороны, появилась возможность создавать новые, полностью цифровые продукты, смежные и дополняющие традиционный бизнес. Еще одним из подходов к ведению бизнеса стали так называемые цифровые платформы.

Дополнительным фактором является достигнутое в результате развития современной экономики глубокое разделение труда, которое ведет к тому, что в ряде случаев продуктовая линейка предприятия обладает большой себестоимостью и, соответственно, может иметь коммерческий успех, если она ориентирована на массового потребителя. С другой стороны, высокотехнологичные сложные продукты остро зависимы от выстроенной системы логистики, партнеров-поставщиков, систем

маркетинга и сбыта и от предсказуемости их работы и, соответственно, чувствительны к современным условиям, связанным с санкционным давлением, изменением законодательства, перестройкой логистических процедур, производственных цепочек, миграцией квалифицированных кадров.

Можно сформулировать некоторые современные тенденции развития бизнес-среды предприятий коммерческого сектора экономики:

- все большее проникновение современных ИТ-технологий в потребительскую среду;
- усложнение продуктов, рост доли ИТ в составе продуктов предприятия;
- ускорение вывода на рынок новых продуктов;
- новые модели потребления услуг, например подписка, все большая ориентация новых продуктов на массового потребителя;
- массовый потребитель разнороден;
- перестройка логистических процедур, производственных цепочек;
- санкционное давление;
- изменение законодательства;
- миграционная подвижность квалифицированных кадров.

Изменения бизнес-среды, обусловленные как развитием информационных технологий, так и факторами экономическо-политического переустройства, носят перманентный и затяжной характер. При этом причина потери конкурентоспособности предприятия состоит в том, что организации не могут оперативно адаптировать существующую модель работы к изменениям внешней бизнес-среды [5, 6, 7, 8, 9]. Соответственно, цифровая трансформация, как поддерживающий инструмент стратегического планирования и управления, носит [22] вынужденный характер и обусловлена внешними факторами (реакция на изменение внешней бизнес-среды). Архаичные бизнес-модели не выдерживают масштабных изменений бизнес-среды. В то же время те предприятия, которые инвестировали в цифровую трансформацию, оказались наиболее подготовленными к кризису [22]. Вместе с тем реализация цифровой трансформации в отсутствие эффективных подходов к ее планированию и управлению не оптимальна.

Перечисленные выше тренды развития цифровизации и цифровой трансформации, а также тенденции развития бизнес-среды предприятий коммерческого сектора экономики формируют предпосылки для планирования, управления и оценки результатов цифровой трансформации с использованием механизмов продуктового подхода: оправданным становится упоминание цифровой и бизнес-стратегии как единого целого, использование гибких методологий управления, использование при мониторинге и оценке эффективности цифровой трансформации инструментария на базе продуктовой финансовой модели.

Библиографический список

1. Уринцов А.И. *Некоторые актуальные вопросы совершенствования системы управления субъектом экономики // Актуальные вопросы управления деятельностью различных отраслей. Материалы научно-практической конференции. 2006. – С. 7–10.*
2. *Электронный ресурс* <https://strategy.cdto.ranepa.ru/1-2-cifrovaya-transformaciya-i-cifrovaya-strategiya> (дата обращения: 01.06.2023).

3. Прохоров А., Коник Л. *Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное.* – М.: ООО «КомНьюс Груп», 2019. – 368 с.
4. Gruman, Galen. *What digital transformation really means.* Электронный ресурс <https://www.infoworld.com/article/3080644/it-management/what-digital-transformation-really-means.html> (дата обращения: 08.03.2023).
5. Никулин Л.Ф., Деменко О.Г. «Четвертая парадигма» и менеджмент / Л.Ф. Никулин, О.Г. Деменко // *Научно-аналитический журнал «Наука и практика» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.* – 2018. – № 1 (29). – С. 48–63.
6. Денисов И.В., Потапов Р.А. Становление и развитие менеджера / И.В. Денисов, Р.А. Потапов // *Научно-аналитический журнал «Наука и практика» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.* – 2017. – № 2 (26). – С. 28–33.
7. Джонс Д., Вумек Дж. *Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании.* – М.: Альпина-Паблицер, 2018. – 472 с.
8. Келли К. *Неизбежное. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее.* – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 352 с.
9. SAP. *Что такое цифровая трансформация?* Электронный ресурс <https://www.sap.com/cis/insights/what-is-digital-transformation.html> (дата обращения: 12.04.2023).
10. *Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Г.И. Абдрахманова, К.Б. Быховский, Н.Н. Веселитская, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П.Б. Рудник; науч. ред. Л.М. Гохберг, П.Б. Рудник, К.О. Вишневский, Т.С. Зинина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».* – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 239 с. – ISBN 978-5-7598-2510-4 (в обл.). – ISBN 978-5-7598-2270-7 (e-book).
11. Bharadwaj A., O.A. El Sawy, Pavlou R.A., Venkatraman N. *Digital business strategy: toward a next generation of insights* // *MIS Quarterly.* – 2013. – № 2. – p. 471–482. – DOI: 10.25300/MISQ/2013/37:2.3.
12. Маклакова О.М. *Эффективность цифровой трансформации здравоохранения / Маклакова О.М. // Управление информационными ресурсами : материалы XVI Международной научно-практической конференции, Минск, 26 февраля 2020 года / Академия управления при Президенте Республики Беларусь ; [редкол.: Н.Л. Бондаренко, А.И. Ящук, Б.В. Новыш].* – Минск, 2020. – 3 с.
13. Iansiti, Marco, Lakhani, Karim R. *Managing Our Hub Economy.* Электронный ресурс <https://hbr.org/2017/09/managing-our-hub-economy> (дата обращения: 10.03.2023).
14. European Data Portal. *The Economic Impact of Open Data Opportunities for Value Creation in Europe.* Электронный ресурс <https://www.europe-anddataportal.eu/en/highlights/the-economic-impact-of-open-data#:~:text=The%20Economic%20Impact%20of%20Open%20> (дата обращения: 15.03.2021).
15. OECD. *How Are Digital Technologies Changing Innovation?* Электронный ресурс https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/how-are-digital-technologies-changing-innovation_67bbcafe-en (дата обращения: 11.04.2023).
16. *Ускорение диффузии технологий и последствия.* Электронный ресурс <https://habr.com/post/373271/> (дата обращения: 10.03.2023).
17. Исаев Р. *От процессного управления к цифровой трансформации и ИТ-процессам. Версия 2.0.* Электронный ресурс https://www.businessstudio.ru/articles/article/ot_protsssnogo_upravleniya_k_tsifrovoy_transformacii_isaev/ (дата обращения: 12.04.2023).
18. OECD. *Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future.* Электронный ресурс <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9789264311992-en/> (дата обращения: 19.03.2021).
19. Кокуйцева Т.В., Овчинникова О.П. *Методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности // Креативная экономика.* – 2021. – Том 15. – № 6. – С. 2413–2430.

20. Сборник материалов по результатам мониторинга цифровой трансформации общеобразовательных организаций на региональном и федеральном уровне в 2020 году. Электронный ресурс http://cmoko48.lipetsk.ru/monitoring/data/info_materials/83.pdf (дата обращения: 19.04.2023).
21. Уринцов А.И., Староверова О.В. Инструментальные средства адаптации хозяйствующих субъектов к цифровой экономике – М.: ФГБУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2019. – 164 с.
22. Кочетков Е.П., Забавина А.А., Гафаров М.Г. Цифровая трансформация компаний как инструмент антикризисного управления: эмпирическая оценка влияния на эффективность // Стратегические решения и риск-менеджмент. Т. 12. № 1. С. 68–81. DOI: 10.17747/2618-947X-2021-1-68-81. -2021.
23. Денисенко В.Ю. Мониторинг эффектов цифровых продуктов в условиях цифровой трансформации промышленных предприятий // Креативная экономика. – 2021. – Том 15. – № 5. – С. 1715–1724. DOI: 10.18334/ce.15.5.11.
24. Ценжарик М.К., Крылова Ю.В., Стешенко В.И. (2020) Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели. Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 36. Вып. 3. С. 390–420.

References

1. Urincov A.I. Nekotorye aktual'nye voprosy sovershenstvovanija sistemy upravlenija subektom jekonomiki // Aktual'nye voprosy upravlenija dejatel'nost'ju razlichnyh otraslej. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. 2006. – S. 7–10.
2. Electronic resource <https://strategy.cdto.ranepa.ru/1-2-cifrovaya-transformaciya-i-cifrovaya-strategiya> (accessed: 01.06.23).
3. Prohorov A., Konik L. Cifrovaja transformacija. Analiz, trendy, mirovoj opyt. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. – М.: ООО «KomN'jus Grup», 2019. – 368 str.
4. Gruman Galen. What digital transformation really means. Electronic resource <https://www.infoworld.com/article/3080644/it-management/what-digital-transformation-really-means.html>. (accessed: 08.03.23).
5. Nikulin L.F., Demenko O.G. «Chetvertaja paradigma» i menedzhment / L.F. Nikulin, O.G. Demenko // Nauchno-analiticheskij zhurnal nauka i praktika Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plehanova. – 2018. – № 1 (29). – S. 48–63.
6. Denisov I.V., Potapov R.A. Stanovlenie i razvitie menedzhera / I.V. Denisov, R.A. Potapov // Nauchno-analiticheskij zhurnal Nauka i praktika Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plehanova. – 2017. – № 2 (26). – S. 28–33.
7. Dzhons D., Vumek Dzh. Berezhlivoe proizvodstvo. Kak izbavit'sja ot poter' i dobit'sja procvetaniya vashej kompanii. – М.: Izd-vo: «Al'pina-Publisher», 2018. – 472 s.
8. Kelli K. Neizbezhnoe. 12 tehnologicheskikh trendov, kotorye opredelajut nashe budushhee. – М.: Izd-vo: «Mann, Ivanov i Ferber», 2017. – 352 s.
9. SAP. What is digital transformation? Electronic resource <https://www.sap.com/cis/insights/what-is-digital-transformation.html> (accessed: 12.04.23).
10. Cifrovaja transformacija otraslej: startovye uslovija i priority: dokl. k XXII Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva, Moskva, 13–30 apr. 2021 g. / G.I. Abdrahmanova, K.B. Byhovskij, N.N. Veselitskaja, K.O. Vishnevskij, L.M. Gohberg i dr. ; ruk. avt. kol. P.B. Rudnik ; nauch. red. L.M. Gohberg, P.B. Rudnik, K.O. Vishnevskij, T.S. Zinina ; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». – М.: Izd. dom Vysshaj shkoly jekonomiki, 2021. – 239 s. – ISBN 978-5-7598-2510-4 (v obl.). – ISBN 978-5-7598-2270-7 (e-book).
11. Bharadwaj A., O.A. El Sawy, Pavlou R.A., Venkatraman N. Digital business strategy: towards a next generation of insights // MIS Quarterly. – 2013. – No. 2. – p. 471–482. – DOI: 10.25300/MISQ/2013/37.2.3.

12. Maklakova O.M. *Jeffektivnost' cifrovoj transformacii zdravoohraneniya* / Maklakova O.M. // *Upravlenie informacionnymi resursami : materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Minsk, 26 fevralja 2020 goda / Akademija upravlenija pri Prezidente Respubliki Belarus' ; [redkol.: N.L. Bondarenko, A.I. Jashhuk, B.V. Novysh]. – Minsk, 2020. – 3 s.*
13. Iansiti, Marco, Lakhani, Karim R. *Managing Our Hub Economy*. Electronic resource <https://hbr.org/2017/09/managing-our-hub-economy> (accessed: 10.03.23).
14. European Data Portal. *The Economic Impact of Open Data Opportunities for Value Creation in Europe*. Electronic resource <https://www.europe-anddataportal.eu/en/highlights/the-economic-impact-of-open-data#:~:text=The%20Economic%20Impact%20of%20Open%20> (accessed: 15.03.21).
15. OECD. *How Are Digital Technologies Changing Innovation?* Electronic resource https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/how-are-digital-technologies-changing-innovation_67bbcafe-en (accessed: 11.04.23).
16. *Acceleration of technology diffusion and consequences*. Electronic resource <https://habr.com/post/373271/> (accessed: 10.03.23).
17. Isaev R. *From process management to digital transformation and IT processes. Version 2.0*. Electronic resource https://www.businessstudio.ru/articles/article/ot_protssesnogo_upravleniya_k_tsifrovoy_transformacii_isaev/ (accessed: 12.04.23).
18. OECD. *Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future*. Electronic resource <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9789264311992-en/> (accessed: 19.03.21).
19. Kokujceva T.V., Ovchinnikova O.P. *Metodicheskie podhody k ocenke jeffektivnosti cifrovoj transformacii predpriyatij vysokotehnologichnyh otraslej promyshlennosti // Kreativnaja jekonomika. – 2021. – Tom 15. – № 6. – S. 2413–2430.*
20. *Collection of materials based on the results of monitoring the digital transformation of educational organizations at the regional and federal levels in 2020*. Electronic resource http://cmoko48.lipetsk.ru/monitoring/data/info_materials83.pdf (accessed: 19.04.23).
21. Urincov A.I., Staroverova O.V. *Instrumental'nye sredstva adaptacii hozjajstvujushhih subektov k cifrovoj jekonomike* – M.: FGBU VO "RJeU im. G.V. Plehanova", 2019. – 164 s.
22. Kochetkov E.P., Zabavina A.A., Gafarov M.G. *Cifrovaja transformacija kompanij kak instrument antikrizisnogo upravlenija: jempiricheskaja ocenka vlijanija na jeffektivnost' // Strategicheskie reshenija i risk-menedzhment. T. 12. № 1. S. 68–81. DOI: 10.17747/2618-947X-2021-1-68-81. -2021.*
23. Denisenko V.Ju. *Monitoring jeffektov cifrovych produktov v uslovijah cifrovoj transformacii promyshlennyh predpriyatij // Kreativnaja jekonomika. – 2021. – Tom 15. – № 5. – S. 1715–1724. DOI: 10.18334/ce.15.5.11.*
24. Cenzharik M.K., Krylova Ju.V., Steshenko V.I. (2020) *Cifrovaja transformacija kompanij: strategicheskij analiz, faktory vlijanija i modeli. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jekonomika. T. 36. Vyp. 3. S. 390–420.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова
115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36.
Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia.
Куренков Александр Львович / Aleksandr L. Kurenkov
kurenkov.al@rea.ru

РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СППР С ПОДСИСТЕМОЙ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ БЕЗЛЮДНЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ

COST-EFFECTIVENESS OF THE OPERATION OF DSS WITH THE DECISION-MAKING SUBSYSTEM OF UNMANNED TECHNOLOGIES

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-251-261

АФАНАСЬЕВ Михаил Анатольевич

Доцент Базовой кафедры цифровой экономики Института развития информационного общества ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», к.э.н., доцент

Mikhail A. AFANASEV

Associate Professor of the Basic Department of Digital Economy at the Institute of Information Society Development of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor

Аннотация

Статья рассматривает проблему увеличения доли затрат, связанных с обработкой поступающей информации лицом, принимающим решение, и выбором им оптимального решения. Показана модель затрат на принятие решений для СППР, оснащенных подсистемой принятия решений безлюдными технологиями. Предложен критерий рентабельности функционирования СППР нового типа, в основу которого положена целевая функция минимизации затрат при сохранении качества принимаемых решений. Описан подход к оценке эффективности эксплуатации СППР нового типа с выделением области принятия решений, которая должна быть оставлена за ЛПР.

Abstract

The article considers the problem of increasing the share of costs associated with the processing of incoming information by a decision maker and his choice of the optimal decision. It shows a model of decision-making costs for DSS, equipped with the subsystem of decision-making with unmanned technologies. A criterion of cost-effectiveness of the operation of DSS of a new type, which is based on the target

function of minimizing costs while maintaining the quality of the decisions made, is proposed. An approach to assessing the effectiveness of operation of DSS of a new type with the allocation of the area of decision-making, which should be left to the decision-maker is described.

Ключевые слова Безлюдные технологии принятия решений, затраты на принятие решений, система поддержки принятия решений, коэффициенты обработки информации, рентабельность.

Keywords Humanless decision-making technologies, decision-making costs, decision support system, information processing ratios, cost-effectiveness.

Введение

Традиционно инструменты информатизации и автоматизации процесса принятия решений рассматривались как важный, а иногда и решающий фактор, определяющий эффективность деятельности лиц, принимающих решений (далее – ЛПР). Период «лоскутной» информатизации бизнес-процессов довольно быстро сменился повсеместным внедрением интегрированных информационных систем различных типов, в том числе и систем поддержки принятия решений (далее – СППР), признаваемых необходимым условием для ведения деятельности, основанной на прогностических моделях [1]. За эволюцией СППР наблюдают многие ученые – они описывают лучшие практики применения таких систем [2–4], описывают возможности их развития и масштабирования [5–7], делают прогнозы по дальнейшим этапам эволюции [8–11]. Вместе с тем тема передачи машине (искусственному интеллекту) контроля за процессом принятия управленческих решений не имеет существенной поддержки в экспертном сообществе и не находит понимания в обществе в целом [12–14].

Существующие СППР являются, по сути, ответом на вызовы, с которыми столкнулись ЛПР в условиях постепенного увеличения объема передаваемых и обрабатываемых данных. Однако к настоящему моменту увеличение скорости передачи данных стало новым вызовом для процесса принятия управленческих решений. В качестве аксиоматического тезиса выделим также усиливающиеся тенденции к увеличению сложности принимаемых решений и к росту числа решений, принимаемых ЛПР за единицу времени. Все это предъявляет новые требования к СППР и ЛПР.

Обобщение проблематики развития предметной области и наблюдаемых тенденций приводит к выводу о перспективах дальнейшей автоматизации процесса принятия управленческих решений. В данных условиях появление и распространение СППР нового типа является всего лишь вопросом времени. Полагая критически важным развитие инструментов автоматического, а не только автоматизированного обеспечения процесса принятия решений, следует признать перспективным направлением развитие безлюдных технологий принятия решений (далее – БТПР). Это позволяет говорить о том, что рост скорости принятия решений возможен при увеличении производительности труда ЛПР за счет оптимизации нагрузки на них путем передачи задач, соответствующих определенным критериям, на решение БТПР.

Эксплуатация рекомендательных систем в обязательном порядке предполагает несение затрат, поэтому оценка рентабельности применения СППР нового типа,

оснащенных подсистемой принятия решений безлюдными технологиями (далее – ПРБТ), поможет принять решение о целесообразности внедрения и эксплуатации такой системы, равно как и решение о целесообразности модификации существующей (уже эксплуатируемой) СППР. Цель исследования заключается в выработке критерия рентабельности эксплуатации СППР с подсистемой ПРБТ, который бы учитывал затраты на всех стадиях процесса принятия решений.

Для достижения цели необходимо решить ряд задач:

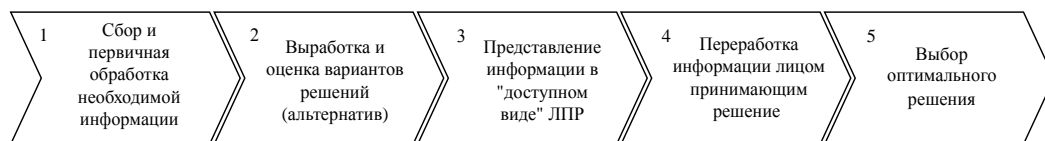
- выявить факторы, влияющие на адаптацию ЛПР к увеличению скорости принятия решений, и перспективы интенсификации производительности труда ЛПР;
- описать модель затрат на принятие решений с применением СППР с подсистемой ПРБТ и выявить граничные условия, имеющие критическое значение для перераспределения задач между ЛПР и БТПР;
- сформулировать критерий рентабельности СППР с подсистемой ПРБТ при определении затрат на принятие управленческих решений при оптимальном соотношении задач для ЛПР и БТПР.

Методологическую основу исследования составили метод корреляционного анализа, теория алгоритмов и математический аппарат нечеткой логики.

Материалы и методы исследования

Технологически процесс принятия решений представляет собой цепочку подпроцессов – взаимосвязанных и взаимозависимых. Графически этот процесс представлен на рисунке 1.

Рис. 1.
Процесс
принятия
решений

СППР, существующие сегодня и широко распространенные в бизнес-сфере и менее распространенные в сфере государственного и муниципального управления, поддерживают и обеспечивают реализацию таких подпроцессов, как сбор и первичная обработка необходимой информации (1), представление информации в «доступном виде» ЛПР (2). Ряд информационных систем в автоматическом режиме выполняют также подпроцесс (3) по выработке и оценке вариантов решений (альтернатив), то есть реализуют последовательность из первых трех подпроцессов. Однако подпроцессы по переработке информации (4) и выбор оптимального решения (5) остаются за человеком. Так организован процесс принятия решения в классическом виде.

Основное предназначение СППР состояло в том, чтобы сократить время на выполнение ряда подпроцессов, связанных с получением, обработкой и подготовкой данных, передаваемых ЛПР. То есть СППР «взяла на себя» те подпроцессы, которые в совокупности занимали большую долю времени на принятие управленческого решения, высвободив ресурс времени для ЛПР в общем процессе. Однако в результате технических и технологических прорывов в автоматизации бизнес-процессов скорость передачи и обработки данных увеличилась настолько, что наиболее затратными по времени стали уже подпроцессы, выполняемые человеком, а не машиной.

Скорость принятия управленческого решения существенно выросла за счет развития СППР, особенно эта разница очевидна, если сравнивать скорость принятия решения на одинаковых данных при поддержке СППР и без нее. Безусловно, скорость принятия решений ЛПР также выросла, но как следствие его адаптации к инструментам автоматизации, что в основном является результатом принятия технологий. Таким образом, определился новый приоритет для оптимизации временных затрат на принятие решения. Актуальным стал вопрос – можно ли «ускорить» человека, например, повысив его продуктивность.

Параметрические характеристики скорости принятия ЛПР управленческого решения включают такие показатели, как уровень квалификации ЛПР, скорректированный на опыт выполнения аналогичных задач, и коэффициент сложности задачи, который для каждой отдельной задачи является статичным. Если принять как факт, что человек ограничивает скорость принятия управленческого решения, и исходить из того, что скорость передачи и обработки данных машиной близка к верхнему пределу, знаменующему границу уровня технологического развития, то актуальной становится проблема изменения скорости принятия управленческих решений. К тому же энтропия процесса принятия решения усиливается за счет увеличения объема поступающих данных и сложности выполняемых задач. Все это предъявляет новые требования к СППР и ЛПР. Но, даже если говорить о выработке новых функциональных требований к организации процесса принятия решения, в фокусе внимания в конечном итоге будут требования к эффективности работы СППР и ЛПР.

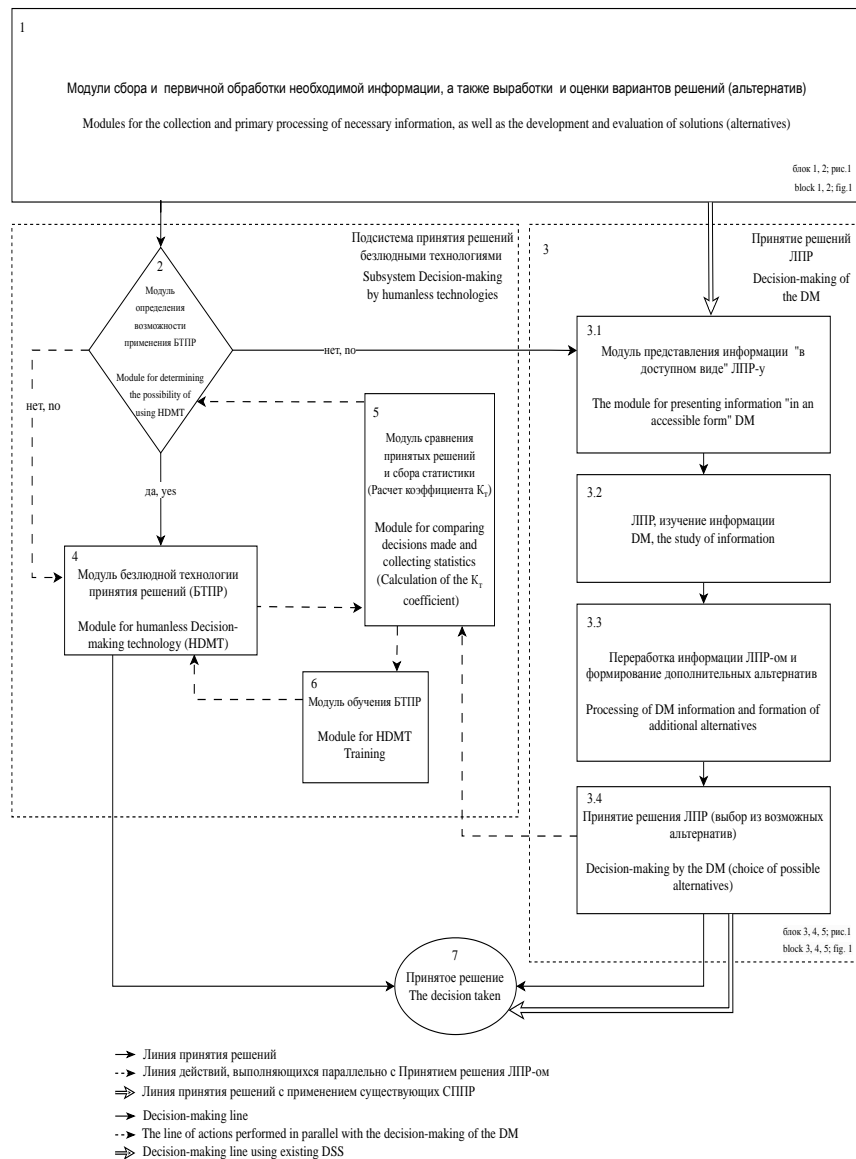
Увеличение продуктивности ЛПР позволит сократить время на выполняемые человеком подпроцессы по переработке информации и выбору оптимального решения. Но допустить существование неиспользованного резерва продуктивности можно в двух случаях: если предположить, что ЛПР выполняет свои функции, работая не на пределе своих возможностей, или если прогнозировать, что дополнительное обучение расширит когнитивные способности ЛПР. В обоих случаях неопределенность конечного результата для увеличения скорости принятия решений высока. И, хотя проекты на дополнительное профессиональное образование и борьбу с прокрастинацией достаточно популярны, более перспективным следует считать решение по внедрению безлюдных технологий принятия решений. И самым очевидным преимуществом такого решения является точность расчета экономической эффективности применения БТПР, в то время как модели оценки эффективности, например обучения ЛПР, имеют весьма высокую погрешность. Передача части задач на БТПР позволяет оптимизировать нагрузку на ЛПР, увеличивая скорость принятия решений, однако определение критерия рентабельности использования БТПР в составе СППР является открытым вопросом, который требует внимания.

Результаты исследования и их интерпретация

Алгоритм функционирования СППР с возможностью перераспределения задачи между ЛПР и БТПР представлен следующим образом (рис. 2).

Проводя аналогию с классическим подходом к организации процесса принятия решений (рис. 1), существующие СППР обеспечивают работу модулей алгоритма на маршруте 1–3–7. Выделим базовые затраты, которые являются условно постоянными и учитываются при оценке рентабельности использования любой СППР.

Рис.2.
Алгоритм функционирования СППР с подсистемой ПРБТ

Такого рода затраты возникают при работе модулей 1 и 3 представленного алгоритма (рис. 2). Соответственно, для определения рентабельности работы подсистемы ПРБТ в структуре СППР указанные затраты примем как базовые.

Внедряя СППР нового типа с подсистемой ПРБТ, получаем дополнительные маршруты при выполнении процесса принятия решений. Если модуль 2 перераспределяет задачу на решение БТПР, то алгоритм реализует модули на маршруте 1–2–4–7. Если модуль 2 перераспределит задачу на решение ЛПР, алгоритм параллельно реализует модули на маршруте 1–2–3–7 и на маршруте 2–4–5, 3–5, 5–6–4, 5–2. Смысл параллельного выполнения процесса в том, что в результате появляется возможность сравнить решения, принятые БТПР и ЛПР и по итогам сравнения усовершенствовать работу модуля, определяющего возможность применения БТПР, при последующем использовании СППР, а также провести обучение БТПР.

Оценка рентабельности использования СППР с модулем БТПР происходит из общей логики оценки рентабельности программного продукта. Автоматизация может преследовать различные цели – экономия ресурсов, увеличение производительности, рост прямых продаж или оборота и даже увеличение прозрачности. При этом автоматизация как процесс и вид деятельности всегда сопровождается несением затрат, окупаемость которых лежит в основе решения об инвестировании проекта. Минимизация затрат в целом является приоритетом, однако, применяя классическую модель процессов жизненного цикла программных средств [15], имеем возможность сфокусироваться на процессе эксплуатации. Расчет рентабельности затрат в отношении конкретно этого процесса позволяет выделить и оценить полезный эффект от использования подсистемы ПРБТ в структуре СППР нового типа по сравнению с моделью затрат на эксплуатацию существующей СППР.

Поскольку для наших целей базовыми затратами ($Z_{ПР0}$) приняты затраты на эксплуатацию существующей СППР, граничные условия для оценки рентабельности затрат на эксплуатацию СППР с подсистемой ПРБТ могут быть сформулированы следующим образом:

- затраты на принятие решений в процессе эксплуатации СППР с подсистемой ПРБТ должны быть меньше базовых затрат;
- при эксплуатации не должно снижаться качество принятия решений.

С целью оценки эффективности функционирования СППР учитываются те решения, которые были приняты на выбранном организацией горизонте планирования. Под эффективностью функционирования СППР следует понимать свойство автоматизированной системы, характеризующее степень достижения целей, поставленных при ее создании [16].

Для расчета рентабельности функционирования СППР по предлагаемому алгоритму (рис. 2) рассмотрим модель затрат на принятие решений. В качестве целевой функции выберем функцию минимизации затрат при условии неснижения качества принимаемых решений:

$$\begin{cases} Z_{ПР} \rightarrow \min \\ K_{кач_1} \geq K_{кач_0} \end{cases}, \quad (1)$$

где:

$K_{кач_0}$; $K_{кач_1}$ – коэффициенты качества до и после внедрения предлагаемого алгоритма.

Рассматривая суммарные затраты на принятие решений на горизонте планирования, можно сделать вывод, что использование предлагаемого алгоритма является целесообразным, если:

$$\begin{cases} \sum Z_{ПР0} \geq \sum Z_{ПР1} \\ K_{кач_1} \geq K_{кач_0} \end{cases}, \quad (2)$$

где:

$\sum Z_{ПР0}$ – сумма затрат на принятие решений ЛПР-ми на горизонте планирования с использованием существующих СППР.

$\sum Z_{ПР1}$ – сумма затрат на принятие решений на горизонте планирования при условии использования СППР с подсистемой ПРБТ, функционирующей по предлагаемому алгоритму.

В соответствии с бинарной логикой предлагаемый алгоритм принимает одно решение из двух возможных: 0 – если невозможно отдать выполнение задачи на БТПР; 1 – если возможно отдать выполнение задачи на БТПР. Тогда затраты на каждое из принимаемых решений можно выразить в следующем виде:

$$Z_{\text{ПР}1} = \begin{cases} Z_{\text{ПР}0} + Z_{\text{исОВПБТПР}} + Z_{\text{исБТПР}} + Z_{\text{исСПРИСС}} + Z_{\text{исОБТПР}}, & \text{при } f(K_C, K_B, K_T) = 0 \\ Z_{\text{исСИПОИ}} + Z_{\text{исОВПБТПР}} + Z_{\text{исБТПР}}, & \text{при } f(K_C, K_B, K_T) = 1 \end{cases} \quad (3)$$

где:

$Z_{\text{ПР}1}$ – затраты на принятие решений при условии использования СППР с подсистемой ПРБТ, функционирующей по предлагаемому алгоритму;

$Z_{\text{исОВПБТПР}}$ – затраты информационной системы на определение возможности применения БТПР (модуль 2, рис. 2);

$Z_{\text{исБТПР}}$ – затраты информационной системы на принятие решения с помощью БТПР (модуль 4, рис. 2);

$Z_{\text{исСПРИСС}}$ – затраты информационной системы на сравнение принятых решений и сбор статистики (модуль 5, рис. 2);

$Z_{\text{исОБТПР}}$ – затраты информационной системы на обучение БТПР (модуль 6, рис. 2);

$Z_{\text{исСИПОИ}}$ – затраты информационной системы на сбор и первичную обработку необходимой информации, а также выработки и оценки вариантов решений (альтернатив);

$f(K_C, K_B, K_T)$ – функция, принимающая значения:

- равное 1 при возможности передачи задачи на принятие решения БТПР;
- равное 0 в случае невозможности передачи задачи на принятие решения БТПР и, следовательно, передачи задачи на принятие решения ЛПР;

K_C – коэффициент срочности;

K_B – коэффициент важности;

K_T – коэффициент точности.

Напомним, что если в соответствии с алгоритмом принято решение о невозможности отдать выполнение задачи на БТПР и задачу выполняет ЛПР, то алгоритм параллельно реализует модули на маршрутах 1–2–4–5, 3–5, 5–6–4, 5–2 (рис. 2). Задача передается на решение БТПР, если определенный функционал от коэффициентов срочности, важности, точности (для каждого типа задач свой) принимает значение 0 или 1. Сравнение решений, принятых ЛПР и БТПР, в модуле 5 алгоритма аккумулирует статистику, которая используется в дальнейшем для определения возможности применения БТПР при возникновении однородных задач, а также для обучения БТПР (модуль 6).

Учитывая формулу (3), формулу (2) можно записать в следующем виде:

$$\begin{cases} \sum Z_{\text{ПР}0} \geq (\sum Z_{\text{ПР}1}, \text{ при } f(K_C, K_B, K_T) = 0) + (\sum Z_{\text{ПР}1}, \text{ при } f(K_C, K_B, K_T) = 1) \\ K_{\text{кач}1} \geq K_{\text{кач}0} \end{cases} \quad (4)$$

Объем задач, которые могут быть отданы на решение БТПР, и объем задач, которые отданы быть не могут, в различных условиях принятия решений отличаются. Результат соотношения этих объемов характеризует эффективность эксплуатации СППР с подсистемой ПРБТ по сравнению с существующей СППР. Соответственно, чем

большую долю задач мы сможем передать на выполнение БТПР, тем эффективнее эксплуатация СППР нового типа.

Обозначив затраты на принятие решений ЛПР в отношении задач, относящихся к множеству тех, что нельзя решить с помощью БТПР ($Z_{\text{ПР}0\text{А}}$), и затраты на принятие решений ЛПР в отношении задач, относящихся к множеству тех, что можно передать на БТПР ($Z_{\text{ПР}0\text{Б}}$), получим:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum(Z_{\text{ПР}0\text{А}} + Z_{\text{ПР}0\text{Б}}) \geq \sum(Z_{\text{ПР}0\text{А}} + Z_{\text{исОВПБТПР}0\text{А}} + Z_{\text{исБТПР}0\text{А}} + Z_{\text{исСПРисс}0\text{А}} + Z_{\text{исОБТПР}0\text{А}} \\ \quad + Z_{\text{исСИПОИ}0\text{Б}} + Z_{\text{исОВПБТПР}0\text{Б}} + Z_{\text{исБТПР}0\text{Б}}) \\ K_{\text{кач}1} \geq K_{\text{кач}0} \end{array} \right. \quad (5)$$

где:

$Z_{\text{исОВПБТПР}0\text{А}}$ – затраты информационной системы на определение возможности применения БТПР из группы задач $Z_{\text{ПР}0\text{А}}$;

$Z_{\text{исБТПР}0\text{А}}$ – затраты информационной системы на принятие решений БТПР из группы задач $Z_{\text{ПР}0\text{А}}$;

$Z_{\text{исСПРисс}0\text{А}}$ – затраты информационной системы на сравнение принятых решений и сбор статистики из группы задач $Z_{\text{ПР}0\text{А}}$;

$Z_{\text{исОБТПР}0\text{А}}$ – затраты информационной системы на обучение БТПР из группы задач $Z_{\text{ПР}0\text{А}}$;

$Z_{\text{исСИПОИ}0\text{Б}}$ – затраты информационной системы на сбор и первичную обработку необходимой информации, а также выработки и оценки вариантов решений (альтернатив) из группы задач $Z_{\text{ПР}0\text{Б}}$;

$Z_{\text{исОВПБТПР}0\text{Б}}$ – затраты информационной системы на определение возможности применения БТПР из группы задач $Z_{\text{ПР}0\text{Б}}$;

$Z_{\text{исБТПР}0\text{Б}}$ – затраты информационной системы на принятие решений БТПР из группы задач $Z_{\text{ПР}0\text{Б}}$.

При этом сумму затрат на принятие решений ЛПР-ми на горизонте планирования с использованием существующих СППР можно выразить следующим образом:

$$\sum Z_{\text{ПР}0} = \sum (Z_{\text{исСИПОИ}} + Z_{\text{ПР}0\text{ЛПР}}), \quad (6)$$

где:

$Z_{\text{исСИПОИ}}$ – затраты информационной системы на сбор и первичную обработку необходимой информации, а также выработки и оценки вариантов решений (альтернатив);

$Z_{\text{ПР}0\text{ЛПР}}$ – затраты на принятие решения ЛПР (3, рис. 2).

Проведя математические преобразования, получаем:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum Z_{\text{ПР}0\text{ЛПР}} \geq \sum (Z_{\text{исОВПБТПР}} + Z_{\text{исБТПР}} + Z_{\text{исСПРисс}0\text{А}} + Z_{\text{исОБТПР}0\text{А}}), \\ K_{\text{кач}1} \geq K_{\text{кач}0} \end{array} \right. \quad (7)$$

Интерпретируя полученное выражение, закономерно делаем вывод о том, что эксплуатация СППР с подсистемой ПРБТ в соответствии с предлагаемым алгоритмом

рентабельна в том случае, если затраты информационной системы на принятие решений при помощи БТПР и затраты информационной системы на определение возможности применения БТПР по всем поступающим задачам на горизонте планирования вместе с затратами информационной системы на сравнение принятых решений и сбор статистики и затратами информационной системы на обучение БТПР по задачам, которые нельзя передать БТПР, не превышают затраты на ЛПР в процессе принятия решений с использованием существующих СППР, в отношении задач, которые после внедрения предлагаемого алгоритма не потребуют привлечения ЛПР.

Заключение

В предложенном варианте определения рентабельности затрат на эксплуатацию СППР с подсистемой ПРБТ не рассматривается вопрос о целесообразности разработки, внедрения СППР нового типа или модификации существующей СППР, не учитываются затраты на разработку и внедрение СППР, функционирующего по предложенному алгоритму. Эти аспекты имеют самостоятельное значение при оценке перспективы развития рекомендательных информационных систем с подсистемой ПРБТ и должны быть предметом отдельного исследования.

Перед внедрением СППР нового типа и повсеместным их распространением на всю область принимаемых управленческих решений представляется необходимым ввести ограничения и выделить ту область принятия решений, которая должна быть оставлена за ЛПР – человеком, с учетом специфики осуществляемой деятельности.

Наиболее перспективным направлением для внедрения и использования СППР с подсистемой ПРБТ видится, прежде всего, сфера государственного и территориального управления, поскольку административные регламенты оказания услуг представляют собой типовые задачи, выполняемые посредством алгоритмизируемой последовательности действий и снабженные критериями принятия решений.

Библиографический список

1. Уринцов А.И. Системы поддержки принятия решений / А.И. Уринцов, В.В. Дик. – Москва: МЭСИ, 2011. – 230 с.
2. Зайцев С.В. Системы поддержки принятия решения как основа успешного функционирования хозяйствующего субъекта в современном бизнесе / С.В. Зайцев // Мягкие измерения и вычисления. – 2020. – Т. 37, № 12. – С. 77–83. – DOI: 10.36871/2618-9976.2020.12.007. – EDN GZNLPL.
3. Граецкая О.В. Информационные технологии поддержки принятия решений / О.В. Граецкая, Ю.С. Чусова. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2019. – 130 с. – ISBN 978-5-9275-3123-3. – EDN JUNFWS.
4. Агеева А.Ф. Обзор современных систем поддержки принятия решений, созданных при помощи агентного подхода // Электронные информационные системы. 2018. № 4. С. 29–46.
5. Ершов Д.М., Качалов Р.М. Системы поддержки принятия решений в процедурах формирования комплексной стратегии предприятия / Препринт # WP/2013/299. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 60 с.
6. Балдин К.В. Информационное обеспечение менеджмента организационной устойчивостью производственно-хозяйственных систем / К.В. Балдин, А.Т. Алиев // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. – 2021. – № 2(32). – С. 78–83. – EDN VCIWMU.
7. Иващенко Т.И. Анализ структуры рынка систем поддержки принятия решений / Т.И. Иващенко, С.И. Поповская // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: материалы международной научно-практической конференции: в 2 томах, Хабаровск, 27 апреля 2017 года. Том 2. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2017. – С. 34–37. – EDN YTBZIH.

8. Развадовская Ю.В. Модели инновационной политики и системы поддержки принятия решений: эволюция и перспективы / Ю.В. Развадовская, Е.В. Каплюк, К.С. Руднева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 47. – С. 80–98. – DOI: 10.17223/19988648/47/6. – EDN ELFIZV.
9. Терещенко В.Н. Исследование нейросетевых алгоритмов поиска ключевых слов для оптимизации работы СППР для службы технической поддержки / В.Н. Терещенко, А.С. Лопатина // Проектирование и обеспечение качества информационных процессов и систем: Сборник докладов Международной конференции, Санкт-Петербург, 15–17 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), 2022. – С. 113–116. – EDN ZAOEIZ.
10. Шугалей А.П. Система поддержки принятия решений при исследовании эффективности сложных систем / А.П. Шугалей, М.М. Маркелов, Ю.А. Камшилова // Решетневские чтения: Материалы XXIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти генерального конструктора ракетно-космических систем академика М.Ф. Решетнева. В 2 частях, Красноярск, 11–15 ноября 2019 года / Под общей редакцией Ю.Ю. Логинова. Том Часть 2. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2019. – С. 470–471. – EDN LTLEAO.
11. Дик В.В. Методология формирования решений в экономических системах и инструментальные среды их поддержки / В.В. Дик. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 298 с.
12. Иоселиани А.Д. «Искусственный интеллект» vs человеческий разум / А.Д. Иоселиани // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 102–107. – DOI: 10.30853/manuscript.2019.4.21. – EDN ZDGGWT.
13. Широковских С.А. Возможности, ограничения и вероятные угрозы устойчивому развитию высокотехнологичных компаний азиатского региона вследствие выхода из-под контроля искусственного интеллекта и нейросетей / С.А. Широковских // Экономика Центральной Азии. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 385–394. – DOI: 10.18334/asia.4.4.111626. – EDN CFLXEQ.
14. Искусственный интеллект в механизме развития человеческой цивилизации / С.И. Захарцев, Н.Д. Литвинов, В.П. Сальников, В.С. Чернявский // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 47–73. – EDN CVVBCD.
15. ГОСТ Р 57193-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Системная и программная инженерия. Процессы жизненного цикла систем.
16. Шикина В.Е. Техническая документация информационных систем / В.Е. Шикина. – Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2018. – 92 с. – ISBN 978-5-9795-1852-7. – EDN TULAJL.

References

1. Urintsov A.I. *Sistemy podderzhki prinyatiya reshenii* / A.I. Urintsov, V.V. Dik. – Moskva : MEHSI, 2011. – 230 s.
2. Zaitsev S.V. *Sistemy podderzhki prinyatiya resheniya kak osnova uspehnogo funktsionirovaniya khozyaistvuyushchego sub"ekta v sovremennom biznese* / S.V. Zaitsev // Myagkie izmereniya i vychisleniya. – 2020. – Т. 37, № 12. – С. 77–83. – DOI 10.36871/2618-9976.2020.12.007. – EDN GZNLPL.
3. Graetskaya O.V. *Informatsionnye tekhnologii podderzhki prinyatiya reshenii* / O.V. Graetskaya, YU. S. Chusova. – Rostov-na-Donu : Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2019. – 130 s. – ISBN 978-5-9275-3123-3. – EDN JUNFWS.
4. Ageeva A.F. *Obzor sovremennykh sistem podderzhki prinyatiya reshenii, sozdannykh pri pomoshchi agentnogo podkhoda* // Ehlektronnye informatsionnye sistemy. 2018. № 4. S. 29–46.
5. Ershov D.M., Kachalov, R.M. *Sistemy podderzhki prinyatiya reshenii v protsedurakh formirovaniya kompleksnoi strategii predpriyatiya* / Preprint # WP/2013/299. – М.: TSEHMI RAN, 2013. – 60 s.

6. Baldin K.V. *Informatsionnoe obespechenie menedzhmenta organizatsionnoi ustoichivost'yu proizvodstvenno-khozyaistvennykh sistem* / K.V. Baldin, A.T. Aliev // *Vestnik Komi respublikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya*. – 2021. – № 2(32). – S. 78–83. – EDN BCIWMU.
7. Ivashchenko T.I. *Analiz struktury rynka sistem podderzhki prinyatiya reshenii* / T.I. Ivashchenko, S.I. Popovskaya // *Sovremennye problemy ehkonomicheskogo razvitiya predpriyatii, otraslei, kompleksov, territorii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 tomakh, Khabarovsk, 27 aprelya 2017 goda. Tom 2*. – Khabarovsk: Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet, 2017. – S. 34–37. – EDN YTBZIH.
8. Razvadovskaya YU.V. *Modeli innovatsionnoi politiki i sistemy podderzhki prinyatiya reshenii: ehvolyutsiya i perspektivy* / YU.V. Razvadovskaya, E.V. Kaplyuk, K.S. Rudneva // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomika*. – 2019. – № 47. – S. 80–98. – DOI 10.17223/19988648/47/6. – EDN ELFIZV.
9. Tereshchenko V.N. *Issledovanie neirosetevykh algoritmov poiska klyuchevykh slov dlya optimizatsii raboty SPPR dlya sluzhby tekhnicheskoi podderzhki* / V.N. Tereshchenko, A.S. Lopatina // *Proektirovanie i obespechenie kachestva informatsionnykh protsessov i sistem : Sbornik dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 15–17 marta 2022 goda*. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ehlektrotekhnicheskii universitet "LEHTI" im. V.I. Ul'yanova (Lenina), 2022. – S. 113–116. – EDN ZAOEIZ.
10. Shugalei A.P. *Sistema podderzhki prinyatiya reshenii pri issledovanii ehffektivnosti slozhnykh sistem* / A.P. Shugalei, M.M. Markelov, YU.A. Kamshilova // *Reshetnevskie chteniya : Materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati general'nogo konstruktora raketno-kosmicheskikh sistem akademika M.F. Reshetneva. V 2-kh chastyakh, Krasnoyarsk, 11–15 noyabrya 2019 goda / Pod obshchei redaktsiei YU.YU. Loginova. Tom Chast' 2*. – Krasnoyarsk: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Sibirskii gosudarstvennyi universitet nauki i tekhnologii imeni akademika M.F. ReshetnevA», 2019. – S. 470–471. – EDN LTLEAO.
11. Dik V.V. *Metodologiya formirovaniya reshenii v ehkonomicheskikh sistemakh i instrumental'nye sredy ikh podderzhki* / V.V. Dik. – Moskva : Finansy i statistika, 2001. – 298 s.
12. Ioseliani A.D. «Iskusstvennyi intellekt» vs chelovecheskii razum / A.D. Ioseliani // *Manuskript*. – 2019. – T. 12, № 4. – S. 102–107. – DOI: 10.30853/manuskript.2019.4.21. – EDN ZDGGWT.
13. Shirokovskikh S.A. *Vozmozhnosti, ogranicheniya i veroyatnye ugrozy ustoichivomu razvitiyu vysokotekhnologichnykh kompanii aziatskogo regiona vsledstvie vykhoda iz-pod kontrolya iskusstvennogo intellekta i neirosetei* / S.A. Shirokovskikh // *Ehkonomika Tsentral'noi Azii*. – 2020. – T. 4, № 4. – S. 385–394. – DOI: 10.18334/asia.4.4.111626. – EDN CFLXEQ.
14. *Iskusstvennyi intellekt v mekhanizme razvitiya chelovecheskoi tsivilizatsii* / S.I. Zakhartsev, N.D. Litvinov, V.P. Sal'nikov, V.S. Chernyavskii // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. – 2021. – № 4. – S. 47–73. – EDN CVVBCD.
15. GOST R 57193-2016. *Natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii. Sistemnaya i programmaya inzheneriya. Protsessy zhiznennogo tsikla sistem*.
16. Shikina V.E. *Tekhnicheskaya dokumentatsiya informatsionnykh sistem* / V.E. Shikina. – Ul'yanovsk : Ul'yanovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2018. – 92 s. – ISBN 978-5-9795-1852-7. – EDN TULAJL.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
117997, г. Москва, Стремянный пер., 36.

The Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny per., Moscow, 117997, Russia.

Афанасьев Михаил Анатольевич / Mikhail A. Afanasev

afanasev.ma@rea.ru

ЭКОСИСТЕМА РОССИЯ: ПУТЬ К КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ

ECOSYSTEM RUSSIA: THE PATH TO COMPETITIVENESS AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-262-271

БОРОЖИХИН Владимир Вальтерович

Ведущий научный сотрудник РЭУ им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник ИПРАН РАН, к.э.н.

Vladimir V. VOROZHIKHIN

Leading Researcher, Plekhanov Russian University of Economics, Leading Researcher, ISS RAS, PhD in Economics

Аннотация

Сложная исходная ситуация, в которой находится Россия, требует нетрадиционных подходов к решениям внутренних и внешних задач, которые должны быть взаимно увязаны: Россия обречена на создание уникального глобально привлекательного проекта национального развития для достижения благоприятного будущего, успешно реализуемого в условиях продолжения СВО и экономической войны с Россией со стороны коллективного Запада. В статье рассматриваются цели, задачи, новые механизмы и инструменты реализации проекта «Экосистема Россия», система метауправления и экономическая модель будущей успешной России.

Abstract

The complex initial situation in which Russia finds itself requires the solution of complex internal and external tasks, which must be mutually linked: Russia is doomed to create a unique globally attractive project of national development to achieve a favorable future, which must be successfully implemented in the context of the continuation of the NWO and economic war with Russia by the collective West. The goals, objectives, new mechanisms and tools of the project “Ecosystem Russia”, the system of meta-management and economic model of the future successful Russia are considered in this article.

Ключевые слова

Экосистема Россия, технологический суверенитет, развитие междисциплинарных знаний, совершенствование оценки, научный паспорт, интеллектуальный репози-

торий, гибридный интеллект, взаимная оценка, рейтинг исследователя, квалифицированный краудсорсинг.

Keywords

Ecosystem Russia, technological sovereignty, interdisciplinary knowledge development, assessment improvement, scientific passport, intellectual repository, hybrid intelligence, peer assessment, researcher rating, qualified crowdsourcing.

Введение

К настоящему времени в России прошла тихая успешная бытовая революция и завершается революция в жилищной сфере, опирающаяся на мощный строительный бизнес. СВО также свидетельствует о том, что этап восстановления государствавершен. Россия вступает в этап совершенствования государства и общества, хотя ряд проблем сохраняется. Их комплексное решение в рамках единого проекта, позволит сохранить суверенитет России, добиться устойчивости процесса реализации успешного будущего России в условиях стремительного развития междисциплинарных знаний и цифровых технологий. Необходим переход от упрощенных процессов управления, использованных на этапе восстановления государства, к системе метауправления совершенствованием государства. Достижение конкурентоспособности требует опоры на самые современные инструменты, включая достижение фронтиров технологий ИИ, интеграции гибридного человеческого и искусственного интеллекта (ЧИИ) в многоуровневых ячейках совместно обучаемого ЧИИ и перехода к управлению конвергенцией знаний и технологий [1]. Необходимое согласование эволюции многочисленных экономических агентов страны требует создания цифровой мультисети [2] и оптимизации режимов кооперации и конкурентного партнерства всех агентов единой экосистемы России.

Цель

Целью работы является создание комплекса механизмов и инструментов для выхода на траекторию обеспечения технологического суверенитета, экономической безопасности и устойчивого достижения лучшего (желаемого, благоприятного) будущего России и их интеграция в глобально конкурентоспособный адаптивный саморазвивающийся и самосовершенствующийся проект «Экосистема Россия» на основе развития многоуровневого совместно обучаемого человеческого и искусственного интеллекта.

Методы

В исследовании использованы методы систематического обзора, обобщения, сравнительного и системного анализа, синтеза, подходы формализации динамики сложных систем, проектирования будущего.

Результаты

Глобальные изменения мироустройства

Мир переживает глубокие и стремительные перемены. После завершившегося в 2020 г. третьего послевоенного этапа развития – «Эпохи рынков» [3] – происходит становление цифрового интеллектуального мирового и национального развития,

в котором главным богатством становятся знания. О новом этапе мирового и национального развития говорят В.В. Путин и Си Цзиньпин.

Электроника, уже более 50 лет остающаяся драйвером мирового развития, освоила 3-нанометровые технологии [4]. Формируется Общество 5.0: Число роботов в автопроме Республики Кореи достигло 2867 на 10 тыс. рабочих мест, а в среднем в промышленности 1000 или 10% – другими словами, близко к 5% населения [5].

Сильный ИИ с технологией GPT-4 близок к преодолению теста Тьюринга [6]. ИИ трансформирует нашу жизнь, принципиально меняя профессии, виды экономической деятельности, ценности и критерии оценки взаимодействия. Потенциал ИИ оценивается настолько высоко, что между лидерами – КНР и США – идет ожесточенное соперничество за лидерство в этой сфере – семь из восьми крупнейших корпораций принадлежат им. Но в то же время Республика Корея прорабатывает проект «Супергигантская экосистема искусственного интеллекта» [7] и создает должность профессора по сингулярности. Развитие киберфизических систем стало следствием усложнений технологий и техники в рамках 4-й индустриальной революции и прелюдией 5-й индустриальной революции, получившей образное название «танец людей и машин» [8], в рамках которой происходит объединение интеллекта и творческих способностей человека с возможностями машины для повышения эффективности работ, а также появилась новая должность директора по робототехнике, разбирающегося в роботах и их взаимодействии с людьми. Переход от диагностики конвергенции к управлению ею становится новым инструментом развития эпохи сложных систем, обеспечивая также устойчивость движения к лучшему будущему [9]. Цифровые бизнес-экосистемы в условиях трансграничности информационных и экономических потоков развиваются быстрее национальных экономик, опережая их в освоении новых технологий, привлечении поставщиков и потребителей, в регулировании охватываемого пространства, перехватывая управление у национальных государств [10]. Для достижения технологического суверенитета и сохранения стратегической автономии страна вынуждена превратиться в экосистему!

Но условия на старте в будущее России сложны: интенсивность санкций с начала СВО выросла на порядок, уже к 8 мая 2022 г. 55 странами было наложено более 10 тыс. санкций, общее число которых достигло 15 тыс.

ЕС приостановил взаимодействие с Россией в сфере науки и технологий 3 марта 2022 г. [11], а США – 11 июня 2022 г. [12]. Наука в сложной ситуации является ключом к формированию выигрышных управленческих решений и к сохранению России, которое невозможно вне достижения технологического суверенитета (ТС) – «способности разрабатывать, развертывать, применять, получать и гарантировать целостность ряда ключевых технологий, которые стали инструментами власти в наше время геополитической конкуренции, в которой мы живем».

Уточнение представлений о технологическом суверенитете

Представления о технологическом суверенитете (ТС), который формировался как националистическая концепция на основе представлений о суверенитете государства, с 1967 г. использовал Научный совет Канады, определявший цель технологического суверенитета как содействие развитию национальных предприятий и инновационного потенциала.

В рамках цифровой трансформации происходит усиление роли цифровой проекции технологического суверенитета – его нового стратегического измерения.

ТС выходит за рамки технологического пространства страны, означает возможность генерации технологических и научных знаний, стратегического выбора ядра технологического развития (не является набором критических технологий), дополнения его использованием внешних технологических возможностей разработанных за пределами страны, благодаря активизации надежных партнерств и управления надежностью цепочек поставок, а также задает геополитическое пространство его реализации, опираясь на взаимовыгодные технологические партнерства и взаимозависимости.

ТС включает сферы экономики и управления, интеграцию технических и социальных технологий [13] для создания глобальных цепочек технологий, поставок и стоимости. ТС создает возможности и инструменты геополитической конкуренции и минимизации зависимости от внешних факторов, выполняя роль каркаса, задающего области выбора приоритетов промышленной политики в рамках реализации трех возможных сценариев: конкуренции, кооперации или сотрудничества.

Условия перехода к стране-экосистеме

Реформа науки становится ключом к достижению технологического суверенитета и стратегической автономии России.

Реализация проекта «Экосистема России» на практике означает реализацию увязанного комплекса мероприятий:

- восстановление конкурентоспособности российской науки за счет повышения эффективности научных коммуникаций, создание системы оценки результатов научной деятельности, формирование динамических онтологий для локализованных областей знаний, локальных и интегральных рейтингов экспертов;
- перенос механизмов регулирования взаимодействия, конкуренции и производительности с регулирования научных организаций на уровень исследователей, непрерывный поиск талантов, оценка результатов научной деятельности peer-to-peer, в т.ч. результатов конференций, квалифицированный краудсорсинг, при котором учитывается рейтинг исследователей, оценка с использованием ЧИИ, обучаемого совместно с исследователями;
- объединение всех исследователей России в интегральную мультисеть [2];
- создание мультимодельного информационно-управляющего комплекса, интегрирующего локальные модели экономических агентов в модели муниципальных образований, регионов, многоуровневую (10–12) модель экономической системы страны, и глобальных цепочек технологий, поставок, стоимости и ценностей, что требует создания развернутой многоуровневой системы цифровых двойников агентов, их связей, областей знаний и технологий [14];
- формирование системы метауправления, развивающейся опережающими темпами относительно управляемой системы, ориентированной на управление устойчивостью развития на основе выявления новизны (нооскоп), рисков и аномалий развития;
- формирование новой человеко-ориентированной экономической модели (НЭМО) на основе принципов Общества 5.0 и ноосферы В.И. Вернадского.

Обсуждение

Возможности реализации «Экосистемы Россия» формирует новая реальность. Ее частью стала автоматизация исследований. Автоматизированный исследовательский рабочий процесс (Automated Research Workflows – ARW) объединяет [15]:

- вычисления, лабораторную автоматизацию и инструменты искусственного интеллекта при выполнении задач, составляющих процесс исследования, таких как разработка экспериментов, наблюдения и моделирование;
- сбор и анализ данных; и
- изучение результатов для дальнейших экспериментов, наблюдений и моделирования.

ARW, реализуемые в современной кибер-инфраструктуре, уже показали значительное увеличение скорости и эффективности исследований:

- в материаловедении время, необходимое для синтеза и тестирования материалов, сократилось с 9 месяцев до 5 дней;
- достижение заданной чувствительности при обработке половины данных в физике элементарных частиц; при поиске лекарств идентифицированы 57% активных соединений при выполнении 2,5% возможных экспериментов, по сравнению с 20%, идентифицированными с помощью традиционного подхода построения модели для каждой цели.

Появились инструменты адаптации к развитию пространства знаний – систематические обзоры и метаанализ, форсайты и краудсорсинг, динамические онтологии. Систематический обзор интегрирует все доступные эмпирические исследования, используя строгие, прозрачные и инклюзивные систематические методы для получения ответов на конкретный вопрос. Метаанализ – это статистический процесс анализа и объединения результатов нескольких подобных исследований, это достоверный, объективный и научный метод анализа и объединения различных результатов. Частичная автоматизация с применением ИИ и краудсорсинга использованы при создании живой библиографии актуальных публикаций The Existential Risk Research Assessment (TERRA), которая обновляется каждый месяц (www.x-risk.net). За первые десять месяцев работы TERRA 51 участник тщательно рассмотрел 10 001 реферат исследований экзистенциальных и глобальных катастрофических рисков [16].

Регулярно пересматриваемые онтологии в связи с развитием локальной области знаний, пересматриваемые с учетом скорости изменений и формирования смещенности (предвзятости) оценок, полноты, точности, непротиворечивости, вычислительной эффективности и объяснимости, будем называть динамическими онтологиями. Оценка их качества проводится с использованием верификации (правильно ли построена онтология – применима ли спецификация по своему прямому назначению) и валидации (верно ли онтология моделирует предметную область или реальное приложение, для которого она предназначена). Особую значимость для всех исследований приобретают поведенческие онтологии и онтологии проектирования, позволяющие конструировать проект лучшего будущего страны с учетом изменений Человека – личности, групп, сообществ, общества, цивилизации.

Интенсификация научных коммуникаций и повышение уровня аналитической готовности науки к развитию знаний достигаются за счет непрерывного развития процессов самоорганизации, самодиагностики и самосовершенствования с использованием интеллектуального репозитория (ИР) – «современной

самоорганизуемой цифровой системы хранения и обработки научной информации в любых формах – от идей до подробного описания промышленных технологий и ноу-хау» [17], а подключение исследователей к ИР реализуется через электронный научный паспорт (НП) [18] – персонализированную ячейку ЧИИ, обучаемую совместно, позволяющую анализировать научную деятельность исследователя.

Процедура автоматической ИИ-оценки в системе ИР–НП дополняется взаимной оценкой специалистов для каждой локальной области знаний за счет процедур peer-to-peer (ptp). В рамках оценки формируется рейтинг специалиста в каждой локальной области знаний, который является основой для интегрального рейтинга – оценки результатов научной деятельности, проводимой конкретным специалистом, а также рейтинг любого результата научной деятельности (РНД): монографии, статьи, отчета о НИР и др.

В системе ИР–НП разрабатываются программы личностного и профессионального развития исследователей, включая подготовку персоналий для статусных позиций и участия в НИР, формируются команды исследователей с учетом реального уровня загрузки и оценивается полнота использования научного потенциала личности, групп, сообществ и страны в целом.

Система ИР–НП позволяет перенести взаимодействие, конкуренцию и их регулирование с уровня организаций на уровень персоналий. На этом уровне регулирование конкурентного партнерства является естественным и более гибким в рамках эмпатии и симпатии, уровень жесткости конкуренции регулируется в рамках сохранения конкурентной среды. Формирование научных коллективов становится естественным. Используется опыт DARPA по созданию системы мягкой конкуренции, сохраняющей конкурентную среду: назначается несколько победителей конкурсов с разными суммами поддержки, например 60–30–10 процентов от суммы вознаграждения.

Организационной формой, позволяющей обеспечить включенность каждого исследователя России в пространство национальных знаний и исследований с учетом персональных талантов, способностей и интересов вне упрощенного иерархического регулирования, сопровождаемого нарушением интересов и академических свобод исследователей и научных сообществ, является интегральная мультисеть [2].

На основе развитой системы цифровых двойников формируется мультимодельный комплекс, способный работать со сложными системами за счет принципиального повышения сложности и уровня детализации модели с учетом реальных центров управления процессами развития и безопасности, обеспечивающими устойчивость создания желаемого будущего. При этом реализуется семь типов комплексных исследований:

- Повторные: приведение пространства более раннего выявления значимых факторов влияния на результаты исследования к существующему на момент использования этих результатов.
- Непрерывные: проведение исследований сущностей в течение жизненного цикла с учетом изменения пространства знаний и представлений о них.
- Сетевые: позволяют выделить сети наиболее значимых факторов влияния на исследуемую сущность с учетом взаимодействия этих факторов влияния, которое меняется во времени и пространстве с учетом изменения как временных, так и мощностных характеристик взаимодействия.
- Трансляционные: приближение прикладной науки и практик к фронтам фундаментальных открытий.

- Трансформационные: диагностика изменений социума (личности, групп, сообществ, общества, элит и государства), анализ изменения критериев оценки (изменения мировоззрения, онтологий, аксиологических, гносеологических и методологических основ формирования критериев оценки), изменение границ личного-общего, а также изменения значимости традиционных и новых социо-электронных механизмов общественной координации.
- Исследования сложности: уровень высокой сложности системы означает высокую вероятность конвергенции с любыми областями, а также принципиально меньшую надежность и устойчивость систем, что предполагает специфику управления ими.
- Исследования будущего (предсказание-прогнозирование-конструирование с учетом эффекта Эдипа) необходимы с точки зрения формирования видения будущего, правильного выбора целей, механизмов, хронотопов воздействий, коррекции используемых инструментов и элементов стратегического управления. Социально значимая информация воздействует на реализуемые проекты, формируя их сторонников и противников и меняя будущее.

Выводы/Заключение

Процесс развития страны меняет характер – его основой становится создание (выявление), формирование (формализация), хранение, распространение и использование (применение) нового знания. Богатство знаний становится основным, отводя богатству экономическому вторые роли зависимого от научного знания. Прогнозирование и предвидение как процессы стратегического управления уступают важнейшую роль проектированию, конструированию и созданию будущего. Безопасность и управление рисками интегрируются в процесс управления устойчивостью достижения благоприятного (лучшего, желаемого) будущего.

Конвергентная система знаний представляет собой подробный анализ изменений локальных областей знаний, используемых онтологий, методов получения новых знаний, динамики связности со смежными областями знаний и новых возможностей диффузии в ранее несвязные области знаний. Конвергентная производственная платформа определяется как система, синергетически объединяющая разнородные материалы и процессы (например, аддитивные, субтрактивные и преобразующие).

Основой для управления конвергенцией становится совместный анализ проблем и возможностей геополитики, экономики, науки и техники, анализ патентной и публикационной сетей взаимодействия (цитирования), измерение интенсивности, скорости и охвата сходимости технологий, на основе которых формируются матрицы, анализируемые гибридным ЧИИ–ИИ и специалистами с высокими рейтингами в локальных областях знаний.

Усложнение общества требует соответствующего усложнения, увеличения разнообразия применяемых механизмов общественной координации – традиционных (иерархия, рынок, гетерархия, культура) и социо-электронных (социальные сети, компьютерные и мобильные; интерактивные компьютерные информационно-исследовательские и управленческие системы; блокчейн; локальные интеллектуальные системы, включая ИИ и роботов; глобальные структурные бизнес-процессы, обмены знаниями и цепочки поставок, технологий, стоимости и ценностей), регулярного обновления критериев оценки.

В условиях высокой динамики безопасность теряет статус состояния и описывается в представлениях устойчивости процессов достижения благоприятного (лучшего, желаемого) будущего. Актуальным становится управление устойчивостью процессов развития и достижения желаемого будущего вместо отдельного управления развитием и рисками.

В человеко-ориентированной экономике целью становится повышение ценности людей вместо снижения затрат или роста прибыли. Инновации используются не для снижения затрат, а для роста заработков. Работник является заказчиком и основным капиталом, при этом частные и общественные мотивации и стимулы сбалансированы, в то время как либеральная капиталистическая модель сделать это не в состоянии, что ведет к росту неравенства и кризису.

Потенциал новой экономической человеко-ориентированной модели (НЭМО): рост экономики в 2–3 раза.

В 2016 г. в мире было 5 млрд человек трудоспособного возраста, 2 млрд из которых работали на дому. Эти трудовые ресурсы создают глобальную рыночную стоимость в \$100 трлн в год. Но на рабочих местах компаний только 200 млн заинтересованы своей работой (4%!!!).

Модель человеко-ориентированной экономики обретает практическую реализацию в наши дни как построение «человекоцентричной» модели в Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 г. (утв. Указом Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 г. № 522) «Люди прежде всего». Впереди – переход к «технологической сингулярности», когда скорость научно-технологического развития относительно современной кажется бесконечной. Сроки перехода, называемые футурологами – 2040...2055 (2022...2070) гг. «Взрыв искусственного интеллекта» уже реализован: на рубеже 2022–2023 г. создан «сильный» генеративный ИИ, фактически преодолевший тест Тьюринга – создание текста, практически неотличимого от текстов, создаваемых человеком. Современный ИИ самостоятельно обучается в пространстве глобальных новостей и знаний на основе технологий GPT-4, модель GPT-5 уже создана и совершенствуется.

Библиографический список

1. Ворожихин В.В., Ларионова Е.И. Об интеграции человеческого и искусственного интеллекта: видение США / В сборнике: НТИ-2022. Научная информация в современном мире: глобальные вызовы и национальные приоритеты. – Материалы 10-й научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию ВИНТИ РАН. – Москва, 2022. С. 183–189.
2. Ворожихин В.В. Мультисети: организационное решение увеличения числа исследователей и повышения конкурентоспособности российской науки / В сборнике: Наука в инновационном процессе. – Материалы международной научно-практической конференции. – Москва, 2021. С. 146–152.
3. *On the cusp of a new era?* / McKinsey Global Institute. 2022. – 44 p.
4. *Eurasia Group: The Geopolitics of Semiconductors*, Sept. 2020, 15 p.
5. *World Robotics 2022 – Industrial Robots*, IFR, 2022 – 696 p.
6. *GPT-4 Technical Report* – arXiv:2303.08774v2 [cs.CL] – [электронный ресурс] – URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.08774>
7. 제1회 초거대 AI 생태계의 시작 – [электронный ресурс] – URL: https://www.asiaforum.co.kr/wp-content/uploads/2022/10/자료집_WEB-3.0_최종.pdf (дата доступа 08.07.2023).

8. Pratik Gauri, Jim Van Eerden *A 5-th industrial revolution? (What it is, and why it matters)* – [электронный ресурс] – https://5thelement.group/wp-content/uploads/2019/05/A-5th-Industrial-Revolution_-What-It-Is-And-Why-It-Matters_05.03.19_vX.pdf (дата доступа 08.07.2023).
9. "Front Matter." *National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2022. Convergent Manufacturing: A Future of Additive, Subtractive, and Transformative Manufacturing: Proceedings of a Workshop.* Washington, DC: The National Academies Press. DOI: 10.17226/26524
10. Niharika Hariharan Joshi, Hamza Khan, Istvan Rab *A design-led approach to embracing an ecosystem strategy*, McKinsey & Company, July 21, 2021 – 6 p.
11. *Statement on research by commissioner Mariya Gabriel, Brussels, 3 March 2022* – [электронный ресурс] – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_22_1528 (дата доступа 07.07.2023).
12. *Guidance On Scientific and Technological Cooperation with the Russian Federation for U.S. Government and U.S. Government Affiliated Organizations, June 11, 2022* – [электронный ресурс] – URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/06/11/guidance-on-scientific-and-technological-cooperation-with-the-russian-federation-for-u-s-government-and-u-s-government-affiliated-organizations/> (дата доступа 07.07.2023).
13. *100 Radical Innovation Breakthroughs for the future* – European Union, 2019 – 338 p.
14. Клочков В.В. *Цифровые двойники в прикладной науке: что это и зачем?* – [электронный ресурс] – URL: <https://nrczh.ru/articles/tsifrovye-dvoyniki-v-prikladnoy-nauke-cto-eto-i-zachem/> (дата доступа 07.07.2023).
15. "Front Matter." *National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2022. Automated Research Workflows for Accelerated Discovery: Closing the Knowledge Discovery Loop.* – Washington (DC): The National Academies Press. p. DOI: 10.17226/26532
16. Gorm E. Shackelford et al. *Accumulating evidence using crowdsourcing and machine learning: A living bibliography about existential risk and global catastrophic risk // Futures, Volume 116, February 2020, 102508* <https://doi.org/10.1016/j.futures.2019.102508>
17. Ворожихин В.В., Карнаух И.С. *Интеллектуальный репозиторий научно-информационного библиотечного центра / В сборнике: Библиотека и культурное пространство региона. – Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор Е.М. Вафина. – Пермь, 2021. С. 199–205.*
18. Ворожихин В.В., Карнаух И.С. *Электронный научный паспорт исследователя для интеллектуального репозитория / В сборнике: Производство. Наука. Образование: сценарии будущего (ПНО-2021). – Сборник статей VIII Международного конгресса. – Санкт-Петербург, 2022. С. 156–163.*

References

1. Vorozhihin V.V., Larionova E.I. *Ob integracii chelovecheskogo i iskusstvennogo intellekta: videnie SShA / V sbornike: NTI-2022. Nauchnaja informacija v sovremenном mire: global'nye vyzovy i nacional'nye priority.* – Materialy 10-j nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 70-letiju VINITI RAN. Moskva, 2022. S. 183–189.
2. Vorozhihin V.V. *Mul'tiseti: organizacionnoe reshenie uvelichenija chisla issledovatelej i povyshenija konkurentosposobnosti rossijskoj nauki/ V sbornike: Nauka v innovacionnom processe.* – Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Moskva, 2021. S. 146–152.
3. *On the cusp of a new era? 2022.* – 44 p.
4. *Eurasia Group: The Geopolitics of Semiconductors, Sept. 2020, 15 p.*
5. *World Robotics 2022 – Industrial Robots, IFR, 2022 – 696 p.*
6. *GPT-4 Technical Report – arXiv:2303.08774v2 [cs.CL] – [electronic resource] – URL: https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.08774*

7. 제1회 초거대 AI 생태계의 시작 – [electronic resource] – URL: https://www.asiaeforum.co.kr/wp-content/uploads/2022/10/자료집_WEB-3.0_최종.pdf
8. Pratik Gauri, Jim Van Eerden A 5th industrial revolution? (What it is, and why it matters) – [electronic resource] – https://5thelement.group/wp-content/uploads/2019/05/A-5th-Industrial-Revolution_-What-It-Is-And-Why-It-Matters_05.03.19_vX.pdf (accessed 08.07.2023).
9. “Front Matter.” National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2022. *Convergent Manufacturing: A Future of Additive, Subtractive, and Transformative Manufacturing: Proceedings of a Workshop*. Washington, DC: The National Academies Press. DOI: 10.17226/26524.
10. Niharika Hariharan Joshi, Hamza Khan, Istvan Rab A design-led approach to embracing an ecosystem strategy, McKinsey & Company, July 21, 2021 – 6 p.
11. tatement on research by commissioner Mariya Gabriel, Brussels, March 3, 2022 – [electronic resource] – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_22_1528 (accessed 07.07.2023).
12. Guidance On Scientific and Technological Cooperation with the Russian Federation for U.S. Government and U.S. Government Affiliated Organizations, June 11, 2022 – [electronic resource] – URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/06/11/guidance-on-scientific-and-technological-cooperation-with-the-russian-federation-for-u-s-government-and-u-s-government-affiliated-organizations/> (access date 07.07.2023).
13. 100 Radical Innovation Breakthroughs for the future – European Union, 2019 – 338 p.
14. Klochkov V.V. Cifrovye dvojniki v prikladnoj nauke: chto jeto i zachem? – [jelektronnyj resurs] – URL: <https://nrczh.ru/articles/tsifrovye-dvoyniki-v-prikladnoy-nauke-chto-eto-i-zachem/> (data dostupa 07.07.2023).
15. “Front Matter. National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2022. *Automated Research Workflows for Accelerated Discovery: Closing the Knowledge Discovery Loop*. – Washington, DC: The National Academies Press. p. DOI: 10.17226/26532.
16. Gorm E. Shackelford et al. Accumulating evidence using crowdsourcing and machine learning: A living bibliography about existential risk and global catastrophic risk // *Futures*, Volume 116, February 2020, 102508 <https://doi.org/10.1016/j.futures.2019.102508>
17. Vorozhihin V.V., Karnauh I.S. Intellektual’nyj repozitorij nauchno-informacionnogo bibliotechnogo centra / V sbornike: Biblioteka i kul’turnoe prostranstvo regiona. – Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Otv. redaktor E.M. Vafina. – Perm’, 2021. S. 199–205.
18. Vorozhihin V.V., Karnauh I.S. Jelektronnyj nauchnyj pasport issledovatelja dlja intellektual’nogo repozitorija / V sbornike: Proizvodstvo. Nauka. Obrazovanie: scenarii budushhego (PNO-2021). – Sbornik statej VIII Mezhdunarodnogo kongressa. – Sankt-Peterburg, 2022. S. 156–163.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
115054, Москва, Стремянный переулок, д.36. (для направления почтовой корреспонденции:
ОПС 109992, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36.)
ФГБУН «Институт проблем развития науки РАН (ИПРАН РАН)»
117218, Москва, Нахимовский пр-т, 32
The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Plekhanov
Russian University of Economics. G.V. Plekhanov Russian University of Economics,
36. Stremyanniy pereulok, Moscow, 115054 (for sending postal correspondence: post office 109992, 36.
Stremyanniy pereulok, Moscow
Institute for the Study of Science of the Russian Academy of Sciences (ISS RAS)
32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218
Ворожихин Владимир Вальтерович / Vladimir V. Vorozhikhin
vorozhikhin@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ХАОТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И АЛГОРИТМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НЕЛИНЕЙНЫХ ЗАДАЧАХ ДИНАМИКИ СИСТЕМ

INTEGRATION OF CHAOTIC PROCESSES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE ALGORITHMS IN NONLINEAR SYSTEM DYNAMICS PROBLEMS

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-272-280

ПЕТРОВ Лев Федорович

Профессор кафедры Математических методов в экономике Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, академик РАЕН, д.т.н., профессор

Lev F. PETROV

Professor of the Department of Mathematical Methods in Economics of the Plekhanov Russian University of Economics, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Technical Sciences, Professor

Аннотация

Проводится анализ влияния применения алгоритмов искусственного интеллекта и обработки больших данных на изменение областей порядка и хаоса в социуме, экономике. Сравниваются эффекты проявления хаоса и порядка в простых нелинейных динамических системах с аналогичными эффектами в сложных системах. При реализации алгоритмов искусственного интеллекта и обработки больших данных в экономике и социуме констатируется расширение областей детерминированных процессов, а также снижение, но не устранение хаотической составляющей.

Abstract

The impact analysis of artificial intelligence algorithms using and big data processing on changing the areas of order and chaos in society and the economy is carried out. The effects of manifestation of chaos and order in simple nonlinear dynamic systems are compared with similar effects in complex systems. When implementing artificial intelligence algorithms and big data processing in the economy and society, the

expansion of the areas of deterministic processes is noted, as well as the reduction, but not the elimination of the chaotic component.

Ключевые слова Хаотические процессы, детерминированные процессы, алгоритмы искусственного интеллекта, области хаоса.

Keywords Chaotic processes, deterministic processes, artificial intelligence algorithms, areas of chaos.

Введение

Экономическая динамика является важной компонентой изучения процессов и явлений в экономических системах различного масштаба. Она является одной из наиболее сложных и интересных составляющих нелинейной динамики – науки, изучающей эволюционные процессы в нелинейных динамических системах [1]. Для нелинейных динамических систем, в том числе и экономических, характерны два вида поведения – регулярное (упорядоченное) и хаотическое. Особый интерес представляет поведение системы при переходе от порядка к хаосу и обратно [2]. Для экономических систем возникает вопрос о предпочтительной с точки зрения экономической эффективности форме процесса – хаос или порядок? С точки зрения администратора порядок предпочтительнее, удобнее, понятнее, а с точки зрения конкурентоспособности есть обратный пример: плановая экономика во второй половине XX века не смогла конкурировать с рыночной экономикой, в которой намного более значима хаотическая составляющая.

Хаотические процессы являются неотъемлемой и естественной формой поведения динамических систем различной природы – физических, экономических, социальных. Для простых нелинейных физических систем, построены математические модели, которые с высокой количественной точностью соответствуют реальным процессам [3]. Естественно, появился интерес к построению моделей нелинейной динамики для сложных систем – экономики [4–7], социума [8–13]. Математические модели нелинейной динамики для таких систем, как правило, позволяют анализировать качественные, но не количественные характеристики процессов.

Алгоритмы искусственного интеллекта и обработки больших данных внесли кардинальные дополнения в изучение регулярной и хаотической динамики нелинейных систем. И эти новые возможности, представляемые названными алгоритмами, наиболее ярко проявились и реализованы для сложных систем – экономики и социума. При этом, учитывая количественную точность получаемых результатов, область регулярных решений значительно расширилась и граница хаос-порядок в экономике и социуме существенно переместилась.

Цель

Целью настоящей работы является анализ влияния применения алгоритмов искусственного интеллекта и обработки больших данных на изменение областей порядка и хаоса в социуме, экономике, а также сравнение эффектов проявления хаоса и порядка в простых нелинейных динамических системах с аналогичными эффектами в сложных системах, обобщение анализируемых процессов в системах различного уровня сложности.

Материалы и методы

Исторически взаимодействие хаоса и порядка в сложных системах было отмечено еще в античной литературе [14]: «Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни мира. Все возникло из безграничного Хаоса – весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земля – Гея... Начал создаваться мир. Безграничный Хаос породил Вечный Мрак – Эреб и темную Ночь – Нюкту. А от Ночи и Мрака произошли вечный Свет – Эфир и радостный светлый День – Гемера. Свет разлился по миру, и стали сменять друг друга ночь и день». В терминах нелинейной динамики из хаоса зародился устойчивый периодический процесс с периодом 24 часа. Много позже подобная мысль была сформулирована как «анархия – мать порядка».

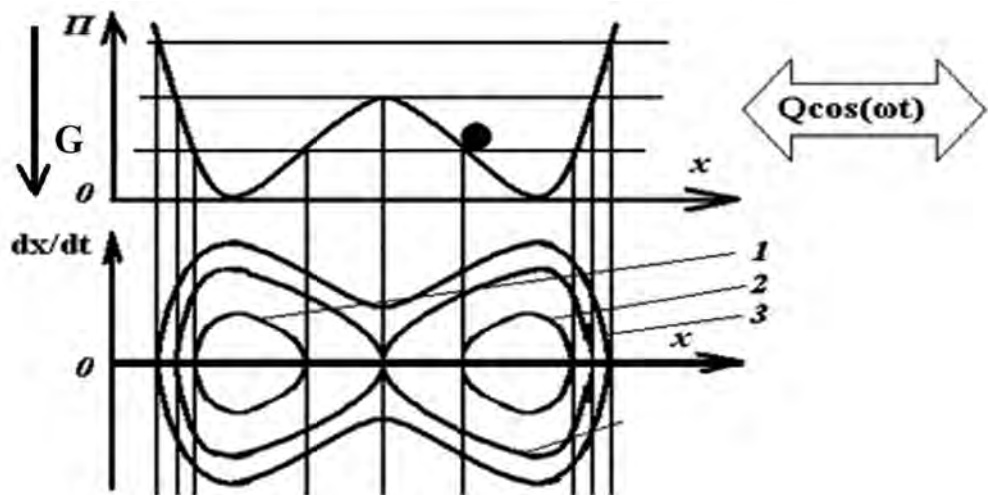
Качественно сопоставим глобальные концепции соотношения хаоса и порядка в сложных системах, не имеющие соответствующих количественных математических моделей, с динамическими процессами в относительно простых нелинейных системах, в которых также имеют место как хаотические, так и детерминированные режимы.

Простейший пример нелинейной динамической системы с возможным хаосом – осциллятор с отрицательной жесткостью [15]. Уравнение движения имеет вид:

$$\frac{d^2x(t)}{dt^2} - \theta x + \beta \frac{dx(t)}{dt} + \gamma x^3(t) = Q \cos(\omega t).$$

В работе [15] при фиксированном наборе параметров уравнения при изменении единственного параметра W найдены как устойчивые периодические решения, так и хаотический режим. Эта модель получила дальнейшее развитие [16] при различных значениях параметров, исследованы регулярные и хаотические колебания с одной и двумя степенями свободы. Отметим, что рассматриваемая модель даже проще, чем часто упоминаемый аттрактор Лоренца [17], так как эта модель соответствует неавтономной динамической системе с одной степенью свободы и включает нелинейное дифференциальное уравнение второго порядка с правой частью, а модель Лоренца содержит систему уравнений третьего порядка.

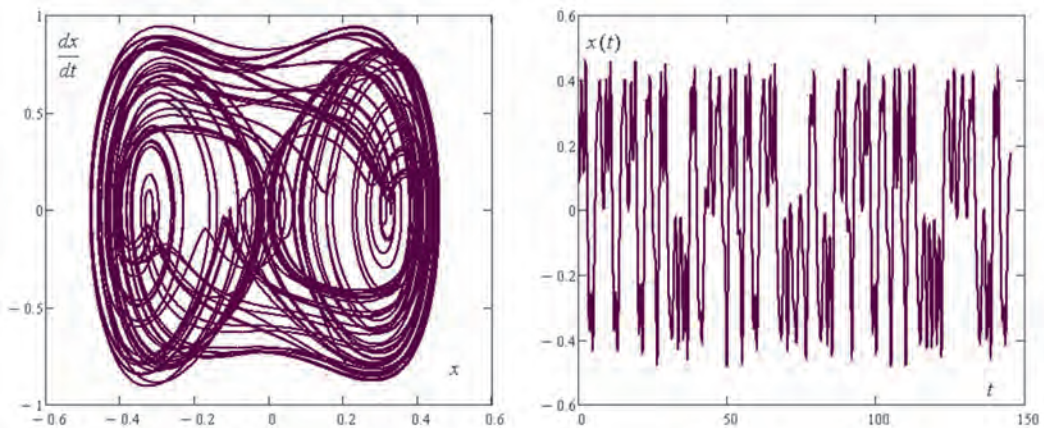
Рис. 1.
Вынужденные колебания шарика в системе двух лунок и фазовые траектории этих колебаний

Наиболее простая и легко интерпретируемая реальная система с регулярными и хаотическими режимами, соответствующая рассматриваемой математической модели – вынужденные колебания шарика в профиле из двух лунок с высокими внешними краями в поле силы тяжести G (рис. 1).

При малых амплитудах внешних воздействий Q -колебания происходят в одной из двух лунок (кривые 1, 2 на фазовой плоскости), при больших Q колебания охватывают обе лунки (кривая 3). Статическое положение шарика на потенциальном барьере неустойчиво всегда. Режимы, соответствующие кривым 1, 2 и 3 при некоторых значениях параметров реального процесса и математической модели, становятся неустойчивыми, и тогда в этой системе реализуется странный аттрактор – устойчивое многообразие из четырех неустойчивых траекторий, то есть хаотический режим (рис. 2).

Рис. 2.
Фазовый портрет и график хаотических колебаний

Исследование устойчивых и неустойчивых периодических режимов различных периодов в рассматриваемой математической модели проводится в форме интерактивного диалога пользователя с компьютерным алгоритмом поиска периодических решений [16]. Диалог включает многие вычислительные ситуации, в каждой из которых имеется несколько возможных реакций пользователя. Представляется перспективным вместо интерактивного диалога с пользователем применение методов искусственного интеллекта для принятия вычислительных решений при исследовании динамики системы на границе порядок-хаос. Это может помочь найти дополнительные устойчивые решения и тем самым уточнить область регулярных решений рассматриваемой системы.

Подчеркнем, что в приведенной выше простейшей динамической системе с возможностью хаотических и регулярных решений имеет место количественное совпадение результатов математического моделирования и натуральных экспериментов для нескольких простых физических систем, соответствующих приведенной математической модели.

Результаты

Перейдем к рассмотрению сложных динамических систем, в которых хаотические режимы являются естественными и, как казалось до появления алгоритмов искусственного интеллекта и обработки больших данных, неустранимыми.

Пример 1. Порядок и хаос в экономике. Формально экономические показатели учитываются с должной точностью, причем эта точность присутствует в двух вариантах – техническом и экономическом. С технической точки зрения учет в России ведется с точностью до копейки. Системы бухгалтерского учета и системы автоматизации банковской деятельности работают именно с такой точностью. Более того, существует специальная методика устранения возможного расхождения баланса на одну копейку (может появиться за счет ошибок округления при начислении процентов и конверсионных операциях). Это чисто техническая операция, не имеющая экономического смысла. На разных уровнях экономики принимается соответствующая точность. Например, налоги физических лиц рассчитываются с точностью до 1 рубля, в магазинах при наличном расчете происходит округление до 1 рубля в меньшую сторону (при безналичной оплате расчет производится с точностью до копейки), кредитные организации отчитываются перед регулятором с точностью до тысячи рублей, статьи расхода федерального бюджета России публикуются в миллиардах рублей. Информация строго упорядочена, формально хаотические проявления не имеют места. Граница порядок-хаос проходит на стадии перетока финансов в теньевую часть экономики.

Некоторые процессы в экономике проходят вне централизованного учета. Наличные платежи при расчете между участниками рынка, завышение стоимости контрактов с последующим перетоком части средств в теневой сектор экономики и другие аналогичные с экономической точки зрения явления. Эта нерегулярная составляющая экономики частично уменьшилась за счет массового использования безналичных расчетов на всех уровнях экономики. Реализована техническая возможность сбора и обработки информации о всех безналичных операциях в России с точностью до копейки о каждой операции каждого физического и юридического лица. Эти инструменты работы с большими данными устранили элементы неопределенности, существовавшие до реализации возможности глобального учета названных операций.

Скоринговые системы оценки клиентов банков являются примером непосредственной реализации алгоритмов искусственного интеллекта в экономической деятельности. Ранее нечетко формализованный процесс принятия решения по выдаче кредитов физическим и юридическим лицам получил алгоритмическую реализацию. Но полностью не устранены несистематические ситуации – встречается для одного заемщика отказ в выдаче кредита в одном банке и положительное решение в другом. Это можно рассматривать как остаточные хаотические явления.

Приведенные примеры хаоса и порядка в экономике дополняют классический результат хаотических и упорядоченных экономических процессов – естественный частично управляемый хаос на рынках капитала [5].

Пример 2. Порядок и хаос в социуме. Идентификация личности. Когда-то считалось, что спрятаться в толпе просто. В хаосе многих лиц сложно идентифицировать одного человека. С появлением алгоритмов идентификации личности по лицу или другим биометрическим данным задача идентификации одного человека получила решение с высокой точностью. Реализована система оплаты проезда по идентификации по лицу. Алгоритмы распознавания образов и классификации устранили хаос толпы.

Отметим, что далеко не сразу пришло понимание важности однозначной идентификации личности. Основным документом идентификации личности в России является паспорт гражданина РФ, с технической точки зрения документ очень неудобный для идентификации. Физическое лицо может в некоторых ситуациях менять фамилию, имя, отчество, адрес регистрации, паспорт и номер паспорта меняется при утере и при замене по достижению определенного возраста. При реальном внедрении цифровизации в систему налогообложения эти недостатки привели к введению уникального индивидуального номера налогоплательщика (ИНН). Но вскоре появился и страховой номер индивидуального лицевого счета (СНИЛС) – тоже уникальный номер индивидуального лицевого счета в системе пенсионного страхования. Далее появились номера полисов медицинского страхования... Такое многократное дублирование идентификаторов личности провоцирует ошибки. Действительно уникальные идентификаторы личности – биометрия и, возможно, параметры ДНК. Можно предположить, что со временем несколько несогласованных, имеющих разные форматы, идентификаторов личности будут заменены единым действительно уникальным идентификатором. При этом значительно упростятся задачи идентификации личности в различных приложениях и уменьшится число ошибок, то есть уменьшится хаос сложной системы.

Пример 3. Порядок и хаос в экономике и социуме. Тарификация поездок на такси. До появления агрегаторов такси в современном варианте стоянки и поездки такси в поисках пассажиров носили нерегулярный характер. С появлением агрегаторов такси с функцией геолокации машин и пассажиров процесс заказа такси и поездки стал упорядоченным.

Отметим еще одно кардинальное новшество, появившееся в такси при внедрении технологий геолокации, искусственного интеллекта и анализа трафика. Первоначально, до появления названных технологий, тарификация поездки соответствовала только километражу. Это линейная модель, которая не учитывает многие дополнительные факторы, и поэтому существовало две цены поездки – по счетчику и по договоренности водителя и пассажира. С появлением современных технологий агрегатор такси формирует цену поездки с учетом количества свободных машин и заказов на поездку, загруженности маршрута, класса машины. Ранее несистематический процесс ценообразования упорядочен. Вместо линейной модели ценообразования внедрена нелинейная модель. Это соответствует естественной эволюции в математическом моделировании – от простых линейных моделей к более сложным нелинейным.

Пример 4. Порядок и хаос в образовании и науке. Относительно недавно хаотический компонент в образовании был реализован надеждой нерадивого студента, что «... до этого места никто не дочитает...», то есть надеждой на нереализуемость детальной проверки вручную больших текстов и невозможность заметить неправомерные заимствования. Применение системы антиплагиат делает эту надежду иллюзорной, область хаоса в студенческих текстах заметно уменьшилась, увеличилась область регулярных осмысленных ответов. Аналогичные изменения внесло применение системы антиплагиата в подготовку научных материалов.

Обсуждение

Исходя из приведенных выше отдельных примеров, далеко не исчерпывающих все имеющиеся результаты применения алгоритмов искусственного интеллекта

и обработки больших данных, можно констатировать парадоксальную ситуацию. В результате работы обсуждаемых алгоритмов получено существенное уменьшение доли хаотических процессов в сложных системах – экономике и социуме. По отношению к простым нелинейным динамическим системам есть только понимание аналогичных возможностей, но нет конкретной реализации. Это обусловлено тем, что для сложных систем разработка и внедрение рассматриваемых алгоритмов вызваны экономической или общественной потребностью. Для простых систем мотивация применения искусственного интеллекта не имеет экономической или административной поддержки и определяется научным интересом.

Отметим также, что никакие вычислительные процедуры не могут полностью устранить хаотическую составляющую в динамике сложных систем. Полностью регламентированное функционирование сложной системы невозможно. В свое время этот эффект был использован для организации «итальянской забастовки», когда строгое выполнение всех регламентов приводило к остановке производства. Еще один пример невозможности регламентированной работы сложной системы без случайных отклонений – любой крупный аэропорт. Несмотря на утвержденное заранее расписание вылетов, смена выхода на посадку – частое явление, хотя это невыгодно ни пассажирам, ни оператору аэропорта. И во всех приведенных примерах, несмотря на значительное увеличение доли регулярных процессов, остаются неустраняемые хаотические составляющие. Это принципиально. Полное устранение хаоса в сложной системе невозможно, а попытки полной регламентации ведут к деградации и застою.

Заключение

Задачи нелинейной динамики в области естественнонаучных приложений имеют математически обоснованные и подтвержденные натурным экспериментом области как регулярных, так и хаотических решений. Математические модели и соответствующие компьютерные реализации таких задач могут четко определять границы этих областей и, возможно, с помощью алгоритмов искусственного интеллекта исследовать эволюцию решений на границе хаос-порядок.

Динамические процессы в экономике и социуме также имеют регулярные и хаотические составляющие. Границы между ними не четкие. Применение алгоритмов искусственного интеллекта и обработки больших данных в некоторых процессах экономики и социума уменьшает область хаотических реализаций этих процессов и расширяет области детерминированных состояний.

Библиографический список

1. *Нелинейная динамика: Подходы, результаты, надежды* / Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В., Потапов А.Б. – М.: изд-во URSS, 2023 – 280 с.
2. *Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой.* – М.: Прогресс, 1986. 432 с.
3. *Мун Ф. Хаотические колебания: Вводный курс для научных работников и инженеров.* – М.: Мир, 1990. 312 с.
4. *Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории.* – М.: Мир, 1999. – 335 с.

5. Петерс Э. Хаос и порядок на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка. – М.: Мир, 2000. – 333 с.
6. Петров Л.Ф. Методы динамического анализа экономики. – М.: Инфра-М, 2010. – 239 с.
7. Petrov L.F. Nonlinear effects in economic dynamic models // *Nonlinear Analysis*. 2009. V 71. – P. 2366–2371.
8. Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: изд-во АСТ, 2003. – 379 с.
9. Махов С.А. Математическое моделирование мировой динамики и устойчивого развития на примере модели Форрестера. – М.: Препринт Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, 2005. – 26 с.
10. *Chaos Theory in the Social Sciences: Foundations and Applications*. Ed. L.D. Kiel and E. Elliot. Ann Arbor, 1996. – 348 с.
11. Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы / Ю.А. Полунин, И.Н. Тимофеев. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 204 с.
12. Бреер В.В. Управление толпой: Математические модели порогового коллективного поведения / Бреер В.В., Новиков Д.А., Рогаткин А.Д. – М.: URSS, 2022. – 166 с.
13. Милованов В.П. Синергетика и самоорганизация: Социально-экономические системы. – М.: URSS, 2015. – 224 с.
14. Кун Н. Легенды и мифы древней Греции. – М.: изд-во Азбука, 2021. – 512 с.
15. Holmes P.J. A nonlinear oscillator with a strange attractor // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series A, Mathematical and Physical Sciences*. 1979. V. 292. No. 1394. P. 419–448.
16. Картвелишвили В.М. Прикладные системно-динамические модели. Теория и практика / В.М. Картвелишвили, М.Е. Мазуров, Л.Ф. Петров. – М.: РЭУ им. Плеханова, 2018. – 240 с.
17. Лоренц Э. Детерминированное непериодическое течение // *Странные аттракторы*. – М.: Мир, 1981. – С. 88–117.

References

1. *Nonlinear dynamics: Approaches, results, hopes.* / Malinetsky G.G., Podlazov A.V., Potapov A.B. – М.: publishing house URSS, 2023. 280 p.
2. Prigogine I., Stengers I. *Order out of chaos: Man's new dialogue with nature.* – М.: Progress, 1986. 432 p.
3. Moon F. *Chaotic vibration: An introduction for applied scientists and engineers.* Moscow: Mir, 1990. 312 p.
4. Zang V.-B. *Synergetic economics. Time and changes in nonlinear economics.* Moscow: Mir, 1999. – 335 p.
5. Peters E. *Chaos and order in the capital markets. A new view of cycles, prices and market volatility.* – Moscow: Mir, 2000. – 333 p.
6. Petrov L.F. *Methods of dynamic analysis of the economy.* – М.: Infra-M, 2010. – 239 p.
7. Petrov L.F. Nonlinear effects in economic dynamic models // *Nonlinear Analysis*. 2009. V 71. – P. 2366–2371.
8. Forrester J. *World Dynamics.* – М.: AST Publishing House, 2003. – 379 p.
9. Makhov S.A. *Mathematical modeling of world dynamics and sustainable development on the example of the Forrester model.* – М.: Preprint of the Keldysh Institute of Applied Mathematics of the Russian Academy of Sciences, 2005. – 26 p.
10. *Chaos Theory in the Social Sciences: Foundations and Applications*. Ed. L.D. Kiel and E. Elliot. Ann Arbor, 1996. – 348 с.
11. Polunin Yu.A., Timofeev I.N. *Nonlinear political processes* / Yu.A. Polunin, I.N. Timofeev. – М.: MGIMO University, 2009. – 204 p.
12. Breer V.V. *Crowd management: Mathematical models of threshold collective behavior* / Breer V.V., Novikov D.A., Rogatkin A.D. – Moscow: URSS, 2022. – 166 p.
13. Milovanov V.P. *Synergetics and self-organization: Socio-economic systems.* – Moscow: URSS, 2015. – 224 p.
14. Kuhn N. *Legends and myths of ancient Greece.* Moscow: Azbuka publishing house, 2021. – 512 p.

15. Holmes P.J. *A nonlinear oscillator with a strange attractor* // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series A, Mathematical and Physical Sciences*. 1979. V. 292. No. 1394. P. 419–448.
16. Kartvelishvili V.M. *Applied system-dynamic models. Theory and practice* / V.M. Kartvelishvili, M.E. Mazurov, L.F. Petrov. – Moscow: PRUE im. Plekhanova, 2018. – 240 p.
17. Lorenz E. *Deterministic non-periodic flow* // *Strange attractors*. Moscow: Mir, 1981. – P. 88–117.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер. 36.

Петров Лев Федорович / Lev F. Petrov

Petrov.LF@rea.ru

ЦЕННОСТЬ И ПРОДУКТОВЫЙ КАПИТАЛ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА¹ PRODUCT VALUE AND PRODUCT EQUITY WITHIN THE IMPLEMENTATION OF THE DIGITAL MANAGEMENT CONCEPT²

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-281-292

ХОЛОД Марина Викторовна

Доцент кафедры Теории менеджмента и бизнес-технологий РЭУ им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории искусственного интеллекта, нейротехнологий и бизнес-аналитики РЭУ им. Г.В. Плеханова

Marina V. KHOLOD

Associate Professor at the Department of Management and Business Technologies (Plekhanov Russian University of Economics), leading researcher at the Artificial Intelligence Laboratory Neurotech and Business Intelligence (Plekhanov Russian University of Economics).

МОКРЕНКО Никита Валерьевич

Младший научный сотрудник кафедры Информатики, РЭУ им. Г.В. Плеханова

Nikita V. MOKRENKO

Research Assistant at the Department of Informatics (Plekhanov Russian University of Economics)

1 Данное исследование выполнено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства науки и высшего образования РФ на тему «Модели, методы и алгоритмы искусственного интеллекта в задачах экономики для анализа и стилизации многомерных данных, прогнозирования временных рядов и проектирования рекомендательных систем», номер проекта FSSW-2023-0004.

2 This research was performed in the framework of the state task in the field of scientific activity of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project "Models, methods, and algorithms of artificial intelligence in the problems of economics for the analysis and style transfer of multidimensional datasets, time series forecasting, and recommendation systems design", grant no. FSSW-2023-0004.

- Аннотация** В данной статье описываются подходы и методы к определению ценности продукта и обосновывается использование моделей выбора для расчетов ценности продукта. Также предлагается модель потребительского выбора, использующая байесовский подход.
- Abstract** This article describes approaches and methods for determining the product value and justifies the use of choice models for calculating the value of a product. We also propose consumer choice model based on a Bayesian approach.
- Ключевые слова** *Продуктовый капитал, маркетинг, модели выбора, бренд, ценность бренда, ценность продукта, дискретный выбор, пробит-модель.*
- Keywords** Product equity, marketing, choice models, brand, brand value, product value, discrete choice, probit model.
-

Введение

Влияние цифровой трансформации является значительным и далеко идущим. Цифровые технологии произвели революцию в способах работы компаний, позволив им оптимизировать процессы, повысить качество обслуживания клиентов и открыть новые возможности для роста. Организации, которые проводят цифровую трансформацию, часто имеют больше возможностей для сохранения конкурентоспособности на современном рынке.

Быстрые темпы технического прогресса заставляют отрасли адаптироваться и развиваться. Традиционные бизнес-модели разрушаются, и компании все чаще используют цифровые инструменты и стратегии для предоставления инновационных продуктов и услуг. Цифровая трансформация — это не только внедрение новых технологий, но и использование аналитики данных, облачных вычислений, искусственного интеллекта и других цифровых возможностей для повышения операционной эффективности и клиентоориентированности.

В этом постоянно меняющемся цифровом ландшафте организациям необходимо проявлять инициативу, принимая изменения и постоянно совершенствуясь. Адаптация к цифровым преобразованиям требует изменения мышления, формирования культуры инноваций и инвестиций в развитие цифровых навыков и возможностей.

Вступив на путь цифровой трансформации, компании могут открыть новые возможности для роста, повысить гибкость и способность реагировать на изменения рынка, а также создать более удобный и персонализированный клиентский опыт. Неудивительно, что цифровая трансформация стала стратегическим императивом для многих организаций в современном бизнесе.

Общепризнано, что продукты имеют ценность, и важно ее измерять. Тем не менее, в подходах, используемых для измерения этой величины, есть много недостатков. Чаще всего разнообразие методов измерения ценности продукта можно разделить на два основных подхода: с точки зрения ценности продукта и с точки зрения ценности клиента. Расчет стоимости продукта с точки зрения продуктового капитала с помощью моделей выбора является темой основного интереса в этой статье.

В нашей работе мы используем подход, основанный на продуктовом капитале, для измерения ценности продукта, так как именно этот подход отражает одну

из ключевых тем микроэкономики – поведение потребителей и моделирование потребительского выбора. С помощью моделирования потребительского выбора решается проблема оценки продукта в этой работе.

Моделирование выбора продукта обычно связано с прогнозированием спроса и влиянием личного выбора на уравнение спроса и предложения.

Для потребителя выбор товара означает «выбор среди альтернативных наборов на рынках для максимизации собственных интересов, определяемых функцией полезности при ограничении уровня потребления потребителя».

Определение ценности продукта и продуктового капитала

Прежде чем определять продуктовый капитал, необходимо дать определение продукту. Существует объяснение определения продукта как с точки зрения компании, так и с точки зрения потребителя. С точки зрения компании продукт рассматривается как нечто, что производится с учетом различных факторов, таких как материалы, трудозатраты, качество и конкретные выходные характеристики.

Однако с точки зрения потребителей продукт рассматривается как решение их потребностей или проблем, охватывающее не только функциональные и экономические аспекты, но также эмоциональные и психологические аспекты. Ценность продукта заключается в его способности удовлетворить эти потребности и стремления потребителей. Стоит отметить, что ценность продукта определяется тем, что потребитель получает от него, а не тем, что он в него вкладывает.

Таким образом, продукт – это все, что удовлетворяет требования и желания клиентов, учитывая как материальные, так и нематериальные аспекты, влияющие на его ценность.

Когда несколько компаний предлагают конкурирующие продукты, каждая из них захочет идентифицировать и выделить свое конкретное предложение. Продукты связаны с потребительскими товарами, финансами, розничной торговлей, управленческими услугами, людьми, местами и идеями. Левитт [Levitt, 1983] предлагает основу для понимания того, что такое продукт и как он создается. Согласно интерпретации Дойлом схемы Левитта, в основе каждого продукта лежит материальный продукт – товар, который удовлетворяет основные потребительские потребности [Doyle, 1990]. Этот материальный продукт – то, на чем, по мнению экономистов, рациональные потребители должны основывать свой выбор. Но для обеспечения продаж в конкурентной среде это материальное ядро должно быть оформлено в виде базового продукта. Он должен быть удобно упакован, а покупатель должен знать особенности продукта и его качество. Он также должен быть разработан таким образом, чтобы упростить его использование. Существуют и другие способы совершенствования продукта для повышения его ценности: гарантия его производительности, предоставление кредита, доставка и эффективное послепродажное обслуживание. Наконец, есть потенциальный продукт, который состоит из всего, что можно было бы сделать для повышения потребительских предпочтений и лояльности.

Продуктовый капитал относится к дополнительной ценности, которую продукт получает благодаря своей торговой марке или репутации. Согласно Farquhar [Farquhar, 1989], ценность продукта – это стоимость, добавленная к продукту благодаря его торговой марке. В последние годы признание продуктов активами и понимание их вклада в производительность фирмы привело к повышенному инте-

ресу к определению и измерению ценности продуктов как в академических, так и в индустриальных исследованиях.

Существуют разные подходы к определению стоимости продукта, что делает этот вопрос спорным. Однако его можно рассматривать с двух точек зрения: ценности для фирмы и ценности продукта для потребителя.

В этой работе принята точка зрения потребителя, где название продукта представляет собой набор понятий, которые потребитель связывает с конкретным продуктом. Эта точка зрения признает, что на ценность продукта влияет восприятие и понимание потребителем бренда.

Ценность продукта становится особенно значимой, когда один продукт расширяется до нескольких вариантов под разными торговыми марками. Это вводит различные последствия с точки зрения того, как потребители воспринимают и оценивают ценность каждого варианта продукта.

В целом концепция ценности продукта сложна и многомерна, включая аспекты брендинга, восприятия потребителями и динамики рынка. Исследования в этой области направлены на то, чтобы дать представление о понимании и эффективном управлении продуктовым капиталом на рынке.

Подходы измерения ценности и продуктового капитала

Идея восприятия продукта как актива, имеющего некоторый капитал (справедливую стоимость), была впервые предложена британской консалтинговой компанией InterProduct в конце 1980-х гг. Когда в 1988 г. британская продовольственная компания RHM столкнулась с агрессивным поглощением, впервые в истории капитализация стоимости ее продуктовых активов в балансе была признана аудиторской фирмой. Признание стоимости продукта в балансовом отчете и важность измерения капитала продукта действительно стали важными для слияний и поглощений и с тех пор важность измерения капитала продукта для слияний и поглощений только возрастает. Публикация Дэвида А. Аакера «Управление капиталом бренда» [Aaker, 1992] в 1992 г. еще раз подчеркнула стратегическую важность управления продуктом как активом. Введение рейтингов для оценки продуктов, таких как рейтинги Business Week, добавило еще одно измерение к оценке и сравнению продуктов. Также стоит упомянуть вклад профессора Ито из Университета Хитоцубаси в Японии, который представил аналогичную концепцию, которая больше подходила японским компаниям. Профессор Ито сделал акцент на продуктах и в 2001 г. представил СВ-оценщик, также известный как модель Nikkei-Ito [Aaker, 1992]. Эти разработки помогли компаниям и организациям осознать важность управления и измерения стоимости и капитала своих продуктов в рамках общего стратегического планирования и процессов принятия решений.

Есть много способов измерить ценность продукта. Некоторые подходы к измерению используются на уровне фирмы, некоторые — на уровне продукта, а третьи — на уровне потребителя.

Подходы *на уровне фирм* измеряют продукт как финансовый актив. Вначале производится расчет стоимости продукта как нематериального актива. Например, если взять стоимость фирмы, полученную из ее рыночной капитализации, а затем вычесть материальные активы и «измеримые» нематериальные активы, остаток будет равен *продуктовому капиталу*. Для расчета оценивается стоимость продукта на основе прогнозируемой прибыли, дисконтированной до приведенной стоимости.

Ставка дисконтирования является субъективной ставкой, определяемой специалистами по стоимости акций компаний, и отражает профиль риска, лидерство на рынке, стабильность и глобальный охват продукта компании.

Классический пример сравнения цен на *уровне продукта* включает сравнение цены на непатентованный продукт или продукт под собственной торговой маркой с «эквивалентным» брендовым продуктом. Разница в цене при прочих равных условиях приписывается бренду. Этот подход предполагает, что потребители готовы платить за брендовый продукт из-за его предполагаемого качества, репутации или других нематериальных факторов.

Однако в последние годы произошел сдвиг в сторону подхода с надбавкой к выручке. Этот подход учитывает не только разницу между брендовыми и непатентованными продуктами, но и влияние на общий доход или прибыльность. Он признает, что на готовность потребителей платить влияет множество факторов, включая капитал бренда, рекламные усилия, лояльность клиентов и воспринимаемую ценность.

Подход с надбавкой к выручке направлен на измерение дополнительного дохода или прибыли, полученной от фирменного продукта по сравнению с непатентованной альтернативой. В нем используется более целостный взгляд на ценность, создаваемую брендом, и учитывается общее финансовое воздействие, а не только разница в цене.

Подход *на уровне потребителя* направлен на то, чтобы составить карту сознания потребителя, чтобы выяснить, какие ассоциации у него возникают с продуктом. Этот подход направлен на измерение осведомленности (припоминание и узнавание) и имиджа продукта (общие ассоциации, которые вызывает продукт). Тесты свободных ассоциаций и проективные методы обычно используются для выявления материальных и нематериальных атрибутов, отношений и намерений, связанных с продуктом. Продукты с высоким уровнем осведомленности и сильными, благоприятными и уникальными ассоциациями являются продуктами с высоким капиталом.

Любой из этих расчетов является в лучшем случае приближением. Более полное понимание продукта может быть получено при использовании всех трех подходов к оценке продуктового капитала.

Продуктовый капитал как ценность продукта для потребителя

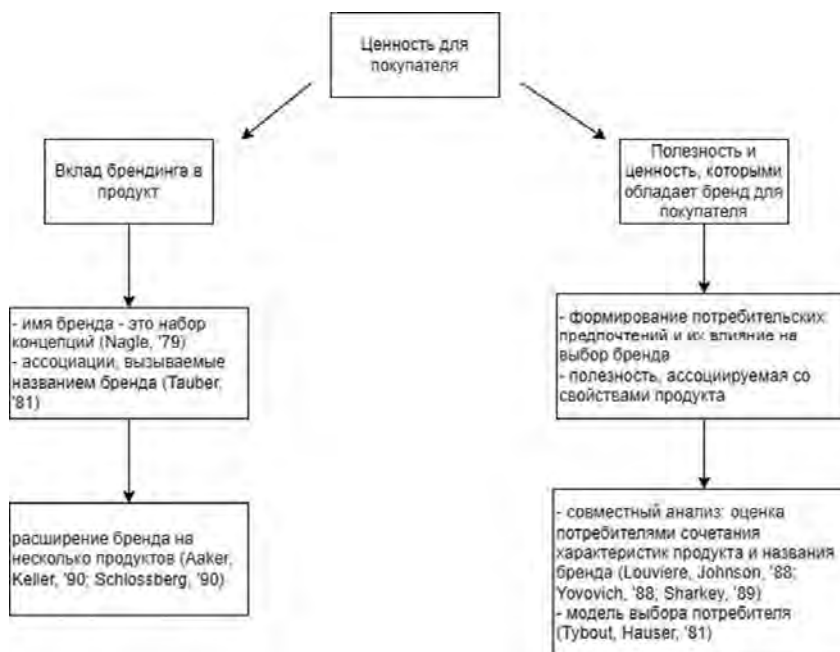
Основные подходы к продуктовому капиталу как ценности для потребителя представлены на рисунке 1.

Измерение продуктового капитала может быть выполнено с помощью полезности и предпочтений, которые потребитель связывает с названием продукта в рамках *модели выбора*.

Подходы, которые будут рассмотрены здесь, обычно укладываются в структуру, в которой продукты представлены абстрактно с точки зрения атрибутов, потенциально имеющих отношение к выбору клиента. Подходы моделируют потребительские предпочтения (или выбор среди) этих продуктов с точки зрения многоатрибутных моделей, параметры которых различаются для разных людей или сегментов рынка в разных условиях предполагаемого использования. Вышеприведенная схема объединяет многие недавние исследования в области маркетинга и поведения потребителей.

Всю литературу о ценности продукта для потребителя мы разделили на две большие группы. Первая группа представлена исследованиями о вкладе

Рис. 1.
Ценность
продукта
с точки зрения
потребителя

производства в физические продукты, такими как Nagle (1979), Tauber (1981), Aaker and Keller (1990), Schlossberg (1990). Эти исследователи рассматривают название продукта как набор понятий. Они также изучают ассоциации потребителей в ответ на название продукта и, наконец, говорят о расширении продукта для нескольких продуктов. Они расширяют идею Левитта о формировании продукта и рассматривают название продукта как набор понятий, которые потребители учатся ассоциировать с продуктом. При расширении франшизы компании берут название продукта, знакомое потребителю, и применяют его к продуктам, относящимся к категории, новой для материнской фирмы, используя свой самый ценный актив – осведомленность потребителей, добрую волю и впечатления, передаваемые названием продукта.

Стратегическая задача определения бизнеса по атрибутам продукта, потребительским преимуществам или другим более абстрактным ассоциациям расширяет горизонты и в то же время определяет области, в которых будет работать организация. Покупательная способность ресурсов, технологии, перерабатывающие мощности и каналы сбыта могут быть активами, которые могут быть использованы организацией, но широко известные названия продуктов (брендов) для многих фирм являются одними из самых прибыльных активов, которыми они владеют. Согласно Аакеру, Келлеру (1990): потребители с большей вероятностью примут расширение продукта, когда они воспринимаются как подходящие с точки зрения взаимодополняемости продукта или общих свойств; расскажите о том, как потребители оценивают расширение продукта и как названия продуктов и ассоциации продуктов используются потребителями при принятии решения о покупке. Названия продуктов и ассоциации играют решающую роль в принятии решений. Потребители часто полагаются на эти ассоциации, чтобы оценить новый продукт и решить, соответствует ли он их потребностям и ожиданиям. Если расширение продукта вызывает сильную и положительную ассоциацию с брендом, потребители с большей вероятностью отнесутся к нему благосклонно и захотят его попробовать.

Ассоциации с брендом могут быть созданы с помощью различных средств, таких как реклама, упаковка и прошлый опыт взаимодействия с брендом. Используя эти ассоциации, фирмы могут повысить признание расширений продукта и извлечь выгоду из репутации и капитала, созданных вокруг их бренда.

Однако важно отметить, что не все расширения продукта являются успешными. Восприятие потребителей, имидж бренда и воспринимаемое соответствие между расширением и основным продуктом являются критическими факторами, влияющими на оценки потребителей и решения о покупке. Поэтому фирмам необходимо тщательно оценивать потенциальное соответствие и учитывать мнение потребителей при внедрении расширений продукта, чтобы обеспечить свой успех на рынке.

Для лучшего понимания факторов, из которых складывается потребительский выбор, на рисунке 2 представлена трехуровневая модель выбора.

Рис. 2.
Несколько
уровней
модели
выбора

На сегодняшний день модели дискретного выбора остаются актуальным инструментом оценки эконометрических показателей. Появляется все больше литературы с исследованиями, которые переносят модели, методы оценки и практики машинного обучения в область моделирования выбора [Lederrey и др., 2021; Sifringer, Lurkin, Alahi, 2020]. Однако все еще нет единого мнения о том, какие инструменты, используемые в машинном обучении, являются наиболее подходящими для моделирования дискретного выбора [Hillel и др., 2021], поэтому многие до сих пор пользуются классическими методами. Также продолжают публиковаться работы по расширению существующих моделей выбора для конкретной предметной области [Boto-García, Mariel, Baños-Pino, 2023; Kazagli, Lapparent de, 2023].

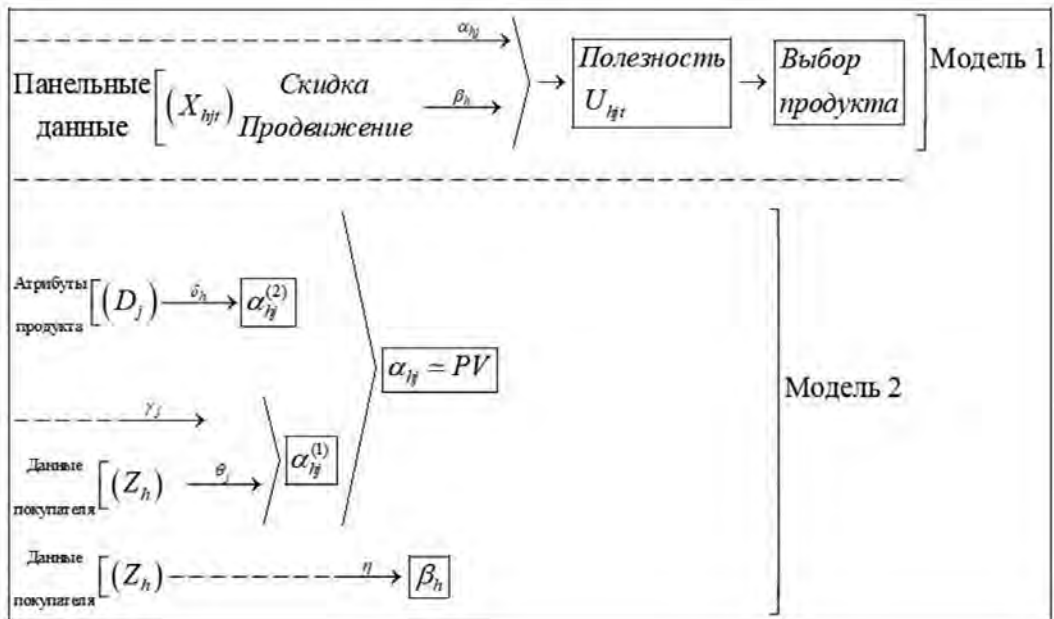
Описание предлагаемой модели

В нашей работе используется байесовский подход. Допуская множественные источники неопределенности, иерархическая байесовская модель естественным образом учитывает неоднородность с помощью двух подмоделей – модель, в которой (многомерная) линейная регрессия связывает коэффициенты регрессии на уровне юнита (продукта, клиента) с некоторыми ковариантами, обеспечивает формулировку индивидуального выбора (полезности) и ответы на маркетинговые переменные и модель, в которой множественная регрессия показывает неоднородность коэффициентов единиц измерения по всей выборке клиентов. Это допускает вариативность параметров, связывая их с некоторыми атрибутами, относящимися к субъекту (такими как его доход, пол, возраст и т.д.) и продуктам [Rogers, Foxall, Morgan, 2017]. Общая схема модели приведена на рисунке 3.

В контексте моделирования дискретного выбора панельных данных мы рассмотрим совокупность потребителей H , в которой каждый потребитель h выбирает из J альтернатив или номинальных дискретных переменных отклика без упорядоченной структуры. У каждого потребителя h есть набор вариантов выбора (покупок), и предполагается, что он делает один выбор в каждом случае.

В каждом случае t каждая альтернатива j ассоциируется с ненаблюдаемой полезностью, которая формулируется с помощью следующей модели случайной полезности:

Рис. 3. Схема модели

$$U_{hjt} = X'_{hjt} \beta + \varepsilon_{hjt}, \quad h = 1, \dots, H, \quad j = 1, \dots, J, \quad t = 1, \dots, T_h$$

U_{hjt} является ненаблюдаемой полезностью для потребителя, который выбрал альтернативу j во время покупки t . Эта спецификация предполагает, что полезность разлагается на объясненную часть (следовательно, известную с точно-

стью до некоторых параметров), обозначаемую как $X'_{hjt}\beta$, и случайную часть, обозначаемую как ε_{hjt} . Предполагается, что уравнение полезности является линейным по параметрам в векторе β . X_{hjt} представляет собой ковариационную матрицу, которая содержит, как правило, атрибуты или характеристики, относящиеся к различным альтернативам. β является вектором коэффициентов. ε_{hjt} — это случайная величина, которая, как предполагается, одинаково и нормально распределена по h, j и t .

Мы предполагаем, что поведение потребителя при выборе следует принципу максимальной случайной полезности. Принцип предусматривает, что для выбранной альтернативы j , связанной с полезностью U_{hjt} для потребителя h в момент времени t , и для функции отклика потребителя C_{ht} (которая принимает индекс выбранного продукта в момент времени t) мы имеем

$$C_{ht} = j \text{ эквивалентно } U_{hjt} \geq U_{hkt}; 1 \leq k \leq J$$

$$\text{эквивалентно } U_{hjt} = \max \{U_{hkt}; 1 \leq k \leq J\}$$

Таким образом,

$$P(C_{ht} = j) = P(U_{hjt} \geq U_{hkt}; 1 \leq k \leq J)$$

Чтобы сформулировать вероятности выбора, мы должны сначала записать предыдущее уравнение в более явной форме или более точно в терминах вероятности случайной части в уравнении полезности

$$P(C_{ht} = j) = P(\varepsilon_{hkt} \leq \varepsilon_{hjt} + (X'_{hjt} - X'_{hkt})\beta; 1 \leq k \leq J)$$

Это всего лишь кумулятивное распределение случайной части, оцениваемой по $\varepsilon_{hjt} + (X'_{hjt} - X'_{hkt})\beta$. Тогда, если мы рассмотрим вектор, состоящий из ε_{hjt} , над j , помеченный $\varepsilon_{ht} = (\varepsilon_{ht1}, \dots, \varepsilon_{htJ})'$ и с функцией плотности, обозначаемой как $\phi(\varepsilon_{ht})$, мы можем записать вероятность выбора следующим образом:

$$P(C_{ht} = j) = \int_{\mathbb{R}} \dots \int_{\mathbb{R}} I(\varepsilon_{hkt} \leq \varepsilon_{hjt} + (X'_{hjt} - X'_{hkt})\beta; 1 \leq k \leq J) \phi(\varepsilon_{ht}) d\varepsilon_{ht}$$

где $I(\dots)$ — индикаторная функция, которая равна 1, если утверждение внутри нее истинно, и 0 в противном случае.

Если мы определим множество \mathfrak{R}_j , такое, что $\underbrace{\mathbb{R} \times \dots \times \mathbb{R}}_{\mathfrak{R}_j}$, получаем:

$$\mathfrak{R}_j = \{\varepsilon_{ht} : \varepsilon_{hkt} \leq \varepsilon_{hjt} + (X'_{hjt} - X'_{hkt})\beta; 1 \leq k \leq J\}$$

В отличие от пробит-модели, выражение вероятности выбора для логит-модели (сформулированное в предположении, что случайный член в уравнении полезности

имеет экстремальное распределение значений) имеет замкнутую форму и может быть сформулировано следующим образом

$$P(C_{ht} = j) = \exp(X'_{hjt}\beta) / \sum_{k=1}^J \exp(X'_{hkt}\beta)$$

Таким образом, полная формулировка многочленной пробит-модели для данных выбора выглядит следующим образом:

$$\begin{cases} C_{ht} = j \text{ эквивалентно } U_{hjt} = \max \{U_{hkt}; 1 \leq k \leq J\} \\ P(C_{ht} = j) = \int_{\mathbb{R}_j} \phi(\varepsilon_{ht}) d\varepsilon_{ht} \\ U_{hjt} = X'_{hjt}\beta + \varepsilon_{hjt}, \text{ для любых } h, j \text{ и } t \end{cases}$$

Пробит-модель не ограничена свойством независимости от нерелевантных альтернатив (I.I.A.), которое предусматривает, что на соотношение вероятностей выбора для любых двух альтернатив в момент покупки t систематически не влияют никакие другие альтернативы. На самом деле использование модели, удовлетворяющей гипотезе I.I.A., может быть очень удобным, особенно в тех случаях, когда исследователь сосредотачивается на любом подмножестве заданных альтернатив. Однако в нашем исследовании мы сосредоточимся на потребителе, поскольку он делает выбор из всего набора альтернатив, поэтому выбор модели, которая ослабляет гипотезу I.I.A., кажется очень разумным. Более того, в случае с нашими панельными данными имеется запись о нескольких единицах измерения, и изменение их вкуса (для обработки которого хорошо подходит пробит-модель) может придать модели большую гибкость. Однако нормальность распределения ошибок в пробит-модели может быть немного неуместной.

Заключение

Ценность продукта можно рассматривать как диагностический инструмент, который помогает определить характеристики продукта. Простое упорядочивание продуктов по доле рынка не дает полного представления о причинах, по которым потребители выбирают определенный бренд.

В данной работе мы предложили альтернативный подход, основанный на концепции ценности продукта. Этот подход позволяет менеджерам и аналитикам использовать альтернативные показатели производительности продукта, которые учитывают основные факторы, определяющие долю рынка.

Мы использовали подход, основанный на модели выбора, и предложили пробит-модель, которая отражает поведение потребителей при выборе продукта на рынке.

Этот подход позволяет измерить ценность, которую потребители придают конкретному продукту. Мы анализируем данные о покупках и предпочтениях потребителей, чтобы понять, какие факторы влияют на их решение выбрать определенный продукт. Это помогает нам получить более глубокое понимание ценности продукта и его влияния на выбор потребителей.

Таким образом, наш подход основан на изучении поведения потребителей и позволяет более точно определить ценность продукта на основе реальных данных с рынка. Это важный инструмент для менеджеров и аналитиков, помогающий понять предпочтения потребителей и принимать обоснованные решения в отношении продукта.

Библиографический список

1. Aaker D. A. *Managing the most important assets: Brand equity* // *Planning Review*. 1992. Т. 20. № 5. С. 56–58.
2. Boto-García D., Mariel P., Baños-Pino J.F. *Intra-household bargaining for a joint vacation* // *Journal of Choice Modelling*. 2023. Т. 47. С. 10–18.
3. Doyle P. *Building successful brands: The strategic options* // *Journal of Consumer Marketing*. 1990. Т. 7. № 2. С. 5–20.
4. Farquhar P.H. *Managing brand equity* // *Marketing Research*. 1989. Т. 1. № 1. С. 24–33.
5. Hillel T. *у др. A systematic review of machine learning classification methodologies for modelling passenger mode choice* // *Journal of Choice Modelling*. 2021. Т. 38. С. 10–21.
6. Kazagli E., Lapparent M. de. *A discrete choice modeling framework of heterogenous decision rules accounting for non-trading behavior* // *Journal of Choice Modelling*. 2023. Т. 48. С. 14–23.
7. Lederrey G. *у др. Estimation of discrete choice models with hybrid stochastic adaptive batch size algorithms* // *Journal of Choice Modelling*. 2021. Т. 38. С. 22–26.
8. Levitt T. *After the Sale is Over...* // *Harv Bus Rev*. 1983.
9. Rogers A., Foxall G. R., Morgan P.H. *Building Consumer Understanding by Utilizing a Bayesian Hierarchical Structure within the Behavioral Perspective Model* // *Behav Anal*. 2017. Т. 40. № 2. С. 419.
10. Sifringer B., Lurkin V., Alahi A. *Enhancing discrete choice models with representation learning* // *Transportation Research Part B: Methodological*. 2020. Т. 140. С. 236–261.

References

1. Aaker D. A. *Managing the most important assets: Brand equity* // *Planning Review*. 1992. vol. 20. № 5. p. 56–58.
2. Boto-García D., Mariel P., Baños-Pino J.F. *Intra-household bargaining for a joint vacation* // *Journal of Choice Modelling*. 2023. vol. 47. p. 10–18.
3. Doyle P. *Building successful brands: The strategic options* // *Journal of Consumer Marketing*. 1990. vol. 7. № 2. p. 5–20.
4. Farquhar P.H. *Managing brand equity* // *Marketing Research*. 1989. vol. 1. № 1. p. 24–33.
5. Hillel T. *у др. A systematic review of machine learning classification methodologies for modelling passenger mode choice* // *Journal of Choice Modelling*. 2021. vol. 38. p. 10–21.
6. Kazagli E., Lapparent M. de. *A discrete choice modeling framework of heterogenous decision rules accounting for non-trading behavior* // *Journal of Choice Modelling*. 2023. vol. 48. p. 14–23.
7. Lederrey G. *у др. Estimation of discrete choice models with hybrid stochastic adaptive batch size algorithms* // *Journal of Choice Modelling*. 2021. vol. 38. p. 22–26.
8. Levitt T. *After the Sale is Over...* // *Harv Bus Rev*. 1983.
9. Rogers A., Foxall G. R., Morgan P. H. *Building Consumer Understanding by Utilizing a Bayesian Hierarchical Structure within the Behavioral Perspective Model* // *Behav Anal*. 2017. vol. 40. № 2. p. 419.
10. Sifringer B., Lurkin V., Alahi A. *Enhancing discrete choice models with representation learning* // *Transportation Research Part B: Methodological*. 2020. vol. 140. p. 236–261.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» 117997, Москва, Стремянный переулок, д.36
Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russia.

Холод Марина Викторовна / Marina V. Kholod

Kholod.MV@rea.ru

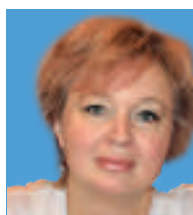
Мокренко Никита Валерьевич / Nikita V. Mokrenko

Mokrenko.NV@rea.ru

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В МИРОВОЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

RUSSIAN AGRICULTURE IN THE WORLD AGRIFOOD SYSTEM IN THE CONTEXT OF ITS INVESTMENT ATTRACTIVENESS

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-293-302

МАСЛОВА Влада Вячеславовна

Заведующая отделом исследования ценовых и финансово-кредитных отношений в АПК

ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», д.э.н. РАН

Vlada V. MASLOVA

Head of the research Department of price and financial-credit relations in agriculture, Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», Doctor of economics, professor RAS

Аннотация

В статье изучены место и роль сельского хозяйства России в мировой агропродовольственной системе в контексте его инвестиционной привлекательности. Проведен анализ формирования основных факторов воспроизводства в сельском хозяйстве и выявлена невысокая их эффективность в России. Изучены объемы и динамика приращения ВДС сельского хозяйства. Исследованы процессы накопления в целом по экономике и в сельском хозяйстве, выявлены невысокие показатели в России, что обуславливает низкие темпы роста инвестиций в аграрном секторе, проблемы

с наращиванием инвестиционного потенциала и минимизаций инвестиционных рисков.

Abstract

The article examines the place and role of Russian agriculture in the global agri-food system in the context of its investment attractiveness. The analysis of the formation of the main factors of reproduction in agriculture is carried out and their low efficiency in Russia is revealed. The volumes and dynamics of agricultural GVA increment have been studied. The processes of accumulation in the economy as a whole and in agriculture are investigated, low indicators in Russia are revealed, which causes low growth rates of investments in the agricultural sector, problems with increasing investment potential and minimizing investment risks.

Ключевые слова

Сельское хозяйство, АПК, агропродовольственная система, факторы воспроизводства, ВДС сельского хозяйства, инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, инвестиционные риски, валовое и чистое накопление в сельском хозяйстве.

Keywords

Agriculture, AIC, agrifood system, reproduction factors, gross value added of agriculture, investment attractiveness, investment potential, investment risks, gross and net capital formation in agriculture.

Введение

С 2022 г. развитие российской экономики происходит в условиях жестких санкционных ограничений, которые значительно влияют на все сферы деятельности, в том числе и на агропродовольственный сектор. В настоящее время речь должна идти о переходе к новой модели экономического развития, причем переходе не эволюционном, поскольку трансформация условий хозяйствования произошла стремительно, и началась резкая смена условий производства, реализации, логистики и потребления продукции. Поэтому необходима скорейшая структурная трансформация экономики на основе существенного преобразования всех ее отраслей (в том числе и сельского хозяйства) и переформатирования экономических связей. В современных условиях есть несколько вариантов развития, но самый правильный — это ускоренное импортозамещение и технико-технологическая модернизация. То есть речь должна идти об усилении инвестиционного развития на основе повышения инвестиционной привлекательности и снижения инвестиционных рисков, которые во многом зависят от государства.

В условиях санкционного давления в целях повышения инвестиционной привлекательности и снижения инвестиционных рисков правительством России утверждены приоритетные направления проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики (постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2023 № 603) [1]. При этом приоритетные направления подразделяются на две группы. К первой группе относятся проекты технологического суверенитета, которые соответствуют установленным критериям (Приложение № 1 данного постановления Правительства). Во вторую группу входят проекты структурной адаптации экономики России согласно

установленным критериям в Приложении № 2. «К приоритетным направлениям отнесены отрасли, где уровень локализации производства сейчас составляет менее 50%. Кроме того, туда включены отраслевые направления, которые являются критическими для обеспечения технологического суверенитета» [2]. Для стимулирования инвестиционных проектов, отобранных в рамках данного постановления, планируется применять пониженную кредитную ставку, особые банковские условия при одобрении кредитов, активное участие институтов развития.

В части развития АПК к проектам обеспечения технологического суверенитета отнесены: производство сельскохозяйственной техники; производство комплектующих для сельскохозяйственной техники; производство машин и оборудования для обработки почвы и уборки урожая; производство установок и аппаратов доильных; производство инкубаторов и брудеров для птицеводства; оборудование для добычи, хранения и переработки рыбной продукции и многое другое. Таким образом, делаются значительные шаги в целях повышения инвестиционной привлекательности АПК, его технико-технологической модернизации.

Материалы и методы

Для проведения исследований по выявлению роли сельского хозяйства в мировой агропродовольственной системе в контексте его инвестиционной привлекательности использовались следующие методы: группировок, метод сравнительного анализа, выборочный, метод экспертных оценок, абстрактно-логический, экономико-статистические, расчетно-конструктивный.

Информационной базой послужили нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации; статистические данные Росстата, ФАО, Всемирного банка, информация Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и другие официальные источники информации.

Результаты

В текущей ситуации вызовов и угроз, с которыми столкнулась Российская Федерация, в реалиях смены мировых трендов развития целесообразно выявить роль и место России в мировой агропродовольственной системе как одной из самых значимых в контексте обеспечения национальной безопасности страны.

Процесс воспроизводства в сельском хозяйстве предполагает функционирование совокупности различных факторов: земли, труда, капитала. В современных условиях кроме этих трех основных факторов возрастает также значение инноваций. Поэтому выявление роли и места России проводится по этим трем основным направлениям. В целях обеспечения сопоставимости при сравнении с другими странами использована официальная статистика ФАО, Всемирного банка и Росстата.

Земельные ресурсы являются базисом производства в сельском хозяйстве. По объему пахотных земель Российская Федерация занимает 4-е место в мире с размером 123 млн га. При этом на первом месте находится Индия (169 млн га) [3], США занимает второе место (160 млн га), Китай находится на третьем (136 млн га). По показателю размера пахотных земель на душу населения Россия занимает второе место в мире: у нас на одного человека приходится около 0,85 га. На первом месте по этому показателю находится Канада (1,02 га на человека).

При оценке земельных ресурсов на первый план должно выходить не только количество земель, но и их качество. Почвенный потенциал — это изначальная данность, и его достаточно трудно сравнивать. Целесообразно оценивать вложения в улучшение земельных ресурсов в виде мелиорации, внесения минеральных удобрений и другие почвенно-охранные мероприятия. В этой связи интересным представляется показатель удельного веса мелиорированных земель к общему размеру сельхозугодий. Среднемировой показатель доли мелиорированных земель к всем сельхозугодьям составляет около 7%, при этом лидерами являются Бангладеш (82% мелиорированных земель) [3], Пакистан (54%), Индия (40%), Вьетнам (37%). В странах юго-восточной Азии такие показатели во многом обусловлены развитием рисоводства, но, например, в Италии также сформировалась существенная доля мелиорированных земель (32%). В нашей стране этот показатель составляет всего 2%

Что касается внесения минеральных удобрений, то в мире за последние 20 лет объемы внесения удобрений на 1 гектар пахотных земель увеличились почти в 1,4 раза, и сейчас среднемировой показатель внесения удобрений — 129 кг на га. Мировыми лидерами по объемам внесения удобрений на гектар являются Египет (401 кг действующего вещества на га) [3], Китай (338 кг), Бразилия (321 кг), Корея (313 кг), Вьетнам (271 кг), Нидерланды (268 кг), Узбекистан (231 кг). Во многом такие высокие дозы удобрений обуславливаются выращиванием соответствующих сельскохозяйственных культур, требующих усиленной подпитки минеральными удобрениями.

По данным ФАО, в России вносится около 25 кг д.в. на 1 гектар пахотных угодий [3], и мы по этому показателю находимся на уровне Эфиопии и Нигерии. И это при том, что ежегодно в России производится около 25 млн т минеральных удобрений, а, например, вносится сельхозорганизациями всего 3 млн тонн в пересчете на питательные вещества.

Росстат по объемам внесения минеральных удобрений на гектар оперирует другими цифрами, чем ФАО, рассчитывая внесение удобрений на посевные площади. При этом доступная информация существует только по объемам внесения минеральных удобрений в сельскохозяйственных организациях (где, по данным Росстата, в среднем вносится 69 кг на га) [4], а объемы внесения в крестьянских(-фермерских) хозяйствах и хозяйствах населения отсутствуют.

Такие низкие объемы проведения мелиоративных работ, а также внесения минеральных удобрений обуславливают не очень высокую эффективность использования пахотных земель в Российской Федерации. На долю России приходится около 8% мирового запаса пахотных земель, при этом доля России в мировой произведенной валовой добавленной стоимости сельского хозяйства составляет всего 1,5 процента.

Что касается труда как одного из факторов воспроизводства, то в сельском хозяйстве России среднегодовая численность занятых составляет около 4 млн человек, при этом численность занятых имеет тенденцию к сокращению. Также необходимо отметить, что в сельском хозяйстве уровень оплаты труда существенно отстает от среднего показателя в экономике. Сейчас доля занятых в сельском хозяйстве к общему количеству занятых в экономике составляет 5,8%. В среднем в мире доля занятых в сельском хозяйстве составляет 26%, т.е. существует достаточно большое количество стран, где сельское хозяйство является

одной из ведущих отраслей экономики, в которой занята существенная часть населения, к ним относятся: Индия (44% от всех занятых в экономике) [3], Судан (41%), Пакистан (38%), Нигерия (35%), Таиланд (32%), Индонезия (29%), Китай (24%). В тоже время в развитых странах Европы, США, Канаде доля занятых в сельском хозяйстве составляет 1,5–4,5 процента.

При оценке эффективности использования таких факторов воспроизводства как земельные и трудовые ресурсы, капитал основным критерием выступает рост производства валовой продукции. При этом оценивая результативность отрасли, целесообразно анализировать не валовой выпуск, более репрезентативным показателем является валовая добавленная стоимость сельского хозяйства.

В 2020 г. объемы мировой ВДС сельского хозяйства оценивались в 3,6 трлн долл. США [3]. Большая ее часть генерируется в Азии (64%), на втором месте находится Америка с долей 14%, доля Африки – 11%, на долю Европы приходится 9%. При этом за последние 20 лет доля ВДС сельского хозяйства Европы снизилась почти на 4,7 п.п. Лидерами по объему ВДС сельского хозяйства являются Китай (1,1 трлн долл.), Индия (441 млрд долл.), США (207 млрд долл.), Индонезия (137 млрд долл.), Нигерия (117 млрд долл.), Бразилия (87 млрд долл.) [3]. Только на две страны – Китай и Индию – приходится 45% производства мировой ВДС сельского хозяйства. Россия по этому показателю находилась на 9-м месте в мире с объемами 58 млрд долл. США.

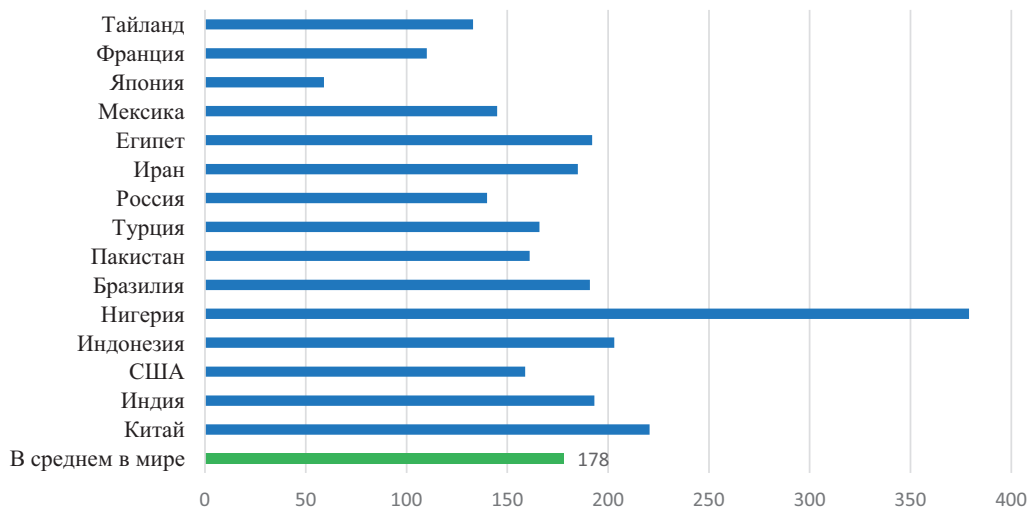
Целесообразно анализировать не столько абсолютные объемы ВДС в различных странах, сколько ее объемы, приходящиеся на душу населения, а также в целях определения точек роста важно выявлять динамику наращивания ВДС сельского хозяйства. Анализ показал, что в период 2000–2020 годов в среднем в мире ВДС сельского хозяйства выросла в 1,8 раза. При этом мировыми лидерами по приросту валовой добавленной стоимости сельского хозяйства стали: Нигерия (увеличение ВДС составило 3,8 раза), Эфиопия (3,2 раза), Алжир (в 3 раза) – это все Африканские страны (рисунок 1). Узбекистан нарастил ВДС сельского хозяйства в 2,8 раза, Китай – в 2,2 раза. Индия, Индонезия. Египет, Бразилия увеличили ВДС почти в два раза.

За 20 лет России удалось увеличить валовую добавленную стоимость сельского хозяйства только в 1,4 раза. И одной из причин этого стали низкие темпы роста инвестиций в основной капитал, т.е. сформировались проблемы с формированием инвестиционного потенциала и минимизацией инвестиционных рисков.

Если говорить о валовом накоплении в целом по экономике, то среднемировые показатели его доли **в ВВП за последние 30 лет** практически не изменились (**около 26%**). При этом сменились лидеры: сейчас это Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам, Турция (**доля валового накопления более 33%**). В России доля валового накопления основного капитала **сейчас составляет около 22%**. **И мы существенно отстаем по этому показателю от динамично развивающихся государств.**

Доля валового накопления в сельском хозяйстве в ВДС сельского хозяйства, т.е. та часть добавленной стоимости, которая идет на приращение основного капитала, в среднем по миру составляет всего 14%, т.е. в сельском хозяйстве в среднем меньше вкладывается в наращивание основного капитала, чем в целом по экономике.

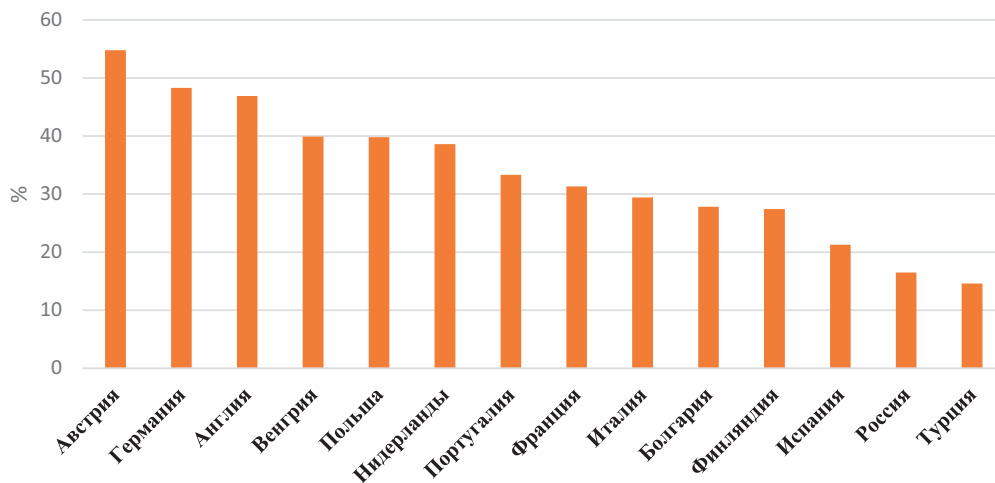
Рис. 1. Темпы роста ВДС сельского, лесного и рыбного хозяйства в ТОП-15 стран по объемам ВДС в 2000–2020 гг., %

Источник: составлено автором на основе данных ФАО [3]

Лидерами по валовому накоплению основного капитала в сельском хозяйстве являются Австрия, Германия, Нидерланды, Австралия, Франция. При этом в России в сельском хозяйстве доля валового накопления составляет всего 16,5% (рис. 2).

Рис. 2. Доля валового накопления основного капитала в ВДС сельского, лесного и рыбного хозяйства в 2021 г., %

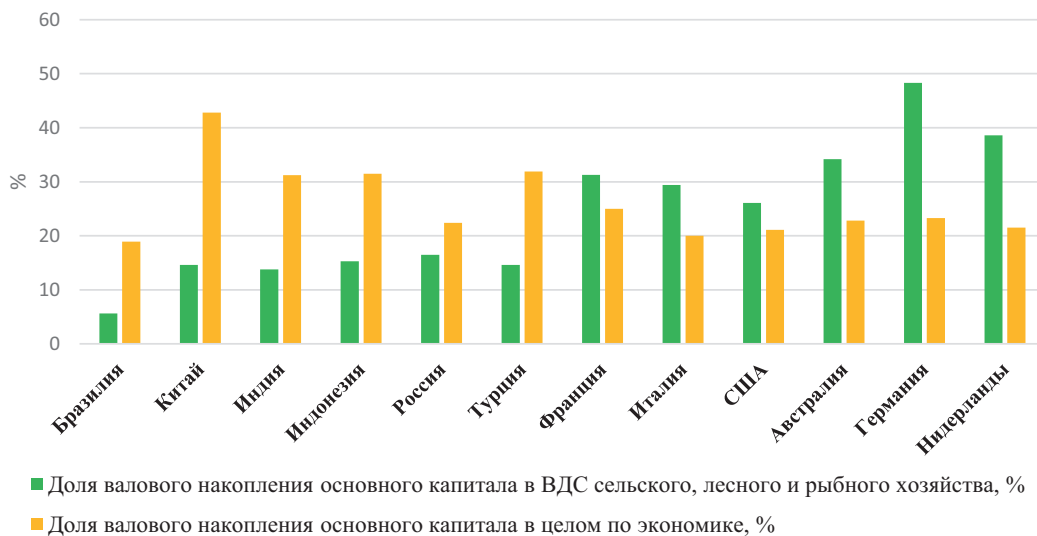

Источник: составлено автором на основе данных ФАО [3]

Сравнение доли валового накопления основного капитала в целом по экономике и доли ВНОК в сельском хозяйстве в различных странах показало, что в странах-лидерах по объему произведенной ВДС сельского хозяйства (это Китай, Индия, Индонезия, Бразилия) доля валового накопления в сельском хозяйстве значительно ниже, чем в целом по экономике, т.е. в основном делается упор на эксплуатацию природной ренты и трудовых ресурсов, а не на капиталовложения (рис. 3).

В то же время практически во всех странах Европы, а также в США доля валового накопления основного капитала в сельском хозяйстве существенно выше,

Рис. 3. Доли валового накопления основного капитала в целом по экономике и в сельском, лесном и рыбном хозяйстве в 2021 г., %

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка и ФАО [3, 5]

чем в целом по экономике, таким образом, европейские страны делают ставку на инвестиционное развитие и модернизацию отрасли.

Для более точной характеристики валового накопления необходимо учитывать, какая доля в валовом накоплении приходится на чистое накопление. Исследования показали, что в России, несмотря на рост валового накопления в абсолютных значениях, доля чистого накопления к валовому постоянно сокращается. Так, в 2014 г. доля чистого накопления в валовом накоплении составляла почти половину (47%), в 2020 г. этот показатель снизился, и теперь на чистое накопление приходится только треть от валового накопления [6].

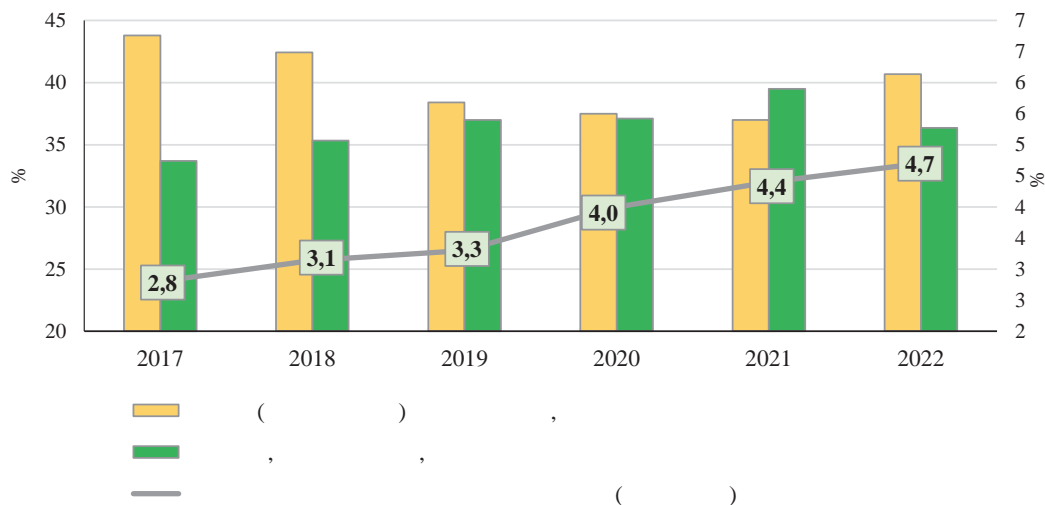
В среднем в России на 1000 га пашни приходится три трактора и два зерноуборочных комбайна, а это существенно ниже, чем в той же Индии, где на 1000 га пашни приходится 12 тракторов, США (27 тракторов) и Германии (83 трактора на 1000 гектар). Этот факт во многом обуславливает такие высокие показатели доли накопления валового капитала в ВДС сельского хозяйства.

Одной из важных особенностей структурной трансформации в накоплении основного капитала является доля инвестиций в различные виды основных фондов. Сейчас в России наибольший удельный вес инвестиционных вложений приходится в здания и сооружения, тогда как для ускоренной технологической модернизации необходимо приоритетное вложение средств в машины и оборудование. Правда, положительным трендом является увеличение доли вложений в объекты интеллектуальной собственности (рис. 4).

Таким образом, сложились два направления развития отрасли. Первый — усиленная эксплуатация природной ренты и трудовых ресурсов (и это тоже приносит свои результаты, пример — страны Африки и Азии), вторая парадигма — это инвестиционное развитие, модернизация отрасли.

Представляется, что только на основе существенных инвестиций нам удастся повысить эффективность отрасли, ее конкурентоспособность и обеспечить существенный прирост ВДС, по темпам роста которой мы отстаем от среднемировых значений [7].

Рис. 4. Структура использования инвестиций в различные виды основных фондов, %

Источник: составлено автором на основе данных Росстата [4]

Заключение

Целевые темпы роста производства агропродовольственной продукции (а это не менее 3%) могут быть достигнуты на базе соответствующих инвестиционных вложений, которые должны быть практически в два раза больше [8, 9]. Поэтому в настоящее время рост инвестиций в АПК должен быть 105–106% в год.

На сегодняшний день для достижения таких темпов роста инвестиций необходимо решение следующих важных проблем: обеспечение финансово-экономической устойчивости товаропроизводителей и роста их доходов; доступности кредитных ресурсов; повышение инвестиционной привлекательности отрасли; нужна трансформация господдержки инвестиционного развития, имея в виду, в первую очередь, господдержку высокотехнологичных проектов, а также увеличение вложений в человеческий капитал, то есть важны не только объемы инвестиций, но также их направления и объекты инвестирования [10].

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» – Текст: электронный //
2. Система Консультант: официальный интернет-портал. – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/80001.html?ysclid=ljq7e7f6jr692573444> (дата обращения: 22.05.2023).
3. Официальный портал. Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/48272/> (дата обращения: 12.05.2023).

4. *Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций. ФАО.* – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/cc2211en/> (дата обращения: 15.03.2023).
5. *Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс].* URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.02.2023).
6. *Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс].* URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/home> (дата обращения: 20.03.2023).
7. Маслова В.В. Проблемы формирования эффективной модели инвестиционного развития сельского хозяйства России / В.В. Маслова // *Труды вольного экономического общества.* – 2021. – Т. 230. – С. 297–302.
8. Маслова В. Инвестиционный капитал в АПК России: тенденции формирования и перспективы / АПК: Экономика, управление. 2022. – № 7. – С. 56–64.
9. Аганбегян А.Г. Главные экономические вызовы, стоящие перед Россией / А.Г. Аганбегян // *Труды вольного экономического общества.* – 2022. – Т. 238. – С. 88–101.
10. Глазьев С.Ю. О приведении макроэкономической политики в соответствие с целями развития страны, поставленными Президентом России // *Научные труды Вольного экономического общества России.* – 2020. – Т. 221. – № 1. – С. 69–78.
11. *Проблемы и приоритетные направления инвестиционного развития в АПК России.* – Монография. – И.Г. Ушачев, А.Г. Папцов и др. – М. ООО «Научный консультант». 2021. – С. 302.

References

1. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15.04.2023 № 603 «Ob utverzhdenii prioritetnyh napravlenij proektov tekhnologicheskogo suvereniteta i proektov strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii i Polozheniya ob usloviyah otneseniya proektov k proektam tekhnologicheskogo suvereniteta i proektam strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii, o predstavlenii svedenij o proektah tekhnologicheskogo suvereniteta i proektah strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii i vedenii reestra ukazannyh proektov, a takzhe o trebovaniyah k organizacijam, upolnomochennym predstavlyat' zaklyucheniya o sootvetstvii proektov trebovaniyam k proektam tekhnologicheskogo suvereniteta i proektam strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii»* – Текст: электронный // Система Консультант: официальный интернет-портал. – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/80001.html?ysclid=ljq7e7f6jr692573444> (дата обращения: 22.05.2023).
2. *Официальный портал. Правительство России [Электронный ресурс].* URL: <http://government.ru/docs/48272/> (дата обращения: 12.05.2023).
3. *Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций. ФАО.* – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/cc2211en/> (дата обращения: 15.03.2023).
4. *Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс].* URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/home> (дата обращения: 20.03.2023).
5. Маслова В.В. Проблемы формирования эффективной модели инвестиционного развития сельского хозяйства России / В.В. Маслова // *Труды вольного экономического общества.* – 2021. – Т. 230. – С. 297–302.
6. *Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс].* URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.02.2023).
7. Маслова В. Инвестиционный капитал в АПК России: тенденции формирования и перспективы / АПК: Экономика, управление. 2022. – № 7. – С. 56–64.
8. Аганбегян А.Г. Главные экономические вызовы, стоящие перед Россией / А.Г. Аганбегян // *Труды вольного экономического общества.* – 2022. – Т. 238. – С. 88–101.

9. *Glaz'ev S.YU. O privedenii makroekonomicheskoy politiki v sootvetstvie s celyami razvitiya strany, postavlennymi Prezidentom Rossii // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. – 2020. – T. 221. – № 1. – S. 69–78.*
10. *Problemy i prioritetye napravleniya investicionnogo razvitiya v APK Rossii. – Monografiya. – I.G. Ushachev, A.G. Papcov i dr. – M. ООО «Nauchnyj konsul'tant». 2021. – S. 302.*

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, 123007, г. Москва, ул. Хорошевское шоссе, д. 35 корп. 2.
FSBSIFRC AESDRA VNIIESH, 35/ 2, Khoroshevskoe highway, Moscow, 123007
Маслова Влада Вячеславовна / Vlada V. Maslova
maslova.ec-fin@vniiesh.ru

НАПРАВЛЕНИЯ СНИЖЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

WAYS TO REDUCE YOUTH UNEMPLOYMENT

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-303-312

ВАШАЛОМИДЗЕ Елена Валерьевна

Директор Центра подготовки научных кадров Федерального государственного бюджетного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, к.э. н.

Elena V. VASHALOMIDZE

Director of the Center for Training Scientific Personnel of the Federal State Budgetary Institution "All-Russian Scientific Research Institute of Labor" of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences

КРЕКОВА Марина Михайловна

Заведующая кафедрой «Управление персоналом» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский политехнический университет», д.э.н., профессор

Marina M. KREKOVA

Head of the Department "Personnel Management" of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Polytechnic University", Doctor of Economics, Professor

ВЕДЕХИН Александр Юрьевич

Заместитель директора государственной молодежной политики и воспитательной деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, к.э.н.

Alexander Y. VEDEKHIN

Deputy Director of the State Youth Policy and Educational Activities of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

Статья исследует проблему трудоустройства молодежи и роль различных механизмов в решении этой проблемы. Авторы обсуждают значимость субсидирования трудоустройства молодых специалистов, роли бизнес-инкубаторов и волонтерской деятельности. Они подчеркивают, что молодежь является

уязвимой категорией на рынке труда, но в то же время – важным источником человеческого капитала. Авторы указывают на приоритетность снижения молодежной безработицы в государственной социальной и экономической политике. В статье подчеркивается, что субсидирование трудоустройства, бизнес-инкубаторы и волонтерская деятельность играют существенную роль в поддержке и развитии молодежи, способствуя решению проблемы безработицы и созданию качественного кадрового резерва для будущего развития экономики.

Abstract

The article investigates the problem of youth employment and the role of various mechanisms in solving this problem. The authors discuss the importance of subsidizing the employment of young professionals, the role of business incubators and volunteer activities. They emphasize that youth is a vulnerable category in the labor market, but at the same time is an important source of human capital. The authors point out the priority of reducing youth unemployment in the state social and economic policy. The article emphasizes that employment subsidies, business incubators and volunteer activities play a significant role in supporting and developing youth, contributing to solving the problem of unemployment and creating a quality talent pool for the future development of the economy.

Ключевые слова

Безработица, молодежный рынок труда, субсидирование, трудоустройство выпускников.

Keywords

Unemployment, youth labor market, subsidies, employment of graduates.

Введение

Во многих странах мира проблема обеспечения молодых специалистов рабочим местом является актуальной и имеет значительные социальные, экономические и политические последствия. Снижение молодежной безработицы имеет важное значение для экономического развития и социальной стабильности. Безработные молодые люди могут столкнуться с такими проблемами, как низкая самооценка, утрата мотивации и социальная исключенность. В свою очередь, успешное развитие деловой карьеры молодых специалистов может привести к улучшению их финансового положения, повышению самооценки, личностному росту и участию в экономической жизни общества.

Молодежный рынок труда имеет свои особенности, которые отличают его от других сегментов рынка труда.

Растущая и сохраняющаяся безработица среди молодежи оказывает негативное влияние на социальное развитие. Безработица среди молодежи может привести к маргинализации и отчуждению молодых людей. Имеются данные о том, что безработица может подвергает молодежь повышенному риску более низкой будущей заработной платы, повторных периодов безработицы, более длительной безработицы во взрослом возрасте и бедности по доходам [1].

Ключевой причиной сложностей с трудоустройством молодежи на рынке труда является «разрыв в опыте». Ведь накопление человеческого капитала зависит не только от формального образования, но и от опыта работы, как общего, так

и специфического. Дополнительной проблемой является часто встречающееся «несоответствие» между навыками, полученными в процессе формального образования, и способностями, требуемыми фирмами, что часто сопровождается неполной занятостью и избыточным образованием [2]. Помимо этой широкой структурной проблемы, динамика уровня безработицы зависит, конечно же, и от общей макроэкономической ситуации. Кроме того, следует подчеркнуть, что молодые работники более чувствительны к бизнес-циклу и макроэкономическим потрясениям по сравнению со взрослым населением: например, после рецессии рост уровня безработицы среди молодежи особенно велик и устойчив [3].

В некоторых странах этническая принадлежность, особенно среди молодых мигрантов, является одним из факторов их социальной изоляции и маргинализации.

Неустойчивая занятость, так называемая прекаризация, столь характерная для современной эпохи, более всего захватывает молодежь, еще не успевшую обрести постоянную профессию [4].

Из-за возникших проблем молодые специалисты сталкиваются с низким спросом на рынке труда, что приводит к частичной или временной занятости, а также безработице в этой группе [5].

Целью статьи является выявление ключевых аспектов и политик, которые могут выявить основные направления снижения молодежной безработицы.

Материалы и методы

В качестве материалов в статье использованы данные Выборочного наблюдения трудоустройства выпускников, проведенного Росстатом в 2021 г., и данные статистического сборника «Труд и занятость в России» за 2021 г.

Результаты и обсуждение

По данным выборочного федерального статистического наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование, представленного Росстатом, в 2021 г. среди всех выпускников 32,3% имели работу в период обучения и по окончании обучения искали работу только 36,7%, что говорит о том, что большинство студентов не имеют возможности совмещать обучение с работой¹. Кроме того, проблема поиска работы по окончании обучения является характерной проблемой для большинства выпускников.

Постепенно снижается доля выпускников, получающих высшее образование как в городской, так и в сельской местности в пользу среднего профессионального образования (таблица).

Мониторинг трудоустройства выпускников СПО и высших учебных заведений показал, что в 2021 г. доля выпускников, трудоустроившихся не по полученной специальности, довольно высока. Молодые люди идут в вузы главным образом из-за престижности и всеобщего признания высшего образования, и только после того, как они получают диплом, начинают задумываться о карьерных возможностях, которые открываются перед ними, и о том, какая работа на самом деле их ожидает. Поэтому очень большое количество выпускников оказывается занятыми в сферах, не связанных с полученной ими профессией. Отметим, что доля выпускников

1 Характеристики выпускников организаций профессионального образования 2016–2020 гг. выпуска и выход их на рынок труда https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html.

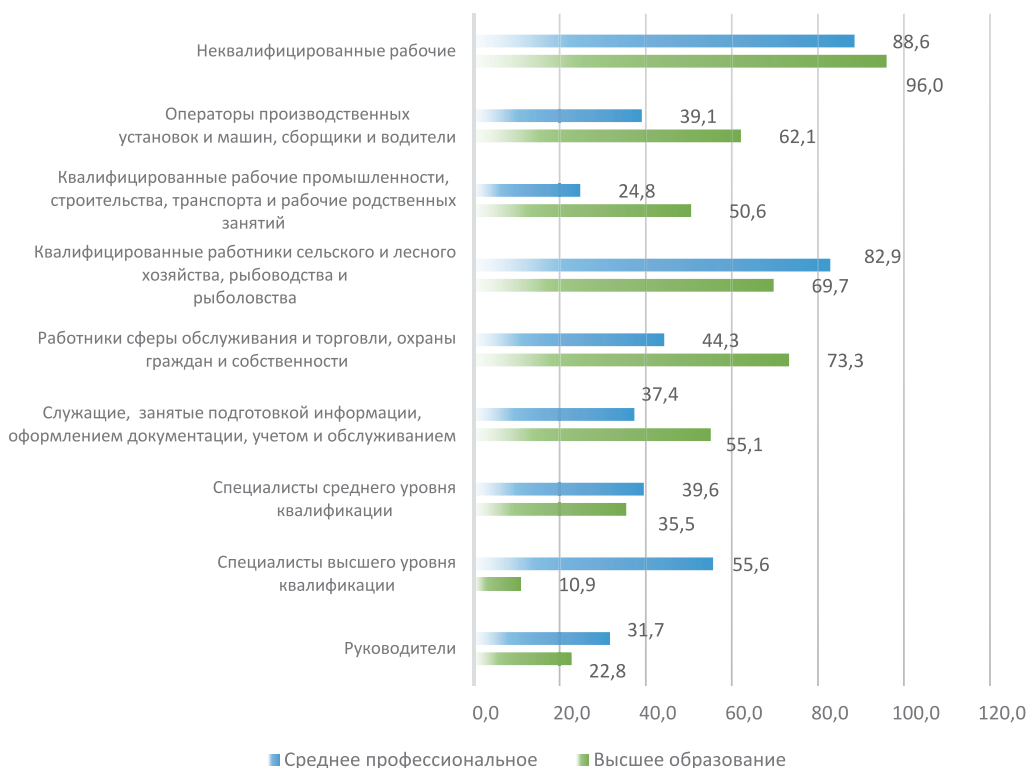
Таблица. Выпускники образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска по году окончания образовательной организации (по данным выборочного наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование, 2021 г.), %

		Всего, в % в том числе имеют образование				
		высшее по программам подготовки кадров высшей квалификации	высшее по программам подготовки специалистов магистратуры	высшее по программам бакалавриата	среднее профессиональное по программам мам подготовки специализированных рабочих, служащих	среднее профессиональное по программам подготовки
Численность выпускников – всего	100	0,6	37,8	22,6	28,8	10,2
в том числе по году выпуска:						
2016	100	0,4	40,5	19,9	28,1	11,1
2017	100	0,7	38,5	23,0	27,1	10,7
2018	100	0,4	39,3	21,8	28,9	9,7
2019	100	0,6	35,6	23,0	29,7	11,1
2020	100	0,8	34,5	26,0	30,5	8,3
Сельское население						
Численность выпускников – всего	100	0,3	25,9	18,2	38,1	17,5
в том числе по году выпуска:						
2016	100	0,4	31,3	16,4	32,2	19,8
2017	100	0,2	27,1	15,7	39,2	17,7
2018	100	0,1	25,0	18,3	38,3	18,4
2019	100	0,3	23,7	18,7	39,2	18,1
2020	100	0,4	23,0	21,6	41,1	13,9

Источник: Характеристики выпускников организаций профессионального образования 2016-2020 гг. выпуска и выход их на рынок труда https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html

СПО, испытывающих сложности с трудоустройством по специальности, ниже, чем у выпускников с высшим образованием (рис. 1).

Рис. 1. Трудоустроенные выпускники образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, у которых первая основная работа не связана с полученной профессией в 2021 г., %

Источник: Характеристики выпускников организаций профессионального образования 2016–2020 гг. выпуска и выход их на рынок труда https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html

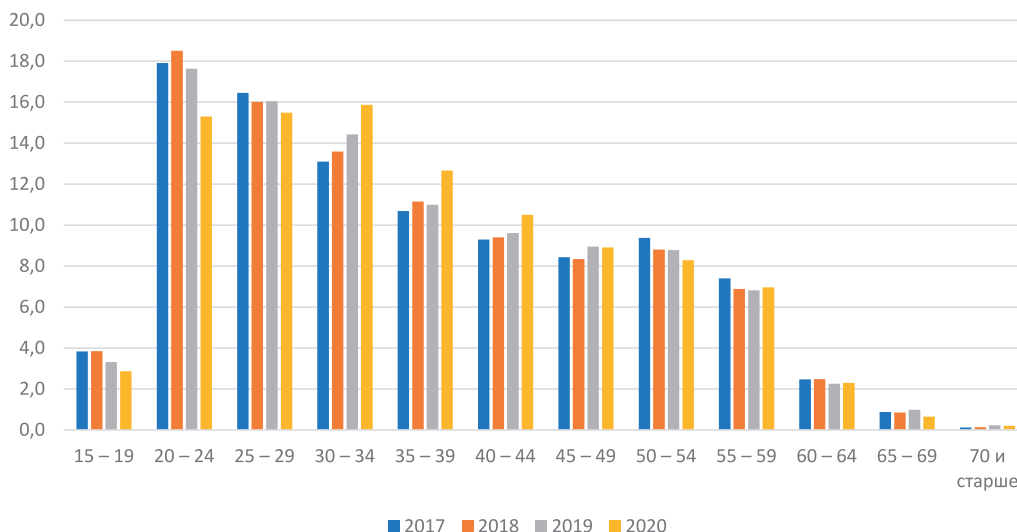
Практически 80% выпускников, независимо от типа образования, сталкиваются с трудностями при поиске работы. Главной проблемой для всех выпускников, за исключением тех, кто получил высшее образование по программам подготовки кадров высшей квалификации, является отсутствие или недостаток опыта работы. Вторым и третьим по значимости факторами являются низкий уровень предлагаемой заработной платы и ограниченное количество подходящих вакансий.

Около 20% выпускников образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, не имевших и не искавших работу после окончания образовательной организации, но трудоустроившихся в дальнейшем, проработали менее одного месяца. Краткосрочное трудоустройство выпускников может также указывать на необходимость дополнительной подготовки и развития навыков, чтобы быть более конкурентоспособными на рынке труда. Возможно, некоторым выпускникам требуется дополнительное обучение или стажировка, чтобы улучшить свои шансы на получение стабильной и долгосрочной работы.

По данным Росстата, самый высокий уровень безработицы — у молодежи до 29 лет (рис. 2).

Однако средняя продолжительность поиска работы ниже всего в возрастных группах 15–19 и 20–24 лет. Так, в 2020 г. он составлял 4,4 и 5,5 месяца, соответственно против 6–7 месяцев в остальных возрастных группах. Более корот-

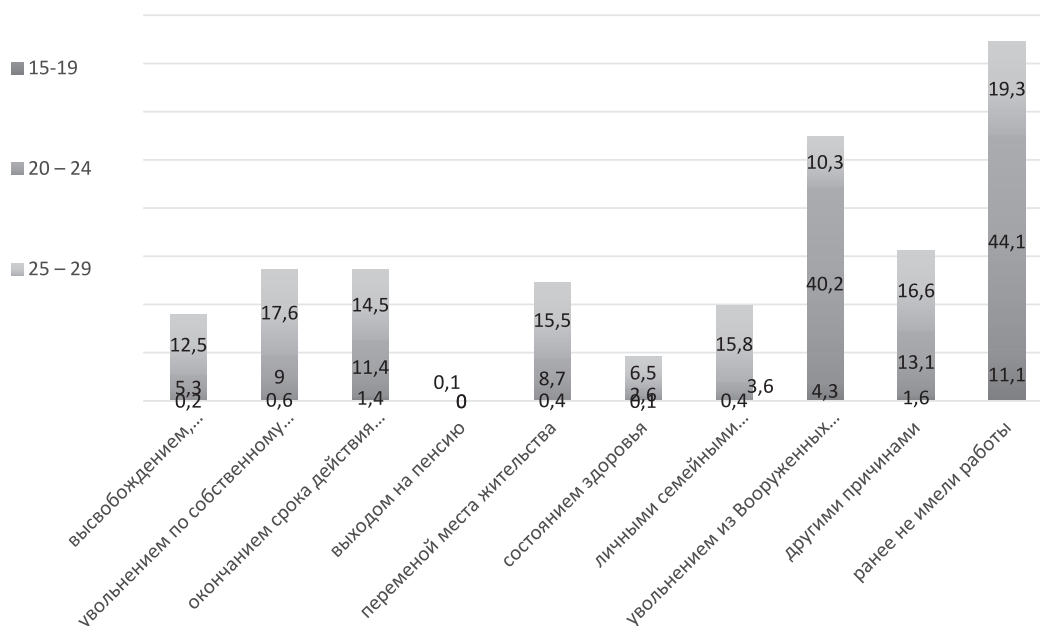
Рис. 2.
Уровень безработицы по возрастным группам в Российской Федерации, %

Источник:
Труд и занятость в России 2021 г. https://gks.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm

кий период поиска работы у молодых людей может быть обусловлен такими факторами, как большая доступность временных и низкоквалифицированных

Рис. 3.
Причины, по которым безработные оставили последнее место работы в 2020 г., %

Источник:
Труд и занятость в России 2021 г. https://gks.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm

работ для молодежи, более гибкими требованиями работодателей и меньшими ожиданиями молодых соискателей по оплате и условиям труда. На рис. 3 приведены причины, по которым безработные в возрастных группах 15–29 лет оставили прошлое место работы.

Почти половина безработных в возрастной группе 20–24 лет не имели ранее работы, а еще 40,2% в этой группе уволились из Вооруженных сил России.

Таким образом, можно сделать вывод, что молодежный рынок труда имеет свои особенности, которые отличают его от других сегментов рынка труда.

Молодежь, особенно выпускники высших учебных заведений, сталкиваются с высокой конкуренцией при поиске работы. Часто они не имеют достаточного опыта и навыков, чтобы конкурировать с более опытными кандидатами.

Молодежь сталкивается с нестабильностью в сфере занятости. Многие молодые люди начинают свою карьеру с временной работы, контрактов или стажировок. Это может создавать неопределенность в плане дохода и будущего карьерного развития.

Молодые работники зачастую получают меньшую заработную плату по сравнению с более опытными работниками, что связано с отсутствием у них опыта и специальных навыков.

Молодежь часто имеет другие приоритеты и ценности, чем предыдущие поколения. Они больше ценят баланс между работой и личной жизнью, разнообразие и гибкость в карьере, а также социальную ответственность работодателя.

Молодые люди склонны больше полагаться на социальные сети, профессиональные платформы и неформальные связи при поиске работы. Они также могут активно использовать онлайн-сообщества и ресурсы для получения информации о вакансиях и карьерных возможностях.

Но молодежь имеет и ряд преимуществ перед более опытными кандидатами. Молодые работники часто готовы принять более гибкие условия работы, такие как удаленная работа или гибкий график, чтобы получить возможность работать в желаемой сфере или получить опыт.

Молодые работники более привычны к использованию современных технологий и цифровых инструментов, что может обеспечить им преимущество при поиске работы в сферах, связанных с технологиями и инновациями.

Среди факторов снижения молодежной безработицы можно выделить:

- Совершенствование качества и доступности образования может помочь молодым людям приобрести необходимые навыки и знания, которые повысят их конкурентоспособность на рынке труда.
- Предоставление молодым людям возможностей для получения практического опыта работы и профессиональной подготовки может повысить уровень их трудоустройства, что может быть достигнуто через программы стажировок, партнерства с предприятиями и поддержку молодых предпринимателей.
- Поддержка молодых предпринимателей может стимулировать создание новых рабочих мест и развитие инноваций.
- Расширение доступа к информационным технологиям и развитие цифровых навыков могут создавать новые возможности для занятости молодежи.

Можно выделить несколько направлений повышения трудоустройства молодых работников. Среди них — деление рынка молодежи на сегменты и реализация приоритетных мероприятий по трудоустройству в каждом сегменте, государственные программы, направленные на субсидирование работодателей, принимающих на работу молодых специалистов, а также развитие бизнес-инкубаторов и волонтерской деятельности.

Рынок молодежи можно разделить на несколько **сегментов** в зависимости от возрастных групп. Вот некоторые из них.

Молодые взрослые (15–24 года). Эта возрастная группа включает в себя студентов, выпускников университетов и молодых работников. Они обычно проходят через стадию идентификации себя, их интересы и потребности

могут быть связаны с образованием, карьерой, путешествиями, социальной активностью и саморазвитием.

Молодые профессионалы (25–34 года). Этот сегмент включает в себя молодых работников, которые находятся в самом начале своей карьеры. Они заинтересованы в развитии профессиональных навыков, карьерном росте, финансовой независимости, отдыхе и развлечениях.

Молодые предприниматели (18–34 года). Данный сегмент включает молодых людей, которые стремятся создать и развивать свои собственные бизнесы. Их интересы и потребности могут быть связаны с предпринимательством, инновациями, финансовым успехом.

Субсидирование трудоустройства молодых специалистов без профессионального опыта является целесообразным механизмом для решения проблемы занятости и развития деловой карьеры молодежи. Этот подход помогает привлечь талантливых молодых людей на рынок труда и предоставляет им возможность получить первый опыт работы.

Субсидирование трудоустройства может стимулировать работодателей к найму молодых специалистов за счет снижения финансовой нагрузки на компании, связанной с обучением и адаптацией новых сотрудников, что особенно важно для молодых людей, которые, несмотря на профессиональное образование, испытывают трудности в получении работы из-за отсутствия опыта.

Субсидии за прием на работу отдельных категорий соискателей были введены в 2021 г. Господдержка за прием на работу – это субсидия в размере трех МРОТ, увеличенных на сумму страховых взносов, а также районный коэффициент, если он есть в регионе. Субсидию умножают на количество трудоустроенных соискателей. Ее выплачивают в три этапа, равными частями: через месяц после приема на работу, второй – через три месяца, третий – через шесть. Деньги поступают на счет работодателя из ФСС.

Предоставление субсидий также позволяет молодым специалистам внести вклад в развитие компании и приобрести необходимые навыки и опыт работы в реальной профессиональной среде. Это может повысить их конкурентоспособность на рынке труда и открыть для них перспективы развития карьеры.

Еще одно направление – это развитие бизнес-инкубаторов. На данный момент в нашей стране действует около 260 инкубаторов. На наш взгляд, необходимо увеличивать программы бизнес-инкубаторов, направленные на вовлечение в профессиональную деятельность школьников и студентов.

Бизнес-инкубаторы вовлекают молодых людей в предпринимательскую деятельность, помимо финансовой поддержки в виде грантов и субсидий, выполняют консультационные и образовательные функции, помогают развить ключевые навыки, такие как бизнес-планирование, маркетинг, финансы и управление проектами.

Бизнес-инкубаторы приглашают успешных предпринимателей, которые делятся своим опытом и помогают начинающим предпринимателям избежать типовых ошибок в своих начинаниях. Также бизнес-инкубатор предоставляет площадки для встреч с единомышленниками, в результате которых можно найти партнеров, клиентов и инвесторов.

Некоторые инкубаторы обеспечивают доступ молодых предпринимателей к инфраструктуре и некоторым видам оборудования.

Участие молодежи в волонтерской деятельности — не только интересная и общественно полезная деятельность, но и возможность ближе познакомиться с трудовой деятельностью и принять взвешенное решение о выборе профессии. Кроме того, участие в волонтерской деятельности позволяет получить более глубокое понимание своих интересов и целей в карьере.

Волонтерская деятельность дает возможность молодым людям получить навыки и опыт, которые могут быть полезны при поиске работы. Развиваются в значительной степени «мягкие» навыки — коммуникационные навыки, лидерство, работа в команде, организационные навыки и другие востребованные качества.

Волонтерство обеспечивает расширение списка контактов молодых людей, что полезно для получения советов, рекомендаций и даже предложений о работе.

Само по себе участие в волонтерской деятельности является дополнительным аргументом для работодателя при принятии решения о трудоустройстве, так как говорит о социальной ответственности и гражданском сознании молодого человека. Многие работодатели ценят такие качества у потенциальных сотрудников.

Таким образом, молодежь является социально уязвимой категорией в плане трудоустройства, с одной стороны, а с другой, важнейшим источником человеческого капитала, поэтому совершенствование механизмов снижения молодежной безработицы — одно из приоритетных направлений государственной социальной и экономической политики.

Субсидирование трудоустройства молодых специалистов является важным направлением для поддержки и развития молодежи, способствует формированию качественного и опытного кадрового резерва для будущего развития экономики.

Бизнес-инкубаторы играют важную роль в трудоустройстве молодежи, позволяя им получить необходимые знания, навыки, ресурсы и поддержку для успешного предпринимательского начинания.

Волонтерская деятельность, особенно если она связана с профессиональной областью интересов молодого человека, может быть весомым преимуществом при поиске работы. Участие в подобной деятельности говорит о наличии определенных амбиций, мотивации и готовности к развитию, что может привлечь внимание работодателей и улучшить шансы на трудоустройство.

Библиографический список

1. *Youth Employment: Impact, Challenges and Opportunities for Social Development*
2. *Commission for Social Development Forty-fifth session 7–16 February 2007 Item 3 (c) of the provisional agenda* <https://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/csocd45emergingissues.pdf>
3. Pompei F.; Selezneva E. *Education mismatch and youth labour force status in Europe. In Young People and the Labour Market: A Comparative Perspective; Caroleo F.E., Demidova O., Marelli E., Signorelli M., Eds.; Routledge: London, UK, 2018; pp. 31–64. [Google Scholar].*
4. Bruno G.; Choudhry M.T.; Marelli E.; Signorelli M. *The short- and long-run impacts of financial crises on youth unemployment in OECD Countries. Appl. Econ.* 2017, 34, 3372–3394. [Google Scholar] [CrossRef].
5. Хохлова М.Г. Молодежь на российском рынке труда / М.Г. Хохлова, И.И. Хохлов // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2018. — Т. 62, № 9. — С. 88–96. — DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-88-96. — EDN YNYEEX.
6. Леушкина В.В., Зинич А.В. Молодежь на рынке труда России // *Экономика труда.* — 2022. — Том 9. — № 3. — С. 689–702. — DOI: 10.18334/et.9.3.114336.

References

1. *Youth Employment: Impact, Challenges and Opportunities for Social Development Commission for Social Development Forty-fifth session 7–16 February 2007 Item 3 (c) of the provisional agenda* <https://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/csocd45emergingissues.pdf>.
2. *Commission for Social Development Forty-fifth session 7–16 February 2007 Item 3 (c) of the provisional agenda* <https://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/csocd45emergingissues.pdf>
3. Pompei F.; Selezneva E. *Education mismatch and youth labor force status in Europe*. In *Young People and the Labor Market: A Comparative Perspective*; Caroleo F.E., Demidova O., Marelli E., Signorelli M., Eds.; Routledge: London, UK, 2018; pp. 31–64. [Google Scholar].
4. Bruno G.; Choudhry M.T.; Marelli E.; Signorelli M. *The short- and long-run impacts of financial crises on youth unemployment in OECD Countries*. *Appl. Econ.* 2017, 34, 3372–3394. [Google Scholar] [CrossRef].
5. Khokhlova M.G. *Youth on the Russian labor market* / M.G. Khokhlova, I.I. Khokhlov // *World Economy and International Relations*. – 2018. – Т. 62, № 9. – С. 88–96. – DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-88-96. – EDN YNYEEX.
6. Leushkina V.V.; Zinich A.V. *Youth in the labor market of Russia* // *Labor Economics*. – 2022. – Vol. 9. – № 3. – С. 689–702. – DOI: 10.18334/et.9.3.114336.

Контактная информация / Contact information

ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России
105064, Москва, Земляной вал, д. 34, стр. 1

FSBI “Research Institute of Labor” of the Ministry of Labor of Russia, 34, Earthen rampart Str., Moscow, 105064, Russia.

Вашаломидзе Елена Валерьевна / Elena V. Vashalomidze
rich123098@mail.ru

КОГНИТИВНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

COGNITIVE AND VALUE APPROACH TO HUMAN CAPITAL MANAGEMENT IN THE MODERN WORLD

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-313-323

СТЕПАНОВА Галина Николаевна

Профессор департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.э.н., профессор

Galina N. STEPANOVA

Professor of the Department of Mass Communications and Media Business of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

Управление человеческим капиталом в условиях экономики знаний предполагает развитие когнитивных качеств. Метакомпетентность современного специалиста основана на профессиональных знаниях, нравственных принципах и ценностных идеалах, позволяющих отвечать на вызовы цифрового общества. Интеллектуальное, духовное развитие личности обеспечивается образовательными технологиями.

Abstract

Human capital management in a knowledge economy involves the development of cognitive qualities. The metacompetence of a modern specialist is based on professional knowledge, moral principles and value ideals that allow you to respond to the challenges of digital society. The intellectual, spiritual development of the individual is provided by educational technologies.

Ключевые слова

Когнитивно-ценностный подход; интеллектуальный капитал; метакомпетентность; развитие; обучение; нравственные ценности.

Keywords

Digital cognitive-value approach; intellectual capital; metacompetence; development; training; moral values.

В условиях современного цифрового общества наиболее адекватной технологией управления является когнитивный менеджмент, направленный на развитие работника на основе его интеллектуального потенциала.

Когнитивный подход к управлению человеческим капиталом акцентирует ведущую роль знания в формировании у работника представлений о мире, что определяет его поведение в социуме.

Подход к мотивации труда, выходящий за трактовку мотивационных моделей экономического поведения, получил название «когнитивно-ценностный» [1, 2].

Современный человек ежедневно встречается с вызовами цифрового общества, к которым относятся:

- неограниченный доступ к информации, высокая скорость ее поступления и неспособность полноценной, полнообъемной обработки;
- бесчисленные «коммуникационные атаки», «безумие почтового ящика» – потребность всегда присутствовать в сети и выражать свою реакцию;
- клиповое сознание, называемое социологами «калейдоскопическим NET-мышлением», имеющим «хрупкое» внимание [3, С. 48]. С одной стороны, клип-культура способствует развитию навыков мультимодальности и мультизадачности, но теряется целостная картина мира, становится мозаично-прерывистым калейдоскопом, включающим отрывочные фрагменты слов, звуков, визуальных образов.

Лавина информации, накрывающая человека с огромной скоростью, ведет к замещению одних когнитивных навыков другими. Следствием этого являются:

- дефицит внимания, рассеянность, невозможность сосредоточиться и долго концентрироваться на серьезных задачах;
- потеря способности к восприятию однородной информации;
- минимализм и упрощение, не дающие понимания целостности окружающей реальности;
- ослабление ощущений реальной жизни, притупление тактильных ощущений, эмоциональная «глухость»;
- переадресация не только технических, но и логических функций – «голова отправляется на аутсорсинг»;
- изменения в культуре общения – сетевая форма досуга.

В результате возникают проблемы трансляции социального опыта:

- **невозможность погрузиться в серьезное чтение. Так, появление романа Ф.М. Достоевского в облегченном формате для упрощения понимания – «Братья Карамазовы в изложении мышонка Джижио», по словам итальянского философа У. Эко, является деградацией [4];**
- потеря доверия к информации;
- потребность в «новой искренности» (поиск истины);
- требования к новому формату в культуре и искусстве.

Тренд маркетинга сегодня – вызвать всплеск эмоций, что выдвигает новые требования к качеству передаваемой информации:

- контент: красочный, экспрессивный с визуальными эффектами;
- речь отличается бурным выражением эмоций – *важнее не то, что говорят, а то, как говорят, то есть эмоциям «приписывается» искренность, что вызывают доверие;*

- виртуальная идентичность – иллюзорный мир, исполняющий надежды и желания пользователей, которых социолог П. Вирилио называет «решительно невзрослеющим обществом» [5, С. 86–87];
- синтетические ценности – симулякры, в основе которых лежат легенды, мифы, сказки, сохраняющие древний эпос – вечные «духовные ценности», присущие обществу в разные эпохи и составляющие основу общечеловеческой культуры. Легенды и сказания, возникшие в разных странах в разные эпохи, содержат общие для различных этносов мифологические символы, воплощающие наиболее ценные архетипы [6, С. 29–42], «психические первообразы, скрытые в глубине души» [7, С. 79];
- аватары и контент в виде голограммы – перемещение в кибермиры, где осуществляются покупка и продажа товаров, работа и отдых.

Отдельным вопросом стоит вопрос идентификации личности, которая принимает следующие черты:

- самооценка калибруется количеством подписчиков и «лайков» («легкая слава»);
- **символы престижа, богатства, красоты и молодости возводятся в ранг культа – гламур и глянец провозглашаются идеалом существования;**
- профанация – **жить придуманной жизнью, поклоняться знаменитостям, «примерить» чужое «я», идентифицировать себя с селебрити – считается приемлемой технологией социализации;**
- **отстранение и отчуждение от реальной жизни – от поколения «ни-ни» до идентификации «непричастности».**

В конце 1990-х гг. в социологии молодежи появилось название поколения NEET (поколение «ни-ни» от англ. Not in Education, Employment or Training). Это молодые люди, которые в силу разных факторов социального или политического порядка не работают и не учатся. Впервые это понятие появилось в научном дискурсе Великобритании, сейчас это явление обсуждается во всем мире.

Психолог Э. Эриксон, рассматривая восемь стадий развития человека, отмечал психосоциальный кризис идентичности и ролевую путаницу, которые возникают при реализации плана зрелости [8, С. 346–386].

В обществах, переживающих быстрые социальные трансформации, плавный переход к взрослой жизни практически невозможен, поэтому наблюдается сильное различие с родительскими поколениями. В этом случае молодые люди не могут положиться на модели идентичности своих родителей, а также вписаться в социальный контекст.

Непримиримые противоречия могут возникнуть между конфликтующими сторонами, причиной чего является конфликт ценностей, состоящий в противоречивой интерпретации действительности.

Моральные ценности являются стандартами для оценки поведения, такие как честность, справедливость, альтруизм, доброта, справедливость и т.д. Обычно эти ценности составляют ядро этики, применяются к межличностным отношениям и являются основой социального мира. Духовные ценности – это стандарты оценки смысла существования, которые являются мощными детерминантами отношений и поведения.

Анализируя ценности и факты, необходимо понимать, что люди, как правило, не идут на компромисс в отношении собственных ценностей, при этом при поиске точек соприкосновения полезными оказываются факты. Разрешение

конфликта между логически несовместимыми идеями и убеждениями практически невозможно, поэтому рекомендуется избегать ценностных аспектов и перенести акцент на инструментальные, деловые, профессиональные аспекты.

Субкультуры рассматриваются как символические испытания, которые молодежные группы проходят в ходе преодоления противоречий в родительской культуре, а также как формы «ритуального» сопротивления системам культурного контроля, организованным властью.

Сопротивление доминирующим культурным ценностям может проявляться в следующих измерениях:

- пассивно или активно – в зависимости от намерений участников проявлять это сопротивление;
- на микро- и макроуровне. На микроуровне сопротивление может работать как механизм психологической защиты от сверстников, тогда как сопротивление на макроуровне обычно направлено на политические силы;
- явно, открыто направленное на аудиторию, или скрытое, преднамеренное, незаметное для других.

Молодежь, как правило, не может извлечь уроки из опыта прошлого, поэтому она пытается найти адекватные ответы на вызовы времени. Глобализация, скорость, с которой культурные объекты и идеи передаются сегодня во многих частях мира, является важным фактором, влияющим на появление большого количества молодежных субкультурных групп.

Общество может маргинализировать молодых людей в конкретном аспекте их идентичности. Как только в их облике, поведении, манере проявляются конкретные стилистические черты, отличные от большинства, общество автоматически маргинализирует их и присваивает ярлык девиантного стиля.

Маргинализованная молодежь воспринимает свою обездоленность сквозь призму «подросткового бунта».

Однако, по мере того, как молодые люди создавали собственную идентичность, а их доходы росли, на них стали фокусировать свои усилия маркетинговые компании.

Мода, музыка, фильмы и литература стали подстраиваться под вкусы молодой аудитории. В этот период появились первые молодежные журналы, модные магазины молодежной одежды, кафе, дискотеки и другие предложения рынка, нацеленные на платежеспособную молодежь. С помощью рекламы они обещали молодым людям новый, захватывающий мир, который можно было бы почувствовать через потребление их продукции и услуг.

Капиталистическая культура и индустрия досуга сосредоточились на расширении спектра услуг с тем, чтобы как можно больше молодых людей имело доступ к культурным ресурсам. Потребительские отрасли (глянцевые журналы, реклама) сыграли значительную роль в создании идентичности подрастающего поколения.

Развитию молодежной культуры также способствовало проникновение либеральных тенденций в образование. Поощрение самобытности детей и подростков привело к появлению у подростков возможности видеть себя «другими», проходящими особую «уникальную» фазу своей жизни и достойными внимания.

Расширился диапазон доступных стилей жизни. Эпоха, когда доминировал единственный стиль, ушла навсегда; появились разнообразные стили, позволяющие молодым людям выражать себя различными способами. Во все более взаимосвязанном мире у людей появляется свобода выбора в том, какую

субкультурную идентичность они хотят воплотить через собственный стиль, манеру поведения, музыкальный вкус.

Специалисты отмечают, что субкультурная активность сегодня формируется в большей степени вокруг потребления и удовольствия и в гораздо меньшей степени вокруг сопротивления и общей идентичности.

Сегодня пост-субкультурные теоретики полагают, что субкультуры сегодня мало отличаются от основной культуры. Они подчеркивают, что массовое потребление, распространение культур через глобализацию и общая взаимосвязанность людей, мест и продуктов по всему миру преобразуют способы проявления субкультур в идентичности.

Потребление влияет на субкультурные сообщества, массово воспроизводя субкультурные продукты, одежду, аксессуары доступными для всех желающих. То, что было доступно только члену группы, превращается в продуктовые линии. Становится все труднее провести различие между тем, что представляет собой нишевая субкультура сцены, и тем, что составляет основную культуру, так как субкультурные объекты подвергаются коммерциализации.

Французский социолог М. Маффесоли говорит о процессе «трайбализации» социальных идентичностей в целом и молодежных идентичностей в частности. Трайбализация – объединение людей в «группы-племена», связываемые узким интересом. Этот процесс свидетельствует об эрозии индивидуализма в массовом обществе и появлении новой социальности [9].

М. Маффесоли, исследуя общество эпохи постмодерна, показывает, что молодежь, отказываясь от глобальных нарративов, таких как «западные ценности», идеи нации, обращается к теме «здесь и сейчас». Он называет это «завоеванием настоящего» [10].

Представители субкультур не только имеют общую идентичность, они также разделяют ценность практик и культурных объектов. По мере появления субкультур формируются уникальные практики, которые отличают одну культуру от другой. Практики и смыслы постоянно меняются посредством социального взаимодействия.

Новые формы распространения информации, позволяющие с помощью моментальной коммуникации связать любого человека с сообществом, приводят к тому, что границы социальных групп значительно расширяются и получают новые инструменты мобилизации.

В информационном обществе, где люди не просто потребляют информацию, но и сами производят, дополняют и изменяют ее, власть перемещается в сеть. Это происходит потому, что традиционные вертикальные структуры не успевают регулировать, формировать и направлять информацию.

Социальность не ушла, а ищет новые формы выражения. Сетевые структуры и создают новую социальность.

При этом, наряду с преимуществами информационно-коммуникационных технологий, проступает **«темная сторона» интернета:**

- **инфантилизация и психозэксплуатация личности, манипуляция, невротизация сознания;**
- выхолащивание этических и эстетических норм: троллинг (травля), **кибербуллинг (унижение), хейтерство (ненависть);**
- угроза кражи личности в цифровой среде – **социальная инженерия, технологии цифровых «щипачей» (утечка информации, «взлом», вирусная**

атака). Хищение данных осуществляется посредством таких технологий, как: фишинг (попытка обмануть пользователей, выдавая себя за доверенное лицо), скамминг, скимминг (перехват и анализ трафика через сетевое соединение), кардинг, взлом и эксплойт системы (использование программного кода для несанкционированного доступа к аккаунтам пользователей), DDoS-атаки (отказ в обслуживании), продажа реквизитов и др.;

- развитие спирали дилетантства – **легковесных и поверхностных суждений о мире, выдающихся за мнение экспертов**. Сегодня пользователь интернет-планшета, с одной стороны, потребляет информацию, с другой, постоянно присутствуя в «интерактивном цифровом поле» [11, С. 66], имеет собственное мнение по любому вопросу и производит контент, не задумываясь о его достоверности и возникающих последствиях;
- **«сетевое сектантство» как масштабная логическая организованность** и в то же время инструмент регуляции поведения личности, настроенный **на агрессию и жестокость к инакомыслию**.

Таким образом, происходит деградация личности, ведущая к девиантным формам поведения вплоть до экстремистской направленности.

Фактически человек переводится на позицию «толпы», о которой французский психолог Г. Лебон говорил так: «...Интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают; разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества». «...Становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. ...В толпе это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в **изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам**» [12, С. 141].

Вершиной негативного проявления интернет-технологий является информационная война, включающая:

- информационные атаки – **несанкционированный доступ к информации, нарушение конфиденциальности, хакерские атаки, нанесение финансового и имиджевого ущерба, создание хаоса**. Информационные атаки представляют собой зловредные действия, осуществляемые в цифровой среде с целью получения несанкционированного доступа к информации, ее изменения, уничтожения, блокировки. Главной целью информационной атаки является манипуляция общественным мнением, разрушение доверия к институтам и организациям, провоцирование конфликтов;
- **индоктринацию – насильственное навязывание ценностей, целей, идеологии;**
- лингвистическое, ораторское, психологическое воздействие на **личность;**
- искажение действительности – **дезинформация, «контекстные махинации», «фейковые новости», создание «империи лжи», «уплотнение ненависти»;**
- «захват будущего» через «захват прошлого».

В сложном техногенном мире специалист должен противодействовать разрушительному влиянию негативных тенденций, которые социологи называют кризисом, вызреваемым «в трех срезах культуры: мышлении, социальных формах и внерациональных «отсеках» духовной сферы...». Больше всего «этот системный

разрыв в когнитивной и ценностной плоскости проявляется в России как в стране, которая глубже, чем другие страны, погружена в христианскую и социалистическую этику и эпоху Просвещения, в которой главным культом является развитие и наука» [13, С. 30–35].

Российский социолог П. Сорокин еще в середине XX века, анализируя тенденции развития научно-технического прогресса, отмечал, что человечество находится «между... умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи, длившейся шесть веков. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее... искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. ...Однако, различим расцвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение – людей будущего» [14, С. 427].

В этих условиях необходимо сохранить интеллектуально-эмоциональное и духовно-нравственное содержание современного специалиста, сформировать его метакомпетентность, что обеспечит «интеллектуальное развитие личности, самосовершенствование, профессиональную самореализацию и органичное встраивание в планетарное информационное пространство» [15, С. 6] на принципах гуманности, человеколюбия, уважения к нациям и народностям. Это «культурный код» [16, С. 52] человека в современном мире.

Русский писатель, историк, религиозный философ Д. Мережковский отмечал значимость культуры для человечества: «Есть путь в культуру из дикости, но нет из одичания. **Культура невозвратна, неповторима. Сущность ее – непрерывность, неугасимость: огонь ее может поддерживать, но угасив – не зажжешь. Духа не угашайте – вот сейчас самые нужные из слов человеческих**» [17, С. 209].

С точки зрения когнитивно-ценностного подхода, качества личности – это совокупность видов капитала – познавательного (гносеологического), созидательного (творческого), ценностно-ориентационного (аксиологического), коммуникативного и эстетического. Это «сверхсуммативное единство» [18, С. 79], обеспечивающее синергетический эффект, обеспечивающий высокую результативность и эффективность в ходе решения сложных производственных проблем.

Важной чертой существования цивилизованного человека является нравственность, переплетающаяся «с традициями, обычаями, правом, религией, художественной культурой, внутренней и внешней политикой, а главное – отношениями между людьми...» [19, С. 7].

Исторически сложилось так, что в нашем обществе цементирующей основой побед и достижений является «коллективизм, основанный на духовном единстве», сформированном общей жизнью на протяжении веков, исторической судьбой предыдущих поколений [20, С. 47]. В таких понятиях, как «соборность», «общность», звучит «душа народа», характерными чертами которой являются взаимодействие и взаимопомощь [18, С. 78; 21].

Французский философ Г. Лебон называл «*прочно сложенную коллективную душу народа апогеем его величия..., высокой ступенью цивилизации...*» [12, С. 141]. Он отмечал, что путь к формированию такой коллективной души является долгим и сложным, а потеря – очень быстрой.

Лучшей мотивацией к труду является тот набор стимулов, к которому специалист «генетически, эмоционально, нравственно, психологически подготовлен», что

позволит ему проявить свои профессиональные и творческие способности в полной мере [18, С. 78–79].

«Ценностное отношение к миру» [22, С. 154–160], духовные ценности отстаивает «очарованный странник» – «особый тип личности с постматериалистической структурой потребностей, взыскующий... правды, справедливости и смысла жизни» [23]. Как отмечает русский философ С.С. Хоружий, данный образ человека, возникший более тысячи лет назад, «по сей день остается скорее уж впереди нас, нежели позади». Он назвал этот образ «неустаревшим и непревзойденным», не утратившим способности быть «*нужным и ценным для современной мысли, современных духовных поисков...*» [24, С. 278].

Социальная солидарность строится на основе признания культурных смыслов наций и народностей, культурного кода – представлений об окружающей действительности, пространстве и времени, культуре и искусстве. Это же подчеркивал выдающийся русский философ Н.О. Лосский: «к числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит чуткое восприятие чужих душевных состояний» [20, С. 25].

Каждый работник рассматривается как источник лидерского потенциала, способный выполнять масштабные задачи в сложной современной обстановке, понимая значимость и ценность своей гражданской позиции.

Профессионализм, наложенный на ценностные установки работника, позволит ему принимать правильные управленческие решения в любой сложной ситуации.

Определяющая роль в кадровом менеджменте сегодня принадлежит обучению. Руководитель должен определить, на какой стадии «S-образной кривой обучения» [25, С. 70] находится сотрудник. Траектория развития включает следующие стадии:

- стартовую площадку, показывающую начало трудовой карьеры, где проявляется высокая инновационная мотивация и креативность;
- «золотую середину», свидетельствующую о профессионализме и компетентности;
- овладение мастерством, предполагающее овладение способностью решать сложные профессиональные задачи. На этой стадии необходимо предусмотреть смену вида деятельности и освоение новой трудовой сферы.

HR-менеджмент должен «сплести воедино нити S-образных кривых всех членов команды, чтобы создать единое гармоничное полотно» из дополняющих друг друга сотрудников, готовых к «новым свершениям» [25, С. 70].

Важной задачей кадрового менеджмента сегодня является переход от сетевого тоталитаризма, «культурного колониализма» и информационно-психологического диктата к интеллектуальному, духовному развитию личности.

В основе обучающих технологий будущего специалиста сегодня должны быть положены следующие принципы:

- **ценностные идеалы как фундамент материальных и духовных результатов трудовой деятельности (метакомпетентность);**
- когнитивные образовательных модели, соответствующие технологической среде **цифрового общества;**
- высокий уровень личностной культуры (**медиакомпетентность, медиаграмотность, критическое мышление** [26, С. 346–35; 27, С. 380–391]);
- **сохранение культурного наследия – формирование личности в конкретной исторической среде, отражающей развитие государства и народа, культуру, искусство, литературу, архитектуру;**

— признание ценности русского языка как **основы межкультурного диалога и межнационального общения.**

Реализация данных направлений позволит сформировать когнитивный потенциал специалиста в профессиональной, научной, культурной и духовной жизни.

Библиографический список

1. Каз М. Мотивация труда: трансформация структуры теоретико-методологического знания и когнитивно-ценностный подход / М. Каз. — Текст: непосредственный // Вопросы экономики. — 2005. — № 5. — С. 82–95.
2. Каз М.С. Динамика экономического знания и мотивация труда: когнитивно-ценностный подход / М. Каз. — Томск, 2003. — 351 с. — Текст: непосредственный.
3. Кастельс М. Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика / М. Кастельс, В. Портер, М. Купер, М. Паркс, Р. Суро, С. Балмаева и др. // Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2010. — 148 с. — Текст: непосредственный.
4. Эко У. Открытое производство / У. Эко. — Москва: АСТ, 2018. — 518 с. — Текст: непосредственный.
5. Вирилио П. Информационная бомба: Стратегия обмана; пер. с фр. / П. Верилио. — Москва: ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002. — С. 86–87. — Текст: непосредственный.
6. Губарь О.В. Симулятивная экономика как новый объект экономических исследований / О.В. Губарь. — Текст: непосредственный // Экономическая наука современной России. 2013. № 2(61), С. 29–42.
7. Юнг К. Человек и его символы / К. Юнг. — Санкт-Петербург: Б.С.К., 1996. — 454 с. — Текст: непосредственный.
8. Эриксон Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп.; пер. с англ. / Э. Эриксон. — Санкт-Петербург: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. — 592 с. — Текст: непосредственный.
9. Заяц Д. «Indie-rock социология» Мишеля Маффесоли / Д. Заяц. — Текст: непосредственный. // Социология: теория, методы, маркетинг. 2011. № 3. — С. 74–83.
10. Сбитнев С. Маффесоли о неутрайбализме / С. Сбитнев. — Текст: электронный. — URL: <https://sbitnevsv.livejournal.com/1394613.html> (дата обращения: 01.06.2023).
11. Степанова Г.Н. Проблемы формирования информационно-коммуникационного пространства медиабизнеса в XXI веке / Г.Н. Степанова, Н.В. Губанова, Е.А. Бабич, И.И. Довнарлович. — Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2022. — № 3–4. — С. 62–67.
12. Лебон Г. Психология масс / Г. Лебон. — Минск: Харвест, Москва: АСТ, 2000. — 320 с. — Текст: непосредственный.
13. Батчиков С.А. Социокультурные основания кризиса, его возможности и угрозы / С.А. Батчиков. — Текст: непосредственный // Экономические стратегии, 2010. № 12(86). — С. 30–35. — Текст: непосредственный.
14. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / П. Сорокин. — Москва: Политиздат, 1992. — 543 с. — Текст: непосредственный.
15. Степанова Г.Н. Кросс-медийная конвергентная стратегия развития медиаиндустрии в условиях информационно-сетевой экономики XXI век / Г.Н. Степанова, Г.М. Авраменко, В.А. Бирюков, Н.А. Григорян, А.А. Плигузов; под ред. д.э.н., проф. Г.Н. Степанова. — Москва: МГУП имени Ивана Федорова, 2012. — 215 с. — Текст: непосредственный.
16. Степанова Г.Н. Проблемы формирования информационно-коммуникационного пространства медиабизнеса в XXI веке / Г.Н. Степанова, Н.В. Губанова, Е.А. Устинова, Н.Н. Фартукова. — Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2022. — № 1–2. — С. 52–59.

17. Мережковский Д.С. Невоенный дневник. 1914–1916 (1917) / Д.С. Мережковский. – Петроград: И-во Огни, 1917. – 228 с. – Текст: непосредственный.
18. Косьмин А.Д. О когнитивно-ценностном подходе к процессу трудовой деятельности / А.Д. Косьмин, Е.А. Косьмина. – Текст: непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2006. – № 4. – С. 75–80.
19. Нравственность для XXI века: сб. статей; под ред. Ю.М. Антоняна. – Москва: Аспект Пресс, 2008. – 288 с. – Текст: непосредственный.
20. Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч.: В 9 т. Т. 1. Ч. 1. / В.О. Ключевский; под ред. В.Л. Янина. – Москва: Мысль, 1987. – 430 с. – Текст: непосредственный.
21. Лосский Н.О. Характер русского народа В 2-х кн. Книга 1 / Н. О. Лосский. – Москва: Посев, 1957. – 64 с. – Текст: непосредственный.
22. Василенко И.А. Политическая глобалистика / И.А. Василенко. – Москва: Логос, 2000. – 360 с. – Текст: непосредственный.
23. Лесков Н. Очарованный странник / Н. Лесков. – Москва: Азбука, 2019. – 352 с. – Текст: непосредственный.
24. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии / С.С. Хоружий. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1994. – 286 с. – Текст: непосредственный.
25. Джонсон У. Скачок через обучение: как развить лучшие качества сотрудников / У. Джонсон. – Текст: непосредственный // Harvard Business Review Россия. – 2022. – Март. – С. 69–76.
26. Коммуникации в условиях цифровой трансформации современного Российского общества. Вып. 2: монография / кол. авторов; под ред. В.В. Кафтана. – Москва: РУСАЙНС, 2022. – 400 с. – Текст: непосредственный.
27. Коммуникации в условиях цифровой трансформации современного Российского общества. Вып. 3: монография / кол. авторов; под ред. В.В. Кафтана. – Москва: РУСАЙНС, 2023. – 430 с. – Текст: непосредственный.

References

1. Kaz M. Motivaciya truda: transformaciya struktury teoretiko-metodologicheskogo znaniya i kognitivno-cennostnyj podhod / M. Kaz. – Tekst: neposredstvennyj // Voprosy ekonomiki. – 2005. – № 5. – S. 82–95.
2. Kaz M.S. Dinamika ekonomicheskogo znaniya i motivaciya truda: kognitivno-cennostnyj podhod / M. Kaz. – Tomsk, 2003. – 351 s. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Kastel's M. Mediakonvergenciya i mul'timedijnaya zhurnalistika / M. Kastel's, V. Porter, M. Kuper, M. Parks, R. Suro, S. Balmaeva i dr. // Ekaterinburg : Gumanitarnyj un-t, 2010. – 148 s. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Eko U. Otkrytoe proizvedenie / U. Eko. – Moskva: AST, 2018. – 518 s. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Virilio P. Informacionnaya bomba: Strategiya obmana; per. s fr. / P. Verilio. – Moskva: ITDGG «Gnozis», Fond «Pragmatika kul'tury», 2002. – S. 86–87. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Gubar' O.V. Simulyativnaya ekonomika kak novyj ob'ekt ekonomicheskikh issledovanij / O.V. Gubar'. – Tekst: neposredstvennyj // Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2013. № 2(61), S. 29–42.
7. Ung K. Chelovek i ego simvolj / K. Yung. – Sankt-Peterburg: B.S.K., 1996. – 454 s. – Tekst: neposredstvennyj.
8. Erikson E. Detstvo i obshchestvo. Izd. 2-e, pererab. i dop.; per. s angl. / E. Erikson. – Sankt-Peterburg: Lenato, ACT, Fond «Universitetskaya kniga», 1996. – 592 s. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Zayac D. «Indie-rock sociologiya» Mishelya Maffesoli / D. Zayac. – Tekst: neposredstvennyj. // Sociologiya: teoriya, metody, marketing. 2011. №. 3. – S. 74–83.
10. Sbitnev S. Maffesoli o neotrajbalizme / S. Sbitnev. – Tekst: elektronnyj. – URL: <https://sbitnevsv.livejournal.com/1394613.html> (data obrashcheniya: 01.06.2023).

11. Stepanova G.N. *Problemy formirovaniya informacionno-kommunikacionnogo prostranstva mediabiznesa v HHI veke* / G.N. Stepanova, N.V. Gubanova, E.A. Babich, I.I. Dovnarovich. – *Tekst: neposredstvennyj // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela.* – 2022. – № 3–4. – S. 62–67.
12. Lebon G. *Psihologiya mass* / G. Lebon. – Minsk: Harvest, Moskva: AST, 2000. – 320 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
13. Batchikov S.A. *Sociokul'turnye osnovaniya krizisa, ego vozmozhnosti i ugrozy* / S.A. Batchikov. – *Tekst: neposredstvennyj // Ekonomicheskie strategii, 2010. № 12(86).* – S. 30–35. – *Tekst: neposredstvennyj.*
14. Sorokin P. *Chelovek, civilizaciya, obshchestvo* / P. Sorokin. – Moskva: Politizdat, 1992. – 543 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
15. Stepanova G.N. *Kross-medijnaya konvergentnaya strategiya razvitiya mediaindustrii v usloviyah informacionno-setevoj ekonomiki XXI vek* / G.N. Stepanova, G.M. Avramenko, V.A. Biryukov, N.A. Grigoryan, A.A. Pliguzov; pod red. d.e.n., prof. G.N. Stepanova. – Moskva: MGUP imeni Ivana Fedorova, 2012. – 215 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
16. Stepanova G.N. *Problemy formirovaniya informacionno-kommunikacionnogo prostranstva mediabiznesa v HHI veke* / G.N. Stepanova, N.V. Gubanova, E.A. Ustinova, N.N. Fartukova. – *Tekst: neposredstvennyj // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela.* – 2022. – № 1–2. – S. 52–59.
17. Merezhkovskij D.S. *Nevoennyj dnevnik. 1914–1916 (1917)* / D.S. Merezhkovskij. – Petrograd": I-vo Ogni, 1917. – 228 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
18. Kos'min A.D. *O kognitivno-cennostnom podhode k processu trudovoj deyatel'nosti* / A.D. Kos'min, E.A. Kos'mina. – *Tekst: neposredstvennyj // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika».* – 2006. – № 4. – S. 75–80.
19. *Nravstvennost' dlya HHI veka: sb.statej; pod red. Yu.M. Antonyana.* – Moskva: Aspekt Press, 2008. – 288 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
20. Klyuchevskij V.O. *Kurs russoj istorii. Soch.: V 9 t. T. 1. Ch. 1.* / V.O. Klyuchevskij; pod red. V.L. Yanina. – Moskva: Mysl', 1987. – 430 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
21. Losskij N.O. *Harakter russkogo naroda V 2-h kn. Kniga 1* / N.O. Losskij. – Moskva: Posev, 1957. – 64 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
22. Vasilenko I.A. *Politicheskaya globalistika* / I.A. Vasilenko. – Moskva: Logos, 2000. – 360 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
23. Leskov N. *Ocharovannyj strannik* / N. Leskov. – Moskva: Azbuka, 2019. – 352 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
24. Horuzhij S.S. *Posle pereryva. Puti russoj filozofii* / S.S. Horuzhij. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 1994. – 286 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
25. Dzhonson U. *Skachok cherez obuchenie: kak razvit' luchshie kachestva sotrudnikov* / U. Dzhonson. – *Tekst: neposredstvennyj // Harvard Business Review Rossiya.* – 2022. – Mart. – S. 69–76.
26. *Kommunikacii v usloviyah cifrovoj transformacii sovremennogo Rossijskogo obshchestva. Vyp.2: monografiya / kol. avtorov; pod red. V.V. Kaftana.* – Moskva: RUSAJNS, 2022. – 400 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*
27. *Kommunikacii v usloviyah cifrovoj transformacii sovremennogo Rossijskogo obshchestva. Vyp.3: monografiya / kol. avtorov; pod red. V.V. Kaftana.* – Moskva: RUSAJNS, 2023. – 430 s. – *Tekst: neposredstvennyj.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
125167, г. Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2
Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia.
Степанова Галина Николаевна / Galina N. Stepanova
stepanovagn@mail.ru

ПОДГОТОВКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

TRAINING OF MANAGERIAL PERSONNEL TO ENSURE THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-324-331

СОРОКИНА Галина Петровна

Профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений, директор Института экономики и финансов Государственного университета управления, д.э.н. доцент

Galina P. SOROKINA

Professor of the Department of World Economy and International Economic Relations, Director of the Institute of Economics and Finance of the State University of Management, Doctor of Economics, Associate Professor

Аннотация

Формирование технологического суверенитета России невозможно без кадрового обеспечения. В современных условиях проводится работа по развитию инженерного образования, однако основная проблема современной экономики лежит не только в нехватке инженерных кадров, но и в необходимости изменения системы подготовки управленческих кадров. В статье рассматривается необходимость парадигмального сдвига в подготовке управленческих кадров с точечного целеполагания в сторону государственной эффективности, а также приводится аргументация по необходимости возвращения инженерно-экономического образования.

Abstract

The formation of Russia's technological sovereignty is impossible without staffing. In modern conditions, work is being carried out to develop engineering education, but the main problem of the modern economy lies not only in the lack of engineering personnel, but also in the need to change the system of training managerial personnel. The article discusses the need for a paradigm shift in the training of managerial personnel from point-setting goals towards state efficiency, and also provides an argument for the need to return engineering and economic education.

Ключевые слова Образование, Целеполагание, Управленческие компетенции, Технологический суверенитет, Управленческие кадры, Национальная безопасность.

Keywords Education, Goal setting, Management competencies, Technological sovereignty, Management personnel, National security.

Введение

Проблеме подготовки инженерных кадров в современной литературе и образовательной политике уделяется большое значение, и дело тут не только в том, что престиж инженерного образования в конце XX и начале XXI века падал, но и в том, что система подготовки инженеров в вузах, как и естественно-научного образования в школах была разрушена. На фоне проблем с инженерными кадрами упускается из виду основная проблема, в результате которой и возникли проблемы с развитием национальной промышленности, и в итоге, с падением престижности профессии инженера – подготовка управленческих кадров с системным государственным мышлением. К сожалению, в конце прошлого века произошел кардинальный слом всей национальной системы науки и образования, и это касается не только и не столько инженерных кадров, но в первую очередь системы подготовки управленцев. Полное отторжение наработок советской системы подготовки управленческих кадров и переориентация на подготовку руководителей с узкокапиталистическим подходом локального эффективного менеджмента привело к тому, что каждое предприятие и даже структурное подразделение формировали свою экономическую политику только с точки зрения получения прибыли, а с учетом нестабильности переходной экономики основной акцент делался на быстром получении прибыли в краткосрочном периоде. Эффективные менеджеры способные получить результат любой ценой, а также экономисты и финансисты, умеющие управлять денежными потоками с целью минимизации расходов и максимизации быстрой отдачи, стали востребованы переходной экономикой, на что оперативно отозвалась система высшего образования, тем более, недостатка учебников западных подходов к управлению не наблюдалось. Однако стоит отметить, что главной проблемой западных учебников являлось то, что, во-первых, в них описывался только успешный опыт отдельных корпораций, и тут изначально включилось когнитивное искажение именуемое «ошибкой выжившего» [1], во-вторых, полностью игнорировалось государственное регулирование, в-третьих, рассматривалось управление в коротком периоде, в-четвертых, не учитывались вопросы обеспечения национальной безопасности, в том числе обеспечение национального суверенитета, опираясь на систему глобализации и национальной специализации. В результате такой политики и были разрушены национальные производственные системы и комплексы, что уже, как результат, повлекло снижение потребности в инженерных кадрах и, как результат, обесценивание профессии инженера. То есть в качестве исходной точки и основного рычага перехода экономики России на формирование национального технологического суверенитета необходимо рассматривать систему подготовки национальных управленческих кадров новой формации.

Цель

Целью исследования является определение основных приоритетов и направлений подготовки управленческих кадров для обеспечения технологического суверенитета России.

Материалы и методы

В качестве базы исследования была взята линейка образовательных стандартов подготовки специалистов, бакалавров и магистров по специальностям и направлениям укрупненной группы специальностей и направлений Экономика и управление, применяемые в России начиная с 1996 г. Исследованы образовательные программы ведущих управленческих и отраслевых вузов, в том числе в процессе аккредитационных экспертиз. Проведены опросы руководителей предприятий и их структурных подразделений по требованиям, предъявляемым к управленческим кадрам. Организованы серии дискуссий по качеству управленческих кадров, в том числе в рамках круглых столов и конференций Международных форумов «Всемирный день качества в России» в 2021 и 2022 гг., Конгресса Диверсификация ОПК в рамках Форума Армия в 2021 и 2022 гг., Проектно-программного офиса «Диверсификация» Государственного университета управления, Львовских чтений и других мероприятий. Изучены отраслевые профессиональные стандарты и требования, предъявляемые ими к уровню подготовки и квалификационным характеристикам управленческих кадров.

Результаты

Анализ образовательных стандартов показал тенденцию к снижению унификации подготовки кадров и повышению автономности образовательных учреждений в формировании не только пула дисциплин учебного плана, но и компетентностной карты. Если Государственные образовательные стандарты (до 2013 г.) и федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования содержали примерный перечень дисциплин, причем с эволюцией стандартов их набор сокращался, то федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования уже ограничиваются перечнем из базовых общих дисциплин, таких как иностранный язык, история и философия. Тенденции последнего года показали расширение блока «история» в сторону отечественной истории, однако так и не включают обязательное изучение вопросов национальной безопасности в рамках предметной области, например государственного регулирования, промышленной политики и т.д. Универсальные и общепрофессиональные компетенции ориентированы в основном на уровень межличностного и внутриорганизационного управления, учтены тенденции цифровизации, но полностью отсутствуют компетенции, связанные с навыками сопряжения целей высшего порядка с целями более низких уровней. Зачастую это объясняется тем, что подготовка бакалавров в области управления ориентирована на уровень управления малым и средним коллективом и решением только тактических задач, однако при решении даже тактических задач сопряжение целей всех уровней является необходимым условием, причем регламентированным даже в концепции всеобщего управления качеством (TQM). Справедливости ради стоит заметить, что большинство изученных образовательных программ в области экономики и управления пытаются развить у обучающихся системное мыш-

ление на уровне организации, но очень мало выводят эти подходы на уровень государственной политики. Однако с учетом того, что базовое целеполагание относится к выполнению частных КРП и практически все мотивационные инструменты зациклены на выполнении этих показателей [2]. Второй тенденцией трансформации подготовки управленческих кадров стала унификация подготовки управленческих кадров, и это в основном связано с сокращением государственного заказа на подготовку кадров по УГСН Экономика и управление и повышения доли коммерческого набора в вузах на данные направления. Сегодня доля государственного заказа по УГСН Экономика и управление в общем объеме набора составляет около 25%. Однако спрос на экономистов и управленцев до сих пор является стабильно высоким, уровень дохода выпускников в области экономики и управления зачастую превышает средний региональный уровень, а с учетом того, что практически каждое образовательное учреждение высшего образования имеет в линейке своих образовательных программ программы по подготовке экономистов или менеджеров, то промышленные предприятия в условиях широкого выбора кадров на рынке не заинтересованы в поддержании кооперационных связей с вузами по подготовке управленцев. В этой связи складывается парадоксальная ситуация, когда основным заказчиком образовательных услуг в области подготовки управленческих кадров являются сами обучающиеся или их родители. Классический закон требует ориентации на основного заказчика, который как раз не заинтересован в узкоспециализированных программах подготовки, поэтому вузы в основном формировали образовательные программы без жесткой отраслевой привязки. Сложившаяся ситуация породила проблему потери школы отраслевого управления с подготовкой высококвалифицированных инженеров-экономистов, а низкая централизованная регламентация уровня знаний и умений в области точных наук и следование за тенденциями снижения уровня математического образования в школах снизило во многих вузах объем естественно-научной составляющей образовательных программ в области управления.

Анализ профессиональных стандартов показал обратную тенденцию. В связи с тем, что профессиональные стандарты разрабатывают профессиональные сообщества, то практически все стандарты имеют привязку к определенной отрасли, однако наблюдаются сильные разночтения в понимании функционала управленческих кадров в зависимости от разработчиков стандарта, да и язык формулирования квалификационных требований требует определенной унификации. Причем зачастую руководители отраслевых предприятий формулируют требования к квалификации управленцев, отличающиеся от требований отраслевых стандартов.

Обсуждение

Перелом в парадигме управленческого образования произошел в годы перестройки. Резкий отказ от достижений управленческой и экономической науки советского периода, в том числе вопросов государственного планирования, воспитания и формирования государственной идеологии, максимально исключались из образовательных программ высшего образования. Даже принятый в 2013 г. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в первоначальной версии не включал воспитание в функции образовательного учреждения и образовательных программ. Функция воспитания вернулась в образовательные программы и Федеральный закон в 2020 г. Произшедшие

изменения в системе подготовки управленческих кадров в период перестройки отражены на рисунке 1. Практически все образовательные программы подготовки управленческих кадров были основаны на достижениях западной науки управления, восточные технологии внедрялись фрагментарно, в основном локальными инструментами, без внедрения философии восточного бизнеса. Главным мериллом успеха менеджера стал его личный финансовый и карьерный успех и атрибуты богатой жизни, важным стало достижение поставленных владельцами бизнеса показателей, в основном финансовых, причем в короткие сроки. Отношение к персоналу предприятия, применяемым технологиям и бизнес-процессам стало носить чисто ресурсный характер, и решения по использованию применялись исключительно по возможности получения быстрой отдачи от использования конкретного ресурса или технологии.

Рис. 1. Негативные изменения в подготовке управленческих кадров, произошедшие в период перестройки

Любое производство оценивалось как финансовый поток, поэтому не было смысла изучать отраслевые особенности и все производственные операции. В результате при принятии решений по используемым и развиваемым ресурсам и технологиям отдавался приоритет более дешевым и эффективным зарубежным моделям и поставщикам, что оказало негативное влияние на и так переживающие кризис национальные промышленные предприятия. Многие проекты, в том числе в области информационных технологий, коммуникационных процессов и точной электроники, были закрыты и приостановлены в связи с появлением более дешевых и эффективных зарубежных аналогов. Все это стало результатом подготовки управленческих кадров по западным учебникам и отказ от формирования государственной идеологии, в том числе в воспитании молодого поколения руководителей.

Личностное целеполагание в современной парадигме подготовки управленческих кадров находится на первом месте, то есть при установке любых критериев эффективности человек логично всегда выбирает те, которые приносят ему наибольший личностный эффект, изменить эту систему без трансформации общей

системы постановки целей невозможно. Кстати, если посмотреть классические подходы TQM и SPSS, то они построены на достижении общих целей и назначении личных поощрений только при условии выполнения индикаторов и показателей высшего уровня, однако исследования показывают, что зачастую количественные показатели эффективности завязаны исключительно на оцениваемом уровне. Соответственно, решения по обеспечению национальной безопасности в области развития и поддержания критических технологий принимаются уже не в логической последовательности и упреждающем формате, а на уровне «ручного управления» экономикой страны. Важно построить уровень целеполагания в области принятия управленческих решений в системе от потребностей высшего уровня. Традиционный подход к принятию решений и подход, ориентированный на государственную целесообразность, представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Парадигмальный сдвиг процесса принятия решения от сугубо личных интересов к государственной эффективности

Также для понимания государственной целесообразности и определения критических технологий руководитель должен понимать основные технологические процессы, конструктивные особенности отраслевой продукции. Необходимо отметить, что требования к умению анализировать производственные процессы заложено в профессиональных стандартах, причем стоит заметить, что отраслевые стандарты на должности линейных руководителей в качестве требований к базовому образованию указывают профильное техническое или технологическое образование, что в конечном счете приводит к системной ошибке стратегического видения и стратегического целеполагания, указанного в первой части статьи. [3] С другой стороны, невозможно не учесть тот факт, что в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по техническим и технологическим направлениям и специальностям отсутствует требование к управленческим компетенциям, а анализ образовательных программ вузов по соответствующим направлениям показывает, что в инженерные образовательные программы практически не закладываются экономические, управленческие и маркетинговые компетенции. То есть мы попадаем в нормативный

и мотивационный тупик, в котором руководители инженерных образовательных программ не желают выделять достаточное количество зачетных единиц для реализации образовательных модулей по экономике, управлению, маркетингу для подготовки отраслевых руководителей, а выпускники УГСН Экономика и управление по требованиям профессиональных стандартов не могут занимать соответствующие должности. Имеется несколько путей выхода из этого тупика. Первый вариант – это классическое изменение образовательного вектора, то есть получение магистерского образования в области экономики и управления после получения базового инженерного образования, но в этом пути есть «подводные камни», связанные с требованием сдачи вступительного экзамена в магистратуру, основанного на требованиях, предъявляемых к подготовке бакалавра по соответствующему направлению. [4] Это означает, что программа магистратуры изначально рассчитана на повышенный уровень знаний в области экономики и управления, а, соответственно, абитуриент магистерской программы либо должен уделить значительное время на свою базовую подготовку, либо будет не успевать в освоении программы магистратуры, особенно это касается смешанных групп, в которых обучаются как выпускники базовых экономических программ, так и выпускники инженерных программ. Если речь идет о выпускниках образовательных программ специалитета, то тут возникает вопрос о получении магистерской подготовки исключительно на коммерческой основе. Второй вариант основан на программах двойных дипломов, в ходе которых два профильных вуза – управленческий и инженерный создают сопряженные программы, в рамках которых каждый вуз реализует свою составляющую компетентностной карты отраслевого управленца. Сложность реализации этого пути состоит в нескольких аспектах: во-первых, не только необходимость согласования структуры, объема и содержания образовательных программ, но и состыковка их с достаточно широким пулом существующих базовых программ вузов, во-вторых, разделение денежных потоков при реализации программ, в-третьих, проблема перегрузки обучающихся по двум программам. Третий вариант – это формирование пула примерных образовательных программ высшего образования в области подготовки инженерных кадров, в которых будут учтены необходимые управленческие компетенции, однако данный путь требует резкого сокращения профильных технических дисциплин и является неоптимальным. Четвертый вариант – вернуть положительный советский опыт подготовки инженеров-экономистов, в том числе в виде разработки соответствующего образовательного стандарта, с учетом требований к современному отраслевому менеджеру.

Выводы

Вопросы достижения технологического суверенитета России в первую очередь связаны с формированием кадрового резерва, в том числе подготовки современных инженерных кадров, специалистов в области информационных технологий, а также специалистов в области управления нового формата. Причем при подготовке управленцев, способных возглавить процесс технологического обновления России, необходимо учесть несколько особенностей подготовки управленческих кадров будущего: во-первых, это развитие навыков системного государственного мышления, в рамках которого любые управленческие решения принимаются исходя не из сиюминутной экономической выгоды, а из соображений формирования ком-

плексной безопасности государства. Под комплексной безопасностью государства понимается финансовая, информационная, продовольственная, технологическая и другие виды безопасности, в том числе технический и технологический суверенитет; во-вторых, формирование у отраслевых управленческих кадров инженерных компетенций, например посредством возврата к инженерно-экономическому образованию.

Библиографический список

1. Канеман Д. [перевод с английского А. Андреева и др.]. – Москва: АСТ, печ. 2018. – 653 с.: ил.; 22 см.; ISBN 978-5-17-080053-7.
2. Крекова М.М. Моделирование программного развития профессионализма персонала в условиях цифровой экономики / М.М. Крекова, Е.М. Киселева, Ю.Б. Миндлин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2018. – № 12. – С. 47–49.
3. Кротенко Т.Ю. Инженерная экономика и стратегия инженерно-экономического образования // Вестник ГУУ. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inzhenernaya-ekonomika-i-strategiya-inzhenerno-ekonomicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 09.07.2023).
4. Гительман Л.Д., Исаев А.П., Кожевников М.В., Гаврилова Т.Б. Фундаментальные знания и гибкость мышления – приоритеты управленческого образования для технологического прорыва // CPPM. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-znaniya-i-gibkost-myshleniya-prioritety-upravlencheskogo-obrazovaniya-dlya-tehnologicheskogo-proryva> (дата обращения: 08.07.2023).

References

1. Kaneman D. [perevod s anglijskogo A. Andreeva i dr.]. – Moskva: AST, pech. 2018. – 653 s.: il.; 22 sm.; ISBN 978-5-17-080053-7.
2. Krekova M.M. Modelirovanie programmnogo razvitija professionalizma personala v uslovijah cifrovoj jekonomiki / M.M. Krekova, E.M. Kiseleva, Ju.B. Mindlin // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Jekonomika i pravo. – 2018. – № 12. – S. 47–49.
3. Krotenko T.Ju. Inzhenernaja jekonomika i strategija inzhenerno-jekonomicheskogo obrazovaniya // Vestnik GUU. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inzhenernaya-ekonomika-i-strategiya-inzhenerno-ekonomicheskogo-obrazovaniya> (data obrashhenija: 09.07.2023).
4. Gitel'man L.D., Isaev A.P., Kozhevnikov M.V., Gavrilova T.B. Fundamental'nye znaniya i gibkost' myshlenija -prioritety upravlencheskogo obrazovaniya dlja tehnologicheskogo proryva // SRRM. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-znaniya-i-gibkost-myshleniya-prioritety-upravlencheskogo-obrazovaniya-dlya-tehnologicheskogo-proryva> (data obrashhenija: 08.07.2023).

Контактная информация / Contact information

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления»
109542, Москва, Рязанский пр-т, д. 99
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «State University of Management», 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542; Russia.
Сорокина Галина Петровна / Galina P. Sorokina
gp_sorokina@guu.ru

ФОРМЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

CROSS-BORDER COOPERATION FORMS IN TERMS OF EURASIAN ECONOMIC UNION INTEGRATION PROCESSES

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-332-341

ГУСАКОВ Николай Павлович

Профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы, д. э. н., профессор

Nikolay P. GUSAKOV

Professor at International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Doctor of Economics, Professor

ТИНЬКОВА Арина Александровна

Ассистент, аспирант кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы

Arina A. TINKOVA

Lecturer assistant, Postgraduate Student, International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Аннотация

Раскрыт механизм влияния приграничного сотрудничества (ПС) на развитие интеграционных процессов. Выявлены возможности применения инструмента ПС на внешних границах ЕАЭС на основе анализа европейской и китайской моделей приграничного сотрудничества. ПС способствует расширению интеграционных процессов, повышает эффективность использования трансграничных ресурсов, соз-

дает предпосылки к нейтрализации приграничных конфликтов, повышает экономическую безопасность интеграционного объединения. Выявлены перспективные аспекты совершенствования механизма ПС на внешних границах ЕАЭС, среди которых согласование единства позиций стран – участниц ЕАЭС по отношению к данному механизму и создание единой платформы для консолидации правовой и аналитической информации, а также обмена опытом реализации программ ПС. Выявлены перспективные направления развития форм ПС на внешних границах ЕАЭС.

Abstract

The mechanism of cross-border cooperation (CBC) impact on the development of integration processes is revealed. The possibilities of using the CBC forms on the external borders of the Eurasian Economic Union (EAEU) are analyzed via the experience of European and Chinese CBC models. It has been proven that effective CBC contributes to the expansion of integration processes, increases the efficiency of cross-border resources use, creates prerequisites for the neutralization of border conflicts, and increases the economic security of the regional economic integration. Promising aspects of the CBC mechanism's improvement on the EAEU external borders are identified, which are: harmonization of the EAEU member countries' views relating to this mechanism; the creation of a single platform for consolidating legal and analytical information; exchanging experience in implementing CBC programs. Promising directions for the CBC forms' development at the EAEU external borders are identified.

Ключевые слова

Приграничное сотрудничество, международная экономическая интеграция, ЕАЭС, ЕС, Китай, приграничная миграция.

Keywords

Cross-border cooperation, international economic integration, EAEU, EU, China, cross-border migration.

Благодарность

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Acknowledgements

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Введение: трансграничные угрозы и выгоды сотрудничества

Современная экономическая теория и практика международных экономических отношений показывают, что зачастую чрезмерное ограничение трансграничного движения факторов производства, товаров и услуг приводит к образованию теневого сектора экономики. Наиболее подверженными такой угрозе становятся приграничные территории в силу территориальной близости государств и возможности пересечения границы с меньшими издержками. Современные попытки строительства стен на государственных границах и милитаризации приграничных территорий не выявили экономических выгод или какой-либо явной эффективности в нейтрализации этой угрозы. Уже во второй половине XX в. международное сообщество пришло к выводу, что, содействуя приграничному сотрудничеству на межгосударственном уровне, можно не только нейтрализовать угрозы нелегальных трансграничных

потоков мигрантов, товаров, капитала, но и извлечь значительные экономические выгоды [1]. Такое сотрудничество, при условии его эффективного осуществления, содействует повышению благосостояния приграничных регионов соседствующих стран, что существенно повышает их экономическую безопасность и зарождает предпосылки к международной экономической интеграции. Важно отметить, что даже в условиях санкционного давления реализация программ приграничного сотрудничества, зачастую, не прекращаются [2].

Приграничное сотрудничество играет важную роль в процессе становления и расширения международной экономической интеграции. Оно может реализовываться как на внутренних границах интеграционного объединения, так и на внешних. Эффективность приграничного сотрудничества, в свою очередь, зависит от применяемой модели и инструментов миграционной и внешнеторговой политики. Первая и важнейшая форма приграничного взаимодействия – это миграция, ведь без физического перемещения людей сложно способствовать реализации иных форм взаимодействия, как торговля и инвестиции. Действительно, свободное перемещение людей на внутренних границах интеграционных объединений способствует повышению объемов торговли между приграничными регионами. Так, в рамках ЕАЭС, по оценкам экспертов, 70% товарооборота между РФ и Казахстаном, 50% товарооборота между Казахстаном и Кыргызстаном¹ приходится на приграничную торговлю.

Однако приграничное сотрудничество на внешних границах интеграционных объединений – более сложное явление, требующее всестороннего анализа применения форм и механизмов взаимодействия, которые бы соответствовали целям и интересам интеграционного объединения и способствовали повышению его экономической безопасности. В связи с этим представляет теоретический и практический интерес изучение мирового опыта реализации приграничного сотрудничества и возможностей его применения к Евразийскому экономическому союзу. Проблематика приграничного сотрудничества отражается в стратегиях и концепциях регионального развития приграничных территорий², приоритетах торговой политики стран, в международных и межрегиональных договорах о приграничном сотрудничестве³.

Формы приграничного сотрудничества на внутренних и внешних границах интеграционных объединений

Приграничное сотрудничество – инструмент внешнеторговой политики как стран, так и интеграционных объединений, который возникает изначально на уровне народной дипломатии приграничных регионов, а затем трансформируется до международного уровня и приобретает институциональное оформление, содействуя сближению национальных экономик и установлению доверительных отношений, углублению и расширению международной региональной экономической интеграции. Несмотря на то что приграничное сотрудничество является элементом политики приграничных регионов, его основы и факторы внешней

1 Мосты приграничного сотрудничества. Информационный портал Матрица Казахстан, 02.12.2019. [Электронный ресурс] URL: <http://www.matritca.kz/news/67762-mosty-prigranichnogo-sotrudnichestva.html>.

2 Распоряжение Правительства РФ от 7 октября 2020 г. № 2577-р О Концепции приграничного сотрудничества в РФ.

3 European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities, 21 May 1980.

среды закладываются на межгосударственном уровне. Приграничное сотрудничество – это точка соприкосновения интересов населения приграничных территорий, национальных интересов граничащих друг с другом стран и интересов интеграционного объединения.

Приграничное сотрудничество может включать в себя различные формы международных отношений: приграничная торговля, инвестиционное сотрудничество, организация международного транспортного сообщения, сотрудничество в сфере экологии и природопользования приграничных территорий, эксплуатации трансграничной инфраструктуры, научно-техническое сотрудничество и т.д. Однако важнейшей формой, способствующей развитию всех этих форм приграничного сотрудничества, является сотрудничество в сфере миграции [3], которое предусматривает облегчение международных поездок, пересечения границ жителями приграничных территорий.

Говоря о региональной экономической интеграции, механизм приграничного сотрудничества можно разделить на тот, что реализуется между территориями стран – участниц объединения, и приграничное сотрудничество с третьими странами. В зависимости от уровня экономической интеграции может быть создан общий рынок труда, как в Европейском союзе или Евразийском экономическом союзе. Однако между странами, не имеющими безвизового режима, в большинстве случаев ключевым фактором развития приграничного сотрудничества становится особый миграционный режим – режим местного приграничного передвижения, который является более льготным (упрощенным) в части требований к предъявляемым документам и платежам по их получению. Перемещение через границу жителей приграничных регионов может осуществляться с туристическими, образовательными, трудовыми, родственными, коммерческими и торговыми целями [4].

Мировой опыт реализации приграничного сотрудничества: европейская и китайская модели

Впервые элементы приграничного сотрудничества появились в Европе на этапе зарождения интеграционных процессов в рамках Римского договора (1957). Приграничному сотрудничеству отводится важная роль в становлении Европейской интеграции, во многом благодаря созданию еврорегионов [5] – приграничных сообществ международного трансграничного сотрудничества европейских стран в области экономики, культуры, образования, транспорта, экологии и др. В настоящее время ЕС насчитывает более 150 еврорегионов, которые реализуют различные формы приграничного сотрудничества как на внутренних, так и на внешних сухопутных и водных границах ЕС. В 1989 г. в целях развития и стимулирования сотрудничества стратегически важных регионов Европейским фондом регионального развития была запущена программа финансирования проектов Интеррег⁴. Многие процессы расширения Европейского союза сопровождаются созданием программ приграничного сотрудничества между странами ЕС и страной – кандидатом на вхождение (например, Италия – Хорватия 2007–2013 гг., Болгария – Северная Македония 2014–2020 гг., Болгария – Турция 2014–2023 гг. и другие, финансируемые в том числе Европейским инструментом подготовки к вступлению⁵). В настоящее

⁴ About Interreg. Официальный сайт EU Interreg [Электронный ресурс] URL: <https://interreg.eu/#>.

⁵ Instrument for Pre-accession Assistance. Европейская комиссия. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/enlargement-policy/overview-instrument-pre-accession-assistance_en.

время европейский институт приграничного сотрудничества можно назвать одним из наиболее развитых в мире.

Программы приграничного сотрудничества Европейского союза на внешних границах реализуются специализированным органом Европейской комиссии – Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП). С 2014 г. при поддержке данного органа было реализовано несколько программ ПС между ЕС, Россией и Белоруссией, среди которых:

■ Программа ПС «Юго-Восточная Финляндия – Россия» между ЕС (Финляндия) и РФ, реализуемая в период 2014–2020 гг. с бюджетом в 77 млн евро, поддержавшая 71 проект; продление программы на период 2020–2027 гг. приостановлено в связи со специальной военной операцией⁶.

■ Программа ПС «Коларктик» между ЕС (Финляндия, Швеция), Норвегией и РФ, реализуемая в период 2014–2020 гг. с бюджетом в 63 млн евро, поддержавшая 46 проектов; продление программы на период 2020–2027 гг. приостановлено в связи со специальной военной операцией⁷.

■ Программа ПС «Карелия» между ЕС (Финляндия) и РФ, реализуемая в период 2014–2020 гг. с бюджетом в 43 млн евро; нет сообщений о приостановке разработки программы продления на 2020–2027 гг., однако текущие проекты, финансируемые программой на территории РФ и Белоруссии, приостановлены⁸.

А также еще несколько проектов с участием стран Восточной Европы, Беларуси и России, которые были прекращены в связи со специальной военной операцией.

Важно отметить, что во многих вышеуказанных программах ключевым донором софинансирования являются европейские фонды, их вклад превышает государственное финансирование стран – участниц ПС.

Для граждан приграничных территорий, участвующих в вышеуказанных программах, отсутствовал особый миграционный режим. Упрощение миграционного режима в рамках зон приграничного сотрудничества являлось важнейшей повесткой всех программных документов развития⁹. Несмотря на это, в программах между РФ и ЕС не было достигнуто результатов. По оценкам экспертов визовый режим является серьезным препятствием для осуществления проектов приграничного сотрудничества [6]. Однако существует ряд международных соглашений между РФ и Королевством Норвегия¹⁰, Латвийской Республи-

6 Подготовка программы сотрудничества «Россия – юго-восточная Финляндия 2021–2027» прекращена.

Официальный сайт проекта Россия – Юго-восточная Финляндия. [Электронный ресурс] URL: <https://sefrcbc.fi/suspension-of-cooperation-with-russia-2/>.

7 «Что дальше?» официальное заявление комитета программы приграничного сотрудничества Коларктик 26.03.2022. Официальный сайт ППС Kolarctic. [Электронный ресурс] URL: <https://kolarctic.info/ru/what-next-2021-2027/>.

8 Результаты встречи программ ENI CBC и INTERREG, реализуемых с Россией и Белоруссией 22.03.2022. Официальный сайт ППС Karelia. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kareliacbc.fi/ru/vstrecha-programm-eni-cbc-i-interreg-realizuemyykh-s-rossiey-i-belorussiey>.

9 Karelia cross-border cooperation draft programme 2021–2027. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kareliacbc.fi/sites/default/files/assets/images/Karelia%20Programme%2024.9.2021.pdf>.

10 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия от 8 июня 2007 г. об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегия.

кой¹¹ и Республикой Польша¹², которые вводили особый миграционный режим для жителей приграничных территорий. Данные документы никак не связаны с зонами приграничного сотрудничества, о которых говорилось выше, однако такая практика имеет место. Так, резиденты приграничных регионов имеют право воспользоваться упрощенным миграционным режимом, заменяющим визу на разрешение на местное приграничное передвижение, срок пребывания по которому варьируется от 15 дней до трех месяцев без права осуществления коммерческой деятельности.

Итак, модель приграничного сотрудничества ЕС можно охарактеризовать следующим образом: ее основной механизм – это грантовая поддержка проектов, отвечающих стратегическим целям программы: содействие экономическому и социальному развитию, решение задач в области охраны окружающей среды и здравоохранения, содействие беспрепятственному движению товаров, людей и капитала, чтобы не допустить старение и убыль населения в приграничных городах. Осуществляется через финансирование культурных, образовательных, инфраструктурных, научно-исследовательских проектов, где несколько юридических лиц по обе стороны границы становятся партнерами. Ведущими партнерами в большинстве случаев являются государственные юридические лица, научно-исследовательские институты, университеты и инфраструктурные агентства.

Еще одной моделью эффективного приграничного сотрудничества является Китайская модель. Концепция и приоритеты китайской модели приграничного сотрудничества были заложены в рамках проекта «пояс–путь», она направлена на торговую экспансию через создание трансграничных свободных экономических зон и развитие логистики [7].

■ Один из самых известных и успешных проектов, реализованных между Китаем и Казахстаном – Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос» – логистический центр, который предназначен для реэкспорта китайских товаров, т.е. сбыта китайской продукции. Этот проект отличается тем, что здесь реализуются экономические интересы крупного бизнеса, а характер торговли – не приграничный, так как нет производства. Это логистический хаб, позволяющий китайской стороне проводить экспансию своих товаров, и казахстанской стороне зарабатывать на логистическом обслуживании и обеспечивать приграничное население беспопышной китайской продукцией. На территории действует безвизовый режим на двусторонней основе, а вход осуществляется по пропускам¹³.

■ Трансграничная зона экономического сотрудничества ТОР «Суйфэньхэ-Пограничный» между Китаем и РФ, где в одностороннем порядке введен безвизовый режим для российских граждан продолжительностью пребывания в 15 суток¹⁴.

11 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики от 20 декабря 2010 г. об упрощении взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Латвийской Республики.

12 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша от 14 декабря 2011 г. о порядке местного приграничного передвижения.

13 Правила пребывания в Международном центре приграничного сотрудничества «Хоргос». Официальный сайт МЦПС «Хоргос». [Электронный ресурс] URL: <https://khorgos.kz/pravila-prebyvaniya/>.

14 В какие регионы Китая россияне могут въехать без визы, 09.06.2023, Туристический портал Visasam. [Электронный ресурс]. URL: <https://visasam.ru/oformlenie/asiatskie/v-kitaj-bez-visy-dlya-rossijan.html>.

■ Трансграничная зона экономического сотрудничества «Хэйхэ – Благовещенск» и «Тунцзян – Еврейская автономная область» между Китаем и РФ находятся на стадии проекта. По мнению экспертов, участвующих в проектировании, также будет выделена территориальная зона, где будет осуществляться безвизовый режим¹⁵.

В отличие от европейской, китайскую модель приграничного сотрудничества можно охарактеризовать следующим образом: основной целью является торговая экспансия через упрощение движения товаров, услуг и людей с помощью создания логистических хабов. Стимулирование бизнеса происходит через упрощенный налоговый и инвестиционный режим. Упрощенный порядок пересечения границы зачастую вводится в одностороннем порядке (со стороны КНР), а для того, чтобы воспользоваться упрощенным режимом, не обязательно быть резидентом приграничной территории, достаточно въехать через определенный КПП. Зачастую отсутствуют межправительственные соглашения о создании зон ПС. Решения о введении одностороннего режима могут приниматься на уровне администрации города.

Проблемные аспекты развития приграничного сотрудничества с участием стран ЕАЭС

Несмотря на высокую роль приграничного сотрудничества в международных интеграционных процессах этот механизм до недавнего времени был оставлен без внимания на уровне Евразийского экономического союза в части сотрудничества с третьими странами. Действительно, существует база для приграничного сотрудничества на внутренних границах ЕАЭС, где устранены барьеры для перемещения граждан. Так, в 2019 г. была подписана концепция Программы приграничного сотрудничества «Россия – Казахстан», однако по состоянию на 2023 г. в СМИ отсутствуют упоминания о реализации программы. Приграничное сотрудничество между Россией и Казахстаном в основном ориентировано на ведение совместной хозяйственной деятельности на трансграничных месторождениях¹⁶. История также знает несколько «заброшенных» инициатив между Казахстаном и Киргизией, а именно проекты создания международных центров приграничного сотрудничества Аухатты – Кенбулун и «Айша биби – Чон-Капка», рамочное соглашение о которых было подписано в 2007 г. Проект не был реализован, по мнению экспертов, «за ненадобностью в связи с созданием ЕАЭС»¹⁷. Однако приграничные инициативы на внутренних границах ЕАЭС, где отсутствуют препятствия для передвижения людей, помогали бы решать ряд демографических проблем, связанных с оттоком населения, и вытекающих из них проблем экономической безопасности.

В свою очередь, на внешних границах ЕАЭС отсутствует согласованность в позиции по приграничному сотрудничеству: механизм ПС в странах ЕАЭС пока что не вынесен на наднациональный уровень, и в договоре о ЕАЭС не содержится положений о приграничном сотрудничестве, а страны придерживаются позиции

15 В Хэйхэ хотят создать зону экономического сотрудничества с РФ через Амур. Информационный портал РИА. 03.03.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20190123/1549748997.html>.

16 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 3 октября 2006 г. об особенностях осуществления хозяйственной деятельности на приграничной территории на Тарутинском месторождении (Российская Федерация), Восточно-Тарутинском (Республика Казахстан) месторождении.

17 Мосты приграничного сотрудничества. Информационный портал Матрица Казахстан, 02.12.2019. [Электронный ресурс] URL: <http://www.matritca.kz/news/67762-mosty-prigranichnogo-sotrudnichestva.html>.

оставления данного вопроса на национальном уровне. Однако, если говорить об эффективности модели, то ЕАЭС достиг того уровня интеграции, при котором эффективнее было бы выносить аспекты приграничного сотрудничества на наднациональный уровень. Такие положения могли бы способствовать решению территориальных споров на внешних границах ЕАЭС, которые разгораются с новой силой с момента развала СССР. Такие споры в большинстве своем возникают по причинам наличия богатых природных ресурсов и слабости освоения данных территорий, а также неравномерности расселения на приграничных территориях. Например, не утихающий последние 10 лет конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном, где отсутствует согласованность по более чем 20% государственных границ¹⁸, связанный с оттоком населения из приграничных территорий со стороны Кыргызстана и высокой плотностью расселения со стороны Таджикистана, а также вопросами совместного использования водных ресурсов и пастбищ [8, 9].

Заключение

Для приграничного сотрудничества стран ЕАЭС необходим комплексный подход к применению европейской и китайской моделей в зависимости от целей и потребностей приграничных территорий как на внутренних границах ЕАЭС, где действует свободное движение людей, так и на внешних.

В настоящий момент среди потенциальных направлений приграничного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами, которые могли бы стать основой для расширения интеграционных процессов, могло бы стать, во-первых, направление Армения – Иран (40 км сухопутных границ), чему способствует постепенное налаживание дипломатических отношений между двумя странами¹⁹. Во-вторых, Россия – Монголия (2830 км сухопутных границ), фундамент которому заложен в 2019 году²⁰. В-третьих, это направление Кыргызстан – Узбекистан (880 км сухопутных границ), работа по урегулированию территориальных споров которых велась на протяжении долгого времени²¹. Кроме того, приграничное сотрудничество могло бы стать смягчающим фактором в затянувшемся конфликте между Киргизией и Таджикистаном (660 км сухопутных границ). В-четвертых, это высокий потенциал приграничного сотрудничества России и Азербайджана (270 км сухопутных границ) в условиях кооперации и наращивания логистических связей, в том числе в рамках проекта Международного транспортного коридора Север – Юг (INSTC).

18 Постановление правительства Кыргызской Республики от 20 марта 2012 г. № 186 «О реализации Закона Кыргызской Республики «О придании особого статуса отдельным приграничным территориям Кыргызской Республики и их развитии».

19 Консульство ИРИ в Капане укрепит сотрудничество в ряде сфер, в том числе газовой: посол. 27.05.2022. Sputnik Armenia. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20220527/konsulstvo-iri-v-kapane-ukrepit-sotrudnichestvo-v-ryade-sfer-v-tom-chisle-gazovoy-posol-42525856.html>.

20 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о содействии межрегиональному и приграничному сотрудничеству от 3 сентября 2019 г.

21 Киргизия и Узбекистан обсудили приграничное сотрудничество. 01.08.2019. Информационный портал EURASIA Daily. [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/01/kirgiziya-i-uzbekistan-obsudili-prigranichnoe-sotrudnichestvo>.

Институт приграничного сотрудничества на постсоветском пространстве на рубеже 2020-х гг. только начинает развиваться. Его эффективность будет зависеть в первую очередь от высокой информированности бизнес- и культурных сообществ приграничных регионов, от возможностей, которые они могут реализовать в рамках партнерства. Не хватает единой платформы по вопросам приграничного сотрудничества стран ЕАЭС, которая бы совмещала в себе функции консолидации правовой и аналитической информации, способствовала обмену опытом в реализации сотрудничества, совершенствовала статистический учет экономических показателей сотрудничества и способствовала прозрачности и доступности данного механизма для стран-участниц. Так, в ЕАЭС уже существуют институциональные структуры, которые могли бы курировать процессы приграничного сотрудничества – Евразийская комиссия и Евразийский банк развития.

Таким образом, приграничные регионы могут дополнять друг друга с точки зрения обеспеченности ресурсами и промышленного производства, в связи с чем могут существенно выиграть от трансграничной торговли и экономического сотрудничества, что, в свою очередь, будет способствовать повышению их экономической безопасности.

Библиографический список

1. Guo R. *Cross-Border Resource Management. Fourth Edition. 2021. Elsevier. 538 p.*
2. Маслова Е.А. *Сотрудничество России и ЕС в условиях санкционного режима (на примере программы «Коларктик 2014–2020») // Вестник Пермского университета. Серия: Политология, 2021, № 15 (2), с. 49–58.*
3. Castanho R.A., Vulevic A., Cabezas Fernández J., Fernández-Pozo L., Naranjo Gómez J.M., & Loures L.C. *Accessibility and connectivity – Movement between cities, as a critical factor to achieve success on cross-border cooperation (CBC) projects. A European analysis // Sustainable Cities and Society, 2017. No. 32. p.181–190.*
4. Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Воробьева О.Д. *Миграция и миграционная политика в странах СНГ и Балтии в «ареале перекрытия» Евразийской и Европейской подсистем в 1990–2020-е годы // Балтийский регион, 2022. Т. 14, № 2, с. 115–143.*
5. Гражданкин А.С. *Еврорегионы и их роль в интеграционных процессах. Псковский регионологический журнал. 2011. № 12. С. 10–15.*
6. Carrius de Barros K. *The Karelia Cross-Border Cooperation Programme: A soft space on the Finnish-Russian hard borders. 2018, 90 p.*
7. Костюнина Г.М., Баронов В.И. *Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) // Вестник МГИМО Университета, 2011, № 2, с. 169–178.*
8. Авазбеков Н. *Кыргызско-таджикские пограничные споры: причины и пути решения. Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 16.03.2021.*
9. Соколан Д.С., Каландаршоев Г.А. *Роль Китая в социально-экономическом развитии Таджикистана: плюсы и минусы // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235, № 3. – С. 357–367.*

References

1. Guo R. *Cross-Border Resource Management. Fourth Edition. 2021. Elsevier. 538 p.*
2. Maslova E.A. *Russia-EU cooperation in the context of the sanctions regime (on the example of the Kolarctic 2014-2020 program). Bulletin of Perm University. Political Science, 2021, No. 15 (2), pp. 49–58.*

3. *Castanho R.A., Vulevic A., Cabezas Fernández J., Fernández-Pozo L., Naranjo Gómez J.M., & Loures L.C. Accessibility and connectivity – Movement between cities, as a critical factor to achieve success on cross-border cooperation (CBC) projects. A European analysis. Sustainable Cities and Society, 2017. No. 32. pp. 181–190.*
4. *Ryazantsev S.V., Molodikova I.N., Vorobeva O.D. Between the Eurasian and European subsystems: migration and migration policy in the CIS and Baltic Countries in the 1990s–2020s. Baltic region, 2022. No.2, pp. 115–143.*
5. *Grazhdankin A. Euroregions and their role in integration processes. Pskovskij regionologicheskij zhurnal, 2011. No12. Pp. 10–15.*
6. *Carius de Barros K. The Karelia Cross-Border Cooperation Programme: A soft space on the Finnish-Russian hard borders. 2018, 90 p.*
7. *Kostunna G., Baronov V.I. Cross-Border Free Economic Zones in Foreign Countries (from China). MGIMO Review of International Relations. 2011, No. 2(17), pp. 169–178.*
8. *Avazbekov N. Kyrgyz-Tajik border disputes: causes and solutions. Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 16.03.2021.*
9. *Sokolan D.S., Qalandarshoev G.A. China's role in the Socio-economic development of Tajikistan: Pros and Cons // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2022. 235, № 3. p. 357–367.*

Контактная информация / Contact information

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» 117198, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow,
117198

Тинькова Арина Александровна / Arina A. Tinkova
tinkova_aa@pfur.ru

Гусаков Николай Павлович / Nikolay P. Gusakov
gusakov_np@pfur.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ЕСТЬ ЛИ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ? ¹ ЧАСТЬ 1²

AN INNOVATIVE CAPACITY OF THE RUSSIAN ECONOMY: IS THERE SPREAD FOR REAPPEARANCE? FIRST CHAPTER³

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-342-353

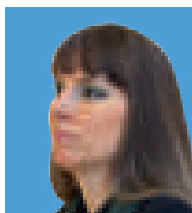

КОЧЕТКОВ Сергей Вячеславович

Профессор Департамента менеджмента и инноваций Факультета «Высшая школа управления», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (до 2022 г.), член Санкт-Петербургской региональной общественной организации Общероссийской общественной организации «Вольное экономическое общество России», д.э.н., Советник государственной гражданской службы Российской Федерации I класса

Sergei V. KOCHETKOV

Professor of the Department of Management and Innovation of the Faculty on Higher School of Management at the Financial University under the Government of the Russian Federation (until 2022), The Member at the Saint-Petersburg's regional public organization of the All-Russian public organization on the Free Economic Society of Russia, Doctor of Sciences in Economics, The Counsellor at the State Civilian Service of the Russian Federation of the First Class

КОЧЕТКОВА Олеся Вячеславовна

Доцент Департамента менеджмента и инноваций Факультета «Высшая школа управления», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (до 2022 г.), к.э.н., лауреат государственных и ведомственных наград Российской Федерации

1 Научная статья подготовлена по итогам публичного выступления с докладом на Пленарной конференции Московского академического экономического форума (МАЭФ) – 2023 «Политическая экономия санкций» (г. Москва, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», 08 июня 2023 г.).

2 Цикл научных работ «Экономика инноваций: императив, таксономия, мегетократия».

3 Series of the Scientific Papers on «Economy of Innovation: Imperative, and Taxonomy, and Megetocracy».

Olesia V. KOCHETKOVA

Associate Professor of the Department of Management and Innovation of the Faculty on Higher School of Management at the Financial University under the Government of the Russian Federation (until 2022), Candidate of Sciences in Economics, Laureate of the State and Departmental Awards of the Russian Federation

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы использования инновационного потенциала экономики. Исследована динамика развития инновационного потенциала России. Разработана модель интенсификации российской экономики. В качестве научно-исследовательской задачи выступает производственная функция. На базе экономико-математической модели осуществлена оценка эффективности использования инновационного потенциала нашей страны. Определен вклад инновационного потенциала в экономический рост Российской Федерации. В заключении сделаны выводы об обосновании выбора перспективных направлений интенсификации экономики.

Abstract

The scientific paper reveals the issues of using the innovative capacity of the economy. The dynamics of the development of Russia's innovative capacity has been studied. A model for the intensification of the Russian economy has been designed. The production function acts as a research task. Based on the economic and mathematical model, an evaluation of the usage effectiveness of the innovative capacity of our country was realized. The contribution of innovative capacity to the economic growth of the Russian Federation is determined. In conclusion, corollaries are drawn about the rationale for choosing perspective directions for intensifying the economy.

Ключевые слова

Инновационный потенциал, интенсификация экономики, производственная функция, экономический рост, российская экономика.

Keywords

The innovative capacity, an intensification of economy, a production function, the economic growth, the Russian economy.

Пролегомены

Сегодня перед Россией стоит масштабная задача обеспечения технологического суверенитета. Правительство Российской Федерации определило приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России ⁴. В этой связи утверждена Концепция технологического развития на период до 2030 года (Распоряжение Прави-

4 Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603. – Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <http://government.ru> (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.

тельства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р) ⁵. На наш взгляд, речь идет о построении новой старой модели взаимодействия науки и промышленности. Чтобы усилить эти процессы, мы считаем, что не должно все заканчиваться поощрением производителей, как отмечается в нормативных правовых документах, а главным результатом должно выступать внедрение результатов научных исследований в производство – инновационная продукция (в виде новой продукции, новой технологии и т.д.), и ничто другое. Это связано с тем, что наука и промышленность в нашей стране функционируют отдельно, а предпринятые ранее попытки выстроить между ними взаимосвязь нужных результатов не достигли.

Как отмечается, для того чтобы решить поставленную задачу технологической независимости российской экономики, крайне необходимы институциональные преобразования взаимосвязи научной и производственной составляющих. Вместе с тем, как мы полагаем, что нужно создать условия для поощрения производственных единиц экономики заниматься научными исследованиями с целью именно создания экспериментальных (опытных) и новых производств. Особо отметим, что реализация этого возможна исключительно на базе крупных производственных комплексов в нашей стране.

В данной постановке проблемы научные труды практически отсутствуют в силу определенной новизны ее решения в сложившихся экономических условиях. В то же время некоторые работы следует отметить, например, [1], где разработан институциональный механизм экономики инноваций. В свою очередь, С.Д. Бодрунов доказывает необходимость трансформации технологического развития [2]. Также, следует выделить работу [3], где предлагаются методические рекомендации к формированию подхода для обеспечения технологического суверенитета.

Концепция технологического развития включает три основных раздела: обеспечение технологического суверенитета, переход к инновационно ориентированному экономическому росту и технологическое обеспечение устойчивого функционирования и развития производственных систем. В то же время, неясно, что означает инновационно ориентированный рост экономики, а главное неочевидно, как производить оценку. Представленные показатели характеризуют лишь процесс, но никоим образом не могут быть использованы в качестве результата всей этой работы в полном объеме. И, как следствие, нет полноценной методики оценки такого типа экономического роста.

В соответствии с этим цель нашей работы заключается в определении воздействия инновационного потенциала на экономический рост.

Для ее достижения решим следующие задачи:

- исследуем инновационный потенциал как экономическую категорию;
- проведем оценку интенсификации российской экономики;
- определим вклад инновационного потенциала в темпы прироста Валового внутреннего продукта (ВВП).

На решение выявленных проблем ответит наше исследование.

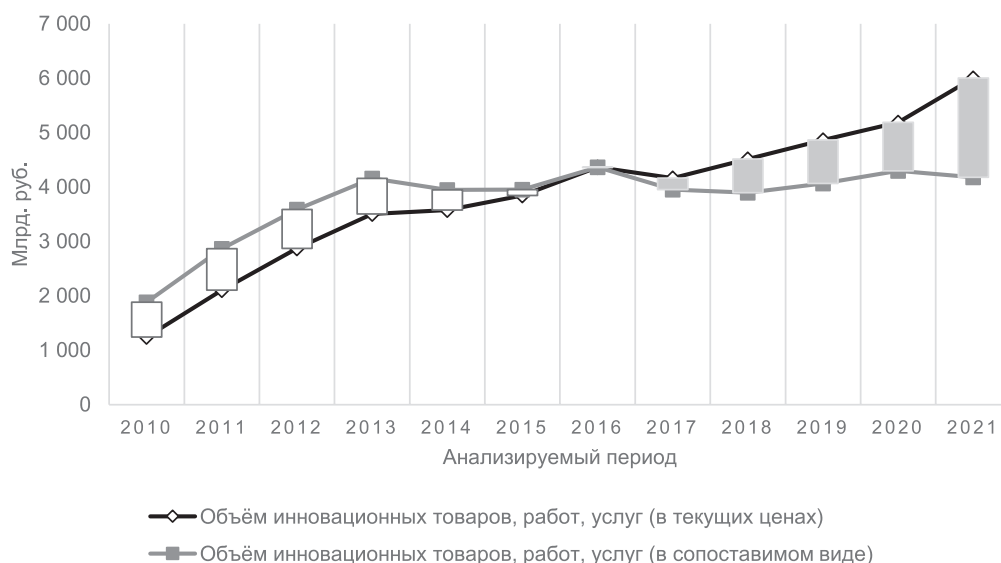
5 Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <http://government.ru> (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.

1. Инновационный потенциал экономики и динамика его развития

Комплексный показ инновационного потенциала экономики – задача чрезвычайно трудная. Это многогранная и сложная политэкономическая категория. Под *инновационным потенциалом* будем понимать *совокупную способность и готовность единицы экономики производить инновационную продукцию*. Следовательно, инновационный потенциал включает накопленные знания, кадры, ими владеющие, а также условия их реализации, т. е. экономическую готовность производственной единицы принять и внедрить достижения науки и техники. Важная роль принадлежит, помимо прочего, организации управления собственно научной деятельностью.

В результате инновационный потенциал российской экономики имеет следующий вид (рис. 1).

Рис. 1. Инновационный потенциал экономики России⁶

Расчеты показывают, что за анализируемый период с 2010 по 2021 гг. прослеживается тенденция роста объема инновационных товаров, работ, услуг в нашей стране с 1 884,41 млрд руб. до 4 179,02 млрд руб. соответственно, что, в первую очередь, обусловлено значительным увеличением денежных средств, направляемых на научные исследования (741,59 и 830,87 млрд руб. в 2010 и 2021 гг. соответственно) и, что самое главное, – на внедрение их результатов в производство (607,28 млрд руб. в 2010 г. и 1 656,55 млрд руб. в 2021 г.). В общей сложности рост составил 1 138,55 млрд руб. (с 1 348,87 до 2 487,42 млрд руб.) в анализируемом периоде.

В то же время складывающаяся в нашей экономике картина не так оптимистична, как может показаться на первый взгляд. И это наглядно демонстрирует показатель темпов прироста инновационных товаров, работ, услуг (рис. 2).

6. Ист.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Расчеты авторов (в ценах 2016 г.).

Рис. 2. Динамика развития инновационного потенциала российской экономики ⁷

Как видим из рис. 2, наблюдается снижение темпов прироста инновационных товаров, работ, услуг в нашей стране с 52,04% в 2010 году до -2,76% на конец анализируемого периода, что связано с продолжающимся разрывом между научными исследованиями и внедрением их результатов в производство, который начался еще с 90-х годов прошлого века. Эти два института существуют не то, что отдельно, а даже можно с уверенностью сказать, что параллельно.

Однако, период с 2014 по 2016 г., а также в 2017–2020 гг., мы можем видеть положительную динамику развития инновационного потенциала российской экономики. Эти незначительные всплески связаны лишь с инерционным влиянием происходящих процессов, а также тем, что такие результаты имеют не сиюминутный, а отсроченный характер. Экономические процессы, за редким исключением, не взаимосвязаны и не взаимообусловлены. И, как следствие, инновационный потенциал «затухает», хотя и медленными темпами.

Вместе с тем, несмотря на увеличивающийся технологический разрыв (темпы прироста инновационных товаров, работ, услуг в 2021 г. снова составил отрицательную величину), попытки использования инновационного потенциала российской экономики предпринимаются, хотя, к сожалению, и не в тех масштабах, которые бы способствовали ее росту.

2. Оценка интенсификации экономики России

2.1. Модель интенсификации российской экономики

На современном этапе обеспечения экономического роста центр тяжести все больше перемещается в сферу науки и технологий. Достигнутый инновационный потенциал создал определенную основу для интенсификации экономики России, о чем свидетельствуют незначительный, но все-таки успех. Это означает, что нужно стремиться в первую очередь к повышению эффективности его использования.

В связи с этим для оценки эффективности использования инновационного потенциала авторами разработана *модель интенсификации российской экономики*. Она представляет собой теоретическую конструкцию ВВП, исчисляемого по элемен-

⁷ Расчеты авторов.

Таблица. Модель интенсификации экономики Российской Федерации, млрд руб.
(в сопоставимом виде)

Анализируемый период	Результирующий показатель	Переменные		
	ВВП	Расходы на конечное потребление	Объем инновационных товаров, работ, услуг	Чистый экспорт
2010	75363,14	52914,74	1884,41	6086,04
2011	81750,60	55598,95	2865,01	6601,63
2012	85040,30	59029,96	3 587,38	5666,44
2013	86533,10	62166,18	4 158,99	4675,84
2014	87170,20	62579,74	3948,66	5597,07
2015	85450,60	60195,89	3952,75	6876,58
2016	85616,10	61398,51	4364,32	4444,20
2017	87179,30	61974,06	3955,40	4625,07
2018	89 626,60	61014,50	3897,29	8967,70
2019	91596,67	63843,22	4064,20	6996,25
2020	89166,01	63723,97	4297,74	4527,37
2021	94181,03	62681,30	4179,02	8694,01

Ист.: Росстат. Расчеты авторов.

там использования ⁸. Экономические процессы описаны с помощью следующего набора переменных: расходы на конечное потребление, объем инновационных товаров, работ, услуг и чистый экспорт (табл. 1).

В качестве инструментария экономико-математической модели выступает производственная функция, ее аппарат, т. е. математическая структура, разработанная для иллюстрации сложных процессов влияния факторов на результирующий показатель. В результате мы получили следующую корреляционно-регрессионную зависимость:

$$Y = 2,8062 \times X_1^{0,9086} \times X_2^{0,0297} \quad (1)$$

где – ВВП, млрд руб.;

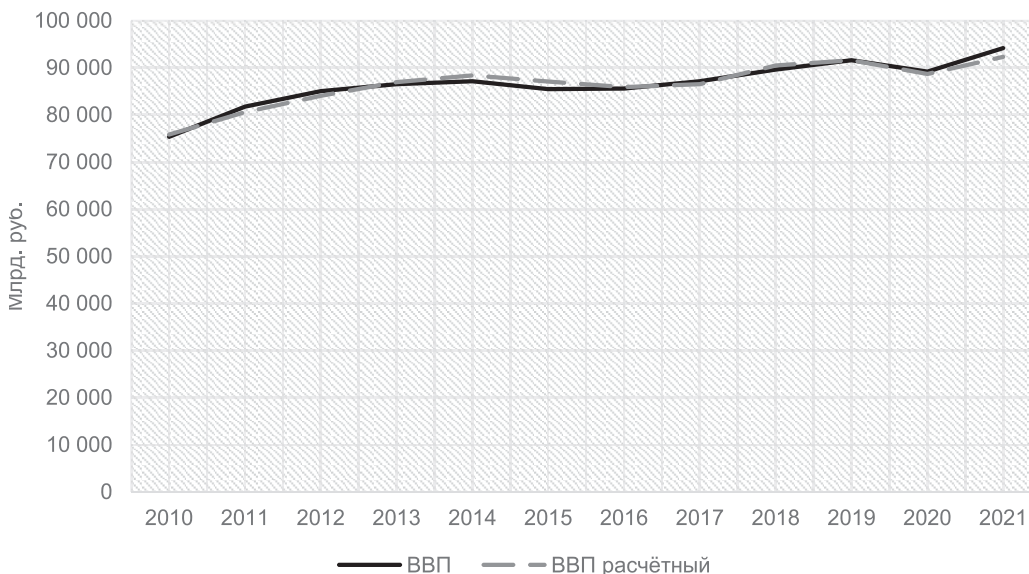
– расходы на конечное потребление и чистый экспорт, млрд руб.

– объем инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.

⁸ Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.06.2023). – Текст: электронный.

Раскрывая сущность разработанной экономико-математической модели изменения ВВП нашей страны от выделенных факторов, следует подчеркнуть ее адекватность⁹. Наглядно это выглядит следующим образом (рис. 3).

Рис. 3. Экономический рост России¹⁰

В этой связи целесообразно ее использование в дальнейших расчетах.

Мы видим, что сумма степеней уравнения меньше единицы, что означает уменьшение влияния факторов на результирующий показатель, особенно инновационного потенциала, что более подробно рассмотрим далее.

Все это говорит о необходимости решительных мер по возрастанию отдачи научных организаций, а, главное, — вузовской науки, повышению качества научных исследований, эффективности функционирования всей сферы науки и технологий в нашей стране.

2.2. Оценка эффективности использования инновационного потенциала России

На основе разработанной модели ВВП Российской Федерации проведем анализ влияния факторов на его рост в рассматриваемом периоде. Совокупное воздействие расходов на конечное потребление и чистого экспорта, а также объема инновационных товаров, работ, услуг имеет следующий вид (рис. 4).

Как видно из рис. 4, динамика ВВП нашей страны остается практически без изменений под влиянием расходов на конечное потребление и чистого экспорта. Данные находятся на уровне математической погрешности.

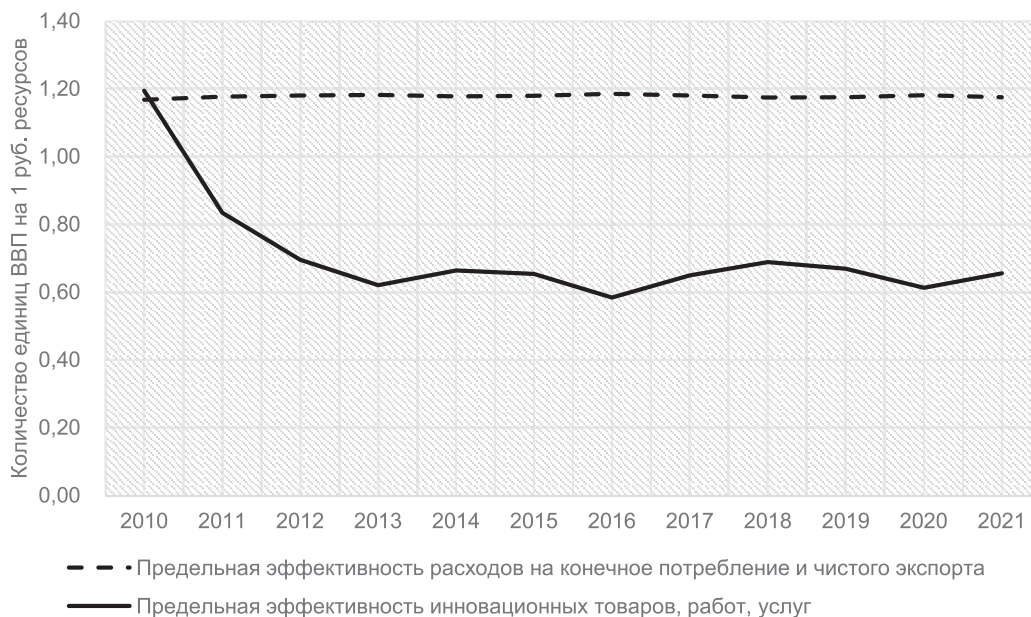
Для нас интерес представляет воздействие объема инновационных товаров, работ, услуг на движение ВВП России. Значения этого фактора свидетельствуют об отрицательном его воздействии на динамику экономического роста в нашей стране, в частности, на 1 руб. объема инновационных товаров,

⁹ Адекватность экономико-математической модели проверена при помощи критерия Фишера (F-критерия): $F_{расч.} (90,46) > F_{табл.} (8,02)$.

¹⁰ Расчеты авторов.

работ, услуг увеличение ВВП составляло 1,1946 руб. в 2010 г. На конец анализируемого периода, в 2021 г., на 1 руб. инновационных товаров, работ, услуг уже приходилось 0,6557 руб. роста ВВП. Это объясняется тем, что процессы внедрения результатов научных исследований в производство отошли на второй план, начиная с 2013 года, где главным критерием становится зарубежная публикация и, как следствие, полученные научные результаты остаются лишь на уровне отчетов.

Рис. 4. Эффективность использования инновационного потенциала российской экономики¹¹

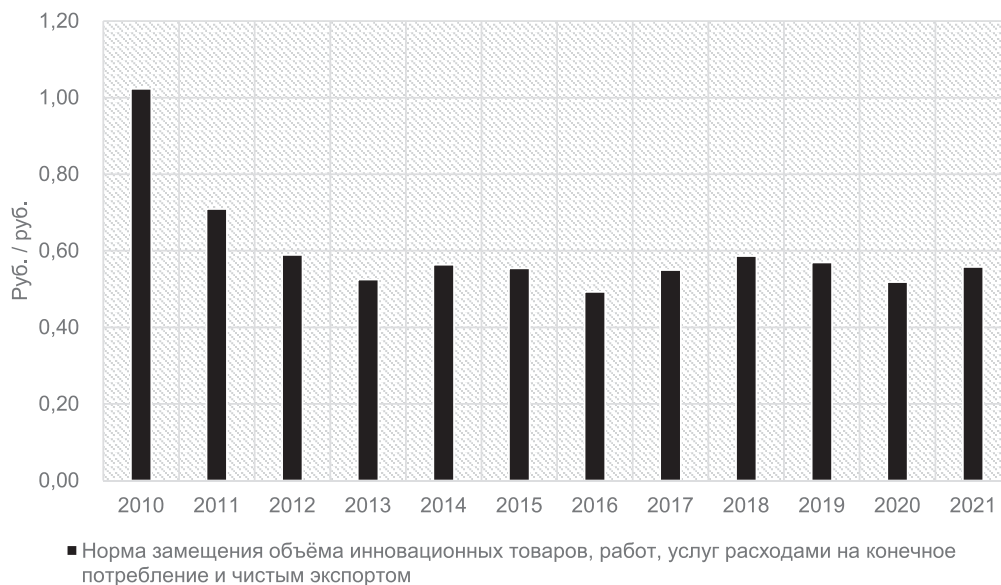

На сегодня в прикладных исследованиях и разработках наша страна имеет определенный задел, но уровень фундаментальной науки в силу объективных, а в некоторых случаях, субъективных причин требует восстановления должного внимания, и не только со стороны научных организаций, университетской науки, но и, что представляется важным, — промышленности и, в целом, реального сектора экономики. В нынешних условиях обеспечить и поддерживать нужный уровень представляется возможным исключительно государству. Необходимость восстановления собственных фундаментальных исследований стало главной причиной снижения эффективности использования инновационного потенциала российской экономики (рис. 5).

Анализируя данные рис. 5, подчеркнем, что при уменьшении объема инновационных товаров, работ, услуг на 1 руб. мы видим, насколько нужно увеличить расходы на конечное потребление и чистый экспорт, чтобы ВВП оставался неизменным. Вместе с тем прослеживается тенденция снижения нормы замещения ресурсов с 1,0228 руб. в 2010 г. до 0,5579 руб. в 2021 г., т. е. практически в два раза за анализируемый период сократилось влияние инновационного потенциала нашей экономики на изменение ВВП. Другими словами, привело к его снижению.

¹¹ Расчеты авторов.

Рис. 5.
Пропорциональность использования инновационного потенциала России¹²

Сложившаяся ситуация требует тщательного исследования практики управления, анализа имеющихся теоретико-методологических рекомендаций и разработки новых теоретических концепций дальнейшего совершенствования управления развитием науки и технологий.

3. Инновационный потенциал и экономический рост

Несмотря на сложившуюся картину, хотелось бы отметить, что Россия обладает определенным инновационным потенциалом, от которого можно оттолкнуться. Все большее значение приобретает решение вопросов о выяснении роли, которую сыграл инновационный потенциал в определении темпов, направлений и масштабов интенсификации российской экономики, а также необходимо ответить на вопрос, как изменилась эта роль при определении темпов роста ВВП нашей страны за анализируемый период. Мы должны выяснить, насколько эффективно использовался инновационный потенциал экономики Российской Федерации. Ответ на этот вопрос будет дан в дальнейших расчетах.

Для построения комплексной (единой, типовой) методики экономической оценки инновационного потенциала важное значение приобретает расчет его вклада в динамику роста ВВП, т. е. определение вклада выделенных нами факторов (расходы на конечное потребление и чистый экспорт, а также объем инновационных товаров, работ, услуг) в темпы прироста ВВП России (рис. 6).

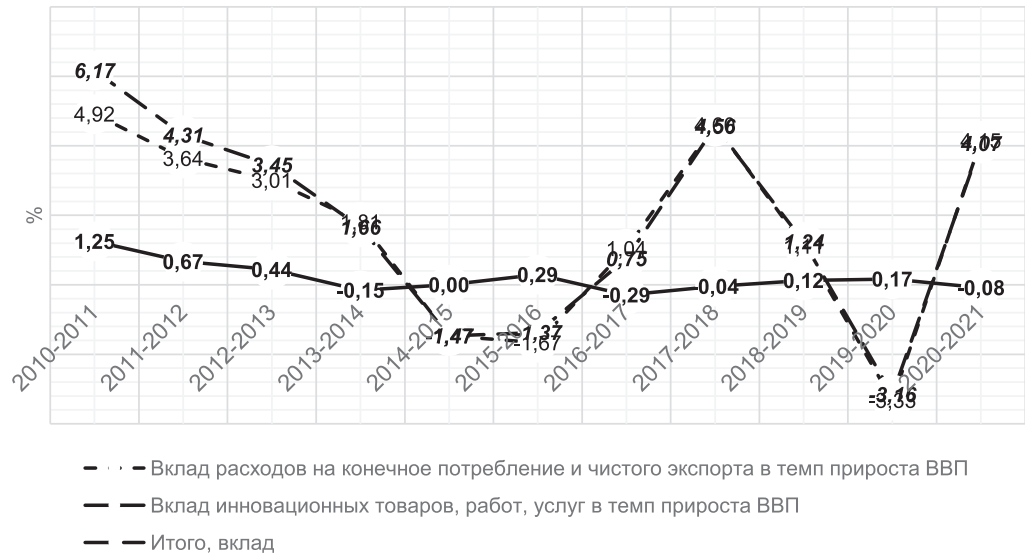
Как видно из рис. 6, вклад инновационного потенциала в темп прироста ВВП нашей страны незначительный. К тому же за анализируемый период можем наблюдать снижение вклада с 1,25% в 2011 г. до 0,08% в 2021 г. Главная причина сложившегося положения состоит в отсутствии в России благоприятных условий для внедрения результатов научных исследований в производство. Как уже отмечалось ранее, многие перспективные разработки остаются на уровне декламаций.

В этой связи, как мы можем убедиться, рост ВВП России связан исключительно с увеличением расходов на конечное потребление с 52 914,74 до 62 681,30 млрд

¹² Расчеты авторов.

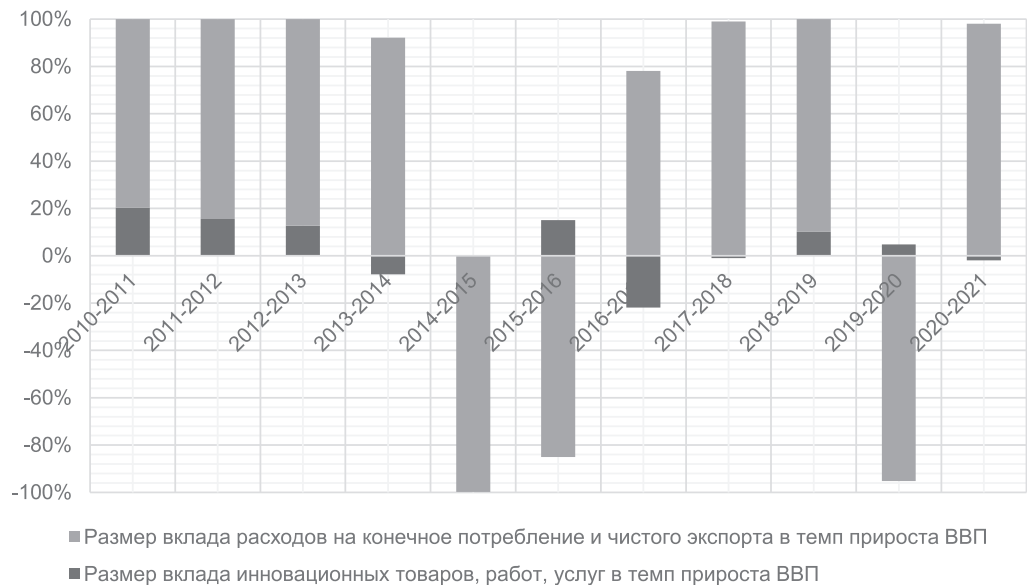
руб. в 2010 и 2021 гг. соответственно. Особого внимания для рассмотрения требует такой фактор, как чистый экспорт. Это связано с тем, что изменение ВВП в нашей стране обеспечивается, в основном, за счет импорта, о чем свидетельствуют его увеличение за анализируемый период на 18,13% с 15 931,74 до 19 460,49 млрд руб.¹³

Рис. 6. Интенсификация экономики Российской Федерации¹⁴

Для полноты исследования интенсификации представим ее экономическую структуру (рис. 7).

Рис. 7. Экономическая структура интенсификации¹⁵

¹³ То же. Ист.: Росстат.

¹⁴ Расчеты авторов.

¹⁵ То же. На основе данных рис. 6.

Данные рис. 7 раскрывают влияние инновационного потенциала на темп прироста ВВП России, которое катастрофически снизилось с 20,29% в 2010–2011 гг. до 1,96% в 2020–2021 гг. К тому же на конец анализируемого периода воздействие вообще имеет отрицательное значение. Это напрямую свидетельствует о глубочайшем кризисе в управлении наукой в Российской Федерации. Перекос в сторону не только публикаций как результата научной деятельности, но и особенно – публикаций в зарубежных изданиях – очевиден и требует серьезных и решительных, и, самое главное, незамедлительных мер со стороны государства по исправлению сложившейся ситуации. Кроме прочего, ведутся активные дискуссии о технологической независимости нашей страны.

Итак, можно с уверенностью говорить о том, что объем инновационных товаров, работ, услуг раскрывает эффективность использования инновационного потенциала. Этот показатель, в свою очередь, определяет уровень интенсификации экономики, т. е. воздействие ее инновационного потенциала на динамику ВВП. В итоге инновационный потенциал выступает ничем иным, как главным параметром интенсификации экономического роста.

Заключение

Изложенные меры и инициативы позволили получить следующие результаты.

1. В качестве главного результата использования инновационного потенциала экономики выступает объем инновационных товаров, работ, услуг. В свою очередь, его развитие определяется темпом прироста этого показателя.

2. Разработана модель интенсификации российской экономики. На базе экономико-математической модели осуществлена оценка эффективности использования инновационного потенциала России. В совокупности это представляет собой методику оценки интенсификации экономики.

3. Выявлено и доказано, что инновационный потенциал – это главный параметр интенсификации экономического роста.

Проведенная оценка интенсификации экономики Российской Федерации позволит:

определить тип интенсификации экономики и классифицировать ее по признаку эффективности использования инновационного потенциала. Установить таксономию интенсификации экономического роста по параметру соответствия зависимости инновационного потенциала избранным направлениям интенсификации экономики.

построить организацию управления экономическими процессами взаимодействия науки и промышленности на основе формирования единого плана научных исследований и производства. Для этого нужны соответствующие методические рекомендации.

Для полного возрождения инновационного потенциала России предлагаем в срочном порядке восстановить систему государственной регистрации научных открытий, которая действовала в нашей стране с 1947 по 1991 гг., регулировалась Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях (Постановление Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. № 584) и осуществлялась Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий. Полагаем, что решение этого вопросакратно повысит эффективность использования инновационного потенциала российской экономики.

Все это обеспечит технологическую независимость нашей экономики или технологический суверенитет России.

Библиографический список

1. Кочетков С.В. Институциональный механизм экономики инноваций / С.В. Кочетков, Е.Г. Семенова, А.С. Будагов, О.В. Кочеткова // *Экономическое возрождение России*. 2016. № 2 (48). С. 128–134.
2. Бодрунов С.Д. Рождение новой эпохи: вызовы для России и мира / С.Д. Бодрунов // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2022. Т. 235. № 3. С. 55–62. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-55-62.
3. Edler J., & Blind K., & Kroll H., & Schubert T. (2023). *Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. Research Policy*, Vol. 52, Iss. 6, 104765, ISSN 0048-7333, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765>.

References

1. Kochetkov S.V. *Institutsional'nyi mekhanizm ekonomiki innovatsii* / S.V. Kochetkov, E.G. Semenova, A.S. Budagov, O.V. Kochetkova // *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*. 2016. № 2 (48). S. 128–134.
2. Bodrunov S.D. *Rozhdenie novoi epokhi: vyzovy dlya Rossii i mira* / S.D. Bodrunov // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2022. T. 235. № 3. S. 55–62. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-55-62.
3. Edler J., & Blind K., & Kroll H., & Schubert T. (2023). *Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. Research Policy*, Vol. 52, Iss. 6, 104765, ISSN 0048-7333, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765>.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
125167, Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2.
Financial University under the Government of the Russian Federation

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ЭКОНОМИКА, ГОСУДАРСТВО, ЧЕЛОВЕК (ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД)¹

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT: ECONOMY, STATE, HUMAN BEING (POLITICAL ECONOMY APPROACH)²

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-354-365

БУЗГАЛИН Александр Владимирович

Вице-президент ВЭО России, координатор Международного Совета ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор

Aleksander V. BUZGALIN

Vice President of the VEO of Russia, Coordinator of the International Council of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Professor of the Department of Political Economy at the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economic Sciences, Professor

ЯКОВЛЕВА Наталья Геннадьевна

Ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития, Институт экономики РАН, доцент Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., доцент

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00508, <https://rscf.ru/project/23-18-00508/>.

2 This research was funded by the Russian Science Foundation, grant number 23-18-00508, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00508/>.

Natalia G. YAKOVLEVA

Leading Researcher at the Center for Institutes of Socio-Economic Development of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Center for Contemporary Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

БАРАШКОВА Ольга Владимировна

Старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник лаборатории исследований цифровой экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к.э.н.

Olga V. BARASHKOVA

Senior Researcher at the Laboratory of Comparative Research of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at the Laboratory for Digital Economy Research, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

Авторы раскрывают потенциал современной политической экономии, творчески наследующей достижения марксистской теории, классического институционализма и других ветвей гетеродоксальной экономической теории в решении проблем, которые ставят перед современной наукой глубокие технологические и социально-экономические трансформации, в основе которых лежит прогресс творческого содержания труда. В статье показано, что политэкономический подход акцентирует историческое развитие экономических систем, их качественные различия и противоречия их развития, он позволяет показать экономические основы социальной стратификации, выделить основные функции государства, раскрыть особенности ценностей и мотивации человека в разных экономических системах. Условием реализации этого потенциала политической экономии является реформирование экономического образования, отказ от абсолютного доминирования курсов микро- и макроэкономики, включение в программу обязательных дисциплин экономических вузов и факультетов политической экономии и других курсов, принадлежащих к пространству гетеродоксальной экономической теории.

Abstract

The authors reveal the potential of modern political economy, which creatively inherits the achievements of Marxist theory, classical institutionalism and other branches of heterodox economic theory in solving problems that modern science faces with deep technological and socio-economic transformations, which are based on the progress of the creative content of labor. The article shows that the political economy approach emphasizes the historical development of economic systems, their qualitative differences and the contradictions of their development, it allows you to show the economic foundations of social stratification, highlight the main functions of the state, reveal the features of human values and motivation in different economic systems. The condition for the realization of this potential of political economy is the reform of economic education, the rejection of the absolute dominance of courses in micro- and macroeconomics, the inclusion in the program of compulsory disciplines of economic

universities and economic faculties of such disciplines as political economy and other courses belonging to the space of heterodox economic theory.

Ключевые слова Политическая экономия, социально-экономические и технологические трансформации, социально- и гуманитарно-ориентированное развитие, человеческий потенциал, экономическая теория, экономическое образование.

Keywords Political economy, socio-economic and technological transformations, social and humanitarian-oriented development, human potential, economic theory, economic education.

Человечество вступило в период глубоких качественных изменений, более масштабных, чем были даже в период рождения Советского Союза. В настоящем тексте мы остановимся только на некоторых чертах этих трансформаций, а именно на прогрессе творческого труда и кризисе неолиберальной модели капитализма.

В настоящее время существует многообразие трактовок происходящих технологических и социально-экономических трансформаций. Выделим среди них подход С.Д. Бодрунова, разрабатывающего теорию генезиса ноономики [1], теорию технологических и мирохозяйственных укладов [2] и др. Мы в данном случае делаем другой акцент.

Прогресс творческого труда. В отличие от большинства экономистов, мы как политэкономы подчеркнем, что речь, прежде всего, идет о качественных изменениях в содержании труда. К настоящему времени существует целый ряд публикаций, где анализируются эти трансформации как основание и важнейший фактор технологических и др. трансформаций (см., например, [3]).

Этот акцент важен, потому что если мы говорим о развитии творческого труда и возрастании его роли в социально-экономическом развитии, то оказывается, что в качестве «передового человека» XXI века, с точки зрения вклада в социально-экономическое развитие, будет выступать воспитатель детского сада, учитель, а отнюдь не программист, все большая часть функционала которого передается искусственному интеллекту. Задача формирования человеческого потенциала, человеческих качеств становится первостепенной для социально-экономического развития в современных условиях (подробнее см. [4]).

Кризис неолиберального капитализма. Вторая трансформация характеризует кризис неолиберального капитализма. Современный этап развития капитализма, получивший название позднего капитализма [5, 6], представляет собой стадию развития капиталистического способа производства, на которой обострение глобальных проблем и переход к доминированию творческого труда и технологиям шестого технологического уклада обуславливает *формирование переходных отношений*, соединяющих (1) рынок и капитал с (2) пострыночными и посткапиталистическими отношениями (непосредственно-общественным регулированием и присвоением). К настоящему времени уже более века мир находится в пространстве-времени борьбы этих начал, которые условно можно назвать «правыми» (общественный и научно-технический прогресс обеспечивается

на основе рынка и капитала) и «левыми» (прогресс осуществляется посредством перехода к *пострыночным* и *посткапиталистическим* отношениям).

Для исследования обозначенных проблем, вызванных трансформациями, необходим **политэкономический подход**. Обозначим, что он собой представляет. В прошлом году, на VI Международном политэкономическом конгрессе, мы с коллегами делали большой доклад по этому вопросу, тезисы которого были опубликованы, а сейчас мы их кратко напомним, расставив акценты согласно проблемам, анализируемым в настоящем тексте.

Политико-экономический подход подразумевает исследование (1) исторически-конкретных систем (2) объективных отношений, в которые вступают (3) социальные группы в процессе (4) производства, обмена, распределения и потребления и которые (5) развиваются (6) во взаимосвязи с другими сферами общества (подробнее см. [7, с. 33–38]).

Выделим следующие положения, характеризующие политэкономический подход:

1) признание многообразия экономических систем во времени и пространстве (краткая формулировка этого положения: **«история имеет значение»**);

2) учет того, что производственные отношения формируют *исторически-конкретный тип* человека, фирмы, государства (**«нет так называемого „естественного“ человека»**), этот принцип справедлив и для других основных акторов экономики – фирмы и государства);

3) признание и учет того, что производственные отношения формируют социально-классовую структуру и интересы и что за каждым решением в конечном итоге стоит вопрос **«кому выгодно»**;

(представленные выше характеристики (2) и (3) для простоты и с некоторой долей условности можно объединить в краткой формулировке **«производство имеет значение»**, или, если придерживаться более строгой политэкономической терминологии – **«производственные отношения имеют значение»**);

4) признание того, что ключевая проблема экономики – это *развитие, а не рост*; акцентирование внимания на проблеме возможности и наличия *прогресса*, предполагающего качественные изменения (краткая формулировка принципа: **«развитие и прогресс имеют значение»**);

5) признание наличия и значения прямой и обратной связи во взаимодействии экономики с технологиями, политикой, идеологией и культурой (**«контекст имеет значение»**).

Далее приведем ряд комментариев и пояснений к представленным выше характеристикам.

Важно учитывать, что экономика не сводится только к рыночным отношениям, которые преимущественно описываются во всех учебниках экономикс. Экономика – это многообразие в пространстве и во времени различных экономических систем. Профессор А.А. Аузан любит напоминать, вслед за своими учителями, о том, что «институты имеют значение». Мы предлагаем другую формулировку – не вместо, а в качестве основы для вышеназванной: **«история имеет значение»**. Необходим исторический взгляд, учитывающий качественные изменения.

Следует обозначить еще один момент, связанный со спецификой применения политэкономического подхода и затрудняющий восприятие этого подхода многими исследователями. Традиционно экономисты привыкли все измерять количественно – считать. Политэкономический подход напоминает о том, что зачастую в экономике

очень важные, а порой и главные, проблемы не поддаются прямому численному выражению, их нельзя «посчитать». Между тем преобладающий в мейнстриме подход, особенно в среде неолиберально ориентированных экономистов, чаще всего исходит из того, что если нет данных, если нельзя посчитать, то не существует и такой научной проблемы. Политэкономический подход аргументирует, что это не так.

Рассмотрим подробнее вторую характеристику политэкономического подхода из представленного выше перечня: *производственные отношения формируют исторически-различные типы экономических акторов и взаимодействий*. Здесь речь идет о человеке, государстве и фирме как основных экономических акторах. Применительно к государству это подразумевает, что государство не имеет единой природы: государство феодальное, государство капитализма периода свободной конкуренции, государство монополистического капитализма, государство в СССР, государство будущего этапа социально-экономического развития – это разные экономические акторы. В них есть формально общие черты, но эти черты, как правило, менее интересны для исследования, поскольку не дают оснований для теоретически и практически значимых выводов.

Сказанное выше о государстве относится и к человеку как экономическому актору. Экономисты до недавнего времени любили говорить о так называемом «естественном человеке», который является рациональным эгоистом. Полвека назад было совершено «великое открытие» поведенческой экономики, обнаружившей, что человек иногда может быть альтруистом, а также – что солидарность тоже имеет место наряду с конкуренцией. И это отрадно, хотя марксизм уже давно показал качественное различие ценностей и мотивов человека в разных социально-экономических системах.

Сказанное о государстве и человеке как экономических акторах относится и к фирме, но на этом мы здесь не будем останавливаться подробно.

Следующий принципиально важный компонент политэкономического подхода, представленный в перечне характеристик выше, – это тезис о том, что *производственные отношения формируют социальную структуру общества*. Это принципиально значимый вывод, потому что из этого положения вытекает вывод об экономических и социально-экономических интересах различных общественных сил, о противоположности этих интересов и о том, что исследователям и экономполитикам важно задаваться вопросом *Qui prodest?* (кому выгодно?). Мы не встречали, за очень небольшим исключением, представителей крупного бизнеса, которые ратовали бы за бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, налог на доход миллионеров в 50–70% и т.п. Подавляющее же большинство наемных работников стоят на другой позиции. И почему-то большинство граждан России считает, что все перечисленные выше социальные меры необходимы. Такая проблема есть.

Есть и проблема общенародного интереса, которую исследователи и экономполитики «открывали» трижды. В Советском Союзе было очевидно, что есть общенародный интерес, в том числе в капиталистических странах (см., например, [8]). Эту идею разрабатывали ряд профессоров из регионов, об этом уже на новом этапе развития экономической науки в нашей стране много написано чл.-корр. РАН Р.С. Гринбергом и А.Я. Рубинштейном (см., например, [9]). Сегодня эту идею заново «открыли» многие общественно-политические деятели.

Наконец, четвертая характеристика политэкономического подхода: акцентирование внимания на проблеме не роста, а социально- и гуманитарно-ориентированного *развития*. Здесь мы стоим на одной позиции с рядом авторов,

не являющихся политэкономами, но активно доказывающими необходимость отказа от ВВП как главного измерителя результатов функционирования экономических систем (см., например, [10, 11, 12]). Это развитие во многом неизмеряемо. Сейчас очень многие говорят о том, что нельзя измерять развитие с помощью таких показателей, как рост ВВП, но при этом развитие по-прежнему измеряют именно так — и это присутствует и в докладах политических деятелей, и в докладах ученых — представителей ведущих научно-исследовательских институтов.

В связи с этим следует отметить также бесконечные дебаты по поводу ВВП. В частности, представители неолиберального направления отстаивают позицию, что только благодаря рынку в России не случился в 2022 г. огромный спад до 12% ВВП. Их оппоненты, напротив, обращают внимание на ограничения рынка, введение гособоронзаказа и в ряде случаев — «ручное управление» как основные факторы, благодаря которым удалось не допустить такого глубокого спада российской экономики в последние годы.

Но главная проблема даже не в этом, а в том, как изменились технологические, социальные, гуманитарные параметры развития, а об этом говорится намного меньше.

Политэкономический подход также подразумевает введение и активное использование в исследованиях категории «прогресса» [13, 14]. Многие исследователи, работающие в парадигме экономикс, не понимают, зачем использовать категорию «прогресс», считая, что это уже выходит за область экономики. Но прогресс — это характеристика не экономики, сводимой к экономикс, а экономики как развивающейся системы, исследуемой в рамках политической экономии.

Еще одним важным тезисом, которые, на наш взгляд, характеризуют специфику политэкономического подхода, является то, что *имеет значение контекст* — политический, социальный, идейный. И современная геополитэкономическая ситуация как никогда актуализирует этот тезис.

Применительно к одному из основных вопросов современности — трансформации функций государства — политэкономический подход также позволяет сделать ряд важных акцентов. Трансформации государства как экономического актора в XXI в. подразумевают, что среди трех укрупненных блоков задач, решаемых государством (которые можно обозначить в виде ролей: государство-капитал, государство-бюрократ и государство-общество — подробнее о функциях и роли государства см. [15, 16]), все больший вес и влияние приобретают задачи, которые можно отнести к роли «государства-общества». Иными словами, повышение роли государства несет прогресс для социально-экономического развития национальной экономики и общества только в той мере, в какой государство реализует общенародные интересы, а не интересы капитала и/или бюрократии.

В качестве основных функций государства-общества выделим такие, как стимулирование эко-социо-гуманитарно-ориентированного развития, социализация собственности, расширение сферы создания и использования общественных благ, снижение социального неравенства.

Существенно, что эти функции во многом перекликаются с направлениями генезиса ноономики, выделяемыми С.Д. Бодруновым (так называемая «квадрига ноономики», включающая в себя социализацию, солидарность, диффузию собственности и лежащий в их основе технологический прогресс [17, с. 8]).

Политико-экономический подход к проблемам социально-экономического развития России в XXI в. позволяет дать ответы на существующие вызовы. Ключ

к этому ответу – стратегия опережающего развития (подробнее см. [18, 19]. Эта стратегия подразумевает именно *развитие* (с изменением качественных характеристик основных акторов экономики и структурных характеристик экономики в целом), а не только *рост стоимостных показателей*. Цель стратегии опережающего развития – создание условий прогресса человеческих качеств, решения социальных и экологических проблем. *Основой* такого развития является новый тип материального производства (прогресс массового творческого труда). *Средствами* реализации стратегии может стать приоритетное развитие переходных производственных отношений (прогрессирование пострыночных и посткапиталистических отношений). Только такое развитие может обеспечить реальный *технологический и экономический суверенитет России*.

Политэкономический подход подразумевает, что при реализации программы развития необходимо помнить *об аксиоме системности социально-экономической политики* (подробнее см. [20, с. 30]), а также о том, что успешная реализация запланированных мер невозможна без понимания ответа на вопрос «Кому выгодно?» (и соответственно – на вопрос «Кому не выгодно?»). И здесь необходимо учитывать стратегическое противостояние тех, кого можно назвать «трудящимся большинством общества» (драйвер этого слоя – homo creator socialis) – с одной стороны, и капитала, функционирующего в так называемом «бесплезном секторе» экономики (своего рода эквивалента того, что называют в зарубежной литературе bullshit jobs [21] и junk-economy [22]), и бюрократии – с другой стороны.

Для реализации обозначенного выше вектора трансформаций принципиально важно сформировать исследователей-политэкономов и, соответственно, **систематически развивать политэкономическое образование**, которое позволяет:

- исследовать сложные закономерности мирового и национального социально-экономического развития;
- решать стратегические вопросы реформирования системы социально-экономических отношений и институтов;
- обеспечивать реализацию не только частных, но и общенациональных интересов, ориентированных на развитие производства, человека, решение социальных и экологических проблем, а не только умение решать вопросы максимизации прибыли и макроэкономических стоимостных показателей.

Рассмотрение вопроса реализации политэкономического подхода будет неполным, если мы не ответим на вопрос, кем востребован такой подход в XXI в. Здесь мы предлагаем ряд тезисов, отвечающих на вопрос о том, **кому нужна политическая экономия**:

- *критически мыслящему человеку*, стремящемуся познать законы общественного развития и содействовать общественному прогрессу (социальному творцу, ориентированному на реформирование, преобразование общественно-экономических отношений согласно вызовам трансформаций и наблюдаемым тенденциям развития);
- *стратегически мыслящему предпринимателю и чиновнику*, стремящемуся найти адекватные методы сохранения и приумножения своего богатства и власти;
- *аналитику, ученому и педагогу*, стремящимся к критическому использованию различных парадигм исследования.

Для полноты картины назовем тех, кому политическая экономия *не нужна*. Она не нужна тактически мыслящему предпринимателю и потребителю, поскольку

задачи, решаемые политической экономией, как правило, не входят в область их актуальных интересов.

Чтобы показать место политэкономического знания в корпусе теоретического экономического знания, предлагаем следующую предельно простую классификацию основных (наиболее популярных в учебных программах и исследовательском сообществе) направлений экономической теории. В этой классификации нами обозначены основные вопросы, на которые позволяют находить ответы представленные в ней направления экономической теории и, соответственно, *целевая аудитория этих направлений*:

- *неоклассика* – исследует то, как с наибольшим стоимостным результатом продавать и покупать и какие условия для этого должно обеспечить государство; *целевая аудитория* – бизнесмены (предприниматели) и потребители.
- *новый институционализм* – позволяет получить ответ на вопрос о том, какие «правила игры» оптимальны для решения задач, решаемых неоклассикой; *целевая аудитория* – менеджеры;
- *классическая политическая экономия* (в данном контексте названа «классической», чтобы подчеркнуть, что речь идет именно о political economy, а не о political economics) – отвечает на вопросы о том, как и почему возникают, развиваются и прекращают свое существование экономические системы; каково их конкретно-историческое качество (границы; предел развития); какие объективные силы определяют тип развития, интересы и ценности человека, социальную структуру, идеологию и т.п.; *целевая аудитория* – критически мыслящие исследователи, стратегически мыслящие предприниматели и государственные деятели, аналитики, ученые и педагоги, ориентированные на понимание закономерностей общественного и экономического развития и использование этих знаний для решения масштабных задач и достижения стратегических целей (социальные творцы).

Завершив наши размышления *рекомендациями*, которые звучали в различных обсуждениях неоднократно (подробнее см., например: [23, 24]) и которые, надеемся, будут в итоге воплощены в конкретных образовательных программах и стандартах. Рекомендации направлены на реализацию своего рода императива, вызванного к жизни актуальными вызовами для социально-экономического развития России – императива развития фундаментальной экономической теории (политической экономии и других направлений гетеродоксальной экономической теории). Это предусматривает гораздо более глубокое знакомство студентов с гетеродоксальной экономической теорией, чем это позволяли учебные планы, ориентированные преимущественно на реализацию Болонской системы, где экономическая теория (экономика) была представлена в подавляющем большинстве случаев курсами микро- и макроэкономики (подробнее см. [25]).

В частности, конкретизация этого положения состоит в том, что необходимо **включить в образовательный стандарт**, наряду с микро- и макроэкономикой, такие курсы, как 1) *курс современной политической экономии* (учитывающей специфику развития различных социально-экономических систем мира, в том числе специфику Евразийской модели, а не только Запада) и 2) *курс национальной экономики* (например, в формате курса «**Экономическая система России**», большой опыт преподавания которого есть, например, на экономическом факультете МГУ, и этот опыт может быть в короткие сроки адаптирован для других вузов).

Логическим следствием курса на реализацию этих рекомендаций является перечень задач, включающий разработку и внедрение программ обучения в бакалавриате, специалитете, магистратуре и аспирантуре; разработку учебно-методических комплексов (учебники, программы, кейсы и т.п.), соответствующих проводимым коррекциям в области преподавания экономической теории, опираясь на уже существующий опыт российских и ряда зарубежных (в частности, китайских) вузов.

С учетом представленного выше, необходимо коснуться и такого важного вопроса, как *методическое обеспечение курса гетеродоксальной экономической теории*, предлагаемого нами в качестве обязательного. В центре этого курса предполагается политическая экономия как область *системного* знания об экономике (об особом статусе и роли политэкономии в обеспечении системности экономического образования см., например, [26, 27, 28]). Новый вариант программы курса «Политическая экономия», учитывающий современные реалии и ориентированный на формирование системного представления обо всем спектре основных направлений современной политэкономии и о совокупности проблем, на решение которых она ориентирована, был разработан межвузовским коллективом авторов и опубликован [29]. Авторами программы нового курса являются Д.Ю. Миропольский (СПбГЭУ), А.Ю. Протасов (СПбГУ), А.А. Пороховский (МГУ), С.А. Толкачев (Финансовый университет) и один из соавторов настоящего текста – А.В. Бузгалин (МГУ).

Также следует отметить, что в последние годы был опубликован целый ряд различных версий программ по курсу «Политэкономия» и по дисциплинам политэкономической тематики (см., например, [30, 31, 32, 33, 34]), а также учебники, подготовленные ведущими представителями основных направлений современной политэкономии в России (см. [7, 35, 36]), что свидетельствует о наличии необходимого методического обеспечения для быстрого перехода к практическому внедрению таких курсов в образовательные программы вузов.

И завершим, пожалуй, важнейшей рекомендацией, а точнее, условием реализации предлагаемых изменений – это организация серьезного, открытого обсуждения проблемы реформирования экономического образования, проведение широкой дискуссии в научно-образовательном сообществе, нацеленной на обсуждение предлагаемых коррекций и выработку согласованных рекомендаций для государственных органов.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. *Ноономика*. М.: Культурная революция, 2018.
2. Глазьев С.Ю. *Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы*. 2016. Т. 52. № 2. С. 3–29.
3. Колганов А.И. *Эволюция содержания человеческой деятельности и изменение структуры экономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте*. 2022. Т. 1. № 1. С. 65–80.
4. Бузгалин А.В., Яковлева Н.Г., Барашкова О.В. *Человек, человеческий потенциал, «человеческий капитал» в зеркале политической экономии (статья 1-я) // Российский экономический журнал*. 2023. № 1. С. 4–21.
5. Jameson F. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. London; New York: Verso, 1991.
6. Mandel E. *Late Capitalism*. London; New York: Verso, 1987.
7. Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. *Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень*. 3-е изд. М. ЛЕНАНД, 2020.
8. Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Реализация общенародных интересов*. М.: Экономика, 1985.

9. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М., ИЭ РАН, 2008.
10. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
11. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: НИО.2. 2е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.
12. Теняков И.М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 61–73.
13. Момджян К.Х. О возможности и критериях общественного прогресса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 51–58.
14. Булавка-Бузгалина Л.А. Маркс–XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 73–84.
15. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. СПб.: Алетей, 2020.
16. Бузгалин А.В. Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация // Экономическая наука современной России. 2019. № 3. С. 7–18.
17. Бодрунов С.Д. Технологический прогресс: предпосылки и результат социогуманитарной ориентации экономического развития // Экономическое возрождение России. 2022. № 1. С. 5–13.
18. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
19. Бузгалин А.В., Колганов А.И. О стратегии опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 34–50.
20. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия и экономическая политика. Рынок. Капитал. Общество // Terra Economicus. 2016. Т. 14. № 1. С. 27–47.
21. Graeber D. *Bullshit Jobs: A Theory*. N. Y.: Simon & Schuster, 2018.
22. Hudson M. *J is for Junk Economics: A Guide to Reality in an Age of Deception*. Islet-Verlag, 2017.
23. Бузгалин А.В., Глазьев С.Ю. Российское образование в области экономической теории: необходимо обновление // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 4–21.
24. Протасов А.Ю., Благих И.А., Золочевская Л.С. Реформа экономического образования в России – влечение времени // Вопросы политической экономии. 2023. № 2. С. 94–101.
25. Хубиев К.А. Причины отказа от Болонской системы и задачи создания новой национальной системы образования // Вопросы политической экономии. 2023. № 2. С. 60–69.
26. Пороховский А.А. Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 8–22.
27. Пороховский А.А. Системное экономическое образование – важный фактор развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 239. № 1. С. 80–93.
28. Пороховский А.А., Филатов И.В., Фомина В.С. Экономика как система: научно-методический подход // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 5. С. 145–158.
29. Бузгалин А.В., Миропольский Д.Ю., Пороховский А.А., Протасов А.Ю., Толкачев С.А. Проект программы курса «Современная политическая экономия» // Вопросы политической экономии. 2023. № 2. С. 84–93.
30. Kotz D.M. Program of instruction for the course “Political Economy I” // Вопросы политической экономии. 2020. № 2. С. 132–139.
31. Kotz D.M. The economic theory instruction program at the university of Massachusetts // Вопросы политической экономии. 2020. № 3. С. 201–205.
32. Кондаурова И.А. Концепция человека в марксизме и неомарксизме: презентация новой учебной дисциплины // Вопросы политической экономии. 2021. № 2. С. 158–166.

33. Хабибуллина З.Р. Рабочая программа для факультатива по классической и современной политической экономии марксизма // *Вопросы политической экономии*. 2021. № 1. С. 199–210.
34. Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. Программа дисциплины «Политическая экономия» // *Вопросы политической экономии*. 2022. № 4. С. 155–177.
35. *Евразийская политическая экономия: Учебник / под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича*. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2016.
36. Рязанов В.Т. *Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза*. СПб.: Алетейя, 2019.

References

1. Bodrunov S.D. *Noonomika*. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2018.
2. Glaz'ev S.Yu. *Mirokhozyaistvennye układy v global'nom ekonomicheskom razvitii* // *Ekonomika i matematicheskie metody*. 2016. T. 52. № 2. S. 3–29.
3. Kolganov A.I. *Evolyutsiya sodержaniya chelovecheskoi deyatel'nosti i izmenenie struktury ekonomiki* // *Noonomika i noobshchestvo*. Al'manakh trudov INIR im. S.Yu.Vitte. 2022. T. 1. № 1. S. 65–80.
4. Buzgalin A.V., Yakovleva N.G., Barashkova O.V. *Chelovek, chelovecheskii potentsial, «chelovecheskii kapital» v zerkale politicheskoi ekonomii (stat'ya 1-ya)* // *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2023. № 1. S. 4–21.
5. Ameson F. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. London; New York: Verso, 1991.
6. Mandel E. *Late Capitalism*. London; New York: Verso, 1987.
7. Buzgalin A.V., Kolganov A.I., Barashkova O.V. *Klassicheskaya politicheskaya ekonomiya: Sovremennoe marksistskoe napravlenie. Bazovyi uroven'. Prodvinityi uroven'. 3-e izd.* M. LENAND, 2020.
8. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Realizatsiya obshchenarodnykh interesov*. M.: Ekonomika, 1985.
9. Grinberg R.S., Rubinshtein A.Ya. *Osnovaniya smeshannoi ekonomiki. Ekonomicheskaya sotsiodinamika*. M., IE RAN, 2008.
10. Stiglits D., Sen A., Fitussi Zh.-P. *Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa*. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2016.
11. Bodrunov S.D. *Gryadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka: NIO.2. 2 e izd., ispr. i dop.* SPb.: INIR im. S.Yu. Vitte, 2016.
12. Tenyakov I.M. *Podkhody k otsenke kachestva ekonomicheskogo rosta* // *Voprosy politicheskoi ekonomii*. 2016. № 4. S. 61–73.
13. Momdzhyan K.Kh. *O vozmozhnosti i kriteriyakh obshchestvennogo progressa* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 2018. № 5. S. 51–58.
14. Bulavka-Buzgalina L.A. *Marks–XXI. Sotsial'nyi progress i ego tsena: Dialektika otchuzhdeniya i razotchuzhdeniya* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 2018. № 5. S. 73–84.
15. *Ekonomicheskaya teoriya gosudarstva: novaya paradigma paternalizma / pod red. A.Ya. Rubinshteina, A.E. Gorodetskogo, R.S. Grinberga*. SPb.: Alateiya, 2020.
16. Buzgalin A.V. *Gosudarstvo v ekonomike XXI v.: politiko-ekonomicheskaya interpretatsiya* // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. 2019. № 3. S. 7–18.
17. Bodrunov S.D. *Tekhnologicheskii progress: predposylki i rezul'tat sotsiogumanitarnoi orientatsii ekonomicheskogo razvitiya* // *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*. 2022. № 1. S. 5–13.
18. Glaz'ev S.Yu. *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa*. M.: Ekonomika, 2010.
19. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *O strategii operezhayushchego razvitiya Rossii* // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2017. № 7. S. 34–50.
20. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Politicheskaya ekonomiya i ekonomicheskaya politika. Rynok. Kapital. Obshchestvo* // *Terra Economicus*. 2016. T. 14. № 1. S. 27–47.
21. Graeber D. *Bullshit Jobs: A Theory*. N. Y.: Simon & Schuster, 2018.

22. Hudson M.J *is for Junk Economics: A Guide to Reality in an Age of Deception*. Islet-Verlag, 2017.
23. Buzgalin A.V., Glaz'ev S.Yu. Rossiiskoe obrazovanie v oblasti ekonomicheskoi teorii: neobkhodimo obnovenie // Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal. 2022. № 5. S. 4–21.
24. Protasov A.Yu., Blagikh I.A., Zolochevskaya L.S. Reforma ekonomicheskogo obrazovaniya v Rossii – velenie vremeni // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2023. № 2. S. 94–101.
25. Khubiev K.A. Prichiny otkaza ot Bolonskoi sistemy i zadachi sozdaniya novoi natsional'noi sistemy obrazovaniya // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2023. № 2. С. 60–69.
26. Porokhovskii A.A. Politicheskaya ekonomiya v KhKhI veke: sistemnyi podkhod v reshenii problem sovremennoi ekonomiki // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2016. № 4. S. 8–22.
27. Porokhovskii A.A. Sistemnoe ekonomicheskoe obrazovanie – vazhnyi faktor razvitiya Rossii // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. T. 239. № 1. S. 80–93.
28. Porokhovskii A.A., Filatov I.V., Fomina V.S. Ekonomika kak sistema: nauchno-metodicheskii podkhod // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. 2017. № 5. S. 145–158.
29. Buzgalin A.V., Miropol'skii D.Yu., Porokhovskii A.A., Protasov A.Yu., Tolkachev S.A. Proekt programmy kursa «Sovremennaya politicheskaya ekonomiya» // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2023. № 2. С. 84–93.
30. Kotz D.M. Program of instruction for the course “Political Economy I” // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2020. № 2. S. 132–139.
31. Kotz D.M. The economic theory instruction program at the university of Massachusetts // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2020. № 3. S. 201–205.
32. Kondaurova I.A. Kontseptsiya cheloveka v marksizme i neomarksizme: prezentatsiya novoi uchebnoi distsipliny // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2021. № 2. S. 158–166.
33. Khabibullina Z.R. Rabochaya programma dlya fakul'tativa po klassicheskoi i sovremennoi politicheskoi ekonomii marksizma // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2021. № 1. S. 199–210.
34. Buzgalin A.V., Kolganov A.I., Barashkova O.V. Programma distsipliny «Politicheskaya ekonomiya» // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2022. № 4. S. 155–177.
35. Evraziiskaya politicheskaya ekonomiya: Uchebnik / pod red. I.A. Maksimtseva, D.Yu. Miropol'skogo, L.S. Tarasevicha. SPb: Izd-vo SPbGEU, 2016.
36. Ryazanov V.T. Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza. SPb.: Aleteiya, 2019.

Контактная информация / Contact information

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 3-й учебный корпус.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, GSP-1, 1-46 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.

Бузгалин Александр Владимирович / Aleksander V. Buzgalin
conf.buzgalin@mail.ru

Барашкова Ольга Владимировна / Olga V. Barashkova
o.v.barashkova@gmail.com

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (IE RAS), 32 Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russia.

Яковлева Наталья Геннадьевна / Natalia G. Yakovleva
tetn@yandex.ru

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НЭПУ

RETURNING TO THE NEP

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-366-376

ПАПИАШВИЛИ Татьяна Погосовна

Международный Черноморский Университет, Грузия, PhD, профессор

Tatiana P. PAPIASHVILI

International Black Sea University, Georgia, PhD of Economics, Professor

Аннотация

Анализ литературы показал, что в большинстве случаев новая экономическая политика (НЭП) анализируется как конкретная политика в конкретный период времени в конкретной стране. Международный опыт проведения подобных реформ на Кубе, в Китае и Восточной Германии выявил много общих подходов. Индуктивный метод исследования (bottom-up анализ) позволяет анализировать НЭП как теорию перехода от капиталистической к социалистической экономике. В данной статье на примере экономики Грузии рассмотрены два постулата НЭПа, которые являются основными и общими для современной экономической теории: (а) необходимость использования экономических интересов, стимулов, мотивации для достижения любой экономической цели; (б) политико-экономическая роль многоукладной экономики.

Abstract

The literature review indicated that in most cases the NEP is analyzed as a specific policy in a specific period of time in a specific country. International experience with similar reforms in Cuba, China and East Germany shows many common approaches. Using the inductive method of research (bottom-up analysis), allows us to analyze the NEP as a theory of transition from a capitalist to a socialist economy. In this article, on the example of the Georgian economy, two postulates of the NEP are considered, which are basic and common in modern economic theory: (a) the need to use economic interests, incentives, motivation to achieve any economic goal; (b) the political and economic role of a mixed economy.

Ключевые слова

НЭП, *индуктивный метод* исследования, мотивация, малые и средние предприятия, Грузия.

Keywords

NEP, *bottom-up analysis*, motivation, small and medium sized enterprises, Georgia.

Введение

Постановка задачи

Новая Экономическая Политика (НЭП) до сих пор вызывает споры и активно обсуждается экономическим сообществом. **Примером стала интереснейшая дискуссия, которая состоялась в рамках круглого стола «НЭП 100 лет назад и сегодня: как понимать?»** [1; 7]. Противоречивые оценки давали и современники, характеризую

ее как **«ревизию экономической стратегии»**, «радикальное изменение большевистской стратегии», или, по крайней мере, как временный отказ от прежней политики [25]. С точки зрения исторической перспективы все эти оценки были по-своему верны [1].

НЭП не случайно называют ленинским. Именно В.И. Ленин был автором и исполнителем этой политики. Именно В.И. Ленин объяснил практические задачи, содержание, роль, значение, ожидаемые результаты НЭПа и т.д. в той драматической ситуации, в какой оказалась страна [2–6].

Ленинская общая оценка состояла в том, что НЭП – это «общая политика перехода от капитализма к социализму» [5], чтобы «построить коммунизм руками некоммунистов» [6].

Современная литература добавляет новые аспекты анализа НЭПа – международный опыт, в частности, опыт Кубы, Китая и Восточной Германии по реформированию экономики [7, с. 209–267; 9, с. 55–60]. Обобщение опыта этих стран показывает много общих подходов как в стратегии, так и на практике, более того, по нашему мнению, создает основу для дальнейшего обобщения.

Методы

В работе применен индуктивный метод исследования, или bottom-up анализ – «от частного к общему», от сбора фактов к их анализу и обобщению.

Задача данной работы состоит в том, чтобы изучить НЭП как общую теорию переходного периода от капитализма к социализму, выделяя общие экономические принципы и закономерности. Опуская конкретно-исторические аспекты, мы пытаемся разграничить теорию и политику, экономическое содержание и политико-идеологические формы НЭПа. К слову, такой подход позволил определить меркантилизм не только как экономическую политику, но и как первую школу политической экономии. Кроме того, появляется возможность глубже оценить актуальность НЭПа сегодня.

Ленин о некоторых уроках НЭПа

Ленинский анализ уроков НЭПа невозможно переоценить. Приведем лишь малую часть. Так, в своей речи на XI съезде РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. Ленин четко формулирует практические уроки НЭПа [6, с. 76–86]:

- НЭП позволил установить реальные связи (*«смычки»*) с крестьянской экономикой.
- НЭП создал возможность практического соревнования государственных (социалистических) и капиталистических предприятий, стал проверкой умения хозяйничать через создание *«смешанных обществ»* или предприятий с различными формами собственности.

НЭП породил совершенно новую экономическую систему – *«государственный капитализм при коммунизме»*, систему, которой не было ни в истории, ни в марксистской теории.

По определению Ленина, «государственный капитализм, это – тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это – рабочие, это – передовая часть рабочих, это – авангард, это – мы» [6, с. 85].

Иными словами, Ленин четко заявил, что НЭП – это не просто временная или чрезвычайная политика в крестьянской стране, но реальный путь к строительству

социалистической экономики, путь перехода к социализму через «смешанные общества» или многоукладную экономику. Многоукладная экономика составляла экономическую основу (базис) этой новой экономической системы (модели), тогда как политическая власть, включающая полный контроль за основными экономическими ресурсами (экономическая надстройка), была в руках правящего класса – пролетариата.

Ленинский подход к использованию частной собственности и «государственного капитализма» для построения социализма является блестящим примером применения в политической экономии марксистского диалектического метода.

Опыт отдельных стран по реформированию экономики (например, Кубы, Китая и Восточной Германии), подтверждает ведущую роль пролетарского государства в переходный период [7, с. 209–267; 9, с. 55–60]. Общей практикой были национализация предприятий в ведущих секторах экономики, и прежде всего в финансовом – банковском секторе, установление жесткого государственного контроля за международной торговлей, национализация или создание смешанной собственности на землю и другие факторы производства, внедрение методов централизованного планирования, включая индикативное, и т.д.

Данная статья посвящена двум идеям НЭПа, которые в настоящее время являются базовыми и общими постулатами экономической теории.

Общий посыл НЭПа состоял в том, чтобы «построить коммунизм руками некоммунистов», основываясь на экономических интересах основных классов – крестьян и промышленных рабочих. Эта базовая концепция необходимости использования экономических интересов – стимулов – мотивации для достижения любой экономической цели по-прежнему является фундаментальной для современной экономической теории.

Несмотря на то, что сегодня большинство постсоветских экономик являются рыночными, идея Ленина о доминировании «смешанных компаний, основанных на прибыли», также актуальна. Очевидными представителями таких компаний являются микро-, малые и средние предприятия (ММСП). Сегодня по-прежнему важно понять мотивацию к предпринимательству, оценить политическую и экономическую роль ММСП через их социально-экономическое воздействие на экономику и общество.

В качестве кейса используется экономика Грузии.

Мотивация к предпринимательству

С исторической точки зрения предпринимательство в Грузии началось после распада Советского Союза, хотя кооперативное движение активно развивалось в период горбачевской перестройки. Некоторые исследователи назвали этот тип «предпринимательством для выживания» (*entrepreneurship for survival*), поскольку он связан с преодолением крайней бедности и весьма далек от современного понимания и интерпретации предпринимательства [31].

Очевидно следует различить «предпринимательство для выживания от предпринимательства по необходимости» (*necessity-driven entrepreneurship or entrepreneurship of need*) [12–13]. Последнее сейчас очень распространено в странах с низким уровнем дохода, например, 50% семейных предпринимателей в Египте, 46% в Индии и 38% в Анголе начали свой бизнес, потому что не было лучших альтернатив. В странах со средним уровнем дохода не менее трети семей начинают

свой бизнес, мотивируясь необходимостью иметь какие-либо доходы (*necessity motives*), в то время как в странах с высоким уровнем доходов такая мотивация составляет лишь 10% и менее для семейного бизнеса [14, с. 16].

Высшим уровнем мотивации является предпринимательство «возможностей» (*entrepreneurship of opportunity*), когда люди выбирают предпринимательство в качестве карьеры, чтобы реализовать свои знания, возможности, мечты.

Негативное влияние пандемии COVID-19 (с точки зрения роста безработицы, сокращения резерва рабочих мест или альтернативных возможностей трудоустройства, снижения доходов, инфляции, ослабления систем социального обеспечения и т.д.) сказалось и на отношениях, ожиданиях и намерениях людей [11]. Пандемия усилила неопределенность и сделала ожидания более пессимистичными, демотивировала предпринимательство. Снижение уровня общей предпринимательской активности на начальной стадии (Total Early-stage Entrepreneurial Activity – TEA), что представляет собой процент взрослых в возрасте от 18 до 64 лет, активно вовлеченных в открытие или ведение нового бизнеса, свидетельствует об этой негативной тенденции. Так, в Европе и Северной Америке доля взрослых, начинающих или ведущих новый бизнес, снизилась значительно: в 14 из 20 стран менее чем один из 10 взрослых начинает или ведет новый бизнес [10, с. 14, 30].

С другой стороны, влияние пандемии на мотивацию к предпринимательству нельзя назвать однозначным. Продолжающаяся реструктуризация экономики открывает новые возможности для предпринимателей и новаторов. Действительно, глобальная пандемия изменила нашу повседневную жизнь, изменив образ жизни, заставив потребителей пересмотреть свои ценности и приоритеты. Потребительский спрос изменился, а именно, сначала резко вырос спрос на дезинфицирующие средства и средства индивидуальной защиты, за которым быстро последовал растущий спрос на онлайн-образование и развлечения, затем на онлайн-продажи, медицинские услуги и др. Неудивительно, что спрос на фармацевтические препараты и онлайн-покупку еды навынос также резко вырос.

Понятно, что окончательную картину реструктуризации экономики можно будет наблюдать только через несколько лет, но «Новая нормальность» («New normal») стала реальностью. Основная тенденция заключается в том, что растущие отрасли связаны с производством потребительских услуг, в том числе новых. Традиционно в таких секторах экономики малые и средние предприятия были наиболее конкурентоспособными и эффективными. Таким образом, глобальная пандемия открыла новые возможности для малых и средних предпринимателей с точки зрения растущего спроса на новые потребительские товары и услуги. Кроме того, локдауны переориентировали потребителей на покупку большего количества местных товаров (услуг) на местных рынках.

Массовая цифровизация многих услуг также открыла новые пути и рынки для роста предпринимательства. Разработка доступных цифровых инструментов и платформ предоставила ММСП новые возможности с точки зрения продуктов/услуг (таких как онлайн-образование и онлайн-работа) и рынков (в том числе иностранных).

Малый и средний бизнес в Грузии в цифрах

Следуя принятому индуктивному методу исследования, рассмотрим ММСП в такой небольшой стране, как Грузия. Появляются некоторые «технические», но очень

важные моменты. Во-первых, «стандартного» международного определения малого и среднего предпринимательства вообще не существует. Статус – малые и средние предприятия (МСП) – определяется по-разному в законодательстве разных стран, поскольку параметры фирмы «малый» и «средний» связаны с размером национальной экономики [26, с. 14]. Более того, в Грузии нет единого определения малых и средних предприятий [15, 29], отсутствует статистика по микробизнесу [24]. Принимая во внимание эти ограничения, вклад микро-, малого и среднего предпринимательства (фактически, только малого и среднего бизнеса) в экономику Грузии анализируется с использованием основных макроэкономических показателей – общий оборот (рис. 1), добавленная стоимость (рис. 2), занятость (рис. 3), инвестиции в основной капитал (рис. 4) и общий доход (рис. 5).

Рис. 1. Доля МСП в общем обороте (%)

Источник:
Составлено и рассчитано автором на основе: 18–23

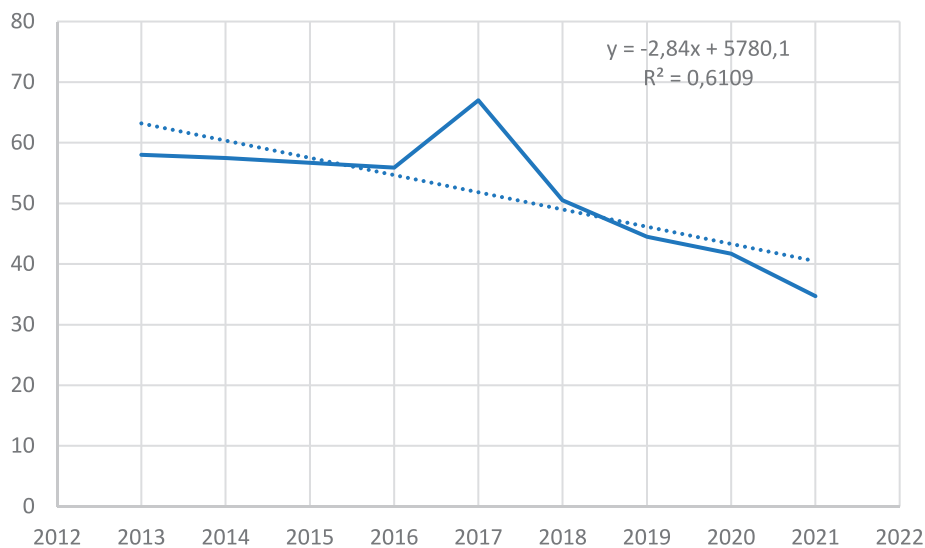
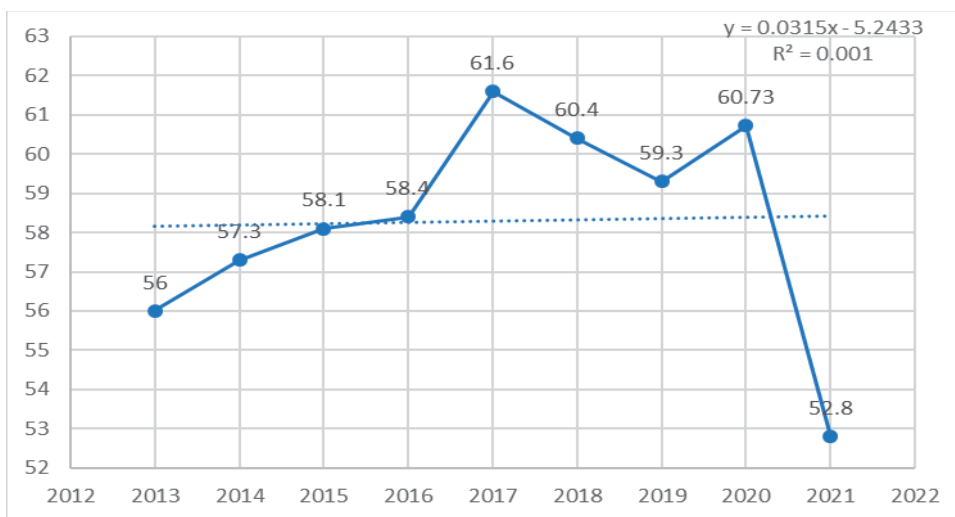

Рис. 2. Доля МСП в добавленной стоимости (%)

Источник:
Составлено и рассчитано автором на основе: 18–23

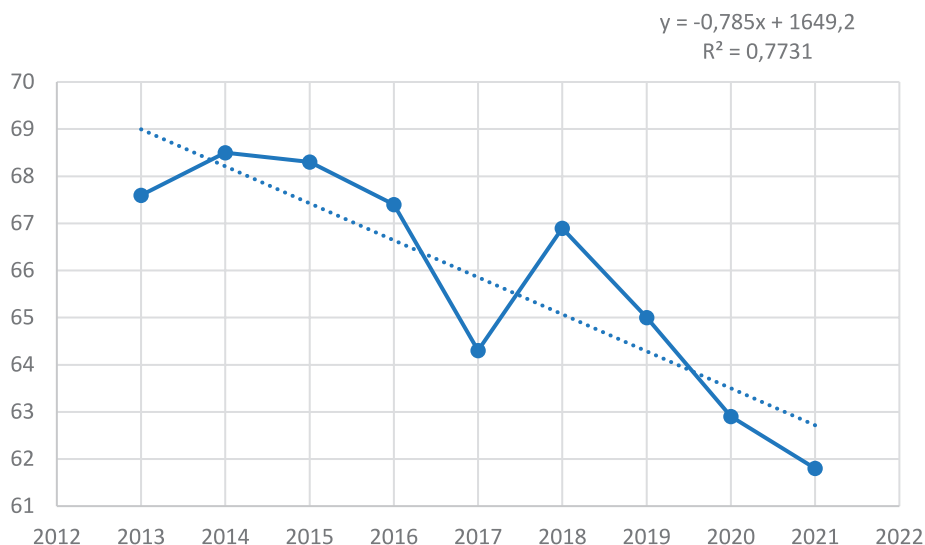
Статистика показывает, что доля МСП в общем обороте и добавленной стоимости имеет тенденцию к снижению, хотя эти тенденции разные. В частности, коэффициент корреляции для общего оборота (-0,7816) отражает существенную корреляцию, а для добавленной стоимости малую (0,031821) (таблица), поскольку в этом случае значения различаются несущественно. Иными словами, доля малых и средних предприятий в добавленной стоимости достаточно стабильна и колеблется в интервале от 50 до 60%.

Таблица. Сводная таблица коэффициентов корреляции

Показатель	Уравнение регрессии (y)	R ²	Коэффициент корреляции
Общий оборот	$y = -2.84x + 5780.1$	$R^2 = 0.6109$	-0.7816
Добавленная стоимость	$y = 0.0315x - 5.2433$	$R^2 = 0.001$	0.031821
Занятость	$y = -0.785x + 1649.2$	$R^2 = 0.7731$	-0.87929
Инвестиции в основной капитал	$y = 0.1133x - 180.88$	$R^2 = 0.0033$	0.057749

Рис. 3. Доля занятых на малых и средних предприятиях в общей занятости (%)

Источник: Составлено и рассчитано автором на основе: 18–23

К сожалению, в Грузии нет статистики по количеству закрытых предприятий малого и среднего бизнеса. Одна из причин – официально закрыть бизнес в стране по-прежнему проблематично [27]. Согласно нашим неофициальным интервью, многие владельцы малого бизнеса просто вышли из бизнеса, не закрываясь официально. Но резкое снижение численности занятых в МСП (рис. 3) свидетельствует о том, что многие предприятия действительно закрылись,

Рис. 4. Доля МСП в инвестициях в основной капитал (%)

Источник: Составлено и рассчитано автором на основе: 18–23

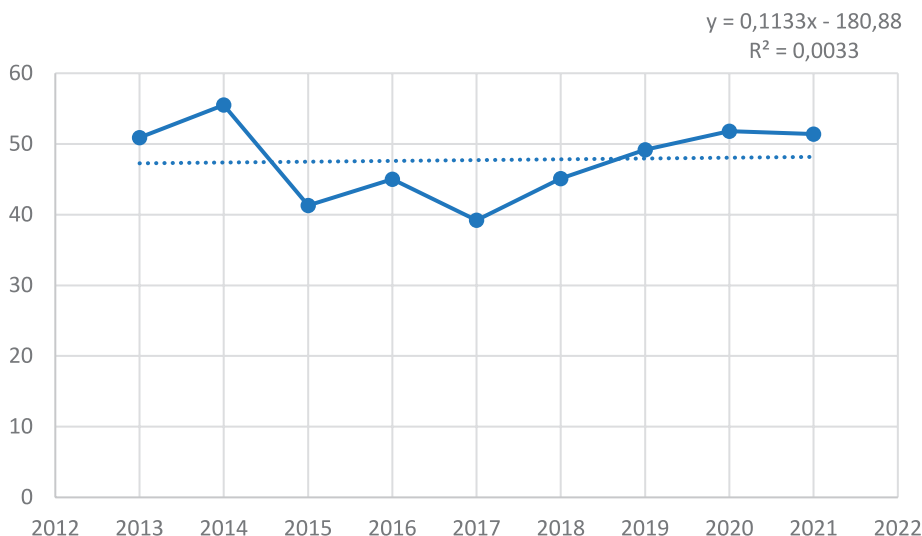
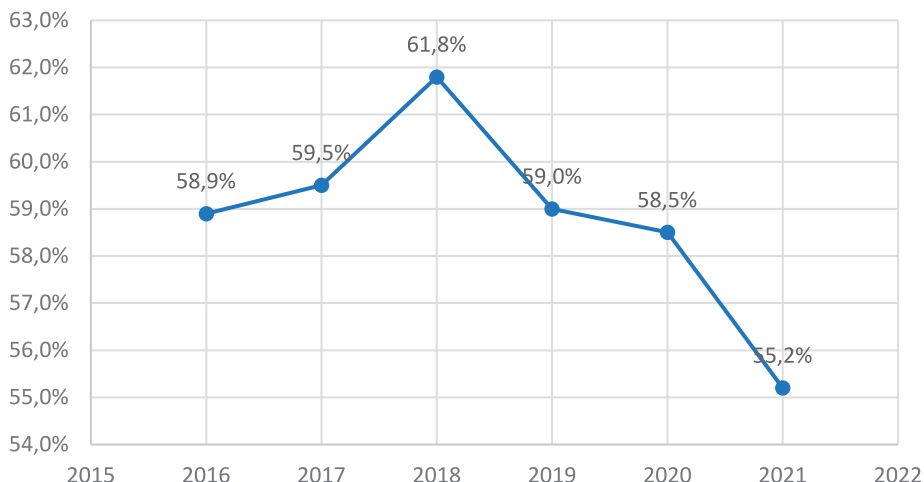

Рис. 5. Доля доходов занятых на малых и средних предприятиях в общем доходе (%)

Источник: Составлено и рассчитано автором на основе: 18–23

а их работники были уволены (значение коэффициента корреляции большое и отрицательное, $-0,87929$).

Рисунок 4 представляет важную информацию. В наблюдаемый период доля МСП в инвестициях в основной капитал достаточно стабильна (значение коэффициента корреляции невелико, $0,057749$). Стабильные инвестиции в основной капитал отражают, с одной стороны, разницу между реальной и официальной ситуацией по закрытию малого бизнеса, о чем говорилось выше, с другой, очевидно, присутствуют оптимистичные ожидания владельцев малого бизнеса в отношении продолжения их деятельности [28].

Оптимизм связан с более значительным, чем ожидалось, ростом экономики Грузии в 2022 г. и восстановлением в 2023 г. (www.geostat.ge). Среди основных факторов роста можно назвать структуру экономики (в последние десятилетия сектор услуг составлял значительную долю в экономике Грузии – около 60% ВВП);

значительный рост денежных переводов из-за границы в послековидный период; возрождение туристического сектора в стране и др. [17].

И наконец, показатель доли доходов занятых на малых и средних предприятиях в общем доходе, имеет решающее значение для сокращения бедности в стране (рис. 5). К сожалению, общее негативное влияние COVID-19 привело к резкому снижению этого показателя.

Таким образом, малые и средние предприятия диверсифицируют структуру национальной экономики [30]. Они не конкурируют, а дополняют крупные предприятия, занимая их рыночную нишу или отдельные сегменты посредством деловых связей, партнерских отношений и отношений субподряда. В настоящее время сильная и производительная экономика может быть достигнута только там, где малые, средние предприятия и крупные предприятия не только сосуществуют, но и функционируют как интегрированная система.

Заключение

Анализ литературы показал, что в большинстве случаев НЭП рассматривается как конкретная политика в конкретный период времени в конкретной стране. Однако международный опыт проведения подобных реформ на Кубе, в Китае и Восточной Германии показывает много общих подходов.

Использование индуктивного метода исследования (bottom-up анализ) или переход от конкретных наблюдений за практикой к более широкому обобщению и теории позволяет анализировать НЭП как *теорию перехода* от капиталистической к социалистической экономике, сосредоточив внимание на ее основных экономических аспектах и принципах. Иными словами, мы рассматриваем НЭП как практику и теорию переходного периода, а не как «прототип социалистической экономики» [8, с. 46–66].

В данной статье основное внимание уделяется двум постулатам НЭПа, которые являются основными и общими в современной экономической теории:

- необходимость использования экономических интересов – стимулов – мотивации для достижения любой экономической цели;
- политико-экономическая роль многоукладной экономики или смешанных компаний, сегодня это микро-, малые и средние предприятия (ММСП).

Анализ этих двух постулатов на примере экономики Грузии показал следующее.

Мотивацию к предпринимательству формирует экосистема в целом. В Грузии после распада СССР господствовало «предпринимательство ради выживания». Позже предпринимательство «по необходимости» стало основным стимулом к открытию нового бизнеса.

COVID-19 негативно повлиял на отношения, ожидания и намерения людей, с одной стороны, с другой, глобальная пандемия открыла новые возможности для владельцев ММСП с точки зрения спроса на новые потребительские товары и услуги.

Обобщая особую роль ММСП с точки зрения социальных и экономических отношений, следует подчеркнуть, что малые и средние предприятия являются:

- источником дополнительных частных инвестиций,
- драйверами роста экономики,
- дополнительными генераторами занятости и доходов, что помогает в борьбе с бедностью.

Таким образом, ленинские идеи НЭПа оказались важны не только для понимания переходного периода от капитализма к социализму, но и для понимания экономических и социальных основ функционирования современной рыночной экономики.

Библиографический список

1. Бузгалин А.В., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Колганов А.И., Пороховский А.А., Худокормов А.Г., Чекмарев В.В., Барашкова О.В. (2022). НЭП 100 лет назад и сегодня: как понимать? (к 100-летию НЭП) // *Вопросы политической экономии*. № 1 (29). С. 22–53. DOI: 10.5281/zenodo.6525484 (<https://zenodo.org/record/6525484>)
2. Ленин В.И. *Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г.* ПСС В.И. Ленина 5-е издание, 44 том.
3. Ленин В.И. *О кооперации* (1921). ПСС В.И. Ленина 5-е издание, 45 том.
4. Ленин В.И. *О значении золота теперь и после полной победы социализма* (1921). ПСС В.И. Ленина 5-е издание, 44 том.
5. Ленин В.И. *О роли и значении профсоюзов.* ПСС В.И. Ленина 5-е издание, ПСС В.И. Ленина 5-е издание, 42 том.
6. Ленин В.И. *Доклад на XI съезде РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922.* ПСС В.И. Ленина 5-е издание, 45 том.
7. Ленинский НЭП: актуальность, роль, проблемы, международный опыт (под редакцией Д.Б. Эпштейна и А.И. Колганова. 2022. Москва.
8. Эпштейн Д.Б. (2022). НЭП как начало движения к социализму: реактуализация // *Вопросы политической экономии*. № 2 (30). С. 40–66. DOI: 10.5281/zenodo.6881193 (<https://zenodo.org/record/6881193>)
9. Campbell AL. (2022). *NEP, State Capitalism, Lenin, and China, Problems in Political Economy*, 1 (29), p. 54–61 DOI: 10.5281/zenodo.6525518 (<https://zenodo.org/record/6525518>).
10. GEM 2020/2021. *Global Report*. Retrieved on October 1, 2022, from www.gemconsortium.org/report/gem-20202021-global-report
11. GEM: *Diagnosing COVID-19 impacts on entrepreneurship. Exploring policy remedies for recovery* (2020). Retrieved on December 15, 2021 from www.gemconsortium.org/reports/covid-impact-report
12. Kelley D.J., Singer S. and Herrington M.D. (2012) *The Global Entrepreneurship Monitor: 2011. Global Report*. Retrieved on December 10, 2020 from <http://www.gemconsortium.org/report>
13. Kelley D., Gartner W.B., Allen M. (2020). *Global Entrepreneurship Monitor: Family Business Report*. Babson Park: Babson College Press, Babson Park, MA.
14. Hassid J., Komselis A.S. (2007). *Introduction to Entrepreneurship. Part A: Theorizing entrepreneurship*. Retrieved November 17, 2011 from http://entrepreneurship-georgia.unipi.gr/files/INTRODUCTION%20TO%20ENTREPRENEURSHIP_ver2R.pdf
15. *Law of Georgia “On Support of Small and Medium Enterprises”* (2002). (in Georgian).
16. Kakulia M. (2020). *Lessons from the Economic Crisis for Georgia. Economics and Business*, No. 2. (In Georgian).
17. Kharashvili E. & Lobzhanidze N. *Challenges and Opportunities for Promoting Sustainable Development in Small and Medium-Sized Enterprises (Case of Georgia)*. (2023). *Medicon Agriculture & Environmental Sciences*, Volume 4, Issue 5, p. 5–15.
18. *National Statistics Office of Georgia: Entrepreneurship in Georgia. Statistical Publication*. (2017). Tbilisi.
19. *National Statistics Office of Georgia: Entrepreneurship in Georgia. Statistical Publication*. (2018). Tbilisi.
20. *National Statistics Office of Georgia: Business sector in Georgia. Statistical Publication*. (2019). Tbilisi.
21. *National Statistics Office of Georgia: Business sector in Georgia. Statistical Publication*. (2020). Tbilisi.
22. *National Statistics Office of Georgia: Business sector in Georgia. Statistical Publication*. (2021). Tbilisi.

23. National Statistics Office of Georgia: *Business sector in Georgia. Statistical Publication. (2022). Tbilisi.*
24. Natsvlishvili, I. (2017) *Gender Inequality and Women's Entrepreneurship-Challenges and Opportunities (Case of Georgia).* In: Bilgin M., Danis H., Demir E., Can U. (eds) *Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship. Eurasian Studies in Business and Economics, vol 5. Springer, Cham. pp. 491–505.*
25. *New Economic Policy: Soviet history [1921–1928]. Retrieved on May 2023, from www.britannica.com/event/New-Economic-Policy-Soviet-history.*
26. OECD: *Entrepreneurship at a Glance 2017, (2017), Publishing, Paris. Retrieved on May 2018, from http://dx.doi.org/10.1787/entrepreneur_aag-2017-en*
27. Papava V. *On the Reflection of Coronomics in Economic Science and Economic Policy. Globalization and Business 10 (2020), p. 15–24.*
28. Papava, V., & Charaia, V. (2020). *The Coronomic Crisis and Some Challenges for the Georgian Economy. Expert Opinion No. 136. Tbilisi, Georgian Foundation for Strategic and International Studies, Retrieved on May 22, 2021 <https://www.gfsis.org/files/library/opinionpapers/136-expert-opinion-eng.pdf>.*
29. Papiashvili T. & I. Ciloglu. *SMEs in Georgia: Does definition matter? (2017). International Journal of Economics, Commerce and Management. UK, Vol. V, Issue 12, December 2017, p. 236–245 <http://ijecm.co.uk/wp-content/uploads/2017/12/51214.pdf>.*
30. *Small and medium entrepreneurship development strategy of Georgia for 2021–2025. Ministry of Economy and Sustainable Development of Georgia. Retrieved on April 25, 2023 www.economy.ge/uploads/files/2017/ek_politika/sme_strategy/2022/sme_strategy_2021_2025_eng_2.pdf.*
31. Rudaz F. *Entrepreneurship in Georgia (2012). Caucasus Analytical Digest, #45, p. 2–6. Retrieved on May 20, 2022. www.academia.edu/2558251/Entrepreneurship_in_Georgia*

References

1. Buzgalin A.V., Voejkov M.I., Gloveli G.D., Kolganov A.I., Porohovskij A.A., Hudokormov A.G., Chekmarev V.V., Barashkova O.V. (2022). *NEP 100 years ago and today: how understand? (100 Years since Introducing NEP) // Problems in Political Economy. № 1 (29). C. 22--53. DOI: 10.5281/zenodo.6525484*
2. Lenin V.I. *Novaja jekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov. Doklad na II Vserossijskom s#ezde politprosvetov 17 oktjabrja 1921 g. PSS V.I. Lenina 5-e izdanie, 44 tom.*
3. Lenin V.I. *O kooperacii (1921). PSS V.I. Lenina 5-e izdanie, 45 tom.*
4. Lenin V.I. *O znachenii zolota teper' i posle polnoj pobedy socializma (1921). PSS V.I. Lenina 5-e izdanie, 44 tom.*
5. Lenin V.I. *O roli i znachenii profsojuzov. PSS V.I. Lenina 5-e izdanie, PSS V.I. Lenina 5-e izdanie, 42 tom.*
6. Lenin V.I. *Doklad na XI s#ezde RKP(b) 27 marta – 2 aprelja 1922. PSS V.I. Lenina 5-e izdanie, 45 tom.*
7. *Leninskij NJeP: aktual'nost', rol', problemy, mezhdunarodnyj opyt (pod redakciej D.B. Jepshtejna i A.I. Kolganova. (2022). Moskva.*
8. Jepshtejn D.B. (2022). *NJeP kak nachalo dvizhenija k socializmu: reaktualizacija // Voprosy politicheskij jekonomii. № 2 (30). C. 40–66. DOI: 10.5281/zenodo.6881193 <https://zenodo.org/record/6881193>*
9. Campbell AL. (2022). *NEP, State Capitalism, Lenin, and China, Problems in Political Economy, 1 (29), p. 54–61 DOI: 10.5281/zenodo.6525518 (<https://zenodo.org/record/6525518>).*
10. *GEM 2020/2021. Global Report. Retrieved on October 1, 2022, from www.gemconsortium.org/report/gem-20202021-global-report*
11. *GEM: Diagnosing COVID-19 impacts on entrepreneurship. Exploring policy remedies for recovery (2020). Retrieved on December 15, 2021 from www.gemconsortium.org/reports/covid-impact-report*
12. Kelley DJ., Singer S. and Herrington M.D. (2012) *The Global Entrepreneurship Monitor:2011. Global Report. Retrieved on December 10, 2020 from <http://www.gemconsortium.org/report>*

13. Kelley D., Gartner W.B., Allen M. (2020). *Global Entrepreneurship Monitor: Family Business Report*. Babson Park: Babson College Press, Babson Park, MA.
14. Hassid J., Komselis A.S. (2007). *Introduction to Entrepreneurship. Part A: Theorizing entrepreneurship*. Retrieved November 17, 2011 from http://entrepreneurship-georgia.unipi.gr/files/INTRODUCTION%20TO%20ENTREPRENEURSHIP_ver2R.pdf.
15. Law of Georgia "On Support of Small and Medium Enterprises" (2002). (in Georgian)
16. Kakulia M. (2020). *Lessons from the Coronomic Crisis for Georgia*. *Economics and Business*, No. 2. (In Georgian).
17. Kharashvili E. & Lobzhanidze N. *Challenges and Opportunities for Promoting Sustainable Development in Small and Medium-Sized Enterprises (Case of Georgia)*. (2023). *Medicon Agriculture & Environmental Sciences*, Volume 4, Issue 5, p. 5–15.
18. National Statistics Office of Georgia: *Entrepreneurship in Georgia*. Statistical Publication. (2017). Tbilisi.
19. National Statistics Office of Georgia: *Entrepreneurship in Georgia*. Statistical Publication. (2018). Tbilisi.
20. National Statistics Office of Georgia: *Business sector in Georgia*. Statistical Publication. (2019). Tbilisi.
21. National Statistics Office of Georgia: *Business sector in Georgia*. Statistical Publication. (2020). Tbilisi.
22. National Statistics Office of Georgia: *Business sector in Georgia*. Statistical Publication. (2021). Tbilisi.
23. National Statistics Office of Georgia: *Business sector in Georgia*. Statistical Publication. (2022). Tbilisi.
24. Natsvlishvili I. (2017) *Gender Inequality and Women's Entrepreneurship-Challenges and Opportunities (Case of Georgia)*. In: Bilgin M., Danis H., Demir E., Can U. (eds) *Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship*. *Eurasian Studies in Business and Economics*, vol 5. Springer, Cham. pp. 491–505.
25. *New Economic Policy: Soviet history [1921–1928]*. Retrieved on May 2023, from www.britannica.com/event/New-Economic-Policy-Soviet-history.
26. OECD: *Entrepreneurship at a Glance 2017*, (2017), Publishing, Paris. Retrieved on May 2018, from http://dx.doi.org/10.1787/entrepreneur_aag-2017-en.
27. Papava V. *On the Reflection of Coronomics in Economic Science and Economic Policy*. *Globalization and Business* 10 (2020), p. 15–24.
28. Papava V., & Charaia V. (2020). *The Coronomic Crisis and Some Challenges for the Georgian Economy*. *Expert Opinion No. 136*. Tbilisi, Georgian Foundation for Strategic and International Studies, Retrieved on May 22, 2021 <https://www.gfsis.org/files/library/opinionpapers/136-expert-opinion-eng.pdf>.
29. Papiashvili T. & I. Ciloglu. *SMEs in Georgia: Does definition matter?* (2017). *International Journal of Economics, Commerce and Management*. UK, Vol. V, Issue 12, December 2017, p. 236–245. <http://ijecm.co.uk/wp-content/uploads/2017/12/51214.pdf>.
30. *Small and medium entrepreneurship development strategy of Georgia for 2021–2025*. Ministry of Economy and Sustainable Development of Georgia. Retrieved on April 25, 2023. www.economy.ge/uploads/files/2017/ek_politika/sme_strategy/2022/sme_strategy_2021_2025_eng_2.pdf.
31. Rudaz F. *Entrepreneurship in Georgia* (2012). *Caucasus Analytical Digest*, #45, p. 2–6. Retrieved on May 20, 2022. www.academia.edu/2558251/Entrepreneurship_in_Georgia.

Контактная информация / Contact information

Международный Черноморский Университет. 0131 Тбилиси, Грузия, пр. Д. Агмашенебели, 13 км
International Black Sea University. 0131 Tbilisi, Georgia, D. Agmashenebeli Alley, 13 km
Папиашвили Татьяна Погосовна / Tatiana P. Papiashvili
t.papiashvili@ibsu.edu.ge

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА: НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

ECONOMIC THEORY AND THE CHALLENGES OF XXI CENTURY: NEW OBJECTS OF ANALYZES AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-377-388

БАБАЕВ Алиджан Переджан оглы

Профессор кафедры Экономические и технологические науки
Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC),
г. Баку, д.э.н., профессор

Alijan P. BABAYEV

Professor of the department of economic and technological sciences, Azerbaijan
state economics University (UNEC), Baku, Doctor of Economics Sciences, Professor

Аннотация

В современном постоянно меняющемся мире экономическая теория как наука фактически представляет собой скорее совокупность различных теоретических направлений, доктрин, нежели какую-то определенную «органическую» систему. В такой ситуации следует признать, что сами реалии экономической и/или общественной жизни определяют направления и важнейшие объекты исследования. Так, в настоящее время, в частности, наука пытается найти ответы на такие вызовы современного периода истории, как проблемы инновационного развития или возрастающая интернационализация экономики в контексте становления многополярного мира, и предложить обществу конкретные рекомендации.

Abstract

In contemporary constantly changing world the economic theory as a branch of science in practice looks like some complex of different theoretical directions and doctrines, more than one definite “organic” system. In such situation it should be admitted that the realities of economic and/or social life define the directions and most important objects of analyzes. So, nowadays, for instance, the science tries to find answers to such challenges of current period of history as the problems of innovation development

or the growing internationalization of economy at the context of forming *multi-polar* world and to suggest concrete recommendations to the human society.

Ключевые слова Экономическая теория, преодоление кризисных последствий, обоснование практических решений, инновационное развитие.

Keywords *Economic theory, overcoming the crisis consequences, grounding of practical decisions, innovation development.*

Современная структура экономической теории, как и всей системы экономических наук, включая конкретные дисциплины, сформировалась под влиянием процессов интенсивного углубления разделения труда, проходивших во второй половине, и особенно в конце XX в., и связанных, прежде всего, с прорывным развитием информационных систем и других высоких технологий. В изменившихся и продолжающих изменяться реалиях XXI в., с углублением процессов цифровизации и расширением ее проникновения в хозяйственную и общественную жизнь объективно усложняется предмет самой экономической теории как науки и появляются новые объекты исследования. Этому способствуют и события геополитического характера последних лет, помноженные на нарастание кризисных явлений в мировой экономике в целом и в экономиках ряда стран, включая наиболее развитые.

В то же время весьма характерно, что ряд экономистов полагает: несмотря на качественные, во многом даже революционные изменения в технико-технологической базе экономики и общества, в развитии экономической теории как таковой сопоставимого качественного скачка не было. Поэтому следует признать, что проблема новой парадигмы остается нерешенной, и на сегодняшний день сама экономическая теория по факту представляет собой собирательное понятие. Иными словами, она пока отражает не какую-то сложившуюся «органическую» и даже не «интегральную» систему, а лишь совокупность различных теоретических направлений, доктрин, различающихся непосредственно своими методологическими принципами.

Можно условно обозначить общие границы современной экономической теории и структуру ее предмета. В реальности сама экономика имеет сложную структуру, которую можно рассматривать с трех основных позиций. Во-первых, структура современной экономики может характеризоваться как совокупность социально-экономических отношений, в центре которой — характер экономического строя, способ присвоения, а сами отношения при этом выступают как общественная форма производительных сил. Во-вторых, она может пониматься и как совокупность функциональных связей, складывающихся в процессе движения товарных, ресурсных и финансовых потоков в экономике и отражающих деятельность по рациональному использованию ресурсов, обеспечению макроэкономической стабильности и общего экономического равновесия. В-третьих, эта структура может быть представлена совокупностью институтов, устоявшихся в экономике.

Вследствие такого разнообразия подходов экономикой нельзя рассматривать в рамках одной системы координат, поэтому и теоретическое представление о ней должно быть многоаспектным, содержать разные виды анализа. Современная экономическая теория, претендующая на адекватное научное отражение действительности, должна включать несколько направлений, связанных общим предметом — экономическими отношениями, причем каждое из этих направлений имеет и свой непосредственный, более узкий предмет — социально-экономические отношения, функциональные экономические связи, экономические институты¹. В соответствии с таким подходом основные структурные части такой современной экономической теории, рассматриваемые как совокупности различных основных направлений, могут быть представлены в следующем виде:

а) Социально-экономическая теория (Политическая экономия). Предметом ее исследования, изучения являются непосредственно социально-экономическая система, экономическая структура общества, их форма и модели.

б) Теория рационального использования ограниченных ресурсов (Микроэкономика и Макроэкономика). Предмет этой сферы включает в себя анализ экономических отношений на микроуровне (микроэкономика) и макроуровне (макроэкономика).

в) Институциональная экономическая теория. Здесь содержание экономической системы рассматривается на фоне взаимосвязи экономических и других субъектов, исследуется влияние такой взаимосвязи на развитие экономики².

Изучение мировой и национальной экономической структуры общества в виде целой системы, понимаемой в указанном смысле, возможно посредством объединения в одном учебном курсе по общей экономической теории социально-экономического анализа реальных экономических отношений с исследованием процесса использования ограниченных ресурсов с достаточной информацией и сравнительной характеристикой разных подходов, существующих в современной науке. В связи с этим никак нельзя согласиться с попытками отказать и политической экономии, и экономиксу в праве быть научными дисциплинами, преподаваемыми в высшей школе. Отказ от статуса научных и учебных дисциплин политической экономии и экономикса, имеющих значительную теоретическую базу, исторические корни и концептуальные научные школы, можно оценить как проявление экономического нигилизма и невежества.

Выделение этих частей в новом учебном курсе экономической теории обусловлено тем, что они наиболее значимы, полны и глубоки, но с разных сторон раскрывают сущность рыночной системы хозяйствования. Политэкономия характеризует объективные экономические законы и явления материального производства — основы жизни человечества; экономикс — поведение хозяйственного субъекта в рыночной системе хозяйства на микро-, мезо- и макроуровнях; институционализм — влияние институтов (правил, норм, рутин и т.д.) на организацию, управление, эффективность функционирования общества в целом и экономики в частности.

С другой стороны, несмотря на отмеченное своеобразное положение «внутри себя», экономическая теория, как и на прежних этапах своего развития, призвана

1 Кульков В.М. Национальная спецификация экономических систем. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика № 4, 2014, С. 57.

2 Курс экономической теории / Под ред. А.В. Сидоровича. М.: Изд-во Дело и Сервис, 2007. С. 54.

дать развернутые понятия о закономерностях и особенностях эволюции экономических систем в современных условиях. При этом понятно, что общая экономическая теория необходима не только для формирования фундаментальной теоретической базы в области собственно экономических знаний, но и для обоснования принятия практических решений — причем как в хозяйственной области, так и, например, в системе международных экономических отношений.

Собственно, такую важнейшую задачу науки подчеркивали еще классики политической экономии. Так, Джон Стюарт Милль в середине XIX столетия в «Предварительных замечаниях» к своему главному труду «Основы политической экономии» отмечал, что «концепция политической экономии как науки возникла совсем недавно, но сам предмет ее исследований во все века неизбежно оказывался в центре практических интересов человечества (выделено автором)»³.

Впоследствии представители многих течений экономической науки высказывали аналогичную мысль о приоритете практических задач, встающих перед человеческим обществом в тот или иной момент, при формировании теоретических постулатов. Например, спустя почти полтора века после Д.С. Милля представитель институционального течения Джеффри М. Ходжсон подчеркивает, что в науке «наблюдается растущее признание концептуальной значимости и практической актуальности институтов в экономической жизни (выделено автором)»⁴.

Разумеется, дело не в той или иной оценке значимости какого-либо одного конкретного фактора, проявляющегося в экономической и/или общественной жизни и выделяемого в зависимости от принадлежности исследователя к той или иной ветви экономической теории, а в принципиальном признании того, что сама окружающая нас реальная действительность диктует направления теоретических изысканий.

Так, в соответствии со сказанным, в настоящее время, в частности, наука пытается найти ответы на вызовы современного периода нашей истории, такие, как усиливающиеся тенденции постиндустриального развития или все возрастающая интернационализация экономики в контексте становления многополярного мира.

При этом следует учитывать, что скорость изменений, происходящих в последние десятилетия в масштабах мирового хозяйства, такова, что ожидать глубоких теоретических выводов, какие могли бы быть сделаны на основе уже устоявшихся — если бы таковые имели место — тенденций современного мирового социально-экономического развития, пока не приходится. Соответственно, упомянутые выше практические рекомендации в любой области экономической деятельности объективно будут носить конкретно-прикладной характер и во многом опираться на уже наработанную ранее научно-методологическую базу.

Следует отметить, что подобная ситуация характерна для большинства государств СНГ.

В этой связи необходимо подчеркнуть важность изучения особенностей переходного состояния бывших социалистических стран, уделяя повышенное внимание ранее не встречавшимся в общественной жизни процессам, что является особо актуальным практически для всех стран СНГ, в том числе — Азербайджана.

³ Дж.С. Милль. *Основы политической экономии*. Пер. с англ. / Под общей ред. члена-корреспондента АН СССР А.Г. Милейковского. — Т. 1. — М.: Прогресс. — 1980. — С. 81.

⁴ Джеффри М. Ходжсон. *Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории*. — Пер. с англ. — М.: Дело. — 2003. — С. 31.

Несмотря на кажущуюся очевидность целого ряда таких процессов, многие явления в социально-экономическом развитии бывших советских республик требуют еще серьезного теоретического осмысления.

Тем не менее, одновременно эти же самые усложняющиеся реалии общественно-политической жизни как внутри национальных государств, так и в масштабах глобальной экономики, требуют от экономической теории активизации подготовки различных практических рекомендаций. Говоря конкретнее, в сегодняшней непростой ситуации, когда действия любого государства по обеспечению будущего стабильного роста должны сопрягаться с одновременным преодолением последствий кризисных явлений минувших лет и выходом из нынешнего неустойчивого состояния, экономической теории следует усилить внимание исследованию таких объектов, которые в наибольшей степени могут способствовать решению указанных задач.

Другими словами, конкретная ситуация, складывающаяся на сегодняшний день в мировой экономике и международных отношениях, ставит перед государством вопросы одновременного:

- поддержания – в случае дальнейшего обострения кризисных явлений – достигнутого уровня пользования основными социальными достижениями в области здравоохранения, образования, элементами культуры, искусства и т.п., иными словами – сохранения уровня благосостояния современного человека независимо от внутренних и внешних обстоятельств;
- содействия дальнейшему всестороннему развитию возможностей человека в общественной и бытовой жизни, то есть повышения указанного выше уровня его благосостояния и общего качества жизни.

Последнее означает, что в центре государственной социально-экономической политики должно лежать не согласие с консервацией достигнутого положения, каким бы «приемлемым» такое положение ни казалось и какими бы сложными ни были внешние и внутренние условия развития конкретного государства, а непременно стремление к улучшению состояния экономики и через нее – человеческого социума. Что, соответственно, побуждает к поиску путей такого улучшения.

Поэтому необходимо уточнить, что решение указанных задач является императивом всего дальнейшего достойного существования современного государства и общества и потому должно осуществляться вне зависимости от стоящих перед конкретным государством проблем и степени их сложности, включая возможные возникающие политические и даже военно-политические конфликты в различных точках Евразийского континента. Следует также учитывать такой принципиально важный момент, как со временем лишь усиливающаяся общемировая тенденция перехода к инновационному типу развития. Это побуждает экономическую науку к решению обозначенных выше задач таким образом, чтобы выявить и обозначить такие пути и способы этих решений, которые бы основывались на максимальном и всестороннем использовании инновационных факторов.

Исходя из всего вышесказанного, можно укрупненно обозначить те направления социально-экономической жизни, которые являются важнейшими объектами исследования со стороны экономической теории и по которым общество вправе ожидать от науки компетентных рекомендаций. Среди них, по нашему мнению, в данный конкретный момент можно выделить два наиболее значимых и актуальных для большинства экономик мира. Это:

- окончательное преодоление последствий пандемии коронавируса с возможным максимальным возмещением материальных потерь в экономике и – что особенно важно – во всей социальной среде обитания человека;
- обеспечение выхода экономик конкретных стран на траекторию долгосрочного устойчивого роста, который в дальнейшем базировался бы преимущественно на использовании достижений науки, передовых технологий и методов управления.

Кроме того, устойчивые темпы роста не означают только лишь количественно высоких показателей роста, поскольку такие показатели могут не отражать его инновационного характера и обеспечиваться, во-первых, действием экстенсивных факторов, во-вторых, зависеть от текущего благоприятного положения в ограниченном числе отраслей. Часто, как показывает практика, в такой роли выступают сырьевые отрасли, и поэтому столь же часто рост, базирующийся на ускоренном развитии только таких отраслей, несмотря на кажущиеся поначалу высокие темпы, в результате оказывается неустойчивым.

Напротив, рост может обретать устойчивый характер лишь в том случае, если, во-первых, как уже было отмечено, базируется на использовании передовых научных и технико-технологических достижений, во-вторых, обеспечивает сбалансированное развитие экономики с упором на передовые отрасли перерабатывающей промышленности.

Инновационный подход к развитию способствует наилучшему раскрытию всех составляющих потенциала долгосрочного роста любой экономики, который зависит от:

- общего ресурсного потенциала.
- количественного состава и качественного состояния совокупной рабочей силы;
- производительности труда в основных областях национального хозяйства и экономики в целом.

И здесь вопрос о повышении производительности труда и вообще о роли этого фактора вновь встает, что называется, во весь рост. Казалось бы, в экономической теории – причем представителями самых разных направлений – по этому вопросу все уже сказано. Но вот конкретная экономическая практика побуждает теорию опять уделить ему особое внимание. Так, в некоторых странах СНГ в последнее время наблюдается наращивание объемов производства предприятиями ряда отраслей промышленности; однако при этом показательно, что происходит такое без освоения принципиально новых видов продукции. Это, прежде всего, обусловлено отсутствием опережающего роста инвестиций, что, в свою очередь, ведет к воспроизведению уже имеющихся наработок, только в увеличенных объемах, причем зачастую вообще без какого-либо обновления существующего производственного парка.

Очевидно, что в такой ситуации говорить о каком-либо качественном обновлении основного капитала не приходится, а устаревание действующего оборудования напрямую отражается на производительности труда, которая попросту не растет. В конечном счете развитие ситуации в таком неблагоприятном направлении означает, во-первых, отсутствие каких-либо перспектив, задела на будущее для всей экономики, во-вторых, грозит национальной промышленности, а вслед за ней и всей экономике потерей конкурентоспособности на международном рынке. Эко-

номической теории следует уделять повышенное внимание исследованию ситуаций, подобных описанной, дабы помочь обществу избежать ненужной эйфории по поводу кажущихся успехов.

Поэтому, в связи со сказанным подчеркнем еще раз, что в целом развитие по отмеченным нами выше важнейшим направлениям социально-экономической жизни как раз и потребует максимального использования именно инновационных факторов роста, соответственно, и основных практических рекомендаций от экономической теории.

В свою очередь, ожидаемые практические рекомендации можно в целом условно свести также в две укрупненные группы, которые касаются:

- во-первых, совершенствования регулирования социально-экономических процессов внутри страны при максимальной активизации предпринимательской деятельности;
- во-вторых, повышения международной конкурентоспособности национального хозяйства.

Коль скоро мы выделяем вопрос о регулировании социально-экономических процессов, значение которого трудно переоценить для сегодняшнего этапа развития практически всех стран СНГ, то чрезвычайно важной представляется нам характеристика, которую дал еще в конце XIX столетия основатель Кембриджской школы в политической экономии Альфред Маршалл в работе «Принципы политической экономии». В Европе – от Великобритании до России – нарастало революционное движение, и проблемы богатства и бедности, помимо практического влияния на процессы в обществе, оказывали существенное влияние и на ход научных дискуссий и теоретических изысканий. А. Маршалл, высказывая свою точку зрения в ходе обсуждения этих проблем, отмечает, что «неравномерность богатства... – серьезный дефект в нашем экономическом устройстве. Любое уменьшение его, достигнутое средствами, которые не подрывают мотивов свободной инициативы и поэтому не могут существенно затормозить рост национального дивиденда, было бы, по-видимому, явным общественным достижением (выделено автором)»⁵.

Под «национальным дивидендом» основатель Кембриджской школы понимает общепринятую категорию национального богатства или, как он сам говорит, «коллективного богатства». Здесь важны не отдельные термины, а другое, именно, очевидное стремление подсказать политическим и экономическим элитам тогдашнего общества важность социальных преобразований, которые бы в то же время не подрывали рыночных основ («свободной инициативы», по А. Маршаллу) общей системы хозяйствования. Таким образом, налицо своего рода отображение практических потребностей в развитии хозяйства и всего общества в выработке приоритетных выводов, которые делает экономическая теория, другими словами – реакция последней на наиболее «чувствительные» запросы общества.

В свою очередь, коль скоро речь зашла об активизации предпринимательской деятельности – той самой «свободной инициативы», – то она зависит от целого ряда условий. Среди них мы выделяем проблему совершенствования финансово-экономической политики, являющуюся в сегодняшних условиях общей для большинства стран СНГ, и задача экономической теории на этом направлении видится в выработке предложений по таким направлениям, как:

..... 5 Маршалл Альфред. Принципы политической экономии. Т. III. – Пер. с англ. – М.: Прогресс. – 1984. – С. 133.

- развитие системы субсидирования процентных ставок в отраслях, имеющих приоритетное значение для национальной экономики в целом;
- дальнейшее облегчение налоговой нагрузки на предприятия, занятые в сфере разработок и постановки на конвейер инновационных продуктов;
- определение приоритетных отраслей и отдельных производств, обеспечивающих критически важное для экономики и общества импортозамещение.

При этом необходимо отметить, что углубление процессов цифровизации и прогресс в области, например, только лишь IT-технологий никак не могут быть самоцелью всего общественно-экономического развития. Подобный возможный перекося в стратегических целях неизбежно скажется при первых же проявлениях серьезного кризиса. Как уже отмечалось выше, залогом по-настоящему устойчивого роста могут быть лишь диверсификация экономики и сбалансированный характер ее развития. Подтверждением могут служить хотя бы события последних лет, когда и в развитых западных государствах, и в странах СНГ стало очевидно, что одной лишь высокоразвитой сетью, например, широкополосного Интернета ни с какими кризисными явлениями не справиться – необходима широкая финансово-инвестиционная поддержка таких традиционных составляющих транспортной инфраструктуры, как порты, автомобильные и железные дороги.

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов тот очевидный факт, что развитие передовых технологий объективно является предметом усиливающегося внимания со стороны современного государства. Это подтвердилось, в частности, в ходе проходившего в январе 2023 г. очередного Всемирного экономического форума в швейцарском Давосе, в ходе которого ряд участников прямо обосновывали неизбежное усиление вмешательства государства в хозяйственные процессы именно в части поддержки наукоемких и высокотехнологичных производств.

Поэтому, учитывая сказанное, представляется, что проблемы сбалансированного развития экономики в сегодняшних условиях представляют важный объект исследования для экономической теории.

Экономическая теория призвана усилить внимание к изучению вопросов стимулирования и поощрения частного бизнеса к участию в конкретных проектах в наиболее перспективных отраслях. Причем это могут быть проекты:

- во-первых, непосредственно производственного характера, связанные с качественным совершенствованием технико-технологического базиса на инновационной основе, о чем говорилось выше;
- во-вторых, направленные на широкую модернизацию социальной, транспортной, туристической и иной инфраструктуры.

Рассмотрим сказанное на примере такой отрасли, как, скажем, туризм. Если говорить о возможностях развития туризма в складывающихся сегодня непростых международных реалиях, то следует отметить, что туризм относится к числу тех отраслей, которые способны не только стать одной из основ последующего долговременного устойчивого роста, но и:

- во-первых, обеспечить скорейшую экономическую отдачу;
- во-вторых, выполнять такую важнейшую социальную задачу, как поддержание уровня занятости.

Необходимо напомнить, что за исключением пика пандемии коронавируса в 2020 г. и значительной части 2021 г., туризм в течение длительного времени устойчиво являлся одним из наиболее быстрорастущих секторов мирового

хозяйства, демонстрируя рост в среднем на 4 процента в год. Это связано с тем, что сама по себе туристическая отрасль (гостиничная сфера, курортная инфраструктура и пр.) тесно сопряжена с туристской индустрией в целом, то есть с теми отраслями национальной экономики — как в производственном секторе, так и имеющими отношение к социальной сфере, — которые своей деятельностью так или иначе непосредственно способствуют развитию различных направлений туризма.

Популярность же самого туризма обусловлена, во-первых, тем, что страны и отдельные регионы, даже не обладающие по целому ряду объективных причин естественными природными возможностями в виде морских или горных курортов, но при этом, например, имеющие богатое культурно-историческое наследие, вполне способны использовать интерес к такому наследию для предоставления значительного объема туристических услуг на мировом уровне. Это подтверждает успешная практика целого ряда небольших государств, например, европейских.

Во-вторых, еще большими возможностями для развития туризма располагают страны и регионы, располагающие одновременно как природными, так и культурно-историческими объектами подлинно международного значения, представляющими интерес не только для туристов из своей страны, но и для гостей из-за рубежа. В целом же страна, имеющая развитую туристическую индустрию, имеет благоприятные возможности для планирования долгосрочного устойчивого роста. В этой связи большинство из стран СНГ обладает значительными потенциальными возможностями для индустрии туризма, и Россия с Азербайджаном — в их числе.

Говоря о значении международной конкурентоспособности в обеспечении устойчивого развития, следует иметь в виду, что, несмотря на то, что сегодня разные страны оказываются в совершенно различных ситуациях с точки зрения международно-политических отношений, тем не менее, для любой национальной экономики в системе внешнеэкономических связей наиболее важными являются такие условия, как:

- степень открытости внешних рынков с точки зрения выхода на них с товарами собственного экспорта и возможности обеспечения необходимого, в том числе — критического, импорта, который по тем или иным причинам невозможно восполнить в процессе импортозамещения;
- характер доступа национального бизнеса к международному рынку капиталов;
- возможности и доступность приобретения передовых технологий и оборудования.

В условиях упоминавшейся выше развивающейся интернационализации производства и экономики в целом эффективная внешнеэкономическая деятельность становится неотъемлемым условием не только достойного развития, но и вообще нормального существования любого государства и общества. Поэтому вполне естественно, что государство использует мирохозяйственные связи и в целом складывающуюся в мировой экономике ситуацию для обеспечения обозначенных нами целей развития.

Так, обостряющаяся международная конкуренция за ресурсы и, в частности, за инвестиции — а без них инновационное обновление производственного базиса практически невозможно — побуждает государства к более активной разработке

стимулирующей инвестиционную деятельность политики и применению мер по привлечению иностранных инвесторов, прежде всего – крупных. Отсутствие подобной политики или недостаточность применяемых мер в условиях открытой экономики объективно побуждают потенциальных международных инвесторов к переносу не только новых, готовых к инвестированию капиталов, но и уже имеющих на территории конкретной страны производственных активов в другие страны, имеющие более благоприятный инвестиционный климат и, в частности, стимулирующую налоговую систему.

То же в принципе относится к отечественным инвесторам – не считая тех случаев, когда форс-мажорные обстоятельства побуждают государство прибегать к неким мерам, ограничивающим вывоз капиталов. Тем не менее, в условиях свободной рыночной экономики подобные меры всегда носят исключительный, форс-мажорный характер и не могут отменять общих принципов экономической политики современного государства. Поэтому разработка правительственными структурами мер налогового стимулирования инвесторов, в том числе – путем гибкого варьирования ставок налогообложения, является важнейшей составляющей всей экономической политики, а сама система таких мер представляет собой значимый объект исследования в рамках экономической теории.

И эти, и многие другие примеры показывают важность наличия у современного государства долгосрочной инвестиционной стратегии, которая бы определяла баланс между интересами бизнеса и национального развития в целом, и для экономической теории здесь видится серьезный объект для исследования.

Направлением, развитие которого бы одновременно способствовало решению вопросов международного экономического сотрудничества и содействовало развитию инвестиционной деятельности, является формирование свободных экономических зон, в рамках которых, как показывают многочисленные примеры из мировой практики, наиболее перспективным представляется создание высокотехнологичных перерабатывающих производств с привлечением как отечественных, так и зарубежных инвесторов.

В этой связи, говоря о потенциале расширения и диверсификации российско-азербайджанского сотрудничества, необходимо упомянуть возможное образование межгосударственной свободной экономической зоны, которая бы протянулась по обе стороны границы между двумя странами и использовала возможности формирующегося в настоящее время Международного транспортного коридора Север – Юг (МТК), идущего через территории России и Азербайджана далее в Иран и к портам Персидского залива и Индийского океана. Окончательное обустройство МТК открывает благодаря повышению интереса со стороны инвесторов поистине уникальные возможности создания вдоль этого транспортного коридора – в том числе на территории возможной свободной зоны – целого пояса передовых технологичных производств самого разнообразного профиля.

Подобный проект, разумеется, нуждается в серьезном социально-экономическом обосновании, и здесь экономическая теория должна сказать свое слово.

И сейчас мы возвращаемся к затронутому в начале статьи вопросу о развитии самой экономической науки, но не по отношению к себе, а применительно к выбору будущей модели ее преподавания, что, в общем, в значительной степени взаимосвязано. При этом, как все понимают, если в науке выбор пути исследования

является вопросом сугубо индивидуальным для самого исследователя, то в преподавании выбранный метод касается многих тысяч людей, притом молодых людей, которым принадлежит будущее. Поэтому вариант предпочтения той или иной «модели» в преподавании экономической теории имеет важнейшее общественное значение и должен сопровождаться критическим подходом не к одному, а ко всем возможным методологическим установкам, выяснением того, способны ли они содействовать решению проблем экономического развития в нынешних реалиях постсоветских стран, то есть отвечать вызовам времени.

Это не только позволит учитывать достижения экономической науки в учебном процессе, но и будет способствовать дальнейшему развитию экономической теории с учетом национальных особенностей каждого из государств.

В этой связи вновь обратимся к упоминавшимся нами составляющим потенциала устойчивого роста экономики. Если, например, наличие природных ресурсов зависит от природно-географического положения конкретной страны, а количество граждан трудоспособного возраста определяется действием долгосрочных демографических факторов, то качественный уровень подготовки рабочей силы, способной решать задачи инновационного развития, в решающей степени зависит уже от государственной социально-экономической политики. В первую очередь — от политики в области организации образования и системы последующей переподготовки кадров.

В связи с этим задачи конкретно экономической теории видятся по двум направлениям.

Во-первых, необходимы разработанные на перспективу социально-экономические обоснования государственной образовательной политики в целом, основывающиеся на долгосрочных потребностях национальной экономики и общества.

Во-вторых, необходимо более активное участие экономической теории в обновлении образовательных программ непосредственно по предмету, которые бы, с одной стороны, содержали в себе плюралистический подход в обучении, с другой стороны, опирались на серьезные методологические принципы, лежащие в основе как разработки учебных курсов, так и организации самого процесса преподавания.

Библиографический список

1. *Курс экономической теории / Под ред. А.В. Сидоровича. М.: Изд-во Дело и Сервис, 2007. С. 54.*
2. *Кульков В.М. Национальная спецификация экономических систем. Вестник Московского университета Серия 6. Экономика № 4, 2014, С. 57.*
3. *Маршалл Альфред. Принципы политической экономии. — Т. 3. — Пер. с англ. — М.: Прогресс. — 1984. С. 133.*
4. *Милль Джон Стюарт. Основы политической экономии. — Т. 1. — Пер. с англ. / Под общей ред. члена-корреспондента АН СССР А.Г.Милейковского. — М.: Прогресс. — 1980. С. 81.*
5. *Ходжсон Джеффри М. Экономическая теория и институты: Манифест Современной институциональной экономической теории. — Пер. с англ. — М.: Дело. — 2003. С. 31.*

References

1. *Course of economic theory / Ed. A.V. Sidorovich. — Moskva.: Izdatel'stvo Delo i Servis. — 2007. P. 54*

2. *Kulkov V M National specification of economic systems. Bulletin of Moscow University Series 6. Economics N 4. – 2014. P. 57.*
3. *Marshall Alfred. Printsipy politicheskoi ekonomii. Том III. – Moskva.: Izdatel'stvo Progress. – 1984. P. 133.*
4. *Mill John Stuart. Osnovy politicheskoi ekonomii. Том I. – Moskva.: Izdatel'stvo Progress. – 1980. P. 81.*
5. *5Hodgson Geoffrey M. Ekonomicheskaya teoriya i instituty. – Moskva.: Izdatel'stvo Delo. – 2003. P. 31.*

Контактная информация / Contact information

Азербайджанский Государственный Экономический
Университет (UNEC), Азербайджанская Республика,
AZ1001, г. Баку, улица Истиглалиет 6.
Azerbaijan State Economic University (UNEC),
Azerbaijan Republic, AZ1001, Baku, Istiglaliyet 6.
Бабаев Алиджан Переджан оглы / Babayev Alijan Perejan
+ 994 50 339 75 57, ababayev@rambler.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА: НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ¹

POLITICAL ECONOMY IN THE STUDY OF STATE PATERNALISM: NEW PHENOMENA

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-389-395

ВОЕЙКОВ Михаил Илларионович

Заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН, д.э.н., профессор

Mikhail I. VOEYKOV

Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы трансформации предмета политической экономии в связи с ростом влияния государства в экономике. Если раньше политическая экономия изучала отношения между людьми, прикрытые вещами, то ныне в предмет политэкономии входят и непосредственные взаимоотношения людей с целью приращения благосостояния и благополучия большинства. Изменяется и понимание экономики, что подразумевает не только максимизацию прибыли, но и максимизацию общественной полезности при минимизации усилий, средств и времени. Политэкономическое исследование должно также приводить к соответствующим политическим выводам.

Abstract

The article deals with the transformation of the subject of political economy in connection with the growing influence of the state in the economy. Previously, political economy studied the relations between people covered by things, but now the subject of political economy also includes the direct relationships of people with the aim of increasing the well-being and well-being of the majority. The understanding of economics is also changing, which implies not only maximizing profits, but also

¹ Статья подготовлена на основе доклада на VII Международном политэкономическом конгрессе (МПЭК-2023) в рамках V Московского академического экономического форума (МАЭФ-2023) «Россия в меняющемся мире: политико-экономические основания разработки новой научно-образовательной программы». Место: Экономфак МГУ, ц. М.В. Ломоносова.

maximizing public utility while minimizing effort, money and time. Political economic research should also lead to appropriate political conclusions.

Ключевые слова Политическая экономия, государство, максимизация общественной полезности, социология, политические выводы.

Keywords Political economy, the state, maximizing public utility, sociology, political conclusions.

В традиционном общем понимании политическая экономия изучает и объясняет взаимоотношения между людьми через предметы обмена или, как говорится, в классической литературе «отношения, прикрытые вещами». Но мир развивается, и предмет изучения политэкономии ныне существенно расширяется. В эту область политической экономии сегодня попадают не только вещные отношения, но и опосредованные другими сферами человеческой деятельности (наукой, культурой, здравоохранением, спортом). Так, сегодня футбол из чисто спортивной деятельности превратился в сферу функционирования очень больших денег. Футболистов почему-то продают и покупают, и зарплата их во много раз превышает не только среднюю по стране, но и зарплату профессора престижного вуза. Объяснить этот феномен и призвана политическая экономия. Сфера политэкономического изучения в современном мире существенно расширяется. И некоторые ученые стали говорить о «новой политической экономии». Суть ее можно объяснить тем, что политэкономическое изучение распространяется на сферы и виды человеческой деятельности, которые в принципе не являются вещными и естественно, что в прежние времена не были предметом политэкономического исследования.

Тут нужно сделать некоторые пояснения. Дело заключается в том, что вещная форма отношений между людьми в современном мире трансформируется определенным образом. С одной стороны, некоторые материальные блага превращаются в общественные блага и благодаря государственному патернализму выпадают из-под рыночного регулирования. С другой стороны, в принципе не рыночные явления (как например, спорт, культура) начинают превращаться в рыночные товары. Но последнее не есть прогрессивное развитие общества, а наоборот, остаточные явления рыночной агрессии. В конце концов государство все больше начинает регулировать и эти сферы, что существенным образом трансформирует сами основания рыночной экономики. Повышение регулирующей функции государства в экономике, т.е. усиление государственного патернализма (более половины ВВП в странах северной Европы распределяется уже непосредственно государством), сглаживание социально-экономического неравенства, сбережение населения (что проявилось в период недавней пандемии), жёсткое государственное регулирование банковской деятельности и вообще всей финансовой сферы существенно трансформирует сами фундаментальные основы рыночной экономики. Об этом говорит, например, феномен фидуциарных денег, которые не обеспечены ничем, кроме государственной воли, лишает рыночную экономику объ-

ективной основы. И возникает вопрос: фидуциарные деньги – предмет исследования какой науки: социологии, политической экономии или политологии? Таким образом, государство в современном мире определяет в экономике очень многое, что делает его основным экономическим регулятором. Поэтому государство становится сегодня и предметом политэкономического изучения.

Итак, главным фактором расширения предмета политэкономии является рост влияния и функционирования государства. Об этом феномене имеется уже достаточное количество литературы. [См.: 3, 7]. Но приведем итоговое высказывание лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица, который пишет: «то, что мы едим и пьем, регулируется государством; где нам жить и в каком типе домов мы можем жить, регулируется различными государственными службами» [10, с. 11]. Государство сегодня, осуществляя жесткое регулирование экономики, превратилось в так называемого плеймекера (создателя игры) экономической жизни.

В этой связи представляются совершенно устаревшими и полностью несостоятельными воззрения некоторых экономистов о том, что государство не должно вмешиваться в экономику. Это, например, пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. Хайек: «Спонтанное сотрудничество свободных людей часто создает вещи более великие, чем их индивидуальные умы смогут когда-либо постичь в полной мере» [12, с. 10]. И эти мысли бездумно повторяли наши отечественные либералы начала 1990-х гг. В этой связи закономерно возникает вопрос – а зачем тогда нужна экономическая наука, если в экономике все будет развиваться спонтанно, т.е. как придется? Однако есть современные и научно обоснованные взгляды на процесс управления экономикой. Так, например, С.Д. Бодрунов, разрабатывая концепцию ноономики, пишет: «Дело в том, что сама экономика как спонтанный хаос разнонаправленных действий уходит с исторической арены» [2, с. 249]. И на смену экономическому хаосу приходит сознательное управление экономикой, и прежде всего посредством государства. Ноономика – это сознательное и целенаправленное управление развитием экономики и, стало быть, обществом.

В соответствии с новыми требованиями и потребностями изучения экономических процессов должно измениться и понимание самой экономики. Над вопросом, что такое экономика, мало кто из экономистов задумывается. Еще М.И. Туган-Барановский в свое время обратил внимание на это обстоятельство. В своем учебнике «Основы политической экономии» он писал: «Экономисты мало спорят или вовсе не спорят относительно понятия хозяйства, но не потому, чтобы относительно него господствовало между ними полное согласие. Большинство экономистов просто не чувствует потребности в точном определении центрального понятия своей науки» [11, с. 3]. Когда-то под экономикой понимали ведение домашнего хозяйства, потом просто – хозяйство. В немецком языке долгое время существовало выражение *Volkswirtschaft* (народное хозяйство), которое перекочевало в русский язык. И под термином «хозяйство» понималась, как достаточно точно пишет М.И. Туган-Барановский, «всякая деятельность, соответствующая хозяйственному принципу, под которым следует понимать стремление достигать с наименьшими затратами наибольшего полезного эффекта» [11, с. 5–6]. В новое

время, с расцветом капитализма под экономикой стали понимать исключительно рыночную экономику, где главная цель состояла в максимизации прибыли при минимизации издержек. И это понимание ныне является господствующим. Но сегодня, когда государство основательно влезло в экономику, главный смысл экономической деятельности в масштабах всего общества состоит в достижении общественного благосостояния, а не только в получении максимальной прибыли при минимизации издержек. Можно сформулировать главную цель экономической деятельности государства как «максимизация общественной полезности». Сюда входит, конечно, и прибыль, но главное состоит в приращении благополучной жизни большинства людей при экономии сил, средств и времени. Здесь к месту можно привести цитату К. Маркса, что «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени» [6, с. 117]. Все это и стало сегодня предметом изучения политической экономии. А это далеко не только вещные отношения между людьми. Это и непосредственные формы взаимоотношения людей с целью приращения благосостояния, благополучия, наконец, здоровья большинства населения страны.

Политическая экономия в нашей стране, несмотря на трудности и порой ее отмену, развивалась давно и успешно. Можно сказать даже, что политическая экономия в России традиционно стала базисом интеллектуального понимания общественных процессов. Ведь главное осмысление экономического состояния общества и его развития происходило посредством политэкономического знания. Был период, когда в европейских странах политэкономия была ведущей общественной наукой. Достаточно назвать имена А. Смита, Д. Рикардо, А. Маршалла, К. Маркса и многих других, которых никто не называл социологами или политологами. Это были классические политэкономы. А сегодня в этих странах что-то изменилось. Так, выдающегося американского ученого Дж.К. Гэлбрейта американцы считают социологом, хотя для российского менталитета он классический политэконом. Российский выдающийся политэконом академик Л.И. Абалкин для американского уха будет социологом. В России и США разные интеллектуальные традиции и политическая экономия у нас на замещается социологией или политологией.

Социология в России также имеет свою историю. Можно вспомнить Питирима Сорокина, который в 1920-х гг. опубликовал серию фундаментальных книг по социологии. В частности, книга «Система социологии» в 2 томах в 1920 г. Но за все последующие годы и десятилетия крупных социологических произведений в стране появлялось мало и на широкие мировоззренческие обобщения социология у нас так и не вышла. Например, широко известный ученый, которая создала особую социологическую школу в Новосибирске, Т.И. Заславская (1927–2013), по существу, была политэкономом, окончила экономфак МГУ им. М.В. Ломоносова и 13 лет работала в отделе политической экономии Института экономики АН СССР. Социология как наука у нас, по сути дела, свелась к опросам населения. Это, конечно, дело важное и полезное, но это не мировоззренческая функция науки. Российский ведущий экономический социолог В.В. Радаев, который также кончал экономфак МГУ и долгое время занимался политической экономией в Институте экономики РАН, главное отличие между экономической теорией и социологией видит «в методах сбора данных» [9, с. 65]. Возможно, это правильно, но сбор данных — это еще не теоретические обобщения.

Таким образом, обобщающую и мировоззренческую нагрузку среди общественных наук у нас в стране выполняла и продолжает выполнять политическая экономия. Уже за несколько столетий политическая экономия в России превратилась в национальную интеллектуальную традицию, где она составляет своеобразное основание всей системы общественных наук. И вообще весьма непродуктивно нашу российскую социальную науку делать простой калькой западной науки. Как-то академик Л.И. Абалкин написал замечательные слова: «Путь России в будущее самобытен и не имеет для себя готовых рецептов. Она не жила и никогда не будет жить по чужим шпаргалкам» [1, с. 6]. В начале 1990-х гг. произошла у нас отмена политической экономии как учебной дисциплины, и вместо нее ввели в вузах преподавание американского «экономикс». Не отбрасывая американский «экономикс», где есть много полезного для экономических расчетов, все же отмена политической экономии вызывает много недоуменных вопросов. И представляется, что это мероприятие не было случайным импульсом российского руководства начала 1990-х гг.

И вот почему. В политической экономии важное значение имеет не только чисто экономический анализ, но и формулировка политического вывода. То есть в политической экономии экономический анализ должен в конце концов приводить к соответствующим политическим выводам. Например, в результате либеральных реформ начала 1990-х гг. российская экономика оказалась на нуле. Промышленность за 30 лет в 2021 г. показала рост только 3% к 1991 г. А традиционное машиностроение вообще сократилось на 37% за эти годы. Если же взять советский период, то за 30 лет с 1940 по 1970 г. промышленность выросла в 12 раз, а машиностроение в 28 раз. [8, с. 130]. И ведь это тридцатилетие включает катастрофические годы Великой Отечественной войны. И спрашивается: кто виноват в этой экономической катастрофе? Ответ на этот вопрос напрашивается такой: виновато во всем этом господство неолиберальной экономической концепции. Эту концепцию нам навязали США, чтобы превратить Россию в свою колонию.

Все это подводит к мысли, что мы имели предательство со стороны властвующей российской элиты начала 1990-х гг., что серьезно обострилось в настоящее время. В этой ситуации США вынуждены уже на нынешнем этапе стремиться обеспечить себе наиболее выгодные «стартовые позиции» для этой борьбы. Надо прямо признать, что с начала 1990-х гг. Россия попала под эгиду так называемого «вашингтонского обкома». Тогдашние лидеры нашей страны почти беспрекословно выполняли команды правительства США, что и привело к катастрофе. Так, в 2008 г. тогдашний вице-президент США Джозеф Байден назвал Б. Ельцина «единственной лошадью, на которой нам можно ехать». И дальше он заявил, что реформы Ельцина являются «инвестицией в национальную безопасность Соединенных Штатов» [цит. по: 4, с. 45]. А английский журналист писал в газете «The Guardian» про Ельцина: «Вечно пьяный пройдоха, который довел большую часть своего народа до невообразимой нищеты... Он... руководил почти окончательным уничтожением своей страны как политической и военной силы на мировой арене. Он втоптал Россию в грязь» [цит. по: 5, с. 78]. Таким образом, политэкономический анализ приводит к выводу, что руководство нашей страны в 1990-х гг. осуществляло предательство национально-государственных интересов России, за что сегодня расплачивается весь народ.

И это есть политический вывод из политэкономического анализа современного экономического состояния России. Возможно, именно поэтому политэкономии запретили преподавать в российских вузах.

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. *Россия: поиск самоопределения: очерки. 2-е изд. доп.* – М.: Наука, 2005. – 464 с.
2. Бодрунов С.Д. *Нономика.* – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
3. Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С. *Экономическая природа государства: новый ракурс.* – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 54 с.
4. Домрин А.Н. *США и конституционный переворот 1993 года в России // Свободная мысль, 2015, № 2. С. 41–54.*
5. Колокольцева Е. *Понятие имиджа Россия и его эволюция во внешнеполитической стратегии страны. // Международная жизнь, 2019, ноябрь. С. 74–85.*
6. Маркс К. *Экономические рукописи 1857–1859 годов. Часть первая // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2. Т. 46. Ч. 1.* – М.: Политиздат, 1968. – 559 с.
7. *На пути к новой экономической теории государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна* – М.: ИЭ РАН, 2018. – 109 с.
8. *Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР.* – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.
9. Радаев В.В. *Экономическая социология. 2-е изд.* – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 602 с.
10. Стиглиц Дж. *Экономика государственного сектора.* – М.: Изд-во МГУ; ИНФРА-М, 1997. – 720 с.
11. Туган-Барановский М.И. *Основы политической экономии.* – Петроград: Изд-ние Юридического книжного склада «Право», 1915. – 593 с.
12. Хайек Ф. *Индивидуализм и экономический порядок.* Челябинск: Социум, 2011. – 394 с.

References

1. Abalkin L.I. *Rossi: poisk samoopredeleniya: ocherki. 2-e izd. dop.* – M.: Nauka, 2005. – 464 s.
2. Bodrunov S.D. *Noonomika.* – M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2018. – 432 s.
3. Voejkov M.I., Gorodeckij A.E., Grinberg R.S. *Ekonomicheskaya priroda gosudarstva: novyj rakurs.* – M.: Institut ekonomiki RAN, 2018. – 54 s.
4. Domrin A.N. *SSHA i konstitucionnyj perevorot 1993 goda v Rossii. // Svobodnaya mysl', 2015, № 2. S. 41–54.*
5. Kolokol'ceva E. *Ponyatie imidzha Rossii i ego evolyuciya vo vneshnepolitcheskoj strategii strany. // Mezhdunarodnaya zhizn', 2019, noyabr'. S.74–85.*
6. Marks K. *Ekonomicheskie rukopisi 1857-1859 godov. CHast' pervaya. // Marks K. i Engel's F. Sochineniya. Izd-e 2. T. 46. CH.1.* – M.: Politizdat, 1968. – 559 s.
7. *Na puti k novoj ekonomicheskoj teorii gosudarstva. / Pod red. A.YA. Rubinshtejna* – M.: IE RAN, 2018. – 109 s.
8. *Narodnoe hozyajstvo SSSR za 70 let. YUbilejnyj stat. ezhegodnik / Goskomstat SSSR.* – M.: Finansy i statistika, 1987. – 766 s.
9. Radaev V.V. *Ekonomicheskaya sociologiya. 2-e izd.* – M.: Izd. dom GU VSHE, 2008. – 602 s.
10. Stiglic Dzh. *Ekonomika gosudarstvennogo sektora.* – M.: Izd-vo MGU; INFRA-M, 1997. – 720 s.
11. Tugan-Baranovskij M.I. *Osnovy politicheskoy ekonomii.* – Petrograd: Izd-nie YUridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1915. – 593 s.
12. Hajek F. *Individualizm i ekonomicheskij poryadok.- CHelyabinsk: Socium, 2011.* – 394 s.

Контактная информация / Contact Information

ФГБУН Институт экономики РАН, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32.
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Nahimovskiy prospect, 32, Moscow,
117218, Russia.

Воейков Михаил Илларионович / Voeikov Michail Illarionovich
mvok1943@mail.ru

НОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ТЕХНОЛОГИИ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ ОСУЩЕСТВИТЬ АСИММЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ СО СТОРОНЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА

NEW FINANCIAL INSTRUMENTS AND TECHNOLOGIES THAT ALLOW FOR AN ASYMMETRIC RESPONSE TO THE CHALLENGES AND THREATS TO THE RUSSIAN ECONOMY FROM THE COLLECTIVE WEST

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-396-400

РЯБУХИН Сергей Николаевич

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», д.э.н.

Sergei N. RYABUKHIN

Vice-President of the VEO of Russia, Vice-President of the International Union of economists, first Deputy Chairman of the budget and financial markets Committee of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Director of the Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» (Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics

Аннотация

Статья посвящена угрозам возникновения глобального хаоса в мировых финансах, причинам этих угроз, возможным последствиям, а также инструментам, способным выстроить систему превентивных мер в противодействии хаосу. В частности, с помощью этих инструментов можно построить как неденежную систему расчетов, так и создать финансовую систему, где деньги имеют внутреннюю меру стоимости. Это позволит противодействовать дальнейшему развитию хаоса в мировой финансовой системе и создать наднациональное платежное средство стран БРИКС, ЕАЭС, ШОС и других интеграционных союзов, а также построить инвестиционный (резервный) контур с возможностью генерации длинных и дешевых финансовых средств, что будет способствовать укреплению финансового суверенитета Российской Федерации.

Abstract

The article is devoted to the threats of global chaos in global finance, the causes of these threats, possible consequences, as well as tools that can build a system of preventive measures to counteract chaos. In particular, with the help of these tools, it is possible to build both a non-monetary settlement system and create a financial system where money has an internal measure of value. This will make it possible to counteract the further development of chaos in the global financial system and create a supranational means of payment for the BRICS countries, the EAEU, the SCO and other integration unions, as well as build an investment reserve circuit with the possibility of generating long and cheap financial resources, which will help strengthen the financial sovereignty of the Russian Federation.

Ключевые слова

Детерминированный хаос, индекс ценовой устойчивости, индекс мультитоварного значения ценовой устойчивости (МТЗ-индекс), индекс мультивалютного значения ценовой устойчивости (МВЗ-индекс).

Keywords

Deterministic chaos, index of price stability, index of multi-commodity value of price stability (MTZ-index), index of multi-currency value of price stability (MVZ-index).

Я хочу подтвердить, прежде всего, слова Сергея Дмитриевича Бодрунова о том, что региональные площадки, другими словами, региональный срез МАЭФ-2023, получили очень широкую поддержку и не только в части того, что более 13 000 человек подключились и принимали участие, но и на самом деле экономическая наука, да и люди, представляющие конкретный сектор экономики в каждом субъекте Российской Федерации, проявляют большой интерес. Это объясняется понятными причинами и факторами, которые характерны для все мировой экономики. Санкционные проблемы есть внутри Российской Федерации. Санкционному давлению подвергаются многие другие страны. И поэтому, конечно, возникает неподдельный интерес у ученых и практиков. И я еще раз хочу подтвердить то, что Форум находится в поле зрения очень большого сегмента ученых, исследователей и практиков.

Я позволю себе несколько слов сказать о теме, которая, на мой взгляд, очень интересна и с исследовательской, и с научной, и с практической точки зрения — это угроза глобального хаоса. А точнее, постольку, мне все-таки роднее и ближе вопросы, связанные с бюджетом, финансами, мировыми финансами, — это те угрозы,

которые нарастают в полный рост в финансовом сегменте, в секторе экономики. И поэтому с группой ученых мы подготовили исследование на тему «Хаос и новый миропорядок. Политический инструментарий глобального управления. Хаос как полная неопределенность, возникающая в результате разрушения устойчивых взаимосвязей и определенных закономерностей».

Детерминированный, или динамический, хаос — специфическое явление, описанное в теории динамических систем. При возникновении этого явления поведение системы или динамика процесса предопределяется детерминированными закономерностями, хотя на вид носит совершенно случайный характер. В теории нелинейной динамики известно достаточное количество отображений, порождающих такое поведение, и описано несколько принципиальных сценариев перехода к хаосу. Таким образом, математическая модель из игрушки может превратиться в реальный инструмент управления поведением сложных систем, к которым безусловно относятся социально-экономические системы. Привлекательность такого подхода возникает из-за возможности придания управляемым процессам вида сугубо случайных, происходящих как бы естественным образом, без вмешательства сторонних воздействий. Это и есть управляемый хаос.

На протяжении десятилетий глубокий интерес исследователей всегда вызывало поведение ценовых рядов биржевых активов. Попытка понять внутренние закономерности с целью получения разумных прогнозов привела к формированию и развитию обширного инструментария, с помощью которого может быть проведен всесторонний анализ временных последовательностей. Как правило, это статистические методы исследования, включающие в себя как стандартные, так и нетрадиционные подходы.

Однако доступность пакетов анализа и углубляющаяся тенденция на массовую подготовку современных специалистов только лишь как пользователей различных информационных технологий способствуют деформации аналитического мышления и формированию бездумного доверия распространяемым инструментам, многие встроенные функции в которых, предназначенные как раз для статистического анализа, содержат, мягко говоря, неточности, что приводит к искажению результатов анализа.

В области денежного обращения хаос возник в связи с потерей деньгами их внутренней меры стоимости, которая должна отражать взаимозависимость стоимости денег и стоимости базовых (якорных) ценностей, которые на том или ином этапе развития человеческого общества олицетворяли собой наиболее востребованные для совершения обменных торговых операций ценности.

На современном этапе, когда мировые деньги превратились только в средство платежа, а их эмиссия (выпуск) не ограничивается сопоставлением их стоимости к стоимости какого-либо эталона измерителя стоимости, мы наблюдаем процесс формирования хаоса в сфере валютно-финансовых отношений. Точнее — управляемого хаоса, так как цены на базовые активы, в первую очередь золото, подвергаются процессу манипуляции и управлению.

Выявление этих якорей на принципах природоподобных явлений есть основа противодействия возникновению хаоса. При этом основной вопрос, который мы себе должны задать, является ли цифра таким природоподобным якорем, можно ли через цифровое представление связать стоимостные отношения между това-

рами и услугами, производимыми обществом, или это все-таки просто удобная форма представления тех якорей, на базе которых можно сформировать самоподобную валютно-финансовую систему?

Наши исследования показали, что на длительных временах существуют ценовые зависимости ряда товаров, из которых можно сформировать индексы ценовых устойчивостей к природоподобным якорям, таким как меры энергии, стандартизированной воды, стоимость золота.

На базе этих якорей можно построить матрицу ценовых соотношений любых других товаров и услуг, имеющих характер самоподобной (природоподобной) системы, определив внутреннюю меру стоимости мировых денег с использованием матрицы самоподобия, при этом представление таких денег можно осуществлять с помощью их цифровых эквивалентов, но не наоборот.

Таковыми исследованиями занимается НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (далее – НИИ ИФИТ), который я возглавляю по поручению Apparата Совета Безопасности Российской Федерации.

В результате наших работ построен прототип финансовых инструментов, имеющих материально-залоговое обеспечение. На базе этих инструментов предложена методика создания индексов ценовой устойчивости относительно заданных якорей, среди которых могут быть золото, валюта и иные активы. Наша разработка позволяет построить такую синтетическую валюту, которая может использоваться в качестве расчетно-клирингового инструмента при проведении многосторонних бартерных и компенсационных сделок.

Таким образом, можно создать как неденежную систему расчетов, так и финансовую систему, где деньги имеют внутреннюю меру стоимости. Это позволит противодействовать дальнейшему развитию хаоса в мировой финансовой системе и создать наднациональное платежное средство стран БРИКС, ЕАЭС, ШОС и других интеграционных союзов, а также построить инвестиционный (резервный) контур с возможностью генерации длинных и дешевых финансовых средств, что будет способствовать укреплению финансового суверенитета Российской Федерации.

Все эти задачи нашли отражение в поручении Президента Российской Федерации от 25.12.2022, данному Правительству Российской Федерации и Банку России при участии НИИ ИФИТ в кооперации с научными и образовательными организациями страны по вопросу построения системы международных и внутренних расчетов с использованием финансовых инструментов, обеспеченных сырьевыми товарами, валютами дружественных государств и иными активами.

Библиографический список

1. Рябухин С.Н., Минченков М.А., Водянова В.В., Беленчук С.И. *Переходное состояние мировой валютно-финансовой системы: возможности для России* // *Научные труды Вольного экономического общества России, Том 231, 2021.* – М.: ООО «Вольное экономическое общество России». – С. 220–226.
2. Рябухин С.Н., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П. *Материально-залоговый принцип генерации инвестиционных средств* // *Научные труды Вольного экономического общества России, Том 231, 2021.* – М.: ООО «Вольное экономическое общество России». – С. 227–237.

3. *Рябухин С.Н., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П. Двухконтурная валютно-финансовая система как инструмент развития национальной экономики Российской Федерации и обеспечения ее суверенитета // Научные труды Вольного экономического общества России, Том 225, 2020. – М.: ООО «Вольное экономическое общество России». – С. 182–200.*

References

1. *Ryabukhin S.N., Minchenkov M.A., Vodyanova V.V. and Belenchuk S.I. (2021), Perekhodnoe sostoyanie mirovoj valyutno-finansovoj sistemy: vozmozhnosti dlya Rossii // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii, VEO, vol. 231, pp. 227–237.*
2. *Ryabukhin S.N., Minchenkov M.A., Vodyanova V.V. and Zapletin M.P. (2021), Material'no-zalogovyy princip generacii investicionnyh sredstv, VEO, vol. 231, pp. 227–237.*
3. *Ryabukhin S.N., Minchenkov M.A., Vodyanova V.V. and Zapletin M.P. (2020), Dvukonturnaya valyutno-finansovaya Sistema kak instrument razvitiya nacional'noj ekonomiki Rossijskoj Federacii I obespecheniya eyo suvereniteta, VEO, vol. 225, pp. 182–200.*

Контактная информация / Contact information

НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» ФБГОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36
Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies” (Plekhanov Russian University of Economics), 36, Stremyannyj pereulok, Moscow, 117997, Russia
Рябухин Сергей Николаевич / Sergei N. Ryabukhin
Ryabuhin.SN@rea.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ГЕГЕМОНИИ США В УСЛОВИЯХ ПОДЪЕМА КИТАЯ

TRANSFORMATION OF THE GLOBAL US HEGEMONY UNDER THE RISE OF CHINA

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-401-410

ИЛЬИНСКИЙ Александр Иоильевич

Научный руководитель института глобальных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.т.н., профессор

Alexander I. ILYINSKY

Scientific Supervisor at the Global Studies Institute of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor

МАГАМЕДОВ Александр Сергеевич

Консультант McKinsey & Company, Редвуд-Сити, США, MA HSG Санкт-Галлен, Швейцария

Aleksandr S. MAGAMEDOV

Consultant at McKinsey & Company, Redwood City, USA, MA Universität St. Gallen Switzerland

Аннотация

В статье рассматривается процесс потери валютной гегемонии США и роста финансовой мощи Китая, включающий конкуренцию и сотрудничество великих держав, сталкивающихся со многими геополитическими проблемами. Соединенные Штаты по-прежнему обладают значительным военным потенциалом, технологическими инновациями и мягкой силой, в то время как китайская инициатива «Пояс и путь» расширила свою экономическую мощь и влияние в евразийском и африканском регионах. Будущее глобальной гегемонии зависит от взаимодействия и отношений между этими двумя державами, при этом риски и возможности распределяются неравномерно между существующими великими державами и малыми/средними странами. Роль России в этом переходе значительна, и она должна тщательно выработать стратегию своего подхода, рассматривая свою сильную зависимость от экспорта энергоносителей как потенциальную уязвимость. Чтобы избежать рисков и использовать возможности, Россия должна придерживаться сбалансированного подхода, диверсифицируя свою экономическую базу, улучшая инвестиционный климат, продвигая инновации и технологические достижения и активно участвуя в региональных и международных форумах.

Abstract

The article examines the process of the decline of US currency hegemony and the growth of China's financial power, including competition and cooperation of great powers facing many geopolitical problems. The United States still has significant military capability, technological innovation, and soft power, while China's Belt and Road Initiative has expanded its economic power and influence in the Eurasian and African regions. The future of global hegemony depends on the interaction and relationship between these two powers, with risks and opportunities distributed unevenly between the existing great powers and the small/medium countries. Russia's role in this transition is significant, and it must carefully strategize its approach, viewing its heavy reliance on energy exports as a potential vulnerability. To avoid risks and seize opportunities, Russia must take a balanced approach by diversifying its economic base, improving the investment climate, promoting innovation and technological advances, and actively participating in regional and international forums.

Ключевые слова США, гегемония, Китай, многополярный мир, доллар США, юань.

Keywords USA, hegemony, China, multipolar world, US dollar, Renminbi.

Введение

Сегодня Соединенные Штаты Америки (США) являются глобальным гегемоном и имеют доминирующее влияние по всему миру, которое строится на трех основаниях. Во-первых, США – это самая большая и развитая мировая экономика, обладающая передовыми технологиями, будь то машиностроение или программное обеспечение. Во-вторых, страна имеет развитую военную сетевую инфраструктуру с мировым охватом и несет самые большие военные расходы, что является прямым показателем военной силы. Наконец, в-третьих, США создали мировую систему культурных и интеллектуальных институтов в области современного искусства, образования и медиа, которая обеспечивают экспорт американских ценностей и формирует глобальный интеллектуальный дискурс. Однако лишь превращение доллара США в мировую резервную валюту по результатам Бреттон-Вудской конференции окончательно сформировало глобальную гегемонию США, статус, которым Соединенные Штаты успешно пользуются уже более 70 лет.

Вместе с тем за последние годы status quo Соединенных Штатов как мирового гегемона стал оспариваться Китаем, который за последние 30 лет после начала политики реформ и открытости Дэн Сяопина достиг уровня развития США во многих областях социально-экономической жизни. Страна имеет вторую экономику по номинальной величине и первую, если учитывать паритет покупательной способности. Китай обладает второй по силе армией, оснащенной ядерным оружием. Что же касается инновационных технологий, то, хотя США и разрабатывает технологии, именно Китай воплощает их в жизнь, не переставая активно развивать собственную научную базу. Убедительных успехов Китай достиг и в области развития образования и культуры, начиная все более успешно экспортировать образование и культурный контент по всему миру, обращая основное внимание на развивающиеся страны

Азии, Африки и Латинской Америки. Наконец, китайская валюта юань (женьминьби, или народные деньги, как ее называют сами китайцы) недавно получила статус резервной благодаря спросу мирового сообщества и бурному развитию глобальной сети валютных свопов.

Обе страны являются глобальными игроками-гигантами и часто соперничают друг с другом в идеологических, геополитических, экономических и финансовых областях. В связи с этим возникает главный вопрос: удастся ли США сохранить мировую гегемонию в условиях глобальной конкуренции со стороны Китая и какие стратегические возможности и угрозы появятся у России при переходе к новому мирохозяйственному укладу.

Обзор литературы

Феномен гегемонии – это сложный социальный процесс, позволяющий одному городу, государству или глобальной организации определять и контролировать архитектуру институтов и ключевые процессы существующего мирохозяйственного уклада. В рамках теории мир-системного анализа феномен гегемонии тесно связан с понятием ядра Мир-Системы, которая управляет периферией, где местные природные и человеческие ресурсы превращаются в глобальный товар, и происходит их транспортировка в ядро системы для последующего обмена на финансовые инструменты и потребительские товары из ядра. Для устойчивости подобной системы необходимо абсолютное военно-политическое доминирование ядра над периферией и полный контроль мировой транспортной сети ядром или мировым гегемоном.

Принципы устойчивого функционирования иерархической Мир-Системы предполагают, что ядро создает и поддерживает мировой порядок, который рассматривается как общественное благо странами периферии, а любой вызов мировому порядку и его идеологии жестко пресекается мировым гегемоном. Грамшианский анализ гегемонии утверждает, что для этого ядро создает и распространяет идеологию мирового порядка, культурные и идеологические смыслы и ценности, которые принимаются периферией как безусловно легитимные и справедливые. Эта структура создается в процессе культурного и интеллектуального производства, в котором доминирует правящий класс, и включает в себя такие институты, как средства массовой информации, системы образования и искусства. Данные институты используются для создания глобального культурного и идеологического ландшафта, благоприятствующего интересам ядра системы и служащего укреплению его власти и легитимности.

Впервые глобальная гегемония США была оспорена после окончания холодной войны, когда попытки установить партнерские отношения между США и Китаем потерпели крах (Mastanduno M.) [1]. Свидетельством этому могут служить торговые войны США против Китая, которые являются, скорее, политическим средством сдерживания соперника, чем экономической необходимостью (Kim M.) [2]. Несмотря на это, Китай продолжает расширять свое присутствие, в том числе используя «мягкую» силу во время пандемии COVID, оказывая помощь странам в опережение США и Евросоюза (Gauttam P., Singh B. и Kaur J.) [3]. В результате силы США и Китая выравниваются, создавая дуополию влияния на другие страны (Schenoni L.L. и Leiva D.) [4]. При этом, несмотря на сильные институты

и материальную базу, Китаю не хватает идеологического посыла для опережения соперника (Amineh M.P.) [5]. В итоге это неразрешимое соперничество может привести к сотрудничеству двух гегемонов (Loke B.) [6]. Этому может свидетельствовать то, что Китай готовится к благожелательному сценарию и сценарию Голландской гегемонии, ориентированному на торговлю, помимо конфликтного сценария (Danner L.K. и Martín F. E.) [7].

Что же касается доминирования доллара, эта тема стала частым предметом дебатов после финансового кризиса 2007–2008 гг. При этом, несмотря на серьезность прошлого потрясения, мир все еще зависит от американской валюты (Hjertaker I. и Tranøy B.S.) [8], и ситуация вряд ли радикально поменяется без значительных потрясений (Murau S., Rini J., и Haas A.) [9]. Значимой причиной этого является удобство использования доллара, который подходит как для торговли, так и для финансовых операций, которые часто идут вместе (Gourinchas P.O.) [10]. Однако тенденции к переменам все же наблюдаются, в том числе по причинам растущего протекционизма (Halcooussis D.) [11]. Страны БРИКС создают собственную финансовую инфраструктуру (Liu Z.Z. и Pava M.) [12], и Китай с запуском пилотных проектов цифровой валюты Центрального банка (CBDC) являются ярким тому примером (Alwago W.O.) [13]. Одновременно происходит рост в объеме торгов нетрадиционными валютными парами (например, корейским воном или канадским долларом), что обусловлено развитием глобальных финансовых рынков в ряде стран (Arslanalp S., Eichengreen B. и Simpson-Bell C.) [14]. Но не стоит ожидать существенного влияния на доллар в краткосрочной перспективе (Siddiqui K.) [15].

Подводя итог, можно сказать, что существующие исследования охватывают различные аспекты динамики отношений между США и Китаем, а также роли доллара в мировой финансовой системе. Однако в существующих работах не рассматривается связь доллара с гегемонией США, что, по мнению авторов, является важным упущением. Поэтому целью данной работы является анализ возможных сценариев гегемонии доллара, которые могут быть использованы для структурирования дальнейших исследований.

Status quo США

Как уже упоминалось ранее, ядром гегемонии США является доллар и его функция мировой резервной валюты. В настоящее время более 60% мировых банковских резервов номинированы в долларах США. Ввиду роли доллара как важнейшего элемента американской гегемонии анализ его сильных и слабых сторон даст первичное понимание возможных сценариев развития.

Сильные стороны долларовой системы

Доллар США и долларовые облигации считаются безрисковыми активами благодаря гарантиям правительство Соединенных Штатов. Одновременно страна может похвастаться надежными институтами и самыми мощными в мире вооруженными силами. Кроме того, правительство США имеет возможность рефинансировать свой долг у любых стран, что практически исключает возможность дефолта. В совокупности все эти факторы снижают многие внешние и внутренние риски, делая долларовые инвестиции крайне надежными и оттого привлекательными.

Вторая сильная сторона доллара — это его ликвидность. Доллар является общепризнанным мерилем ценности и может быть легко конвертирован в любой

другой актив, будь то другая валюта или материальные ценности. Ликвидности способствует как ранее упомянутая безрисковость, так и развитая валютная инфраструктура, основанная вместе с подписанием Бреттон-Вудского соглашения и активно развиваемая на протяжении прошедших десятилетий. Дополнительно долларовая валютная система плотно интегрирована в американские финансовые рынки, которые являются самыми глубокими и сложными в мире и которые значительно расширяют возможности их участников.

Вызовы долларовой системы

Первый недостаток доллара как резервной валюты описывает так называемая «дилемма Триффина» [16]. Соединенные Штаты должны поддерживать постоянный дефицит внешнеторгового баланса, чтобы обеспечить долларовые вливания, используемые странами для накопления банковских резервов и поддержания ликвидности. Однако по мере роста этого дефицита увеличивается и суверенный долг, что подрывает доверие к надежности доллара. Кроме того, чрезмерный спрос на резервную валюту укрепляет ее курс, делая импорт более дешевым, а экспорт более дорогим, что приводит к проблемам внутреннего производства и уязвимости к сбоям в цепочке международных поставок. Вопреки распространенному заблуждению, в этой ситуации бенефициаром в США являются только политические и финансовые организации, увеличивающие свое влияние на мировой арене.

Второй проблемой доллара является его подорванная репутация в качестве безопасной валюты из-за потрясений в экономике США и использования доллара в качестве геополитического инструмента. Практически полный крах мировой финансовой системы во время кризиса 2007–2008 гг. подчеркнул существующие риски от излишней связанности системы и экономик, побуждая институты подходить с осторожностью к долларovým активам. Что же касается геополитических событий, экономические санкции, наложенные на ряд стран, включая Россию и Иран, и последовавшая невозможность распоряжаться своими активами в долларах и евро озаботили мировое сообщество. Возможность потери благосклонности США побудила инвесторов искать альтернативные активы (золото, криптовалюты, валюты других стран) и диверсифицировать свои риски.

Возвышение Китая и его отношения с США

Еще 30 лет назад Китай был бедной аграрной страной практически без перспектив на будущее в сравнении с развитыми странами. Однако сочетание политической воли, рыночных реформ и огромного населения, насчитывавшего более миллиарда человек, ускорило экономический рост до небывалого уровня – за 30 лет ВВП Китая вырос в 40 раз. Реформы позволили своевременно перехватить пальму первенства в дешевом рабочем труде от Японии, работники которой начали отказываться от низкооплачиваемой работы. В результате Китай стал мастерской мира с беспрецедентной концентрацией мировых производственных мощностей во всех сферах (одежда, электроника и пр.) и стал основным торговым партнером для более чем 120 стран. Следом за экономической мощью последовало политическое влияние, и Китай стал центром притяжения всего Азиатского региона, соперничая за влияние с США.

При этом, несмотря на видимое соперничество, обе страны значительно зависят друг от друга. Обе страны являются главными торговыми партнерами для

друг друга, где Китай обеспечивает пятую часть американского импорта, а США приобретает пятую часть всего китайского экспорта. Вместе с тем Китай вынужден инвестировать большую часть своей прибыли в экономику США, которая, как уже было сказано ранее, обладает значительной емкостью, недоступной на иных рынках. По состоянию на 2023 г. Китай является вторым (после Японии) крупнейшим кредитором США в размере 900 миллиардов долларов или порядка 12% от общего долга под контролем держателей вне США.

Эта зависимость от США и доллара, которая может привести к значительному ущербу в случае материализации финансовых и санкционных рисков, подталкивает Китай к поиску альтернативных решений. Одним из таких решений является цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ), в экспериментальном порядке внедряемая Народным банком Китая. Обширную сеть международных долларовых платежей трудно скопировать и воспроизвести, что делало доллар монополистом в международной торговле. Цифровая валюта, в свою очередь, может быть запущена без ограничений традиционных систем и позволит создать альтернативные платежные каналы. В случае развития этой системы и присоединения к ней стран Азиатского блока и за его пределами Китай сможет получить еще один рычаг снижения долгосрочного влияния США.

Возможные сценарии развития гегемонии доллара

При структурном рассмотрении сценариев можно выделить три варианта: сохранения status quo, формирование многополярного мира и появление новой центральной валюты. При этом стоит отметить, что сценарии не являются взаимоисключающими и могут идти последовательно в зависимости от рассматриваемого горизонта (от нескольких лет до нескольких десятилетий).

Сценарий 1: Сохранение гегемонии доллара США

В этом сценарии доллар США остается доминирующей мировой валютой без каких-либо существенных изменений. Со временем ограничения, присущие модели резервной валюты, приведут к дефолту и краху международной валютной системы. Однако данный исход является маловероятным. В краткосрочной перспективе существующие участники системы не имеют необходимых альтернатив и, скорее всего, попытаются сохранить систему во избежание собственных потерь. В долгосрочной же перспективе усилия стран по дедолларизации и необходимость США решить свои производственные и долговые проблемы повышают варианты осуществления других сценариев.

Сценарий 2: Возникновение многополярной валютной системы

Данный сценарий предполагает появление новой значимой валюты или валют и их сосуществование в мировой финансовой системе вместе с долларом. Этот сценарий является наиболее вероятным и наиболее близким к текущей реальности, где уже сосуществуют доллар США, юань, криптовалюты, цифровые валюты центральных банков и пр. В дальнейшем использование тех или иных валют может варьироваться от региона к региону, а их мировая значимость будет зависеть от экономического и политического ресурса использующих их стран.

Сценарий 3: Замещение доллара новой доминирующей валютой

Третий сценарий предусматривает замещение доллара США другой доминирующей валютой или наднациональной валютой. Одним из возможных путей

является значительная популяризация и победа над долларом региональной валюты из предыдущего сценария, но это перезагрузит модель резервной гегемонии и поэтому кажется маловероятным. Другой путь предполагает глобальное соглашение об использовании единой наднациональной валюты, автоматически балансирующей экспорт и импорт, такой, как специальные права заимствования (SDR), используемые Международным валютным фондом (МВФ), или гипотетическая валюта Bancor, предложенная Джоном М. Кейнсом, что позволит преодолеть негативные последствия дилеммы Триффина. Также в качестве теоретической альтернативы может быть рассмотрена криптовалюта с особыми правилами «умного контракта». Однако любое из этих решений потребует беспрецедентного уровня сотрудничества между крупнейшими экономиками, что делает этот сценарий маловероятным в краткосрочной перспективе, учитывая текущую динамику конкуренции и геополитическую напряженность.

Обсуждение

Последствия для США

При рассмотрении последствий для США рассматриваются три важнейшие области: ставки заимствований и объем суверенного долга, торговые и инвестиционные потоки, а также геополитическое влияние.

В случае снижения спроса на доллар США из-за появления альтернативных валют ставки по займам для правительства США, вероятно, возрастут. Это материализует риск рефинансирования, поскольку правительству придется рефинансировать существующий долг по более высоким ставкам, что приведет к росту процентных платежей. Учитывая дефицит бюджета США и ограниченность средств, правительство может быть вынуждено сократить расходы на основные проекты, такие как военные, образовательные и инфраструктурные.

В настоящее время США считаются надежной гаванью для инвестиций, что привлекает значительный приток капитала. Хотя возникновение многополярного мира может не оказать существенного влияния на эти потоки благодаря репутации США, значительная часть притока является спекулятивной и способствует увеличению дефицита торгового баланса, росту заимствований и уровня суверенного долга. Данную проблему необходимо рассматривать в совокупности с вышестоящим пунктом.

США используют свою финансовую мощь для влияния на мировую политику. Снижение влияния доллара США как резервной валюты может ограничить эти возможности, потенциально подталкивая США к тому, чтобы в определенных ситуациях больше полагаться на военную силу.

Последствия для Китая

Переход от доллара может обеспечить значительное снижение рисков для Китая, но есть определенные блокирующие факторы, которые следует учитывать. Китай, несмотря на сильную экономику, придерживается экспортно-ориентированной модели с искусственно ослабленной валютой и в значительной степени зависит от США как торгового партнера и инвестора. Принятие на себя роли эмитента резервной валюты потребует от Китая отказа от данной модели и поиска новой парадигмы развития. Одновременно потребуется ослабление контролей за платежным балансом, что в текущей ситуации не соответствует политике правительства Китая.

Вторая проблема заключается в потенциальном обесценении долларовых обязательств, крупнейшим держателем которых является Китай. Поскольку страны перебалансируют свои портфели для соответствия структуре новых резервных валют в многополярном мире, может произойти массовая продажа долларовых активов. Без должного контроля это приведет к быстрой девальвации имеющихся долларовых обязательств и, возможно, спровоцирует новый мировой финансовый кризис.

Последствия для России

Переход мировой гегемонии от США к Китаю тесно связан со стратегическими рисками и возможностями для России. Для России крайне важно быть готовой к этому процессу и правильно ориентироваться в меняющемся геополитическом ландшафте, диверсифицируя и укрепляя партнерские отношения, поддерживая баланс между Китаем и США и активно формируя многополярный миропорядок, защищающий ее национальные интересы. К стратегическим рискам следует отнести избыточную экономическую зависимость нашей страны от своего крупнейшего восточного торгового партнера, что может сделать Москву экономически более уязвимой перед давлением Пекина. Усиление Китая может привести к трудностям сохранения регионального лидерства России в странах Центральной Азии, на что ясно указывает Сианьская декларация саммита С+С5. Кроме того, рост военно-дипломатического влияния Китая повлияет на способность России защищать свои интересы и преследовать внешнеполитические цели в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Стратегические возможности России, возникающие при размывании мировой гегемонии США и подъеме Китая как нового мирового лидера, были определены на сессии «Горизонт-2040: Россия на карте мира» ПМЭФ-2023 при участии Первого вице-премьера Андрея Белоусова. Особое внимание было уделено необходимости определения и осмысления идентичности России на фоне формирования новой глобальной экономики, то есть формирования институтов экспорта смыслов и ценностей для развития глобального интеллектуального цивилизационного дискурса. «Вот это самая главная, ключевая, очень практическая задача. Мы хотим выстроить пространство для обсуждения, чтобы другие люди и народы могли в этом пространстве выстраивать свои (цивилизационные) конструкции», — подчеркнул Андрей Белоусов [17].

Заключение

Переход глобальной экономической гегемонии от США к Китаю знаменует собой значительный сдвиг в мировом порядке. Однако этот переход представляет собой сложный динамический процесс, характеризующийся конкуренцией и сотрудничеством великих держав, который разворачивается во времени на огромных территориях и сталкивается с многочисленными геополитическими проблемами.

США по-прежнему обладают огромным военным потенциалом, технологическими инновациями и мягкой силой, которые укрепляют их глобальное влияние. С другой стороны, экономическое могущество Китая и его инициатива «Один пояс, один путь» расширили его охват и влияние в огромном евразийском регионе. Взаимодействие между этими двумя державами и их развивающиеся отношения определяют будущее глобальной гегемонии, при этом риски и возможности для суще-

ствующих великих держав и небольших стран распределяются неравномерно. Роль России как крупной мировой державы в переходе гегемонии от США к Китаю весьма значительна, и Россия должна тщательно проанализировать и выработать стратегию своего подхода. Один потенциальный риск для России заключается в ее сильной зависимости от экспорта энергоресурсов, особенно нефти и газа, что может создать уязвимость для России, если Китай диверсифицирует свои источники энергии или сократит потребление в связи с изменениями внутренней политики или международной динамикой.

Чтобы избежать рисков и воспользоваться возможностями, Россия должна придерживаться сбалансированного подхода. Это включает в себя диверсификацию экономической базы, улучшение инвестиционного климата, поощрение инноваций и технологических достижений, а также активное участие в региональных и международных форумах для формирования развивающегося глобального экономического порядка. В целом способность России адаптироваться к изменяющейся динамике перехода к гегемонии будет определять ее будущие экономические перспективы и геополитическое положение.

Библиографический список / [References](#)

1. Mastanduno M. *Partner Politics: Russia, China, and the Challenge of Extending US Hegemony after the Cold War* // *Security Studies*. 2019. Vol. 28, № 3. P. 479–504.
2. Kim M. *A real driver of US–China trade conflict* // *International Trade, Politics and Development*. 2019. Vol. 3, № 1. P. 30–40.
3. Gauttam P., Singh B., Kaur J. *COVID-19 and Chinese Global Health Diplomacy: Geopolitical Opportunity for China's Hegemony?* // *Millennial Asia*. 2020. Vol. 11, № 3. P. 097639962095977.
4. Schenoni L.L., Leiva D. *Dual Hegemony: Brazil Between the United States and China* // *Hegemonic Transition*. 2021. P. 233–255.
5. Mehdi Parvizi Amineh. *The China-led Belt and Road Initiative and its Reflections*. Routledge, 2022.
6. Loke B. *The United States, China, and the Politics of Hegemonic Ordering in East Asia* // *International Studies Review*. 2021. Vol. 23, № 4.
7. Danner L.K., Martín F.E. *China's hegemonic intentions and trajectory: Will it opt for benevolent, coercive, or Dutch-style hegemony?* // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2019. Vol. 6, № 2. P. 186–207.
8. Hjertaker I., Tranøy B.S. *The Dollar as a Mutual Problem: New Transatlantic Interdependence in Finance* // *Politics and Governance*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 198–207.
9. Murau S., Rini J., Haas A. *The evolution of the Offshore US-Dollar System: past, present and four possible futures* // *Journal of Institutional Economics*. 2020. P. 1–17.
10. Gourinchas P.-O. *The Dollar Hegemon? Evidence and Implications for Policymakers* // *The Asian Monetary Policy Forum*. 2021. P. 264–300.
11. Halcoussis D. *The public choice approach to international sanctions: retrospect and prospect*. 2021. P. 152–166.
12. Liu Z.Z., Papa M. *Can BRICS De-dollarize the Global Financial System?* // Cambridge University Press. 2022.
13. Alwago W.O. *Is the Renminbi a Global Currency in the Making? Globalization of Digital yuan* // *Pénzügyi Szemle = Public Finance Quarterly*. 2022. Vol. 67, № 4. P. 553–566.
14. Arslanalp S., Eichengreen B., Simpson-Bell C. *The stealth erosion of dollar dominance and the rise of nontraditional reserve currencies* // *Journal of International Economics*. 2022. P. 103656.

15. Siddiqui K. *The U.S. Dollar and the World Economy: A Critical Review* // *Athens Journal of Business & Economics*. 2020. Vol. 6, № 1. P. 21–44.
16. Paish F.W., Triffin R. *Gold and the Dollar Crisis. The Future of Convertibility.* // *The Economic Journal*. 1961. Vol. 71, № 281. P. 142.
17. *Horizon-2040: Russia on the world map.* URL: <https://forumspb.com/programme/business-programme/104526/#broadcast>

Контактная информация / Contact information

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, Москва,
пр-т Ленинградский, д. 49/2

Ильинский Александр Иоильевич / Alexander I. Ilyinsky
ailyinsky@fa.ru

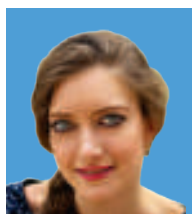
McKinsey & Company, 889 Winslow St STE 300, Redwood City, CA 94063, United States

Магамедов Александр Сергеевич / Aleksandr S. Magamedov
magamedov.alexander@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛИЯНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ НА УСТОЙЧИВОСТЬ БЮДЖЕТОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ¹

TRANSFORMATION OF THE IMPACT ENTERPRISES ACTIVITIES RESULTS ON THE BUDGET SYSTEM STABILITY IN THE NEW REALITY

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-411-424

ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК Мария Александровна

Заведующая центром финансовых исследований, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», к.э.н.

Mariya A. PECHENSKAYA-POLISHCHUK

Head of the Financial research center, leading researcher, PhD in Economics

Аннотация

Данная статья представляет собой симбиоз проведенных автором исследований формирования доходов бюджетной системы, реализации бюджетного потенциала, а также развития важных промышленных предприятий и отраслей экономики. Анализируется влияние новых, обусловленных санкциями, вызовов на деятельность промышленных корпораций, что в свою очередь приводит к воздействию на устойчивость бюджетной системы. Отдельное внимание в работе уделяется тому, какие, несмотря на санкции, сохранились проблемы, тормозящие эффективность механизма взаимодействия государства и корпораций.

Abstract

This article is a symbiosis of the author's research on the formation of budget system revenues, the realization of budget potential, as well as the development of important industrial enterprises and sectors of the economy. The impact of new sanctions-related challenges on the activities of industrial corporations is analyzed, which, in turn, leads to an impact on the stability of the budget system. Special attention is paid to the fact that,

¹ Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

despite the sanctions, there are problems that hinder the effectiveness of the mechanism of interaction between the state and corporations.

Ключевые слова Бюджет, налоги, развитие, промышленные предприятия, черная металлургия, цветная металлургия, химическая отрасль, угольная отрасль, санкции, экономика.

Keywords Budget, taxes, development, industrial enterprises, ferrous metallurgy, non-ferrous metallurgy, chemical industry, coal industry, sanctions, economy.

Введение

В условиях новой реальности деятельность многих предприятий промышленного сектора экономики, имеющих высокую степень интеграции в глобальную систему мирохозяйственных связей, подверглась серьезным трансформациям. Сложный выбор расстановки приоритетов деятельности, сворачивание устоявшихся каналов экспортной торговли, поиск новых рынков сбыта при невысоком внутреннем потреблении продукции ряда отраслей — лишь часть тех острых вопросов, которые потребовали от предприятий взвешенных и оперативных ответов. При ухудшении позиций промышленных предприятий нарушается бюджетная стабильность. Вместе с тем именно бюджетное регулирование обеспечивает нивелирование изменений геополитической ситуации, экономическую безопасность государства, успех достижения амбициозных национальных целей. Данная позиция постулирует в ключевых документах развития России и в посланиях Президента.

Материалы и методы исследования

Исследование финансово-экономических отношений промышленных корпораций, государства и общества проводится в Вологодском научном центре с 2012 г. К настоящему моменту объект исследования представлен 5 отраслями промышленного производства (черная металлургия, цветная металлургия, химическая отрасль, угольная отрасль, нефтегазовая отрасль), 18 корпорациями, 13 странами — Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Бразилия, США, Великобритания, Франция, Индонезия. Информационной базой служат опубликованная на официальных сайтах компаний бухгалтерская отчетность, данные Федеральной налоговой службы, Федеральной службы государственной статистики, отчетность международных ассоциаций и организаций (Международного валютного фонда, Всемирной ассоциации стали, Евразийской комиссии, ЕАБР и др.). Работа многоаспектная, что проявляется в рассмотрении ее в разных контекстах: анализа эффективности государственного управления, сочетания баланса частных и общественных интересов, экономического поведения хозяйствующих субъектов, потенциала развития отраслей экономики, реализации ESG-повестки, влияния на территориальное развитие и устойчивость бюджетной системы. Именно последнему из названных аспектов будет посвящена данная статья.

Обсуждение и результаты исследования

Одной из наиболее пострадавших отраслей российской экономики стала черная металлургия. Поступления налога на прибыль от производств стали, ферросплавов и чугуна Вологодской области в бюджет региона сократились на 62%, в федераль-

ный бюджет – на 64%. Общий налог на прибыль снизился на 23 млрд руб. (табл. 1). Величина налога на добавленную стоимость сменила свой вектор с возмещения из федерального бюджета на уплату в его пользу. В 2021 г. корпорация вернула на свой счет около 10 млрд руб. НДС, тогда как в 2022 г. уплатила в федеральный бюджет почти 5 млрд руб.

Таблица 1. Изменение влияния черной металлургии Вологодской области (ПАО «Северсталь») на бюджетную систему

Вид налога	По итогам 10 месяцев				2022 к 2021		
	2021 года		2022 года		Млн руб.	Раз	Доля, +/- п.п.
	Млн руб.	Доля, %*	Млн руб.	Доля, %*			
Налог на прибыль, из него:	36 815	57,5	13 927	28,8	-22 888	0,38	-28,7
– в региональный бюджет	27 488	55,9	10 530	28,5	-16 958	0,38	-27,4
– в федеральный бюджет	9327	63,0	3397	29,9	-5930	0,36	-33,1
НДФЛ	2888	12,6	2872	10,9	-16	0,99	-1,7
НДС	-10 022	х	4659	42,0	14 681	х	х
Налог на имущество	738	6,9	182	1,3	-556	0,25	-5,6
Акцизы по подакцизным товарам	0	0	9417	50,3	9417	х	+50,3
Итого	30 419	29,2	31 057	26,2	638	1,02	+0,5

* Удельный вес налога в общей сумме налогов по всем видам экономической деятельности региона

Источник: здесь и далее рассчитано по данным ФНС России [1]

Ключевым фактором изменений стало закрытие для ПАО «Северсталь» европейского рынка (34% выручки) и, соответственно, сокращение объема экспортных операций. В ноябре 2020 г. Законодательное собрание региона в законе об областном бюджете предусмотрело льготы по налогу на прибыль и налогу на имущество организаций для «Северсталь» и «ФосАгро»² на 2022 и 2023 гг.

Таким образом, суммарно объем налоговых поступлений в бюджетную систему от черной металлургии Вологодской области сохранился практически на уровне прошлых лет – 31 млрд руб., или 26% в бюджете региона.

Находящиеся на территории Липецкой области металлургические активы, которые сосредоточены в ПАО «НЛМК», по итогам 10 месяцев 2022 г. продемонстрировали практически пятикратный спад по отчислениям налога на прибыль (табл. 2). Ситуация возврата НДС возникла по причине того, что Новолипецкий комбинат про-

² Депутаты одобрили миллиардные налоговые льготы для «Северстали» и «ФосАгро». URL: <https://cher.all-ru.com/news/2020/11/26/35/deputaty-odobrili-milliardnye-nalogo-ye-lgoty-dlya-severstali-i-fosagro>.

должил торговлю с Европой и США и не попал под санкции, так как имеет активы в Бельгии и Италии, а также в штатах Индиана и Пенсильвания³. На этих предприятиях около 2 тыс. рабочих мест, а объем продукции ежегодно более 4 млн т⁴. Таким образом, совокупные налоговые поступления по перечисленным налогам сократились на 58 млрд руб.

Таблица 2. Изменение влияния черной металлургии Липецкой области (ПАО «НЛМК») на бюджетную систему

Вид налога	По итогам 10 месяцев				2022 к 2021		
	2021 года		2022 года		Млн руб.	Раз	Доля, +/- п.п.
	Млн руб.	Доля, %*	Млн руб.	Доля, %*			
Налог на прибыль, из него:	70 860	84,7	14 734	50,8	-56 126	0,21	-33,9
– в региональный бюджет	39 281	77,7	12 401	49,0	-26 880	0,32	-28,7
– в федеральный бюджет	31 579	95,4	1773	47,4	-29 806	0,06	-48,0
НДФЛ	2952	15,9	3115	15,6	163	1,06	-0,3
НДС	-23 258	x	-37 215	x	-13 957	1,60	x
Налог на имущество	1068	22,1	1682	26,8	614	1,57	+4,7
Акцизы по подакцизным товарам	0	0	11 219	87,1	11 219	x	+87,1
Итого	51 622	x	-6465	x	-58 087	x	x

* Удельный вес налога в общей сумме налогов по всем видам экономической деятельности региона

Что касается Челябинской области с ее ключевым активом – Магнитогорским металлургическим комбинатом, то совокупный налоговый вклад сократился почти на треть (табл. 3). Санкции вызвали падение рентабельности и снижение объема производства. Если в 2021 г. рентабельность прибыли достигала 20–25%, то к маю – июню 2022 г. она сократилась до 1–4%. Также сказалось падение внутренних цен на сталь на 17% относительно 2021 г.

ПАО «ММК» утвердил 24 февраля 2022 г. редомициляцию с кипрской компании Mintha Holding Limited на российскую компанию «Альтаир» в Магнитогорске. Это решение позволило сохранить владение и управление инвестициями⁵.

³ НЛМК сохранила режим поставок в Европу и США. URL: https://quote.rbc.ru/news/short_article/6244248d9a79474d63f980ed.

⁴ Аналитики назвали компании, которые больше других страдают от санкций ЕС. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/459489-analitiki-nazvali-kompanii-kotorye-bol-se-drugih-postradaut-ot-sankcij-es>.

⁵ Металлургический комбинат сменил юрисдикцию. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/268255358>.

Таблица 3. Изменение влияния черной металлургии Челябинской области (ПАО «ММК») на бюджетную систему

Вид налога	По итогам 10 месяцев				2022 к 2021		
	2021 года		2022 года		Млн руб.	Раз	Доля, +/- п.п.
	Млн руб.	Доля, %*	Млн руб.	Доля, %*			
Налог на прибыль, из него:	45 928	44,3	20 833	26,5	-25 095	0,45	-17,8
– в региональный бюджет	39 000	43,4	17 565	25,7	-21 435	0,45	-17,7
– в федеральный бюджет	6928	50,4	3268	31,8	-3660	0,47	-18,6
НДФЛ	3378	4,7	3853	5,1	475	1,14	+0,4
НДС	33 407	33,2	21 886	19,8	-11 521	0,66	-13,4
Налог на имущество	1644	15,6	1363	10,8	-281	0,83	-4,8
Акцизы по подакцизным товарам	0	0	12 062	86	12 062	x	+86
Итого	84 357	29,2	59 997	20,6	-24 360	0,71	-8,6

* Удельный вес налога в общей сумме налогов по всем видам экономической деятельности региона

Следует упомянуть, что страны Евросоюза не являются главными потребителями черных металлов из России. Тройка крупнейших импортеров – это Тайвань (22%), Турция (13%) и Китай (9%). В большей степени, чем черная металлургия на экспорт, ориентировано производство цветных металлов. Если экспорт стали из России составляет порядка 30% объема производства, то экспорт меди и алюминия – более 70%, а никеля – все 90%. Поскольку Европа сильно зависима от российских цветных металлов, документ ЕС об ограничении импорта российской металлопродукции не включил их в свой список. Это чревато дефицитом и ростом цен, если закупать не у России, а, например, у Китая или Чили.

В июне 2022 г. крупнейший акционер и президент ГК «Норильский никель» (В. Потанин) был включен в санкционный список Великобритании. Из-за этого появилась необходимость досрочного погашения кредитов в британских банках⁶.

Несмотря на сокращение налога на прибыль на 42% и семикратный рост возврата НДС из федерального бюджета, по налоговым поступлениям от цветной металлургии Красноярского края, где находятся ключевые активы Норильского никеля, отмечается увеличение на 49%. Причиной тому стало введение с начала 2022 г. акциза на жидкую сталь 2,7%⁷ (табл. 4).

6 Потанин рассказал о влиянии персональных санкций на «Норникель». URL: <https://www.rbc.ru/business/05/07/2022/62c32d3c9a7947181d8e9978>.

7 Минпромторг поддержал льготу по уплате акциза на жидкую сталь для металлургов. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/09/07/939575-minpromtorg-podderzhal-lygotu>.

Таблица 4. Изменение влияния цветной металлургии Красноярского края (ПАО «Норникель») на бюджетную систему

Вид налога	По итогам 10 месяцев				2022 к 2021		
	2021 года		2022 года		Млн руб.	Раз	Доля, +/- п.п.
	Млн руб.	Доля, %*	Млн руб.	Доля, %*			
Налог на прибыль, из него:	8440	3,9	4899	2,9	-3541	0,58	-1,0
– в региональный бюджет	4467	2,5	4333	3,0	-134	0,97	+0,5
– в федеральный бюджет	3973	10,0	566	2,0	-3407	0,14	-8,1
НДФЛ	6871	9,6	10 465	12,1	+3594	1,52	+2,5
НДС	-2465	х	-17 205	х	-14 740	6,98	х
Налог на имущество	2691	12,7	3615	14,6	+924	1,34	+1,9
Акцизы по подакцизным товарам	24 613	17,6	57 902	29,0	+33 289	2,35	+11,4
Итого	40 150	7,1	59 676	10,1	+19 526	1,49	+3,0

* Удельный вес налога в общей сумме налогов по всем видам экономической деятельности региона

В марте 2022 г. у ПАО «Русал» возникли проблемы из-за санкций Австралии. Ограничения коснулись запрета на поставки австралийского глинозема, обеспечивающего до 20% поставок данного сырья. Кроме того, остановил работу Николаевский глиноземный завод на Украине, который являлся вторым по объему производства в составе холдинга⁸.

Несмотря на это, из-за роста цен полугодовая консолидированная выручка холдинга выросла на 31% до 7 млрд долларов (табл. 5). Однако рост объемов возмещаемого НДС с 1 до 9 млрд руб. привел к отрицательным поступлениям в бюджетную систему по общей совокупности налогов.

В марте 2022 г. владелец угледобывающей компании (И. Махмудов) из-за риска санкций перестал быть контролирующим бенефициаром и вышел из состава совета директоров четырех компаний (ОАО «УГМК», АО «УК «Кузбассразрезуголь», АО «Восточный порт», АО «Ростерминалуголь»)⁹. С 10.08.2022 Европейский союз ввел запрет на импорт угля из России, который был анонсирован еще в начале апреля. Своевременное перенаправление торговых потоков по экспорту угля на Индию и Китай и рост цен на уголь привели к благоприятной почве формирования налогооблагаемой базы [2]. Объем налога на прибыль от угледобычи Кемеровской области вырос в 3,4 раза, НДС – в 9,3 раза, НДСПИ – в 3,8 раза. По итогу налоговые поступления составили 216 млрд руб. (табл. 6).

⁸ «Русал» отрезают от сырья. Австралия запретила экспорт глинозема в Россию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5269679>.

⁹ Искандер Махмудов прервал связь с УГМК. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5258218>.

Таблица 5. Изменение влияния цветной металлургии Иркутской области (ПАО «Русал») на бюджетную систему

Вид налога	По итогам 10 месяцев				2022 к 2021		
	2021 года		2022 года		Млн руб.	Раз	Доля, +/- п.п.
	Млн руб.	Доля, %*	Млн руб.	Доля, %*			
Налог на прибыль, из него:	237	0,3	4991	4,8	4754	21,06	+4,5
– в региональный бюджет	199	0,3	4849	5,3	4650	24,37	+5,1
– в федеральный бюджет	38	0,4	142	1,1	104	3,74	+0,7
НДФЛ	924	1,7	1190	1,9	266	1,29	+0,2
НДС	-1001	х	-8969	х	-7968	8,96	х
Налог на имущество	345	2,3	481	2,8	136	1,39	+0,5
Акцизы по подакцизным товарам	85	0,04	211	0,1	126	2,48	0,0
Итого	590	0,1	-2096	х	-2686	х	х

* Удельный вес налога в общей сумме налогов по всем видам экономической деятельности региона

Таблица 6. Изменение влияния угольной отрасли Кемеровской области (АО УК «Кузбассразрезуголь») на бюджетную систему

Вид налога	По итогам 10 месяцев				2022 к 2021		
	2021 года		2022 года		Млн руб.	Раз	Доля, +/- п.п.
	Млн руб.	Доля, %*	Млн руб.	Доля, %*			
Налог на прибыль, из него:	32 256	39,0	11 0502	66,7	+78 246	3,43	+27,7
– в региональный бюджет	25 592	36,5	91 842	65,7	+66 250	3,59	+29,2
– в федеральный бюджет	6664	53,0	18 660	72,0	+11 996	2,80	+19,1
НДФЛ	9282	19,4	12 819	22,1	+3537	1,38	+2,7
НДС	6822	63,7	63 338	122,1	+56 516	9,28	+58,4
Налог на имущество	3848	37,6	4288	15,4	+440	1,11	-22,2
Акцизы по подакцизным товарам	6621	79,0	25 086	8,0	+18 465	3,79	-71,0
Итого	58 829	36,8	21 6033	68,6	+15 7204	3,67	+31,8

* Удельный вес налога в общей сумме налогов по всем видам экономической деятельности региона

Несмотря на рост поступлений по ряду налогов, химический холдинг ФосАгро, в структуру которого включен АО «Апатит», получил возврат НДС из федерального бюджета, показывая сохранение международной торговли с дружественными для России рынками сбыта (табл. 7). Санкции против акционеров компании были введены Минфином США 15 ноября 2022 г., следовательно, оценить их влияние можно будет уже по следующей отчетности.

Таблица 7. Изменение влияния химической отрасли Вологодской области (АО «Апатит») на бюджетную систему

Вид налога	По итогам 10 месяцев				2022 к 2021		
	2021 года		2022 года		Млн руб.	Раз	Доля, +/- п.п.
	Млн руб.	Доля, %*	Млн руб.	Доля, %*			
Налог на прибыль, из него:	10 613	16,6	18 068	37,4	+7455	1,70	+20,8
– в региональный бюджет	7178	14,6	12 024	32,5	+4846	1,68	+17,9
– в федеральный бюджет	3435	23,2	6044	53,1	+2609	1,76	+29,9
НДФЛ	557	2,4	742	2,8	+185	1,33	+0,4
НДС	-13 588	х	-24 290	х	-10 702	1,79	х
Налог на имущество	-139	х	732	5,3	+871	-5,27	х
Акцизы по подакцизным товарам	0	0,0	0	0,0	0	х	+0,0
Итого	-2557	х	-4748	х	-2191	1,86	х

* Удельный вес налога в общей сумме налогов по всем видам экономической деятельности региона

Деятельность химического предприятия ПАО «Дорогобуж» в 2022 г. характеризовалась падением налогооблагаемой прибыли на 41%, ростом себестоимости производства, увеличением расходов на оплату труда в компании на 28%, отсутствием свернутых денежных потоков по НДС. Таким образом, суммарные налоговые поступления от химической отрасли Смоленской области сократились на 36% (табл. 8).

В целом с химической отраслью ситуация сложилась следующим образом. Страны ЕС и Великобритания ввели с 10 июля 2022 г. квоты на поставки некоторых российских удобрений (в частности, хлористый калий и смешанные удобрения, в состав которых входит калий). Квотирование ограничило реэкспорт калийных удобрений из Беларуси через территорию РФ. Одновременно с этим российские удобрения были внесены США в перечень товаров первой необходимости, что исключило их из пакета санкций. 10 сентября 2022 г. российские удобрения выведены из-под санкций ЕС. То есть как таковых серьезных ограничений в отношении экспорта российских удобрений в настоящее время нет, однако сложности с поставками обуславливают косвенные ограничения: в том числе отказ некоторых зарубежных

Таблица 8. Изменение влияния химической отрасли Смоленской области (ПАО «Дорогобуж») на бюджетную систему

Вид налога	По итогам 10 месяцев				2022 к 2021		
	2021 года		2022 года		Млн руб.	Раз	Доля, +/- п.п.
	Млн руб.	Доля, %*	Млн руб.	Доля, %*			
Налог на прибыль, из него:	3386	23,5	2127	13,6	-1259	0,63	-10,0
– в региональный бюджет	2858	22,6	1796	12,9	-1062	0,63	-9,8
– в федеральный бюджет	528	30,2	331	19,3	-197	0,63	-11,0
НДФЛ	297	2,2	305	2,0	8	1,03	-0,2
НДС	243	1,0	78	0,2	-165	0,32	-0,8
Налог на имущество	63	1,6	41	0,9	-22	0,65	-0,7
Акцизы по подакцизным товарам	0	0,0	0	0,0	0	x	0,0
Итого	3989	7,1	2551	3,8	-1438	0,64	-3,3

* Удельный вес налога в общей сумме налогов по всем видам экономической деятельности региона

логистических компаний заниматься перевозками российских удобрений. Об этом заявил Президент России В.В. Путин на заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества 16 сентября 2022 г. Также с апреля 2022 г. Россия стала ведущим поставщиком азотно-фосфорных удобрений в Индию, Бангладеш, Индонезию и Таиланд. Экономические ограничения Евросоюза и США, введенные на российские предприятия черной металлургии, привели к падению привлекательности и, соответственно, курсовой стоимости акций металлургических корпораций, что привело к переоценке стоимости активов собственников компаний [3, 4]. Санкции и ограничения на сталелитейный сектор по инерции привели к падению курсовой стоимости акций корпораций цветной металлургии, однако их просадка была значительно ниже. Возросший спрос и цены на продукцию агрохимических компаний привели к росту курсовой стоимости их акций.

По итогам анализа определяется, что новыми вызовами продуцированы существенные риски стабильного функционирования крупных промышленных предприятий, наполнения бюджетных доходов и стабильности бюджетной системы. При этом отягчающими обстоятельствами является сохранение ряда системных проблем взаимодействия государства и крупного бизнеса.

Важнейшая из них – возмещение экспортного НДС. В таблицах 1–8 **была специально выделена строка по налогу на добавленную стоимость. Налоговый кодекс РФ предусматривает широкий круг операций, не подлежащих налогообложению по НДС** при проведении внешнеторговых операций, предусматривающих уплату данного налога на территории страны-импортера. Будучи крупнейшими экспортерами, промышленные компании активно применяли нулевую ставку НДС при поставках товаров на внешние рынки. Из анализа рас-

четов некоторых корпораций с федеральным бюджетом видно, что за 10 лет общий возврат НДС в пользу черной металлургии Вологодской области составил 18 млрд руб., в пользу цветной металлургии Красноярского края – 155 млрд руб., за 10 месяцев 2022 г. уже произведен возврат в размере 17 млрд руб. По итогу поступления налога на прибыль в федеральный бюджет от ПАО «Северсталь» превысили расходы по возмещению НДС всего на 17 млрд руб.. Возврат НДС в пользу ПАО «Норникель» на 108 млрд руб. превысил сумму уплаченного в федеральный бюджет налога на прибыль (табл. 9).

Таблица 9. Соотношение поступлений налога на прибыль в федеральный бюджет и НДС от крупных корпораций черной, цветной металлургии и угольной отрасли, млрд руб.

Период	ПАО «Северсталь» (Вологодская область)			ПАО «Норникель» (Красноярский край)			ПАО «Кузбассразрезуголь» (Кемеровская область)		
	Налог на прибыль в федеральный бюджет	НДС	Сумма	Налог на прибыль в федеральный бюджет	НДС	Сумма	Налог на прибыль в федеральный бюджет	НДС	Сумма
2012	0,89	-0,59	0,3	6,1	-16,6	-10,5	1,7	-0,5	1,2
2013	0,57	-2,93	-2,4	9,0	-28,1	-19,1	0,3	-6,2	-5,9
2014	1,6	1,5	3,2	3,9	-26,4	-22,5	0,4	-5,4	-4,9
2015	1,6	5,8	7,4	4,5	-31,6	-27,1	0,7	-2,4	-1,7
2016	1,8	3,5	5,3	0,5	-27,5	-27,0	1,2	-3,8	-2,6
2017	5,9	0,5	6,4	1,8	-26,4	-24,7	5,8	10,9	16,7
2018	4,4	1,2	5,6	5,0	-32,5	-27,6	7,1	10,0	17,1
2019	3,9	-3,8	0,0	6,2	-8,4	-2,3	3,9	-1,9	2,0
2020	2,6	-11,1	-8,5	5,9	42,5	48,4	1,5	-10,2	-8,7
2021	11,0	-11,9	-0,9	4,1	-0,3	3,8	10,5	15,8	26,3
2012- 2021	34	-18	17	47	-155	-108	33	6	39
2022 (за 10 мес.)	3,4	4,7	8,1	0,6	-17,2	-16,6	18,7	63,3	82,0

Практика возмещения НДС – общемировая, идеологически призвана к стимулированию внешней торговли. Но по факту возникает диспропорция: экспорт с 2012 г. имел разнонаправленную динамику, прирост в два раза (в большей степени благодаря высоким ценам прошлого года, а так в среднем на 10%), однако объем возврата НДС из федерального бюджета ежегодно нарастал, за этот период он увеличился в 5,5 раза до 235 млрд руб. (это 7% текущего дефицита федерального бюджета).

Зачастую разные эксперты идентифицируют возврат НДС с прямым изъятием инвестиционных ресурсов из экономики, с обесценением роли крупных экспортеров в сборах НДС и с нарушением принципа справедливости налоговой системы [5, 6, 7, 8].

В перманентном применении данного инструмента бюджетно-налоговой политики существует и еще одна проблема – препятствие структурному сдвигу с сырьевой направленности экономики России в пользу конкурентоспособных обрабатывающих производств. Так, доля обрабатывающей промышленности в общих поступлениях НДС ежегодно на 5–9% превышает долю вместе взятых добывающих крупных компаний, субъектов финансовой и страховой деятельности.

Еще один проблемный аспект связан с дивидендной политикой. Объемы дивидендов – один вопрос, но использование нераспределенной прибыли и части свободного денежного потока в качестве дивидендных выплат отрицательно сказывается как на развитии компаний вследствие снижения объемов инвестиций в модернизацию производства, так и на развитии региона базирования, поскольку нераспределенная прибыль могла бы стать источником финансирования социально значимых вопросов.

Из расчетов по официальной отчетности для компаний были характерны выплаты, превышающие размер чистой прибыли, и даже выплата дивидендов при убытках. Для многих российских компаний в последние годы присуща тенденция увеличения доли дивидендных выплат в объеме чистой прибыли (табл. 10). Например, для ПАО «Лукойл» – в 2,7 раза; ПАО «Газпром» – в 2,5 раза, ПАО «Роснефть» – в 1,6 раза, ПАО «Магнит» – почти в 6 раз, ПАО «Алроса» и ПАО «Сбербанк» – в 3 раза. Для сравнения: две крупнейшие компании с рыночной капитализацией свыше 2 трлн долларов – «Apple» и «Microsoft» направляли на дивиденды в среднем 18 и 30% соответственно [9]. В целом для США характерна невысокая доля дивидендов в чистой прибыли, поскольку налог на дивиденды может достигать до 37%¹⁰ в зависимости от валового дохода и степени свободы обращения акций на крупных биржах.

Однако в Российской Федерации законодательные нормы относительно налогообложения дивидендов в зависимости от валового дохода и степени свободы обращения акций на крупных биржах, а также ограничения размера дивидендов в объеме чистой прибыли не введены, что создает условия для принятия управленческих решений в пользу осуществления масштабных дивидендных выплат основным собственникам.

Заключение

В качестве выводов к исследованию выделены важные факторы, позволяющие сформировать конструктивное благоприятное влияние деятельности корпораций на бюджетную систему в условиях санкций.

Сохранение НДС в федеральном бюджете. В данном случае интересен опыт Китая, в котором возвраты НДС компаниям, вывозящим сырье, не производятся, экспортерам полуфабрикатов возмещается 5% уплаченного НДС, а экспортерам высокотехнологичной продукции – 17%.

Влияние на внутренний спрос. Во-первых, путем активного вовлечения продукции российской промышленности во внутренние потребности страны. Например,

10 *Налоги в США*. URL: <https://www.usa-aqs.ru/taxes-in-usa#dividend-tax>.

Таблица 10. Соотношение дивидендов и чистой прибыли некоторых компаний, %

Компания	2012–2016	2017–2021	2022
Норникель	160,2	85,3	н/д
Магнит	47,2	71,7	н/д
Алроса	31,0	99,2	н/д
Лукойл	38,2	264,1	57,1
Газпром	35,6	60,8	92,1
Роснефть	31,2	37,3	н/д
X5 Retail Group	0,0	78,3	н/д
Сбербанк	17,0	36,9	208,8
Microsoft	16,6	30,4	н/д
Apple	11,5	17,6	14,9

Источник: рассчитано по данным отчетности компаний, smart-lab.ru и macrotrends.

металлургическую продукцию в машиностроение, строительство, станкостроение и т.д. На современном этапе доля внутреннего потребления в России минеральных удобрений 25–29% от производства, стали – 60–70%. Для сравнения, данный показатель для стали в Китае 90–95%. Во-вторых, импортозамещение, поскольку заметны следующие тенденции: стоимость 1 т алюминия сократилась на 11%, а импорта – выросла на 4%, стоимость 1 т ввозимого никеля сократилась на 27%, а импортного – увеличилась в 3,5 раза за счет увеличения поставок дорогой никелевой продукции (трубки, фитинги, муфты, никелевые фланцы).

Усиление стратегического развития корпораций с учетом экологических и социальных задач. Существуют экспертные мнения о том, что со сложным выбором *расстановки приоритетов в сложившихся санкционных условиях наибольших успехов добились те компании, которые изначально органично встроили экологические и социальные задачи в общую стратегию развития* [10].

- Реорганизация процесса страхования грузов и морской логистики в дружественные страны.

- Расширение дорожно-транспортной инфраструктуры на Восточно-Азиатском направлении: железные и автомобильные дороги, прилегающая инфраструктура.

- Новые платежные решения, которые позволят нивелировать проблемы с расчетами после попадания крупных российских банков под санкции, а также ограничений использования евро и доллара [11].

- Структурная политика в различных отраслях с акцентом на интеллектуализацию и сервисизацию производства, создание высококачественных и прогрессивных изделий, что крайне важно для обоснования ценового коридора.

Библиографический список

1. Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности // ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/
2. Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Сравнительный анализ тенденций развития финансов крупных корпораций металлургической и угольной отраслей России в условиях глобальных вызовов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 1. С. 122–138. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.7.
3. Буданов И.А. Роль общественных условий в формировании динамики металлургического производства // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. Т. 20. С. 41–68. DOI: 10.47711/2076-318-2022-41-68.
4. Устинов В.С., Буданов И.А. Реализация производственного потенциала российской металлургии в среднесрочной перспективе // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. Т. 20. С. 128–145. DOI: 10.47711/2076-318-2022-128-145.
5. Ильин В.А., Поварова А.И. Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов: монография. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2019. 204 с.
6. Бюджет и налоги в экономической политике России / В.В. Симонов, С.С. Сулакшин, И.В. Подпорина, М.Ю. Погорелко. — Москва: Научный эксперт, 2008. 238 с.
7. Ильин В.А. Частный капитал и национальные интересы. На примере собственников металлургических корпораций // Вестник Российской академии наук. 2013. № 7. С. 579–586.
8. Почивалова Г.П. Анализ направленности государственного регулирования корпоративного сектора в целях устойчивого развития северных регионов (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 2 (58). С. 67–81.
9. Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Государство и крупные корпорации черной металлургии: тенденции и особенности 20-летнего взаимодействия. — Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2021. — 186 с.
10. Дегтярев П.А. Тенденции устойчивого развития отечественных компаний металлургической отрасли // JER. 2022. № 1. С. 88–99.
11. Ершов М.В. Некоторые особенности текущего развития и возможные инструменты роста экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 239, № 1. С. 356–364. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-239-1-356-364.

References

1. Report on the accrual and receipt of taxes, fees and insurance contributions to the budget system of the Russian Federation for the main types of economic activity // Federal Tax Service. URL: <https://www.nalog.gov.ru/>
2. Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. Comparative analysis of trends in the development of Finance of large corporations in the metallurgical and coal industries in Russia in the context of global challenges // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2023. Vol. 16, No. 1. Pp. 122–138. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.7.
3. Budanov I.A. The role of social conditions in the formation of the dynamics of metallurgical production // Scientific works: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 20. Pp. 41–68. DOI: 10.47711/2076-318-2022-41-68.

4. *Ustinov V.S., Budanov I.A. Realization of the production potential of Russian metallurgy in the medium term // Scientific works: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 20. Pp. 128–145. DOI: 10.47711/2076-318-2022-128-145.*
5. *Ilyin V.A., Povarova A.I. The largest metallurgical corporations and their role in the formation of budget revenues: monograph. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2019. 204 p.*
6. *Budget and taxes in the economic policy of Russia / V.V. Simonov, S.S. Sulakshin, I.V. Podporina, M.Yu. Pogorelko. – Moscow: Scientific Expert, 2008. 238 p.*
7. *Ilyin V.A. Private capital and national interests. On the example of owners of metallurgical corporations // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2013. No. 7. Pp. 579–586.*
8. *Pochivalova G.P. Analysis of the orientation of state regulation of the corporate sector for the sustainable development of the northern regions (on the example of the Murmansk region) // North and market: formation of economic order. 2018. No. 2 (58). Pp. 67–81.*
9. *Ilyin V.A., Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. The state and large ferrous metallurgy corporations: trends and features of 20-year interaction. – Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. – 186 p.*
10. *Degtyarev P.A. Trends of sustainable development of domestic companies in the metallurgical industry // JER. 2022. No. 1. Pp. 88–99.*
11. *Ershov M.V. Some features of current development and possible instruments of economic growth // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2023. Vol. 239, No. 1. Pp. 356–364. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-239-1-356-364.*

Контактная информация / Contact information

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Vologda Research Center, RAS
160014, Russia, Vologda, Gorky street, 56а
Печенская-Полищук Мария Александровна / Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk
marileen@bk.ru

ПУБЛИЧНЫЕ ЗАКУПКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ

PUBLIC PROCUREMENT AS A TOOL FOR ACHIEVING TECHNOLOGICAL LEADERSHIP IN ENERGY EFFICIENCY

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-425-436

КОВАЛЬЧУК Юлия Александровна

Ведущий научный сотрудник Института проблем рынка Российской академии наук, д.э.н., профессор; профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Московского авиационного института (национального технического университета)

Julia A. KOVALCHUK

Leading Researcher at the Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor; Professor of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries at the Moscow Aviation Institute (National Technical University)

БОРИСОВ Павел Олегович

Аспирант МГИМО МИД России

Pavel O. BORISOV

Postgraduate MGIMO University

Аннотация

Рассматриваются аспекты реализации публичных закупок (государственных органов и компаний) с учетом критериев экологичности и энергоэффективности. Переход к «зеленым» публичным закупкам оценивается как политический инструмент, способствующий стимулированию инноваций с целью создания экологически безопасных и энергосберегающих продуктов и услуг. Сделан вывод, что достижение целей технологического лидерства в современных условиях может быть обеспечено посредством интеграции более активного перехода к энергосберегающим решениям и разработки новых энергоэффективных технологий. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01233, <https://rscf.ru/project/23-28-01233/>.

Abstract Aspects of public procurement (from government agencies and companies) implementation are considered, taking into account the criteria of environmental friendliness, energy conservation and energy efficiency. The transition to “green” public procurement is assessed as a political tool that promotes innovation in order to create environmentally friendly and energy-saving products and services. It is concluded that the achievement of the technological leadership goals in modern conditions can be achieved through the integration of a more active transition to energy-saving solutions and the development of new energy-efficient technologies. The reported study was funded by RSF (Russian Science Foundation), project number № 23-28-01233, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01233/>.

Ключевые слова Государственные закупки, закупки корпораций, закупки инноваций, технологическое лидерство, экологичность, энергоэффективность, зеленые публичные закупки, энергосервисные контракты.

Keywords Public procurement, corporate procurement, innovation procurement, technological leadership, environmental friendliness, energy efficiency, green public procurement, energy service contracts.

Введение

Публичные закупки, которые осуществляются правительством и государственными структурами в рамках государственных и муниципальных закупок, а также государственными корпорациями и компаниями с государственным участием в рамках корпоративных закупок, являются важным элементом функционирования экономической системы современного общества и инструментом экономической политики [1], способствуя росту экономической активности и обеспечению общества необходимыми благами. Механизм публичных закупок определен правовыми конкурсными процедурами и на основе прозрачности и открытости ориентирован на достижение максимально эффективного расходования средств государственного, региональных и местных бюджетов и средств государственных компаний с учетом реализации конкурентных взаимоотношений между поставщиками и подрядчиками, участвующими в процедурах публичных закупок.

По оценкам специалистов Всемирного банка, в публичных закупках задействовано не менее 15% мирового ВВП. В отдельных странах реализуются разные подходы в отношении структуры государственных расходов, которые прямо не зависят от уровня социально-экономического развития или стабильности экономического развития. Так, наибольшая доля публичных закупок в государственных расходах фиксируется в Нидерландах (46,8%), Японии (42%), Южной Кореи (41,5%), а наименьшая – в Португалии (21,0%), Греции (20,7%), Мексике (17,5%) [2]. В Российской Федерации отмечается достаточно высокая доля ВВП в объемах 27 государственных закупок – по данным Счетной палаты РФ, в 2020 г. она составляла % ВВП [3].

Система государственного управления в части реализации публичных закупок находится в процессе постоянного совершенствования [4] вследствие необходимости повышения прозрачности и открытости закупочных процедур, включая применение цифровых технологий, расширения участия представителей

малого и среднего бизнеса и некоммерческих организаций в качестве потенциальных поставщиков и подрядчиков, снижения коррупционных проявлений при подготовке документации и проведении конкурсов, развитие электронных закупок и др. В данных процессах интересны опыт и решения, реализуемые в разных странах, одним из которых является реализация «зеленых» публичных закупок как закупок, ориентированных на минимизацию ущерба окружающей среде и способствующих достижению принципов энергосбережения [5] при признании неопределенности на энергетических рынках и несовершенной конкуренции [6] в совокупности с целью устойчивого развития [7], с учетом необходимости снижения энергоемкости ВВП страны [8] и развития новых прогрессивных технологий, имеющих потенциал лидерства в отраслевом спектре.

Результаты исследования

Исторический контекст встраивания целей энергоэффективности и энергосбережения в государственные стратегии

Для определения потенциала использования принципов энергоэффективности в публичных закупках важен опыт стран, прошедших путь от принятия стратегических инициатив со стороны государства до понимания общественной значимости решения вопросов энергосбережения [9].

Так, в США с 1975 г. функционирует Федеральная программа управления энергопотреблением с результатом 49%-го сокращения энергоемкости. Для государственных объектов с 2018 г. установлены руководящие принципы строительства в соответствии с лучшими практиками устойчивого развития и энергоэффективности, способствующие оптимизации использования материалов, сокращению энергопотребления зданиями и снижению затрат на энергопотребление, управлению водопотреблением (питьевая и техническая вода, ливневые стоки), а также снижению воздействий на окружающую среду в процессе строительства и эксплуатации зданий. Важной составляющей государственных закупок является заключение контрактов на модернизацию зданий и инфраструктурных объектов с целью достижения водо- и энергоэффективности.

В Японии в 1978 г. создан Центр энергосбережения и в 1979 г. принят закон об энергосбережении. Помимо требований к коммерческим и жилым объектам также в рамках государственных закупок предусматривается сертификация зданий по стандартам энергоэффективности. Актуальная цель – к 2030 г. сократить потребление электроэнергии на 13%, для чего потребуется повысить энергоэффективность зданий на 35%. Только для инфраструктурных решений города Токио предусмотрено внедрение светодиодного освещения до 100%.

С 2003 по 2013 г. в Европе реализовывалась программа «Интеллектуальная энергия Европы», которая способствовала внедрению критериев энергоэффективности в механизм государственных закупок на выполнение работ по строительству, ремонту и обслуживанию зданий, который могли бы привести к экономии энергии на 50% и более [10], включая закупку энергосберегающих материалов, энергоэффективного (не менее чем на 20%) и более экологичного общественного транспорта, развитие генерации и использования энергии из возобновляемых источников. Далее с 2014 по 2020 г. программа «Горизонт 2020» и с 2020 по 2027 г. актуальная сегодня программа «Горизонт Европа» являются интегрирующими [11]. Эти программы в рамках реализации общих подходов по финансированию исследований

и инноваций для низкоуглеродной экономики направлены на поддержку разработок энергоэффективных технологий и их внедрение на рынки. Государственные закупки по актуальной программе осуществляются для строительства и реконструкции энергоэффективных зданий, включая жилые и промышленные объекты, возведения систем отопления и охлаждения, вовлечения малого бизнеса в сферу генерации и передачи энергии, включая альтернативную энергетику, софинансирования энергоэффективных проектов в формате государственно-частного партнерства.

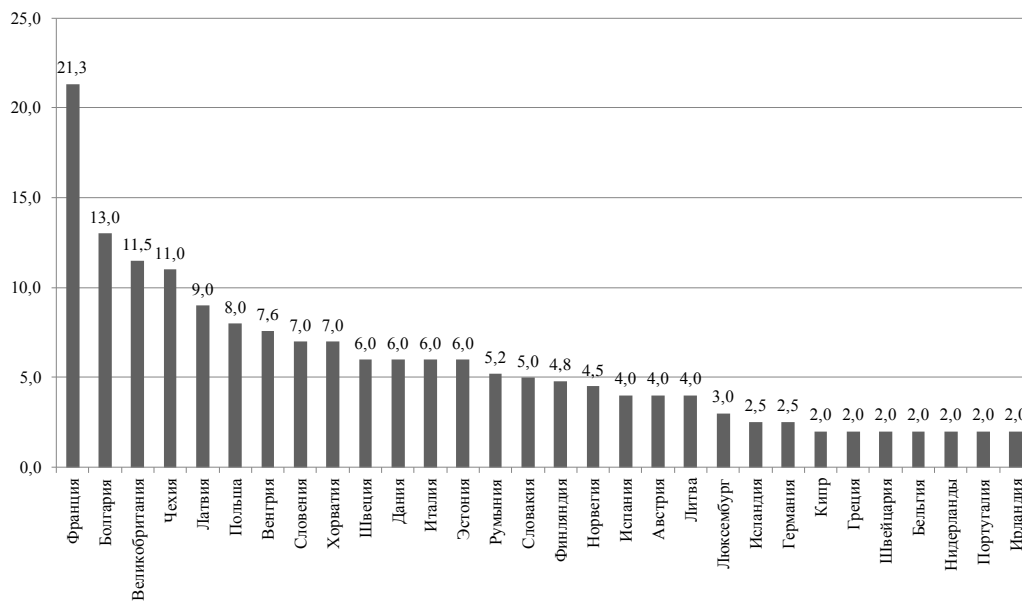
В Китае реализация стратегии «Сделано в Китае 2025» направлена на модернизацию производства в сторону экологически безопасных проектов, которые неотделимы от повышения общей энергоэффективности в обрабатывающей промышленности. Соответственно, государственные закупки направлены на содействие решению этой задачи, включая работу специально созданного Общества ресурсосбережения и охраны окружающей среды для поддержки устойчивого развития производственной деятельности при сохранении природных экосистем.

В России с 2010 г. действовала государственная программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года», реализована практика учета приоритетов государства в стратегиях и доктринах развития (например, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации до 2025 г.), что: 1) не означает их закрепления в виде обязательных норм в законодательстве по закупкам [12]; 2) но может оказать влияние на принятие решений органами власти при решении стратегических задач развития территорий; 3) стимулирует применение соответствующих принципов (например, принципа экологичности) в закупках. В настоящее время в рамках развития механизма государственных и муниципальных закупок продолжается работа по распространению практик достижения энергосбережения и энергоэффективности в организациях государственного сектора (в образовательных учреждениях, медицинских организациях, культурно-досуговых и спортивных учреждениях, учреждениях социального обслуживания и защиты и др.). Большинство из этих закупок – это закупки муниципальных заказчиков, что отражает целенаправленное решение задачи расширения применения принципов энергоэффективности для объектов муниципального уровня. Только в 2021 г., как отмечают эксперты энергосервисных компаний, общая стоимость всех заключенных государственных контрактов в сфере энергоэффективности достигла 57,5 млрд руб., что почти в три раза превысило показатель 2020 г.

Потенциал «зеленых» публичных закупок в решении задач технологического лидерства

Публичные закупки, помимо своей классической задачи удовлетворения государственных нужд и нужд государственных компаний и решения социально-экономических задач развития общества, ориентированы и на стимулирование развития новых технологий, которое реализуется через бюджетное финансирование. В научной литературе используется термин «публичные закупки для инноваций», что отражает включение в механизм государственного управления решение задач инновационного развития, что фактически проявляется в том, что такие публичные закупки становятся инструментом промышленной политики страны. При этом отдельно можно планировать как закупки инновационной продукции и технологий,

Рис. 1. Объем «зеленых» публичных закупок европейских стран в % от ВВП [18]

и также осуществлять бюджетное финансирование для стимулирования инновационной деятельности [13], создания новых рынков [14], одновременно осуществляя проекты государственно-частного партнерства в сфере разработки новых технологий, способных стать основой технологического лидерства, и повышения производительности труда в производстве и сфере услуг.

Осознание не только объективной цифровой трансформации экономики и общества, но и необходимости учета «зеленой» повестки позволило выделить особый тип закупок – так называемые «зеленые» публичные закупки, которые представляют собой закупки товаров и услуг, которые наносят меньший экологический ущерб с учетом всего их жизненного цикла. Как и закупки для инноваций, «зеленые» публичные закупки воспринимаются как аналогичный политический инструмент, используемый для решения задач охраны окружающей среды, сохранение ресурсов и повышение эффективности их использования посредством закупочной деятельности государства и государственных компаний [15], а также для стимулирования создания производств экологически безопасных продуктов и услуг на основе выделения в структуре ценовых критериев предметов закупки экологических критериев для оценки поставщиков товаров, продукции и услуг [16, 17].

Если обратиться к статистическим данным, то имеет место факт озабоченности в отношении расходования энергетических ресурсов в странах с высоким уровнем дохода населения. Так, согласно отчету компании BP, самый высокий уровень потребления первичной энергии в расчете на 1 человека отмечался в 2020 г. в Канаде (361,1 Гдж), Норвегии (356,0 Гдж) и США (265,2 Гдж). Одновременно с этим имеется рост энергопотребления в связи с развитием промышленности в развивающихся странах – так, на протяжении последних 10 лет среднегодовой рост потребления энергии в расчете на одного человека составил в Китае 3,3% и в Индии 3,5%, но в развитых странах потребление снизилось в среднем на 0,5% в год. При этом среди европейских стран лидирует в «зеленых» закупках Франция (рис. 1), которая расходует 21,3% ВВП на закупки для государственных и муниципальных нужд экологических товаров, а также на финансирование энергосервисных контрактов

для решения задач энергосбережения и энергоэффективности при строительстве и эксплуатации зданий и сооружений.

Объективная взаимозависимость публичных закупок для инноваций и «зеленых» публичных закупок подтверждается результатами компаративного анализа в сравнении с уровнем выбросов CO₂ по странам (рис. 2 и рис. 3).

Рис. 2. Показатели публичных закупок для инноваций (составлено авторами на основе данных [19, 20])

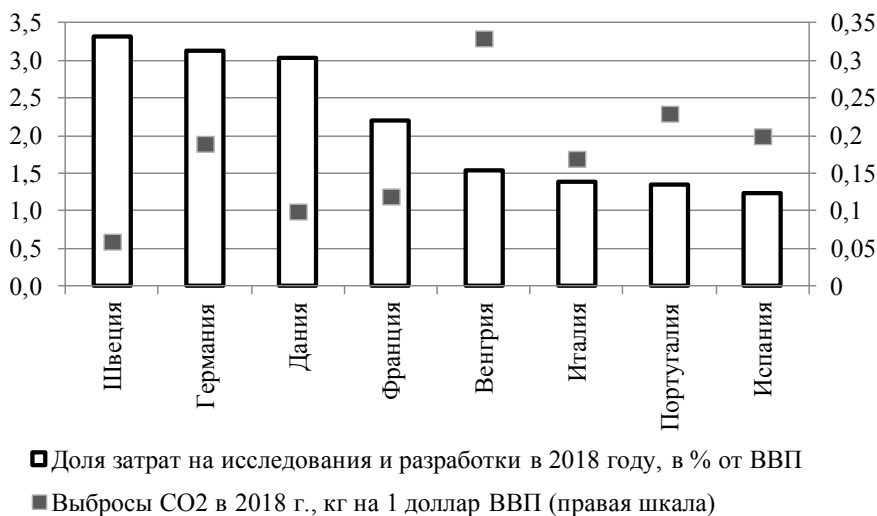
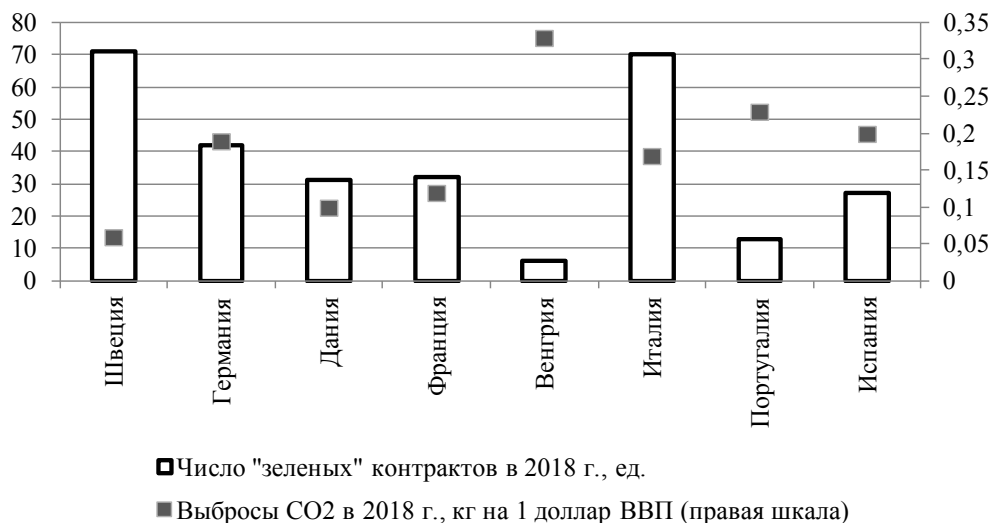

Рис. 3. Показатели «зеленых» публичных закупок (составлено авторами на основе данных [20, 21])

Так, страны с более высоким объемом финансирования исследований и разработок добиваются лучших показателей по снижению выбросов углекислого газа в атмосферу (Швеция при 3,3% от ВВП расходах на науку и инновации показывает один из низких показателей загрязнения окружающей среды). При одинаковом количестве реализованных «зеленых» контрактов Швеция и Италия показывают разные показатели снижения CO₂ – в Италии он ниже (при этом данная страна расходует на исследования и разработки только 1,4% своего ВВП).

Следует отметить, что в последние годы «зеленые» публичные закупки эволюционировали в сторону устойчивых публичных закупок, которые включают интеграцию

социально-экономических соображений в закупки продукции и услуг для государственных ведомств и компаний в дополнение к существующим экологическим, обеспечивая получение социальных, экономических и экологических выгод для общества (а не исключительно экологических, как в случае «зеленых» публичных закупок).

Реализация энергосервисных контрактов для целей энергосбережения и инновационности решений в Российской Федерации

«Зеленые» и экологически чистые публичные закупки играют важную роль в решении проблемы снижения воздействия окружающую среду от продуктов, услуг и работ, связанных со строительным сектором, и создания экологической и инновационной ценности для общества в пользу более зеленой и устойчивой экономики с учетом стратегических приоритетов развития страны [22]. Процесс адаптации публичных закупок к решению задач энергосбережения и энергоэффективности (рис. 4) показывает не только организационные действия, начиная от закупок энергосберегающих материалов и повышение эффективности использования различных типов ресурсов, но и изменение модели поведения как в бизнесе, а так и в обществе относительно экологической направленности развития.

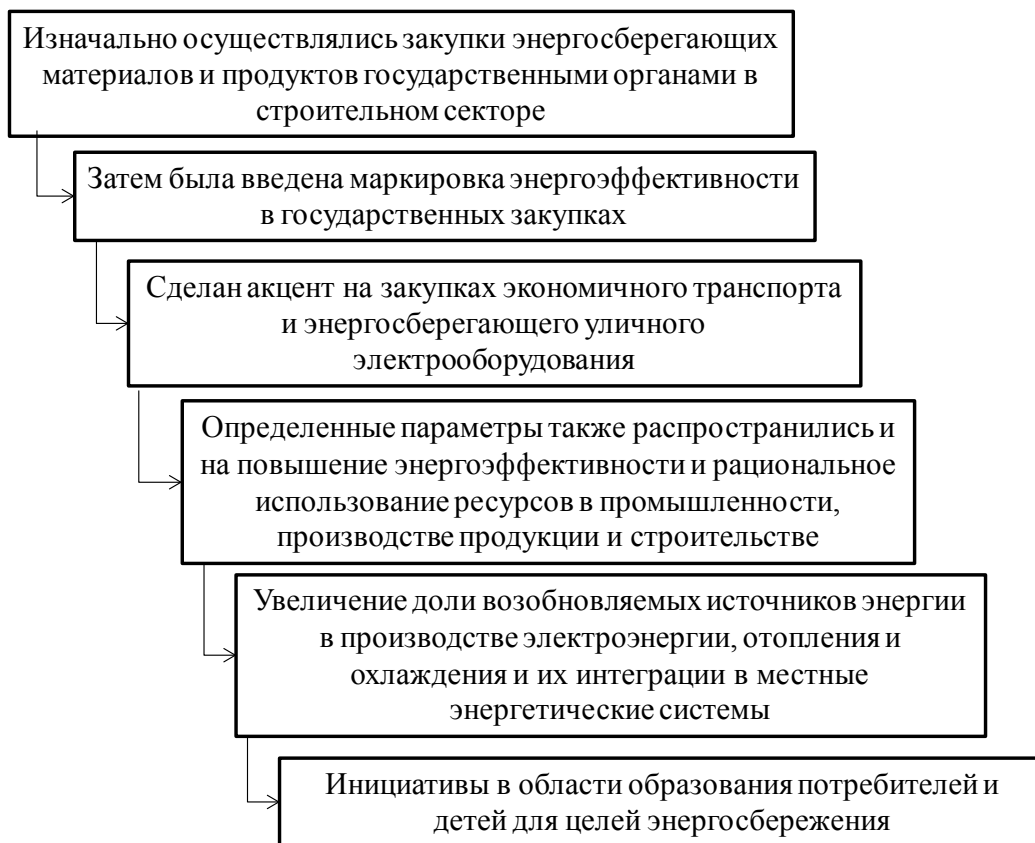
Согласно европейским исследованиям [23], на здания приходится наибольшая 42%-ная доля общего конечного потребления энергии и ими же генерируется около 35% всех выбросов парниковых газов, на строительные и демонтажные работы приходится около 33% отходов, образующихся ежегодно, и более 50% всех природных ресурсов преобразуются в строительные материалы и изделия. Следовательно, аспекты, связанные с энергосберегающей эксплуатацией зданий, возводимых из экологических чистых материалов и с максимальной энергоэффективностью, имеют важное значение для формирования критериев «зеленых» публичных закупок, а для промышленности строительных материалов и сектора строительства усиливается необходимость решения задач разработки новых технологий и материалов.

Учитывая распространенность в развитых странах зеленых публичных закупок, к сожалению, в России пока еще не отмечается такая тенденция. Несмотря на то, что за последние 10 лет государственные расходы на охрану окружающей среды выросли в 10 раз и за три последних года есть их рост, а также экология стала одним из приоритетов развития страны, в закупочной государственной системе пока нет четкого указания на выделение критериев экологичности при выборе поставщиков.

Объяснение этой позиции может быть следующее. Прежде всего, это отсутствие правового фундамента, на основании которого закупочная система может ориентироваться в своей работе с «зелеными» закупками, а также недостаточность определения экологических правил и норм [24]. Одним из первых шагов следует считать с 2023 г. в России введение в действие перечня товаров для государственных закупок, по которым будет указываться доля вторичного сырья, использованного при производстве. Это должно стимулировать как расширение рынка сбыта продукции, предполагающей использование переработки и развитие идей циркулярной экономики, так и увеличение спроса на такую продукцию от государственных заказчиков. Экологическая безопасность должна стать одним из принципов государственных закупок наравне с их прозрачностью и конкурентностью, ведь это будет способствовать и обновлению экономики государства.

Косвенным подтверждением внимания со стороны государственных заказчиков становится использование механизма заключения энергосервисных

Рис. 4. Адаптация публичных закупок к решению задач энергосбережения и энергоэффективности (составлено авторами)

контрактов, число которых также растет последние годы – в 2021 г., по данным Ассоциации энергосервисных компаний «РАЭСКО», **общая стоимость всех заключенных государственных контрактов в сфере энергоэффективности достигла значения в 57,5 млрд руб., что почти в три раза превысило показатель 2020 г.**

Энергосервисные контракты заключаются с поставщиками, которые выиграли конкурс в государственных закупках, на проведение энергосберегающих мероприятий (услуг по обслуживанию, проектированию, приобретению, финансированию, монтажу, пусконаладке, эксплуатации, техобслуживанию и ремонту энергосберегающего оборудования на одном или нескольких объектах заказчика). При этом цена контракта определяется исходя из ожидаемого размера экономии энергоресурсов, а оплата услуг энергосервисной компании соответствует проценту достигнутой экономии. Такой подход важен для продвижения принципов энергоэффективности в публичных закупках и позволяет добиться существенной экономии бюджетов.

Следовательно, основываясь на полученных результатах исследования, следует выделить учет энергосбережения и энергоэффективности как важных составляющих устойчивого развития государств, обеспечивающих решение совокупности задач, и позволяющих представить их в качестве критериев заключения контрактов при осуществлении публичных закупок, а именно:

- экономии энергетических ресурсов и повышения ответственности за неэффективное использование ресурсов;

- изменения норм и правил строительства производственных, коммерческих и некоммерческих объектов с учетом требований экономии ресурсов (энергетических, тепловых, водных и др.);
- развития альтернативной энергетики и разработки новых технологий;
- оптимизации энергетических характеристик зданий, объектов недвижимости и инфраструктурных объектов;
- вовлечения бизнеса в экологическую повестку;
- поддержки в обществе инициатив в области энергосбережения и формирования новых моделей потребления.

Заключение

Основной результат эффективности публичных закупок, как правило, представляется экономией бюджетных расходов. Однако достижение целей технологического лидерства в современных условиях может быть обеспечено посредством интеграции более активного перехода к энергосберегающим решениям и разработки новых энергоэффективных технологий и экологически чистых материалов и продукции, включая строительные материалы. Реализация в государственных закупках тренда на экологичность становится драйвером для инноваций с целью создания экологически безопасных продуктов и услуг и решения экологических проблем, например, сокращения выбросов парниковых газов. Применение принципов энергоэффективности способствует развитию не только системы государственных закупок, но и важнейших индустрий, обеспечивающих экономический рост: энергетики (на основе развития альтернативной энергетики), строительной индустрии (на основе использования новых экономических и энергоэффективных конструкций) и различных отраслей промышленности, которые производят энергосберегающие материалы, оборудование и приборы и формируют прогрессивные энергосберегающие стандарты для новых и реконструируемых зданий и сооружений. «Зеленые» публичные закупки как изначально проектируемый политический инструмент способны запустить процессы экологических инноваций в рамках траекторий движения к технологическому лидерству страны.

Библиографический список

1. Мельников В.В. Эффективность госзакупок и роль конкуренции // *Journal of Institutional Studies*. 2022. Том 14. № 3. С. 119–131. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.119-131.
2. OECD. *Government at a Glance 2021*. OECD Publishing Paris, 2021. 280 p. DOI: 10.1787/1c258f55-en.
3. Счетная палата РФ. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf>.
4. Смотрицкая И.И. Цифровая трансформация государственного управления: основные тренды и новые возможности // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Том 230. № 4. С. 223–229. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-223-229.
5. Akram M.W., Mohd Zublie M.F., Hasanuzzaman M., Rahim N.A. *Global prospects, advance technologies and policies of energy-saving and sustainable building systems: A review* // *Sustainability*. 2022. Vol. 14(3). No. 1316. DOI: 10.3390/su14031316.
6. Genc T.S., Thille H., Mawazini K. *Dynamic competition in electricity markets under uncertainty* // *Energy Economics*. 2020. Vol. 90. No. 104837. DOI: 10.1016/j.eneco.2020.104837.

7. Ghalambaz S., Hulme C.N. A Scientometric analysis of energy management in the past five years (2018–2022) // *Sustainability*. 2022. Vol. 14(18). No. 11358. DOI: 10.3390/su141811358.
8. Кошелев А.С. Анализ состояния энергоёмкости российской экономики в условиях мирового кризиса // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2022. Том 238. № 6. С. 346–360. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-346-360.
9. Ковальчук Ю.А. Реализация принципов энергосбережения в государственных закупках // *Экономика и управление в машиностроении*. 2022. № 4. С. 33–37.
10. D'Agostino D., Tzeiranaki S.T., Zangheri P., Bertoldi P. Data on nearly zero energy buildings (NZEBs) projects and best practices in Europe // *Data in Brief*. 2020. Vol. 39. No. 107641. DOI: 10.1016/j.dib.2021.107641.
11. Slepak V.Yu., Pozhilova N.A. Legal Foundations of Funding Fundamental Science Projects within the Horizon Europe Programme // *Kutafin Law Review*. 2021. Vol. 8. No. 3(17). P. 423–442. DOI 10.17803/2313-5395.2021.3.17.423-442.
12. Шадрина Е.В., Виноградов Д.В., Кашин Д.В. Отражение экологических приоритетов государства в закупочной деятельности государственных организаций // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2021. № 2. С. 34–60.
13. Андреева И.А., Боровкова А.С. Государственные закупки как способ стимулирования инновационной экономики России // *E-Scio*. 2021. № 1(52). С. 250–261.
14. Шувалов С.С. Государственные закупки как механизм стимулирования модернизации российской экономики. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2015. 50 с.
15. Lundberg S., Marklund P.O., Strömbäck E., Sundström D. Using public procurement to implement environmental policy: An empirical analysis // *Environment Economy Policy Study*. 2015. Vol. 17. Pp. 487–520.
16. Государственные «зеленые» закупки: опыт правового регулирования и предложения по внедрению в России / Анчишкина О.В., Грачева Ю.А., Исмаилов Р.А., Кузнецова Е.М., Птичников А.В., Хмелева Е.Н. М., Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2020. 64 с.
17. Белокрылов К.А., Вакуленко А.Н., Кишковская А.О., Ситуха А.Н. Концепция внедрения экологических критериев в контрактную систему закупок // *Journal of Economic Regulation*. 2021. Том 12. № 4. С. 150–158. DOI 10.17835/2078-5429.2021.12.4.150-158.
18. Yu C., Morotomi T., Yu H. What Influences Adoption of Green Award Criteria in a Public Contract? An Empirical Analysis of 2018 European Public Procurement Contract Award Notices // *Sustainability*. 2020. Vol. 12(3). No. 1261. DOI: 10.3390/su12031261.
19. World Development Indicators. Research and development expenditure (% of GDP), 2018. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?view=chart>.
20. World Bank. CO2 emissions. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.KD.GD>.
21. Luyckx O., Pál-Hegedüs Ortega D. Public procurement of energyefficient works, supplies and services Support provided to projects under the Intelligent Energy Europe II programme and Horizon 2020 Energy Efficiency. EUROPEAN COMMISSION Executive Agency for Small and Medium-sized Enterprises (EASME) Unit B.1.1 – H2020 Energy. 55 p. DOI: 10.2826/593528.
22. Широв А.А. Использование потенциала роста российской экономики для достижения целей развития общества // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Том 230. № 4. С. 113–120. DOI 10.38197/2072-2060-2021-230-4-113-120.
23. Braulio-Gonzalo M., Bovea M.D. Relationship between green public procurement criteria and sustainability assessment tools applied to office buildings // *Environmental Impact Assessment Review*. 2020. Vol. 81. No. 106310. DOI: 10.1016/j.eiar.2019.106310.
24. Kovalchuk J., Stepnov I. Achieving Energy Efficiency Goals in the Public Procurement. In: *Smart Green Innovations in Industry 4.0 for Climate Change Risk Management. Environmental Footprints and Eco-design of Products*. Springer, 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-28457-1_31.

References

1. Mel'nikov V.V. *Effektivnost' goszakupok i rol' konkurencii* // *Journal of Institutional Studies*. 2022. Tom 14. № 3. С. 119–131. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.119-131.
2. OECD. *Government at a Glance 2021*. OECD Publishing Paris, 2021. 280 p. DOI: 10.1787/1c258f55-en.
3. Schetnaya palata RF. *Otchet o rezul'tatah ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Monitoring razvitiya sistemy gosudarstvennyh i korporativnyh zakupok v Rossijskoj Federacii za 2020 god»*. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf>.
4. Smotrickaya I.I. *Cifrovaya transformaciya gosudarstvennogo upravleniya: osnovnye trendy i novye vozmozhnosti* // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2021. Tom 230. № 4. S. 223–229. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-223-229.
5. Akram M.W., Mohd Zublie M.F., Hasanuzzaman M., Rahim N.A. *Global prospects, advance technologies and policies of energy-saving and sustainable building systems: A review* // *Sustainability*. 2022. Vol. 14(3). No. 1316. DOI: 10.3390/su14031316.
6. Genc T.S., Thille H., Mawazini K. *Dynamic competition in electricity markets under uncertainty* // *Energy Economics*. 2020. Vol. 90. No. 104837. DOI: 10.1016/j.eneco.2020.104837.
7. Ghalambaz S., Hulme C.N. *A Scientometric analysis of energy management in the past five years (2018-2022)* // *Sustainability*. 2022. Vol. 14(18). No. 11358. DOI: 10.3390/su141811358.
8. Koshelev A.S. *Analiz sostoyaniya energoemkosti rossijskoj ekonomiki v usloviyah mirovogo krizisa* // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2022. Tom 238. № 6. S. 346–360. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-346-360.
9. Kovalchuk J.A. *Realizaciya principov energosberezheniya v gosudarstvennyh zakupkah* // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. 2022. № 4. S. 33–37.
10. D'Agostino D., Tzeiranaki S.T., Zangheri P., Bertoldi P. *Data on nearly zero energy buildings (NZEBs) projects and best practices in Europe* // *Data in Brief*. 2020. Vol. 39. No. 107641. DOI: 10.1016/j.dib.2021.107641.
11. Slepak V.Yu., Pozhilova N.A. *Legal Foundations of Funding Fundamental Science Projects within the Horizon Europe Programme* // *Kutafin Law Review*. 2021. Vol. 8. No. 3(17). P. 423–442. DOI 10.17803/2313-5395.2021.3.17.423-442.
12. Shadrina E.V., Vinogradov D.V., Kashin D.V. *Otrazhenie ekologicheskikh prioritetov gosudarstva v zakupochnoj deyatel'nosti gosudarstvennyh organizacij* // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2021. № 2. S. 34–60.
13. Andreeva I.A., Borovkova A.S. *Gosudarstvennye zakupki kak sposob stimulirovaniya innovacionnoj ekonomiki Rossii* // *E-Scio*. 2021. №1(52). S. 250–261.
14. Shuvalov S.S. *Gosudarstvennye zakupki kak mekhanizm stimulirovaniya modernizacii rossijskoj ekonomiki*. Nauchnyj doklad. M.: Institut ekonomiki RAN, 2015. 50 s.
15. Lundberg S., Marklund P.O., Strömbäck E., Sundström D. *Using public procurement to implement environmental policy: An empirical analysis* // *Environment Economy Policy Study*. 2015. Vol. 17. Pp. 487–520.
16. *Gosudarstvennye «zelenye» zakupki: opyt pravovogo regulirovaniya i predlozheniya po vnedreniyu v Rossii* / Anchishkina O.V., Gracheva YU.A., Ismailov R.A., Kuznecova E.M., Ptichnikov A.V., Hmeleva E.N. M., Vsemirnyj fond dikoj prirody (WWF), 2020. 64 s.
17. Belokrylov K.A., Vakulenko A.N., Kishkovskaya A.O., Situho A.N. *Koncepciya vnedreniya ekologichnyh kriteriev v kontraktnuyu sistemu zakupok* // *Journal of Economic Regulation*. 2021. Tom 12. № 4. S. 150–158. DOI 10.17835/2078-5429.2021.12.4.150-158.
18. Yu C., Morotomi T., Yu H. *What Influences Adoption of Green Award Criteria in a Public Contract? An Empirical Analysis of 2018 European Public Procurement Contract Award Notices* // *Sustainability*. 2020. Vol. 12(3). No. 1261. DOI: 10.3390/su12031261.

19. *World Development Indicators. Research and development expenditure (% of GDP), 2018.* URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?view=chart>.
20. *World Bank. CO2 emissions.* URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.KD.GD>.
21. *Luyckx O., Pál-Hegedüs Ortega D. Public procurement of energyefficient works, supplies and services Support provided to projects under the Intelligent Energy Europe II programme and Horizon 2020 Energy Efficiency. EUROPEAN COMMISSION Executive Agency for Small and Medium-sized Enterprises (EASME) Unit B.1.1 – H2020 Energy. 55 p. DOI: 10.2826/593528.*
22. *Shirov A.A. Ispol'zovanie potenciala rosta rossijskoj ekonomiki dlya dostizheniya celej razvitiya obshchestva // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2021. Tom 230. № 4. S. 113–120. DOI 10.38197/2072-2060-2021-230-4-113-120.*
23. *Braulio-Gonzalo M., Bovea M.D. Relationship between green public procurement criteria and sustainability assessment tools applied to office buildings // Environmental Impact Assessment Review. 2020. Vol. 81. No. 106310. DOI: 10.1016/j.eiar.2019.106310.*
24. *Kovalchuk J., Stepnov I. Achieving Energy Efficiency Goals in the Public Procurement. In: Smart Green Innovations in Industry 4.0 for Climate Change Risk Management. Environmental Footprints and Eco-design of Products. Springer, 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-28457-1_31.*

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт проблем рынка Российской академии наук»

117418, Москва, Нахимовский просп., 47

Market Economy Institute Russian Academy of Sciences

47, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russia

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный технический университет)»

125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4

Moscow Aviation Institute (National Research University)

Volokolamsk Highway, 4, Moscow, 125993, Russia

Ковальчук Юлия Александровна / Julia A. Kovalchuk

fm-science@inbox.ru

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации»

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Борисов Павел Олегович / Pavel O. Borisov

pavelborisov97@mail.ru

ЭНЕРГОПЕРЕХОД И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТКА И КОНКУРЕНЦИЯ СТРАН

ENERGY TRANSITION AND DIGITALIZATION OF THE ECONOMY: MODERN AGENDA AND COUNTRY COMPETITION

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-437-449

СТЕПНОВ Игорь Михайлович

Ведущий научный сотрудник Института проблем рынка Российской академии наук, д.э.н., профессор; профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве РФ

Igor M. STEPNOV

Leading Researcher at the Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor; Professor of Department of Corporate Finance and Corporate Governance of Financial University under the Government of the Russian Federation

КОЛЕСНИКОВА Татьяна Васильевна

Доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, к.э.н.

Tatiana V. KOLESNIKOVA

Associate Professor of the Department of International Entrepreneurship of Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia, PhD (Economics)

Аннотация

Рассматриваются аспекты исследования взаимосвязи развития цифровых технологий и их возрастающего влияния на окружающую среду и оценки устранения противоречий развития энергоперехода в цифровой экономике на основе государственного регулирования. Сделан вывод о распространении «зеленого» протекционизма как инструмента обеспечения информационной, экологической и энергетической безопасности стран при возрастании энергопотребления. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01229, <https://rscf.ru/project/23-28-01229/>.

Abstract Aspects of the study of the relationship between the development of digital technologies and their increasing impact on the environment and the assessment of the elimination of contradictions in the development of energy transfer in the digital economy on the basis of state regulation are considered. The conclusion is made about the spread of “green” protectionism as a tool for ensuring information, environmental and energy security of countries with increasing energy consumption. The reported study was funded by RSF (Russian Science Foundation), project number №23-28-01229, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01229/>.

Ключевые слова Энергопереход, цифровая экономика, конкуренция стран, экономическая политика, протекционизм, углеродный налог.

Keywords Energy transition, digital economy, country competition, economic policy, protectionism, carbon tax.

Введение

Современный этап развития общества основан на активном проникновении цифровых технологий во множество процессов, что позволило идентифицировать новый этап развития экономики по типу цифровой экономики. По оценкам консалтинговых компаний, 67% организаций, занявших лидирующие позиции в отраслях, прошли прорывные изменения в своей деятельности на основе комплексного подхода к цифровизации, который строится на пересечении инноваций, новых моделей бизнеса, накопленного опыта и технологий [1]. Цифровые решения, коммуникации с партнерами по бизнесу, поставщиками и клиентами обеспечивают немислимые ранее масштабы взаимодействия, а продукты и услуги компаний, выбравших цифровой путь, расширили свои возможности и стали приносить большую ценность потребителям.

Современная экономика, как и все общество, оказывается под существенным давлением цифровых преобразований, а страны, так же как и компании, все более воспринимают цифровые технологии как инструмент повышения своей конкурентоспособности и достижения технологического лидерства, поскольку цифровые технологии и решения проникли и продолжают совершенствовать процессы во всех отраслях экономики от промышленности до сферы услуг, государственного управления, общества в целом. В цифровую эпоху лидерство в новых технологиях дает огромные прибыли и политическое превосходство, долю мирового рынка и возможность устанавливать технологические стандарты в мире, создавая определенные зависимости в свою пользу. При этом само технологическое соперничество стран расценивается учеными и экспертами как технологические войны в дополнение к торговым войнам, ярким примером которых является соперничество США и Китая, что привело к запрету импорта и экспорта сетевых технологий, полупроводников, платформ социальных сетей и приложений безопасности на основе данных во многих странах [2].

Одновременно с этим так называемая «зеленая» повестка вносит новые аспекты целесообразности взаимодействия общества и окружающего мира. Четвертый энергетический переход, реализуемый в настоящее время и связанный с распространением технологий альтернативной энергетики, привел к необходимости

поддержки устойчивых темпов низкоуглеродного развития в условиях развития цифровой экономики и обозначил новый тренд как в научных исследованиях [3], так и в регуляторике большинства государств [4, 5]. Страны и компании активно продвигают ESG-стратегии, используя потенциал цифровых технологий для развития «зеленой» и «синей» экономики, рециклинговой экономики и экономики совместного использования, одновременно поддерживая стратегии энергосбережения и энергоэффективности.

При этом возникает объективный вопрос о корректности совпадения трендов цифровой и зеленой экономики, который не только не имеет однозначного ответа [6], но и усугубляется действием парадокса Джевонса [7] о следствии технологического прогресса (увеличение эффективности использования какого-либо ресурса повышает, а не сокращает объем его потребления) и постулата Хаззума – Брукса [8] о том, что любой прогресс в области энергоэффективности приводит не к уменьшению потребления энергии, а, наоборот, к увеличению.

Следовательно, целью настоящей статьи является исследование текущего состояния данных двух значимых актуальных трендов в экономике – цифровизации и энергоперехода, один из которых является проявлением восходящей волны очередного технологического цикла, а второй – явился в сущности реакцией на негативные прогнозы развития на технологическое развитие общества.

Неопределенность технологий цифрового будущего с «зеленой» повесткой

Сегодня научно-технический прогресс максимально выражен достижениями в сфере цифровизации, а сами цифровые тренды демонстрируют для различных технологий и технологическую турбулентность, и неопределенность, и ускорение.

Цифровая трансформация и глобализация еще более усилили роль технологий, во многом став интегратором происходящих изменений и затрагивая не только бизнес-модели компаний, но и стратегии развития государств с разным уровнем социально-экономического развития. Новые цифровые технологии, будущее которых еще не определено, тем не менее, могут стать базой не только для экономического роста страны или поддержания устойчивых темпов экономического роста, но и формирования лидерских позиций в мировой экономике, вплоть до смещения позиций в мировом рейтинге ВВП. В связи с этим возрастает политическая роль стран, участвующих в этой конкуренции, которая приобретает характер технологической гонки вследствие нарастания скоростей распространения новых технологий, способствующая как стратегическому видению траектории развития страны при современной волне научно-технического прогресса, но и реализации стратегических программ и проектов, способствующих движению к лидерским позициям на отдельных технологических рынках в соответствии с имеющимся потенциалом или возможностями инвестиционного наращивания.

Обновление технологий как следствие научно-технического прогресса преобразует и экономические, и социальные, и политические отношения в человеческом обществе. Но коммерциализация новой технологии может быть сложной задачей, когда существует множество различных источников неопределенности будущего и отсутствия единой позиции в понимании положительных эффектов, которые дают новые цифровые технологии. Набирающая популярность оригинальная идея технологического паразитизма [9] направлена на поиск интегрированной теории эволюции технологий, которая позволяет сгладить противоречия в распространении

новых технологий, но формирует запрос на идентификацию базовой технологии, который не дает определенный ответ именно в силу неопределенности технологий будущего.

Неопределенность технологического будущего одновременно и пугает, и звучит заманчиво — поэтому зачастую слишком высокая степень неопределенности будущих изменений в технологиях основана на футуризме, а не на научных исследованиях [10], так как цифровые технологии фактически не имеют методологического базиса их исследования для определения влияния на общество, а также пока не накоплен исторический опыт их использования.

Одновременно с этим технологическая неопределенность является основным условием динамики экономических систем, что подчеркивает роль предпринимательских инициатив в реализации потенциала научно-технического прогресса и вовлечение государств через научно-техническую политику в процессы стимулирования развития новых технологий, в которые интегрирована и экологическая повестка через развитие «зеленых» технологий, альтернативной энергетики и в целом снижения нагрузки на окружающую среду как минимум за счет уменьшения выбросов углекислого газа.

Указанный выше парадокс Джевонса как никогда стал актуальным для новых цифровых технологий, поскольку уже сейчас, без учета их продуктивности в будущем, они потребляют не менее 12% всей вырабатываемой энергии, при том что только авиационная отрасль, традиционно являющаяся ярким примером загрязнения воздуха, ответственна только за 2% выбросов CO₂, а утилизация аккумуляторов электромобилей наносит намного больший вред, чем эксплуатация автомобилей с бензиновыми двигателями. Поэтому определенная взаимосвязь цифровых технологий и их возрастающего влияния на окружающую среду позволяет акцентировать внимание на поиске некоторого балансирующего инструмента, который будет способствовать технологическому развитию стран и компаний в современной цифровой экономике с экологическим контекстом.

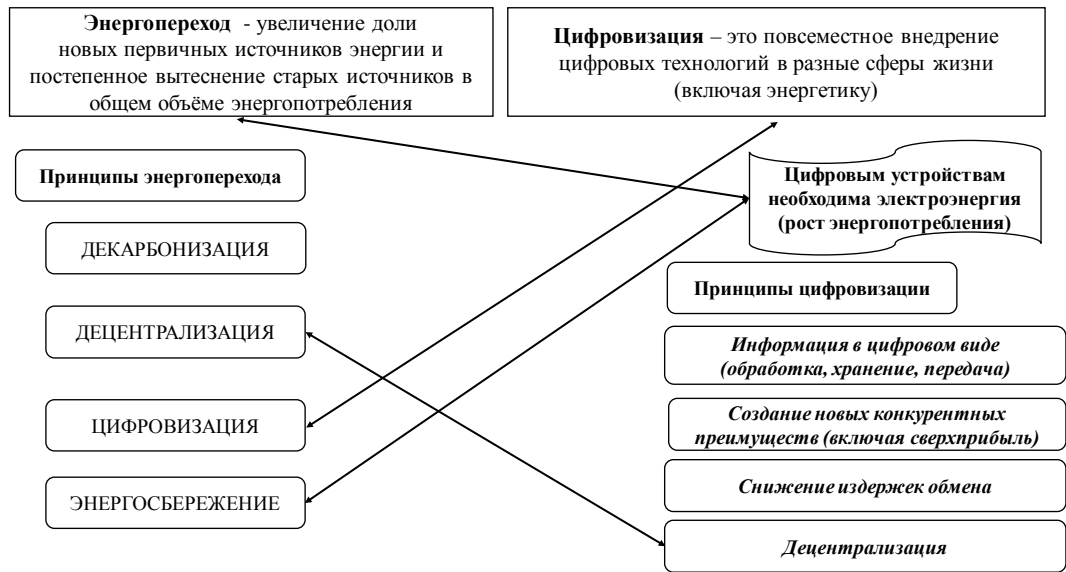
Энергопереход в цифровой экономике как драйвер распространения «зеленого» протекционизма

Признание взаимного влияния цифровизации и энергоперехода (рис. 1), которое предполагает повышение потребности в энергетических ресурсах при их преимущественной генерации за счет новых первичных и альтернативных источников энергии позволило определить пересечение принципов каждого их рассматриваемых процессов. Так, децентрализация характерна для обеих и проявляется для энергетической составляющей в распределенной системе генерации энергии, для цифровой — в развитии финансовых технологий и средств платежей на основе блокчейна, в частности, в развитии децентрализованных финансов. Цифровые технологии становятся важным средством развития сектора энергетики, позволяя как модернизировать работу систем и их обслуживания, так и выстраивая новые бизнес-модели, где приоритетной задачей является клиентоориентированность, в свою очередь, поддерживаемая каналами взаимодействия с потребителями, поставщиками и партнерами по энергетическому бизнесу.

Если определяющими эффектами энергоперехода выступают декарбонизация с учетом разного выхода для отраслей промышленности [11] и энергосбережение,

то для цифровизации следует отметить в качестве таких эффектов создание новых конкурентных преимуществ (включая возможности генерации сверхприбыли

Рис. 1.
Концептуальное представление о взаимосвязи энергоперехода и цифровизации (составлено авторами)

за счет оперирования новыми активами в цифровой экономике), а также снижение издержек обмена на основе функционирования цифровых платформ и экосистем в новых условиях взаимодействия экономических агентов.

Выявленная дилемма развития цифровизации через возрастание энергопотребления при одновременном влиянии энергоперехода позволяет нам идентифицировать с макроэкономической позиции процессы «зеленого» протекционизма [12] в части интеграции экономической, энергетической и экологической повестки. В совокупности с задачами обеспечения информационной безопасности (фактически цифрового суверенитета) протекционистская политика в энергетической сфере создает новые вызовы для технологического развития стран в части как содействия распространению цифровизации [13], так и поддержания тренда на развитие отраслей возобновляемой энергетики для снижения углеродного следа и негативного воздействия на окружающую среду. В целом же «зеленый» протекционизм, в отличие от классического протекционизма как ограничения торговли, имеет своей целью улучшение экологической ситуации в стране [14].

Страны в зависимости от своего уровня социально-экономического развития (развитые и развивающиеся страны), типа развития (лидирующего или догоняющего развития) и обеспеченности энергетическими ресурсами и потенциалом энергогенерации могут использовать разный инструментарий «зеленого» протекционизма.

Развитые страны, импортирующие энергоресурсы, делают ставку на формирование новых отраслей, способных не только обеспечить энергетическую безопасность и диверсифицировать источники энергии, но также и создать новые высокотехнологичные рабочие места (с приростом занятости в экономике с учетом перераспределения профессий в цифровой экономике и фактически исчезновением

определенных профессий в связи с невостребованностью квалификаций при наличии робототехники и систем с искусственным интеллектом), что обеспечит также повышение налоговых платежей в бюджет и будет содействовать росту ВВП. Такая политика углеродного перехода направлена на сохранение технологического лидерства в экспортоориентированных отраслях, однако при ее реализации обостряются риски сокращения совокупного объема импорта и повышения тарифов на энергетические ресурсы в условиях ограниченного доступа к иностранным поставкам.

Страны, являющиеся поставщиками энергоресурсов, независимо от принадлежности как развитым странам или развивающимся странам, зачастую имеют схожий набор выигрышей и угроз, отличие которых лежит в плоскости прилагаемых усилий и технологических возможностей. В соответствии с прогнозами, декарбонизация приведет к существенному росту потребления нефти (+15%) и газа (+50%) к 2040 г. [15] за счет отказа от использования угля как наиболее неэкологичного вида топлива. Рост спроса на нефть и газ для стран-производителей и экспортеров этих природных ископаемых обеспечит рынки их сбыта. Соответственно, можно рассчитывать на получение и увеличение доходов от их продажи в длительной перспективе. Следует отметить, что для таких стран накопленный опыт и, как правило, высокий уровень развития отраслей традиционных энергоресурсов, как существенно важных для экономики, позволяет вступить в технологическую конкуренцию в сфере возобновляемых источников энергии. Так, например, странами реализуется вполне значимый процесс ускорения развития технологий альтернативной энергетики и ускоренного перехода к преимущественному нарастанию доли альтернативной энергетики в общем объеме энергогенерации в условиях угрозы введения трансграничного углеродного налога [16].

При этом принятие государственных стратегий, связанных с декарбонизацией и углеродной нейтральностью, в совокупности с повышением экологических требований и цифровой трансформацией производственных процессов и бизнес-модели, обуславливают необходимость развития инвестиционной деятельности крупных нефтегазовых компаний [17] и компаний добывающего сектора в части развития инфраструктуры возобновляемых источников энергии.

Вместе с тем для развивающихся стран способность обеспечить собственный рынок энергоресурсами, и относительно низкий уровень технологий в среднем по экономике (по сравнению с развитыми странами) снижает возможности обеспечить лидирующие позиции в технологической конкуренции в сфере возобновляемой энергетики. Однако страны указанной группы имеют возможность усилить конкуренцию традиционных энергоресурсов в формате международных договоренностей, а также сделки ОПЕК+. Конкурентные преимущества на энергетическом рынке этих стран, в случае их реализации могут положительно отразиться на дальнейшем участии в международном разделении труда в сфере энергетики.

Что касается стран-производителей и экспортеров угля, то взятые обязательства по достижению углеродной нейтральности предусматривают развитие альтернативных видов энергии. При этом в кратко- и среднесрочной перспективе можно ожидать интенсификацию использования угля, как это прогнозируется в Китае. Угольные энергокомпании продолжают открываться в стране. Угольная энергетика

сейчас превалирует в структуре энергобаланса Китая, и к 2030 г. ожидается пик ее применения.

Для развивающихся стран, импортирующих энергоресурсы, высок риск консервации технологического отставания. Угрозы реализации «зеленого» технологического перехода заключаются в увеличении расходов на энергетику по причине роста цен на традиционные энергоресурсы (из-за исключения из их списка угля), а также высоких цен на альтернативные виды энергетики и соответствующие технологии. Это негативно отразится на платежном балансе, что сузит возможности потребления других товаров. В случае введения ЕС трансграничного углеродного налога, снизится конкурентоспособность товаров данных стран, произведенных с использованием «коричневых» технологий. В совокупности, перечисленные риски создают угрозу развития кризисных процессов в экономике. Вместе с тем, есть вероятность экономического и технологического развития в случае обладания природными и климатическими преимуществами, необходимыми для производства солнечной и ветровой энергетики.

В целом же к системе мер и ограничений, которые могут быть использованы в протекционистском направлении государственного управления в условиях распространения «зеленой» повестки, по нашему мнению, следует отнести следующие:

1. Инструменты протекционизма ограничительного свойства:

- технические инструменты регулирования экологических стандартов в энергетике (повышение требований к экологичности производств, качеству топлива, транспортных средств, применяемым видам топлива, выбросу парниковых газов и пр.);
- регулирование внешнеэкономической деятельности (административные и тарифные барьеры для импорта «коричневой» энергетики; ограничение экспорта технологий «зеленой» энергетики), что одновременно может восприниматься бизнес-структурами как создание дискриминационных условий для функционирования предприятий, которым нецелесообразно по техническим или экономическим обстоятельствам переходить к «зеленым» технологиям;
- финансово-бюджетные инструменты ограничительного свойства (рост налоговой нагрузки предприятий «коричневой» энергетики).

Последняя группа инструментов в части роста налоговой нагрузки для «коричневых» отраслей представляется достаточно спорной именно при установлении прогрессивного налогообложения для предприятий, дополнительных налогов и сборов, связанных с экологичностью производства. Планируемый к введению трансграничный углеродный налог со стороны ЕС направлен на создание ограничений для иностранных производителей, торгующих с ЕС, равно как и ограничения для внутренних компаний. К настоящему времени этот налог рассматривается странами-производителями и экспортерами традиционных энергоресурсов как дискриминационный. Кроме того, в экспертном и научном сообществе обсуждается соответствие введения налога нормам Всемирной торговой организации. Однако позиция относительно углеродного налога в условиях отказа от традиционных энергоносителей, как правило, рассматривается как мера, направленная на поддержание и повышение конкурентоспособности европейских компаний [16]. Одновременно с этим продажа квот на выброс парниковых газов также может рассматриваться в качестве эффективного инструмента – статистика

показывает существенное увеличение цены разрешения на выбросы в тех странах, где они введены, а также вовлечение в эти процессы различных финансовых институтов, в том числе банковских, кредитных, биржевых и страховых.

2. Инструменты протекционизма стимулирующего свойства:

- финансово-бюджетные инструменты стимулирующего свойства (субсидирование производства и потребления в сфере альтернативной энергетики, как прямое (в виде финансирования исследований, разработок, внедрения технологий в производственный процесс, что будет отражаться в росте затрат на исследования и разработки в структуре ВВП стран), так и косвенное (заключается в субсидировании кредитов на приобретение или аренду оборудования для генерации энергии из альтернативных источников; установлении налоговых льгот и преференций, ведущих к выпадающим доходам бюджета); субсидирование спроса через стимулирование покупки и использования гражданами экологически чистого транспорта или на основе бесплатной парковки для экологически нейтральных транспортных средств, что может рассматриваться в качестве альтернативной модели потребления [18]).

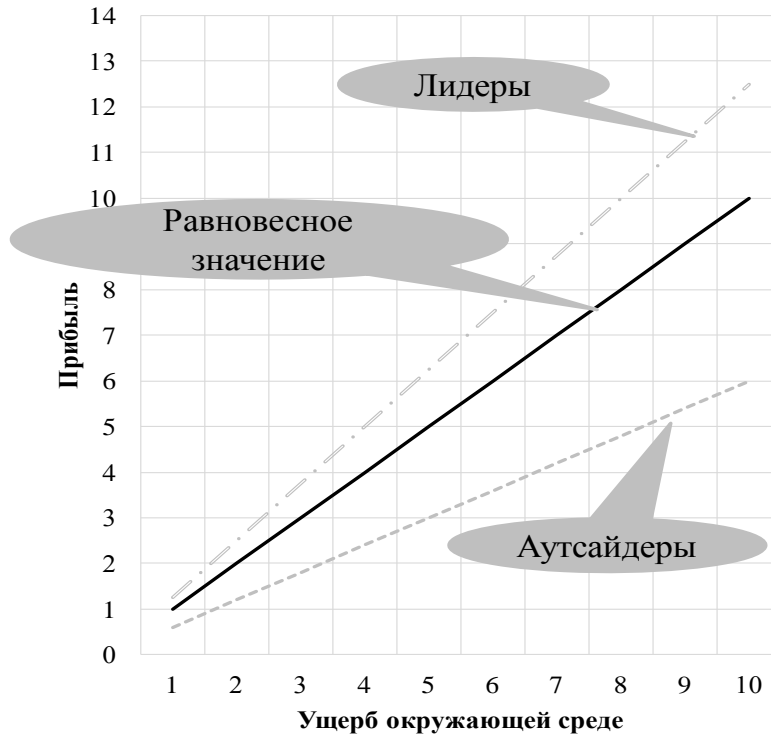
С учетом нарастающей тенденции протекционизма в мире в условиях реализации политики технологического развития странами с учетом распространения цифровых технологий и возрастания потребности в энергетических ресурсах можно ожидать расширения набора инструментов экологического протекционизма, а также увеличения числа участников, их применяющих.

Оценка устранения противоречий развития энергоперехода в цифровой экономике на основе регулирования

Цифровая экономика определила тренд, прежде всего через анализ данных, финансовые инновации, финансовые технологии, – то есть новые решения, фактически доступные каждому бизнесу, что «зеленая» экономика, входящая в общее понятие ESG (Environmental – окружающая среда, Social – социальное развитие, Governance – корпоративное управление), стремится стать более значимой категорией и первоначально начинает свое движение от институциональных основ – прежде всего государственного регулирования, ограничения деятельности, приносящий ущерб окружающей среде, в том числе через углеродный налог, стимулирование «зеленого» финансирования [19, 20] и т.д. Таким образом, с точки зрения регулирования сразу устанавливаются два рычага – контроль или штрафы за неприятие низкоуглеродной концепции и стимулы – в виде возможности получения доступа к зеленым финансам по более низкой ставке при всеобщей поддержке общества активного решения экологических проблем.

Изначально сама модель бизнеса современных компаний может быть рассмотрена с позиции компенсирования, когда прибыль обеспечена путем наносимого ущерба окружающей среде, т.е. имеет место быть прямая зависимость между прибылью и ущербом [6]. Тогда фактически мы получаем укрупнено две группы компаний (рис. 2): а) компании-лидеры, эффективно использующие природные ресурсы, получая прибыль выше, чем формируемый ущерб для окружающей среды; б) компании-аутсайдеры, которые наносят ущерб, несоизмеримый с получаемой прибылью, то есть нанося более высокий ущерб на единицу получаемой прибыли.

Рис. 2. Представление о соотношении прибыли и наносимого ущерба окружающей среде (составлено авторами)

Государство, используя инструментарий прямого и косвенного регулирования, может со своей стороны балансировать в критериях наносимого ущерба, устанавливая стандарты или ограничения, тем самым отсекая менее экологически эффективные предприятия. Тогда преимущество будет уходить к компаниям-лидерам, одни из которых за счет своего бизнеса получают и возможности инвестирования в технологическое развитие, включая встраивание и распространение цифровых решений, а другие — по мере старения технологий, повышения износа оборудования будут терять свои преимущества прибыльности при увеличении воздействия на окружающую среду. Следует также учитывать и ситуацию, когда компании-лидеры, владеющие более высокой технологией, могут принести больший ущерб за счет, например, увеличения объемов производства.

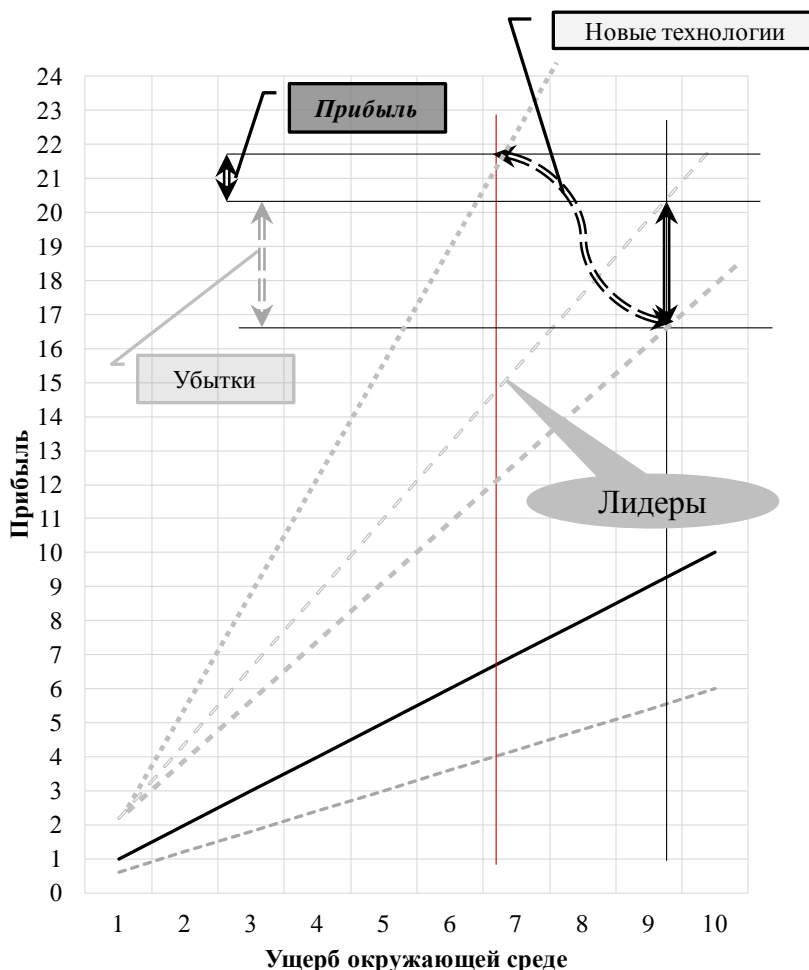
Само бизнес-сообщество также может стать важным актором распространения «зеленой» повестки на основе следования ESG-трендам, сознательно выбирая варианты решения задачи снижения дохода в силу несения необходимых издержек, связанных с экологичностью производства и продукции, а также энергосбережением.

Введение углеродного налога для бизнеса не будет создавать однозначно принимаемое решение вследствие разных исходных позиций компаний с позиции сопоставления получаемой прибыли и размера ущерба окружающей среде:

- компании, не рассматривающие возможности энергоперехода как определяющие бизнес-модель, уплачивая углеродный налог, могут столкнуться с ухудшением финансового состояния и локальным кризисом своей производственной деятельности;
- компании могут оптимизировать свои издержки, включая также и расходы на поддержание экологичности производственных процессов, тем самым стремясь оптимизировать суммы выплат по углеродному налогу;

- компании могут произвести модернизацию производства и внедрить новые энергоэффективные технологии (рис. 3), что будет способствовать росту производительности труда и получению дополнительной прибыли при меньшем ущербе окружающей среде, однако последующий рост объемов производства может повлечь увеличение ущерба окружающей среде и, соответственно, суммы углеродного налога, который может быть компенсирован за счет дополнительной прибыли.

Рис. 3. Сценарий развития для компаний, инвестирующих в новые энергоэффективные технологии (составлено авторами)

Следовательно, однозначно сделать вывод о том, что концепция углеродного налога приведет к улучшению экологической ситуации, не представляется возможным, и только при сохранении прежних объемов потребления энергоресурсов, что очевидно не подтверждается прогнозами, можно видеть прямые эффекты от введения этого инструмента регулирования.

Заключение

Цифровизация, при всех реальных и потенциальных возможностях развития прогрессивных технологий в обществе и экономике, несет и негативное влияние на экологию при возрастающей потребности в электроэнергии. Поэтому обстоятельства и процессы энергоперехода в условиях развития цифровой экономики

требуют углубленного исследования с позиции интеграционного влияния и поиска решений для достижения положительных эффектов для экономического развития стран. Реализация «зеленого» протекционизма в условиях действующего перехода к возрастанию использования альтернативных источников энергии и сокращению традиционных источников определяет площадку технологической конкуренции. Целеполагание стран в стратегиях достижения углеродной нейтральности, одновременно с реализацией возможностей по расширению мер налогового регулирования, связано со стремлением сохранить или увеличить свою технологическую конкурентоспособность с учетом цифровой трансформации экономики, наряду с вопросами обеспечения информационной и энергетической безопасности и снижением негативного воздействия на окружающую среду. Использование конкурентных преимуществ стран в энергетических и цифровых технологиях способно обеспечить им доли формирующегося энергорынка. Фактор скорости преобразований играет самую важную роль в технологическом переходе, поскольку предопределяет перераспределение международного рынка возобновляемых источников энергии.

Библиографический список

1. ICT. Moscow. Digital IQ в России 2020. URL: <https://ict.moscow/research/digital-iq-v-rossii-2020/>.
2. Song M., Wang S. Market competition, green technology progress and comparative advantages in China // *Management Decision*. 2022. Vol. 56. No. 1. Pp. 188–203. DOI: 10.1108/MD-04-2017-0375.
3. Терентьев Н.Е. О перспективах развития «зеленых» энергетических технологий в условиях нестационарной экономики и глобальных сдвигов // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020. Том 223. № 3. С. 213–218. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-213-218.
4. Порфирьев Б.Н., Широков А.А. Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов: сценарии и реалии для России / Б.Н. Порфирьев, А.А. Широков // *Вестник Российской академии наук*. 2022. Том 92. № 5. С. 415–423. DOI: 10.31857/S086958732205005X.
5. Cheng Y., Sinha A., Ghosh V., Sengupta T., Luo H. Carbon tax and energy innovation at crossroads of carbon neutrality: Designing a sustainable decarbonization policy // *Journal of Environmental Management*. 2021. Vol. 294. No. 112957. DOI: 10.1016/j.jenvman.2021.112957.
6. Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. «Зеленые» стратегии и цифровые решения: дивергенция или конвергенция? // *Дружковский вестник*. 2022. № 1(45). С. 54–62. DOI: 10.17213/2312-6469-2022-1-54-62.
7. York R., McGee J.A. Understanding the Jevons paradox // *Environmental Sociology*. 2016. Vol. 2. No. 1. Pp. 77–87. DOI: 10.1080/23251042.2015.1106060.
8. Mashhadi Rajabi M. Dilemmas of energy efficiency: A systematic review of the rebound effect and attempts to curb energy consumption // *Energy Research & Social Science*. 2022. Vol. 89. No. 102661. DOI: 10.1016/j.erss.2022.102661.
9. Coccia M., Watts J. A theory of the evolution of technology: Technological parasitism and the implications for innovation management // *Journal of Engineering and Technology Management*. 2020. Vol. 55. No. 101552. DOI: 10.1016/j.jengtecman.2019.11.003.
10. Kovalchuk J., Stepnov I. Research of the Technological Future's Uncertainty // *MGIMO Review of International Relations*. 2019. No. 12(6). Pp. 214–224. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-214-224.
11. Крайнова Э.А., Зубарев Е.В. Проблемы перехода нефтегазовой отрасли России к трендам в области декарбонизации экономики и приоритетные пути их решения // *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. 2022. № 4(208). С. 37–47. DOI: 10.33285/1999-6942-2022-4(208)-37-47.

12. Stepnov I.M., Kovalchuk J.A., Kolesnikova T.V. *Protectionism and Technological Development: The Green Agenda*. In: Popkova, E.G. (eds) *Smart Green Innovations in Industry 4.0 for Climate Change Risk Management. Environmental Footprints and Eco-design of Products and Processes*. Springer, Cham, 2023. 660 p. DOI: 10.1007/978-3-031-28457-1_9.
13. Белоусов Д.Р., Михайленко К.В., Сабельникова Е.М., Солнцев О.Г. Роль цифровизации в целевом сценарии развития экономики России // *Проблемы прогнозирования*. 2021. № 4(187). С. 53–65. DOI: 10.47711/0868-6351-187-53-65.
14. Levinson A. *Environmental protectionism: The case of CAFÉ* // *Economics Letters*. 2017. No. 160. Pp. 20–23.
15. Ahmad T., Zhang D. *A Critical Review of Comparative Global Historical Energy Consumption and Future Demand: The Story Told so Far* // *Energy Reports*. 2020. Vol. 6. Pp. 1973–1991.
16. Бобылев П.М. «Зеленый» протекционизм Европы // *Энергетическая политика*. 2020. № 10(152). С. 24–33.
17. Рябова М.И. Особенности стратегий российских нефтегазовых компаний в условиях энергетического перехода // *Вестник МГИМО-Университета*. 2023. № 16(1). С. 219–243. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-1-88-219-243.
18. Жариков М.В. Цена декарбонизации мировой экономики // *Экономика. Налоги. Право*. 2021. № 14(4). С. 40–47.
19. Алтухов А.В. и др. Синергия ESG-инвестиций и цифровых технологий как инструмент наращивания международной конкурентоспособности компаний // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2021. № 6. С. 101–109.
20. Пушкарева М.Б. Особенности инвестирования в «зеленые» проекты // *Экономика и управление в машиностроении*. 2021. № 4. С. 57–60.

References

1. ICT. Moscow. *Digital IQ в России 2020*. URL: <https://ict.moscow/research/digital-iq-v-rossii-2020/>.
2. Song M., Wang S. *Market competition, green technology progress and comparative advantages in China* // *Management Decision*. 2022. Vol. 56. No. 1. Pp. 188–203. DOI: 10.1108/MD-04-2017-0375.
3. Terent'ev N.E. *O perspektivah razvitiya «zelenyh» energeticheskikh tekhnologij v usloviyah nestacionarnoj ekonomiki i global'nyh sdvigov* // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2020. Tom 223. № 3. S. 213–218. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-213-218.
4. Porfir'ev B.N., SHirov A.A. *Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya s nizkim urovnem vybrosov parnikovyh gazov: scenarii i realii dlya Rossii* / B.N. Porfir'ev, A.A. SHirov // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2022. Tom 92. № 5. S. 415–423. DOI: 10.31857/S086958732205005X.
5. Cheng Y., Sinha A., Ghosh V., Sengupta T., Luo H. *Carbon tax and energy innovation at crossroads of carbon neutrality: Designing a sustainable decarbonization policy* // *Journal of Environmental Management*. 2021. Vol. 294. No. 112957. DOI: 10.1016/j.jenvman.2021.112957.
6. Stepnov I.M., Kovalchuk J.A. «Zelenye» strategii i cifrovye resheniya: divergenciya ili konvergenciya? // *Drukerovskij vestnik*. 2022. № 1(45). S. 54–62. DOI: 10.17213/2312-6469-2022-1-54-62.
7. York R., McGee J.A. *Understanding the Jevons paradox* // *Environmental Sociology*. 2016. Vol. 2. No. 1. Pp. 77–87. DOI: 10.1080/23251042.2015.1106060.
8. Mashhadi Rajabi M. *Dilemmas of energy efficiency: A systematic review of the rebound effect and attempts to curb energy consumption* // *Energy Research & Social Science*. 2022. Vol. 89. No. 102661. DOI: 10.1016/j.erss.2022.102661.
9. Coccia M., Watts J. *A theory of the evolution of technology: Technological parasitism and the implications for innovation management* // *Journal of Engineering and Technology Management*. 2020. Vol. 55. No. 101552. DOI: 10.1016/j.jengtecman.2019.11.003.

10. Kovalchuk J., Stepnov I. *Research of the Technological Future's Uncertainty // MGIMO Review of International Relations*. 2019. No. 12(6). Pp. 214–224. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-214-224.
11. Krajnova E.A., Zubarev E.V. *Problemy perekhoda neftegazovoj otrasli Rossii k trendam v oblasti dekarbonizacii ekonomiki i prioritetye puti ih resheniya // Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*. 2022. № 4(208). S. 37–47. DOI: 10.33285/1999-6942-2022-4(208)-37-47.
12. Stepnov I.M., Kovalchuk J.A., Kolesnikova T.V. *Protectionism and Technological Development: The Green Agenda*. In: Popkova, E.G. (eds) *Smart Green Innovations in Industry 4.0 for Climate Change Risk Management. Environmental Footprints and Eco-design of Products and Processes*. Springer, Cham, 2023. 660 p. DOI: 10.1007/978-3-031-28457-1_9.
13. Belousov D.R., Mihajlenko K.V., Sabel'nikova E.M., Solncev O.G. *Rol' cifrovizacii v celevom scenarij razvitiya ekonomiki Rossii // Problemy prognozirovaniya*. 2021. № 4(187). S. 53–65. DOI: 10.47711/0868-6351-187-53-65.
14. Levinson A. *Environmental protectionism: The case of CAFÉ // Economics Letters*. 2017. No. 160. Pp. 20–23.
15. Ahmad T., Zhang D. *A Critical Review of Comparative Global Historical Energy Consumption and Future Demand: The Story Told so Far // Energy Reports*. 2020. Vol. 6. Pp. 1973–1991.
16. Bobylev P.M. «Zelenyj» protekcionizm Evropy // *Energeticheskaya politika*. 2020. № 10(152). S. 24–33.
17. Ryabova M.I. *Osobennosti strategij rossijskih neftegazovyh kompanij v usloviyah energeticheskogo perekhoda // Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2023. № 16(1). S. 219–243. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-1-88-219-243.
18. ZHarikov M.V. *Cena dekarbonizacii mirovoj ekonomiki // Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2021. № 14(4). S. 40–47.
19. Altuhov A.V. i dr. *Sinergiya ESG-investicij i cifrovyh tekhnologij kak instrument narashcheniya mezhdunarodnoj konkurentosposobnosti kompanij // Menedzhment v Rossii i za rubezhom*. 2021. № 6. S. 101–109.
20. Pushkareva M.B. *Osobennosti investirovaniya v «zelenye» proekty // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. 2021. № 4. S. 57–60.

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт проблем рынка Российской академии наук»

117418, Москва, Нахимовский просп., 47

Market Economy Institute Russian Academy of Sciences

47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

125167, Москва, Ленинградский просп., д. 49/2

Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russia

Степнов Игорь Михайлович / Igor M. Stepnov

stepnoff@inbox.ru

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»

190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia

67, Bolshaya Morskaia str., Saint-Petersburg, 190000, Russia

Колесникова Татьяна Васильевна / Tatiana V. Kolesnikova

kolesnikova-tv@mail.ru

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ КЛИМАТИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ С УЧЕТОМ ЭФФЕКТА ДЕКАПЛИНГА

ASSESSMENT OF THE CLIMATE INVESTMENT PROSPECTS FOR TAKING INTO ACCOUNT THE DECOUPLING EFFECT

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-450-457

ПУШКАРЕВА Мария Борисовна

Доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности», ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», к.э.н., доцент

Maria B. PUSHKAREVA

Associate professor at the Management and marketing of high-tech industries Department, Moscow State Aviation Institute (National Research University), candidate of economic sciences

ТЕПЛЫШЕВ Вячеслав Юрьевич

Президент НП «ЭСМО», к.э.н., д.т.н.

Vyacheslav YU. TEPLYSHEV

President of NP "ESMO", candidate of economic sciences, doctor of engineering sciences

ПУШКАРЕВ Максим Дмитриевич

Магистрант кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности», ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»

Maxim D. PUSHKAREV

Master student of the Management and marketing of high-tech industries Department, Moscow State Aviation Institute (National Research University)

Аннотация Статья посвящена оценке перспектив климатического инвестирования с учетом эффекта декарпинга. Условия экономического роста в современном мире тесно связаны с климатической повесткой и технологиями снижения выбросов диоксида углерода. В работе приведена статистика и прогноз темпов роста декарпинга, а также оцениваются климатические инвестиции в различных отраслях мировой экономики в условиях Энергоперехода 4.0.

Abstract The article is devoted to assessing the prospects of climate investment taking into account the decoupling effect. The conditions of economic growth in the modern world are closely related to the climate agenda and technologies for reducing carbon dioxide emissions. The paper presents decapling growth rates statistics and forecast and climate investments estimation in various sectors of the world economy in terms of Energy Transition 4.0.

Ключевые слова Энергопереход 4.0, климатическое инвестирование, декарпинг, экономический рост, климатическая повестка, технологии.

Keywords Energy transition 4.0, climate investment, decapling, economic growth, climate agenda, technology.

Экологический кризис и изменение климата требуют детального пересмотра нашей экономической системы, чтобы сделать ее совместимой с физическими ограничениями планеты. Стремление примирить сохранение ресурсов, ограничение глобального потепления и мировой экономической рост находит в концепции «зеленого роста» идеальное теоретическое решение: экологический переход на практике стал бы «устойчивым ростом», в рамках которого экономика и экология будут развиваться без ущерба друг для друга.

Термин «декарпинг» обычно используется для обозначения возможности экономического роста, измеряемого ростом ВВП, который происходит одновременно со снижением потребления ресурсов и воздействия на окружающую среду.

Данное выше определение должно удовлетворять нескольким критериям, чтобы соответствовать климатическим требованиям:

- ВВП и ущерб окружающей среде должны идти в противоположных направлениях — ущерб, наносимый окружающей среде, должен стремиться к минимуму при одновременном росте валового внутреннего продукта;
- в случае климатического ущерба должно быть предусмотрено отделение ВВП от всех выбросов парниковых газов, а не только от некоторых из них (например, последствия сжигания ископаемого топлива, не говоря уже о последствиях вырубки лесов);
- разнонаправленные тенденции роста ВВП и снижения ущерба окружающей среде должны не должны ограничиваться одной или несколькими географическими областями;
- тренд роста ВВП должен поддерживаться с течением времени, в долгосрочной перспективе;

■ часть ущерба окружающей среде является необратимым, если его не устранить очень быстро (например, соблюдение предела в 2°C согласно Парижскому соглашению).

В мире, который стремительно движется к увеличению потребления наряду со смелыми обязательствами обеспечить нулевые выбросы углерода, решение вопроса о том, как устойчиво распределять ресурсы, представляет собой одновременно и проблему, и возможность для инвесторов и правительств, причем это касается как промышленных потребителей, так и частных домохозяйств [1].

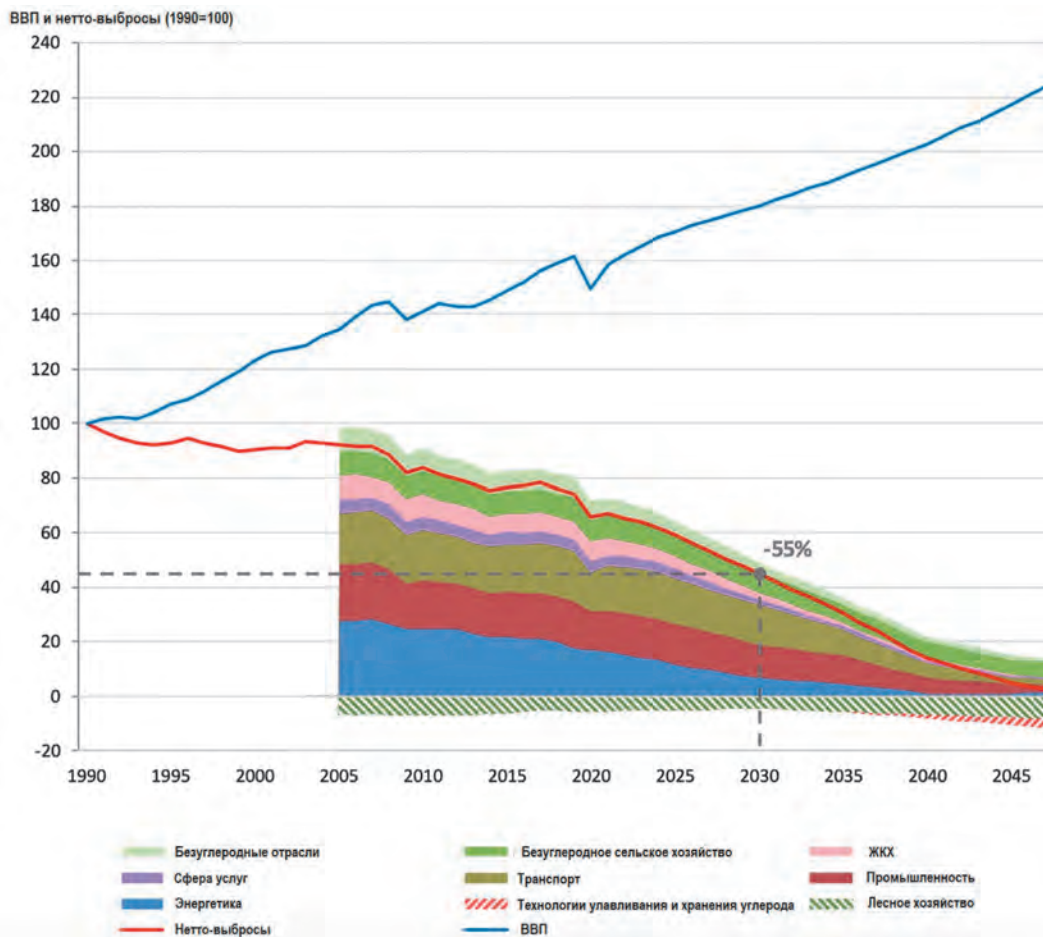
Нынешний энергетический кризис меняет сложившиеся ранее тенденции спроса на энергоэнергию. Отрасли, подверженные влиянию мировых цен, сталкиваются с реальной угрозой нормирования и сокращают производство. Потребители корректируют свои модели использования энергии в ответ на высокие цены, экстренно сокращая спрос. Реакции политической системы различаются, но во многих случаях они включают решительные усилия по ускорению инвестиций в экологически чистую энергию. Это означает еще более сильный толчок к использованию возобновляемых источников энергии в энергетическом секторе и более быструю электрификацию промышленных процессов, транспортных средств и отопления. Поскольку многие решения нынешнего кризиса совпадают с решениями, необходимыми для достижения глобальных климатических целей, в ретроспективе кризис может в конечном итоге рассматриваться как критический поворотный момент в стремлении как к энергетической безопасности, так и к сокращению выбросов [2].

На сегодняшний день многие эталонные перспективные сценарии фокусируют свой подход именно на концепции декарбонизации. Эти энерго-климатические сценарии предлагаются международными агентствами, некоммерческими организациями и фондами, компаниями, исследовательскими лабораториями, практически всегда носят позитивный характер, однако в большинстве случаев не учитывают достаточно большого числа ограничений.

Например, эти сценарии изначально опираются на использование технологий улавливания диоксида углерода, снижении углеродоемкости экономики. Их достоверность может быть оспорена, особенно с точки зрения технического прогресса, достигнутого в прошлом. Кроме того, текущая конструкция этих перспективных сценариев оставляет для роста ВВП «исключительный режим». Этот рост носит экзогенный характер, и ни повышение температуры, ни истощение природных ресурсов, ни, в более общем смысле, возможное будущее событие не в состоянии замедлить или устранить его. В сфере принятия экономических решений на государственном уровне декарбонизация пропагандируется без общего определения и без объяснения лежащих в его основе последствий. ООН выдвигает его на первый план своих Целей устойчивого развития, Франция цитирует его в своем Законе об энергетическом переходе для зеленого роста, принятом в 2015 г. Совсем недавно, в 2020 г., Европейская комиссия сделала его основным принципом в первом абзаце своего законопроекта о климате. На приведенном ниже рисунке 1 показаны исторические темпы декарбонизации до 2020 г. и прогнозные значения по отраслям на период 2020–2050 гг.: историческое (и абсолютное) разделение ВВП и уровня выброса парниковых газов должно иметь разнонаправленный характер, чтобы к 2050 г. достичь углеродной нейтральности, поддерживая значительный рост ВВП.

В рамках концепции «зеленой экономики» необходимо рассматривать полный и частичный декарбонизацию. На практике декарбонизация является полным, когда ВВП растет

Рис. 1. Исторические и прогнозные темпы декарбонизации с 1990 по 2050 г.

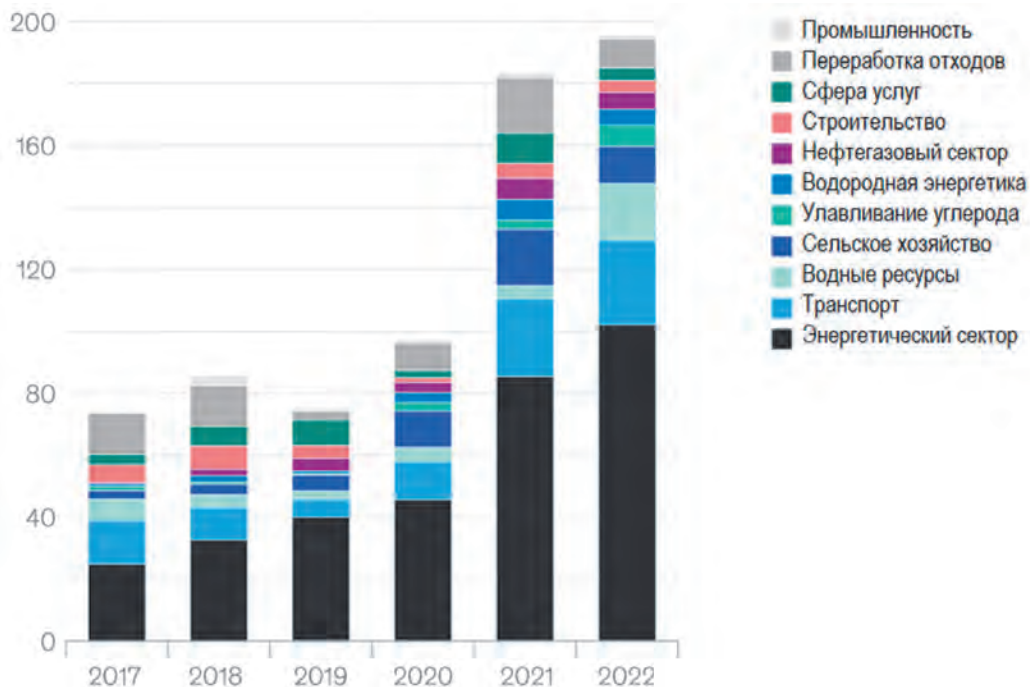

независимо от потребления каких-либо из конечных ресурсов и ущерба окружающей среде. Он является частичным, когда ВВП отделен от одного или нескольких показателей, но сохраняется связь с другими показателями ущерба окружающей среде или потребления ограниченных ресурсов[4].

Климатические технологии получают дальнейший импульс благодаря беспрецедентным государственным программам в США и Европе, которые высвобождают поток капитала для решения задачи по достижению нулевых выбросов к 2050 г. Закон США о снижении инфляции (IRA), принятый в 2021 г., выделяет более 370 млрд долл. на смягчение последствий изменения климата, в то время как Зеленая сделка ЕС планирует потратить более 1 трлн евро государственных и частных средств на борьбу с изменениями климата. В совокупности эти меры могут открыть больше возможностей для инвесторов на рынке, который, по оценкам McKinsey, к 2030 г. может достичь от 9 до 12 трлн долл. в год.

За последние 4 года так называемые «климатические инвестиции», стремящиеся увеличить разрыв между уровнем экономического роста и снижением выбросов в атмосферу, неуклонно растут. С 2019 г. до конца 2022 г. частные инвесторы запустили более 330 новых устойчивых проектов; экологические, социальные и управленческие (ESG). Совокупная величина инвестиций выросла в три раза, с 90 млрд долл. США до более чем 270 млрд долл. США.

Рис. 2. Климатические инвестиции в различных секторах экономики

Инвестиции, ориентированные на климат, за последние 6 лет, распределенные по различным секторам экономики представлены на рисунке 2. Энергетический сектор стал крупнейшим получателем инвестиций, получив около 50% финансовых ресурсов с 2019 по 2022 г. [3]. Рост инвестиций более чем вдвое, с 40 млрд долл. до 100 млрд долл., произошел благодаря новым проектам в области возобновляемых источников энергии, которые в настоящий момент уже не расцениваются отраслью энергетики отдельно, а интегрированы в энергетические системы различных стран. и в крупномасштабных возобновляемых источниках энергии. На втором месте оказался транспорт: за этот период инвестиции выросли на 370%, с 6 до 30 млрд долл., благодаря все более широкому внедрению электромобилей (EV). На водородную энергетику и улавливание углерода – две значимые новые области – в 2022 г. приходилось лишь по 3% от общего объема инвестиций в частный рынок, ориентированных на климат. Тем не менее, они зафиксировали самый значительный рост притока инвестиций с 2019 г.: 460% для водорода (от 1 до 5 млрд долл.) и 1400% (от 500 млн до 7 млрд долл.).

Предпосылки для подобных изменений в инвестировании следующие: в 2021 г. энергетические рынки начали сжиматься из-за множества факторов, в том числе необычайно быстрого восстановления экономики после пандемии. Затем ситуация резко переросла в полномасштабный глобальный энергетический кризис в феврале 2022 г.. Цена на природный газ достигла рекордно высокого уровня, и в результате на некоторых рынках также выросла цена на электроэнергию. Цены на нефть достигли самого высокого уровня с 2008 г.

Более высокие цены на энергоносители способствовали болезненно высокой инфляции, росту энергетической бедности, вынудили некоторые заводы сократить производство или даже закрыться и замедлили экономический рост до такой степени, что некоторые страны движутся к серьезной рецессии. Европа,

чье газоснабжение исключительно уязвимо из-за ее исторической зависимости от России, может столкнуться с нормированием газа этой зимой, в то время как многие развивающиеся экономики сталкиваются с резким ростом счетов за импорт энергии и нехваткой топлива.

Хотя сегодняшний энергетический кризис имеет некоторые параллели с нефтяными потрясениями 1970-х гг. однако между ними есть важные отличия. Сегодняшний кризис затрагивает все виды ископаемого топлива, тогда как ценовые скачки 1970-х гг. в основном были связаны с нефтью, так как в то время мировая экономика гораздо больше зависела от нефти и меньше от газа. Сегодня мировая экономика гораздо более взаимосвязана, чем 50 лет назад, что делает распространение кризиса более быстрым. Вот почему мы можем назвать это первым по-настоящему глобальным энергетическим кризисом[2].

Сегодня целым рядом стран принимаются низкоуглеродные стратегии, в которых существенное место отводится развитию альтернативных источников энергии: возобновляемой энергетике и водородной энергетике, которые рассматриваются в качестве альтернативного углеводородам энергоносителя. Право выступает инструментом реализации государственной политики в этом направлении. В Париже по итогам XXI конференции Рамочной конвенции об изменении климата было подписано соглашение, стратегическая цель которого – удержание прироста глобальной средней температуры к концу 2100 г. в пределах ниже 2°C и в целях ограничения роста температуры на уровне 1,5°C. Постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2019 г. Парижское соглашение было принято. Но стоит заметить, что оно было принято с оговоркой о том, что РФ считает неприемлемым использовать соглашение и его механизмы, как инструмент создания барьеров для устойчивого социально-экономического развития сторон Конвенции. Между тем в рамках развития конкурентной борьбы между странами донорами и странами потребителями энергоресурсов российской стороне важно отстаивать свои интересы, как стране с оптимальной структурой энергобаланса, что нашло свое отражение в Указе Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации», где в качестве важнейшего из рисков для российского ТЭК определена возможность дискриминации компаний российского ТЭК на мировых рынках путем изменения международного и внутреннего нормативно-правового регулирования, в том числе под предлогом реализации климатической и экологической политики. Именно поэтому сегодня для РФ особенно важно принимать участие в глобальном диалоге по выработке международной климатической политики, межгосударственном и международном нормативно-правовом регулировании, отстаивая свои национальные интересы и предлагая свое видение развития энергетических рынков в рамках энергоперехода. Одним из направлений дальнейшей трансформации ТЭК РФ в рамках перехода к углеродной нейтральности является развитие водородной энергетики. Соответствующая задача закреплена в ключевом отраслевом документе стратегического планирования РФ «Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года».

Показатели частных инвестиций в климатические технологии в 2022 г. бросили вызов мощным макроэкономическим и геополитическим препятствиям, которые вызвали значительные потрясения на большинстве мировых рынков. В 2023 г. инвестиции в борьбу с изменением климата по-прежнему сталкиваются с препятствиями,

которые снижают как желания инвесторов вкладывать, так и общие экономические перспективы, замедляя рынки капитала в разных секторах и регионах:

■ *Высокая инфляция*, вызванная сильными колебаниями на рынке труда, неудовлетворенным спросом на услуги и высокими государственными расходами во время пандемии COVID-19, спровоцировала кризис стоимости жизни во всем мире.

■ *Повышенные процентные ставки* для борьбы с инфляцией привели к увеличению стоимости финансирования капиталоемких активов и проектов при одновременном дисконтировании стоимости будущих денежных потоков для компаний, находящихся на ранней стадии развития и стадии роста. Это особенно важно для экономики климатических решений на протяжении всего жизненного цикла, которые часто включают замену текущих эксплуатационных расходов, таких как расходы на топливо, первоначальными капитальными затратами — например, развертывание активов солнечной и ветровой генерации.

■ *Ограничения цепочки поставок и нехватка рабочей силы* по мере выхода экономики из пандемии увеличивают стоимость строительства и эксплуатации активов.

■ *Пристальное внимание к энергетической безопасности* затмило стремление к устойчивости, поскольку правительства и компании, особенно в Европе, ищут поставки газа, угля и, в меньшей степени, нефти, чтобы обеспечить достаточные запасы на эту и следующую зиму.

Библиографический список

1. Пушкарев М.Д. Влияние ESG-факторов на принятие управленческих решений в энергетическом секторе / М.Д. Пушкарев // *Экономика и управление в машиностроении*. — 2021. — № 5. — С. 32–34. — EDN RJSFNS.
2. Пушкарева М.Б. Трансформация данных индекса энергетической трилеммы в условиях энергетического кризиса / М.Б. Пушкарева, М.Д. Пушкарев, А.С. Кошелев // *Экономика и управление в машиностроении*. — 2023. — № 1. — С. 27–35. — EDN RDHPFU.
3. *Climate investing: Continuing breakout growth through uncertain times* // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/> (дата обращения: 27.04.2023).
4. *Decoupling and green growth* // *Precise and ambitious climate action*. URL: <https://www.carbone4.com/> (дата обращения: 27.04.2023).
5. *The mechanism of attracting investments in modernization of public utility facilities* / V. Teplyshev, V. Smirnov, M. Pushkareva [et al.] // *MATEC Web of Conferences, Ho Chi Minh City, 2–5 марта 2018 года*. Vol. 193. — Ho Chi Minh City: EDP Sciences, 2018. — P. 05079. — DOI: 10.1051/mateconf/201819305079. — EDN UQSYYZ.

References

1. Pushkarev M.D. Vliyanie ESG-faktorov na prinyatie upravlencheskih reshenij v energeticheskom sektore / M.D. Pushkarev // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. — 2021. — № 5. — S. 32–34. — EDN RJSFNS.
2. Pushkareva M.B. Transformaciya dannyh indeksa energeticheskoy trilemmy v usloviyah energeticheskogo krizisa / M.B. Pushkareva, M.D. Pushkarev, A.S. Koshelev // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. — 2023. — № 1. — S. 27–35. — EDN RDHPFU.
3. *Climate investing: Continuing breakout growth through uncertain times* // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2023).

4. *Decoupling and green growth // Precise and ambitious climate action. URL: <https://www.carbone4.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2023).*
5. *The mechanism of attracting investments in modernization of public utility facilities / V. Teplyshev, V. Smirnov, M. Pushkareva [et al.] // MATEC Web of Conferences, Ho Chi Minh City, 02–05 marta 2018 goda. Vol. 193. – Ho Chi Minh City: EDP Sciences, 2018. – P. 05079. – DOI: 10.1051/mateconf/201819305079. – EDN UQSYYZ.*

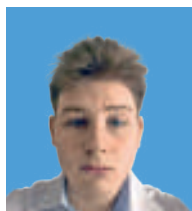
Контактная информация / Contact Information

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»
125993, Волоколамское шоссе, д. 4, г. Москва
Moscow Aviation Institute (National Research University)
Volokolamskoe shosse, 4, Moscow, 125993
Пушкарева Мария Борисовна / Maria B. Pushkareva
Теплышев Вячеслав Юрьевич / Vyacheslav Yu. Teplyshev
Пушкарев Максим Дмитриевич / Maxim D. Pushkarev
mpushkareva@narod.ru

ВНЕДРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

IMPLEMENTATION OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROFILES FOR CERTAIN GROUPS OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-458-467

ГОЛОВ Герман Романович

Студент 2-го курса Финансового университета при Правительстве РФ

German R. GOLOV

2nd year student of the Financial University under the Government of the Russian Federation

РОЖКОВ Илья Вячеславович

Доцент Департамента маркетинга и спортивного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, член НП «Гильдия маркетологов» к.э.н.

Ilya V. ROZHKOV

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Marketing and Sports Business, Member of the Non-Profit Partnership Guild of Marketers,

Financial University under the Government of the Russian Federation

Аннотация

В статье рассматривается влияние цифровизации на потребительское поведение отдельных групп населения. Исследуются факторы, повлиявшие на необходимость исследования возможных направлений внедрения социально-психологических профилей поведения потребителей. Выделяется новый подход в поколенческой теории

1 Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2023 г.

на основе социально-психологических особенностей поведения потребителей в цифровой среде. Анализируются профили цифровых потребителей поколения N. Исследуются возможности использования цифрового профиля гражданина коммерческими, в том числе финансовыми организациями.

Abstract

The article discusses the impact of digitalization on the consumer behavior of certain groups of the population. The factors that influenced the need to study possible directions for the introduction of socio-psychological profiles of consumer behavior are investigated. A new approach is highlighted in generational theory based on the socio-psychological characteristics of consumer behavior in the digital environment. The profiles of digital consumers of generation N are analyzed. The possibilities of using the digital profile of a citizen by commercial, incl. financial organizations.

Ключевые слова

Социально-психологический профиль, потребительское население, цифровые технологии, гражданин, цифровой профиль, поколение N.

Keywords

Socio-psychological profile, consumer population, digital technologies, citizen, digital profile, generation N.

Развитие цифровых технологий в настоящее время все больше меняет повседневную жизнь людей, а следовательно, напрямую сказывается на особенностях их потребительского поведения. Влияние процессов цифровизации на поведение потребителей необходимо рассматривать с двух сторон. С одной стороны, цифровизация экономических отношений способствует развитию новых форм потребительской культуры (например, ответственного потребления [7]), новых форм транспарентного взаимодействия гражданина и государства (в частности, в сфере оказания государственных услуг), малых и средних форм предпринимательства за счет нивелирования географических границ между ними и потребителями и возникновения новых форм коммерческого взаимодействия на основе цифровых технологий (маркетплейсы, агрегаторы служб доставки, инструментарий цифрового маркетинга и т.д.) [4]. Однако, с другой стороны, полномасштабное использование цифровых технологий во всех сферах человеческой жизни значительно изменяет сложившуюся на многих рынках структуру. Так, например, практика удаленной работы посредством использования информационно-коммуникационных технологий и информационных сетей, получившая широкое распространение в нашей стране в период пандемии COVID-19, помимо положительной составляющей обеспечения трудовой мобильности населения, несла в себе и значительные риски, связанные с проблемами обеспечения безопасности данных, как на уровне конкретных организаций, так и на уровне обеспечения национальной безопасности. Использование цифровых гаджетов в процессе выбора товаров и услуг, с одной стороны, ведет к более осознанному потребительскому выбору за счет доступа к большому массиву информации, с другой стороны, приводит к росту объема потребляемых человеком экономических благ. Неоднозначность влияния развития цифровизации на потребительское поведение различных групп населения в этой связи является актуальной задачей, требующей дополнительного исследования.

Одним из направлений гармонизации процессов потребления на основе цифровых технологий может стать разработка и внедрение социально-психологических профилей на основе цифровых технологий. К основным направлениям внедрения социально-психологических профилей для отдельных групп населения на основе цифровых технологий можно отнести:

- разработку и управление инструментами продвижения компании в цифровой среде;
- обоснование новых поколенческих теорий в условиях цифровизации экономики;
- развитие технологий цифрового профайлинга (составление цифрового профиля гражданина/клиента).

Если инструменты продвижения компаний в цифровой среде уже изучены достаточно глубоко и активно применяются на практике [2], то другие направления внедрения социально-психологического профилирования граждан требуют дополнительного исследования.

Обоснование новых поколенческих теорий в условиях цифровизации экономики

Новый виток цифровизации потребительского поведения наблюдался в результате пандемии COVID-19. Введенные правительствами различных стран ограничительные санитарные нормы привели к самоизоляции населения и, следовательно, резко и кардинально изменили традиционные паттерны потребительского поведения. Обычные жизненные процессы, которые традиционно проходили в оффлайне, – общение с близкими, отслеживание новостей, работа, обучение и покупки – теперь были сосредоточены на цифровых платформах [3].

В результате среди потребителей, которые до пандемии COVID-19 медленно или немотивированно внедряли цифровые технологии во все аспекты жизни, родился новый набор норм и моделей поведения, на которые повлияли цифровые технологии. В то же время цифровые «аборигены» – активные пользователи цифровых технологий в повседневной жизни в допандемийный период – оказались хорошо подготовленными к тому, чтобы жить, работать, учиться и делать покупки удаленно во время волн локдаунов.

В результате этих глобальных изменений, существенно повлиявших на потребительское поведение, на смену существовавшему типу потребителей – Generation C (или поколение «подключенных»²) – пришел новый тип потребителей – Generation N (или поколение «новейших»). Оно представляет собой растущую психографическую группу потребителей, ориентированных на цифровые технологии, возникшую вследствие разрушительных последствий COVID-19. Рост числа потребителей, относимых к этому социально-психологическому профилю, связан с распространившимися в результате пандемии чувствами страха, тревоги и беспокойства о будущем. Учитывая, что влияние различных пандемий, вероятно, сохранится в перспективе, компании должны уделять первоочередное внимание изучению поколения N. Это поможет организациям и государственным структурам понять, как более широкое и ускоренное использование потребителями цифровых технологий влияет на их предпочтения и поведение на рынке. Такие исследования могут направлять стратегии бренда, продукта и рынка, чтобы они были более своевременными, актуаль-

ными и гибкими в то время, когда внешняя рыночная среда динамично и непредсказуемо изменяется.

Цифровых пользователей поколения N можно рассматривать как акторов социально-экономических отношений, которые обладают уникальным цифровым профилем и набором моделей потребительского поведения, которые могут использовать организации или органы власти для улучшения взаимодействия со своей целевой аудиторией. В зарубежной литературе появилась новая концепция, описывающая такой феномен, которая получила название «BYOP»³. Эта концепция предусматривает, что потребитель может добровольно делиться с различными организациями информацией о своем потребительском поведении в цифровых каналах в целях повышения качества обслуживания, получения таргетированных предложений и специальных условий (по аналогии с концепцией «BYOD»⁴ – использования своих собственных гаджетов на работе, учебе или общественных местах).

В настоящее время многие компании осознали, что традиционных моделей анализа потребительского поведения и сегментации потребителей уже не достаточно. Wharton School [9] предлагает разделить современных цифровых пользователей поколения N по двум основным параметрам: «продвинутость» в использовании цифровых устройств и готовность делиться своими персональными данными.

Показатель уровня использования цифровых устройств демонстрирует готовность потребителя в полной мере использовать цифровые технологии и оборудование в процессе своего потребительского поведения. Среди таких технологий следует выделить мобильные приложения компаний, социальные сети, маркетплейсы, классифайды, службы доставки, агрегаторы отзывов и др. Кроме того, может оцениваться продвинутость пользователя в использовании только входящих в оборот технологий: голосовые агенты, видеочаты, сервисы, использующие геотаргетинг, мобильные системы оплаты и носимые smart-устройства.

Готовность потребителя делиться персональными данными подразумевает доверие пользователей к уровню защиты безопасности, который обеспечивает компания в своих цифровых каналах коммуникации. В этом случае потребитель может даже отказаться от конфиденциальности в обмен на предполагаемые компанией преимущества (системы лояльности, дополнительные бесплатные услуги, специальные ценовые предложения и т.д.). При этом потребитель должен самостоятельно делать выбор между конфиденциальностью и персонализацией в процессе своего потребительского выбора.

Неспособность компании предоставить своим клиентам лучший потребительский опыт или явные выгоды в обмен на собираемые о них данные может привести к снижению лояльности и оттоку постоянных клиентов [6].

Используя уровни готовности потребителя делиться персональными данными и готовность к использованию цифровых устройств в качестве основных движущих сил цифрового поведения современных потребителей, можно выделить шесть сегментов цифровых пользователей (рисунок 1).

Распределение пользователей по этим новым цифровым профилям, очевидно, со временем изменится с общей тенденцией к верхнему правому углу матрицы

3 Сокр. от англ. Bring your own person – добровольное разрешение пользователя компании на доступ к его персональным данным.

4 Сокр. от англ. Bring your own device – использование своих собственных гаджетов на работе, учебе или общественных местах.

Рис. 1.
Матрица профилей цифровых потребителей поколения N

Готовность делиться персональными данными	Высокая	Подражатели (23%)	Мейнстримеры (26%)	Цифровые кочевники (10%)
	Низкая	Аналоговые потребители (7%)	Параноики (17%)	Хамелеоны (17%)
		Ограниченный	Базовый	Продвинутый
		Уровень использования цифровых устройств		

(«цифровые кочевники») (см. рисунок 1). Однако, в зависимости от изменений в отношении клиентов к конфиденциальности, регулированию, динамике рынка и предполагаемой ценности, которую обеспечивают цифровые решения, ситуация может начать развиваться в другом направлении, когда большинство потребителей решит отказаться от использования цифровых каналов коммуникации и добровольного предоставления доступа к своим потребительским данным, вследствие проблем с конфиденциальностью.

Характеристики цифровых потребительских профилей представителей поколения N и характеристика их потребительского поведения в цифровой среде представлена в таблице 1.

Более глубокое исследование поведения цифровых потребителей поколения N позволит компаниям и органам власти получить информацию, необходимую для преобразования и улучшения операционных и бизнес-моделей, продуктов и услуг, а также клиентского опыта, что будет способствовать повышению клиентоориентированности бизнеса, удовлетворенности потребителей и общего уровня качества жизни. Принципы трансформации традиционных маркетинговых стратегий под специфику потребительского поведения представителей поколения N представлены в таблице 2.

Цифровой профайлинг (составление цифрового профиля клиента)

Широкомасштабные процессы цифровизации, связанные со сбором, хранением, обработкой и использованием персональных данных о гражданах, коснулись и сферы оказания государственных услуг. В мае 2020 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации совместно с Банком России в соответствии с постановлением Правительства РФ от 03.06.2019 №7 10 [1] запустили в промышленную эксплуатацию цифровой профиль гражданина на портале «Госуслуги». Сервис объединяет данные о гражданине, которые имеются в распоряжении государственных органов и государственных

Таблица 1. Принципы трансформации маркетинговых стратегий, адаптированных для поколения N

Принцип	Характеристика
Исследовать	Исследование существующего клиентского пути в рамках омниканального маркетинга и каждой точки соприкосновения (как физической в офлайне, так и цифровой в онлайн) через призму поколения N
Организовывать	Создавать кросс-функциональную организационную структуру компании, ориентированную на людей и данные, которая отдает приоритет покупательскому поведению в режиме реального времени, а также потребительским предпочтениям, намерениям и ценностям
Приводить в действие	Консолидировать и объединять все заинтересованные стороны, ответственные за точки взаимодействия на пути клиента, чтобы преобразовать идеи новых продуктов и услуг в действенные пилотные проекты и программы
Изобретать	Исследовать возможности для добавления новой ценности клиентскому опыту на каждом этапе взаимодействия с ним. Необходимо переосмыслить опыт работы с потребителями, ориентированными на цифровые технологии, вместо того, чтобы адаптировать устаревшие бизнес-модели к цифровым платформам
Измерять	Недостаточно проводить мониторинг традиционных ключевых показателей эффективности, необходимо постоянно отслеживать и управлять метриками, ориентированными на клиентов, которые отражают их настроение, удовлетворенность и качество обслуживания

информационных систем, а также совокупность технических средств, которые позволяют управлять этими данными, в первую очередь, самому гражданину. К основным данным, необходимым для составления цифрового профиля можно отнести: ФИО гражданина, паспорт гражданина РФ, адрес регистрации, дата и место рождения, номер домашнего телефона, номер мобильного телефона, ИНН, СНИЛС, пол, гражданство, email, адрес фактического проживания, данные о семейном положении, данные об автотранспорте и др. Основные составляющие цифрового профиля представлены на рисунке 2.

Первыми коммерческими организациями, которые проявили интерес к возможностям использования цифрового профиля гражданина, стали банки и страховые компании. Так, к маю 2021 г. сервис привлек к сотрудничеству 19 банков и 4 страховые организации,

Рис. 2. Составляющие цифрового профиля

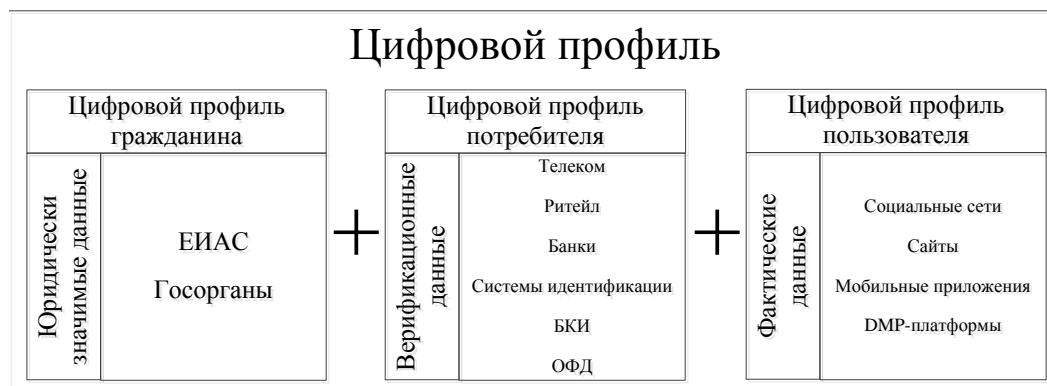

Таблица 2. Особенности потребительского поведения представителей различных видов цифровых потребительских профилей

Цифровой потребительский профиль	Характеристика цифрового потребительского профиля	Особенности потребительского поведения в цифровой среде
Аналоговые потребители	Не готовы использовать цифровые технологии	Не хотят и/или не могут использовать цифровые технологии при выборе товаров или услуг, что может быть связано с опасениями в области конфиденциальности персональных данных. Могут лишь отчасти соприкасаться с цифровыми технологиями продвижения при посещении сайтов СМИ
Подражатели	Начинающие пользователи мобильных технологий, стремящиеся стать опытными пользователями	Эта группа может быть вовлечена в цифровые технологии через свое окружение, уже активно использующее их преимущества. К ней относятся и пожилые пользователи, узнающие о возможностях цифровой среды от своих более молодых родственников
Мейнстримеры	Желают пользоваться большинством представленных цифровых решений. Составляют основную группу лояльных клиентов	Основная масса потребителей, которая активно использует цифровые технологии в процессе выбора товаров и услуг. Для них важен процесс цифрового взаимодействия с компанией. Они могут стать ядром целевой аудитории с высокой степенью лояльности. Однако при понижении удовлетворенности процессом цифрового взаимодействия готовы быстро найти лучший аналог и уйти к конкуренту
Параноики	Пользователи, с недоверием относящиеся к цифровым технологиям, заботясь о сохранности своих данных	Больше всего заботятся о безопасности транзакций и сохранности своих персональных данных, поэтому данный профиль потребителей требует значительной работы в области продвижения образа бренда как ответственной компании, заботящейся о конфиденциальности и безопасности клиентов. В случае нарушения прав представителей данного потребительского профиля они готовы подвергнуть компанию критике и отстаивать свои права
Хамелеоны	Продвинутые пользователи, избирательно относятся к использованию данных, меняют свое цифровое поведение в зависимости от личных интересов	Склонны изменять характер своего потребительского поведения в цифровой среде в зависимости от изменений внешних условий и личных интересов. Представителей данного потребительского профиля тщательно изучают политику конфиденциальности компании и предоставляют доступ к своим данным только в случае, если они могут получить от этого какую-то пользу, а также убеждаются в безопасности такого шага
Цифровые кочевники	Пользователи, создающие свои цифровые профили везде, где бывают. Предоставляют данные во благо выгоды и создания уникального пользовательского опыта	Готовы делиться своими персональными данными везде, где их об этом попросят в надежде получить либо собственную выгоду, либо в интересах большинства пользователей.

в результате чего клиенты на основе обработки данных их цифрового профиля получили около 3,5 млн согласий на получение финансовых продуктов.

Многие финансовые организации уже имели опыт создания цифровых профилей собственных клиентов. Он использовался для определения продуктов и услуг, которые могли бы быть актуальными для конкретного клиента. Для составления цифрового профиля клиента, внедряемого банком, может использоваться вся информация, касающаяся его потребительского поведения: частота использования продуктов банка (банковской карты, каналов ДБО), есть ли у клиента потребность в заемных средствах или в сбережениях, какие поисковые запросы он использует на сайте банка или через официальные каналы (социальные сети, на официальном

Рис. 3. Архитектура аналитической системы цифрового профилирования потребителей

сайте, в мессенджерах или онлайн-агентах). Типовая архитектура аналитической системы цифрового профилирования потребителей представлена на рисунке 3 [8].

На основе обработки и анализа информации о поведении потребителя финансовая организация строит предиктивные модели принятия клиентами потребительских решений [5]. Так, если клиент банка в течение определенного времени не посещал отделение финансовой организации, при совершении операций использовал каналы дистанционного обслуживания, обращался за помощью в онлайн-ассистент или в чат-боты, – банк будет искать релевантные для клиента продукты и каналы коммуникации в цифровой среде.

Таким образом, можно предположить, что вслед за финансовыми организациями в ближайшем будущем к разработке и использованию цифровых профилей потребителей на основе использования различных инструментов интернет-маркетинга и новых поведенческих подходов к профилированию потребителей

подключаться и организации других отраслей и сфер деятельности. При условии интеграции данных внутренней потребительской аналитики компаний с внешними источниками данных, в том числе государственными, удастся создавать точные персонализированные предложения, которые будут постоянно меняться в зависимости от текущих потребностей целевой аудитории, динамично изменяющейся конъюнктуры рынка, материальных возможностей клиента.

Библиографический список

1. *Постановление Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах»* URL: <https://base.garant.ru/72262102/> (дата обращения: 21.04.2023).
2. *Интернет-маркетинг: учебник для вузов / О.Н. Жильцова [и др.]; под общей редакцией О. Н. Жильцовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 301 с.*
3. *Маркетинг сотворчества и глобальные коммуникации доверия. Багиев Г.Л., Юлдашева О.У., Шубаева В.Г., Кетова Н.П., Натхина М.В., Маслобоева О.Д., Матковская Я.С., Молчанов Н.Н., Рыбакова Ю.В., Азоев Г.Л., Карпова С.В., Устинова О.Е., Рожков И.В., Конникова О.А., Конников Е.А., Омарова Н.Ю., Светуных С.Г., Яненко М.Б., Яненко М.Е., Афанасенко И.Д. и др. Посвящается 90-летию СПбГЭУ и 30-летию кафедры маркетинга. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Санкт-Петербург, 2020.*
4. *Рожков И.В. Совершенствование технологий маркетинговой деятельности в процессе информатизации общества. Экономика. Бизнес. Банки. 2013. № 4 (5). С. 79–91.*
5. *Рожков И.В. Современные тренды информатизации финансового маркетинга // Эффективное антикризисное управление. 2017. № 2 (101). С. 44–47.*
6. *Рожков И.В. Подходы к классификации потребительского поведения. // Экономика и управление в машиностроении. – 2019. – № 6. – С. 43–46.*
7. *Рожков И.В. Методические подходы к формированию осознанного покупательского поведения в цифровой среде. Экономика и управление в машиностроении. 2020. № 2. С. 48–52.*
8. *Рудская, Е. Н. Профилирование цифрового клиента: новые форматы интеллектуального анализа данных / Е. Н. Рудская, Ю. Ю. Полтавская. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 21 (101). – С. 464–471. – URL: <https://moluch.ru/archive/101/22843/> (дата обращения: 19.04.2023).*
9. *Bring Your Own Persona: Rethinking Segmentation for the New Digital Consumer.* URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/bring-persona-rethinking-segmentation-new-digital-consumer> (дата обращения: 15.04.2023).

References

1. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 3 iyunya 2019 g. № 710 "O provedenii eksperimenta po povysheniyu kachestva i svyazannosti dannyh, soderzhashchihsya v gosudarstvennyh informacionnyh resursah"* URL: <https://base.garant.ru/72262102/> (data obrashcheniya: 21.04.2023).
2. *Internet-marketing: uchebnik dlya vuzov / O. N. ZHil'cova [i dr.]; pod obshchej redakciej O. N. ZHil'covej. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2017. – 301 s.*
3. *Marketing sotvorchestva i global'nye kommunikacii doveriya. Bagiev G.L., YUldasheva O.U., SHubaeva V.G., Ketova N.P., Nathina M.V., Masloboeva O.D., Matkovskaya YA.S., Molchanov N.N., Rybakova YU.V., Azoev G.L., Karpova S.V., Ustinova O.E., Rozhkov I.V., Konnikova O.A., Konnikov E.A., Omarova N.YU., Svetun'kov S.G., YAnenko M.B., YAnenko M.E., Afanasenko I.D. i dr. Posvyashchaetsya 90-letiyu SPbGEU i 30-letiyu kafedry marketinga. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet. Sankt-Peterburg, 2020.*

4. Rozhkov I.V. *Sovershenstvovanie tekhnologij marketingovoj deyatel'nosti v processe informatizacii obshchestva. Ekonomika. Biznes. Banki.* 2013. № 4 (5). S. 79–91.
5. Rozhkov I.V. *Sovremennye trendy informatizacii finansovogo marketinga // Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie.* 2017. № 2 (101). S. 44–47.
6. Rozhkov I.V. *Podhody k klassifikacii potrebitel'skogo povedeniya. // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii. – 2019. – No 6. – S. 43–46.*
7. Rozhkov I.V. *Metodicheskie podhody k formirovaniyu ooznannogo pokupatel'skogo povedeniya v cifrovoj srede. Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii.* 2020. No 2. S. 48–52.
8. Rudskaya, E.N. *Profilirovanie cifrovogo klienta: novye formaty intellektual'nogo analiza dannyh / E. N. Rudskaya, YU. YU. Poltavskaya. – Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. – 2015. – № 21 (101). – S. 464–471. – URL: <https://moluch.ru/archive/101/22843/> (data obrashcheniya: 19.04.2023).*
9. *Bring Your Own Persona: Rethinking Segmentation for the New Digital Consumer.* URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/bring-persona-rethinking-segmentation-new-digital-consumer> (data obrashcheniya: 15.04.2023).

Контактная информация / Contact information

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2
Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167

Голов Герман Романович / German R. Golov
golovgerman11@gmail.com

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
125167, Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2
Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Moscow, Leningradsky prospect, 125167
Рожков Илья Вячеславович / Ilya V. Rozhkov

ИННОВАЦИОННАЯ ДИАГНОСТИКА В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

INNOVATIVE DIAGNOSTICS IN THE MANAGEMENT OF MODERN ORGANISATIONS

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-468-478

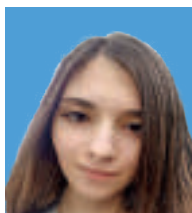

ПОЛЗУНОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

Заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых», д.э.н.

Natalia N. POLZUNOVA

Head of the Management and Marketing Department Vladimir State University,
Doctor of Economics

ШЕВЧЕНКО ЕВГЕНИЯ РУСЛАНОВНА

Студентка ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

Eugenia R. SHEVCHENKO

Student of the Vladimir State University

Аннотация

Статья посвящена исследованию такого направления, как инновационная диагностика. Авторами проводится анализ подходов к пониманию диагностики и ее сравнение с исследованием. Приводятся этапы проведения инновационной диагностики в организации. Авторами предложен подход проведения инновационной диагностики с учетом принципа кросс-функциональности. Акцентировано внимание, что проведение инновационной диагностики в управлении предприятием является предметной областью управленческого консалтинга.

Abstract

The article is devoted to the study of such a direction as innovative diagnostics. The authors analyse approaches to the understanding of diagnostics and compare it with research. The stages of innovative diagnostics in the organisation are given. The authors propose an approach to innovative diagnostics taking into account the principle of cross-functionality. It is emphasised that innovative diagnostics in enterprise management is a subject area of management consulting.

Ключевые слова Диагностика, инновационная диагностика, инновационный процесс, кросс-функциональный бизнес-процесс, управление организациями.

Keywords Diagnostics, innovation diagnostics, innovation process, cross-functional business process, management of organisations.

В управлении организациями используются разные подходы, применяются разнообразные методики с целью реализовать поставленные задачи и добиться достаточного уровня эффективности и результативности функционирования. Одним из таких подходов на современном этапе развития может рассматриваться диагностика, которая не только устанавливает, анализирует и оценивает проблемы в деятельности организации и ее управлении, но и направлена на поиск путей их решения. Целью статьи является исследование подходов и этапов инновационной диагностики и обоснование учета принципа кросс-функциональности в процесс инновационной диагностики организации. Логика и задачи данного исследования предопределены поставленной целью.

К диагностике в разное время обращались многие исследователи и ученые. И сегодня диагностика – востребованный инструмент, использование которого направлено на повышение эффективности и результативности социально-экономических и организационных систем разного уровня.

Диагностика – слово греческого происхождения и переводится как «распознавание состояния изучаемого объекта по косвенным признакам» [1].

Проведенный анализ библиографических источников показал некоторую полисемию подходов к пониманию диагностики. Результаты анализа представим на рисунке. 1.

Рис. 1. Подходы к трактовке понятия «диагностика»

Источник: Построено авторами по [2, 3, 4, 5, 6, 7]

Таким образом, мы можем констатировать, что часть исследователей представляют диагностику как процесс, другие рассматривают ее как совокупность способов, методов и приемов изучения некоторого объекта. Так, например, Липатов С.А. приводит следующее определение диагностики – это «комплекс способов, методов, и приемов изучения организации, позволяющий в короткие сроки и с минимумом затрат получить четкое представление о ее ресурсах, проблемах, и возможностях инициирования позитивные изменения и мобилизовать силы для их проведения» [8]. В то же время по аналогии с медицинской сферой можно говорить о том, что диагностика является учением о методах и принципах распознавания проблем, разрывов, дисфункций [9].

Также в библиографической литературе идет дискуссия о взаимосвязи диагностики и исследования. Часть исследователей считают, что диагностика является частью исследования, его разновидностью. Например, именно таким образом Ефремова Н.Е. и Миловидов С.В. с соавтором рассматривают управленческую диагностику [7, 10]. Другая часть научного сообщества представляет диагностику как самостоятельный способ познания, которая имеет некоторые черты, сходные с исследованием и осуществляется в соответствии с принципами научного исследования [11]. При этом интересна позиция Прохорова Ю.А., который утверждает, что «исследовательская функция в изучении систем перерастает в диагностическую» [3]. В таблице 1 приведем сравнительный анализ исследования и диагностики.

Применяя диагностику на практике, исследователи обращаются к различным ее видам в зависимости от типа решаемых задач. Наиболее часто используют инструменты экономической, организационной, финансовой и управленческой диагностики. Частота использования вышеперечисленных инструментов диагностики приведена на рис. 2. Поиск осуществлялся по базе научной электронной библиотеки eLibrary путем поиска использования словосочетаний «экономическая диагностика», «финансовая диагностика», «организационная диагностика», «управленческая диагностика», «инновационная диагностика» в названии публикации и в ключевых словах.

Таблица 1. Результаты сравнения исследования и диагностики

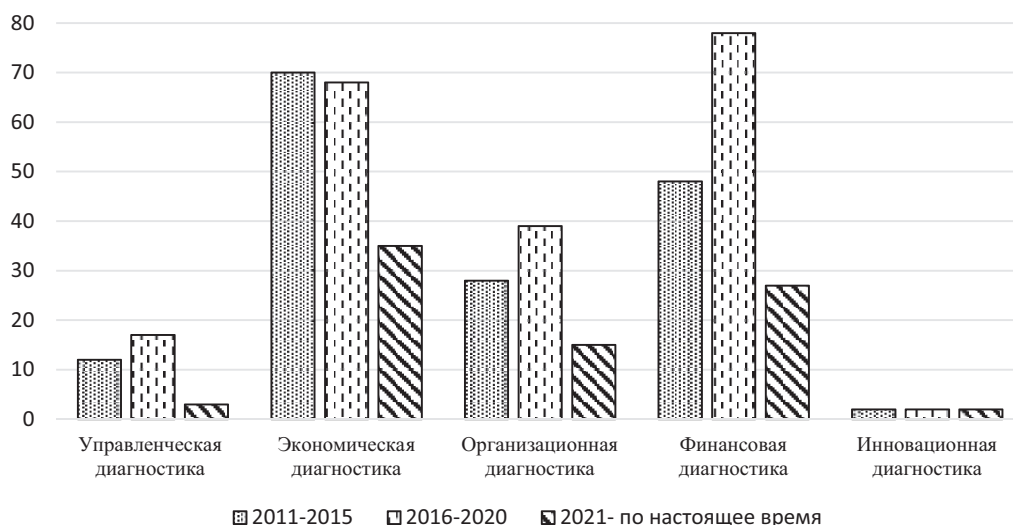
Способ познания – исследование	Способ познания – диагностика
Отдельные элементы системы	Всегда система. Система может быть разного уровня. Если рассматривается подсистема, то ее все равно изучают как систему более низкого уровня
Может иметь как прикладной, так и научный характер. В связи с этим исследование подчиняется логике науки	Имеет всегда прикладной характер и направлена на решение конкретной проблемы на практике
Выявляет общие закономерности	Выявляет особенности объекта
Направлено на выявление и изучение некоторого аспекта реальности	Направлена на познание противоречий и поиск мер по их решению
Доверие только к количественным данным	Доверие к качественным и количественным данным

Источник: составлено авторами по [3]

В последнее время есть еще один вид диагностики, который становится востребованной категорией в исследовательском сообществе. Такой категорией выступает инновационная диагностика.

Действительно, экономика в настоящий момент характеризуется достаточно высоким уровнем неопределенности, сложности и динамичности, это подтверждает актуальность реализации новых идей на современных предприятиях. Поэтому бизнес-среду предприятий однозначно можно назвать инновационной, так как на сегодняшний день процесс создания и внедрения новшеств является одним из главных способов развития бизнеса: повышения его конкурентоспособности, увеличения прибыли и возможности выхода на новые рынки. Инновации стали неотъемлемой частью жизни любой организации, постоянное развитие информационных технологий и науки в целом уже позволило достичь невероятных результатов, например, использование искусственного интеллекта, возможность взаимодействия с различными устройствами при помощи голоса, развитие генеративной и ядерной медицины и т.д. Процесс создания и распространения инноваций не является простым, и требует вложения достаточно большого объема ресурсов, так как, во-первых, вовлечение ресурсов начинается с самой первой стадии, во-вторых, к сожалению, малое число предприятий может позволить осуществить полноценную/масштабную инновационную деятельность, начиная от фундаментальных и прикладных исследований. Кроме того, далеко не всегда результаты нововведений полностью решают поставленные задачи, а иногда и вовсе не соответствуют начальным целям. По статистике, примерно 20% новаторских разработок возможно реализовать, и только 7% действительно эффективны. Это происходит по различным причинам и имеет достаточно много способов и методов решения.

Рис. 2. Результаты библиографического анализа

Одним из таких способов как раз и является инновационная диагностика, которая предусматривает применение диагностического подхода к инновационной деятельности.

Под инновационной диагностикой будем понимать процесс выявления противоречий на протяжении всего цикла создания и социализации инноваций

и использование инструментов разрешения выявленных разрывов с целью реализации задач инновационной деятельности организации.

Инновационные процессы происходят в социально-организационной среде, в рамках которой функционируют промышленные предприятия, школы, исследовательские институты, ассоциации и другие экономические субъекты, то есть те места, где происходит разработка и внедрение новаторских идей. Соответственно, данная среда и является объектом инновационной диагностики, а ее предметом выступает взаимодействие перечисленных субъектов [12]. Инновационная диагностика обладает рядом локальных и комплексных параметров. Локальные параметры, как правило, объясняют сбой, ошибку, разрыв в состоянии диагностируемого объекта, а комплексные параметры указывают на системные недостатки или их совокупность. Также параметры могут зависеть друг от друга в определенных ситуациях [12].

Инновационная диагностика осуществляется в соответствии со следующими принципами: комплексность, системность, ориентация на конечный результат, разумная достаточность, оперативность, согласованность во времени, объективность, точность, действенность [13]. К перечисленным принципам можно добавить принцип динамичности, синергетичности и кросс-функциональности. Именно учет последнего принципа в инновационной деятельности становится все более необходимым и, по мнению экспертов, «тренд на кросс-функциональность в будущем только усилится: задачи, с которыми сталкиваются предприятия, все больше усложняются и становятся полифункциональными» [14].

Инновационная диагностика осуществляется через определенные этапы.

Деление на этапы проведения инновационной диагностики зависят от целей и используемых диагностических методов и инструментов.

Данилов А.Н. предлагает следующий вариант этапов проведения инновационной диагностики. Применение инновационной диагностики следует начинать на этапе новации. Это позволяет реализовать прогностическую функцию и выявить потенциальные риски и возможные проблемы на этапах создания и реализации инновации. Инновационная диагностика на этом этапе имеет преимущественно аналитический и информационный характер и решает задачу собрать всю необходимую прогнозную информацию, которая позволит разработать стратегию инновационного развития или осуществить ее корректировку.

На втором этапе, который условно можно назвать конструктивно преобразующим, объектом диагностики уже выступает созданная инновация. Результат диагностики позволит с учетом принципа ситуативности оперативно корректировать стратегию и планы инновационного развития.

На заключительном этапе перед инновационной диагностикой ставится задача анализа, сравнения, оценки результатов инновационной деятельности, сопоставления их с поставленными целями. Таким образом, данный этап инновационной диагностики характеризуется как сравнительно-оценочный или аналитический, в качестве инструментов рекомендуется использовать как статистические методы, так и методы анализа критических событий [15].

Бежовец А.А. и Абрамов Н.М. считают, что первым этапом инновационной диагностики является диагностика инновационного потенциала, на втором этапе – анализируется инновационная активность, а на последнем этапе происходит оценка результатов инновационной деятельности [16].

Савельев О.Н. рекомендует использовать для диагностики инновационной деятельности общую схему:

- создание и ведение систематизированного списка управляющих воздействий;
- создание и ведение ситуаций с указанием характеристик среды;
- создание и ведение описи диагностических и структурных составляющих/признаков, по которым произведена характеристика внутреннего и внешнего состояния;
- мониторинг диагностических составляющих/признаков, формирование статистических данных и их обработка;
- получение результатов инновационной диагностики и их оценка;
- разработка рекомендаций и мероприятий по итогам результатов инновационной диагностики [17].

Все этапы инновационной диагностики направлены на оценку эффективности новшеств, определение их статуса и выработка рекомендаций по их дальнейшей реализации.

Проведение инновационной диагностики может быть осуществлено по этапам инновационной деятельности. Как известно, инновационный процесс включает следующую цепочку взаимосвязанных стадий, расположенных в нижеприведенной последовательности [18]:

ФИ — ПИ — Р — ПР — ОП — МПП — М — РиС,

где ФИ – фундаментальное исследование; ПИ – прикладное исследование; Р – разработка; ПР – проектирование; ОП – опытное производство; МПП – масштабное промышленное производство; М – маркетинг; РиС – реализация и социализация.

Тогда можно выделить диагностику проведения прикладных исследований, диагностику стадии разработка, диагностику этапа проектирования, диагностику производства опытного образца, диагностику масштабного производства, диагностику маркетинга инновации, диагностику стадии реализации и социализации инновации. Считаем, что диагностику фундаментальных исследований проводить нецелесообразно, поэтому как этап инновационной диагностики он не рассматривается.

На основе выделенных элементов инновационную диагностику можно представить в виде модели:

$$D = U d_{ij}$$

где d_{ij} – виды диагностики по этапам инновационного процесса.

Процесс разработки и внедрения инноваций, который осуществляется в структуре организации, является кросс-функциональным процессом.

Для кросс-функционального процесса характерно¹:

- наличие разнородных функций, которые выполняются в рамках одного процесса;
- сложность разделения на элементарные бизнес-процессы;

..... 1 Адаптировано авторами по [19].

- наличие пересекающихся интересов разных владельцев и пользователей процесса, которые нередко создают барьеры, препятствующие выполнению последнего.

Изучение инновационного процесса как кросс-функционального предполагает выполнение инновационной диагностики в соответствии со следующими этапами:

- диагностика идентификации инновационного процесса как кросс-функционального бизнес-процесса на уровне организации;
- диагностика требований к инновационному процессу как кросс-функциональному процессу, порядку выполнения входящих в его состав работ, используемым ресурсам и результатам;
- диагностика реализации инновационного процесса как кросс-функционального, а также диагностика организационной, производственной и финансовой структур на уровне организации, позволяющих достичь запланированных результатов инновационной деятельности;
- диагностика организационно-управленческих решений и оценка их последствий в ходе организации, координации и контроля инновационного процесса как кросс-функционального, в том числе в разрезе структурных подразделений, продуктов, проектов;
- диагностика эффективности инновационного процесса как кросс-функционального бизнес-процесса в организации.

Следует отметить, и в этом мы согласны с мнением Савельева О.Н. [20], что для инновационной диагностики характерен замкнутый, циклический характер, который проявляется во взаимосвязи всех этапов и заключительный этап очень часто является началом следующего диагностического цикла.

Именно проведение инновационной диагностики с учетом принципа цикличности и кросс-функциональности является предметной областью управленческого консалтинга, который может быть осуществлен в двух формах: внешнего и внутреннего консалтинга. Разумеется, внешнее и внутреннее консультирование имеет свои плюсы и минусы, которые обязательно необходимо учитывать, при выборе вида консультирования для проведения инновационной диагностики.

В любом случае спрос на услуги управленческого консультирования в новом цифровом пространстве постоянно растет, что приводит к активному развитию консалтинговой деятельности, появлению новой модели данного бизнеса и возникновению нового термина – цифровое консультирование (digital-consulting). Цифровая среда постоянно развивается и совершенствуется. Появляются цифровые экосистемы, которые становятся ключевыми элементами современных бизнес-стратегий, обеспечивая организациям конкурентное превосходство [21]. И именно цифровой консультант может помочь бизнесу адаптироваться к изменениям и не только помочь эффективно функционировать в digital-пространстве, но и использовать все его возможности для реализации инновационной деятельности.

В таблице 2 приведены данные десяти консалтинговых организаций за 2022 г., а конкретно их место в рэнкинге, суммарную выручку, темпы роста и число консультантов.

Сравнивая представленные показатели, можно сделать выводы, что современная цифровизация оказывает значительное воздействие на сферу консалтинга. Об этом говорят цифры: суммарная выручка в сфере IT-консалтинга в 2022 г. составила

Таблица 2. Данные по консалтинговым организациям РФ за 2022 г. (фрагмент)

Название	Место в рейтинге 2022 г.	Местоположение центрального офиса	Суммарная выручка от услуг за 2022 г. (млрд руб.)	Суммарная выручка от услуг за 2021 г. (млрд. руб.)	Темпы роста выручки за год (%)	Число специалистов-консультантов
«Б1»	1	Москва	12,98	13,35	-2,80	3608
«Технологии Доверия» (ТеДо)	2	Москва	12,40	11,345	9,30	н.д.
Группа IBS	-	Москва	10,30	н.д.	н.д.	4000
«Кэпт», ГК	3	Москва	10,06	9,89	1,80	3938
«Яков и Партнеры»	-	Москва	5,75	н.д.	н.д.	369
Группа ДРТ	-	Москва	5,45	6,819	-20,10	н.д.
«Центр Корпоративных Решений»	-	Москва	4,98	4,129	20,90	1626
Юникон, группа	6	Москва	3,45	3,94	-12,30	914
«Газпром ЦПС»	-	Санкт-Петербург	3,10	0,94	230,40	133
«Спектрум-Холдинг»	8	Москва	3,00	0,25	21,30	637

Источник: [22]

.25,3 млрд руб., из которых 88,1% связан с консультационными проектами по разработке и системной интеграции [22].

Таким образом, в условиях дальнейшей цифровизации и появления цифровых экосистем будут появляться дополнительные возможности для инновационной деятельности, и использование на практике диагностической деятельности выступает действенным инструментом эффективного управления, а учет результатов инновационной диагностики способствуют принятию качественных управленческих решений. Мы приходим к выводу, что сегодня диагностику инновационного процесса необходимо осуществлять с учетом принципа кросс-функциональности, что будет в итоге способствовать повышению эффективности управления современной организацией.

Библиографический список

1. Ползунова Н.Н. Исследование систем управления (диагностика): учеб. пособие по специальности «Менеджмент орг.» / Н.Н. Ползунова, В.Н. Краев; Н.Н. Ползунова, В.Н. Краев. – М.: Трикста, 2006. – 240 с.
2. Авакян Э.В. Диагностика экономической устойчивости промышленных предприятий: проблемный аспект [Электронный ресурс] / Э.В. Авакян // Научно-информационный журнал: Вопросы экономики и права, – 2013. – № 6. – Режим доступа: <http://law-journal.ru/articles/index/201306> (дата обращения 10.07.2023)

3. Прохоров Ю.А. *Инновационная диагностика: монография* / Ю.А. Прохоров. – М.: РУСАЙНС, 2022. – 156 с.
4. Репкина О.Б. *Экономическая диагностика как элемент системы управления в антикризисном менеджменте* / О.Б. Репкина // *Ученые записки Российской Академии предпринимательства*. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 84–90.
5. Тимошенко, И.Б. *Механизм диагностики потенциала устойчивого развития потребительского рынка* / И.Б. Тимошенко // *Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы: Сборник научных трудов / Под общей редакцией И.Л. Акулича*. – Минск: Издатель А.Н. Вараксин, 2018. – С. 223–227.
6. Протасов В.В. *О сущности понятий «экономическая диагностика» и «экономический анализ»* / В.В. Протасов, А.Г. Кашаев // *Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля*. – 2023. – № 5(71). – С. 217–219.
7. Ефремова, Н. Е. *Экономическая и управленческая диагностика систем управления* / Н. Е. Ефремова // *Вестник Тульского филиала Финуниверситета*. – 2014. – № 1. – С. 206–208.
8. Липатов, С.А. *Организационная диагностика: теоретические и методологические основания* / С.А. Липатов // *Личность. Культура. Общество*. 2005. Том 7. Вып. 3. С. 153–172.
9. Гетман А.А. *Экономическая диагностика: учеб. пособ. [для студ. ВУЗов]* / А.А. Гетман, В.М. Шаповал. – М.: Центр учеб. лит-ры, 2010.– 307 с.
10. Миловидов В.С. *Управленческая диагностика как механизм предотвращения кризисных явлений на предприятии* / В.С. Миловидов, К.С. Табуреткин // *Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета*. – 2016. – № 42. – С. 210–214.
11. *Методы организационной диагностики в управлении персоналом: учебно-методическое пособие для студ. высш. учеб. заведений* / Е.В. Киселева, М.Н. Крутцова, Л.Г. Приятелева, А.М. Рудко, Л.И. Скворцова, С.Г. Старцева ; под ред. Е.В. Киселевой. – Вологда: Вологодский филиал РАНХиГС, 2016. – 422 с.
12. Прохоров, Ю. А. *К определению понятия «Инновационная диагностика»* / Ю.А. Прохоров // *Инновации*. – 2007. – № 1(99). – С. 75-77.
13. Стринковская, А.С. *Экономическая диагностика транспортных предприятий: принципы и методы ее реализации* / А.С. Стринковская, Я.О. Афонасьева // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. – 2017. – № 5(23). – С. 137–142.
14. Иноземцев, М.И. *Модели оценки эффективности программ корпоративного обучения руководителей на основе принципа кросс-функциональности* / М.И. Иноземцев, М.К. Марушина, А.М. Мирзоева // *Высшее образование в России*. – 2020. – Т. 29, № 3. – С. 97–107.
15. *Матрица современной социологии* / А.Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2022. – 183 с.
16. Бежовец А.А. *Экономическая диагностика инновационной организации* / А.А. Бежовец, Н.М.Абрамов // *Дискуссия*. – 2017. – № 2(76). – С. 14–20.
17. Савельев О. Н. *Критерии инновационной диагностики и процедура ее проведения* / О.Н. Савельев // *Социосфера*. – 2013. – № 4. – С. 35–36.
18. *Управление проектами: Учебник* / А.И. Базилевич, В.И. Денисенко, П.Н. Захаров [и др.]. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018. – 349 с.
19. *Финансово-аналитические инструменты устойчивого развития экономических субъектов: учебник / коллектив авторов; под ред. О.В. Ефимовой*. – Москва: КНОРУС, 2019. – 178 с.
20. Савельев О.Н. *Инновационная диагностика в структуре социологического обеспечения инновационных процессов* / О.Н. Савельев // *Социосфера*. – 2013. – № 1. – С. 137–140.
21. Мыльник А.В. *Концептуальные основы развития цифровых экосистем в современной экономике в условиях Четвертой промышленной революции* / А.В. Мыльник, Г.Р. Голов // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2023. – Т. 240, № 2. – С. 392–406.

22. Список крупнейших консалтинговых групп и компаний России (2023 год). Рейтинг RAEX// Режим доступа: https://raex-rr.com/b2b/consulting/biggest_consulting_companies_and_groups/2023/ - (дата обращения 31.07.2023).

References

1. Polzunova, N. N. *Issledovanie sistem upravleniya (diagnostika): ucheb. posobie po special`nosti «Menedzhment org.»* / N. N. Polzunova, V. N. Kraev ; N. N. Polzunova, V. N. Kraev. – Moskva: Triksa, 2006. – 240 s.
2. Avakyan, E. V. *Diagnostika e`konomicheskoy ustojchivosti promy`shlenny`x predpriyatij: problemny`j aspekt [E`lektronny`j resurs]* / E. V. Avakyan // *Nauchno-informacionny`j zhurnal: Voprosy` e`konomiki i prava*, – 2013. – № 6. – *Rezhim dostupa: http://law-journal.ru/articles/index/201306* (data obrashheniya 10.07.2023)
3. Proxorov Yu. A. *Innovacionnaya diagnostika: monografiya* / Yu. A. Proxorov. – M.: RUSAINS, 2022. – 156 s.
4. Repkina, O. B. *E`konomicheskaya diagnostika kak e`lement sistemy` upravleniya v antikrizisnom menedzhmente* / O. B. Repkina // *Ucheny`e zapiski Rossijskoj Akademii predprinimatel`stva*. – 2018. – T. 17, № 3. – S. 84-90.
5. Timoshenko, I. B. *Mexanizm diagnostiki potenciala ustojchivogo razvitiya potrebitel`skogo ry`nka* / I. B. Timoshenko // *Menedzhment i marketing: opy`t i problemy`* : Sbornik nauchny`x trudov / Pod obshej redakciej I. L. Akulich. – Minsk : Izdatel` A. N. Varaksin, 2018. – S. 223-227.
6. Protasov, V. V. *O sushhnosti ponyatij «e`konomicheskaya diagnostika» i «e`konomicheskij analiz»* / V. V. Protasov, A. G. Kashaev // *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya*. – 2023. – № 5(71). – S. 217-219.
7. Efremova, N. E. *E`konomicheskaya i upravlencheskaya diagnostika sistem upravleniya* / N. E. Efremova // *Vestnik Tul`skogo filiala Finuniversiteta*. – 2014. – № 1. – S. 206-208.
8. Lipatov, S. A. *Organizacionnaya diagnostika: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya* / S. A. Lipatov // *Lichnost`. Kul`tura. Obshhestvo*. 2005. Tom 7. Vy`p. 3. S. 153-172.
9. Getman A. A. *E`konomicheskaya diagnostika: ucheb. posob. [dlya stud. VUZov]* / A. A. Getman, V. M. Shapoval. – M.: Centr ucheb. lit-ry`, 2010. – 307 s.
10. Milovidov, V. S. *Upravlencheskaya diagnostika kak mexanizm predotvrashheniya krizisny`x yavlenij na predpriyatii* / V. S. Milovidov, K. S. Taburetkin // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. – 2016. – № 42. – S. 210-214.
11. *Metody` organizacionnoj diagnostiki v upravlenii personalom: uchebno-metodicheskoe posobie dlya stud. vy`ssh. ucheb. zavedenij* / E. V. Kiseleva, M. N. Krutczova, L. G. Priyateleva, A. M. Rudko, L. I. Skvorczoza, S. G. Starceva ; pod red. E. V. Kiselevoj. – Vologda : Vologodskij filial RANXiGS, 2016. – 422 s.
12. Proxorov, Yu. A. *K opredeleniyu ponyatiya “Innovacionnaya diagnostika”* / Yu. A. Proxorov // *Innovacii*. – 2007. – № 1(99). – S. 75-77.
13. Strinkovskaya, A. S. *E`konomicheskaya diagnostika transportny`x predpriyatij: principy` i metody` ee realizacii* / A. S. Strinkovskaya, Ya. O. Afonas`eva // *Innovacionnaya e`konomika: perspektivy` razvitiya i sovershenstvovaniya*. – 2017. – № 5(23). – S. 137-142.
14. Inozemcev, M. I. *Modeli ocenki e`ffektivnosti programm korporativnogo obucheniya rukovoditelej na osnove principa kross-funktional`nosti* / M. I. Inozemcev, M. K. Marushina, A. M. Mirzoeva // *Vy`sshee obrazovanie v Rossii*. – 2020. – T. 29, № 3. – S. 97-107.
15. *Matricza sovremennoj sociologii* / A. N. Danilov [i dr.]; pod obshh. red. A. N. Danilova. – Minsk: BGU, 2022. – 183 s.
16. Bezhovecz, A. A. *E`konomicheskaya diagnostika innovacionnoj organizacii* / A. A. Bezhovecz, N. M. Abramov // *Diskussiya*. – 2017. – № 2(76). – S. 14-20.
17. Savel`ev, O. N. *Kriterii innovacionnoj diagnostiki i procedura ee provedeniya* / O. N. Savel`ev // *Sociosfera*. – 2013. – № 4. – S. 35-36.

18. *Upravlenie proektami: Uchebnik* / A. I. Bazilevich, V. I. Denisenko, P. N. Zaxarov [i dr.]. – Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M», 2018. – 349 s.
19. *Finansovo-analiticheskie instrumenty` ustojchivogo razvitiya e`konomicheskix sub`ektov: uchebnik / kollektiv avtorov ; pod red. O. V. Efimovoj.* – Moskva : KNORUS, 2019. – 178 s.
20. *Savel'ev, O. N. Innovacionnaya diagnostika v strukture sociologicheskogo obespecheniya innovacionny`x processov / O. N. Savel'ev // Sociosfera.* – 2013. – № 1. – S. 137-140.
21. *My`l'nik, A. V. Konceptual'ny`e osnovy` razvitiya cifrovyx e`kosistem v sovremennoj e`konomie v usloviyax Chetvertoj promy`shlennoj revolyucii / A. V. My`l'nik, G. R. Golov // Nauchny`e trudy` Vol'nogo e`konomicheskogo obshhestva Rossii.* – 2023. – T. 240, № 2. – S. 392-406.
22. *Spisok krupnejshix konsaltingovy`x grupp i kompanij Rossii (2023 god). Rejting RAEX// Rezhim dostupa: https://raex-rr.com/b2b/consulting/biggest_consulting_companies_and_groups/2023/ - (data obrashheniya 31.07.2023).*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых», 600000,
г. Владимир, ул. Горького, 87
Vladimir State University, 600000, Gorkogo st. 79, Vladimir, Russia
Ползунова Наталья Николаевна / Natalia N. Polzunova
e-mail: Natalya.polzunowa@yandex.ru
Шевченко Евгения Руслановна/ Eugenia R. Shevchenko
e-mail: shevchenkoevgenia565@gmail.com

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ С ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ КАК ЧАСТЬЮ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА¹

RUSSIA'S TRADE AND ECONOMIC COOPERATION WITH LATIN AMERICA AS PART OF THE GLOBAL SOUTH²

DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-479-491

ЯКОВЛЕВ Петр Павлович

Главный научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, д.э.н., профессор

Petr P. YAKOVLEV

Chief Scientific Researcher, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

Стратегический поворот России в сторону приоритетного развития сотрудничества с дружественными и нейтральными государствами предполагает наращивание взаимодействия как с Мировым большинством в целом, так и с отдельными регионами Глобального Юга, включая Латинскую Америку (Латино-Карибскую Америку – ЛКА). Именно в силу происходящих мировых трансформаций геоэкономического и геополитического свойства отношения между Российской Федерацией и латиноамериканскими странами, а главное – их сердцевина, торгово-экономические связи, вступают в период глубоких изменений, по сути, в этап формирования актуальной повестки, отвечающей современным реалиям, текущим и будущим. Отмеченный тренд ставит перед отечественным экспертным сообществом задачу по-новому взглянуть на потребности и возможности партнеров в объективно заданных рамках экономического взаимодействия, вскрыть имеющиеся резервы и указать пути

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного грант-проекта № 22-28-01298 «Продвижение российской продукции высоких переделов на рынки стран Латинской Америки: возможности и риски постковидного периода».

2 The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, grant project No. 22-28-01298 “Promotion of Russian products of high redistribution to the markets of Latin America: opportunities and risks of the post Covid period”.

наращивания потенциала российско-латиноамериканского сотрудничества. В этом и состоит главная задача настоящей статьи.

Abstract

Russia's strategic turn towards the priority development of cooperation with friendly and neutral states involves both increasing interaction with the World Majority as a whole and with individual regions of the Global South, including Latin America (Latin and Caribbean America - LCA). It is precisely because of the ongoing global geo-economic and geopolitical transformations that relations between the Russian Federation and Latin American countries, and most importantly, their core, trade and economic ties, are entering a period of profound changes, in fact, at the stage of forming an up-to-date agenda that meets modern realities, current and future. This trend sets the task for the domestic expert community to take a fresh look at the needs and capabilities of partners within the objectively defined framework of economic cooperation, to reveal the available reserves and indicate ways to increase the potential of Russian-Latin American cooperation. This is the main purpose of the present article.

Ключевые слова Глобальный Юг, Латинская Америка, Россия, российско-латиноамериканские торгово-экономические отношения.

Keywords Global South, Latin America, Russia, Russian-Latin American Trade and Economic Relations.

В актуальной повестке внешнеэкономической деятельности российского государства и отечественного бизнеса, ориентированной на приоритетное развитие связей с дружественными странами «мирового большинства», торгово-экономические отношения с Латинской Америкой – неотъемлемой частью Глобального Юга – должны занять собственное, четко определенное место.

По существу, речь идет о выработке современного концепта российско-латиноамериканского делового сотрудничества, отвечающего стратегическим целям модернизации хозяйственной системы России и конкретным задачам формирования новой национальной модели экономического роста. Эти цели и задачи были определены и поставлены в практической плоскости в основополагающих документах российского государства и выступлениях Президента РФ, в частности в его программных речах на XXV Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) 17 июня 2022 г. [1] и на XXVI ПМЭФ 16 июня 2023 г. [2].

Другим неперенным условием успешной актуализации концептуального арсенала политики Москвы в латиноамериканском регионе является точная, научно обоснованная оценка торгово-экономических потребностей и возможностей стран Латинской Америки в контексте происходящих мирохозяйственных трансформаций и под углом зрения среднесрочных и долговременных российских интересов.

На взгляд автора, только такой комплексный подход позволяет с достаточной полнотой и необходимой степенью реализма использовать имеющиеся у наших государств конкурентные преимущества и шире раскрыть потенциал российско-латиноамериканского взаимодействия в хозяйственной области на этапе глобальных перемен.

Россия и Латинская Америка в меняющемся мире

Из всех составных частей Глобального Юга (или Мирового большинства) у России объективно больше всего общего именно с Латинской Америкой. Этот регион – наиболее цивилизационно близкий и понятный нам в культурном отношении, народы которого в подавляющем большинстве – христиане и говорят на сравнительно знакомых иностранных языках. Добавим, что в ряде латиноамериканских стран живет немало наших соотечественников – потомков нескольких волн эмиграции. Не случайно в первые десятилетия XXI в. отношения РФ с рядом стран ЛКА (Аргентина, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Куба, Никарагуа, Эквадор) приобрели статус стратегического партнерства [3]. Все сказанное в потенциале облегчает налаживание деловых связей.

Более того, в известном смысле на нынешнем этапе мирового развития мы оказались «в одной геоэкономической лодке», что сближает нас с латиноамериканским регионом и образует так называемые узлы социально-экономического напряжения и в России, и в Латинской Америке.

Главное – латиноамериканские государства в своем большинстве вступили в третье десятилетие XXI в., демонстрируя вялую макроэкономическую динамику и обремененные грузом нерешенных хозяйственных и социальных проблем, что во многом напомнило ситуацию в нашей стране. Это весьма печальный факт, но именно Российская Федерация и Латинская Америка в течение длительного времени (особенно в период 2015–2022 гг.) характеризовались самыми низкими в мировой экономике показателями прироста ВВП (см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика прироста ВВП (изменение в %)

Регион, страна	2005–2014	2015–2017	2018	2019	2020	2021	2022
Мир в целом	3,9	3,2	3,6	2,8	-2,8	6,3	3,4
Развитые страны	1,5	2,2	2,3	1,7	-4,2	5,4	2,7
Развивающиеся страны	6,1	4,5	4,7	3,6	-1,8	6,9	4,0
В том числе:							
Азия	8,3	6,7	6,4	5,2	-0,5	7,5	4,4
Африка к югу от Сахары	5,5	2,5	3,2	3,3	-1,7	4,8	3,9
Ближний Восток	4,5	3,2	2,8	1,6	-2,7	4,6	5,3
Латинская Америка	3,5	0,4	1,2	0,2	-6,8	7,0	4,0
Европа	3,7	2,3	3,6	2,5	-1,6	7,3	0,8
Российская Федерация	3,6	0,0	2,8	2,2	-2,7	5,6	-2,1

Источник: IMF. 2023. World Economic Outlook: A Rocky Recovery. Washington, DC: International Monetary Fund, Publication Services, April 2023. P. 142, 146. (2005–2014 и 2015–2017 гг. – среднегодовые показатели)

Такое положение дел поставило перед РФ и ЛКА аналогичную кардинальную макроэкономическую задачу – решительно ускорить темпы хозяйственного роста.

Можно отметить и некоторые другие существенные черты, характерные для России и стран Латинской Америки. В их числе:

- Средний (по мировым меркам) уровень экономического развития, продуцирующий ряд специфических проблем, тормозящих хозяйственный рост, в частности известная «ловушка среднего дохода».
- Высокая (порой чрезмерно) роль государства в экономике, избыток бюрократических препон для бизнеса. Не до конца выполненная задача формирования отлаженного частно-государственного партнерства.
- Сравнительно низкая производительность труда. Россия по этому показателю находится между Чили и Мексикой и отстает от большинства развитых стран в два-три раза. С этим связаны и слабые позиции латиноамериканских государств в рейтинге мировой конкурентоспособности. В 2022 г. Чили (региональный лидер) по данному показателю находилась на 46-м месте, Перу – на 54-м, Мексика – на 55-м, Колумбия – на 57-м и Бразилия – на 59-м месте [4].
- Преимущественно сырьевая структура экспорта: углеводородные энергоносители, продукция горнодобывающей отрасли (железная руда, медь, уголь и т.д.), сельскохозяйственные товары, продовольствие.
- Значительная доля «неформального (теневого) сектора» в экономике. В России в нем занято свыше 13 млн человек, в странах Латинской Америки, по данным Всемирной организации труда, этот показатель варьируется от 20 до 50% работающего населения [5].
- Глубокое социальное неравенство, фактическое исключение крупных сегментов населения из системы интенсивных рыночных отношений, что, в числе прочего, сокращает внутренний потребительский спрос и ограничивает наращивание национального промышленного производства.

В силу этих и некоторых других негативных факторов РФ и ЛКА занимают в мировой экономике и торговле не самые передовые и выгодные позиции и объективно заинтересованы в изменении мирохозяйственной системы в свою пользу.

Сказанное выше, разумеется, не отменяет того факта, что и в России, и в ведущих странах Латинской Америки на ряде направлений происходит накопление экономического позитива, создаются точки индустриального роста и потенциального сотрудничества, в том числе в новых технологичных отраслях, где формируется базис взаимовыгодных обменов. В частности, как отмечено в исследованиях Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), в ЛКА сквозным направлением, определяющим главный вектор развития, стала цифровая трансформация практически всех ключевых отраслей хозяйства: промышленности, энергетики, горной добычи, аграрного сектора, а также сферы услуг, включая финансы. По мнению экспертов ЭКЛАК, закрепление этого тренда станет мощным трансформирующим фактором экономической системы региона и является неперемным условием ее устойчивости [6].

Принципиально важно и другое. Россия и Латинская Америка, совместно обеспечивая менее 10% мирового ВВП, обладают огромным совокупным ресурсным потенциалом, критически необходимым для нормального функционирования глобальной экономики и успешного развития начавшихся мирохозяйственных трансформационных процессов: зеленый энергопереход, электрификация автомобиль-

ного транспорта, вовлечение в производственный оборот ранее беспрецедентных по объемам природных ресурсов.

В частности, в нынешних условиях зримо возрастает роль энергоносителей (особенно альтернативных) и ряда сырьевых товаров, в том числе необходимых для функционирования новых высокотехнологичных производств. Пример: медь и литий, главные производители которых – латиноамериканские государства: Чили, Перу, Аргентина, в обозримом будущем – Боливия. По имеющимся оценкам, потребность мировой экономики в литии вырастет с 451 тыс. т в 2022 г. до 3 млн т в 2035 г., что рассматривается в странах «литиевого треугольника» (Аргентина, Боливия, Чили) в качестве уникального шанса существенно нарастить национальный экспорт [7]. По сути, в ЛКА формируется мировой хаб добычи и переработки лития, что явится ключевым условием наращивания выпуска электромобилей и реализации планов зеленого энергоперехода. Перефразируя классика, можно сказать, что от ресурсов Латинской Америки в решающей мере зависит «электрификация всей Земли».

Вместе с тем следует подчеркнуть, что для большинства латиноамериканских стран не характерна слепая ставка на альтернативные источники энергии. Политические и бизнес-круги региона отличает стремление к расширению и диверсификации энергетической матрицы, что подразумевает развитие как возобновляемых, так и ископаемых углеводородных энергоносителей [8]. Это близкая нам позиция.

Стратегическое значение, как отчетливо показали события последнего времени, имеет обеспечение глобальной продовольственной безопасности. В числе ее главных гарантов – Россия и Латинская Америка. В 2021 г. Россия, Бразилия, Аргентина и Мексика экспортировали продовольственных товаров на 231 млрд долл. Только РФ до введения санкций вывозила продовольствие в 160 стран мира, примерно такое же количество импортеров имеется у Бразилии [9].

Критическим в обозримой перспективе станет обеспечение человечества пресной водой. И здесь решающее слово будет за Россией и рядом латиноамериканских государств – Бразилией, Колумбией, Перу, Венесуэлой, Чили, Аргентиной и Боливией. Только на эти восемь стран приходится около 60% мировых запасов пресной воды [10].

Широкие перспективы открываются в деле освоения ресурсов мирового океана, включая глубоководную добычу нефти, газа и других полезных ископаемых. И в этом случае Россия, Бразилия, Мексика накопили большой опыт и располагают необходимыми компетенциями и техническими возможностями. Примерами могут служить гигантское нефтегазовое месторождение Zama в Мексиканском заливе (его освоение потребует от 4 до 5 млрд долл. инвестиций) и сверхглубокие под-солевые залежи углеводородов на бразильском шельфе. Благодаря их разработке к 2040 г. Бразилия будет обеспечивать около 50% мировой шельфовой добычи нефти (5,2 млн баррелей в сутки) [11].

В повестке дня – широкомасштабная глубоководная добыча других полезных ископаемых, востребованных развертыванием четвертой промышленной революции. В том числе: никеля, марганца, кобальта и чрезвычайно ценных редкоземельных металлов. Одним из наиболее перспективных районов является Clarion-Clipperton Zone, находящийся в Тихом океане между побережьем Мексики и Гавайскими островами и представляющий собой огромный участок морского дна, созданный движением тектонических плит. По данным британского журнала The Economist, эксплуатация в Clarion-Clipperton Zone залежей никеля и других металлов может

уже в скором времени решить проблему ощущающейся сейчас нехватки этих стратегических материалов [12].

Наконец, видимо не за горами хозяйственная эксплуатация практически неисчерпаемого ресурсного потенциала малоосвоенных районов нашей планеты, то есть Арктики и Антарктики, территориально примыкающих к России и Южной Америке.

Освоение и использование названных и некоторых других ресурсов во многом определяют формирующуюся конфигурацию нового мирохозяйственного порядка, становятся драйверами глобального роста. Россия и Латинская Америка, в большой мере обладающие указанными ресурсами и необходимыми компетенциями, не должны упустить свой шанс сломать парадигму замедленного социально-экономического развития.

Параметры и динамика торговых связей

В первых десятилетиях XXI в. отношения РФ с государствами ЛКА прочно вошли в повестку международной политики Москвы и стали развиваться по всем основным направлениям межгосударственного сотрудничества, что в латиноамериканском регионе и за его пределами было воспринято как убедительное доказательство обретения российским государством глобальной политико-дипломатической и торгово-экономической суверенности и значимости [13].

Свидетельством прогресса в российско-латиноамериканских отношениях явился динамичный рост взаимной торговли, объем которой вырос с 6,6 млрд долл. в 2003 г. до 17,3 млрд долл. в 2021 г., то есть в 2,6 раза³. В эти же годы сформировалась и укрепилась товарная структура экспорта и импорта, в целом отражавшая роль России и Латинской Америки в международном разделении труда. Основными товарами российского вывоза в ЛКА стали сельскохозяйственные удобрения, черные металлы и минеральное топливо (нефть и нефтепродукты), на долю которых в 2021 г. пришлось 78,8% совокупного экспорта в регион. В свою очередь, в российском импорте из Латинской Америки центральную роль играли фрукты, масличные культуры, рыба и морепродукты, а также мясо и мясные субпродукты. Эти четыре товарные группы обеспечили в 2021 г. 54,5% всех отечественных закупок в странах ЛКА. Таким образом, и российский экспорт в Латинскую Америку, и импорт из региона были слабо диверсифицированы, а их структура определялась сравнительно ограниченным количеством сырьевых и продовольственных товаров (см. табл. 2).

Слабая диверсификация российско-латиноамериканского товарообмена определила его нестабильный характер, критически зависящий от конъюнктуры мировых рынков сырья и продовольствия. Самые резкие перепады объемов торговли между РФ и ЛКА были зафиксированы в 2015–2021 гг. в результате предельной волатильности мировых котировок ключевых товаров российского и латиноамериканского экспорта (углеводородные энергоносители, сельскохозяйственное сырье и продовольствие), а также негативных для трансграничных товарообменов последствий пандемии COVID-19. В итоге объем российско-латиноамериканской торговли

3 В связи с тем, что внешнеторговая статистика РФ с 2022 г. «закрывается», автор использует «зеркальные» данные латиноамериканских стран, приводимые International Trade Center (ITC). Эти показатели несколько отличаются от существующих российских оценок, но существенным образом не меняют общей картины.

Таблица 2. Торговля России с Латинской Америкой (млн долл.)

Код ТН ВЭД	Экспорт	2003 г.	Доля в %	2021 г.	Доля в %
	Всего	4183	100,0	12303	100,0
В том числе:					
31	Удобрения	791	18,9	5582	45,4
72	Черные металлы	178	4,3	2209	18,0
27	Минеральное топливо	2858	68,3	1889	15,4
76	Алюминий и изделия из него	-	-	496	4,0
30	Фармацевтические товары	-	-	343	2,8
75	Никель и изделия из него	78	1,9	-	-
87	Автомобили и запчасти к ним	51	1,2	-	-
Топ-5 экспортных товаров		3956	94,6	10519	85,5
	Импорт	2003 г.	Доля в %	2021 г.	Доля в %
	Всего	2419	100,0	5139	100,0
В том числе:					
08	Фрукты и орехи	-	-	1083	21,1
12	Масличные семена и плоды	-	-	608	11,8
03	Рыба и ракообразные	-	-	570	11,1
02	Мясо и мясные субпродукты	640	26,5	537	10,5
87	Автомобили и запчасти к ним	-	-	359	7,0
17	Сахар и изделия из него	919	38,0	-	-
08	Молочные продукты	367	15,2	-	-
15	Жиры и масла	74	3,1	-	-
24	Табак и изделия из него	68	2,8	-	-
Топ-5 импортных товаров		2068	85,5	3157	61,4

Источник: ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Russian Federation and Latin America and the Caribbean. – https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

в пандемийном 2020 г. был на 16,5% ниже аналогичного показателя 2015 г. (соответственно, 10,6 и 12,7 млрд долл.) [14].

Однако уже в 2021 г. товарооборот между РФ и ЛКА резко возрос и составил 17,4 млрд долл., вплотную приблизившись к историческому максимуму, достиг-

нугому в 2014 г. – 17,6 млрд долл. Причём, по сравнению с серединой 2010-х гг., в товарной номенклатуре взаимной торговли имели место некоторые подвижки. В экспорте РФ заметно увеличилась доля сельскохозяйственных удобрений и черных металлов, но при этом несколько снизился удельный вес жидких углеводородов, хотя в абсолютных ценовых значениях поставки в ЛКА минерального топлива ощутимо выросли (в 2021 г. на 32,4% по сравнению с 2015 г.). Помимо этого, первый раз в истории российско-латиноамериканских торговых отношений отечественные предприятия в 2021 г. в относительно крупных объёмах (на 343 млн долл.) поставили в Латинскую Америку продукцию фармацевтической отрасли.

Определённые изменения произошли и в товарной структуре поставок компаний стран латиноамериканского региона на рынок РФ. Например, привлекает внимание радикальное снижение экспорта в Россию мяса и мясопродуктов (в 2015–2021 гг. падение в 3,6 раза) и более чем трехкратный рост поставок автомобилей и автокомпонентов (за тот же период – с 105 до 359 млн долл.). При этом объёмы экспорта в Россию других традиционных товаров стран ЛКА (фрукты, масличные культуры, рыбная продукция) фактически остались на прежнем уровне.

Отрицательным моментом в торговле с РФ с ЛКА явилась своего рода смена трендов: если в 2003–2014 гг. происходила хотя и ограниченная, но диверсификация российского экспорта в Латинскую Америку (доля топ-5 товаров снизилась с 94,6 до 80,1%), то в 2015–2021 гг. наблюдался обратный процесс: доля топ-5 экспортных товаров выросла с 71,8 до 85,5% (см. табл. 2).

Стоит отметить и тот неблагоприятный факт, что в списке основных товаров отечественного экспорта в страны ЛКА не фигурирует промышленная продукция верхних переделов. Как показали специальные исследования, это положение было вызвано двумя обстоятельствами: сравнительно низкой активностью в регионе российских технологических компаний и все более сильной конкуренцией со стороны традиционных и новых зарубежных игроков, в которую, наряду с корпорациями США, Канады и Западной Европы, активно включились бизнес-структуры азиатских государств: Китая, Индии, Турции, Южной Кореи, Японии, напористо продвигающие в регион свои промышленные товары [15].

Как было показано в работах А.В. Кузнецова, слабым местом экономических отношений РФ с ЛКА был и остается совершенно недостаточный уровень взаимных прямых капиталовложений, что явилось одним из главных препятствий на пути расширения российско-латиноамериканского производственного взаимодействия, практической реализации целей и задач заявленного стратегического партнерства с рядом государств региона [16].

Отрицательные эффекты этого и некоторых других факторов привели к сужению коридора хозяйственного взаимодействия России с Латинской Америкой, когда почти единственным синтетическим индикатором динамики делового сотрудничества российских и латиноамериканских предпринимательских структур стала динамика взаимного товарооборота. С этим экономическим багажом РФ и ЛКА подошли к старту глобальных геополитических и геоэкономических трансформаций, ставших жестким стресс-тестом прочности российско-латиноамериканского сотрудничества.

Российско-латиноамериканские отношения на переломе трендов

В условиях экзистенциального конфликта с коллективным Западом Россия столкнулась с действиями США, Евросоюза и их союзников с целью ущемить интересы российского бизнеса и подорвать его позиции в Латинской Америке. Как показывают конкретные кейсы, этот курс, проложенный в русле общей политики антироссийских санкций, подразумевает и прямые «силовые» методы вытеснения отечественных компаний с наиболее перспективных латиноамериканских рынков. Один из примеров – отказ канадской корпорации Alpha Lithium от договоренности с одной из структур «Росатома» о совместном освоении литиевого месторождения в Аргентине [17]. Не будет преувеличением утверждать, что и в странах ЛКА нам еще придется столкнуться с похожими попытками конкурентов «отменить» российский бизнес.

Удар по российско-латиноамериканской торговле был нанесен отказом крупнейших морских перевозчиков (швейцарско-итальянской MSC, датской Maersk, немецкой Hapag-Lloyd и др.) обслуживать грузы из России и для нее. Это вызвало недовольство наших латиноамериканских партнеров, многие из которых не смирились с перспективой прекращения коммерческих операций с РФ и стали искать альтернативные коридоры перевозки товаров. Этому активно содействовали судходные компании Китая, ОАЭ, Южной Кореи и некоторых других стран, заинтересованные в расширении своего присутствия на мировом рынке транспортных услуг. В результате, как отмечал на XXVI ПМЭФ В.В. Путин, «развитие транспортных коридоров, логистических возможностей России позволяет нашему бизнесу укреплять внешнеторговые, кооперационные связи, прежде всего со странами ЕВРАЗЭС, Азии, Ближнего Востока и Африки, Латинской Америки» [18].

Благодаря скоординированным усилиям государственных органов, отечественного бизнеса и партнеров в ЛКА, в 2022 г. российско-латиноамериканская торговля в целом выдержала испытание санкциями: ее объем в денежном выражении практически не уменьшился по сравнению с 2021 г. (17,4 и 17,3 млрд долл.), а по ряду позиций даже заметно вырос. Например, поставки российских удобрений увеличились с 5,6 до 7,8 млрд долл., или на 39%, практически удвоился экспорт в РФ масличных культур (на долю региона пришлось 59% отечественного импорта), страны ЛКА обеспечили более 22% отечественного импорта фруктов, почти 27% – кофе и молочных продуктов, 42% – рыбы и морепродуктов, 51% – сахара и 96% – мяса [19].

Что касается странового измерения российско-латиноамериканской торговли, то в 2022 г. товарооборот РФ вырос с Бразилией, Боливией, Гватемалой, Парагваем, Коста-Рикой и на сравнительно высоком уровне сохранился с Мексикой. Причем объем российско-бразильской торговли вплотную приблизился к рекордной отметке в 10 млрд долл. и составил 57% всего товарооборота с ЛКА (см. табл. 3).

Вполне успешно для отечественных трейдеров нефтепродуктов стартовал 2023 г., отмеченный взрывным ростом экспорта в Латинскую Америку, прежде всего в Бразилию. дизельного топлива. Если за весь 2022 г. поставки этого продукта на бразильский рынок немногим превысили 74 тыс. т, то только в январе – марте 2023 г. данный показатель увеличился в 9 раз – до 663 тыс. т [20].

Однако решающее значение для России в свете начавшихся глобальных геэкономических трансформаций и внутренних хозяйственных перемен приобретает продвижение в страны латиноамериканского региона национальных технологий и промышленной продукции верхних переделов.

Таблица 3. Топ-10 торговых партнеров России в Латинской Америке (млн долл.)

Регион, страна	2021 г.			2022 г.		
	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот
ЛКА	12 303	5 139	17 442	12 524	4 780	17 304
В том числе:						
Бразилия	5699	1587	7286	7852	1974	9826
Мексика	2206	475	2681	2215	107	2322
Эквадор	575	1000	1575	357	1041	1398
Аргентина	651	680	1331	249	498	747
Колумбия	537	140	677	452	112	564
Чили	623	216	839	443	91	534
Перу	192	642	834	96	405	501
Парагвай	62	153	215	73	356	429
Гватемала	239	19	258	279	7	286
Уругвай	100	115	215	119	74	193
Всего 10 стран	10 884	5027	15 911	12 135	4665	16 800
Доля в %	88,5	97,8	91,2	96,9	97,6	97,1

Источник: ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Russian Federation and Latin America and the Caribbean. – https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

В данном контексте одной из ключевых сфер сотрудничества, где у российских предприятий имеются весомые конкурентные преимущества, является атомная отрасль. Подтверждением этому стало подписание «Росатомом» в декабре 2022 г. контракта на поставку обогащенной урановой продукции для бразильской АЭС «Angra dos Reis» на период 2023–2027 годов. В соответствии с условиями соглашения российская корпорация будет обеспечивать 100% потребностей бразильской станции [21].

К освоению емкого латиноамериканского рынка приступил флагман отечественной отрасли Информационных технологий «Яндекс». Его компания Yango запустила в регионе два вида бизнеса: сервис доставки в Перу, Мексике и Чили, а также услуги такси в Боливии, Перу и Гватемале. Характерна стратегия входа «Яндекс» на бизнес-пространство ЛКА. Компания начала с небольшого рынка (боливийского) и, достигнув успеха, организовала сервис в Лиме – одном из крупнейших городов Южной Америки. Там прошли обкатку методы ведения бизнеса и были внесены необходимые коррективы. Теперь Yango готова распространить свою деятельность на Колумбию, Аргентину, Мексику [22].

Список таких примеров можно продолжить. Но важнее подчеркнуть следующее: в Латинской Америке есть место для российских предприятий, но в нынешних условиях отечественному бизнесу необходимо содержательно обогатить палитру сотрудничества.

В последние два десятилетия, несмотря на имевшие место проблемы и сложности, Россия и Латинская Америка накопили значительный «строительный материал» для перевода российско-латиноамериканских торгово-экономических отношений на уровень, отвечающий требованиям сегодняшнего дня. Это – заинтересованность сторон в растущей мере участвовать в формировании более благоприятного для них климата в глобальной экономике и добиваться перераспределения мирохозяйственных потенциалов в свою пользу; практика взаимодействия на таких международных платформах, как БРИКС и Группа 20; сравнительно прочная ткань двусторонних политико-дипломатических связей; немалый опыт взаимной торговли; позитивные примеры партнерства в сфере высоких технологий. В настоящее время необходим сквозной, объединяющий различные составные части в целостную и сбалансированную систему алгоритм российско-латиноамериканского экономического сотрудничества. При этом нужно в режиме реального времени подбирать технологические и управленческие ключи к продвижению на рынок стран региона передовых и остро востребованных товаров и услуг, что позволит выстроить все элементы делового взаимодействия России и Латинской Америки на качественно более высоком производственном и сервисном уровне.

Библиографический список

1. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2022 года. <http://kremlin.ru/events/president/news/68669>
2. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 16 июня 2023 года. <http://kremlin.ru/events/president/news/71445>
3. Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: параметры стратегического партнерства // Латинская Америка, 2016, № 1. С. 5–14.
4. IMD World Competitiveness Ranking 2022 – An overview. <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/>
5. Economía informal en América Latina y el Caribe. <https://www.ilo.org/americas/temas/economia-informal/lang-es/index.htm>
6. CEPAL. Un camino digital para el desarrollo sostenible de América Latina y el Caribe. Santiago: Naciones Unidas, 2022.
7. CEPAL. Extracción e industrialización del litio. Oportunidades y desafíos para América Latina y el Caribe. Santiago: Naciones Unidas, 2023.
8. A big push for sustainability in Brazil's energy sector. Input and evidence for policy coordination. Santiago: ECLAC, 2020.
9. Top-20 мировых экспортеров продовольствия. <https://agrotrend.ru/news/27772-poyavilsya-reyting-stran-eksporterov-prodovolstviya/>
10. Fresh water by Country 2023. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/fresh-water-by-country>
11. Energy Resource Guide. Brazil – Oil & Gas. <https://www.trade.gov/energy-resource-guide-brazil-oil-and-gas>

12. *Deep-sea mining may soon ease the world's battery-metal shortage*. 2.07.2023. <https://www.economist.com/science-and-technology/2023/07/02/deep-sea-mining-may-soon-ease-the-worlds-battery-metal-shortage>
13. Яковлев П.П. Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений // Латинская Америка, 2015, № 7. С. 4–18.
14. Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: константы и переменные торгово-экономических отношений // Контуры глобальных трансформаций, 2021, т. 14, № 3. С. 209–226.
15. Латинская Америка в системе международных экономических отношений (отв. ред. Л.Н. Симонова). М.: ИЛА РАН, 2020. С. 362–389.
16. Кузнецов А.В. Прямые инвестиции из России в страны Латинской Америки // Актуальные проблемы Европы, 2022, № 3. С. 254–269.
17. *Alpha Lithium Cancels Tolillar Agreement*. 20.05.2022. <https://investmentnews.com/alpha-lithium-concels-tolillar-agreement/>
18. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 16 июня 2023 года. <http://kremlin.ru/events/president/news/71445>
19. ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Latin America and Caribbean and Russian Federation. <https://trademap.org/Index.aspx>
20. *Russia boosts diesel exports to Latin America since EU embargo*. 10.04.2023. <https://www.reuters.com/business/energy/russia-boosts-diesel-exports-latin-america-since-eu-embargo-2023-04-10/>
21. Росатом поставит урановую продукцию в Латинскую Америку. 06.12.2022. [Rosatom postavit uranovuyu produktsiyu v Latinskuyu Ameriku. 06.12.2022]. <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-postavit-uranovuyu-produktsiyu-v-latinskuyu-ameriku/>
22. *Yango, la app de movilidad rusa que apunta a lograr un tiempo de espera de un minuto en Latinoamérica*. 27.04.2023. <https://www.americaeconomia.com/negocios-e-industrias/yango-la-app-de-movilidad-rusa-que-apunta-lograr-un-tiempo-de-espera-de-un>

References

1. Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. 17 iyunya 2022 goda. <http://kremlin.ru/events/president/news/68669>
2. Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. 16 iyunya 2023 goda. <http://kremlin.ru/events/president/news/71445>
3. Yakovlev P.P. Rossiya i Latinskaya Amerika: parametry strategicheskogo partnerstva // Latinskaya Amerika, 2016, № 1. S. 5–14.
4. IMD World Competitiveness Ranking 2022 – An overview. <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/>
5. *Economía informal en América Latina y el Caribe*. <https://www.ilo.org/americas/temas/economia-informal/lang-es/index.htm>
6. CEPAL. *Un camino digital para el desarrollo sostenible de América Latina y el Caribe*. Santiago: Naciones Unidas, 2022.
7. CEPAL. *Extracción e industrialización del litio. Oportunidades y desafíos para América Latina y el Caribe*. Santiago: Naciones Unidas, 2023.
8. *A big push for sustainability in Brazil's energy sector. Input and evidence for policy coordination*. Santiago: ECLAC, 2020.
9. Top-20 mirovykh eksporterov prodovol'stviya. <https://agrotrend.ru/news/27772-poyavilsya-reyting-stran-eksporterov-prodovol'stviya/>
10. *Fresh water by Country 2023*. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/fresh-water-by-country>

11. *Energy Resource Guide. Brazil – Oil & Gas.* <https://www.trade.gov/energy-resource-guide-brazil-oil-and-gas>
12. *Deep-sea mining may soon ease the world's battery-metal shortage.* 02.07.2023. <https://www.economist.com/science-and-technology/2023/07/02/deep-sea-mining-may-soon-ease-the-worlds-battery-metal-shortage>
13. Yakovlev P.P. *Latinskaya Amerika na perelome trendov. Opyt osmysleniya novykh yavlenii* // *Latinskaya Amerika*, 2015, № 7. S. 4–18.
14. Yakovlev P.P. *Rossiya i Latinskaya Amerika: konstanty i peremennye torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii* // *Kontury global'nykh transformatsii*, 2021, t. 14, № 3. S. 209–226.
15. *Latinskaya Amerika v sisteme mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenii* (otv. red. L.N. Simonova). M.: ILA RAN, 2020. S. 362–389.
16. Kuznetsov A.V. *Pryamye investitsii iz Rossii v strany Latinskoi Ameriki* // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2022, № 3. S. 254–269.
17. *Alpha Lithium Cancels Tolillar Agreement.* 20.05.2022. <https://investmentnews.com/alpha-lithium-cancels-tolillar-agreement/>
18. *Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma.* 16 iyunya 2023 goda. <http://kremlin.ru/events/president/news/71445>
19. ITC. *Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Latin America and Caribbean and Russian Federation.* <https://trademap.org/Index.aspx>
20. *Russia boosts diesel exports to Latin America since EU embargo.* 10.04.2023. <https://www.reuters.com/business/energy/russia-boosts-diesel-exports-latin-america-since-eu-embargo-2023-04-10/>
21. *Rosatom postavit uranovuyu produktsiyu v Latinskuyu Ameriku.* 06.12.2022. <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-postavit-uranovuyu-produktsiyu-v-latinskuyu-ameriku/>
22. *Yango, la app de movilidad rusa que apunta a lograr un tiempo de espera de un minuto en Latinoamérica.* 27.04.2023. <https://www.americaeconomia.com/negocios-e-industrias/yango-la-app-de-movilidad-rusa-que-apunta-lograr-un-tiempo-de-espera-de-un>

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук». 117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21
Institute of Scientific Information for the Social Sciences, Russian Academy of Sciences
51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russia
Яковлев Петр Павлович / Petr P. Yakovlev
petrp.yakovlev@yandex.ru

**Научные труды
Вольного
экономического
общества России**

Информация
об издании

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич

Президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

АГАНБЕГЯН Абел Гезевич

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГЕОРГИЕВ Румен Младенов

Профессор Софийского государственного университета св. Климента Охридского, ассоциированный член Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич

Вице-президент ВЭО России, Вице-президент Международного Союза экономистов, член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВНИН Михаил Юрьевич

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ГОРШКОВ Михаил Константинович

Член Президиума ВЭО России, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д.ф.н. (г. Москва, Россия)

ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович

Действительный член Сената ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института Европы Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.п.н. (Москва, Россия)

ГЭЛБРЕЙТ Джеймс К.

Член Международного комитета ВЭО России, ассоциированный член Международного Союза экономистов, иностранный член Российской академии наук, профессор Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

ГУТЕНЕВ Владимир Владимирович

Председатель Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле, Первый вице-президент Союза машиностроителей России, д.т.н. (г. Москва, Россия)

ДЫНКИН Александр Александрович

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КАЛАШНИКОВ Сергей Вячеславович

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, председатель Президиума Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КРЮКОВ Валерий Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, главный редактор Всероссийского экономического журнала «ЭКО», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Новосибирск, Россия)

КУЗЫК Борис Николаевич

Научный руководитель Института экономических стратегий Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КУЛЕШОВ Валерий Владимирович

Научный руководитель Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, заместитель Председателя Сибирского отделения Российской академии наук, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Новосибирск, Россия)

ЛЕМЕЩЕНКО Пётр Сергеевич

Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель председателя комиссии по технологическому развитию Союзного государства, заведующий кафедрой международной политэкономии Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович

Заведующий Центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

МАКАРОВ Валерий Леонидович

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, профессор математической экономики, д.ф.-м.н. (г. Москва, Россия)

МУРЫЧЕВ Александр Васильевич

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, д.э.н. (г. Москва, Россия)

НОЛАН Питер

Член Международного комитета ВЭО России, ассоциированный член Международного Союза экономистов, директор Центра развития Кембриджского университета, профессор (Великобритания)

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

Член Президиума ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н, профессор (г. Москва, Россия)

РЯБУХИН Сергей Николаевич

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

САМЕДЗАДЕ Зияд Алиаббас оглы

Президент Союза экономистов Азербайджана, Действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, ассоциированный член Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

СИЛИН Яков Петрович

Вице-президент ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

ШИРОВ Александр Александрович

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЭСКИНДАРОВ Михаил Абдурахманович

Вице-президент ВЭО России, президент, научный руководитель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН Юрий Васильевич

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, председатель Совета директоров, научный руководитель АО Издательский дом «Экономическая газета», генеральный директор АО ИД «Экономика и жизнь», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

АНТИПИНА Ольга Николаевна

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ученый секретарь Ученого совета экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

БАРСУКОВ Игорь Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, заместитель директора Центра Национальной технологической олимпиады НИУ ВШЭ, к.э.н. (г. Москва, Россия)

БОБИНА Анна Вячеславовна

Член Правления ВЭО России, заместитель директора – руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)

БОДРУНОВА Светлана Сергеевна

Член Правления ВЭО России, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, д.полит.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

БУЗГАЛИН Александр Владимирович

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, визит-профессор Кембриджского, Пекинского и Хайнаньского педагогического университетов, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ВЕРЕНИКИН Алексей Олегович

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ВОЕЙКОВ Михаил Илларионович

Член Правления ВЭО России, заведующий сектором политической экономии Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВ Роман Сергеевич

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОРОДЕЦКИЙ Андрей Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЗАРАСОВ Руслан Солтанович

Член Президиума ВЭО России, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЁВ Александр Анатольевич

Вице-президент ВЭО России, руководитель Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

КОЛГАНОВ Андрей Иванович

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, заведующий Лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г.н.с. Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

МАНЮШИС Альгирдас Юозович

Член Правления ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, ректор Московского международного университета, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

МИРКИН Яков Моисеевич

Заведующий отделом международных рынков капитала ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПЛОТНИКОВ Владимир Александрович

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, профессор кафедры общей экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

РАТНИКОВА Маргарита Анатольевна

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

РОМАНОВА Галина Максимовна

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя комитета Городского Собрания Сочи по вопросам образования, науки, социальной политики, охраны здоровья; руководитель программы магистратуры «Туризм и индустрия гостеприимства» МГИМО МИД РФ, д.э.н., профессор (г. Сочи, Россия)

САДОВНИЧАЯ Анна Викторовна

Член Президиума ВЭО России, заместитель генерального директора АО «Экспоцентр», к.э.н. (г. Москва, Россия)

САВИНА Ольга Алексеевна

Руководитель пресс-службы ВЭО России (г. Москва, Россия)

СМАГИНА Валентина Викторовна

Член Президиума ВЭО России, руководитель Тамбовского регионального отделения ВЭО России, проректор-главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, член Ревизионной комиссии Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор (г. Тамбов, Россия)

ТКАЧЕНКО Елена Анатольевна

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

УСЕНКО Людмила Николаевна

Член Президиума ВЭО России, член Ревизионной комиссии Международного Союза экономистов, руководитель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

EDITOR-IN-CHIEF OF THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Sergey D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL COUNCIL OF THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Abel G. AGANBEGYAN

Head of the Department of Economic Theory and Policy of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Rumen M. GUEORGUIEV

Professor at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Associate Member of the International Union of Economists, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

Sergey YU. GLAZIEV

Vice President of the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, member of the Board (Minister) for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (EEC), Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Mikhail YU. GOLOVNIN

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Mikhail K. GORSHKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Supervisor of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy (Moscow, Russia)

Ruslan S. GRINBERG

Active member of the Senate of the VEO of Russia, member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Aleksey A. GROMYKO

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences. (Moscow, Russia)

James K. GALBRAITH

Member of the VEO of Russia International Committee, Associate Member of the International Union of Economists, foreign member of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Relations, University of Texas at Austin (USA)

Vladimir V. GUTENEV

Chairman of the State Duma Committee on Industry and Trade, First Vice-President of the Union of Mechanical Engineers of Russia, Doctor of Technical Sciences (Moscow, Russia)

Alexander A. DYNKIN

Vice President of the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Sergey V. KALASHNIKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Chairman of the Presidium of the International Union of Public Associations "Russian Association for International Cooperation", Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Valery A. KRYUKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the All-Russian Economic Journal "ECO", Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

Boris N. KUZYK

Scientific Director of the Institute of Economic Strategies of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Valery V. KULESHOV

Scientific Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

Petr S. LEMESHCHENKO

Vice-President of the International Union of Economists, Deputy Chairman of the Commission for Technological Development of the Union State, Head of the Department of International Political Economy of the Belarusian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus).

Vladimir I. MAEVSKY

Head of the Center for Institutional Evolutionary Economics and Applied Problems of Reproduction of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Valery L. MAKAROV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Scientific Director of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor of Mathematical Economics, Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow, Russia)

Alexander V. MURYCHEV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Vice-President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Peter NOLAN

Member of the International Committee of the VEO of Russia, Associate Member of the International Union of Economists, Director of the Development Center of the University of Cambridge, Professor (United Kingdom)

Alexander V. PETRIKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Head of the Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics - branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas - All-Russian Research Institute of Agricultural Economics", Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Boris N. PORFIRIEV

Vice-President of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Head of the Economics Section of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Sergey N. RYABUKHIN

Vice President of the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets, Director of the Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies” of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Ziyad A. SAMEDZADE

President of the Union of Economists of Azerbaijan, Member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Associate Member of the International Union of Economists, Doctor of Economics, Professor (Baku, Azerbaijan Republic)

Yakov P. SILIN

Vice-President of the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Alexander A. SHIROV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Michael A. ESKINDAROV

Vice-President of the VEO of Russia, President, Scientific Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Yuri V. YAKUTIN

Vice-President of the VEO of Russia, Member of the Presidium at the International Union of Economists, Chairman of the Board of Directors, Scientific Director of JSC Publishing House “Economic Newspaper”, General Director of JSC Publishing House “Economics and Life”, Scientific Editor of the Russian Classical Library “Economics and Spirituality”, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Olga N. ANTIPINA

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Scientific Secretary of the Academic Council of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Igor E. BARSUKOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director of the Center for the National Technology Olympiad, National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia)

Anna V. BOBINA

Member of the Management Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Scientific Conferences and All-Russian Projects of the VEO of Russia, Candidate of Technical Science (Moscow, Russia)

Svetlana S. BODRUNOVA

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Graduate School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University, Doctor of Political Science (St. Petersburg, Russia)

Alexander V. BUZGALIN

Vice-President of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Center for Contemporary Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University, Visiting Professor of Cambridge, Beijing and Hainan Pedagogical Universities, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Aleksey O. VERENIKIN

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Mikhail I. VOEYKOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Sector of Political Economy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Roman S. GOLOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Andrey E. GORODETSKY

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the scientific direction “Institutes of Modern Economy and Innovative Development” of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Ruslan S. DZARASOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Leading Researcher of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Alexander A. ZOLOTAREV

Vice President of the VEO of Russia, President Head of the St. Petersburg regional public organization the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Executive Director of the Vitte Institute of New Industrial Development, Candidate of Economics Science (St. Petersburg, Russia)

Andrey I. KOLGANOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Head of Laboratory of comparative social and economic analysis at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; head scientist of Institute of Economy Russian Academy of Science, Doctor of Economic Sciences, Professor

Algirdas J. MANIUSHIS

Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Rector of Moscow International University, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Yakov M. MIRKIN

Head of the Department of International Capital Markets of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Vladimir A. PLOTNIKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Professor of the Department of General Economic Theory and World Economy of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

Margarita A. RATNIKOVA

Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia)

Galina M. ROMANOVA

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Chairman of the Committee of the City Assembly of Sochi on education, science, social policy, health protection; Head of the Master's program "Tourism and Hospitality Industry" MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Sochi, Russia)

Anna V. SADOVNICHAYA

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy General Director of Expocentre, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Olga A. SAVINA

Head of the press service of the VEO of Russia (Moscow, Russia)

Valentina V. SMAGINA

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Tambov Regional Branch of the VEO of Russia, Vice-Rector-Chief Scientific Secretary of the Derzhavin Tambov State University, Member of the Audit Commission of the International Union of Economists, Doctor of Economics, Professor (Tambov, Russia)

Elena A. TKACHENKO

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

Lyudmila N. USENKO

Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Audit Commission of the International Union of Economists, Head of the Rostov Regional Branch of the VEO of Russia, Scientific Supervisor, Head of the Department of Economic Activity Analysis and Forecasting at the Rostov State Economic University, Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics Sci., Professor (Rostov-on-Don, Russia)

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ В НАУЧНОМ ИЗДАНИИ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

1. Статья направляется в редакцию в электронном виде (файл в формате Microsoft Word с расширением *.doc, *.docx) на e-mail: science@veorus.ru:

- Объем полного текста научной статьи, в том числе таблицы и библиографический список, не должен превышать 30 000 знаков с пробелами (\approx 15 страниц установленного образца). Файл с текстом статьи должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).
- Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12 pt, межстрочный интервал – 1,5, отступ первой строки абзаца – 1,25.
- Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; боковые поля: левое поле – 3 см, правое поле – 2 см.
- Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 11 pt, межстрочный интервал – 1, без отступа.
- Автоматическая расстановка переносов не ставится. Выделения в тексте можно проводить только *курсивом* или **полужирным** начертанием букв. Подчеркивание не допускается. В тексте не должны присутствовать повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк.
- Рисунки (фотографии, скриншоты и т.п.) размещаются в тексте статьи, а также прикрепляются отдельными файлами в форматах .jpeg или .tiff с разрешением не меньше 150 dpi.
- Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией автора.

2. Для публикации статьи необходимо предоставить в электронном виде фотографию (-и) автора (-ов). Размер файла – не менее 2 МБ, формат – .jpeg или .tiff.

3. СТРУКТУРА СТАТЬИ

3.1. Название статьи и информация об авторах:

- Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.
- Название статьи в переводе на английский язык.
- Информация об авторе (-ах) на русском языке: Ф.И.О. полностью, должность, место работы автора, ученая степень.
- Информация об авторе (-ах) на английском языке: Ф.И.О., должность, место работы автора, ученая степень.

3.2. Аннотация (Abstract):

- Аннотация на русском языке (до 600 знаков с пробелами) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи).

- Аннотация на английском языке должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

3.3. Ключевые слова (Keywords):

- на русском языке (до 10 слов);
- на английском языке (до 10 слов).

3.4. Текст статьи:

- Полный текст (на русском языке) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста научной статьи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение, цель, материалы и методы, результаты, обсуждение, выводы/заключение.
- Таблицы и рисунки в тексте статьи должны иметь порядковый номер, название, на каждую таблицу и рисунок в тексте должна быть соответствующая ссылка.

3.5. Библиографический список (References):

- Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников (Библиографический список / References) оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать (**стандарт транслитерации – BSI**), источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru>.
- Пристатейный библиографический список нумеруются последовательно, в порядке первого упоминания в тексте (в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.100–2018**). Нумерация ссылок на источники в библиографическом списке должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В библиографическом списке все работы перечисляются в порядке цитирования. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).
- Рекомендуется ссылаться на статьи, опубликованные ранее в томах издания «Научные труды Вольного экономического общества России».

4. Контактная информация (Contact Information):

- Для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи контактные данные: название и полный почтовый адрес организации (-й), которую он (они) представляет (-ют), e-mail автора (-ов).

5. Автор предоставляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат». В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах Вольного экономического общества России» оформляется Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения установленного образца.

При направлении статьи необходимо приложить рекомендательное письмо от организации или научного руководителя (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки: <https://podpiska.pochta.ru/>.

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – **ПР999**.

По вопросам публикации статей следует обращаться в редакцию: +7 (495) 609-07-60, science@veorus.ru

Сайт научного издания: <http://www.veorus.ru/труды-вэо>

Научное издание
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
Том № 3 (241), 2023 г.

Учредитель: Общественная организация – Вольное экономическое общество России (125375, г. Москва, ул. Тверская, 22А).
Свидетельство о регистрации «Научных трудов Вольного экономического общества России» в Роскомнадзоре – ПИ №77-3786 от 20.06.2000.
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – ПР999

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России
Адрес издателя и редакции: 125375, г. Москва, ул. Тверская, 22А
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Главный редактор – С.Д. Бодрунов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор.
Над выпуском работали – А.В. Бобина, М.А. Лазарев

Подписано в печать 20 июля 2023 г.
Формат 20х26 см. Бумага офсетная
Выход в свет 31 августа 2023 г.
Тираж 1000 экз. Заказ № 318620
Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар»
г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20

Свободная цена

© Вольное экономическое общество России, 2023

ISBN 978-5-94160-230-8
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-230-8

Scientific Publication
SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
Volume № 3 (241), 2023 г.

Founder: Public organization - Free Economic Society of Russia
(125375, Moscow, Tverskaya St., 22A).
Registration number – ПИ №77-3786, 06/20/2000.
Subscription Code ПР999 in the official Catalog of Russian Post

Published by the Free Economic Society of Russia
22A, Tverskaya, 125375, Moscow, Russia
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Editor-in-Chief – S.D. Bodrunov, Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economics, Professor.
Publication Editors – Anna V. Bobina, Maxim A. Lazarev

Signed for printing on July 20, 2023.
Format 20 x 26 cm. Offset paper
Publication August 31, 2023
Run of 1,000 copies, Order No. 318620
Printed in the printing house
of «Viva-Star» LLC
Moscow, Elektrozavodskaya str., 20.

Free price

© The Free Economic Society of Russia, 2023

ISBN 978-5-94160-230-8
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-230-8

9 785941 602308